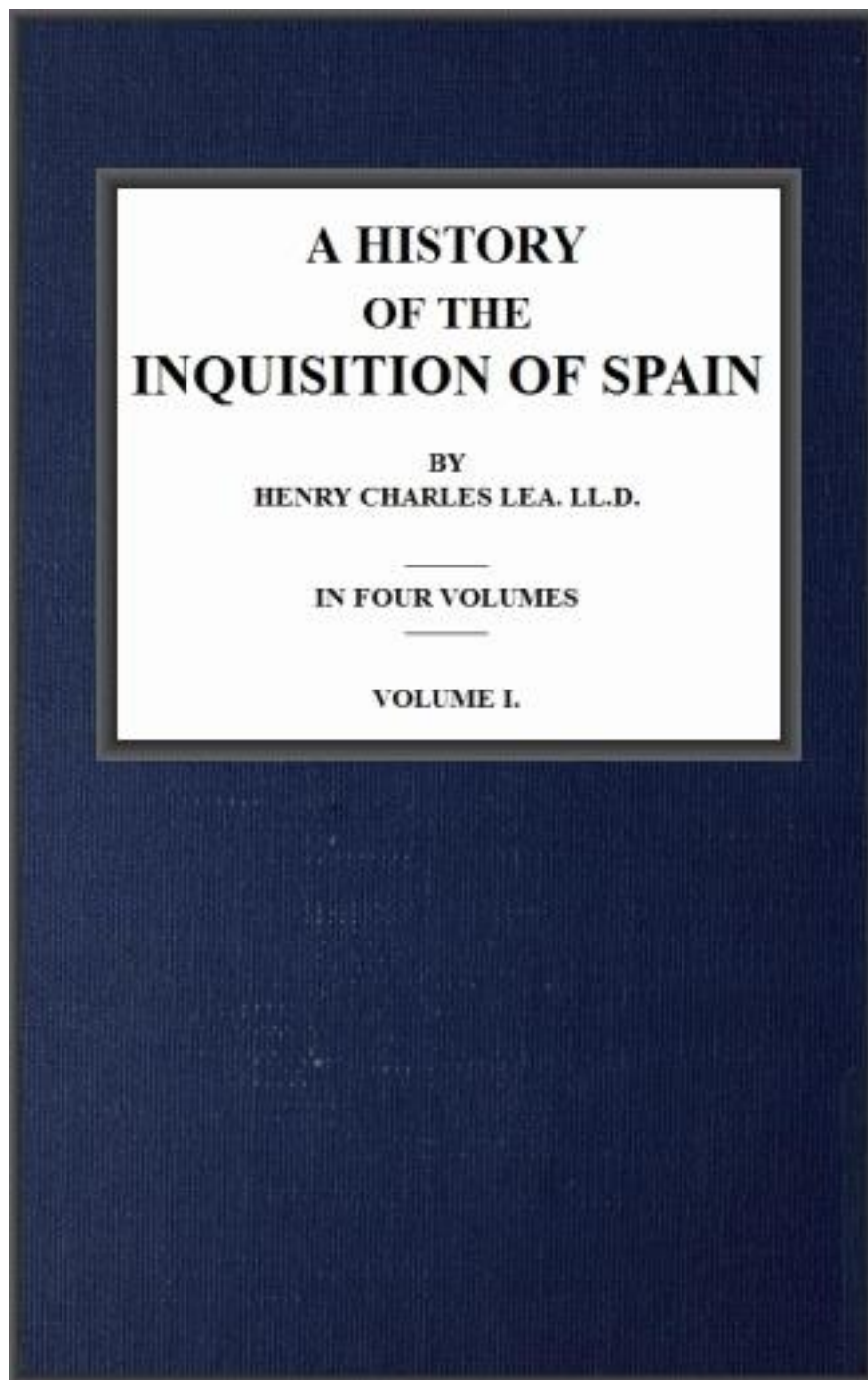

История инквизиции Испании; том 1

Генри Чарльз Ли

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории инквизиции Испании; том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История инквизиции Испании; том 1

Автор: Генри Чарльз Ли

Дата выхода: 24 июля 2013 г. [Электронная книга № 43296]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом, Библиотекой округа Бровард и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ"; Т. 1 ***

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ

РАБОТЫ ОДНОГО АВТОРА

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЯ УШНОЙ ИСПОВЕДИ И ИНДУЛЬГЕНЦИЙ В ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВИ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СВЯЩЕННИЧЕСКОГО БЕЗБРАЧИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ. Третье издание. (В стадии подготовки.)

ФОРМУЛЯР ПАПСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА. Один том, октаво. (Вышло из печати.)

СУЕВЕРИЕ И СИЛА. Очерки о пари закона, о пари битвы, об испытаниях, пытках. Четвертое издание, переработанное. В одном томе, 12 млн. экземпляров.

ИССЛЕДОВАНИЯ По ИСТОРИИ ЦЕРКВИ. Возвышение светской власти, преимущества духовенства, отлучение от церкви, ранняя Церковь и рабство. Второе издание. В одном томе 12 млн.

ГЛАВЫ ИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ, СВЯЗАННЫЕ С ИНКВИЗИЦИЕЙ. Цензура прессы, мистики и иллюминаты, Эндемониады, Эль-Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, Брианда де Бардакси.

МОРИСКИ ИСПАНИИ. ИХ ОБРАЩЕНИЕ И ИЗГНАНИЕ. В одном томе, 12 млн.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ

ГЕНРИ ЧАРЛЬЗ ЛИ, ДОКТОР юридических наук

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ I.

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ MACMILLAN
ЛОНДОН: MACMILLAN & CO., Ltd. 1922 г.
Все права защищены

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Авторское право, 1906 г.,
Компанией MACMILLAN.

-
Установлено и напечатано электротипом. Опубликовано в январе 1906 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На следующих страницах я попытался проследить, насколько это возможно, по первоисточникам, характер и карьеру учреждения, которое оказало немалое влияние на судьбу Испании и даже, можно сказать, косвенно на цивилизованный мир. Материал для этого сохранился в таком изобилии в огромных испанских архивах, что ни один писатель не может претендовать на исчерпание темы. В истории, основанной на такой огромной массе неотредактированных документов, не может быть завершенности, и я не льщу себя надеждой, что добился такого результата, но я не лишен надежды, что то, что я извлек из них и из трудов предыдущих ученых, позволило мне представить довольно точный обзор одной из самых замечательных организаций, зарегистрированных в анналах человечества.

В связи с этим представляется необходимым провести несколько детальный анализ его структуры и методов процедуры, его отношений с другими органами государства и его отношений с различными классами, подпадающими под его обширную юрисдикцию. Это потребовало накопления большого количества деталей, чтобы представить повседневную работу трибунала, подлинную важность которого следует искать не столько в ужасной торжественности аутодафе или в делах нескольких знаменитых жертв, сколько в молчаливом влиянии, оказываемом его непрерывной и тайной работой на массы народа, и в ограничениях, которые он накладывал на испанский интеллект, — в решительном консерватизме, с которым он удерживал нацию в средневековой колее и не позволял ей пользоваться рациональной свободой, когда девятнадцатый век принес неизбежную революцию.

Тесные отношения между Испанией и Португалией, особенно во время объединения королевств с 1580 по 1640 год, сделали необходимым включение в главу, посвященную евреям, краткого очерка португальской инквизиции, которая заслужила репутацию еще более зловещей, чем ее испанский прототип.

В заключение я не могу не выразить свою благодарность джентльменам, чья помощь позволила мне собрать документы, на которых в значительной степени основана эта работа, — дону Клаудио Пересу Гредилье из архивов Симанкаса, дону Рамону Санта-Марии из архивов Алькала-де-Энарес до их переезда в Мадрид, дону Франсиско де Бофарулли-и-Сансу из архивов короны Арагона, дону Х. Фигероа Эрнандесу, бывшему вице-консулу АМЕРИКИ в Мадриде, и многим другим, кому я в небольшой степени обязан. Я также должен выразить свою признательность руководству Бодлеанской библиотеки и Королевских библиотек Копенгагена, Мюнхена, Берлина и Университета Галле за оказанные услуги, которые мы искренне ценим.

Генри Чарльз Ли.

Филадельфия, октябрь 1905 года.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

КНИГА I—ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ.

Глава I—Кастильская монархия.

	Страница
Беспорядки при восшествии на престол Фердинанда и Изабеллы	1
Состояние Церкви	8
Ограничение привилегий духовенства и папских притязаний	11
Оспариваемое престолонаследие	18
Характер Фердинанда и Изабеллы	20
Обеспечение королевской юрисдикции	24
Санта—Эрмандад	28
Поглощение военных орденов	34

Глава II -Евреи и мавры.

Притеснение евреев преподается как долг	35
Рост духа преследования	37
Преследования при испанских католических висиготах	40
Терпимость при сарацинском завоевании—мозарабах	44
Муладыки	49
Евреи при сарацинах	50
Отсутствие расовой или религиозной ненависти	52
Мудехарес—мавры под христианским господством	57
Церковь стимулирует нетерпимость	68
Влияние Венского собора 1312 г.	71
Начало действия репрессивного законодательства	77
Глава III —Евреи и Conversos.	
Средневековые преследования евреев	81
Их богатство и влияние в Испании	84
Клерикальная враждебность вызвала	90
Народный антагонизм возбудился	95
Причины неприязни —ростовщичество, официальные функции, Показуха	96
Массовые убийства в Наварре	100
Влияние восшествия на престол Генриха Трастамарского	101
Массовые убийства 1391 года—Ферран Мартинес	103
Создание класса конверсос или Новых христиан	111
Плачевное положение евреев	115
В Ордене <i>Доньи Кателины</i>	116
Высказывания пап и Базельского совета	118
Успех Конверсос —евреи реабилитируются	120
Возобновление репрессий при Фердинанде и Изабелле	123
Конверсос становятся объектом народной ненависти	125
Считается, что изгнание евреев	131
Решение о высылке принято в 1492 году — его условия	135
Страдания изгнанников	139
Количество изгнанников	142
Мнение современников	143
Глава IV—Учреждение инквизиции.	
Сомнительное христианство Конверсос	145
Попытка инквизиции в 1451 г.	147
Попытка Алонсо де Эспины и его <i>Fortalicium Fidei</i>	148

Попытка епископальной инквизиции в 1465 г.	153
Сикст IV предоставляет инквизиторские полномочия своему легату	154
Попытка обратиться и проинструктировать	155
Фердинанд и Изабелла обращаются к Сиксту IV с просьбой о проведении инквизиции в 1478 г.	157
Им требуются полномочия на назначение и конфискации	158
Назначены первые инквизиторы, 17 сентября 1480 г.	160
В Севилье открылся трибунал—первое аутодафе, 6 февраля 1481 г.	161
Заговор с целью сопротивления предан	162
Эдикт милосердия	165
Учреждены другие трибуналы	166
Провал заговора в Толедо—количество кающихся	168
Трибунал в Гваделупе	171
Необходимость организации—Верховный совет—Генеральный инквизитор	172
Характер Торквемады-Его ссоры с инквизиторами	174
Четыре помощника генерального инквизитора	178
Отделение Арагона от Кастилии	180
Автономия инквизиции — Она устанавливает свои собственные Правила	181
Она командует Силами государства. Бегство подозреваемых	182
Эмиграция новых христиан запрещена	184
Отсутствие сопротивления инквизиции	185
Фердинанд стремится предотвратить злоупотребления	187
Карьера Лусеро в Кордове	189
Соучастие Хуана Ройса де Кальсена	193
Преследование архиепископа Эрнандо де Талаверы	197
Кордова обращается к Филиппу и Хуане	201
Восстание в Кордове	202
Генерал-инквизитор Деза вынужден уйти в отставку	205
Лусеро предан суду	206
Злоупотребления инквизиции в Хаэне, Арьоне и Льерене	211
Попытки реформ Хименеса	215
Апелляции к Карлу V — Его тщетный проект реформ	216
Завоевание Наварры—Введение инквизиции	223

Независимые институты Арагона	229
Фердинанд стремится реконструировать Старую инквизицию	230
Вмешивается Сикст IV	233
Власть Торквемады распространяется на Арагон	236
С согласия кортеса Тарасоны в 1484 году	238
Валенсия	
Народное сопротивление	239
Преодоленное сопротивление	242
Арагона	
Трибунал, организованный в Сарагосе	244
Оппозиция	245
Сопротивление в Теруэле	247
Убийство инквизитора Арбуэса	249
Краткое распоряжение папы об Экстрадиции	253
Наказание убийц	256
Разгром инквизиции	259
Каталония	
Его ревнивое отношение к своим Свободам	260
Сопротивление продолжалось до 1487 года	261
Скудные результаты	263
Притеснения и жалобы	264
Балеарские острова	
Инерция старой инквизиции	266
Введение Новой в 1488 г. — Ее деятельность	267
Беспорядки в 1518 г.	268
Жалобы Кортеса Монзонского в 1510 г.	269
Конкордия 1512 г.	270
Лев X освобождает Фердинанда от присяги	272
Инструкции генерального инквизитора Меркадера	273
Лев X подтверждает Конкордию 1512 г.	274
Карл V клянется соблюдать Конкордию	275
Спор о новых требованиях Арагона	276
Решено в пользу Арагона	282
Каталония добивается уступок	283
Тщетность всех соглашений-бесплодные жалобы на обиды	284

КНИГА II—ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ.

Глава I—Отношения с короной.

Сочетание духовной и светской юрисдикции	289
Контроль Фердинанда над инквизицией	289
За исключением духовных дел	294
Постепенное развитие независимости	298
Филипп IV восстанавливает контроль над назначениями	300
Это возвращается к генеральному инквизитору при Карлосе II	301
Корона сохраняет за собой право назначать генерального инквизитора	302
Она не может уволить его, но может добиться его отставки-Дела	304
Борьба Филиппа V с Джудиче-Дело Мельчора де Маканаса	314
Дела при Карлосе III и Карлосе IV	320
Отношения короны с Верховная власть	322
Верховная власть вмешивается между короной и Трибуналами	325
Она получает контроль над финансами	328
Его политика сокрытия	331
Филипп IV обращается к нему за помощью	333
Филипп V восстанавливает контроль	336
Денежные взыскания	337
Утверждение независимости	340
Временная юрисдикция над должностными лицами	343
Рост бюрократии ограничивает королевскую автократию	346
Восстановление королевской власти при Доме Бурбонов	348
Глава II—Превосходство.	
Всеобщее подчинение инквизиции	351
Ее орудия отлучения и подавления	355
Право на арест и заключение в тюрьму	357
Признание превосходства	357
Борьба епископов	358
Вопросы приоритета	362
Превосходство над местным законодательством	365
Капризная тирания	366
Неприкосновенность должностных лиц и слуг	367
Обеспечение уважения	371
Глава III—Привилегии и изъятия.	
Освобождение от налогообложения	375
Освобождение от таможенных сборов	384

Попытки Трибунала Валенсии импортировать пшеницу из Арагона	385
Привилегия трибунала Валенсии в общественном зернохранилище	388
Спекулятивное использование привилегий трибуналом Сарагосы	389
Принудительные методы получения припасов	392
Валенсия утверждает Привилегию получения соли	394
Освобождение от комплектования войск	395
Право на ношение оружия	401
Освобождение от военной службы	412
Право занимать светские должности	415
Право отказаться от должности	420
Право на убежище	421
Глава IV-Конфликтующие юрисдикции.	
Выгода духовенства	427
Фердинанд предоставляет инквизиции исключительную юрисдикцию над ее должностными лицами	429
Он ограничивает ее участием наемных должностных лиц в уголовных делах и в качестве ответчиков по гражданским искам	430
Неправомерное расширение юрисдикции инквизиторами	431
Ограничения в Конкордии 1512 г.	432
Слуги чиновников, участвовавших в <i>борьбе фуэро</i>	432
Борьба в Кастилии по вопросу о фамильярах	434
Урегулированная Конкордией 1553 г.	436
Конкордия распространилась на Наварру	438
Борьба в Валенсии—Конкордия 1554 г.	439
Конкордия проигнорирована—Суд 1564 года	441
Конкордия Валенсии 1568 года	442
Игнорирование ее Положений	445
Жалобы безнаказанных криминальных авторитетов	446
Арагон—его Судебная коллегия	450
Жалоб, вытекающих из Временной юрисдикции	452
Конкордия 1568 года	454
Жалобы на его нарушение —Суды 1626 г.	454
Случай с городом Уэска	456
года в 1646 году —Арагон ассимилирован с Кастилией	458

Ослабление власти инквизиции в Арагоне	461
Каталония—Несоблюдение Конкордий 1512 и 1520 годов	465
Беспорядки в Барселонском трибунале —Бесплодные жалобы	467
Каталония—Ненависть к Трибуналу—Каталония отвергает Конкордию 1568 г.	469
Кортес 1599 г.—Двуличие Филиппа III	471
Нарастающий раздор —Бесплодные усилия королей 1626 и 1632 годов—Конкордия Сапата	472
Восстание 1640 года—Изгнание инквизиторов—Создана Национальная инквизиция	476
Инквизиция восстановлена в 1652 году—Возобновление раздора	479
Война за престолонаследие—Свободы Каталонии отменены	483
Майорка—Конфликты с гражданскими властями	484
Состязания в Кастилии—Подчинение королевской власти	485
Освобождение приближенных от вызова в качестве свидетелей	491
Конфликты с Духовными судами	493
Дела на Майорке—Вмешательство Святого Престола	498
Конфликты с военными судами	504
Конфликты с военными орденами—Проект ордена <i>Санта-Мария-де-ла-Эспада-Бланка</i>	505
Выгоды временной юрисдикции инквизиции	508
Злоупотребления и пороки Системы	509
Бесплодные попытки реформировать ее в 1677 и 1696 годах	511
Репрессии при Доме Бурбонов	514
<i>Компетенции</i> по разрешению споров	517
Временная юрисдикция при восстановлении	520
Отказ от <i>компетенции</i> инквизицией	521
Проекты помощи	524
Глава V—Народная враждебность.	
Причины народной ненависти	527
Посещения Барселонского трибунала	528
Беспорядки в Логроньо	530
Преференции, заявленные на рынках	533
Торговля чиновников	534

Характер чиновников	536
Недовольство феодальной знати	537
Всеобщее отвращение, признанный факт	538
Приложение.	
Список трибуналов	541
Список генеральных инквизиторов	556
Испанской чеканки	560
Документов	567

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ.

КНИГА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

КАСТИЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ.

Трудно было преувеличить беспорядок, охвативший кастильские королевства, когда испанская монархия зародилась в союзе Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Многие причины способствовали продлению и усилению пороков феодальной системы и нейтрализации тех преимуществ, которыми она обладала. Борьба за отвоевание у сарацин, продолжавшаяся с перерывами в течение семисот лет и перемежавшаяся постоянными междоусобицами, породила расу свирепых и буйных дворян, столь же жаждущих напасть на соседа или своего государя, как мавры. Презрительная манера, с которой Сид изображается в самых ранних балладах по отношению к своему королю, показывает, какими были в двенадцатом веке чувства рыцарства Кастилии к своему сюзерену, и хронист того периода, кажется, скорее превозносит тот факт, что оно всегда бунтовало против королевской власти. [1] Феодальные узы были настолько хрупкими, что *рикохоум* или дворянин мог в любой момент отказаться от верности простым сообщением, отправленным королю через идальго. [2] Необходимость привлечения населения и организации завоеванных границ, которые впоследствии стали внутренними, привела к предоставлению поселенцам необдуманно либеральных привилегий, что ослабило власть короны, [3] без наращивания, как и во Франции, могущественное Третье сословие, призванное служить противовесом дворянам и в конечном итоге подорвать феодализм. В Испании делом кастильцев была война. Искусство мира с презрением относилось к евреям и покоренным мусульманам, известным как *мудехарес*, которым было позволено остаться на христианской земле и составить особый элемент населения. Не возникло процветающих центров трудолюбивых и независимых бюргеров, из которых короли могли бы сформировать организацию, которая оказала бы им эффективную

поддержку в борьбе со своими могущественными вассалами. Попытка, действительно, была предпринята; корты, чье сотрудничество требовалось для принятия законов, состояли из представителей семнадцати городов, [4] которые во время службы пользовались личной неприкосновенностью, но города так мало ценили эту привилегию, что при Генрихе IV жаловались на расходы на отправку депутатов. Корона, стремясь найти какие-то новые источники влияния, согласилась заплатить им и таким образом получила предлог для контроля над их избранием, и хотя это произошло слишком поздно, чтобы Генрих мог воспользоваться этим, это проложило путь к установлению абсолютного господства Фердинанда и Изабеллы, после чего восстание Коммунидадов оказалось бесплодным. Тем временем их влияние уменьшалось, их собрания посещали мало, и они стали немногим более чем инструментом, который в бесконечной борьбе, проклявшей страну, попеременно использовался любой фракцией по мере возможности. [5]

УНИЖЕНИЕ КОРОНЫ

Сама корона внесла большой вклад в собственное унижение. Когда в тринадцатом веке такой правитель, как Сан-Фернандо III, добился соблюдения законов и энергично расширил границы христианства, Кастилия дала обещание развития власти и культуры, которое с треском провалилось. В 1282 году восстание Санчо эль Браво против своего отца Альфонсо стало началом упадка. Чтобы купить преданность знати, он предоставил им все, о чем они просили, и, чтобы предотвратить недовольство, вызванное налогообложением, он пополнил свою казну, отчуждая земли короны. [6] Несмотря на способности регента Марии де Молины, последовательные несовершеннолетия ее сына и внука, Фернандо IV и Альфонсо XI, стимулировали нисходящий прогресс, хотя энергия последнего в зрелом возрасте в некоторой степени восстановила блеск короны, а его суровое правосудие восстановило порядок, так что, как нам сказали, собственность на улицах можно было оставлять без присмотра ночью. [7] Его сын, дон Педро, заслужил эпитет Жестокого своими безжалостными попытками привести к повиновению своих мятежных дворян, недовольство которых привело к узурпации власти его незаконнорожденным братом Генрихом Трастамарским. Трон, который последний завоевал братоубийством и с помощью иностранца, он мог удержать только за счет новых уступок своим магнатам, которые фатально ослабили королевскую власть. [8] Это наследие он оставил своему сыну Хуану I, который убедительно описал в кортах Вальядолида в 1385 году, как он носил траур в своем сердце из-за своего бессилия вершить правосудие и управлять так, как ему подобает, из-за порочных обычаев, которые он был не в состоянии исправить. [9] Здесь изображено состояние монархии в течение столетия, прошедшего между убийством Педро и восшествием на престол Изабеллы — тоскливый период бесконечных восстаний и гражданских беспорядков, в течение которого центральная власть неуклонно теряла способность обуздывать незаконные элементы, стремящиеся в конечном итоге к анархии. Король был немногим более чем марионеткой, которой соперничающие группировки стремились завладеть, чтобы прикрыть свои амбиции покровом законности, а те, кто не смог обезопасить его личность, относились к его власти с презрением или создали какого-то соперника в лице сына или брата в качестве предлога для восстания. Работа по Реконкисте, которая в течение шестисот лет была главным объектом национальной гордости, была фактически заброшена, за исключением некоторых спазматических предприятий, таких как захват Антекеры, и маленькому королевству Гранада, которое, по-видимому, находилось на грани исчезновения при Альфонсо XI, казалось, было суждено навсегда увековечить на испанской земле ненавистное присутствие полумесяца.

За долгим правлением слабого Хуана II, с 1406 по 1454 год, последовало правление еще более слабого Генриха IV, в народе известного как Эль Импотенте. В Сегуро-де-Тордесильяс в 1439 году недовольная знать фактически диктовала условия Хуану II. [10] При низложении Авилы в 1465 году они относились к Генриху IV с глубочайшим презрением. Его изображение, одетое в траур и украшенное королевскими знаками отличия, было водружено на трон, и были зачитаны четыре статьи обвинения. За первое он был признан недостойным королевского сана, когда Алонсо Каррильо, архиепископ Толедский, снял корону; за второе он был лишен права отправлять правосудие, когда Альваро де Суньига, граф Пласенсийский, отобрал меч; за третье он был лишен правления, когда Родриго Пиментель, граф Бенаvente, отбил скипетр; за четвертое он был приговорен к лишению трона, когда Диего Лопес де Суньига с непристойной насмешкой сбросил статую с трона. Едва ли это было чем-то большим, чем продолжение насмешек, когда они избрали его преемником его брата Альфонсо, одиннадцатилетнего ребенка. [11]

НАСИЛИЕ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Беззаконную независимость знати и свержение королевской власти можно оценить на одном примере. В Пласенсии два могущественных лорда, Гарси Альварес де Толедо, сеньор Оропеса, и Эрнан Родригес де Монрой, держали страну в смятении своими вооруженными разногласиями. Хуан II послал Айалу, сеньора Себольи, с королевским поручением подавить беспорядки. Монрой, вместо того чтобы подчиниться, оскорбил Айалу, который, как “буэн кабальеро”, побрезговал пожаловаться королю и предпочел отомстить за себя. Хуан, услышав об этом, призвал к себе Монроя, который собрал всех своих друзей и слуг и выступил с грозной армией. Айала произвел аналогичный набор и напал на него, когда тот проходил мимо Чеболлы. Произошла отчаянная битва, в которой Айала потерпел поражение и был вынужден укрыться в Себолле, в то время как Монрой перешел к Толедо и, когда он поцеловал руки королю, Хуан сказал ему, что посылал за ним, чтобы отрубить ему голову, но поскольку Айала предпочел исправиться, он пожелал Монрою Счастливого пути домой и умыл руки от всего этого дела. [12]

The *Рикосомы*, которые таким образом были освобождены от всех ограничений закона, столь же мало уважали тех, кто соблюдал честь и мораль. Добродетели, которые мы привыкли приписывать рыцарству, были представлены такими безумствами, как знаменитое *Пасо Хонросо* из Суэро-де-Киньонес, когда этот рыцарь и его девять товарищей в 1434 году в честь своих дам тридцать дней защищали от всех желающих проход по мосту Орбиго во время праздника Сантьяго, и шестьдесят девять претендентов выставили себя на ристалище. [13] За такими исключениями, как это, и редким проявлением великодушия, как когда герцог Медина Сидония собрал армию и поспешил на помощь своему врагу, Родриго Понсе де Леону, осажденному в Альхаме, [14] летопись того времени - одно из самых подлых предательств, в котором отсутствуют истина и честь, а человеческая природа проявляется в самом низменном аспекте. Согласно современным представлениям, короной Арагона Фердинанд был обязан отравлению своего брата, глубоко оплакиваемого Карлоса, принца Вианы, в то время как корона Кастилии перешла к Изабелле в результате аналогичного отстранения от власти ее брата Альфонсо. [15]

Характерный случай связан с доньей Марией де Монрой, которая вышла замуж за представителя знатного дома Энрикесов Севильских и осталась вдовой с двумя мальчиками. Когда юношам было соответственно восемнадцать и девятнадцать лет, они были близкими

друзьями двух севильских джентльменов по имени Мансано. Младший брат, игравший с ними в кости в их доме, был вовлечен в ссору с ними, когда они напали на него со своими слугами и убили его. Затем, опасаясь мести старшего брата, они послали ему дружеское послание с просьбой прийти и поиграть с ними; когда он пришел, они повели его по темному коридору, в котором внезапно набросились на него и закололи насмерть. Когда донья Марии принесли обезображенные трупы ее мальчиков, она не проронила ни слезинки, но ярость в ее глазах пугала всех, кто смотрел на нее. Мансано быстро сели на коней и бежали в Португалию, куда донья Мария последовала за ними в мужской одежде с отрядом из двадцати кавалеристов. Ее шпионы быстро вышли на след беглецов; в течение месяца после убийств она пришла ночью к дому, где они прятались; двери были взломаны, и она вошла с десятью своими людьми, в то время как остальные несли охрану снаружи. Мансано встали на защиту и закричали о помощи, но прежде чем соседи успели собраться, она схватила их головы в левую руку и ускакала галопом со своим отрядом, не останавливаясь, пока не добралась до Саламанки, где пошла в церковь и возложила окровавленные головы на могилу своих мальчиков. С тех пор она была известна как донья Мария ла Брава, и ее подвиг привел к долгой кровопролитной вражде между Монрой и Мансано. [16]

Донья Мария была всего лишь разновидностью несексуальных женщин, *мугерес варонилес*, распространенных в то время, которые выходили на поле боя или отстаивали свое место во фракционных интригах с такой же свирепостью и упорством, как и мужчины. Фердинанд вполне мог без удивления наблюдать за деятельностью при дворе и в лагере своей королевы Изабеллы, когда вспоминал доблесть своей матери, Хуаны Энрикес, которая обеспечила ему корону Арагона. Донья Леонора Пиментель, герцогиня Аревало, была одной из них; о графине Медельинской говорили, что ни один римский военачальник не мог превзойти ее в ратных подвигах, и графиня Харо была столь же известна. Графиня Медельинская, действительно, годами держала своего собственного сына в тюрьме, пока сама пользовалась доходами его города Медельин, и, когда королева Изабелла отказалась подтвердить свое владение этим местом, она присягнула королю Португалии, которому передала замок Мерида. В то же время мавританское влияние, которое было так сильно в Кастилии, иногда приводило к противоположной крайности. Герцог Наджера держал своих дочерей в таком абсолютном уединении, что ни одному мужчине, даже его сыновьям, не разрешалось входить в апартаменты, отведенные для женщин, и причина, по которой, как он утверждал, сердце не жаждет того, чего не видят глаза, была мало лестной для обоих полов. [17]

ВИРТУАЛЬНАЯ АНАРХИЯ

Состояние простых людей легко можно представить по этой вечной борьбе между воинственными, амбициозными и беспринципными дворянами, которые то объединяются во фракции, втягивающие в войну все королевство, то довольствуются нападениями на своих соседей. Земля была опустошена; у земледельца едва хватало духу посадить свои семена, ибо урожай обычно собирали мечом и загоняли в замки, чтобы обеспечить их на случай осады. Как говорит нам один писатель того периода, не существовало ни закона, ни справедливости, кроме оружия. [18] В письме, описывающем всеобщую анархию, написанном Эрнандо дель Пульгаром из Мадрида в 1473 году, он говорит, что более пяти лет не было никаких сообщений из Мурсии, где безраздельно правила семья Фахардо — это, по его словам, такая же чужая

земля, как Наварра. [19] То, что дороги были небезопасны для торговли или путешествий, было само собой разумеющимся; каждый мелкий идалго превратил свою крепость в логово разбойников, а то, что от них осталось, было сметено бандами Вольных товарищей. [20] Беспорядок царил безраздельный и всепроникающий. Корона была бессильна, а королевская казна истощена. Раздавались необдуманные пожалования земель, доходов и юрисдикций, чтобы подкупить вероломную верность неверных дворян или ублажить никчемных фаворитов, пока не осталось ничего, что можно было бы дать, а затем Генрих IV выдал лицензии частным монетным дворам, пока их не стало сто пятьдесят, наводняя страну низкопробными деньгами, к невыразимой путанице в чеканке монет и обнищанию народа. [21] Кортесы Мадрида в 1467 году и Оканьи в 1469 году призвали Генриха возобновить его расточительные субсидии, а кортесы Мадригала в 1476 году повторили настоятельную просьбу Фердинанда и Изабеллы, которые были вынуждены последовать его примеру. На это монархи ответили, поблагодарив суды и отложив это дело. Они не чувствовали себя достаточно сильными до 1480 года, когда в кортесах Толедо они вернули тридцать миллионов мараведи дохода, которые были отчуждены во время смуты, и это после расследования, которое оставило нетронутыми подарки верноподданным и изъяло только то, что было вымогано. [22] Уважение к короне упало так же низко, как и ее доходы. История, рассказанная о графе Бенаvente, показывает, как трудно было дворянам даже после восшествия на престол Изабеллы признать, что они обязаны повиноваться суверену. Он прогуливался с королевой, когда к нему подошла женщина, плачущая и умоляющая о правосудии, говоря, что он приказал убить ее мужа, несмотря на королевскую охранную грамоту. Она показала письмо, которое ее муж носил на груди, пронзенный ударом, оборвавшим его жизнь, когда граф насмешливо заметил: “Кираса принесла бы больше пользы”. Задетая этим, Изабелла спросила: “Граф, неужели вы не хотите, чтобы в Кастилии не было короля?” “Скорее, - сказал он, - я бы хотела, чтобы их было много”. “И почему?” “Потому что тогда я должен быть одним из них”. [23]

ХАРАКТЕР ПРЕЛАТОВ

В таком хаосе незаконных страстей не следует предполагать, что Церковь была лучше знати, заполнившей ее высокие посты никчемными отпрысками своих предков, или низших классов мирян, которые искали в ней средства к праздной жизни и распущенности. Примасом Кастилии был архиепископ Толедский, который также был по должности канцлером королевства и доходы которого по разным оценкам составляли от восьмидесяти до ста тысяч дукатов, а имевшееся в его распоряжении покровительство составляло еще сто тысяч. [24] Занимателем этого высокого положения при восшествии на престол Изабеллы был Алонсо Каррильо, беспокойный прелат, получавший удовольствие от войны, прежде всего от всех гражданских волнений того периода, который, не довольствуясь огромными доходами своего престола, тратил экстравагантные суммы на алхимию. Эрнандо дель Пульгар в письме с протестом сказал ему: “Люди смотрят на вас как на своего епископа и видят в вас своего врага; они стонут и жалуются, что вы используете свою власть не для их блага и реформирования, а для их разрушения; не как образец доброты и мира, а для коррупции, скандалов и беспорядков”. Говорят, что когда в 1495 году пуританин Хименес был назначен архиепископом, одним из первых его действий было удаление из-под алтаря францисканской церкви Толедо великолепной гробницы, которую Каррильо воздвиг своему незаконнорожденному сыну Троило Каррильо. [25]

Его преемник на престоле Толедо представляет для нас особый интерес ввиду его трудов по очищению веры, кульминацией которых стало учреждение инквизиции. Перо Гонсалес де Мендоса был одним из выдающихся людей того времени, чье влияние на Фердинанда и Изабеллу снискало ему прозвище “третьего короля”. Еще ребенком он занимал пост викария Хиты; в двенадцать лет у него было архидиакон Гвадалахары, один из богатейших бенефиций в Испании, который он сохранял в течение последовательных епископств Калахорры и Сигуэнсы и архиепископства Севильи; престол Сигуэнсы он сохранял в течение всего срока полномочий последовательно архиепископств Севильи и Толедо, в дополнение к которому он был кардиналом и титулярным патриархом Александрии. Вместе со своими родственниками из могущественного дома Мендоса он поддерживал Генриха IV, пока они не добились продажи несчастной Бельтранехи, находившейся в их руках, ее отцу Генриху за определенные поместья и титул герцога дель Инфантадо Диего Уртадо, главе семьи, после чего Перо Гонсалес и его родственники быстро перешли на сторону Изабеллы. Его восхищенный биограф уверяет нас, что он был более ловок руками, чем языком, что он был доблестным рыцарем и что за все его время в Испании не было ни одной войны, в которой он лично не принимал бы участия или, по крайней мере, не задействовал бы свои войска. Хотя у него не было свободного времени для выполнения своих духовных обязанностей, он находил время поддаваться искушениям плоти. Когда в 1484 году он возглавил армию вторжения в Гранаду, он взял с собой своего незаконнорожденного сына Родриго де Мендоса, двадцатилетнего юношу, который уже был сеньором дель Кастильо дель Сид и который в 1492 году был назначен маркизом Сенете по случаю своей женитьбы, среди большой радости, в присутствии Фердинанда и Изабеллы, на Леонор де ла Серда, дочери и наследнице герцога Медина Чели и племяннице самого Фердинанда. Это было не единственное свидетельство его слабости, которой он не стыдился, поскольку у него был еще один сын по имени Хуан от дамы из Вальядолида, которая была замужем за доньей Аной де Арагон, еще одной племянницей Фердинанда. [26]

СОСТОЯНИЕ ЦЕРКВИ

С такими людьми во главе Церкви не следует ожидать, что низшие слои духовенства должны быть образцами порядочности и морали, делающими христианство привлекательным для евреев и мусульман. Алонсо Каррильо, архиепископа Толедского, вряд ли можно считать сторонником строгой дисциплины, но даже он чувствовал себя обязанным, проводя собор в Аранде в 1473 году, попытаться подавить наиболее вопиющие скандалы духовенства. В качестве исправления их преобладающего невежества было приказано, чтобы в будущем не посвящался никто, кто не говорил бы на латыни — языке ритуала и основе всего обучения, теологического и иного. Им было запрещено носить шелк или одежду ярких расцветок. Поскольку их распущенность делала их презренными в глазах народа, им было приказано расстаться со своими наложницами в течение двух месяцев. Поскольку их пристрастие к игре в кости привело к лжесвидетельствам, скандалам и убийствам, от них впоследствии потребовали воздерживаться от этого, как в частном порядке, так и публично. Поскольку многие священники пренебрегали служением мессы, им было приказано делать это по крайней мере четыре раза в год; более того, епископам было настоятельно рекомендовано совершать богослужения по крайней мере трижды в год под страхом суровых наказаний, которые будут определены на следующем соборе. Нелепости, изливаемые в своих проповедях странствующими священниками и монахами, должны были пресекаться путем обязательного прохождения экзаменов перед выдачей лицензий на право проповедования, а скандалы, связанные с продавцами помилований, должны были быть уменьшены путем передачи их в ведение

епископов. Епископам также было настоятельно рекомендовано подавать суровые примеры правонарушителям из низших слоев духовенства, когда они будут доставлены к ним светскими судами, и не допускать, чтобы их чудовищные деяния пользовались постоянным иммунитетом. Более того, епископам было приказано не взимать никакой платы за рукоположение; их увещевали, как и всех других священнослужителей, не вести распутной военной жизни и не поступать на службу к светским лордам, за исключением короля и принцев крови. Поскольку дуэли были запрещены, как миряне, так и духовенство были предупреждены, что в случае гибели в таких столкновениях им будет отказано в христианском погребении. [27] О том, что эта попытка реформы была, как и следовало ожидать, совершенно безуспешной, свидетельствует описание пороков церковного тела, когда Фердинанд и Изабелла впоследствии пытались исправить его более вопиющие скандалы. [28] Оно было полностью секуляризовано и отличалось от мирян только священными функциями, которые делали его пороки еще более отвратительными, иммунитетами, которые поощряли эти пороки, и нетерпимостью, которая, будучи слепой ко всем отклонениям от морали, провозгласила костер единственным подходящим наказанием за отклонение от веры. Будучи бессильной реформировать саму себя, она все же обладала достаточным влиянием, чтобы воспитывать людей в соответствии со своими стандартами ортодоксальности в условиях безжалостного преследования всех, кого ей заблагорассудилось назвать врагами Христа.

Однако в Испании иммунитеты и привилегии Церкви были меньше, чем где-либо еще в христианском мире. Независимость, которую светская власть Кастилии всегда проявляла по отношению к Святому Престолу, и ее пренебрежение каноническим правом - это моменты, которые время от времени будут проявляться в дальнейшем и достойны минутного рассмотрения здесь. В другом месте я показал, что Кастилия, единственная среди латинских народов, упорно отказывалась признавать средневековую инквизицию и полностью игнорировала предписания Церкви относительно ереси. [29] В двенадцатом веке народные чувства по отношению к папству были выражены в "Балладах о Сиде". Когда говорят, что требование о выплате дани императору Генриху IV передано через папу римского, Руй Диас советует королю Фернандо послать вызов от них обоим папе римскому и всей его партии, что монарх соответственно и делает. Поэтому, когда Сид сопровождает своего хозяина на великий собор в Риме и опрокидывает стул, приготовленный для короля Франции, папа отлучает его от церкви, после чего он становится на колени перед святым отцом и просит отпущения грехов, говоря ему, что для него будет хуже, если он не предоставит его, что папа незамедлительно и делает при условии, что он будет более сдержанным в течение оставшегося времени своего пребывания. [30] Здесь нет и следа почитания наместника Бога, которое в других местах насаждалось как неотъемлемый религиозный долг.

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ПАПСТВОМ

При таком настроении населения легко понять, что запрет вывозить деньги из королевства папе римскому был даже более решительным, чем в Англии. [31] Требование контролировать покровительство Церкви, которое было столь плодотворным источником доходов курии, встретило по всей Испании такое же сильное сопротивление, как и в Англии, хотя беспокойное состояние страны помешало его успеху. В Каталонии корты в 1419 году приняли закон, в котором, после упоминания скандалов и непоправимых травм, вызванных вторжением чужаков, было объявлено, что никто, кроме местных жителей, не должен иметь никаких привилегий и что всем папским письмам и буллам, противоречащим этому, следует противодействовать любым

необходимым способом. [32] В Кастилии корты 1390 года насильно представили Хуану I зло, возникшее в результате навязывания Испанской церкви чужаков, но его быстрая смерть предотвратила действия. Протест был возобновлен в адрес наставников юного Генриха III, которые незамедлительно наложили эмбарго на доходы иностранных бенефициаров и запретили принимать последующих назначенцев. Это привело к компромиссу в 1393 году, посредством которого авиньонская курия добилась признания существующих должностных лиц, пообещав, что больше не будут выдвигаться подобные кандидатуры. [33] Обещание, данное авиньонским антипапой, не было обязательным для римской курии, и ссора продолжалась. Даже если получатель был местным жителем, при случае с папскими бенефициями не церемонились, как это было показано в деле, которое впервые выявило негибкий характер будущего кардинала Хименеса. Во время своего юношеского пребывания в Риме Хименес раздобыл папские “рекомендательные письма”, предоставляющие ему первую должность, которая должна была стать вакантной в епархии Толедо. По возвращении он воспользовался этими письмами, чтобы завладеть *архипрестазго* Учеды, но случилось так, что архиепископ Каррильо одновременно передал его одному из своих приближенных, и, поскольку Хименес отказался от своих прав, его бросили в башню в Учедо — башню, которую он впоследствии, будучи архиепископом Толедо, использовал в качестве сокровищницы. Поскольку он продолжал упрямиться, Каррильо перевел его в Посо-де-Санторкас, суровую темницу, используемую для клерикальных злоумышленников, где он пролежал шесть лет, решительно отказываясь от своих притязаний, пока не был освобожден по заступничеству жены племянника Каррильо. [34] Очевидно, кастильские прелаты испытывали слабое уважение к папским дипломатическим документам. Примерно в то же время, во время гражданской войны между Генрихом IV и его братом Альфонсо, когда Эрнандо де Луксан, епископ Сигуэнсы, умер, настоятель Диего Лопес получил во владение замки и сокровища престола, присоединился к партии Альфонсо и с помощью архиепископа Каррильо добился избрания себя епископом. Тем временем Павел II передал престол Хуану де Маэлле, кардиналу-епископу Саморы, но Диего Лопес отказался подчиниться буллам и обратился к будущему собору с апелляцией против папы и всех его нареканий. Он проигнорировал объявленный против него интердикт и был поддержан всем его духовенством. Маэлла умерла, и Павел II передал епископство епископу Калахорры, попросив Генриха IV передать его во владение. Диего Лопес чувствовал себя в такой безопасности, что отверг компромисс, предлагавший ему в обмен престол Саморы, но владение Сигуэнсой оказалось важным в войне; путем подкупа отряд солдат-роялистов получил доступ в замок и увез Лопеса в качестве пленника. [35]

То же самое было даже с таким благочестивым монархом, как Фердинанд Католик. Когда в 1476 году архиепископский престол Сарагосы освободился из-за смерти Хуана Арагонского, Фердинанд вместе со своим отцом Хуаном II попросили Сикста IV назначить его внебрачного сына Альфонсо, шестилетнего ребенка. Притязания папства на архиепископские назначения, основанные на необходимости паллиума, имели древнее происхождение и стали неоспоримыми. В XIII веке Альфонсо X признал это в случае с архиепископами, но когда Изабелла назначила Хименеса на престол Толедо в 1495 году, разбирательство показало, что этот пост считался даром короны, а папское подтверждение было само собой разумеющимся. [36] Таким образом, в данном случае запрос был простой формой, как было видно, когда Сикстус отказался. Врожденный дефект можно было бы исправить, но молодость Альфонсо была непреодолимым препятствием, и Сикст назначил Ансия Дезпуха, в то время архиепископа Монреаля, полагая, что услуги, оказанные им и его дядей, магистром ордена Монте-Санта-Кроче, побудят

короля согласиться. Дезпух согласился, но Фердинанд немедленно наложил арест на все доходы Монреаля и приората Санта-Кристина и приказал ему уйти в отставку. В ответ на его колебания Фердинанд пригрозил конфисковать все замки и доходы от владения Монтезой, что возымело действие, и Сикст пошел на компромисс, сделав мальчика бессменным администратором Сарагосы. [37]

ОГРАНИЧЕННАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Изабелла, несмотря на свое благочестие, была так же тверда, как и ее муж, в защите притязаний короны в этих вопросах против папства. Когда в 1482 году престол Куэнки стал вакантным и Сикст IV назначил на эту должность двоюродного брата-генуэзца, Фердинанд и его королева энергично заявляли, что только испанцы должны иметь испанские епископства и что выбор должен производиться ими самими. Сикст возразил, что все бенефиции принадлежат папе и что его власть, полученная от Бога, безгранична, после чего они приказали вернуться домой всем своим подданным, проживающим при папском дворе, и пригрозили предпринять шаги для созыва генерального совета. Эти энергичные действия привели Сикста к соглашению, и он отправил в Испанию специального нунция, но Фердинанд и Изабелла сохранили достоинство и отказались даже принять его. Затем вмешался кардинал Испании Перо Гонсалес де Мендоса, и, когда Сикст отозвал свои притязания, они позволили себе помириться. [38] Они утверждали, что какими бы ни были права папы в других странах, в Испании покровительство всем бенефициям принадлежало короне, потому что они и их предшественники отвоевали землю у неверных. [39] Действительно, они так ревниво относились к папским посягательствам, что среди вопросов, которые они представили национальному синоду, собранному ими в Севилье в июне 1478 года, был вопрос о том, как предотвратить пребывание папских легатов и нунциев, которые не только унесли много денег из королевства, но и угрожали королевскому превосходству, на что синод ответил, что это полагался на государей, чтобы они поступали так же, как поступали их предшественники. [40] Таким образом, легко понять, почему при организации инквизиции они настаивали на том, чтобы все назначения производились тронем.

Другими словами, в Испании пренебрегали столь ценным превосходством канона над светским правом. Кортесы и монарх никогда не колебались в принятии законов по церковным делам, и юрисдикция церковных судов была ограничена ревностью, которая не уделяла должного внимания канонам и декретам. Ничто, например, не было урегулировано лучше, чем духовное рассмотрение всех вопросов, касающихся завещаний, однако, когда в 1270 году власти Бадахоса пожаловались на вмешательство епископского суда в дела светских судей в таких делах, вплоть до отлучения от церкви тех, кто осуществлял над ними юрисдикцию, Альфонсо Хвыразил удивление и дал четкие указания, что такие дела должны решаться исключительно мирскими судами. [41] Иммунитет духовенства от светского права, в защиту которого Томас Бекет отдал свою жизнь, настолько не уважался, что еще в 1351 году в *орденамиенто* Педро Жестокого признается, что они не должны предстать перед светскими судьями, кроме как в соответствии с законом. [42] С другой стороны, миряне ревностно защищались от церковных судов. Корона была объявлена единственным судьей своей собственной юрисдикции, и никакая апелляция с ее стороны не допускалась. При осуществлении этой высшей власти неоднократно принимались законы, предусматривающие, что мирянин, который должен сослаться на другого мирянина перед духовным судьей, не только проигрывал свое дело, но и подвергался крупному штрафу и лишался возможности занимать государственные должности. Духовный судья не мог заключить мирянина в тюрьму или

наложить казнь на его имущество, и тот, кто пытался совершить это или любое другое вторжение в королевскую юрисдикцию, лишался своих привилегий и становился чужаком в королевстве, что делало его неспособным к получению привилегий. Священнослужитель, процитировавший мирянина перед духовным судьей, терял все привилегии или милости, которыми он мог бы обладать от короны. Мирянин, пытавшийся перенести дело из мирского суда в духовный, наказывался конфискацией всего своего имущества, в то время как любой вассал, претендовавший на пользу духовенства и отказывавшийся от юрисдикции королевского суда, лишался своего феода. Повторно вводя в действие эти законы в кортах Толедо в 1480 году, Фердинанд и Изабелла пожаловались на их несоблюдение и приказали строго соблюдать их. [43] Ни одна другая нация в христианском мире не осмеливалась таким образом посягать на священные пределы духовной юрисдикции.

ЦЕРКОВНЫЙ ИММУНИТЕТ

Но даже это было еще не все, поскольку светская власть заявила о своем праве вмешиваться в дела внутри самой Церкви. В других местах с неискоренимым пороком наложничества священников разбирались епископы и архидиаконы. Сами виновные священники, даже в Кастилии, были освобождены от гражданской власти, но Фердинанд и Изабелла без колебаний вторгались в их жилища и повторными эдиктами в 1480, 1491, 1502 и 1503 годах пытались излечить зло, штрафуя, бичевая и изгоняя своих соучастников в грехе. [44] Это правда, как мы видели выше, что эти законы обходили стороной, но, по крайней мере, предпринимались энергичные попытки обеспечить их соблюдение, поскольку в 1490 году духовенство Гипускоа пожаловалось, что судебные приставы посетили их дома, чтобы проверить, держат ли они наложниц (что, конечно, они отрицали), и увезли их женщин в тюрьму, где их заставили признать себя наложницами, к великому бесчестию Церкви, после чего монархи пресекли чрезмерное рвение своих чиновников и приказали им в будущем вмешиваться только тогда, когда о наложничестве станет известно. [45] Еще более значительное расширение королевской власти было осуществлено, когда в 1490 году жители Лекейтио (Бискайя) пожаловались, что, хотя в приходской церкви было двенадцать священников, все они служили мессу вместе и в неопределенное время, так что благочестивые не могли присутствовать. Это был вопрос, относящийся исключительно к епархиальным властям, однако апелляция была подана к короне, и Королевский совет без колебаний приказал священникам совершать богослужения последовательно и в разумные часы под страхом изгнания и лишения временных прав, таким образом игнорируя даже неотъемлемые привилегии священства. [46] Уважение к этим иммунитетам действительно было настолько слабым, что Совет Аранды в 1473 году пожаловался на то, что магистраты городов и другие светские лорды осмеливались изгонять священнослужителей, проводящих бенефиции в кафедральных церквях, и вполне можно усомниться в том, был ли интердикт, которым совет пригрозил наказать за это нарушение канонов, эффективным в его пресечении. [47]

Одним из самых прискорбных злоупотреблений, от которых Церковь поражала общество, был прием в второстепенные ордена толп мирян, которые, не отказываясь от мирских занятий, принимали постриг, чтобы наслаждаться безответственностью, обеспечиваемой приобретенными притязаниями на духовную юрисдикцию, будь то в качестве преступников или торговцев. Корты Тордесильяса в 1401 году заявили, что большая часть *руфианов* и злоумышленников королевства носили тонзуру; когда светские чиновники арестовывали их, духовные суды требовали от них и подкрепляли их требования отлучением от церкви, после чего

они свободно отпускали злодеев. Эта жалоба повторялась почти в каждом последующем суде, со случайными намеками на стимул, который таким образом стимулировал порочные наклонности тех, кто действительно был священнослужителями. Короли, отвечая на эти представления, могли только сказать, что они обратятся к Святому Отцу за помощью, но помощи так и не последовало. [48] Дух, с которым эти заявления о церковном иммунитете выдвигались в качестве прикрытия для преступников, и решительная твердость, с которой они были встречены Фердинандом и Изабеллой, иллюстрируются случаем в 1486 году в Трухильо, где человек совершил преступление и был арестован коррехидором. Он утверждал, что носит тонзуру, и, поскольку чиновники медлили с передачей его церковному суду, некоторые священнослужители, которые были его родственниками, прошли по улицам с крестом и провозгласили, что религия уничтожается. Таким образом, им удалось вызвать беспорядки, в ходе которых преступник был освобожден. Монархи находились в Галисии, но они немедленно отправили войска на место беспорядков; участники беспорядков были подвергнуты суровому наказанию, а спровоцировавшие их священнослужители были лишены гражданства и изгнаны из Испании. [49] Менее серьезными, но все же крайне неприятными были преимущества, которыми обладали эти миряне, принявшие постриг, в гражданских исках, заявляя о привилегии церковной юрисдикции. Выполнение этого было в значительной степени целью законов в *Орденансас Реалес*, описанных выше, и они были дополнены в 1519 году эдиктом Карла V, запрещающим должностным лицам епископата рассматривать дела, когда такие так называемые священнослужители, занимающиеся торговлей, обращались в духовные суды в качестве защиты от гражданских исков. Аналогичное злоупотребление, при котором такие священнослужители, занимающие государственные должности, уклонялись от ответственности за проступки, ссылаясь на свое духовенство, он исправил, возродив старый закон Хуана I, объявляющий их лишенными права занимать должности. [50] Таким образом, королевская власть в Испании утвердила свою власть над Церковью способом, неизвестным нигде. Мы увидим, что до тех пор, пока она отказывалась преследовать мавров и евреев, Рим не мог принудить ее к этому. Когда его политика изменилась при Изабелле, было неизбежно, что механизм преследований окажется под контролем не Церкви, а суверена. Мы также увидим, что, когда инквизиция наносила аналогичные повреждения иммунитетам, которые требовались для ее собственных должностных лиц и приближенных, монархи обычно оставались глухи к жалобам народа.

ОСПАРИВАЕМОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО

Таково было положение Кастилии, когда смерть несчастного Генриха IV 12 декабря 1474 года возложила королевскую ответственность на его сестру Изабеллу и ее мужа, Фердинанда Арагонского. Власть короны была утрачена; страна была опустошена бесконечной войной между дворянами, которые были практически независимы; чувство лояльности и патриотизма, казалось, угасло: обман и вероломство, ложные клятвы — все, что могло служить алчности и честолюбию, — было повсеместным; справедливость покупалась и продавалась; частная месть осуществлялась без ограничений; не было никакой безопасности для жизни и имущества. Структура общества, казалось, вот-вот превратится в руины. [51] Установить порядок в этом хаосе страстей и беззакония было задачей до предела проверить нервы и способности самых решительных и проницательных. В довершение неразберихи возник спор о престолонаследии, хотя в 1468 году клятва верности была принесена Изабелле с согласия Генриха IV в Контракте

Пералеса, по которому он во второй раз признал свою предполагаемую дочь Хуану не своей. В народе его считали импотентом, и когда его жена Хуана, сестра Афонсу V португальского, родила ему дочь, которую он признал и объявил своей наследницей, ее отцовство было злонамеренно приписано Бельтрану де ла Куэва, и противоположная сторона знала ее как Ла Бельтранеху. Хотя дворяне вынудили Генриха отказаться от ее притязаний в пользу его брата Альфонсо в Кабесонской декларации в 1464 году, а после смерти Альфонсо - в пользу Изабеллы в 1468 году, брак последней в 1469 году с Фердинандом Арагонским настолько разозлил его, что он обручил Хуану с Карлом, герцогом Гиенским, братом французского короля Людовика XI, и заставил дворян своей фракции поклясться признать ее. После своей смерти он снова засвидетельствовал ее законность и объявил ее своей преемницей в завещании, которое долго оставалось скрытым и, наконец, в 1504 году перешло под контроль Фердинанда, который приказал сжечь его. [52] Была влиятельная партия, пообещавшая поддержать ее права, и им помогали, с одной стороны, Афонсу Португальский, а с другой - Людовик Французский, каждый из которых стремился извлечь выгоду из расчленения несчастной земли. Потребовалось несколько лет войны, более жестокой и кровопролитной, чем даже предшествовавшая бесцельная борьба, чтобы покончить с этим грозным противостоянием, — годы, которые до предела испытали способности молодых монархов и доказали их подданным, что, наконец, у них появились правители, наделенные королевскими качествами. Решающая победа при Торо, одержанная Фердинандом над португальцами 1 марта 1476 года, практически предопределила результат, хотя окончательный договор был подписан только в 1479 году. Бельтранехе был предоставлен выбор: выйти замуж в течение шести месяцев за принца Хуана, сына Фердинанда и Изабеллы, которому тогда было всего два года, или вступить в орден Санта-Клары в португальском доме. Она выбрала последнее, но никогда не переставала подписываться "*Yo la Reina*", и ее претензии были частым источником беспокойства. Она вела разнообразную жизнь, иногда к ней относились как к королеве в окружении двора, а иногда как к монахине в своем монастыре, и, наконец, она умерла в 1531 году в возрасте семидесяти лет. [53]

Изабелла была королевой не только номинально, но и на самом деле. При феодальной системе муж наследницы был настолько полным хозяином поместья, что при капитуляции Сервера 7 января 1469 года, которая предшествовала браку, кастильцы тщательно охраняли автономию своего королевства, и Фердинанд поклялся соблюдать условия. [54] Тем не менее, после смерти Генриха IV он вообразил, что может пренебречь договором, утверждая, что корона Кастилии перешла к ближайшему потомку мужского пола и что через своего деда, Фердинанда Антекерского, брата Генриха III, он был законным наследником. Положение было, однако, слишком сомнительным и сложным, чтобы он мог настаивать на этом; короткая борьба убедила его непревзойденное благоразумие в том, что разумнее уступить, а женственный такт Изабеллы способствовал покорности. Было решено, что их два имени должны быть указаны на всех бумагах, их головы - на всех монетах, и что должна быть единая печать с гербами Кастилии и Арагона. После этого они действовали согласованно, что редко нарушалось. Сильная индивидуальность, характерная для обоих, способствовала гармонии, поскольку ни один из них не позволял придворным приобретать чрезмерное влияние. Как говорит Пулгар, "Фаворит короля - это королева, фаворит королевы - это король". [55]

ХАРАКТЕР ФЕРДИНАНДА

Фердинанд, не будучи по-настоящему великим человеком, несомненно, был величайшим монархом эпохи, не изобиловавшей величием, и единственным современником, которого он не затмил полностью, был Генрих VII Английский. Постоянный в невзгодах, не испытывающий чрезмерного восторга при процветании, в его характере было стойкое равновесие, которое с лихвой компенсировало любой недостаток блеска. Дальновидный и осторожный, он не предпринимал решительных шагов, которые не были бы хорошо подготовлены заранее, но, когда приходило время, он мог нанести быстрый и сильный удар. Не будучи жестоким от природы, он не получал удовольствия от человеческих страданий, но был безжалостен, когда этого требовала его политика. Лицемерие и лживость - слишком неизменные составляющие управления государством, чтобы мы могли сурово порицать его за хитрость, в которой он превзошел своих соперников, или за лживость, в которой он был искусен. Холодный и сдержанный, он предпочитал внушать страх, а не вызывать симпатию, но ему хорошо служили, и его понимание характера дало ему самые полезные качества правителя, способность выбирать свои инструменты и добиваться от них лучшей работы, на которую они были способны, в то время как благодарность за прошлые услуги никогда не налагала на него никаких неудобных обязательств. В народе его обвиняли в скупости, но пустая казна, оставшаяся после его смерти, показала, что стяжательство для него было всего лишь средством достижения цели. [56] Его религиозные убеждения были искренними, и, более того, он мудро осознавал неоценимую помощь, которую религия могла оказать государственной мудрости в то время, когда латинское христианство доминировало, не имея соперника. Особенно это было во время десятилетней войны с Гранадой, одно только его поведение в которой сделало бы его лидером среди людей. Отчаянное неповиновение Абу-л-Хакана, когда в 1478 году он надменно отказался возобновить выплату дани, которая веками была наложена на Гранаду, и когда в 1481 году он нарушил существующее перемирие, застав врасплох Захару, было удачным событием, которое Фердинанд максимально улучшил. Непокорных кастильских дворян удалось призвать к порядку, но они были раздражены непривычной сдержанностью. Давая их воинственным инстинктам законное применение в святом деле, он обеспечивал внутренний мир; лично руководя своими армиями, он завоевывал уважение своих кастильских подданных, которые ненавидели его как арагонца, и приучал их к послушанию. Совершая завоевания ради короны Кастилии, он натурализовался и больше не был иностранцем. Прошло более ста лет с тех пор, как король Кастилии привел свое рыцарство к победе над неверными, и национальная гордость и религиозный энтузиазм были задействованы для завоевания им личной власти, необходимой для монарха, которая была утрачена с тех пор, как убийство Педро Жестокого утвердило на троне линию бастардов. Именно такими средствами, а не инквизицией, он положил начало движению, которое превратило феодальную Испанию в абсолютную монархию. Дело его жизни проявилось в успехе, с которым, несмотря ни на что, он вывел Испанию из ее безвестности в Европе в число передовых христианских держав.

Однако среди многочисленных актов жестокости и двуличия, которые бросают тень на память о Фердинанде как государственном деятеле, изучение его переписки с чиновниками инквизиции, особенно с теми, кто занимался отвратительным делом конфискации имущества несчастных жертв, выявило для меня неожиданно благоприятную сторону его характера. Призывая их к усердию и скрупулезности, он неизменно дает указания решать все дела прямо и справедливо и не давать никому повода для жалоб. Настаивая на подчинении народа и светских должностных лиц Святой канцелярии, мы не раз видим, как он вмешивается, чтобы пресечь произвол и исправить злоупотребления, и, когда до его сведения доводятся случаи особых

трудностей, возникающих в результате конфискации, он часто дарует вдовам и сиротам часть конфискованного имущества. Все это будет более подробно рассказано позже, и здесь будет достаточно одного примера, чтобы проиллюстрировать его доброе расположение к своим подданным. В письме от 20 октября 1502 года он сообщает, что Доминго Муньос из Калатайны обратился к нему за помощью, заявив, что его небольшое имущество было обременено ежегодной *цензурой* или арендной платой за землю в размере двух сол восьми динеро - частью более крупной суммы, конфискованной в поместье Хуана де Буэндиа, осужденного за ересь, — и он приказывает Хуану Ройсу, своему распорядителю конфискации в Сарагосе, отменить арендную плату за землю и позволить Муньосу беспрепятственно распоряжаться своим имуществом, объясняя это тем, что последний стар и беден. [57] То, что такое обращение должно быть предпринято, свидетельствует о репутации Фердинанда среди его подданных, и сама тривиальность вопроса делает его тем более впечатляющим, что монарх, чья неустанная личная деятельность была посвящена крупнейшим делам того бурного мира, должен отвернуться от сложного вероломства европейской политики, чтобы рассмотреть и исполнить столь смиренную молитву.

ИЗАБЕЛЛА

В своей успешной карьере монарха он пользовался поддержкой своей королевы. Не заслуживая преувеличенных похвал, которые идеализировали ее, Изабелла была женщиной, в точности приспособленной к своему окружению. Как мы видели, *мугер варонил* был нередким явлением того периода в Испании, и юность Изабеллы, прошедшая в разгар гражданской войны, когда ее судьба не раз висела на волоске, укрепила и ожесточила мужской элемент в ее характере. Уверенная в себе и обладавшая как моральным, так и физическим мужеством, она была быстрой и решительной, с легкостью несла ответственность, которая сокрушила бы более слабую натуру, и превосходно подходила для того, чтобы справляться со свирепыми и буйными дворянами, которые не уважали ни ее положение, ни ее пол и могли быть приведены к повиновению только волей, превосходящей их собственную. У нее были недостатки ее качеств. Она не смогла бы стать королевой, которой была, не пожертвовав женской мягкостью, и она заслужила репутацию суровой и неумолимой. [58] Она не могла быть милосердной, когда ее задачей было привести к порядку дику суматоху и беззаконие, которые так долго бесконтрольно царили в Кастилии, но при этом она не проливала бессмысленную кровь и знала, как прощать, когда политика диктовала милосердие. Как она завоевала любовь тех, кому доверяла, легко понять из женственной грации ее писем к своему духовнику Эрнандо из Талаверы. [59] Менее похвальным атрибутом ее пола была ее любовь к личным украшениям, которой она не отказывала себе, несмотря на хронически пустую казну и людей, перегруженных налогами. Мы слышим, что она преувеличивает свое самоотречение, дважды принимая французского посла в одном и том же платье, в то время как атташе английского посланника говорит, что он никогда не видел ее дважды в одном и том же наряде и что один туалет с его драгоценностями и аксессуарами, должно быть, стоил не менее 200 000 крон. [60] Более того, она была непоколебимо привержена королевскому достоинству. Однажды, когда Фердинанд играл в карты с какими-то вельможами, адмирал Кастилии, сестра которого была матерью Фердинанда, несколько раз назвал его “племянником”; Изабелла раздевалась во внутренней комнате и услышала это; она поспешно запахнулась, просунула голову в дверь и упрекнула его — “Подожди! у моего господина короля нет родни или друзей, у него есть слуги и вассалы. [61] Она была глубоко и искренне религиозна, почти безгранично доверяя своим духовным наставникам, которых она выбирала не из числа придворных казуистов, чтобы успокоить свою

совесть, а из числа самых жестких и нестгибаемых церковников в пределах ее досягаемости, и этому отчасти можно приписать фанатизм, который заставил ее сеять такой хаос среди своего народа. Она скрупулезно соблюдала все церковные обряды; в дополнение к частым молитвам она ежедневно соблюдала положенные часы, как священник, и ее биограф сообщает нам, что, несмотря на неотложные государственные заботы, она, казалось, вела скорее созерцательную, чем активную жизнь. [62] От природы она была справедливой и прямолинейной, хотя в извилистой политике того времени она без колебаний стала соучастницей частого двуличия и предательства Фердинанда. При всей загруженности своей богатой событиями жизни она находила время для развития культуры, презираемой окружавшим ее воинственным рыцарством, и проявляла глубокий интерес к академии, которую по ее просьбе открыл для молодых дворян ее двора ученый итальянец Питер Мученик из Ангеры. [63]

КОРОЛЕВСКАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

Изабелла понимала, что самым надежным способом обуздать беспорядки, охватившие ее королевство, было энергичное применение закона, и, как только благоприятный аспект войны за престолонаследие дал время заняться менее насущными делами, она серьезно взялась за дело. За победой Торо немедленно последовали Корты Мадригала 27 апреля 1476 года, на которых были проведены далеко идущие реформы, среди которых заметное место занимали отправление правосудия и защита королевских прерогатив. [64] Вскоре она дала своему народу практическую иллюстрацию своей непреклонной решимости провести в жизнь эти реформы. В 1477 году она посетила Севилью со своим двором и сама публично председательствовала на суде над злоумышленниками. Обильно и быстро поступали жалобы на убийства и грабежи, совершенные в недобрые старые времена; преступники были без промедления отправлены на тот свет, и большой страх охватил все население, поскольку едва ли нашлась семья или даже отдельный человек, которые не были бы скомпрометированы. Толпы бежали, и Севилья была практически обезлюдена, когда по мольбам огромной толпы, возглавляемой Энрике де Гусманом, герцогом Медина-Сидонии, она провозгласила амнистию, обусловленную возвратом собственности, сделав, однако, существенное исключение из ереси. [65]

ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

Из Севильи она отправилась в сопровождении Фердинанда в Кордову. Там они казнили злоумышленников, принудили вернуть собственность, завладели замками разбойников идалго и оставили страну умиротворенной. Когда предоставлялась возможность, в последующие напряженные годы Изабелла посещала другие части своих владений, от Валенсии до Бискайи и Галисии, с тем же поручением, и, когда она не могла явиться лично, она рассылала судей с полной властью представлять корону, влияние которой еще более расширилось, когда в 1480 году королевские чиновники, известные как коррехидоры, были назначены во всех городах. [66] Зарегистрирован один примечательный случай, который произвел благотворное впечатление на всю знать. В 1480 году вдова писца обратилась к ней с жалобой на Альвара Яньеса, богатого кабальеро из Луго в Галисии, который, чтобы завладеть желанным имуществом, заставил писца подделать документ, а затем убил его, чтобы обеспечить секретность. Вероятно, именно это побудило Фердинанда и Изабеллу послать в Галисию Фернандо де Акунья в качестве губернатора с вооруженными силами и Гарси Лопеса де Шиншилья в качестве коррехидора. Яньес был арестован, в конце концов сознался и предложил выкупить помилование за 40 000 дукатов, которые будут потрачены на мавританские

войны. Советники Изабеллы советовали принять заманчивую сумму за столь святое дело, но ее непреклонное чувство справедливости отвергло это; она приказала казнить преступника, но, чтобы доказать свою бескорыстность, отказалась от своих притязаний на его конфискованные поместья и передала их его детям. Альвар Яньес был всего лишь разновидностью незаконных дворян Галисии, которые на протяжении столетия привыкли убивать и грабить, не отчитываясь ни перед кем. Состояние страны казалось настолько отчаянным, что, когда в 1480 году городские депутаты собрались, чтобы принять Акуню и шиншиллу, они сказали им, что им понадобятся полномочия как от Царя Небесного, так и от царя земного, чтобы наказать злодеев на этой земле. [67] Пример Яньеса ободрил, но работа по наведению порядка шла медленно. Даже в 1482 году представители городов Галисии обратились к суверенам, заявив, что там долгое время не было ни закона, ни справедливости, и умоляя назначить *мэра юстиции*, вооруженного всеми полномочиями для наведения порядка на земле. Они особенно требовали разрушения многочисленных замков тех, кто, имея мало земли и мало вассалов, которые могли бы их содержать, жил грабежом, и к ним они причислили укрепленные церкви, принадлежавшие прелатам. В то же время они утверждали, что человекоубийство было настолько повсеместным, что, если бы все убийцы были наказаны, большая часть страны была бы разорена, и они предлагали просто заставить виновных участвовать за их собственный счет в войне с Гранадой. [68] Однако при поддержке благонамеренных королевская власть постепенно дала о себе знать; они оказали эффективную поддержку королевским представителям; сорок шесть разбойничьих замков были разрушены, и полторы тысячи грабителей и убийц бежали из провинции, которая стала сравнительно мирной и упорядоченной - перемена подтвердилась, когда в 1486 году Фердинанд и Изабелла лично отправились туда, чтобы завершить работу. Тем не менее, защита законов для населения была обеспечена не просто судорожными усилиями. Постоянно следили за тем, чтобы судьи были строгими и беспристрастными. В 1485, 1488 и 1490 годах мы слышим о тщательных расследованиях действий всех коррегидоров королевства, чтобы убедиться, что они вершат правосудие без страха и благосклонности. *Жезлы Резиденции*, как их называли, вооруженные почти всей полнотой королевской власти, были разосланы во все части королевства, как обычная система, для расследования и представления отчетов о поведении всех королевских чиновников, начиная с губернаторов, обладающих полномочиями наказывать за несправедливость, угнетение или коррупцию, которые в более крупных случаях всегда могут быть обжалованы в королевском совете, и данные им подробные инструкции показывают, насколько тщательно они следят за всеми деталями управления. Кроме того, взяточничество, которое было почти повсеместным в судах, было в срочном порядке пресечено, и всем судьям было запрещено получать подарки от поклонников. [69] Для поддержания постоянной бдительности за ними была организована секретная служба из заслуживающих доверия инспекторов, которые переодетыми разъезжали по всей стране и предоставляли отчеты о своих действиях и репутации. [70] Кроме того, было уделено внимание запутанной судебной практике того периода. С момента утверждения *Siete Partidas* Альфонсо X в 1248 году и одновременного издания *Ордена Алькала* было опубликовано бесчисленное количество законов и эдиктов, некоторые из них противоречили друг другу, а многие устарели, хотя все еще оставались в силе юридически. Величайший юрист того времени Альфонсо Диас де Монтальво был нанят для того, чтобы собрать из них в кодекс все, что было применимо к существующим условиям, и в дальнейшем дополнить их недостатки, и этот кодекс, известный как *Ordenanzas Reales*, был принят и утвержден кортами Толедо в 1480 году. [71] Эта реконструкция кастильской юриспруденции была завершена к тому времени, когда в 1491 году Монтальво выпустил

издание *Siete Partidas*, отметив, какие положения устарели, и добавив то, что было необходимо из более современных законов. Результат всех этих напряженных трудов виден в восхищенном восклицании Петра Мученика в 1492 году: “Таким образом, мы обрели мир и согласие, доселе неизвестные в Испании. Правосудие, которое, кажется, покинуло другие земли, пронизывает эти королевства”. [72] Неоценимые преимущества, вытекающие из этого, вероятно, в большей степени связаны с Изабеллой.

Однако я пришел к убеждению, что ее роль в управлении королевством была преувеличена. Хроники того периода были по большей части кастильцами, которые, естественно, стремились принизить действия арагонского захватчика, и последующие авторы, в своем стремлении возвеличить репутацию Изабеллы, последовали этому примеру. В обширной королевской переписке с чиновниками инквизиции имя Изабеллы редко появляется. Тем, кто живет в Кастилии, как и в Арагоне, Фердинанд в основном пишет в первом лице единственного числа, даже не используя *majestatis* во множественном числе; получатель конфискаций - *mi receptor*, королевская казна - *mi camera e fisco*; Совет инквизиции - *mi consejo*. Несмотря на соглашение 1474 года, подпись *Yo la Reina* редко появляется рядом с *Yo el Rey*, и еще реже встречаются намеки Фердинанда на *Королеву Спокойствия, мою жену кару и мою амаду мугер*, в то время как в случайных письмах, отправляемых Изабеллой во время отсутствия ее мужа, она старается ссылаться на его авторитет как на авторитет *короля сеньора*. [73] Вряд ли это превосходство Фердинанда ограничивалось управлением делами Святой канцелярии.

В последнее время наметилась тенденция рассматривать инквизицию как политический механизм превращения Испании из средневековой феодальной монархии в современную абсолютного типа, но это ошибка. Перемены, произведенные Фердинандом и Изабеллой и подтвержденные их внуком Карлом V, были почти полностью осуществлены, как это было двумя столетиями ранее во Франции, расширением и усилением королевской юрисдикции, заменившей юрисдикцию феодалов. [74] В Кастилии последнее фактически перестало быть инструментом добра в течение длительного периода потрясений, предшествовавшего восшествию на престол Изабеллы; очевидно, что-то требовалось, чтобы заполнить этот пробел; ревностное и эффективное отправление правосудия, которое я описал, не только восстановило порядок в обществе, но и далеко продвинулось в возвышении королевской власти, и, хотя это унижало дворян, это было примирил народ с возможными узурпациями, которые были столь благотворны. В консолидации и поддержании этого ни одно агентство не было столь эффективным, как учреждение, известное как *Санта-Эрмандад*.

LA SANTA HERMANDAD

Эрмандады — братства или ассоциации по поддержанию общественного мира и прав частной жизни — не были чем-то новым. Во время смуты 1282 года, вызванной восстанием Санчо IV против своего отца, первой идеей его сторонников, по-видимому, было создание подобных организаций. [75] Однако в этих ассоциациях полицейские функции были подчинены политической цели поддержки притязаний Санчо IV, и, осознав их опасность, он распустил их, как только почувствовал, что трон обеспечен ему. После его смерти его вдова, регент Донья Мария де Молина, организовала их заново для защиты своего ребенка Фернандо IV, и снова в 1315 году, когда она во второй раз стала регентом при несовершеннолетнем внуке Альфонсо XI. [76]

Эта идея оказалась плодотворной и быстро получила признание в качестве мощного инструмента в борьбе с местными беспорядками и насилием. Возможно, самой ранней эрмандадой чисто полицейского характера, подобной более поздним, была та, что была заключена в 1302 году между Толедо, Талаверой и Вильяреалом для пресечения грабежей и убийств, совершенных *гольфистами* в районе Ксара. Фернандо IV не только подтвердил ассоциацию, но и приказал жителям оказывать ей должное содействие, и последующие королевские грамоты того же содержания были изданы в 1303, 1309, 1312 и 1315 годах. [77] В 1386 году Хуан I издал общий закон, предусматривающий организацию и функции эрмандад, но если таковые и были сформированы в соответствии с ним в то время, они не оставили следов своей деятельности. В 1418 году этот закон был принят в качестве конституции одной организации, организовавшейся в Сантьяго, но это мало чего дало, и в 1421 году гильдии и братства города объединились в другую для взаимной поддержки. [78] Фактически в то время, по крайней мере номинально, существовал генеральный эрмандад, вероятно, организованный в соответствии со статутом Хуана I и обладающий письменными хартиями, привилегиями, таможами и доходами, обладающий полной юрисдикцией судить и осуждать правонарушителей. Однако это вызывало мало уважения, поскольку в 1418 году оно пожаловалось Хуану II на вмешательство в его доходы и работу, в ответ на что Хуан решительно запретил всем королевским и местным судьям и чиновникам каким-либо образом препятствовать Эрмандадам. Преемственность, по крайней мере номинальная, этого с последующими организациями, подтверждается подтверждением этого высказывания Хуаном II в 1423 году, Фердинандом и Изабеллой в 1485 году, Хуаной ла Лока в 1512 и 1518 годах, Филиппом II в 1561 году, Филиппом III в 1601 году и Филиппом IV в 1621 году. [79] Однако в условиях растущего беспорядка того времени было невозможно поддерживать работоспособность организма. В 1443 году была предпринята попытка восстановить его, но как только он попытался подавить незаконных дворян и осадил Педро Лопеса де Айалу в Сальватьерре, его силы были разбиты вдребезги и рассеяны Педро Фернандесом де Веласко. [80] Примерно двадцать лет спустя, в 1465 году, когда беспорядки при Генрихе IV достигли кульминации, была предпринята еще одна попытка. Страждущие люди организовались и обложили себя налогами, чтобы набрать отряд в 1800 всадников для обеспечения безопасности дорог, и они попытались довести это число до 3000 человек. Это было народное движение против знати, и король приветствовал его как дело Божье, которое поднимало смиренных против великих. Он уполномочил их вершить правосудие, не обращаясь ни к кому, кроме как к самому себе, он сказал им, что они заслужили имя *Санта-Эрмандад*, и искренне призвал их продолжать благое дело. Какое-то время эта попытка имела значительный успех, но вскоре она захлебнулась и была распущена из-за отсутствия средств, необходимых для ее продолжения. [81] Опять же, в 1473 году была предпринята еще одна попытка сформировать Эрмандаду, но анархические силы были слишком доминирующими для ее успешной организации. [82]

LA SANTA HERMANDAD

Как только победа при Торо в марте 1476 года дала надежду на стабильное правление, Альфонсо де Кинтанилья, мэру Контадора, или главному аудитуру Фердинанда и Изабеллы, пришла в голову идея возродить Эрмандады. С их одобрения он обратился с этим вопросом к видным гражданам главных городов Леона и Старой Кастилии; депутаты были отправлены на встречу в Дуэньяс, и проект был обсужден. Возникло так много препятствий, что от этого пришлось бы отказаться, если бы не красноречивый аргумент Кинтанильи. Его план был принят, но депутаты так опасались, что налоги, необходимые для его содержания, могут стать

постоянными, что ограничили срок его действия тремя годами. Под влиянием государей она быстро оформилась и была организована во главе с герцогом Вильяэrmосой, побочным братом Фердинанда. [83] Не теряя времени, распространили ее на все королевства, несмотря на сопротивление со стороны тех, кто с вполне обоснованными опасениями рассматривал не только ее эффективность как средства принуждения злоумышленников, но и как опасное усиление королевской власти. Севилья, например, воспротивилась и уступила только по безапелляционному приказу Изабеллы в июне 1477 года. [84] Одной из причин, по которой Фердинанд в 1507 году согласился с деморализующим соглашением, согласно которому архиепископ Компостеллы отказался от своего престола в пользу своего внебрачного сына, было то, что он принимал королевских судей и Эрмандад по всей своей провинции вопреки воле знати. [85] Когда в 1479 году Алонсо Каррильо и маркиз Вильена предприняли последнюю попытку склонить короля Португалии к новому вторжению в Кастилию, одним из выдвинутых аргументов была ненависть к Фердинанду и Изабелле из-за налогов, взимаемых для содержания трех тысяч всадников Эрмандада. [86] В некоторых провинциях сопротивление было упорным. В 1479 году мы находим, что Изабелла писала властям Бискайи, выражая удивление пренебрежением королевскими приказами и угрожая снисходительным наказанием за дальнейшую задержку, несмотря на то, что требовались повторные приказы, и только в 1488 году упрямые бискайцы подчинились, в то время как вскоре после этого из Гипускоа поступили жалобы на то, что местные суды нейтрализовали это, приняв апелляции на его приговоры. [87] В том же году Фердинанд получил от кортов Сарагосы согласие на введение Эрмандада в своем королевстве Арагон, но арагонцы, всегда ревниво относившиеся к королевской власти, возмутились этим, поскольку в декабре 1493 года Изабелла в письме из Сарагосы выражает опасение, что корты могут подавить его, хотя это единственное средство обеспечения правосудия там, и в кортах Монсона в 1510 году Фердинанд был вынужден одобрить *фуэро* отменяет его и запрещает в будущем устанавливать что-либо подобное. [88] В 1490 году независимое королевство Наварра приняло систему и сотрудничало со своими соседями, позволяя следить за злоумышленниками через границу и экстрадировать их, когда их ловят - таким образом отслеживаются и сдаются даже скрывающиеся должники. [89] За учреждением, основанным таким образом, следили с обычной заботой Изабеллы. В 1483 году возникли жалобы на взяточничество и вымогательство, когда она созвала в Пинто съезд представителей всех провинций, на котором виновные были наказаны и злоупотребления исправлены. [90]

Таким образом, Санта-Эрмандад сформировал конную военную полицию, которая охватывала все королевство, под руководством герцога Вильяэrmосы, который назначал капитанов и вызывал силы в любую точку, где возникала угроза неприятностей. Каждый населенный пункт избирал двух алькальдов, одного дворянина, а другого налогоплательщика или простолюдина, и взимал налог для покрытия расходов организации. Алькальды выбирали *квадрильеро*, или рядовых, и организовывали суды, которые вершили правосудие в упрощенном порядке над правонарушителями, не связанными никакими формальностями и не обязанными выслушивать судебные иски. Их решение было окончательным, за исключением обращения к трону; их юрисдикция распространялась на все преступления, связанные с насилием и воровством, и они могли наносить удары, увечья или смерть, стреляя из лука. Квадрильеро, преследующий преступника, должен был следовать за ним на протяжении пяти лье, поднимая на ходу шум и клич, и к нему присоединялись жители страны, через которую он проезжал, которые продолжали охоту до тех пор, пока беглеца не ловили или не загоняли за границу. [91]

Какими бы великими ни были заслуги Эрмандада в подавлении буйства знати и обеспечении безопасности дорог, его стоимость вызывала недовольство у общин, которые его оплачивали. Это было отнюдь не мало; в 1485 году оно было исчислено в 32 000 000 мараведи, а впоследствии значительно увеличилось; оно покрывалось налогом в размере 18 000 мараведи с каждой сотни очагов, и деньги поступали не в руки общин, а в пользу короны. [92] Номинально организация находилась в их руках, но фактически она контролировалась суверенами, и когда в 1498 году Фердинанд и Изабелла, демонстрируя щедрость, освободили налогоплательщиков и взяли на себя расходы из королевских доходов, хотя они и оставили выборы алькальдов и квадрильеро в руках местного населения, все же результат был неизбежен в том, чтобы еще теснее подчинить его короне. [93] Институт стал постоянным, и его современное развитие можно увидеть в *гражданской гвардии*. Ни одна из реформ Фердинанда и Изабеллы не была столь эффективной в восстановлении порядка, и ни одна не сделала больше для централизации власти. Это была не только рудиментарная постоянная армия, которую можно было быстро сконцентрировать для подавления беспорядков, но она распространяла королевскую юрисдикцию на каждый уголок страны и повсюду делала королевскую власть верховной. Это был практически союз между короной и народом против центробежных сил феодализма, без которого даже политика Фердинанда и железная твердость Хименеса, возможно, не смогли бы победить в последней борьбе. Когда муниципальная независимость также погибла в результате поражения Коммунидадов, единственной властью, оставшейся в Испании, был трон, который, таким образом, стал абсолютным и всепроникающим. Новый абсолютизм был воплощен в скромном заявлении кортесов Вальядолида Карлу V в 1523 году о том, что законы и обычаи подчиняются королю, который может устанавливать и отменять их по своему усмотрению, поскольку он является живым законом. [94] Насколько масштабной была революция и как быстро она была совершена, видно по контрасту между временем, когда граф Бенаvente насмехался над королевской охранной грамотой, а народ Галисии едва осмеливался принимать королевского уполномоченного, и примерно шестьюдесятью годами позже, когда в непокорных баскских провинциях жители Сан-Себастьяна в 1536 году обратились к императору Карлу V с просьбой избавить их от местных неприятностей, и были изданы королевские письма, строго запрещающие мясникам этого города возводить новые прилавки или свежевать скот на улицах и ограничивающие последнюю операцию местами, должным образом оборудованными. назначенный для этой цели. [95] Таким образом, корона стала абсолютной, и на ее вмешательство можно было ссылаться в мельчайших деталях местного управления. Тот, кто без толку читает историю, воображает, что это была работа инквизиции.

Еще одной немаловажной мерой в установлении королевского превосходства было фактическое включение в состав короны мастеров трех великих военных орденов Сантьяго, Калатравы и Алькантары. При Генрихе IV магистр Сантьяго был способен держать все королевство в смятении, а богатство и власть других, хотя и не столь велики, были достаточны, чтобы сделать их вождей равными высшей знати. От Иннокентия VIII в 1489 году Фердинанд добился краткого предоставления ему пожизненного управления всеми тремя; и в своем завещании Изабелла завещала ему ежегодный доход в размере десяти миллионов мараведи из их доходов. [96] По мере приближения смерти Фердинанда Ордена пытались освободиться от подчинения, утверждая, что ими могут управлять только их собственные члены, но благоразумная осторожность вовремя обеспечила от Льва X передачу власти Карлу V, который после смерти Льва поспешил получить от Адриана VI буллу, которая навечно присоединяла их к короне. [97]

Было невозможно, чтобы такой дальновидный и политичный король, как Фердинанд, и такая набожная королева, как Изабелла, приводя к порядку хаос, который они обнаружили в Кастилии, пренебрегали интересами веры, на которой, согласно средневековым верованиям, был основан весь общественный порядок. На самом деле существовали животрепещущие религиозные вопросы, которые чувствительному набожному человеку могли показаться даже более насущными, чем защита жизни и собственности. Чтобы понять всю сложность ситуации, потребуется несколько расширенный ретроспективный взгляд на отношения между несколькими расами, населяющими полуостров.

ГЛАВА II.

ЕВРЕИ И мавры.

Влияние, под которым может измениться человеческий характер, к добру или ко злу, в изобилии проиллюстрировано превращением испанцев из самой терпимой нации в самую нетерпимую в Европе. Апологеты могут попытаться приписать ненависть, испытываемую к евреям, маврам и еретикам в Испании пятнадцатого и последующих веков, врожденной особенностям расы — *делу Испании*, которое должно быть принято как факт и не требует объяснений, [98] но у таких фактов есть свое объяснение, и это дело толкователя истории, чтобы проследить их причины.

Превратности, пережитые еврейской расой с того периода, когда христианство стало господствующим, вполне могут быть предметом гордости для еврея и стыда для христианина. В анналах человечества нет более блестящего примера стойкости в невзгодах, непобедимой силы в течение столетий безнадежного угнетения, неистощимой гибкости в восстановлении после очевидного разрушения и добросовестной приверженности вере, единственным уделом которой в этой жизни были презрение и страдания. Длинная история человеческой порочности также не является более убийственной иллюстрацией того, с какой легкостью порочные страсти человека могут оправдываться предлогом долга, чем то, как Церковь, предполагая представлять Того, Кто умер ради искупления человечества, намеренно сеяла семена нетерпимости и преследований и усердно выращивала урожай в течение почти полутора тысяч лет. Напрасно Иисус на кресте сказал: “Отче, прости им, ибо они не ведают, что творят”; напрасно записано, что святой Петр в оправдание Распятия призывал: “И теперь, братья, я знаю, что по невежеству вы сделали это, как и ваши правители”; Церковь учила, что, за исключением убийства, никакое наказание, никакие страдания, никакое поношение не были слишком суровыми для потомков тех, кто отказался признать Мессию и обращался с ним как с мятежником против человеческой и божественной власти. Согласно каноническому праву, еврей был существом, которое почти не имело права на существование и могло наслаждаться им только в условиях фактического рабства. Совсем недавно, в 1581 году, Григорий XIII заявил, что вина человечества в отвержении и распятии Христа только усугубляется с последующими поколениями, влекущими за собой вечное рабство для его представителей, и это авторитетное утверждение было воплощено в приложении к *Corpus Juris*. [99] Когда Парамо примерно в тот же период пытался оправдать изгнание евреев из Испании в 1492 году, ему не составило труда сослаться на каноны, чтобы доказать, что Фердинанд и Изабелла могли справедливо конфисковать все их имущество и

продать их тела в рабство. [100] Человек достаточно готов угнетать и разорять своих собратьев, и, когда его религиозные наставники учат, что справедливость и гуманность - это грех против Бога, разграбление и угнетение становятся самой легкой обязанностью. Не будет преувеличением сказать, что за бесконечные обиды, совершенные против евреев в Средние века, и за предрассудки, которые до сих пор распространены во многих кругах, в основном, если не полностью, несет ответственность Церковь. Это правда, что иногда она повышала голос в мягком протесте, когда происходила какая-нибудь резня, более жестокая, чем обычно, но эти массовые убийства были прямым результатом ненависти и презрения, которые она так рьяно насаждала, и она никогда не предпринимала мер наказания, чтобы предотвратить их повторение. Алонсо де Эспина просто повторяет общепринятую в настоящее время ортодоксальную этику данного предмета, когда он говорит нам, что притеснять еврея - это истинная доброта и благочестие, ибо, когда он обнаружит, что его нечестие приносит страдания, он будет приведен к страху Божьему и что тот, кто заставляет другого поступать правильно, больше в глазах Бога, чем тот, кто поступает правильно сам. [101]

РАЗВИТИЕ НЕТЕРПИМОСТИ

Ввиду отвращения Испании к евреям и сарацинам в течение последних пяти или шести столетий заслуживает внимания тот факт, что испанские нации средневекового периода были последними, кто поддался этому побуждению Церкви. Объяснение этого частично кроется в отношениях между несколькими расами на полуострове, а частично в независимом отношении Испании к Святому Престолу и ее нежелании подчиняться диктату Церкви. Чтобы в полной мере оценить трансформацию, кульминацией которой стало учреждение инквизиции, и понять причины, приведшие к ней, потребуется краткий обзор позиции, занимаемой евреями и сарацинами по отношению к Церкви и государству.

ПРОГРЕССИРУЮЩАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

В первобытной Церкви, по-видимому, существовало чувство равенства, если не сердечности, между христианином и иудеем. Когда в апостольских канонах было сочтено необходимым запретить епископам, священникам и дьяконам, а также мирянам поститься или отмечать праздники с евреями, или вкушать их опресноки, или поливать маслом их синагоги, или зажигать их лампы, это доказывает, что добрые отношения между ними должны были быть ограничены только в той мере, в какой это могло привести к религиозному общению. [102] Это доброжелательное общение продолжалось, но по мере того, как Церковь становилась в основном нееврейской по составу, предубеждения, существующие против еврея в нееврейском мире, набирали силу, пока не стала проявляться тенденция относиться к нему как к изгою. В начале четвертого века собор в Эльвире, проводившийся под руководством бескомпромиссного Хосиуса Кордовского, запретил браки между христианами и евреями, потому что не могло быть общества, общего для верующих и неверных; ни один фермер не должен был получать благословение на сбор урожая от еврея, и никто не должен был даже есть с ним вместе. [103] Святой Августин был не столь жесток, поскольку, хотя он считал законным расторгать брак между христианином и неверным, он утверждал, что это нецелесообразно. [104] [105] Святой Амвросий был одним из первых, кто учил проскрипции, когда он упрекнул Феодосия Великого за милость, оказанную им евреям, которые убили Христа и которые отрицают Бога, отрицая его Сын и святой Иоанн Златоуст усовершенствовали это, публично

проповедуя, что христиане не должны вступать в сношения с евреями, чьи души были обиталищем демонов, а синагоги - их игровыми площадками. [106] Вызванный таким образом антагонизм нашел свое естественное выражение в 415 году в беспокойном городе Александрии, где возникли ссоры, приведшие к пролитию христианской крови, когда святой Кирилл воспользовался волнениями, приведя толпу к синагогам, которыми он завладел, а затем бросил имущество евреев на разграбление и изгнал их из города, который они населяли с момента его основания Александром. [107] О том, что при таком побуждении эти эксцессы были обычным явлением, свидетельствует частое повторение императорских указов, запрещающих жестокое обращение с евреями, разорение и сожжение их синагог; им не разрешалось возводить новые, но они должны были оставаться во владении существующими. В то же время начало юридической недееспособности проявляется в повторных запретах на содержание евреями христианских рабов, в то время как евреям, которые обратятся в христианство, сделают обрезание или женятся на христианках, угрожали конфискацией и вечным изгнанием или смертью. [108] Церковь считала жгучим позором, что еврей должен занимать положение власти над христианами; в 438 году она добилась от Феодосия II принятия этого в качестве неизменного принципа, и мы увидим, как усердно она трудилась, чтобы сделать это частью публичного права христианского мира. [109] Этот дух подвергся испытанию со стороны арианства готских завоевателей Западной империи. Теодорих приказал строго сохранять привилегии евреев, среди которых важной была та, что все ссоры между ними должны разрешаться их собственными судьями, и он сурово пресекал все преследования. Когда толпа в Риме сожгла синагогу, он с суровым неудовольствием приказал наказать виновных; когда были предприняты попытки посягнуть на права евреев Генуи, он эффективно вмешался, а когда в Милане духовенство попыталось завладеть синагогой, он безапелляционно запретил это. [110] Пока висяготы оставались арианами, этот дух господствовал во всех их обширных владениях, хотя ортодоксальным было позволено потакать их растущей жестокости. Когда собор в Агде в 506 году запретил верующим устраивать банкеты или даже есть с евреями, это показывает, что общественные отношения все еще существовали, но они были осуждены теми, кто управлял Церковью. [111] На Востоке та же тенденция получила более широкую возможность проявить себя в законодательстве, например, когда в 706 году Константинопольский собор запретил христианам жить с евреями или мыться вместе с ними, есть их пресный хлеб, консультироваться с ними как с врачами или принимать их лекарства. [112]

Григорий Великий был слишком великодушен, чтобы одобрить этот растущий дух нетерпимости, и, когда некоторые zeloty в Неаполе попытались помешать евреям отмечать свои праздники, он вмешался, категорически запретив такое вмешательство, утверждая, что это не приведет к их обращению и что их следует побуждать к принятию веры добротой, а не силой, все это было воплощено в каноническом праве, чтобы стать заметным из-за его несоблюдения. [113] Фактически, его неоднократное изложение заповеди показывает, насколько мало к ней относились даже в его время. [114] Более того, когда большое количество евреев было вынуждено принять крещение в южной Галлии, он с упреком написал епископам Вергилию Арльскому и Феодору Марсельскому, но это не помешало святому Авитусу Клермонскому примерно в то же время крестить около пятисот человек, которые таким образом спасли свои жизни от фанатичной ярости населения. [115]

Эти насильственные обращения в Готию были первыми плодами смены религии висяготов с арианства на католицизм. Остготы, Теодорих и Теодатус, недвусмысленно заявили, что они не могут вмешиваться в религию своих подданных, поскольку никого нельзя заставить верить

против воли. [116] Висиготы, которые доминировали в южной Галлии и Испании, при адаптации римского права к своим потребностям довольствовались наказанием конфискацией христиан, ставших евреями, освобождением христианских рабов, удерживаемых евреями, и вынесением смертной казни еврейским хозяевам, которые должны были принудить христианских рабов к обращению, помимо сохранения закона Феодосия II, запрещающего евреям занимать должности или строить новые здания. синагоги. [117] Это ни в коем случае не было полной терпимостью, но это было милосердно по сравнению с тем, что последовало за обращением готов в католицизм. Перемена началась быстро, хотя и не сразу достигла своей полной серьезности. Третий Толедский собор, состоявшийся в мае 589 года для осуждения арианской ереси и урегулирования деталей обращения, принял каноны, которые показывают, насколько свободными до сих пор были отношения между расами. Евреям запрещалось иметь христианских жен, наложниц или слуг, и все дети, рожденные от таких союзов, должны были быть крещены; любой раб-христианин, обрезанный или оскверненный еврейскими обрядами, должен был быть освобожден; ни один еврей не должен был занимать должность, на которой он мог подвергаться наказанию христианина, и за этим действием последовали некоторые дополнительные ограничения, установленные Нарбоннским советом в декабре того же года. [118] О том, что свобода обсуждения продолжалась некоторое время, свидетельствует дерзость еврея по имени Фроганис, который вскоре после этого, как нам сказали, в присутствии всей придворной знати превозносил синагогу и принижал Церковь; возможно, было легче закрыть ему рот, чем опровергнуть его, поскольку Аурасий, епископ Толедский, отлучил его от церкви. и объявил его преданным анафеме Отцом, Сыном и Святым Духом, а также всей небесной иерархией и когортами. [119]

ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ ВИСИГОТОВ

Величайший церковник того времени, святой Исидор Севильский, чья сорокалетняя карьера началась с католической революции, сделал все, что в его силах было, чтобы стимулировать и оправдать преследования. Его трактат против евреев не является оскорбительным, как во многих более поздних противоречивых произведениях, но он доказывает, что они осуждены за грехи своих отцов на рассеяние и угнетение до тех пор, пока в конце света у них не откроются глаза и они не поверят. [120] То, что он должен был чувствовать себя призванным написать такую работу, было дурным знаком, и еще более дурными были выводы, которым он учил. Они не могли не привести к плачевным результатам, как это было видно, когда Сисебут взойшел на трон в 612 году и ознаменовал начало своего правления насильственным обращением всех евреев королевства. Какие средства он использовал, нам не сказано, но, конечно, они были насильственными, что святой Исидор мягко порицает, видя, что обращение должно быть искренним, но что, по его мнению, находится строго в компетенции Церкви. [121] Таким образом, Церковь фактически оказалась лицом к лицу с вопросом, является ли законным насильственное распространение веры. Это настолько противоречит учению Христа, что вряд ли могло быть принято, но, с другой стороны, таинство крещения неизгладимо, поэтому была принята удобная доктрина, ставшая установившейся политикой, согласно которой, хотя христианство не должно было распространяться силой, невольные новообращенные, тем не менее, были христианами; им не разрешалось отступничество, и они подвергались всем мукам и наказаниям ереси за любую тайную склонность к их собственной религии. [122] Эта

плодотворная концепция привела к бесконечным страданиям, как мы увидим ниже, и была движущим мотивом, создавшим испанскую инквизицию.

Какими бы ни были масштабы и успех мер Сисебута, евреи вскоре после этого появляются снова, и они вместе с *конверсос* стали предметом непрерывной серии церковных и светских законодательных актов, которые показывают, что принятая таким образом политика, к сожалению, могла достичь своей цели только путем фактического уничтожения. Наковальня изрядно изнашивала молот — постоянство преследуемого истощало изобретательность преследователя. С обращением в католицизм духовенство стало доминирующим на всех территориях висиготии, и их влиянию приписывается разнообразный ряд мер, которые привлекали внимание последовательных соборов Толедо с 633 года до сарацинского вторжения в 711 году. Были испробованы все средства — конфискация всех еврейских детей, их заключение в монастыри или передача богобоязненным христианам; альтернатива изгнанию или обращению в другую веру, в исполнении которой все короли при вступлении на престол должны были давать торжественную клятву; мягкие уговоры в виде бритья, бичевания, конфискации и ссылки. То, что народ в целом не разделял нетерпимости своих правителей, видно по запретам на общение в обществе, смешанные браки и занятие должностей. Призрак прозелитизма был вызван в оправдание этих мер, как если бы преследуемый еврей стремился навлечь на себя его опасности, даже если бы Талмуд не провозгласил, что “прозелит так же опасен для Израиля, как язва для здорового тела”. К принудительным обращениям, полученным таким образом, естественно, относились с подозрением, и обращенные становились объектами постоянной вражды. [123]

ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ ВИСИГOTOV

Таким образом, Церковь восторжествовала, и терпимость готов-ариан превратилась в преследование православия. История повторяется, и восемьсот лет спустя мы увидим тот же процесс с теми же результатами. Терпимость сменилась преследованием; обращения, полученные силой или эквивалентным ей непреодолимым давлением, были признаны фиктивными, а несчастные новообращенные были признаны виновными в непростительном преступлении отступничества. Хотя инквизицию изобрели не готы, они подошли к ней настолько близко, насколько позволяли грубость эпохи и рыхлость их пошатнувшейся политической организации, попытавшись создать через духовенство сеть надзора, которая должна была достичь тех же результатов. Инквизиция была прообразом и предвосхищалась.

Поскольку, очевидно, евреев нельзя было истребить или превратить конверсос в добровольных христиан, эти два класса, естественно, добавили элемент недовольства к и без того беспокойному и разношерстному населению, состоящему из наложенных друг на друга слоев готов, римлян и кельтиберийцев. Евреи, несомненно, помогали галло-римскому восстанию Флавия Павла около 675 года, поскольку святой Юлиан Толедский, описывая его подавление королем Вамбой, осуждает Галлию в самых резких выражениях, заканчивая коронным упреком в том, что она является прибежищем для богохульства евреев, которых Вамба изгнал после своего триумфа. [124] Несмотря на неустанные усилия по их уничтожению, они по-прежнему оставались источником опасности для государства. На соборе в Толедо в 694 году король Эгиза обратился к своим прелатам с призывом изобрести какие-нибудь средства, с помощью которых иудаизм должен быть уничтожен, или все евреи будут преданы мечу правосудия и их имущество

будет присвоено, поскольку все попытки обратить их оказались тщетными и существовала опасность, что совместно со своими братьями в других странах они свергнут христианство. В своем ответе совет ссылается на заговор, посредством которого евреи пытались занять трон и привести к разорению страны, и он постановляет, что все евреи, с их женами, детьми и потомством, должны быть обращены в вечное рабство, а их имущество объявлено конфискованным у короля. Они должны быть переведены из их нынешних мест жительства и переданы таким лицам, которых назначит король, которые будут содержать их как рабов до тех пор, пока они будут упорствовать в своей вере, забирая у них их детей, когда они достигнут семилетнего возраста, и выдавая их замуж только за христиан. Те из их рабов-христиан, которых выберет король, получают часть конфискованного имущества и будут продолжать платить налоги, которые до сих пор взимались с евреев. [125]

Несомненно, эта бесчеловечная мера привела к беспорядочному грабежу и бесконечным страданиям, но ее цель не была достигнута. Евреи остались, и когда произошла катастрофа сарацинского завоевания, они были достаточно готовы приветствовать берберских захватчиков. То, что они все еще были в Испании, приписывается Витизе, который правил с 700 по 710 год и который, как говорят, отозвал их и даровал им привилегии, более высокие, чем церковные, но Витиза, хотя и был излюбленной мишенью для оскорблений более поздних летописцев, был превосходным правителем, и лучшие современные источники ничего не говорят о его благосклонности к евреям. [126]

МОЗАРАБИ

Если евреи помогали мусульманам, во что мы можем легко поверить как из вероятностей дела, так и из свидетельств испанских и арабских авторов, [127] они сделали не больше, чем большая часть христиан. Для основной массы населения готы были просто варварскими хозяевами, чье иго они были готовы обменять на иго мавров, да и сами готы не были объединены. В решающей битве при Херес-де-ла-Фронтера правым и левым флангами дон Родерика командовали Сисеберт и Оппас, свергнутые с престола сыновья Витизы, которые бежали, не нанеся ни единого удара, с целью нанести ему поражение. Эта земля была оккупирована маврами без особого сопротивления и на условиях, удобных для побежденных. Это правда, что там, где оказывалось сопротивление, высшие классы были обращены в рабство, земли были разделены между солдатами, а одна пятая часть была зарезервирована за государством, на котором были поселены крестьяне с обманом в размере одной трети продукта, но подчинение было общим при капитуляциях, которые обеспечивали жителям владение их собственностью, при условии обмана трети, и позволяли им пользоваться своими законами и религией под властью местных графов и епископов. Несмотря на эту щедрость, огромное количество людей приняли мусульманство, отчасти чтобы избежать налогов, а отчасти из убеждения, что поразительный успех мусульманского дела является доказательством его праведности. [128]

Твердая решимость немногих, кто предпочел изгнание и независимость и нашел убежище в горах Галисии и Астурии, спасла полуостров от полного подчинения исламу. Во время длительной борьбы за Отвоевание социальное и религиозное состояние Испании было странно аномальным, представляя собой смесь рас и вероисповеданий, в отношениях которых, какими бы антагонистическими они ни были в принципе, по большей части доминировали исключительно мирские интересы. Взаимное истощение, далекое от разжигания предрассудков, привело к взаимной терпимости, так что фанатизм был сведен к минимуму

именно в том уголке христианского мира, где *априорные* сторонники разума были склонны считать его особенно жестоким.

Сарацины долгое время придерживались политики, принятой при завоевании, и не предпринимали попыток обратить своих подданных в христианство, точно так же, как в левантийских провинциях христианам, хотя и притесняемым, было позволено сохранить свою религию, а в Персии после падения Сасанидов парсизм продолжал существовать веками и лишь постепенно вымер. [129] Фактически, положение мозарабов, или подвластных христиан, при кордовских халифах было, по большей части, предпочтительнее того, каким оно было при готских королях. Мозарабы часто командовали мусульманскими армиями; они составляли королевскую личную охрану и служили секретарями в высших государственных учреждениях. Со временем они настолько полностью утратили латинский язык, что возникла необходимость переводить Священное Писание и каноны на арабский. [130] Сохранялась церковная организация с ее иерархией прелатов, которые время от времени собирались на соборы; интеллектуальной активности было достаточно, чтобы время от времени возникали и осуждались ереси, подобные ересям Хостегесиса и Мигетио в IX веке, в то время как полувеком ранее булла Адриана I, адресованная православным епископам Испании и осуждающая адоптианство Феликса Урджелльского, которую поддержал Элипанд, архиепископ Толедский, демонстрирует свободу общения, существующую между мозарабами и остальным христианским миром. [131] Мы слышим о С. Эулохио Кордовском, два брата которого, Альвар и Исидор, покинули Испанию и поступили на службу к императору Людовику Германскому; он отправился в 850 году, чтобы присоединиться к ним, но был остановлен войной в Пампелуне и вернулся через Сарагосу, привезя с собой ряд книг, в том числе Вергилия, Горация, Ювенала, Порфирий, эпиграммы Альдхельма и басни Авиена. [132] Смешанные браки, похоже, не были редкостью, и были частые случаи обращения из любой веры, но мозарабские фанатики злоупотребляли мусульманской терпимостью, публично порицая ислам и обращая в свою веру прозелитов, что было запрещено, и при Абдеррахамане II и Магомете I начались резкие преследования, в результате которых было несколько жертв, в том числе Сан-Эулохио, который был убит. принял мученическую смерть в 859 году. [133]

МОЗАРАБИ

Это преследование привело к инциденту, который иллюстрирует дружеские отношения между христианами и сарацинами. В 858 году Хильдуин, аббат Сан-Жермен-де-Пре, под покровительством Шарля ле Шова отправил двух монахов в Испанию за мощами святого Винсента. Добравшись до Лангедока, они узнали, что его тело перевезли в Беневенто, но они также услышали о преследованиях в Кордове и обрадовались, зная, что там должно быть много реликвий, которые нужно добыть. Поэтому они продолжили путь в Барселону, где Сунифред, следующая по старшинству после графа, представила их Абдуливару, принцу Сарагосы, с которым у него были близкие отношения. Из Сарагосы они добрались до Кордовы, где мозарабский епископ Савл любезно принял их и помог получить тела святого Георгия и святого Аврелия, за исключением того, что, поскольку у последнего отсутствовала голова, ее заменили головой святой Наталии. С этой драгоценной добычей они благополучно вернулись в Париж через Толедо, Алькалу, Сарагосу и Барселону, к огромному удовольствию, как нам говорят, короля Карла. [134] Преследование было лишь временным, и столетие спустя, в 956 году, мы слышим о том, что Абдеррахаман III отправил Рекемунда, епископа Эльвиры (Гранада), своим послом к Отону Великому во Франкфурт, где он убедил Лиутпранда Кремонского написать один

из своих исторических трудов. [135] Когда Сид завоевал Валенсию в 1096 году, одним из условий капитуляции было то, что гарнизон должен состоять из мозабцев, и капитуляция была подписана основными христианами, а также мусульманами. [136]

Численность мозарабов, конечно, быстро уменьшалась в ходе отвоевания по мере расширения христианских территорий от Галисии до Леона и Кастилии. В начале XII века Альфонсо VI, приводя в порядок свои обширные приобретения, столкнулся с большими трудностями из-за них; их описывают как худших, чем мавры, и он решил этот вопрос решительным способом - депортировал множество из них в Африку. [137] Однако быстрый прогресс его войск настолько встревожил мелких королей, между которыми была разделена Андалусия, что около 1090 года они пригласили к себе на помощь берберов, известных как Альморавиды, которые отбросили Альфонсо на кровавом поле Залака. Их лидер, Юсуф ибн Техуфин, не удовлетворился борьбой на благо своих союзников; он быстро сверг их слабые династии и утвердился на верховном посту в мусульманской Испании. Альморавиды были дикарями и фанатиками; они не могли выносить вида христиан, наслаждающихся свободой вероисповедания, и вскоре последовали жестокие преследования, пока в 1125 году мозарабы не призвали на помощь Альфонсо эль Батальядора. Они прислали список своих лучших воинов, состоящий из двенадцати тысяч имен, и пообещали, что эти и многие другие присоединятся к нему. Он прибыл и провел пятнадцать месяцев на мавританской территории, но не добился постоянных завоеваний, и когда он уезжал, несчастные христиане умоляли его позволить им сопровождать его, чтобы спастись от гнева Альморавидов. Десять тысяч из них сделали это, в то время как из тех, кто остался, большое количество было депортировано в Африку, где они в основном погибли. [138] Жалкие остатки получили передышку, поскольку атмосфера Испании казалась неблагоприятной для фанатизма, и свирепость берберов быстро смягчилась. Вскоре мы обнаруживаем, что они братаются с христианами. Король Кордовы Али хорошо относился к последнему и даже доверил пленному барселонскому дворянину по имени Ревертер командование своими армиями. Его сын Текуфин последовал его примеру и считался особым другом христиан, которые помогали ему в африканских войнах. [139] Однако этот интервал отдыха был коротким. В 1146 году другая берберская орда, известная как Альмохады, свергла Альморавидов и принесла новый всплеск дикой свирепости из африканских пустынь. Их халиф Абд-аль-Мумин провозгласил, что он не потерпит в своих владениях никого, кроме истинно верующих; предлагаемыми альтернативами были смерть, обращение в другую веру или изгнание. Многие подверглись притворному обращению, другие отправились в добровольное изгнание, третьи были депортированы в Африку, после чего мозарабы исчезли из виду. [140]

МУЛАДИ

Однако для альмохадов было так же невозможно сохранить свой фанатизм, как это оказалось для их предшественников. Когда в 1228 году после низложения альмохада Мирамамолина Аль-Абделя на трон был возведен его племянник Яхья, его брат Аль-Мемон-Або-л-Ола, находившийся в Испании, заявил о своих правах наследователя. Чтобы заручиться помощью Сан-Фернандо III, который предоставил ему двенадцать тысяч христианских солдат, он согласился сдать десять пограничных опорных пунктов, разрешить возведение христианской церкви в Марокко, где христиане должны были публично праздновать со звоном колоколов, и разрешить свободу обращения из ислама в христианство с запретом обратного обращения. Это привело к основанию епископата Марокко, первым епископом которого был Фрай Агуэло, которого сменил Фрай Лопе, оба францисканцы. [141] Сотрудничество такого рода с

христианами встречается нам на каждом шагу в анналах испанских сарацин. Абен-аль-Ахмар, основавший последнюю династию Гранады, согласился стать вассалом Сан-Фернандо III, выплачивать ему дань в размере 150 000 добл в год, предоставлять определенное количество войск по первому требованию и появляться в Кортес по первому требованию, как и любой другой риксхоум. Он оказал большую помощь Фернандо во взятии Севильи, и во время торжественных мероприятий, последовавших за вступлением в город, Фернандо посвятил его в рыцари и наградил знаком кастильских гвидон—гулей, перевязью с двумя змеями и двумя коронованными львами в качестве опор — знак, который до сих пор можно увидеть в Альгамбре. [142]

The *Муладиес*, или христиане, принявшие ислам, составляли еще одну важную часть мавританской общины. Во время завоевания, как мы видели, большое количество христиан отступили, рабы получили свободу, а свободные люди избежали налогообложения. Однако арабы и берберы относились к ним с подозрением и подвергали инвалидности, что приводило к частым восстаниям и жестоким репрессиям. После подавления восстания в Кордове в 814 году пятнадцать тысяч из них эмигрировали в Египет, где они захватили Александрию и удерживали ее до 826 года, когда были вынуждены капитулировать и передали свое оружие Кандии, основав династию, которая просуществовала полтора столетия. Восемь тысяч из них обосновались в Фесе, где они держались особняком и даже в четырнадцатом веке отличались от других мусульман. В Толедо, после нескольких неудачных восстаний, муладиес стали доминирующими в 853 году и оставались независимыми в течение восьмидесяти лет. Вместе с мозарабами им почти удалось основать собственное королевство в горах Ронды под руководством Омара бен Хафсуна, принявшего христианство. Действительно, легкость обращения из одной веры в другую была характерной чертой того периода и показывает, как мало твердости существовало в религиозных убеждениях. Отступник Ибн Меруан, основавший независимое государство в Мериде, проповедовал смешанную веру, состоящую из обеих великих религий. Повсюду Мулади стремились к свободе и основывали мелкие княжества — в Альгарбе, Приего, Мурсии и особенно в Арагоне, где готская семья Бени-Касси стала верховной. После уничтожения Толедо голодом в 930 году они становятся менее заметными и постепенно сливаются с мусульманским населением. [143] Этому способствовал тот факт, что они объединились со своими завоевателями против фанатичных Альморавидов и Альмохадов. Лидером андалузцев против последнего был человек христианского происхождения Ибн-Марданич, король Валенсии и Мурсии. Он носил христианскую одежду и оружие, его языком был кастильский, а его войска состояли в основном из кастильцев, наваррцев и каталонцев. Среди христиан он был широко известен как король Дон Лопе. Религиозные различия, на самом деле, имели гораздо меньшее значение, чем политические цели, и повсюду, как мы увидим, христиане и мусульмане смешивались в бесконечных гражданских разборках того бурного времени. Во время покушения на Гранаду в 1162 году главными военачальниками Ибн-Марданича были два сына графа Урджеля и внук Альвара Фаньеса, любимого лейтенанта Cid. [144]

ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ САРАЦИН

В этих чередованиях религиозного безразличия и фанатизма положение евреев под мусульманским господством неизбежно подвергалось серьезным превратностям. Их

мастерство врачей и непревзойденный талант администратора сделали их необходимыми завоевателям, благосклонность которых они завоевали благодаря помощи, оказанной во время вторжения, но время от времени возникал взрыв нетерпимости, который уносил их в неизвестность, если не в массовую резню. Когда Магомет I взойшел на трон Кордовы, около 850 года, нам говорят, что одним из его первых действий было увольнение всех еврейских чиновников, включая, предположительно, Р. Хасдая бен Исхака, который был врачом и визирем его отца, Абдеррамана II. [145] Столетие спустя их богатство было так велико, что, когда еврей Пелиаг отправился в загородный дворец Альхакема, халифа Кордовы, рассказывают, что его сопровождала свита из семисот слуг его расы, все богато одетые и ехавшие в экипажах. [146] Насколько ненадежным было их процветание, было доказано в 1066 году, когда Самуэль ха Леви и его сын Джозеф были визирями и фактическими правителями Гранады в течение пятидесяти лет. Последнему довелось изгнать Абу Исхака из Эльвиры, известного богослова и поэта, который отомстил в горькой сатире, имевшей огромный успех у публики. “Евреи правят в Гранаде; они разделили между собой город и провинции, и везде один из этой проклятой расы находится у верховной власти. Они собирают налоги, они великолепно одеваются и роскошно питаются, в то время как истинно верующие носят лохмотья и нищету. Главный из этих ослов - откормленный баран. Убейте его, его родню и союзников и захватите их несметные сокровища. Они нарушили соглашение между нами и подлежат наказанию как лжесвидетели”. Позже мы увидим, с какой готовностью христианская толпа откликнулась на такие призывы; мусульмане были не лучше; произошло восстание, в ходе которого Иосиф был убит в королевском дворце, в то время как четыре тысячи евреев были убиты, а их имущество разграблено. [147] Они снова восстановили силы, но вместе с христианами пострадали от жестокого фанатизма альмохадов. Действительно, они подверглись еще более яростной вспышке гнева, поскольку кража драгоценностей Каабы, произошедшая около 1160 года, была приписана испанским евреям, и Абд-эль-мумин был беспощаден в исполнении своих приказов об обращении. Многие были преданы смерти, а сорок восемь синагог были сожжены. Сефарды, или испанские евреи, потеряли своего самого выдающегося врача, когда во время этих преследований Маймонид бежал в Египет. [148] Тем не менее, они продолжали существовать и процветать, хотя и подвергались разрушению в любой момент из-за прихотей монарха или страстей народа. Так, в 1375 году в Гранаде двое мужчин перегородили улицу в яростной ссоре, и их тщетно умоляли прекратить ее именем Магомета, когда Исаак Амони, королевский врач, случайно проезжавший мимо в своей карете, повторил приказ, и ему подчинились. То, что еврей обладает большим влиянием, чем имя Пророка, было невыносимо; народ восстал, и последовала резня. [149]

ИСПАНЦЫ И МАВРЫ

В то время как сарацинская Испания, таким образом, представляла собой беспорядочную смесь рас и вероисповеданий, не подчинявшуюся никаким руководящим принципам и находившуюся под влиянием политики или предрассудков момента, христианские королевства были во многом такими же, за исключением того, что в период раннего средневековья не было вспышек фанатизма. Храбрые воины научились уважать друг друга, и, как обычно, именно мирные жители, христианские священники и мусульманские факи, сохранили свою злобность. В ожесточенной борьбе времен Реконкисты нет и следа расовой или религиозной ненависти. Ранние баллады показывают, что мавров считали доблестными противниками, против которых не было большей вражды, чем та, что была вызвана гражданскими распрями, заполнявшими

промежутки между мавританскими войнами. [150] Когда в 1149 году Рамон Беренгер IV Барселонский после изнурительной осады захватил долгожданный город Лерида, условия капитуляции приняли форму мирного соглашения, по которому мавританец Алькайд Авифеле стал вассалом Рамона Беренгера, и они взаимно поклялись друг другу в верности. Авифеле отказался от всех своих замков, сохранил определенные права на территорию, и Рамон Беренгер пообещал ему феоды в Барселоне и Жероне. [151] Более того, непрекращающиеся гражданские войны по обе стороны границы заставляли каждую из них постоянно обращаться к представителям враждебной веры за помощью или убежищем, а возникшие отношения, хотя и временные и непостоянные, стали настолько запутанными, что государственные деятели часто не замечали особой разницы между христианами и маврами. Таким образом, взаимная терпимость не могла не утвердиться, к неудовольствию крестоносцев, пришедших на помощь одной стороне, и орд новых фанатиков, хлынувших из Африки на помощь другой.

Это постоянное смешение испанцев и мавров встречается нам на каждом шагу испанской истории. Возможно, было бы преувеличением сказать вместе с Дози, что “испанский рыцарь средневековья не сражался ни за свою страну, ни за свою религию; он сражался, как Сид, за то, чтобы добыть что—нибудь поесть, будь то при христианском или мусульманском принце” и “сам Сид был скорее мусульманином, чем католиком”, [152] хотя Филипп II стремился иметь его канонизировали - но не может быть сомнений в том, что религиозное рвение имело мало общего с Отвоеванием. В авантюрной карьере Cid христиане и мусульмане смешались в обеих противоборствующих армиях, и по большей части невозможно обнаружить в борьбе какой-либо расовый или религиозный интерес. [153] Это уже давно стало обычным делом. Ближе к концу IX века Бермудо, брат Альфонсо III, в течение семи лет удерживал Асторгу с помощью мавров, к которым он бежал в поисках убежища, когда был окончательно вытеснен. Около 940 года мы находим короля Абояхию, вассала Абдеррахмана Кордовского, передавшего верность Рамиро II, а затем вернувшегося к своему бывшему господину, а примерно пятнадцать лет спустя, когда Санчо I был свергнут в результате заговора, он нашел убежище у Абдеррахмана, с помощью которого вернул свое королевство узурпатору Ордоньо, который, в свою очередь, бежал в Кордову, где был гостеприимно принят. [154] Около 990 года Бермудо II отдал свою сестру в жены мавританскому королю Толедо, что привело к неожиданному чуду. Во время ужасного вторжения в Альманзор в 997 году, которое угрожало уничтожением христианам, нам говорят, что его сопровождали многочисленные изгнанные христианские вельможи. Альфонсо VI Кастильский, побежденный своим братом Санчо II, до самой смерти последнего искал убежища в Толедо — гостеприимство, за которое он впоследствии отплатил завоеванием города и королевства. [155] Его двор был полу-восточным; за время своего изгнания он познакомился с арабским языком; в период своего процветания он собрал вокруг себя сарацинских поэтов и мудрецов, и среди его многочисленных сменявших друг друга жен была Заида, дочь Аль-Мутамида, короля Севильи. Его современник, Санчо I Арагонский, в равной степени был предан мусульманской культуре и обычно подписывал свое имя арабскими буквами. [156]

СОЮЗЫ С МАВРАМИ

Сотрудничество Кристиана и Мавра продолжалось до последнего. В 1270 году, когда Альфонсо X стал непопулярен, освободив Португалию от вассальной зависимости перед Леоном, его брат инфант Фелипе и ряд более могущественных рикосомов составили против него заговор. Их первой мыслью было заключить союз с Абу Юсуфом, королем Марокко, который с радостью пообещал им помощь. Прелаты Кастилии раздули пламя, надеясь в неразберихе получить

дополнительные привилегии. Фелипе и его сообщники отказались от верности Альфонсо, в соответствии с фуэро, и отправились в Гранаду, попутно совершив ужасные опустошения. Все сулило гибельную войну с маврами по обе стороны пролива, когда благодаря вмешательству королевы Виоланты были сделаны уступки мятежной знати и был восстановлен мир. [157] Итак, когда в 1282 году Санчо IV восстал против своего отца и был поддержан всеми городами, кроме Севильи, и всеми рикосомами, кроме магистра Калатравы, и был признан королями Гранады, Португалии, Арагона и Наварры, Альфонсо X в своей нужде отправил свою корону Абу Юсуфу и попросил ссуду под нее в качестве залога. Доблестный мусульманин немедленно послал ему 60 000 добл, а вслед за этим прибыл с большим конным и пешим отрядом, после чего Санчо заключил союз с Гранадой, и началась война с христианами и маврами с обеих сторон, пока смерть Альфонсо не решила вопрос о престолонаследии. [158] В 1324 году дон Хуан Мануэль был Аделантадо де ла Фронтера; задумав какую-то причину для ссоры со своим двоюродным братом Альфонсо XI, он сразу же заключил союз с Гранадой, затем находившейся в состоянии войны с Кастилией, и в 1333 году из-за волнений Альфонсо не смог предотвратить захват Гибралтара или вернуть его, когда предпринял попытку. [159] У Педро Жестокоего в 1366 и снова в 1368 годах были мавританские войска, которые помогали ему в борьбе с Генрихом Трастамарским. В последнем году король Гранады пришел ему на помощь с войском в 87 000 человек, и в последней битве при Монтелье в армии Педро было 1500 мавританских всадников. [160] Одна из жалоб, выдвинутых против Генриха IV в 1464 году, заключалась в том, что его сопровождал отряд мавров, которые совершали бесчинства над христианами. [161]

То же самое было и в Арагоне. Ни один рыцарь креста не заслужил более блестящей репутации за подвиги против неверных, чем Хайме I, который получил от них свой титул *Конкистадора*, однако, когда в 1260 году он дал своим дворянам разрешение участвовать в крестовом походе под предводительством Альфонсо X, он исключил короля Туниса, и на возражения Альфонсо он объяснил, что это произошло из-за любви, которую король Туниса питал к нему, и из-за перемирия, существующего между ними, и из-за количества его подданных, которые были в Тунисе с большим имуществом, все из которых будут переданы ему. в опасности. [162] После восшествия на престол Хайме II в 1291 году к нему прибыли посланники от королей Гранады и Тремесена, чтобы возобновить договоры, заключенные с Альфонсо III. Последнему Хайме ответил, пообещав свободу торговли, потребовав ежегодной дани в 2000 добл, что было обычным делом, и попросив следующим летом выделить сотню легкой кавалерии на три месяца, чтобы помочь ему в борьбе с врагами-христианами. [163] Еще в 1405 году договор между Мартином Арагонским и его сыном Мартином Сицилийским, с одной стороны, и Магометом, королем Гранады, с другой, не только гарантирует свободу сношений и безопасность подданным каждого из них и открытую торговлю во всех портах и городах их соответствующих доминионов, но и каждая сторона соглашается, когда потребуется, помогать другой, за исключением действий против союзников — Арагона и Сицилии с четырьмя или пятью галерами, хорошо вооруженными и укомплектованными людьми, и Гранадой с четырьмя или пятью сотнями кавалеристов. [164]

Все эти союзы и договоры о свободе торговли и сношений находились в прямом противоречии с постановлениями Церкви, которая на своих соборах предписывала священникам каждое воскресенье отлучать от церкви или даже обращать в рабство всех, кто будет продавать маврам железо, оружие, древесину, корабельное оборудование, хлеб, вино, животных для еды, верховой езды или обработки земли, или кто будет служить на их кораблях лоцманами или в их армиях во время войны с христианами. [165] Напрасно Григорий XI в 1372 году приказал

инквизиции преследовать всех покровителей сарацин как еретиков, и столь же напрасным был вывод, сделанный Эймерихом из этого, что любой, кто оказывал помощь, совет или благосклонность маврам, был сторонником ереси и должен быть наказан как таковой Святой Канцелярией. [166] Несмотря на громы Церкви, торговцы продолжали торговать, а князья заключали наступательные и оборонительные союзы с неверными.

МУДЕХАРЕС

Также, имея перед глазами блестящий пример Cid, христианская знать не испытывала ни малейших колебаний в том, чтобы помочь маврам, поступив к ним на службу. Когда в 1279 году Алонсо Перес де Гусман, основатель великого дома Медина Сидония, был оскорблен при дворе Альфонсо, он немедленно отказался от своей верности, обратил все свое имущество в деньги и собрал войско, с которым поступил на службу к Абу Юсуфу из Марокко. Там он оставался одиннадцать лет, за исключением поездки в Севилью, чтобы жениться на донье Марии Коронель, которую он увез обратно в Марокко. Он был назначен капитаном всех христианских войск на службе у Абу Юсуфа и оказал большую помощь в войне, в результате которой суверенитет этой части Африки перешел от Альмохадов к Бени Марину. Он накопил огромное состояние, которое хитростью перевел в Испанию, где на него были приобретены поместья, на которых основывалось величие дома. Семейный историограф, писавший в 1541 году, считает своим долгом объяснить эту готовность служить неверным, столь противоречащую убеждениям шестнадцатого века. Он рассказывает нам, что в тот период мавры, как Гранадские, так и африканские, были невоинственны и привыкли полагаться на христианские войска, и что принцы, дворяне и рыцари постоянно находились у них на службе. Генрих, брат Альфонсо X, служил королю Туниса четыре года и накопил большое состояние; Гарси Мартинес де Гальегос уже был на службе у Абу Юсуфа, когда Гусман отправился туда; Гонсало де Агилар стал вассалом короля Гранады и сражался на его стороне. В 1352 году, когда Педро Жестокий начал приводить к порядку своих мятежных дворян, дон Хуан де ла Серда, принц крови, отправился в Марокко за помощью и, не получив ее, остался там и снискал большую известность своими рыцарскими подвигами, пока не примирился с Педро и не вернулся в Кастилию. Примеров можно было бы привести множество, но и их будет достаточно, чтобы показать, как мало щепетильности в отношении религии существовало у испанцев средневековья. Как говорит Баррантес, искатели приключений в те дни поступали на службу к маврам, поскольку в его время они искали счастья в Индии. [167]

Таким образом, легко понять, почему в ходе отвоевания к маврам на захваченной территории относились с еще большей снисходительностью, чем к христианам, когда Испания была впервые захвачена. Когда совершались набеги или города захватывались силой, жителей без колебаний предавали мечу или уводили в рабство, [168] но когда были сделаны капитуляции или покорены провинции, людям разрешили остаться, сохранив свою религию и собственность и став известными под именем *Мудехарес*.

Порабощенный мавр был собственностью своего хозяина, как и его скот, но имел право на некоторую защиту жизни и здоровья. Даже крещение не освобождало его от ответственности, если только владелец не был мавром или евреем. [169] То, что он часто был квалифицированным и образованным человеком, видно из положения, что, если его хозяин доверял ему магазин или корабль, первый был обязан выполнять все контракты, заключенные

его рабом. [170] Таким образом, свободный кастилец, чьим занятием была война, в значительной степени занимался торговлей, а также сельским хозяйством, которым занимались рабы, а все остальное находилось в основном в руках евреев и свободных мавров, или мудехаров. Таким образом, труд стал символом рас, считавшихся низшими; он был ниже достоинства свободного человека, и когда, как мы увидим ниже, трудолюбивое население было изгнано фанатизмом, процветание Испании рухнуло.

МУДЕХАРЫ

Что касается мудехаров, то практика разрешения им оставаться на отвоеванных территориях началась рано. Их можно было найти даже в Галисии, и в леонских документах десятого века содержится много мавританских имен среди тех, кто подтверждает или засвидетельствовал их. [171] Фуэро Леона, пожалованный Альфонсо V в 1020 году, ссылается на мавров, держащих рабов, а берберское население там все еще представлено марагато, к юго-западу от Асторги — расой, совершенно отличной от испанцев, сохранившей большую часть своей африканской одежды и несовершенно говорящей по-кастильски, хотя это их единственный язык. . [172] Фернандо I (1033-65), который сделал данниками королей Толедо и Севильи и который осаждал Валенсию, когда умер, менял свою политику по отношению к жителям своих обширных завоеваний. В начале своего правления он позволил им остаться; затем он перенял депопуляцию и, наконец, вернулся к своим прежним методам. [173] Альфонсо VI следовал более либеральной системе; когда он занял Толедо в 1085 году, он даровал жителям капитуляцию, которая закрепила за ними их собственность и религию, с самоуправлением и владением их большой мечетью. [174] Когда во время его отсутствия француз Бернар аббат Саагунский, недавно избранный архиепископом, вместе со своей королевой Констанцией Бургундской внезапно вошел в мечеть, освятил ее и установил колокол на самом высоком минарете, Альфонсо был сильно разгневан. Он поспешил в Толедо, пригрозив сжечь и королеву, и архиепископа, и помиловал их только благодаря заступничеству мавров, которые опасались возможных репрессий после его смерти. Фактически, его политика заключалась в том, чтобы сделать свое правление более привлекательным для мусульманского населения, чем правление его данников, мелких *рейесов де тайфас*, которые были вынуждены угнетать своих подданных, чтобы удовлетворить его требования. Он даже называл себя *Императором культов*. Его терпимая мудрость оправдала себя, поскольку после прихода Альморавидов, несмотря на катастрофические поражения при Залаке и Уклесе, он смог отстоять свои позиции и даже расширить свои границы, поскольку коренные мавры предпочитали его господство господству диких берберов. [175]

Его преемники последовали его примеру, но Церковь не отнеслась к нему благосклонно. В течение столетий умственного оцепенения, предшествовавших зарождению современной цивилизации, фанатизма было немного. С началом XII века различные причины пробудили дремлющий дух. Энтузиазм крестоносцев усилил религиозный пыл, и труды схоластов положили начало реконструкции теологии, которая должна была сделать Церковь доминирующей в обоих мирах. Интеллектуальное и духовное движение породило ереси, которые к началу XIII века поставили Церковь перед необходимостью мобилизовать все свои ресурсы для сохранения своего превосходства. Все это дало о себе знать не только в альбигойских крестовых походах и учреждении инквизиции, но и в возросшей нетерпимости к евреям и сарацинам, в более ярком антагонизме ко всем, кто не был включен в черту христианства. Как это сработало, было видно в 1212 году, когда после блестящей победы при

Лас-Навас-де-Толоса Альфонсо IX двинулся к Убеде, где собралось 70 000 человек, и они предложили стать мудехарами и заплатить ему миллион доблас. Условия были приемлемыми, и он согласился на них, но духовные руководители крестового похода, два архиепископа, Родриго Толедский и Арно Нарбоннский, возразили и вынудили его отозвать свое согласие. Он предложил осажденным отпустить их после уплаты этой суммы, но они не смогли собрать такую большую сумму на месте, и они были преданы мечу, за исключением тех, кто был оставлен в качестве рабов. [176] В том же духе Иннокентий IV в 1248 году приказал Хайме I Арагонскому не разрешать сарацинам проживать на его недавно завоеванных Балеарских островах, кроме как в качестве рабов. [177]

МУДЕХАРЫ

Несмотря на противодействие Церкви, политика *мудехалато* продолжалась до тех пор, пока при Сан-Фернандо III не показалось, что работа по Реконкисте близка к завершению. Король Гранады был его вассалом, как и любой другой кастильский дворянин. Он подчинил себе остальные земли, предоставив местным вождям выгодные условия и позволив им принять титул королей. Таким образом, испанские мавры были приведены к покорности, и он готовился отправиться со своим оружием в Африку в момент своей смерти в 1252 году. [178] То, что мавританское правление, более или менее независимое, продолжалось на полуострове еще два с половиной столетия, объясняется исключительно непрекращающейся буйностью кастильских магнатов, которой способствовали безудержные амбиции членов королевской семьи. В течение этого промежутка к христианской территории добавлялись последовательные фрагменты, когда внутренние потрясения открывали возможности для завоеваний, и в них применялась система, которая оказалась столь выгодной. Мавры и евреи были гражданами королевства, считались желанным классом населения и имели право на общественный покой и безопасность своей собственности на тех же условиях, что и католики. [179] Они перечислены вместе с христианами в хартиях, предоставляющих особые льготы городам, гарантии для ярмарок и общей торговли. [180] Многочисленные фуэро, дошедшие до нас, ставят все расы на один уровень, а хартия Альфонсо X от 1272 года городу Мурсия с ее правилами относительно очистки ирригационных каналов показывает, что даже в таких мелких деталях, как эти, не признавалось различия между христианами и маврами. [181] Гарантии, наложенные на них, видны в хартии 1101 года, предоставленной мозарабам Толедо Альфонсо VI, разрешающей им использовать Фуэро Хузго их предков, но штрафы по ней должны составлять только одну пятую, как в Фуэро Кастилии “за исключением случаев воровства и убийства евреев и мавров”, а в Фуэро Калатаюд, предоставленной Альфонсо эль Батальядором в 1131 году, *вергильд* для еврея или мавра составляет 300 суэльдо, за исключением случаев воровства и убийства евреев и мавров". то же самое, что и для христианина. [182] Однако практика в этом отношении не была строго единообразной, и раса-завоевательница, естественно, стремилась установить различия, которые должны были признать ее превосходство. Мадридский фуэро в 1202 году наложил на мавров различные ограничения. [183] Закон Альфонсо X, который на протяжении всего своего правления проявлял благосклонность к подвластным расам, категорически гласит, что, если еврей ударит христианина, он не должен быть наказан в соответствии с привилегиями евреев, но настолько строже, насколько христианин лучше еврея; поэтому, если христианин убьет еврея или мавра, он должен быть наказан в соответствии с Фуэро этого места, и если для этого нет соответствующих условий, то он должен понести смерть, изгнание или другое наказание, какое король сочтет нужным, но мавр, убивший еврея или мавра, который убьет еврея или мавра, который убьет еврея, или мавра, который убьет еврея, или мавра, который убьет еврея,

или мавра, который убьет еврея, или мавра, который убьет еврея, или мавра, который убьет
еврея, или мавра, который убьет еврея, или мавра, который убьет еврея, или мавра, который
убьет еврея, или мавра, который убьет еврея, или мавра, который убьет еврея, или мавра
Христианин должен страдать более сурово, чем христианин, убивающий мавра или еврея. [184]

В эпоху классовых различий это было неизбежной тенденцией, и испанской терпимости и человечности следует отдать должное за то, что ее прогресс был таким медленным. В жестокости того времени, несомненно, было много произвольного угнетения, но мудехаре знали свои права и без колебаний отстаивали их, и, похоже, у них не было желания их отрицать. Так, в 1387 году жители Бустьеллы пожаловались Хуану I на то, что королевские сборщики налогов пытались взыскать с них мавританский подушный налог, которому они не подлежали, поскольку вместо этого с древних времен платили лордам Бискайи тысячу двести мараведи в год и имели право пользоваться всеми привилегиями и вольностями Бискайи, после чего король издал приказ ассессорам требовать от них только согласованную сумму и никаких других налогов, и гарантировать им все привилегии и свободы, виды использования и обычаи Бискайи. светлость Бискайя. [185] Еще более наводящим на размышления является знаменитый случай, произошедший еще во времена правления Генриха IV. В 1455 году капелланы Толедской капеллы де ла Крус пожаловались королю на то, что налог со всего мяса, забиваемого в городе, был возложен на часовню для ее содержания, но мавры основали свою собственную бойню и отказались платить налог. В другом месте, кроме Испании, дело было бы передано в церковный суд с последующим решением в пользу веры, но здесь дело дошло до гражданского суда, в результате чего после сложных споров с обеих сторон в 1462 году великий юрист Альфонсо Диас де Монтальван вынес решение, признающее, что мавры не могут есть мясо, зарезанное по-христиански, что они имеют право на собственную бойню, свободную от налогов, но что они не должны продавать мясо христианам и должны платить налог со всего, что они могли бы таким образом продать. [186] Каким бы тривиальным ни был этот случай, он дает нам четкое представление о независимости и самоутверждении мавританских общин и готовности судов защищать их права.

УСИЛИЯ ПО ОБРАЩЕНИЮ

Мудехарам было гарантировано соблюдение их собственной религии и законов. У них были свои мечети и школы, а в прежние времена - магистраты из их собственной расы, которые решали все вопросы между собой в соответствии со своей *зунной*, или законом, но тяжбы между христианами и маврами иногда рассматривались христианским судьей, а иногда смешанным составом представителей обеих конфессий. [187] В капитуляциях обычно предусматривалось, что они должны облагаться только налогами, взимаемыми их предыдущими суверенами, хотя со временем этим стали пренебрегать. [188] Привилегия, предоставленная в 1254 году Альфонсо X жителям Севильи, разрешающая им покупать земли мавров по всему их округу, показывает, что отцовские владения последних не пострадали; они могли свободно покупать и продавать недвижимость, и хотя, когда начался реакционный период, ближе к концу XIII века, Санчо IV удовлетворил петицию кортов Вальядолида в 1293 году, запретив евреям и маврам покупать земли христиан, ограничение вскоре устарело. [189] Не только не было запрета на ношение оружия, но они были призваны на военную службу. Освобождение от этого было особой привилегией, предоставленной в 1115 году при капитуляции Туделы; в 1263 году Хайме I

Арагонский освободил мавров Масонеса от дани и военной службы в обмен на ежегодную выплату 1500 *суэльдос джакенсес*; в 1283 году его сын Педро III, готовясь противостоять вторжению Филиппа ле Харди, призвал своих верных мавров Валенсии присоединиться к его армии, и при наборе рекрутов в Мурсии в 1385 году для войны с Португалией каждому альхама была назначена квота. [190]

РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ МУДЕХАРОВ

Мудрая политика диктовала бы максимальное смешение рас, чтобы поощрять объединение и облегчать усилия по обращению, которые никогда не упускались из виду. *Конверсо*, крещеный мавр или еврей, был особым фаворитом законодателя. Мавританский закон, лишавший вероотступника наследства, был отменен, и ему была гарантирована его доля в отцовском наследстве; популярная тенденция клеймить его как *торнадизо* или *рenegата* была жестоко подавлена. Церковь настаивала на том, чтобы мавританский пленник, искренне желавший крещения, был освобожден. Доминиканцам и францисканцам было разрешено входить во все места, где проживали евреи и мавры, собирать их для прослушивания проповедей, в то время как королевским чиновникам было приказано принуждать к посещению тех, кто не хотел приходить добровольно. [191] Теперь легко видеть, что эта политика, которая привела к обращению множества людей в веру, была бы гораздо более плодотворной, если бы расы были вынуждены объединиться, и бесконечные последующие страдания и несчастья были бы предотвращены, но в то время это было практически невозможно для терпимого человечества. Церковь, как будет видно, прилагала все усилия, чтобы разлучить их, под унижительным предлогом, что она потеряет больше душ, чем приобретет, и, более того, существовало достаточное взаимное недоверие, чтобы сделать разделение желательным для обеих сторон. В самый ранний период Реконкисты была принята политика выделения маврам особого квартала захваченного города, и таким образом установилась привычка предоставлять Больше жилья в крупных городах, которыми были ограничены мудехары. Этот процесс хорошо иллюстрируется тем, что произошло в Мурсии, когда в 1266 году она была окончательно отвоевана для Альфонсо X Хайме I Арагонским. Он отдал половину домов арагонцам и каталонцам и ограничил доступ мавров кварталом Аррихака. Альфонсо подтвердил эту договоренность, вытеснив христиан из числа мавров и построив между ними стену. В его указе по этому поводу говорится, что это было сделано по молитве мавров, которые подверглись ограблению и жестокому обращению со стороны христиан и которые желали защиты стеной, на строительство которой он выделил половину доходов, взимаемых за ремонт городских стен. То же самое было и с евреями, которые не должны были жить среди христиан, но должны были отделить для них свою Иудею у ворот Ориуэлы. [192] Помимо этой сегрегации от христиан в городах, были небольшие городки, население которых было чисто мавританским, где христианам не разрешалось проживать. То, что это рассматривалось как привилегия, мы можем легко представить, и это подтверждается подтверждением в 1255 году Альфонсо X соглашения с мудехарами Морона, согласно которому они должны продать свою собственность христианам и переехать в Силебар, где они должны построить замок и жилые дома, быть свободными от всех налогов в течение трех лет, их законы должны осуществляться их собственными алькади, и ни один христианин не должен проживать там, кроме *альмохарифе*, или сборщика налогов, и его людей. [193] Все это имело тенденцию увековечивать разделение между христианином и мавром, и еще одну мощную причину следует искать в ужасе, с которым относились к смешению кровей - по крайней мере, когда преступником мужского пола был мавр. Конечно, , смешанные браки между представителями

разных вероисповеданий были невозможны, а незаконные связи карались самым жестоким образом. [194]

Несмотря на эту естественную, но неполитическую сегрегацию, мудехарцы постепенно денационализировались и во многих отношениях ассимилировались с населением, которым они были окружены. Со временем они забыли свой родной язык, и их ученым людям стало необходимо составлять своды законов на кастильском языке для руководства их алькадами. Возникла целая литература такого рода, и даже после окончательного изгнания, уже в середине семнадцатого века, среди беженцев в Тунисе было составлено руководство по религиозным обрядам на испанском языке, автор которого сетовал, что даже священные буквы, которыми написан Коран, были почти неизвестны и что обряды богослужения были забыты или смешаны с обычаями, заимствованными у христиан. [195] Мудехаресы даже сочувствовали патриотическим устремлениям своих кастильских соседей в противовес своим независимым собратьям. Когда в 1340 году Альфонсо XI с триумфом вернулся в Севилью после сокрушительной победы при Рио-Саладо, нам рассказывают, как мавры и их женщины объединились с евреями в ликование, которым был встречен победитель. [196] Еще более практичным был ответ на призыв инфанта Фернандо в 1410 году, когда он осаждал Антекеру, один из бастионов Гранады, и испытывал большие трудности с деньгами. Он написал “О моих достижениях” в Севилью и Кордову, не только христианам, но и мавританским и еврейским альдхамам, и, поскольку он пользовался у них популярностью, они ссужали его, сколько могли. [197] Процесс денационализации и слияния с христианской общиной неизбежно был медленным, но его продвижение давало отрадные надежды на результат, требующий только мудрого терпения и сочувствия, которые предотвратили бы неисчислимые несчастья.

МУДЕХАРЕС

С финансовой и промышленной точки зрения мудехарцы составляли наиболее ценную часть населения. Доходы, получаемые от них, были одними из самых надежных ресурсов государства; отчисления на них часто использовались как самая безопасная и удобная форма обеспечения уделов, приданого и доходов прелатов и религиозных учреждений. [198] Для знати, на землях которой они были поселены, они были почти незаменимы, поскольку были искусными земледельцами, и результаты их неутомимого труда приносили прибыль, которая не могла быть реализована никаким другим способом. То, что их следует безжалостно эксплуатировать, было само собой разумеющимся. Фуэро, выданное в 1371 году альмиранте Амбросио де Боканегра своим мудехарам Пальма-дель-Рио, не только определяет их сборы и подати, но и предписывает, что они должны печь в сеньориальной печи, мыться в сеньориальной бане и покупать все необходимое в сеньориальных магазинах. [199] Они были не только замечательными земледельцами и ремесленниками, но и отличились в высших областях науки и искусства. Как врачи они были наравне с евреями, и когда в 1345 году Феррант Родригес, приор ордена Сантьяго, построил церковь Богоматери в Уклесе, он собрал “мавританских мастеров” и добрых христиан-каменотесов, которые построили ее из камня и строительного раствора. [200] Промышленность Испании была в значительной степени в их руках. Им земля была обязана появлением сахарного тростника, хлопка, шелка, инжира, апельсина и миндаля. Их система орошения, сохранившаяся до настоящего времени, была продуманно совершенна, и они построили шоссе и каналы, чтобы облегчить общение и транспортировку. Валенсия, густо населенная мудехарами, считалась одной из богатейших провинций Европы, производившей в основном сахар, масло и вино. В мастерстве изготовления они отличались не менее. Их ткани из

шелка, хлопка, льна и шерсти были изысканными; их гончарные изделия и фарфор служили образцом для мастеров остальной Европы; их кожевенное дело было непревзойденным; их изделия из металлов пользовались большим спросом в отдаленных странах, в то время как их архитектура свидетельствует об их тонком мастерстве и художественном вкусе. Браки заключались для девочек в 11 лет и мальчиков в 12; приданое не имело большого значения, поскольку кровать и несколько монет считались достаточными там, где все были трудолюбивы и обеспечивали себя сами, и их быстрый рост, подобно злым сорнякам, был предметом жалоб их кастильских недоброжелателей. Изобретательное и трудолюбивое, трезвое и бережливое, густонаселенное население находило средства к существованию в бесчисленных ремеслах, в которых все мужчины, женщины и дети трудились, принося богатство себе и процветание земле. В торговле они были одинаково успешны; они были рабами своего слова, их репутация честных людей была всеобщей, а их положение как торговцев вошло в поговорку. Среди них не было попрошайек, и ссоры были редкостью, разногласия по большей части разрешались мирным путем, не прибегая к помощи судей. [201]

Нелегко установить пределы процветанию, которого может достичь полуостров с его природными ресурсами, разрабатываемыми населением, сочетающим энергичность кастильцев с промышленными возможностями мавров. Все, что было необходимо, - это христианское терпение и добрая воля, чтобы разжечь и поощрять добрые чувства между побеждающей и подчиненной расой; время сделало бы остальное. Неверные, привлеченные к христианству, слились бы с верующими, и объединенный народ, наделенный характеристиками обеих рас, был бы готов занять ведущее место в замечательной эре индустриальной цивилизации, которая вот-вот должна была начаться. К несчастью для Испании, этому не суждено было сбыться. Для добросовестного церковника средневековья любой договор с неверным был союзом с сатаной; его нельзя было принудительно привести в лоно церкви, но самой простой обязанностью было сделать его положение вне церкви настолько невыносимым, чтобы он нашел убежище в обращении.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Соответственно, Церковь с отвращением относилась к политике примирения и терпимости, которая так сильно облегчила дело Отвоевания, и она не упускала возможности возбудить в народе недоверие и презрение к мудехарам. Мы увидим, насколько велик был его успех по отношению к евреям, чья позиция предоставляла больше возможностей для нападения, но это не было безрезультатно по отношению к маврам. Это препятствовало всякому общению между расами и делало попытки разделить их. Даже необходимая свобода обычных коммерческих сделок, которая была обеспечена светскими правителями, вызывала неодобрение, и в 1250 году орден Сантьяго был вынужден заявить Иннокентию IV, что у него есть мавританские вассалы, и просить его о разрешении покупать и продавать у них, что он милостиво разрешил. [202] Однако наиболее эффективным средством установления и увековечения различия между расами было то, что евреи и мавры должны были носить какую-либо особую одежду или значок, по которым их можно было узнать с первого взгляда. Это был не только знак неполноценности и клеймо позора, но и подвергало владельца оскорблениям и бесчинствам, делая его униженным и опасным, особенно для таких, как погонщики мулов или торговцы, чьи занятия делали поездки по небезопасным дорогам необходимыми. Когда Церковь вышла из оцепенения, чтобы бороться с неверностью во всех ее формах, это была одна из мер, принятых великим Латеранским собором в 1216 году в соответствии с постановлением, внесенным в

каноническое право, причина которого, как утверждается, заключалась в том, что это было необходимо для предотвращения смешанного происхождения. [203] В 1217 году Гонорий III безапелляционно приказал привести в исполнение этот указ в Кастилии, но два года спустя согласился приостановить его действие по настоянию Сан-Фернандо III, поддержанного Родриго, архиепископом Толедо. Король заявил, что многие евреи скорее покинут его королевство, чем будут носить значки, в то время как остальные будут вовлечены в заговоры, и, поскольку большая часть его доходов была получена от них, он не сможет осуществлять свои предприятия против сарацин. [204] В Испании было трудно пробудить нетерпимость и расовую ненависть, и когда Григорий IX около 1233 года и Иннокентий IV в 1250 году приказали кастильским прелатам обеспечить соблюдение латеранских канонов, Сан-Фернандо спокойно проигнорировал предписание. [205] Его сын Альфонсо X до сих пор проявлял послушание, что в Partidas он приказал под страхом наказания в десять золотых мараведи или десяти ударов плетью всем евреям, мужчинам и женщинам, носить значок на шапке, ссылаясь на ту же причину, что и Латеранский собор, но он не распространил это на мавров и, поскольку его кодекс не был подтвержден в течение почти столетия это регулирование можно считать недействующим. [206] Совет Саморы, который так много сделал для стимулирования нетерпимости, в январе 1313 года приказал носить значок, как это было в других землях, а позже в том же году корты Пласенсии предложили подчиниться, но инфант Хуан, который председательствовал в качестве опекуна Альфонсо XI, сказал, что он, после консультации, сделает то, что пойдет на пользу стране. [207] В Арагоне соборы Таррагоны в 1238 и 1282 годах тщетно предписывали соблюдать канон, и только в 1300 году была предпринята попытка издать постановление, требующее от мудехаров носить стрижку особым образом, которая должна быть отличительной. [208] В Кастилии, наконец, Генрих II во исполнение просьбы кортов Торо в 1371 году приказал всем евреям и маврам носить значок (красный круг на левом плече), но предписание приходилось часто повторять, и ему неукоснительно подчинялись. Тем не менее, к этому можно отнести последовавшие за этим частые убийства евреев на дорогах, виновные в которых редко устанавливались. [209]

Какой дух Церковь таким образом настойчиво пыталась пробудить в Испании, можно понять из краткого послания Климента IV Хайме I Арагонскому в 1266 году, в котором он призывал его изгнать всех мудехаров из своих владений. Он уверяет короля, что его репутация сильно пострадает, если ради мирской выгоды он и дальше будет допускать такое поношение Бога, такую заразу христианского мира, которая, несомненно, проистекает из ужасного сожительства мавров с его отвратительными ужасами и отвратительной мерзостью. Изгоняя их, он выполнит свой обет Богу, заткнет рты своим недоброжелателям и докажет, что он ревностен к вере. [210] Такой же нрав проявил в 1278 году Николай III, когда он отругал Альфонсо X за заключение перемирия с маврами и, пригрозив лишить его доли, предоставленной ему из церковных доходов, подстрекали его к катастрофической осаде Альхесираса, провал которой привел его к заключению союза с королем Марокко. [211] К счастью, это папское рвение к вере не нашло Хименеса в Испании, который распространил его среди людей и разжег огонь нетерпимости. Испанская церковь того периода, по-видимому, пребывала в полном бездействии. Единственное зафиксированное действие - это тривиальное действие Арнальдо де Перальты, епископа Валенсии с 1261 по 1273 год, который запретил под страхом отлучения от церкви своему духовенству пить вино в доме еврея при условии, что они слышали о запрете или помнили его; и он далее туманно пригрозил своим неудовольствием любому

священнослужителю, который сознательно купит вино еврея, за исключением случаев необходимости. [212]

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ

То, что в Неразберихе, последовавшей за восстанием Санчо IV против своего отца, могло возникнуть желание несколько ограничить привилегии евреев и мавров, становится вероятным благодаря законодательству кортов Вальядолида в 1293 году, на которое уже делались ссылки (стр. 63), но решающий импульс, который пробудил испанскую церковь от ее ленивого безразличия и заставил ее усердно работать, возбуждая народную ненависть и нетерпимость, по-видимому, восходит к Венскому собору 1311-12 годов. Среди опубликованных канонов собора единственный, касающийся мавров, - это жалоба на то, что у живущих в христианских землях есть свои священники по имени Забазала, которые с минаретов своих мечетей в определенные часы призывают к Магомету и громким голосом возносят ему хвалу, а также на то, что они привыкли собираться вокруг могилы того, кому они поклоняются как святому. Эти обычаи осуждаются как невыносимые, и князьям приказывается пресекать их с альтернативой обретения спасения или претерпевания наказания, которое заставит их служить устрашающим примером. [213] Эта угроза осталась без внимания. В 1329 году совет Таррагоны жалуется на его несоблюдение и приказывает всем светским лордам привести его в исполнение в течение двух месяцев под страхом интердикта и отлучения от церкви, [214] а сто лет спустя совет Тортосы, в 1429 году, умолял короля Арагона и всех прелатов и знать, по недрам божественной милости, обеспечить соблюдение канона и все другие соборные постановления направлены на возвышение веры и унижение евреев и мавров, а также на то, чтобы добиться их соблюдения своими подданными, если они хотят избежать мести Бога и Святого Престола. Это было столь же безрезультатно, и примерно в 1482 году Фердинанду и Изабелле было поручено обеспечить соблюдение венского канона с такой энергией, которая вызвала протест со стороны Великого турка. [215]

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ

Более серьезным было воздействие на евреев духа, пробудившегося во Вене. Этот совет, помимо принятия очень суровых законов против ростовщичества, осудил привилегию, предоставляемую в Испании евреям, согласно которой свидетели-евреи были необходимы для осуждения подсудимых-евреев. Он не предполагал отмены этой привилегии, но запрещал любые сношения между расами, где бы они ни действовали. [216] Испанские прелаты, вернувшись с собора 1312 года, привезли с собой эти каноны и дух нетерпимости, который их диктовал, и поспешили выразить это на соборе в Саморе в январе 1313 года в ряде канонов, характер которых настолько отличается от предыдущих высказываний Испанской Церкви, что это показывает произведенную революцию. в их образе мышления, в общении со своими собратьями из других стран. Отныне в этом отношении Испанская церковь выходит из своей изоляции и отличается еще большей свирепостью, чем та, которая опозорила остальной христианский мир. Отцы Заморы призвали проклятие Бога и святого Петра на всех, кто попытается обеспечить соблюдение существующих законов, требующих показаний евреев для осуждения евреев. Они осудили евреев как змей, которых христиане должны были терпеть только потому, что они были людьми, но которых следовало содержать в строгом подчинении и порабощении, и они стремились претворить этот принцип в жизнь с помощью ряда канонов,

всячески ограничивающих евреев и кладущих конец всякому социальному общению между ними и христианами. [217] Дружественное смешение рас, которое показывает, как мало люди разделяли предрассудки церковников в тот период, стало излюбленным предметом возражений и потребовало длительного ряда усилий для искоренения, но Церковь, наконец, восторжествовала, и семена зависти, ненависти и всякого безжалостного отношения, которые она так усердно сеяла и которые она так усердно уничтожала. культивируемый, давший в конце концов обильный урожай зла. Какие проявления христианской доброты, по мнению прелатов Саморы, им пришлось преодолеть, указаны в последнем повелении, согласно которому эти конституции должны ежегодно публично зачитываться во всех церквях и что епископы должны принудить всех светских судей к их соблюдению путем отлучения от церкви. [218]

Испанская церковь, таким образом, справедливо начавшая двигаться в этом плачевном направлении, продолжала свой путь с присущей ей энергией. В 1322 году решения совета Вальядолида показывают, насколько близкими были традиционные отношения между христианами и неверующими, и как Церковь, вместо того чтобы воспользоваться этим, старалась разделить расы. Собор констатирует, что возникают скандалы и церкви оскверняются господствующим обычаем присутствия мавров и евреев на богослужении, поэтому они должны быть изгнаны до начала церемонии мессы, а все, кто попытается помешать этому, должны быть отлучены от церкви. Также говорят, что привычка к ночным молитвенным бдениям в церквях, вероятно, не без оснований, является источником большого зла, и все, кто привлекает мавров и евреев к участию в них со своими голосами и инструментами, подлежат изгнанию. Чтобы уберечь верующих от осквернения мавританскими и еврейскими суевериями, им приказано больше не посещать свадьбы и похороны неверных. Абсурдное и иррациональное злоупотребление, посредством которого евреи и мавры занимают должности выше христиан, должно быть искоренено, и все прелаты должны наказать его отлучением от церкви. Поскольку злоба мавров и евреев побуждает их хитроумно предавать христиан смерти под предлогом излечения их лекарствами и хирургией, и поскольку каноны запрещают христианам использовать их в качестве врачей, и поскольку эти каноны не соблюдаются из-за небрежности прелатов, последним приказано строго соблюдать их, свободно применяя отлучение от церкви. [219]

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ

Эти последние два пункта указывают на вопросы, которые долгое время вызывали особую озабоченность верующих и требуют минутного внимания. Выдающиеся административные способности евреев привели к тому, что их постоянно искали на руководящие должности, к скандалу всех добрых христиан. Мы видели, что при готах это было оскорблением, требующим постоянного обращения к животным. Это была одна из главных жалоб Иннокентия III на Раймонда VI Тулузского, которую он так жестоко искупил в альбигойских крестовых походах, и один из декретов Латеранского собора был направлен против ее продолжения. [220] В Испании монархи не могли обходиться без них, и у нас будет возможность увидеть, что это стало одной из главных причин народной неприязни к несчастной расе, поскольку христианам было трудно невозмутимо переносить господство еврея, особенно в его обычном качестве *альмохарифе*, или сборщика налогов. Еще в 1118 году Альфонсо VIII в "фуэро", предоставленном Толедо, пообещал, что ни один еврей или недавно обращенный не должен быть поставлен выше христиан; Альфонсо X пошел на ту же уступку в "фуэро" Аликанте в 1252 году, за исключением того, что он сохранил за собой должность *альмохарифе*, а в "Партидас" он попытался сделать

правило общим. [221] Та же необходимость ощущалась и в отношении функции врача, для которой в темные века знания евреев и сарацин сделали их почти исключительно пригодными. Седехиас, еврейский врач императора Карла Лысого, был известен, и традиция передала его имя как имя искусного мага. [222] Принц и прелат одинаково искали утешения в своем лечебном служении, и, поскольку Церковь косо смотрела на практику медицины и хирургии священнослужителями, если только это не было посредством молитвы и экзорцизма, поле деятельности было почти в их полном распоряжении. Церковь всегда относилась к этому с неодобрением. Еще в 706 году Константинопольский собор приказал верующим не принимать лекарства от евреев, и это предписание было включено в каноническое право. [223] Другое правило, принятое Латеранским собором 1216 года, заключалось в том, что первейшей обязанностью врача была забота о душе пациента, а не о его теле, и следить за тем, чтобы у него был духовник — обязанность, которую вряд ли мог признать неверующий. [224] Поэтому легко понять, почему всеобщее отвращение Церкви к маврам и евреям должно быть обострено с особой остротой в отношении их врачебных функций; почему совет Вальядолида должен пытаться встревожить людей утверждением, что они использовали свое положение для убийства верующих, а совет Саламанки в 1335 году должен возобновить приговор об отлучении от церкви всех, кто будет использовать их во время болезни. [225] Номинально Церковь придерживалась своей точки зрения, и в предписывающих законах 1412 года было закреплено положение, налагающее штраф в размере трехсот мараведи на любого мавра или еврея, который должен посетить больного христианина или дать ему лекарство, [226] но принудительное исполнение запрета было невозможно. Около 1462 года францисканец Алонсо де Эспина горько жалуется, что нет ни одного дворянина или прелата, который не держал бы еврея-дьявола в качестве врача, хотя рвение евреев в изучении медицины заключается просто в том, чтобы получить возможность проявить свою злобу к христианам; за одного, кого они лечат, они убивают пятьдесят, и когда они собираются вместе, они хвастаются, кто стал причиной наибольшего количества смертей, ибо их закон повелевает им грабить и убивать верующих. [227] Всего через несколько лет после этого Абиатар Абен Крескас, главный врач Хуана II Арагонского, отца Фердинанда, отстоял еврейскую науку, успешно избавив своего царственного пациента от двойной катаракты и восстановив ему зрение. 11 сентября 1469 года, объявив расположение звезд благоприятным, он прооперировал правый глаз; король, довольный его восстановленным зрением, приказал ему продолжить лечение левого, но Абиатар отказался, сославшись на то, что звезды стали неблагоприятными, и только 12 октября он согласился завершить лечение. [228] Сами монахи так же мало, как и члены королевской семьи, верили в истории, которые они придумывали, чтобы напугать людей и вызвать отвращение к еврейским врачам. Несмотря на то, что Фердинанд и Изабелла в *Орденансах* 1480 года повторили запрет на посещение ими христиан, доминиканцы в 1489 году получили от Иннокентия IV разрешение нанять их, несмотря на все церковные порицания, причиной которых якобы было то, что в Испании было мало других. [229]

РЕПРЕССИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Духу предписаний, господствовавшему в советах Саморы и Вальядолида, не было позволено угаснуть. Правительство Таррагоны в 1329 году выразило свой ужас по поводу дружеского общения, с которым христиане имели обыкновение присутствовать на бракосочетаниях, похоронах и обрезаниях евреев и мавров и даже вступать в узы братства с родителями на последней церемонии, все это было строго запрещено на будущее. [230] Несколько лет спустя, в 1337 году, Арнальдо, архиепископ Таррагоны, направил Бенедикту XII письмо, которое

является важным выражением целей и методов Церкви. Несмотря, по его словам, на клятву, данную Хайме I перед завоеванием Валенсии, что он не позволит маврам оставаться там, христиане, ведомые слепой алчностью, позволяют им занимать землю, полагая, что таким образом они получают большие доходы, что является ошибкой, как недавно продемонстрировал аббат Поблет, изгнав мудехаров из владений аббатства. Говорят, что в Валенсии находится сорок или пятьдесят тысяч мавританских воинов, что является источником величайшей опасности, особенно сейчас, когда император Марокко готовится прийти на помощь королю Гранады. Кроме того, многие чудовищные преступления совершаются христианами вследствие их отвратительной фамильярности и сношений с маврами, которые хулят имя Христа и превозносят имя Магомета. “Я слышал,” продолжает он, “покойный епископ Валенсии заявил в публичной проповеди, что в этой провинции мечетей больше, чем церквей, и что половина или больше половины людей не знают молитвы Отче Наш и говорят только по-мавритански. Поэтому я молю ваше милосердие предоставить соответствующее средство правовой защиты, которое представляется невозможным до тех пор, пока мавры не будут полностью изгнаны и пока король Арагона не окажет свою помощь и благосклонность. Дворяне с большей готовностью согласились бы с этим, если бы им разрешили захватывать и продавать людей и имущество мудехаресов как врагов народа и неверных, и полученные таким образом деньги оказали бы немалую услугу в защите королевства”. Христианский прелат, не удовлетворившись прямой просьбой к папе принять это бесчеловечное предложение, отправил копию своего письма Жану де Комменжу, кардиналу Порту, и умолял его обсудить этот вопрос с Бенедиктом, а во втором письме кардиналу он объяснил, что папе будет необходимо приказывать королю изгнать мавров; что он охотно подчинился бы в отношении земель короны, но что папский приказ необходим в отношении земель других. Только, добавил он, алчность христиан удерживала там мавров. [231] Мы увидим, как двести семьдесят лет спустя архиепископ Валенсии способствовал окончательной катастрофе еще большим проявлением святого рвения, подкрепленного точно такими же аргументами.

Это постоянное давление со стороны их духовных наставников начало производить впечатление на правящие классы, и репрессивное законодательство становится частым явлением в Кортах. В Сории в 1380 году было приказано изъять оскорбительную молитву против христиан из еврейских молитвенников и запретить ее чтение под страхом суровых наказаний, в то время как раввины были лишены юрисдикции в уголовных делах между их народами. В городах Вальядолида в 1385 году христианам было запрещено жить среди евреев, евреям было запрещено служить сборщиками налогов, их судьям было запрещено выступать в гражданских делах между ними и христианами, и были приняты многочисленные постановления, ограничивающие притеснения должников. [232] В 1387 году во владениях Бривиески Хуан I постановил, что ни один христианин не должен держать в своем доме еврея или мавра, кроме как в качестве раба, и не общаться с кем-либо сверх того, что разрешено законом, под тяжким наказанием в 6000 мараведи, и ни один еврей или мавр не должен держать христиан в своем доме под страхом конфискации всего имущества и телесных повреждений. наказание по усмотрению короля. [233] Казалось невозможным обеспечить соблюдение этих законов, и Церковь вмешалась, взяв на себя юрисдикцию в этом вопросе. В 1388 году совет Валенсии потребовал приостановления работ по воскресеньям и праздничным дням и выразил сожаление по поводу нанесения вреда телам и душам верующих и скандалов, возникающих из-за обычных сношений между ними и неверными. Жилища последних было приказано строго отделить от жилищ первых; там, где для них не было отведено специальных помещений, это

было приказано сделать немедленно, и в течение двух месяцев ни один христианин не должен был проживать с ними, а они - с христианами. Если у них были ремесла для работы или товары для продажи, они могли выходить днем или занимать киоски или лавки вдоль улиц, но ночью они должны были возвращаться туда, где держали своих жен и детей. [234]

Эта сегрегация евреев и мавров и их строгое заточение в мория и иудерия были практическим методом разделения рас, который было трудно осуществить. Массовые убийства 1391 года показали, что такие кварталы обычно имелись в крупных городах, но проживание в них, по-видимому, не было обязательным, и евреи и мавры, которые желали этого, жили среди христиан. В ограничительных законах 1412 года этому вопросу отводится первое место. Приказано установить повсюду Морерии и судейства, окруженные стеной с только одними воротами. Любой, кто в течение восьми дней после уведомления не поселится в них, лишается всего своего имущества и подлежит наказанию по усмотрению короля, а для христианок, которые въезжают в них, предусмотрены суровые наказания. [235] Были предприняты усилия по обеспечению соблюдения этих правил, но казалось невозможным разделить гонки. В 1480 году Фердинанд и Изабелла заявляют, что закон не соблюдался, и отдают приказ о его приведении в исполнение, отводя два года на создание гетто, после чего ни один еврей или мавр не должен проживать за их пределами под установленным наказанием, и ни одна христианка не должна находиться в них. [236] Прошло время, когда законами пренебрегали, и это было приведено в действие с обычной энергией суверенов. В Сеговии, например, 29 октября 1481 года Родриго Альварес Мальдонадо, уполномоченный по этой цели, вызвал представителей еврейской альхамы, зачитал им Орденанцу и обозначил им пределы их иудерии. Всех христиан, проживающих там, предупредили, чтобы они покинули город в течение срока, установленного законом; все евреи района были обязаны поселиться там в течение того же времени, а все двери и окна домов, примыкающих к границам, по обе стороны, будь то евреи или христиане, было приказано замуровать или сделать непроходимыми. Сегрегация евреев должна была быть абсолютной. [237]

РЕПРЕССИВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В следующей главе мы увидим, насколько успешными были усилия Церкви по пробуждению жадности и фанатизма в людях и подавлению доброго общения, которое существовало так долго. Из-за этого евреи пострадали первыми и больше всего, и здесь необходимо только сказать, что в жестоких законах, которые ознаменовали начало пятнадцатого века, и мавр, и еврей были включены в ограничения, призванные максимально унижить их, сделать их жизнь обузой, лишить их средств к существованию и уменьшить их полезность для государства. Эти законы были слишком суровыми для строгого и постоянного исполнения, но они отвечали цели нанесения неизгладимого позора своим жертвам и поддержания здорового чувства антагонизма со стороны населения в целом. Это было направлено главным образом против евреев, которые были главными объектами клерикальной злобы, и нашей задачей будет изучить, как это умело развивалось, пока не стало непосредственной причиной появления инквизиции и не создало для нее, в самые ранние и напряженные годы, почти единственное поле ее деятельности. Между тем можно заметить, что в заключительном триумфе над Гранадой капитуляции, данные Фердинандом и Изабеллой, были даже более либеральными по отношению к евреям и маврам, чем те, которые были предоставлены с одиннадцатого по

тринадцатый век такими монархами, как Альфонсо VI, Фердинанд III, Альфонсо X и Хайме I. Если только они не были преднамеренно задуманы как вероломные ловушки, они показывают, как мало реальной сознательной убежденности стояло за тщательно стимулируемым фанатизмом, уничтожившим евреев и мудехаров. [238]

ГЛАВА III.

ЕВРЕИ И КОНВЕРСОС.

ЧТОБЫ должным образом оценить положение евреев в Испании, необходимо сначала понять, в каком свете к ним относились в других частях христианского мира в средневековый период. Уже было видно, что Церковь считала еврея существом, лишенным по вине своих предков всех естественных прав, кроме права на существование. Привилегии, предоставленные евреям, и социальное равенство, к которому они были допущены при Карловингах, вызвали самую жестокую неприязнь церковников. [239] Около 890 года Стефан VI пишет архиепископу Нарбонны, что он со смертельной тревогой услышал, что этим врагам Бога разрешено владеть землей и что христиане имели дело с этими собаками и даже оказывали им услуги. [240] Это правда, что Александр III сохранил древнее правило, согласно которому они могли ремонтировать свои существующие синагоги, но не строить новые, а Климент III почтил себя одним из редких человеческих высказываний в их пользу, запретив их насильственное обращение, их убийство или ранение или разграбление, лишение их религиозных обрядов, принудительное несение службы, если таковое не было принято, или нарушение их кладбищ в поисках сокровищ, и, более того, оба этих указа были воплощены Григорием IX в каноническом праве. [241] Однако эти запреты лишь указывают нам на то, каким образом народное рвение применяло принципы, провозглашенные Церковью, и, когда Парижский собор в 1212 году запретил под страхом отлучения христианским акушеркам присутствовать при родах еврейки, это показывает, что они авторитетно считались менее заслуживающими человеческого сочувствия, чем животные. [242]

Насколько была вызвана и усилена народная враждебность, видно из письма, адресованного в 1208 году Иннокентием III графу Неверскому. Хотя, говорит он, евреи, против которых громко вопиет кровь Иисуса Христа, не должны быть убиты, чтобы христиане не забыли божественный закон, все же они должны быть рассеяны как скитальцы по земле, чтобы их лица были покрыты позором и они могли искать имени Иисуса Христа. Богохульники с христианским именем не должны лелеяться князьями, угнетающими слуг Господа, но, скорее, должны быть подавлены рабством, которого они оказались достойными, когда возложили кощунственные руки на Того, кто пришел дать им истинную свободу, и они кричали, что Его кровь должна быть на них и их детях. И все же, когда прелаты и священники вмешиваются, чтобы подавить их злобу, они смеются над отлучением от церкви, и находятся дворяне, которые защищают их. Говорят, что граф Неверский - защитник евреев; если он не испугается божественного гнева, Иннокентий угрожает наложить на него руки и наказать за непослушание. [243] Цистерцианец Цезарий Гейстербахский в своих "диалогах для нравственного наставления своих собратьев—монахов" рассказывает несколько историй, которые иллюстрируют крайнее презрение к чувствам и

правам евреев, и в одной из них есть намек на любопытное распространенное поверье о том, что у евреев был отвратительный запах, который они утратили при крещении - вера, сохранившаяся, по крайней мере, в Испания до семнадцатого века была хорошо развита. [244] Даже такой просвещенный прелат, как кардинал Пьер д'Айи, в 1416 году упрекает правителей христианского мира в их щедрости по отношению к евреям, которую он может приписать только низменной жажде наживы; если евреям позволено остаться, то только в качестве слуг христиан. [245] Общие запреты на жестокое обращение мало помогали, когда прелаты и священники были заняты разжиганием народной неприязни, и было обнаружено, что папы угрожают любому принцу, достаточно смелому, чтобы вмешаться и защитить несчастную расу.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Конечно, при таком побуждении не было никаких церемоний в обращении с этими изгоями, каких только мог предположить религиозный пыл. Когда в 1009 году сарацины захватили Иерусалим и разрушили церковь Гроба Господня, гнев и возмущение Европы приняли столь угрожающие формы, что множество евреев приняли крещение. [246] Когда религиозная экзальтация достигла кульминации в крестовых походах, тем, кто принял крест, казалось безумием спасти Палестину, оставляя позади нечестивый народ, распявший Господа, и повсюду в 1096 году собрания крестоносцев были сигналом к еврейской резне. Было бы излишним подробно перечислять унылый перечень массовых убийств, которые веками позорили Европу, когда фанатизм или исчезновение ребенка давали повод для рассказов об обряде убийства, или окровавленный хозяин наводил на мысль о святотатстве, совершенном над причастием, или какое-нибудь мимолетное зло, такое как эпидемия, побуждало население к кровопролитию и грабежу. Средневековые хроники полны таких ужасных сцен, в которых жестокость и жадность прикрывались рвением отомстить Богу; и когда, в редких случаях, власти защищали беззащитных, это приписывалось недостойным мотивам, как в случае с Иоганном фон Крайхбау, епископом Шпейера, который в 1096 году не только спас несколько евреев, но и обезглавил нападавших и был обвинен в получении крупной взятки; не избежали подобных обвинений и Фредерик Барбаросса и Людвиг Баварский. [247] Было безопаснее и выгоднее сочетать благочестие и грабеж, как тогда, когда в апреле 1182 года Филипп Август приказал всем евреям покинуть Францию ко дню Святого Иоанна, конфисковав их земельную собственность и разрешив им забрать свои личные вещи. Его внук, Людовик святой, без колебаний прибегал к пополнению своей казны за счет выкупа евреев, а внук последнего, Филипп ле Бель, был еще более беспринципен в 1306 году, когда согласованным движением захватил всех евреев в своих владениях, лишил их собственности и изгнал под страхом смерти. В Англии король Иоанн в 1210 году бросил евреев в тюрьму и пытал их ради выкупа, а его внук Эдуард I настолько успешно последовал примеру Филиппа Августа, что евреям не разрешалось возвращаться до времен Кромвеля. [248]

Испания так долго оставалась изолированной от движений, будораживших остальной христианский мир, что отвращение к евреям, которому учила Церковь и которое люди во многих отношениях применяли на практике, получило позднее развитие. Во время сарацинского завоевания и в ожесточенной борьбе раннего периода Реконкисты антипатия, столь жестоко выраженная в готском законодательстве, казалось, прошла, возможно, потому, что среди грубых горцев Галисии и Астурии могло быть очень мало евреев. Верно, что законы висиготов в

романской версии, известной как *Fuero Juzgo*, номинально оставались в силе; верно также, что в *Fuero* был введен закон, который, по-видимому, указывает на внезапный всплеск фанатизма после длительного периода относительной терпимости. Он предусматривает, что если еврей преданно принимает веру Христа, он должен иметь лицензию на торговлю во всем с христианами, но если он впоследствии вернется в иудаизм, его личность и имущество переходят к королю; Евреи, упорствующие в своей вере, не должны общаться с христианами, но могут торговать друг с другом и платить налоги королю. Их дома, рабы, земли, сады и виноградники, которые они, возможно, купили у христиан, даже если эта покупка была совершена в давние времена, объявляются конфискованными у короля, который может даровать их кому пожелает. Если какой-либо еврей будет торговать в нарушение этого закона, он станет рабом короля со всем своим имуществом. Христиане не должны торговать с евреями; если это сделает дворянин, он должен выплатить королю три фунта золота; при сделках на сумму более двух фунтов излишек возвращается королю вместе с тремя долами; если преступник - простолюдин, он должен получить триста ударов плетью. [249]

ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНСКИХ ЕВРЕЕВ

Дата принятия этого закона неизвестна, но он предполагает значительный предшествующий период терпимости, в течение которого евреи размножились и стали обладателями земельных богатств. В какой степени это могло соблюдаться, мы не имеем возможности узнать, но его соблюдение, должно быть, было лишь временным, поскольку те проблески, которые мы получаем о положении евреев вплоть до четырнадцатого века, совершенно несовместимы с жестоким запрещением готских законов. По мере самоорганизации испанских королевств *фуэро-хусго* по большей части были вытеснены толпой местных *фуэро, картас-пуэбло* и обычаями, определяющими привилегии каждой общины, и мы видели в предыдущей главе, как в них и мавр, и еврей признавались разделяющими общие права гражданства и насколько полно была разрешена свобода торговли между всеми классами. В 1251 году закон *Fuero Juzgo* был официально отменен в Арагоне Хайме I, который запретил ссылаться на него в судах — мера, из которой следует, что он практически устарел. [250] В Кастилии он просуществовал несколько дольше, и следы его существования можно найти в некоторых местах до конца тринадцатого века. [251] Это, однако, не следует толковать как отсылку к положениям, касающимся евреев, которые уже давно были отменены.

На самом деле евреи составляли слишком большую и важную часть населения, чтобы к ним относились пренебрежительно. Монархи, постоянно вовлеченные в борьбу с сарацинами и мятежной знатью, сочли необходимым использовать все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, будь то деньги, разведка или военная служба. В первых двух из них евреи занимали выдающееся положение, не обошлось и без упущений в последнем. Говорят, что на катастрофическом поле Залака в 1086 году сорок тысяч евреев встали под знамена Альфонсо VI, и резня, которой они подверглись, доказала их преданность, в то время как при поражении при Уклесе в 1108 году они составляли почти все левое крыло кастильского войска. [252] В 1285 году мы слышим о евреях и маврах, помогавших арагонцам в их нападениях на отступающие войска Филиппа ле Харди. [253] Что касается денег, то торговля и финансы Испании были в значительной степени в их руках, и мавры были для них самым удобным источником получения доходов. Каждый мужчина, вступивший в брак или достигший 20—летнего возраста, платил

ежегодный подушный налог в размере трех золотых мараведи; существовал также ряд специфических для них сборов, и, кроме того, они разделяли с остальным населением сложную и разорительную систему налогообложения - обычные и экстраординарные *услуги, педидас и аюды, сакос и пастос и алькавалы*. Помимо этого, они помогали поддерживать муниципалитеты или сеньории и прелатии, под властью которых они жили, с помощью *талласов, пасты*, девятых или одиннадцатых долей товаров и *горохов и баркажей, понтасгос и портасгос*, или различного рода пошлин, которые ложились на них тяжелее, чем на христиан, и, более того, Церковь получала от них обычную десятину, пожертвования и первые плоды. [254] Доходы от еврейских альдхам, или общин, всегда считались одними из самых надежных ресурсов короны.

Более того, острый ум и практические способности евреев делали их услуги в государственных делах почти незаменимыми. Напрасно Римский собор в 1078 году возобновил старые запреты, чтобы возложить на них функции, которые позволили бы им командовать христианами, и столь же напрасно в 1081 году Григорий VII обратился к Альфонсо VI с яростным протестом по этому поводу, заверяя его, что поступать так - значит угнетать Церковь Божию и превозносить синагогу сатаны, и что, стремясь угодить врагам Христа, он презирает самого Христа. [255] Фактически, самыми славными веками Реконкисты были те, в которые евреи пользовались наибольшей властью при дворах королей, прелатов и знати Кастилии и Арагона. Сокровищницы королевств были фактически в их руках, и именно их умение организовывать снабжение сделало практически осуществимыми предприятия таких монархов, как Альфонсо VI и VII, Фернандо III и Хайме I. [256] Обращаться с ними так, как поступали готы, или так, как предписывала Церковь, стало очевидной невозможностью.

ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНСКИХ ЕВРЕЕВ

При таких обстоятельствах было естественно, что их численность должна была увеличиваться до тех пор, пока они не составят заметную часть населения. Об этом можно судить по *порепартимьенто*, или оценке налогов, в 1284 году, которая показывает, что в Кастилии они платили подушный налог в размере 2 561 855 золотых мараведи, что при трех мараведи на душу населения означает в общей сложности 853 951 женатого или взрослого мужчину. [257] Этот большой агрегат был тщательно организован. В каждой альдхаме или общине были свои раввины во главе с раввином-мэром во главе. Затем каждым округом, включавшим одно или несколько христианских епископств, руководил раввин-мэр, и, прежде всего, был *гаон* или *Наси*, князь, обязанностью которого было следить за соблюдением законов расы, как гражданских, так и религиозных, в их чистоте. [258] Как мы уже видели, все вопросы между собой решались перед их собственными судьями в соответствии с их собственным кодексом, и даже когда король привлекал еврея к уголовной ответственности, он подвергался наказанию в соответствии с его собственным законом. [259] Уважение к этому было настолько полным, что их субботы и другие праздники соблюдались в неприкосновенности; в эти дни их нельзя было вызвать в суд или помешать им, за исключением ареста за преступление. Им было разрешено даже многоженство. [260]

Хотя их религия и законы, таким образом, соблюдались, от них требовалось уважать христианство. Им не разрешалось читать или хранить книги, противоречащие их собственному закону или христианскому закону. Обращение в христианство каралось смертью и конфискацией имущества, а любые оскорбления в адрес Бога, Девы Марии или святых карались

штрафом в размере десяти мараведи или ста ударов плетью. [261] Тем не менее, если верить возмущенному Лукасу из Туя, писавшему о 1230 году, эти простые ограничения практически не применялись. Катары-еретики из Леона, сообщает он нам, имели обыкновение делать себе обрезание, чтобы под видом евреев выдвигать еретические догмы и спорить с христианами; то, что они не осмеливались произносить как еретики, они могли свободно распространять как евреи. Губернаторы и судьи городов одобрительно выслушивали ереси, выдвигаемые евреями, которые были их друзьями и фамильярами, и если кто-либо, воспламененный благочестивым рвением, вызывал гнев этих евреев, с ним обращались так, как если бы он коснулся зеницы ока правителя; они также учили других евреев хулить Христа, и таким образом извращалась католическая вера. [262]

Это свидетельствует о слабости терпимости, невозможной ни в одной другой стране того периода, однако испанские евреи не были полностью защищены от нашествий иностранного фанатизма. До того, как был организован дух крестоносцев для завоевания Святой Земли, пылкие рыцари иногда вступали в войну с испанскими сарацинами, и их религиозный пыл был ущемлен свободой, которой пользовались евреи. Примерно в 1068 году банды этих чужеземцев поступили с ними так же, как они привыкли поступать у себя дома, безжалостно убивая и грабя их. Испанская церковь еще не была запятнана расовой ненавистью, и епископы вмешались, чтобы спасти жертв. За это они получили горячую похвалу Александра II, который обвинил крестоносцев в том, что они действовали либо по глупому невежеству, либо из слепой алчности. Те, кого они собирались убить, сказал он, возможно, были предопределены Богом к спасению; он процитировал Григория I с той же целью и указал на разницу между евреями и сарацинами, последние из которых воюют с христианами и вполне могут подвергнуться нападению. [263] Если бы кафедра Святого Петра всегда была столь достойно заполнена, бесконечных страданий можно было бы избежать и история христианского мира была избавлена от некоторых из ее самых отвратительных страниц.

Когда дух крестового похода распространился на Испанию, он иногда вызывал аналогичные тенденции. В 1108 году архиепископ Толедский Бернардо принял крест, и религиозная экзальтация была пламенной. Последовал катастрофический разгром Уклеса, который в народе приписывали евреям кастильской армии, вызвав возмущение, проявившееся в резне в Толедо и сожжении синагог. Альфонсо VI тщетно пытался найти и наказать виновных, и за его смертью в 1109 году последовали аналогичные злодеяния, которые остались неотомщенными. [264] Это была спорадическая вспышка, которая вскоре исчерпала себя. Более суровое испытание пришло из-за границы, когда в 1210 году легат Арно Нарбоннский повел свое воинство крестоносцев на помощь Альфонсо IX. Хотя их рвение к вере было исчерпано взятием Калатравы, и мало кто из них остался, чтобы разделить венец славы Лас-Навас-де-Толоса, их пыла было достаточно, чтобы спровоцировать нападение на мирных евреев. Местная знать тщетно пыталась защитить жертв, которые были безжалостно убиты, так что Абраванель заявляет, что это было одно из самых кровавых преследований, которым они подверглись, и что из Испании бежало больше евреев, чем Моисей вывел из Египта. [265]

ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНСКИХ ЕВРЕЕВ

Это не оказало постоянного влияния на положение испанских евреев. Во время долгого правления Сан-Фернандо III и Альфонсо X Кастильского и Хайме I Арагонского, охватывавшего большую часть XIII века, услуги, которые они оказывали монархам, были вознаграждены

растущей благосклонностью и защитой. После того, как Хайме завоевал Менорку, в 1247 году он взял всех евреев, поселившихся там, под королевскую охрану и пригрозил штрафом в тысячу золотых монет за причинение вреда любому из них, а в 1250 году он потребовал, чтобы показания евреев, а также христиан были представлены по всем искам, гражданским или уголовным, возбужденным христианами против евреев. Итак, когда в 1306 году Филипп ле Бель изгнал евреев из Франции, а жители Майорки опасались той же участи, Хайме II успокоил их, пообещав королевской вере, что они навсегда останутся на этой земле с полной безопасностью личности и имущества, обещание, подтвержденное в 1311 году его сыном и преемником Санчо. [266] В Кастилии, когда Сан-Фернандо завоевал Севилью в 1244 году, он отдал евреям большое пространство в городе и, вопреки канонам, выделил им четыре мавританские мечети для переоборудования в синагоги, основав таким образом севильскую альджаму, обреченную на столь плачевную историю. Альфонсо X на протяжении всего своего правления покровительствовал еврейским ученым, которых он нанимал для перевода ценных работ с арабского и иврита; он построил для них обсерваторию в Севилье, где были сделаны записи, воплощенные в альфонсинских таблицах; он разрешил жителям Толедо построить великолепную синагогу, ныне известную как Санта-Мария-ла-Бланка, и евреи с любовью рассказывают, что еврейская школа, которую он перевел из Кордовы в Толедо, насчитывала двенадцать тысяч учеников. [267] Он быстро сохранил их привилегии, и, когда евреи Бургоса пожаловались, что в смешанных костюмах алькальды будут подавать апелляции к нему, когда христианский истец потерпит поражение, отказывая в них побежденным евреям, он сразу положил конец дискриминации, указ, который Санчо IV ввел в действие со штрафом в сто мараведи, когда в 1295 году евреи Бургоса подали апелляцию на его имя. жалоба была повторена. [268] Однако Альфонсо в своем систематическом кодексе, известном как Partidas, который не был утвержден Кортами до 1348 года, позволил себе поддаться влиянию учения Церкви и принципов имперской юриспруденции. Он принял доктрину канонов, согласно которой еврею просто позволялось жить в плену среди христиан; ему запрещалось плохо отзываться о христианской вере, а любая попытка обращения в свою веру каралась смертью и конфискацией имущества. На обряд убийства ссылались как на слух, но в случае, если он практиковался, это было тяжкое преступление, и виновные должны были предстать перед судом самого короля. Евреи не имели права занимать какие-либо должности, на которых они могли притеснять христиан; им было запрещено иметь слуг-христиан, а покупка раба-христианина влекла за собой смертную казнь. Они не должны были общаться с христианами в еде, питье и купании, а любовь еврея к христианке влекла за собой смерть. В то время как еврейские врачи могли выписывать лекарства пациентам-христианам, лекарство должно быть приготовлено христианином, а ношение ненавистного отличительного знака каралось десятью золотыми мараведи или десятью ударами плетью. В то же время христианам было строго запрещено причинять какой-либо вред личности или имуществу евреев или каким-либо образом вмешиваться в их религиозные обряды, и никакое принуждение не должно было использоваться, чтобы склонить их к крещению, ибо Христос желает только добровольного служения. [269]

ПОПЫТКИ ОБРАЩЕНИЯ

Это было пророчеством о грядущих злых днях, и правление Альфонсо оказалось кульминационной точкой еврейского процветания. Столица и торговля страны были в значительной степени в их руках; они управляли ее финансами и собирали доходы. Король, дворянин и прелат доверили свои дела евреям, влияние которых, следовательно, ощущалось

повсюду. Чтобы низвергнуть их с этого положения в рабство, предписанное канонами, потребовалась длительная борьба, и можно сказать, что она берет свое отдаленное начало в попытке их обращения. В 1263 году доминиканский брат Пабло Кристиа, обращенный еврей, вызвал величайшего раввина того времени Моше абена Наджмана на диспут, который проходил под председательством Хайме I в его барселонском дворце. Каждый чемпион, конечно, хвастался победой; царь отпустил Нахманида не только с почестями, но и с солидной наградой в триста золотых монет, но он приказал сжечь некоторые еврейские книги и вычеркнуть богохульные отрывки из Талмуда. [270] Далее он издал указ, предписывающий всем верующим ему евреям собираться и благоговейно слушать Фрай Пабло всякий раз, когда он пожелает с ними поспорить, снабжать его теми книгами, которые он пожелает, и покрывать его расходы, которые они могли бы вычесть из своей дани. [271] Два года спустя Фрай Пабло бросил вызов другому видному еврею, раввину Бен-Аструху, главе синагоги Жероны, который отказывался, пока не получил обещание короля Хайме и великого доминиканца Святого Рамона де Пеньяфорта, что он не должен нести ответственности за то, что он может произнести в дебатах, но когда, по просьбе епископа Жероны, Бен-Аструх изложил свои аргументы, фрейлы Пабло и Рамон обвинили его в богохульстве, поскольку было явно невозможно, чтобы еврей мог защищать свой строгий монотеизм и мессианскую веру без рассуждений, которые показались бы богохульными восприимчивым теологам. Раввин сослался на королевскую клятву; Хайме предложил сослать его на два года, а его книгу сжечь, но это не удовлетворило доминиканцев, и он отклонил это дело, запретив преследовать раввина только перед самим собой. Апелляция, по-видимому, была обращена к Клименту IV, который обратился к королю Хайме в гневном настроении, обвинив его в благосклонности, оказанной евреям, и приказав ему лишить их должности, угнетать и попираť их; особенно Бен-Аструх, по его словам, следует сделать примером, не калеча и не убивая его. [272] Этот взрыв папского негодования прошел безобидно, но рвение доминиканцев разгорелось, и, трудясь над обращением евреев, они естественным образом возбудили антагонизм по отношению к тем, кто отказывался отказаться от своей веры. Задолго до 1242 года Хайме издал указ, подтвержденный Иннокентием IV в 1245 году, уполномочивающий нищенствующих монахов иметь свободный доступ в Иудею и Морерию, собирать жителей и принуждать их слушать проповеди, направленные на их обращение. [273] Доминиканцы теперь воспользовались этим с такой энергией и возбудили такую враждебность к евреям, что Хайме был вынужден выступить на их защиту. Он заверил альджаму, что они не несут ответственности за то, что содержится в их книгах, если только это не порочит Христа, Деву Марию и святых, и все обвинения должны быть предъявлены ему лично; их свобода торговли не должна быть ограничена; мясо, зарезанное ими, может свободно выставляться на продажу в Иудеях, но не где-либо еще; торговле шкурами нельзя препятствовать; их синагоги и кладбища должны находиться под их исключительным контролем; их право на получение процентов по займам не должно быть ущемлено, как и их способность взыскивать долги; их нельзя было принуждать слушать монахов вне их иудейских общин, потому что в противном случае они были подвержены оскорблениям и бесчестию, и немощных во время проповеди в синагогах не должна была сопровождать беспорядочная толпа, но самое большее десять благоразумных христиан; наконец, на них не должно было налагаться никаких новых ограничений, кроме как по королевскому приказу после того, как они выслушали их возражения. [274]

Эти положения указывают на направление, в котором доминиканцы стремились ограничить привилегии, которыми так долго пользовались евреи, и на королевское намерение защитить их

от местного законодательства, которое, несомненно, было предпринято под этим побуждением. Они не отказались от благодарности, ибо, когда в 1274 году Хайме присутствовал на лионском соборе, они пожертвовали семьдесят одну тысячу *суэльдо*, чтобы он мог появиться с подобающим великолепием. [275] Королевская защита была срочно необходима, поскольку среди духовенства нарастала волна гонительского рвения, и вскоре после его возвращения из Лиона, в Страстную пятницу, священнослужители Жероны позвонили в колокола, созвали население и напали на Джудерию, которая была одной из крупнейших и наиболее процветающих в Каталонии. Им удалось бы уничтожить его, если бы не вмешательство Хайме, который случайно оказался в городе и защищал евреев силой оружия. [276]

ОБРАЩЕНИЕ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

После смерти Хайме в 1276 году церковники, похоже, решили, что они могут безопасно подчиняться приказам Климента IV, тем более что Николай IV в 1278 году поручил генеральному доминиканцу направить повсюду благочестивых братьев, чтобы они созывали евреев и трудились над их обращением, с существенным дополнением, что списки отказывающихся от крещения должны быть составлены и представлены ему, когда он решит, что с ними делать. [277] То, как фрейлы интерпретировали папские высказывания, указано в письме Педро III Педро епископу Хероны в апреле того же 1278 года, в котором говорится, что он уже неоднократно обращался к нему с просьбой положить конец нападениям духовенства на евреев, и теперь он узнает, что они снова напали на Иудерию, забросав ее камнями с самого начала. башни собора и из их собственных домов, а затем напали на нее, опустошая сады и виноградники евреев и даже разрушая их могилы, и, когда королевский герольд встал, чтобы запретить работы, заглушили его голос криками и насмешками. Педро обвиняет епископа в подстрекательстве духовенства к этим безобразиям и приказывает ему положить этому конец и наказать нарушителей. [278] Он был еще энергичнее, когда французский крестовый поход под командованием Филиппа ле Харди продвигался к осаде Жероны в 1285 году, и его мавританские солдаты в гарнизоне взялись разграбить *позывной Юхич*, или Джудерия, когда он бросился к ним с булавой в руке, сразил нескольких и закончил тем, что повесил нескольких из них. [279] Однако он не препятствовал обращению евреев, поскольку в 1279 году приказал своим чиновникам заставить их слушать францисканцев, которые, повинаясь указаниям папы, могли пожелать проповедовать им в своих синагогах. [280] Эти вторжения слабаков в Иудерию неизбежно привели к неприятностям, поскольку важное значение имеет письмо Хайме II от 4 апреля 1305 года своему представителю в Пальме, в котором упоминаются недавние скандалы, для предотвращения которых в будущем он приказывает, чтобы ни один священник не входил в Иудерию для совершения таинств без сопровождения светского чиновника. Эта предосторожность оказалась бесполезной, поскольку, несомненно, именно продолжение подобных провокаций привело к беспорядкам около 1315 года, что дало королю Хайме повод конфисковать все имущество альхамы Пальмы, а затем смягчить наказание штрафом в размере 95 000 *либр*. На источник этих проблем указывает королевский указ от 1327 года, адресованный губернатору Майорки, запрещающий крещение еврейских детей младше семи лет или насильственное крещение евреев любого возраста. [281]

В течение всего этого периода в Арагоне действовала инквизиция, которая, конечно, не могла вмешиваться в дела евреев как таковых, поскольку они находились вне ее юрисдикции, но которая была готова наказывать за более или менее реальные попытки пропаганды или преступления против религии. Корона не возражала против использования его в качестве

средства вымогательства, одновременно препятствуя уничтожению или калечению столь полезных подданных. В грамоте Хайме II от 14 октября 1311 года говорится, что инквизитор отец Хуан Льотгер узнал, что альджама Барселоны, Таррагоны, Монблана и Вилафранки укрывали и кормили некоторых новообращенных евреев, которые вернулись в иудаизм, а также других, прибывших из-за рубежа. Он оказал брату Хуану необходимую поддержку, позволив ему проверить обвинения на месте, и получил его отчет на этот счет. Теперь, следовательно, он дарует свободное и полное прощение провинившимся альджамамам с гарантией, что они не будут привлечены к ответственности ни в гражданском, ни в уголовном порядке, за что 10 октября они заплатили ему десять тысяч суэльдо. В этом случае, похоже, не было обычного судебного разбирательства инквизицией, король отменил его своим действием. В другом, более серьезном деле он вмешался после суда и приговора, чтобы смягчить наказание. В 1326 году альджама из Калатаюда подверглась преследованию инквизиции, не только приняв обратно женщину, которая была крещена, но и сделав обрезание двум христианам. Судимый инквизитором и епископом Таразоны, он был признан виновным и приговорен к штрафу в двадцать тысяч суэльдо, а его члены - к конфискации, но король Хайме седулой от 6 февраля 1326 года освободил их от конфискации и всех других наказаний при уплате штрафа. [282]

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИВИЛЕГИЙ

Хотя Кастилия медленнее, чем Арагон, получала импульсы из-за границы, в начале четырнадцатого века мы начинаем находить следы аналогичного движения Церкви против евреев. В 1307 году альхама Толедо пожаловался Фернандо IV на то, что декан и капитул получили от Климента V буллы, наделяющие их юрисдикцией над евреями, в силу чего они обеспечивали соблюдение канонов против ростовщичества и лишали еврейскую общину ее собственности. В то время в Испании не было вопроса, который, как мы увидим, обсуждался ниже, о королевской прерогативе контролировать отвратительные папские письма, и Фернандо немедленно приказал капитулу вернуть буллы; все действия в соответствии с ними объявлялись недействительными, и угрожалась двойная компенсация за весь причиненный ущерб. Евреи, сказал он, были его евреями; они не должны были быть лишены возможности платить налоги, и папа не имел права ущемлять права короны. Он проинструктировал Феррана Нуньеса де Пантоха принудить к повиновению, и после того, как некоторые нарушители были арестованы, испуганные каноники сдали быков и отказались от своих многообещающих спекуляций, но это дело оставило за собой вражду, которая впоследствии прискорбно проявилась. [283]

Несмотря на королевскую милость и защиту, в законодательстве того периода начинает проявляться тенденция к ограничению привилегий евреев, показывая, что народные настроения постепенно оборачивались против них. Еще в 1286 году Санчо IV согласился лишить их специальных судей, и, хотя закон в целом не соблюдался, это указывает на дух, который требовал этого и обеспечил его повторение в кортах Вальядолида в 1307 году. [284] Жалобы еврейских сборщиков налогов были громкими и многочисленными, и молодому Фернандо IV пришлось неоднократно обещать, что доходы не будут передаваться на откуп кабальеро, духовенству или евреям. Потрясения, сопровождавшие его малолетство и короткое правление, а также малолетство его сына Альфонсо XI, предоставили благоприятную возможность для проявления враждебности, и королевская власть была слишком слаба, чтобы предотвратить урезание еврейских привилегий в различных направлениях. [285] В предыдущей

главе мы видели, в каком настроении испанские прелаты вернулись с Венского собора 1312 года, а также запретительное законодательство, принятое ими на соборе в Саморе в 1313 году и его преемниках. Все благоприятствовало развитию этого духа нетерпимости, и в Кортес Бургоса в 1315 году регенты молодого Альфонсо XI признали, что канон Клементины, отменяющий все законы, разрешающие ростовщичество, должен применяться, что все смешанные иски, гражданские и уголовные, должны рассматриваться королевскими судьями, что показания еврея не должны приниматься против христианина, в то время как показания христианина хороши против еврея, что евреи не должны брать христианские имена, кормилицы-христианки не должны кормить грудью евреев и законы о роскоши должны быть направлены против христиан. против роскоши еврейского облачения. [286]

Можно сказать, что это знаменует начало долгой борьбы, которая, несмотря на их удивительную силу сопротивления, должна была закончиться уничтожением испанских евреев. На различных этапах конфликта Церкви в ее усилиях вызвать народную ненависть сильно помогала ненависть, которую вызывали сами евреи своим хвастовством, ростовщичеством и функциями государственных чиновников.

Сильная раса не склонна быть дружелюбной. Евреи гордились своей древней родословной и чистотой своего происхождения от царей и героев Ветхого Завета. Человек, который мог бы проследить свою родословную до Давида, с бесконечным презрением посмотрел бы на идадьго, которые хвастались кровью Лаина Кальво, и, если благосклонность монарха делала безопасным выражение его чувств, его высокомерие не могло завоевать друзей среди тех, кто с лихвой платил за его презрение. Восточная любовь к показухе была тяжким преступлением в народе. Богатство королевства в значительной степени находилось в руках евреев, что давало широкие возможности для контраста между их великолепием и бедностью христианской толпы, а расточительность, с которой они украшали себя, своих женщин и своих слуг, вполне подходила для возбуждения зависти, более мощной для зла, поскольку более распространенной, чем вражда, возникающая из-за индивидуальных проступков. [287] Незадолго до катастрофы, в конце пятнадцатого века, король Португалии Афонсо V, который хорошо относился к ним, спросил главного раввина Джозефа Ибн Джахию, почему он не помешал своему народу демонстрировать провокационное утверждение о том, что их богатство было получено от грабежа христиан, добавив, что ему не нужен ответ, поскольку ничто, кроме грабежей и резни, не излечит их от этого. их от этого. [288]

ПРИЧИНЫ ВРАЖДЫ

Более практической и далеко идущей причиной вражды было ростовщичество, благодаря которому была приобретена значительная часть их богатства. Ростовщик повсюду был непопулярным персонажем, а в средние века он был особенно популярен. Когда Церковь объявляла любой процент или любую выгоду, прямую или косвенную, полученную от займов, грехом, за который грешник не мог быть допущен к покаянию без возмещения ущерба; когда оправдание получения процентов рассматривалось как ересь, подлежащая наказанию инквизицией, на ростовщика возлагалось клеймо, его доходы становились рискованными, и его призвание становилось таким, которому честный христианин не мог следовать. [289] Торговая Италия рано переросла эти догмы, которые так сильно тормозили всякое материальное развитие, и ей удалось примирить, *по закону и неволе*, каноны с практическими потребностями

бизнеса, но в других местах по всей Европе, везде, где евреям разрешалось существовать, выдача денег или товаров под проценты неизбежно попадала, по большей части, в их руки, ибо они руководствовались своим собственным моральным кодексом и не подчинялись Церкви. Это исчерпало все средства принуждения их через их правителей, но цель, к которой они стремились, была слишком несовместима с потребностями развивающейся цивилизации, чтобы оказывать какое-либо влияние, за исключением отсрочки выплаты помощи заемщику на неопределенный срок. [290]

Непривлекательность профессии, связанные с ней риски и нехватка монет в средние века привели к тому, что нынешние процентные ставки стали непомерно жесткими. В Арагоне евреям было разрешено взимать 20-процентную плату. ежегодно, в Кастилии 33½, [291] и постоянное повторение этих ограничений и положений, направленных против всевозможных хитроумных приемов путем фиктивных продаж и других махинаций с целью получения незаконной прибыли, показывают, как мало законы соблюдались при алчной алчности, с которой евреи спекулировали на предметах первой необходимости своих клиентов. [292] В 1326 году альджама Куэнки, учитывая законную ставку в 33½ процента. слишком низкооплачиваемый, категорически отказывался давать займы ни деньги, ни пшеницу для посева. Это вызвало большое беспокойство, и городской совет вступил в переговоры, результатом которых стало соглашение, по которому евреям разрешалось взимать 40 процентов. [293] В 1385 году корты Вальядолида описывают одну из причин необходимости подчиняться любым поборам, которые евреи сочли нужным наложить, когда говорится, что новые лорды, которым Генрих Трастамарский даровал города и деревни, имели обыкновение сажать в тюрьмы своих вассалов, морить их голодом и пытками, чтобы заставить выплатить то, чего они не получили, обязывая они хотели получить деньги от евреев, которым они отдавали любые облигации, какие требовались. [294] Монархи, так же как и крестьяне, подпадали под эти ограничения. В Наварре закон Фелипе III от 1330 года ограничил процентную ставку 20 процентами. и мы находим, что эта сумма была выплачена его внуком Карлосом III в 1399 году за ссуду в 1000 флоринов, но в 1401 году он заплатил по ставке 35 процентов. за ссуду в 2000 флоринов, а в 1402 году его королева Донья Леонор заняла 70 флоринов у своего врача-еврея Авраама по четыре флорина в месяц, дав ему в залог серебряную посуду; обнаружив по истечении двадцати одного месяца, что проценты составили 84 флорина, она попросила о снижении, и он удовлетворился 30 флоринами. [295]

Когда деньги нельзя было добыть никаким другим способом, когда бюргеру приходилось добывать их, чтобы заплатить налоги или поборы своего господина, а земледельцу приходилось добывать семенное зерно или голодать, легко понять, как всем приходилось подчиняться требованиям ростовщика; как, несмотря на случайные грабежи и увеличение долгов, евреи поглощали оборотный капитал общины и как безрассудно они помогали слабым концентрировать всеобщее отвращение к себе. Напрасно Орден Алькала в 1348 году запретил ростовщичество маврам и евреям, а также христианам; это была неизбежная необходимость, и оно продолжало процветать. [296]

ПРИЧИНЫ ВРАЖДЫ

Столь же эффективными в возбуждении антипатии были функции евреев как должностных лиц и особенно *какальмохарифов* и *рекабдоров* — собирателей податей и податных податей, что приводило их в самые тесные и раздражающие отношения с народом. В тот век оскудения

казначейств и грубых финансовых ухищрений обычным способом сбора средств была раздача доходов тому, кто больше заплатит за определенные суммы; поскольку прибыль от спекуляции зависела от суммы, которую нужно было выжать из людей, подчиненные сборщики были безжалостны в взыскании и неутомимы в розыске правонарушителей, вызывая ненависть, которая распространялась на всю расу. Напрасно Церковь неоднократно запрещала наем евреев на государственные должности. Их способности и сноровка делали их незаменимыми для монархов, знати и прелатов, и жалобы, которые возникали на них со всех сторон, были бесполезны. Так, в ссоре между капитулом Толедо и великим архиепископом Родриго, в которой первый апеллировал к Григорию IX в 1236 году, одна из заявленных претензий заключается в том, что он назначил евреев начальниками общего стола капитула, что позволило им обманывать каноников; они даже проходили через церковь и часто входили в сам капитул, к великому скандалу всех христиан; они собирали десятину и третьи части и управляли вассалами и имуществом Церкви, значительно обогатившись за счет разграбления наследия Распятых, из-за чего папа римский был изгнан. были искренние молитвы о том, чтобы изгнать евреев из этих учреждений и заставить их возместить ущерб. [297]

Когда такие прелаты, как архиепископ Родриго, уделяли так мало внимания заповедям Церкви, не следует предполагать, что монархи были более послушны или были склонны отказываться от преимуществ, извлекаемых из услуг этих опытных финансистов. Примером того, как эти люди помогали своим хозяевам, одновременно обогащаясь, является дон Чаг де ла Малеха, *мэр альмохарифе* при Альфонсо X. Когда король в 1257 году собирал армию для покорения Абен-Нотфота, короля Ниеблы, Дон Чаг обязался покрыть все расходы кампании с учетом назначения ему определенных налогов, некоторыми из которых он все еще пользовался в 1272 году. [298] Людям, стонавшим под гнетом требований этих умелых чиновников, было бесполезно протестовать против их найма и вымогать у монархов неоднократные обещания больше не нанимать их. Обещания так и не были выполнены, и до воцарения Фердинанда и Изабеллы этот источник раздражения сохранялся. Правда, было одно исключение, результат которого не способствовал продолжению эксперимента. В 1385 году корты Вальядолида получили от Хуана I указ, запрещающий использование евреев в качестве сборщиков налогов не только королем, но и прелатами и знатью, вследствие чего церковники получили сбор королевских доходов, но когда их призвали урегулировать, они отлучили от церкви алькальдов, которые пытались заставить платить, что привело к большой путанице и более ожесточенным жалобам, чем когда-либо. [299]

Когда евреи, таким образом, дали столь широкие основания для народной неприязни, то в пользу добрых чувств между расами многое говорит тот факт, что усилия Церкви по возбуждению духа нетерпимости продвигались так медленно. Они оформились как всеобъемлющее и систематическое движение на Соборе в Саморе в 1313 году и его преемниках, описанных в предыдущей главе, но, несмотря на них, Альфонсо XI продолжал защищать своих еврейских подданных, и труды добрых отцов не вызвали народного отклика. В Арагоне канон Леридского собора 1325 года, запрещающий христианам присутствовать на еврейских свадьбах и обрезаниях, показывает, насколько бесплодными до сих пор были попытки вызвать взаимное отчуждение. [300]

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Наварра заранее предчувствовал грядущий гнев. Тогда она находилась под властью французских князей, и, когда Шарль ле Бель умер 1 февраля 1328 года, ревностный францисканец фрай Педро Оллигойен, очевидно, воспользовавшись междуцарствием, своей красноречивой проповедью побудил народ восстать против евреев и повел их на грабежи и резню. Шторм разразился в альджаме Эстелла 1 марта и быстро распространился по всему королевству. Не пострадали ни возраст, ни пол, и число жертв, по разным оценкам, составляет от шести до десяти тысяч. Королева Жанна и ее муж Филипп д'Эвро, унаследовавшие трон, привлекли Оллигойена к уголовной ответственности, но результат неизвестен. Они также спекулировали на ужасной резне, наложив большие штрафы на Эстеллу и Виану и наложив арест на имущество мертвых и беглых евреев, а также взыскивали с разоренных альджамов сумму в пятнадцать тысяч ливров для покрытия расходов на их коронацию. Смертельно ослабленные таким образом, евреи Наварры не смогли вынести невзгод долгого и катастрофического правления Шарля ле Мове (1350-1387). Результатом стала всеобщая эмиграция, в связи с чем Карл запретил покупать земельную собственность у евреев без специального королевского разрешения. Список облагаемых налогом 1366 года показывает только 453 еврейских семьи и 150 мавританских, не включая Пампелуну, где обе расы облагались налогом епископом. Хотя Шарль и его сын Шарль ле Нобль (1387-1425) считали евреев альмохарирами, тщетно они пытались заманить беглецов обратно привилегиями и изъятиями. Количество альджам продолжало сокращаться до тех пор, пока доход от них не стал незначительным. [301]

В Кастилии и Арагоне Черная смерть вызвала массовые убийства евреев, как и везде по всей Европе, хотя и не столь массовые и ужасные. В Каталонии беспорядки начались в Барселоне и распространились на другие места, несмотря на усилия Педро IV как по предотвращению, так и по наказанию. Они не имели особого религиозного значения, скорее были результатом ослабления общественного порядка в результате страшной дезорганизации, сопровождавшей эпидемию, и после того, как она прошла, выжившие христиане, евреи и мудехарцы на мгновение стали еще теснее спланиваться узами общечеловеческого единства. [302] К чести Климента VI следует отметить, что он сделал все возможное, чтобы остановить фанатизм, который, особенно в Германии, предлагал евреям альтернативу смерти или крещения. Следуя, по его словам, по стопам Каликста II, Евгения III, Александра III, Климента III, Хлестина III, Иннокентия III, Григория IX, Николая III, Гонория IV и Николая IV, он указал на абсурдность приписывания чумы евреям. Они предложили подвергнуться судебному разбирательству и приговору, кроме того, в землях, где не было евреев, свирепствовала эпидемия. Поэтому он приказал всем прелатам объявить собравшимся на богослужение людям, что евреев нельзя бить, ранить или убивать и что те, кто так с ними обращался, подлежат анафеме Святого Престола. Это было своевременное предупреждение, достойное того, кто говорил от имени Христа, но оно мало помогло преодолеть влияние настойчивого учения о нетерпимости, распространявшегося на протяжении столетий. [303]

РАСТУЩАЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ

Когда Педро Жестокий взошел на трон Кастилии в 1350 году, евреи могли с полным основанием рассчитывать на процветающее будущее, но на самом деле его правление стало поворотным моментом в их судьбе. Он окружил себя евреями и доверил им защиту своей личности, в то время как мятежная фракция, возглавляемая Генрихом Трастамарским, его незаконнорожденным братом, объявила себя врагами расы и использовала благосклонность Педро к ним как политическое оружие. Утверждалось, что он еврей, подменивший девочку,

рожденную от королевы Марии, муж которой, Альфонсо XI, как говорили, поклялся, что убьет ее, если она не родит ему мальчика. Также сообщалось, что он не был христианином, но придерживался Закона Моисея и что правительство Кастилии было полностью в руках евреев. Поэтому было нетрудно вызвать враждебность клерикалов, проявленную Урбаном V, который осудил его как бунтаря против Церкви, предателя евреев и мавров, распространителя неверия и убийцы христиан. [304] Этим повстанцы воспользовались в полной мере и продемонстрировали свое благочестие самым энергичным образом. Когда в 1355 году Генрих Трастамарский и его брат, магистр Сантьяго, вошли в Толедо, чтобы освободить королеву Бланш, которая была заключена в алькасар, они разграбили меньшую по размеру тюрьму и перебили тысячу двести ее обитателей, не обращая внимания на пол и возраст. Они также осадили главную Джудерию, которая была окружена стеной и защищалась последователями Педро, пока его прибытие с подкреплением не отогнало нападавших. [305] Пять лет спустя, когда в 1360 году Генрих Трастамарский вторгся в Кастилию с помощью Педро IV Арагонского, достигнув Наджары, он приказал устроить резню евреев, и, поскольку Айала утверждает, что это было сделано для завоевания популярности, можно предположить, что была предоставлена свободная лицензия на грабеж. Очевидно, воодушевленные этим примером, жители Миранда-дель-Эбро во главе с Перо Мартинесом, сыном регента, и Перо Санчесом де Бануэласом напали на евреев своего города, но король Педро поспешил туда и, в качестве устрашающего примера, сварил одного лидера и поджарил другого. [306] Когда, наконец, в 1366 году Генрих привел в Испанию Бертрана де Геклена и его орды Вольных товарищей, резня евреев была ужасной. Множество людей бежало, и французский хронист сожалеет о количестве тех, кто искал убежища в Париже и наживался на людях своими ростовщичеством. Альджама из Толедо выкупил освобождение за миллион мараведи, собранных за десять дней, чтобы расплатиться с наемниками, но поскольку вся страна на какое-то время оказалась во власти безрассудных банд, массовые убийства и мародерство стали повсеместными. Наконец, братоубийство в Монтелье в 1369 году лишило евреев их защитника и оставило Генриха бесспорным хозяином Кастилии. [307] На то, чего они должны были ожидать от него, указывало то, что он 6 июня 1369 г., в течение трех месяцев после убийства своего брата, наложил на Судилище Толедо двадцать тысяч добл и разрешил продажу с аукциона не только имущества заключенных, но и их самих в рабство или заключение в цепях с морением голодом или пытками, до тех пор, пока не наступит конец света. сумма должна быть увеличена. Несомненно, чтобы завоевать популярность, примерно в то же время он освободил всех христиан и мавров от обязанности выплачивать долги евреям, хотя впоследствии его убедили отменить этот указ, который лишил бы евреев возможности платить свои налоги. [308]

Однако евреи были незаменимы в ведении дел, и Генрих был вынужден использовать их, как и его предшественники. Егомэром в контадоре был Юсаф Пишон, еврей высшей пробы, который навлек на себя вражду некоторых лидеров своего народа. Они обвинили его перед королем, который потребовал от него сорок тысяч добл, и эту сумму он выплатил в течение двадцати дней. С неудовлетворенной злобой, когда Генрих умер в 1379 году и его сын Хуан I прибыл в Бургос для коронации, они получили от него приказ своему альгвасилю предать смерти еврея-интригана, которого они назначат. Вооружившись этим, они рано утром отвезли альгуазилия в дом Пишона, под каким-то предлогом вызвали его из постели и указали на него альгуазилию как на назначенное лицо, который убил его на месте. Хуан был сильно разгневан; альгуасиль был наказан потерей руки, судья бургосской джудерии был казнен, а евреи Кастилии были лишены юрисдикции над жизнями своих собратьев. [309]

Мы уже видели, как законодательство этого периода быстро принимало неблагоприятное для евреев направление. Восшествие на престол Дома Трастамара явно подорвало их положение, у Церкви появилось больше возможностей возбуждать народные предрассудки, в то время как их удержание в качестве сборщиков налогов и их ростовщическая практика предоставили достаточно материала для стимулирования мстительности народа. Условия для катастрофы существовали, и в человеке, способном ускорить ее, недостатка не было. Ферран Мартинес, архидьякон Экихи и официальный или судебный представитель архиепископа Севильи Педро Баррозу, был человеком неукротимой твердости и, хотя не имел большого образования, пользовался большим уважением за свою необычную набожность, непоколебимую добродетель и выдающуюся благотворительность — последнее качество он проявил, основав и поддерживая больницу Санта-Мария в Севилье. [310] К сожалению, он был фанатиком, и евреи были объектом его безжалостного рвения, которое его высокое официальное положение давало ему широкие возможности для удовлетворения. В своих проповедях он жестоко осуждал их и возбуждал против них народные страсти, держа их в постоянном опасении вспышки, в то время как, будучи церковным судьей, он незаконно распространял на них свою юрисдикцию, что часто наносило им ущерб. Совместно с другими епископальными чиновниками он разослал магистратам городов письма с приказом изгнать евреев — письма, которые он стремился обеспечить личными посещениями. Альхама Севильи, крупнейшая и богатейшая в Кастилии, обратилась к королю, и, как ни мало Генрих Трастамарский любил евреев, угроза потери его финансов побудила его в августе 1378 года официально приказать Мартинесу воздержаться от его подстрекательских действий, и это было не первое предупреждение, как показывают ссылки на предыдущие письма того же значения. На это Мартинес не подчинился, и альхама обратилась в Рим, где закупила быков для своей защиты, которыми Мартинес пренебрег так же презрительно, как королевским мандатом. Трону снова была подана жалоба, и Хуан I в 1382 году повторил приказы своего отца, но безрезультатно, поскольку в другом королевском письме от 1383 года Мартинес обвиняется в том, что в своих проповедях он говорил, что он знал, что король расценит как услугу любое нападение или убийство евреев и что можно рассчитывать на безнаказанность. За это ему пригрозили наказанием, которое сделало бы его примером для подражания, но это не заставило его замолчать, и в 1388 году испуганный альджама вызвал его к алькальдам и зачитал три королевских письма, призывая его повиноваться им. Он ответил оскорблениями и неделю спустя дал официальный ответ, в котором сказал, что он всего лишь повинует Христу и законам и что, если он будет исполнять законы, он снесет двадцать три синагоги в Севилье, поскольку все они были незаконно возведены. [311]

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА 1391 ГОДА

Декан и капитул встревожились и обратились к королю, но Хуан, вместо того чтобы привести в исполнение свои невыполненные приказы, ответил, что он разберется в этом вопросе; рвение архидьякона свято, но нельзя допустить, чтобы оно вызвало беспорядки, поскольку, хотя евреи были нечестивы, они находились под королевской защитой. Это колебание воодушевило Мартинеса, который еще усерднее старался разжечь в народе предубеждение против евреев после убийства Юсафа Пишона, которого очень любила вся Севилья. [312] Никто не осмелился вмешаться в их защиту, но Мартинес предоставил возможность заставить его замолчать, поставив под сомнение в его проповедях полномочия папы римского в определенных вопросах. Он был вызван на собрание богословов и врачей, когда он проявил такое же неповиновение

епископальной власти, как и королевской, проявив себя непокорным и подозреваемым в ереси, поэтому 2 августа 1389 года архиепископ Баррозу отстранил его как от юрисдикции, так и от проповеди до завершения судебного процесса. [313] Это дало евреям передышку, но 7 июля 1390 года умер Баррозу, за которым 9 октября последовал Хуан I. Капитул, должно быть, втайне симпатизировал Мартинесу, поскольку избрал его одним из провизоров епархии *sede vacante*, тем самым наделив его большей властью, и мы больше ничего не слышим о судебном процессе по обвинению в ереси. [314]

Хуан оставил своим преемником Генриха III, известного как *Эль Долиенте*, или Инвалид, одиннадцатилетним ребенком, и из-за вопроса о регентстве сразу же возникли ссоры, угрожавшие гражданской войной. Мартинесу теперь нечего было бояться, и он, не теряя времени, 8 декабря отправил духовенству городов епархии приказ под страхом отлучения от церкви снести в течение трех часов синагоги врагов Божьих, называющих себя евреями; строительные материалы должны были быть использованы для ремонта церквей; в случае оказания сопротивления оно должно было быть подавлено силой, а на город наложен интердикт до завершения благого дела. [315] Этим приказам не все подчинялись, но было нанесено достаточно разрушений, чтобы напуганная альхама Севильи обратилась к регентству, угрожая покинуть страну, если их не удастся защитить от Мартинеса. Ответ на это был быстрым и решительным. 22 декабря декану и капитулу было адресовано официальное послание, которое было официально зачитано им 10 января 1391 года. Это возлагало на них ответственность за его действия, поскольку они избрали его провизором и не остановили его; он должен быть немедленно отстранен от должности, вынужден воздерживаться от проповеди и восстанавливать разрушенные синагоги, в противном случае они должны возместить весь ущерб и понести штраф в размере тысячи золотых добл каждый с другими произвольными наказаниями. Письма аналогичного значения были адресованы в то же время самому Мартинесу. 15 января капитул снова собрался и представил свой официальный ответ, который лишал Мартинеса временного поста, запрещал ему проповедовать против евреев и требовал от него в течение года восстановить все синагоги, разрушенные по его приказу. Тогда Мартинес встал и запротестовал, что ни король, ни капитул не имеют над ним юрисдикции и их приговоры недействительны. Синагоги были разрушены по приказу архиепископа Баррозу — две из них были построены при его жизни — и они были построены незаконно, без лицензии. Его вызывающий ответ завершился заявлением о том, что он ни в чем не раскаивается в содеянном. [316]

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА 1391 ГОДА

Результат оправдал бесстрашную зависимость Мартинеса от народного энтузиазма, который он возбуждал в течение стольких лет. Какой ответ дал регентство на этот отказ в своей юрисдикции, документы нам не сообщают, но никаких эффективных шагов по его задержанию предпринято не было. Его проповедь продолжалась с такой же яростью, как и прежде, и севильская толпа становилась все более и более беспокойной в надежде удовлетворить одновременно свое рвение к вере и жажду грабежа. В марте положение дел было более тревожным, чем когда-либо; чернь нащупывала свой путь с помощью бесчинств и оскорблений, и "Джудерия" ежечасно подвергалась опасности быть уволенной. Хуан Алонсо Гусман, граф Ниебла, самый могущественный дворянин Андалусии, был аделантадо провинции и алькальдом-мэром Севильи, а его родственник, Альвар Перес де Гусман, был мэром альгуасиля. 15 марта они схватили самых буйных из толпы и подвергли бичеванию двоих из них, но вместо

того, чтобы внушить населению благоговейный трепет, это привело к открытому мятежу. Гусманы были рады спастись, сохранив свои жизни, и народный гнев был направлен против евреев, что привело к значительному кровопролитию и грабежам, но в конце концов власти при поддержке знати восторжествовали, и порядок, по-видимому, был восстановлен. К этому времени волнения распространились на Кордову, Толедо, Бургос и другие места. Повсюду пробуждались фанатизм и жадность, и Регентский совет тщетно посылал срочные распоряжения во все крупные города в надежде предотвратить катастрофу. Мартинес продолжал свои подстрекательские речи и стремился обратить в пользу религии бурю, которую он вызвал, добившись всеобщего насильственного обращения евреев. Волнение усилилось, и 9 июня разразилась буря всеобщего восстания населения против Джудерии. Немногим из его жителей удалось спастись; число убитых оценивалось в четыре тысячи, и те из выживших, кому не удалось спастись бегством, спасли свои жизни, только приняв крещение. Из трех синагог две были преобразованы в церкви для христиан, поселившихся в еврейском квартале, а третьей хватило для жалких остатков Израиля, которые медленно собирались вместе после того, как буря утихла. [317]

Из Севильи пламя распространилось по королевствам Кастилии от берега к берегу. В условиях паралича государственной власти летом и ранней осенью 1391 года один город за другим следовали этому примеру; иудеи были разграблены, евреи, которые не согласились принять крещение, были убиты, а фанатизм и алчность не сдерживали свои оргии. Маврам удалось спастись, ибо, хотя многие хотели вовлечь их в бойню, их сдерживал вполне обоснованный страх расправы с пленными христианами в Гранаде и Африке. Общее число жертв оценивалось в пятьдесят тысяч, но это, вероятно, преувеличение. К этой массовой бойне и сопровождавшему ее грабежу был полный иммунитет. В Кастилии не было предпринято никаких попыток наказать виновных. Это правда, что когда Генрих достиг совершеннолетия в 1395 году и приехал в Севилью, он приказал арестовать Мартинеса, но назначенное наказание, должно быть, было незначительным, поскольку нам говорят, что это не повлияло на высокое уважение, которым он пользовался, и после своей смерти в 1404 году он завещал ценные вещи больнице Санта-Мария. Несчастья севильской альхамы завершились, когда в январе 1396 года Генрих даровал двум своим фаворитам все дома и земли тамошних евреев, а в мае он последовал за этим, запретив наказывать или штрафовать любого из тех, кто замешан в убийствах и грабежах. [318]

В Арагоне был король, более готовый противостоять кризису, и предупреждением, данным в Севилье, не пренебрегли. Народное волнение проявлялось в нападениях, грабежах и убийствах во многих местах. В городе Валенсия, где проживало большое количество евреев, власти приложили все усилия, чтобы пресечь эти эксцессы, и король Хуан I приказал установить на улицах виселицы, в то время как стража совершала ночные обходы вдоль стен Иудеи. Эти меры предосторожности и присутствие инфанта Мартина, который набирал команду для экспедиции на Сицилию, отсрочили взрыв, но в конце концов он произошел. В воскресенье, 9 июля 1391 года, толпа мальчиков с крестами, сделанными из тростника, и знаменем прошествовала к одним из ворот Иудеи, выкрикивая "смерть или крещение евреев". К тому времени, когда ворота закрылись, часть мальчиков была уже внутри, и те, кого исключили, кричали, что евреи убивают их товарищей. Совсем рядом находился вербовочный пункт с группой праздных бродяг, которые бросились в Иудею, и по городу распространился слух,

что евреи убивают христиан. Магистраты и инфант поспешили к воротам, но перепуганные евреи держали их закрытыми, и таким образом они были исключены, в то время как толпа проникла через соседние дома и старый вал под мостом. Иудерия была разграблена, и несколько сотен евреев были убиты, прежде чем беспорядки удалось подавить. В Морерии также прошли демонстрации, но были подтянуты войска, и толпа была оттеснена. Было произведено около семидесяти или восьмидесяти арестов, и на следующий день тщательное расследование огромного количества награбленного привело к изъятию большей его части. [319]

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА 1391 ГОДА

Это усилило волнение, которое продолжало нарастать. С 4 августа наступил праздник святого Доминика, когда доминиканцы были повсюду заметны и активны. На следующий день, как будто согласованно, буря разразилась в Толедо и Барселоне - в бывшем городе со страшной резней и пожарами. В последнем случае, несмотря на предупреждение в Валенсии, власти оказались неподготовленными, когда толпа поднялась и бросилась *напризыв* или еврейство, убивая без пощады. Всеобщий спрос на крещение возрос, и когда прибыли гражданские силы, резня была остановлена, но грабеж продолжался. Некоторые мародеры были арестованы, и среди них несколько кастильцев, которые, как безопасные жертвы, были приговорены к смерти на следующий день. Под предлогом того, что это несправедливо, толпа ворвалась в тюрьму и освободила заключенных. Затем раздался клич покончить с евреями, укрывшимися в Кастильо-Нуэво, который подвергался регулярной осаде. Звон колоколов привлек толпы крестьян, жаждущих беспорядков и грабежей. Байлия подверглась нападению, а реестры собственности короны были уничтожены в надежде уклониться от уплаты налогов. 8 августа был взят Кастильо-Нуэво, и все евреи, отказавшиеся принять крещение, были преданы мечу; замок был разграблен, и крестьяне ушли, нагруженные добычей. Барселонская джудерия, должно быть, была небольшой, поскольку число убитых оценивалось всего в триста человек. [320]

В Пальме, столице Майорки, около трехсот евреев были преданы смерти, а остальные спаслись, только приняв крещение. Беспорядки продолжались некоторое время и переросли в нападения на общественные здания, пока городские джентльмены не вооружились и после упорного конфликта не подавили беспорядки. Главной опорой королевства было владение королевы-консорта, и королева Виоланта возместила свои убытки, наложив на остров штраф в размере 150 000 золотых флоринов. Джентльмены Пальмы выразили протест по поводу тяжести наказания после усмирения бунтовщиков; она снизила штраф до 120 000 долларов, поклявшись жизнью своего будущего ребенка, что добьется справедливости. Штраф был уплачен, и вскоре после этого она родила мертворожденного младенца. [321] Таким образом, в одном месте за другим — Жероне, Лериде, Сарагосе — разгоралось подземное пламя, подпитываемое адскими страстями фанатизма, жадности и ненависти. Кажется невероятным, что, поскольку королевская власть решила защитить своих несчастных подданных, эти безобразия продолжались с лета до осени, поскольку, когда местные власти были полны решимости подавить эти восстания, как в Мурвиетро и Кастельон-де-ла-Плана, они были в состоянии это сделать. [322]

Если Хуан I и не смог предотвратить массовые убийства, он, по крайней мере, был полон решимости не оставить их безнаказанными; последовало много казней и были предоставлены некоторые компенсации в виде денежных выплат. [323] Альхама Барселоны была источником

большой прибыли для короны, и он стремился восстановить ее в новых кварталах, предлагая различные привилегии и изъятия для привлечения новичков. Однако она была разгромлена так, что ее невозможно было реанимировать; но немногим из ее членов удалось спастись, скрывшись; почти все были убиты или крещены, и, какими бы великими ни были предлагаемые привилегии, память о катастрофе, похоже, перевесила их. В 1395 году новая синагога была преобразована в церковь или монастырь монахов-тринитариев, и богатая альхама Барселоны, сохранившая воспоминания о стольких веках, прекратила свое существование. [324] Примерно в 1400 году город получил привилегию, запрещающую образование иудеи или проживание еврея в его пределах. Антипатия к иудаизму, как мы увидим, быстро росла, и когда в 1425 году Альфонсо VI подтвердил эту привилегию, он издал указ, согласно которому все евреи, находившиеся в то время в городе, должны были уехать в течение шестидесяти дней под страхом бичевания, и после этого пребывание в течение пятнадцати дней было максимальным пределом, разрешенным для временного проживания. [325]

ПОСЛЕДСТВИЯ МАССОВЫХ УБИЙСТВ

Если я остановился, что может показаться непропорционально длинным, на этом *священном деле против правосудия*, как Вильянуэва называет эти массовые убийства, [326] это потому, что они стали поворотным моментом в истории Испании. В отношениях между расами полуострова старый порядок вещей был закрыт, и новый порядок, который должен был оказаться столь пагубным для материального и интеллектуального развития, вот-вот должен был открыться. Непосредственные результаты не заставили себя долго ждать и стали очевидными. Процветание Кастилии и Арагона не только уменьшилось из-за потрясения, нанесенного торговле и промышленности, которые в значительной степени находились в руках евреев, но и доходы короны, церквей и знати, основанные на налогообложении евреев, сильно пострадали. Благочестивые устои были разрушены, и епископам пришлось обратиться к королю за помощью для поддержания богослужений в своих соборах. Из бежавших евреев большая часть сделала это, только приняв крещение, и они больше не облагались подушным налогом и специальными поборами, которые обеспечивали большую часть доходов городов, прелатов, знати и суверенов. [327] По-прежнему обращенные евреи, с их энергией и интеллектом, оставались свободными в стремлении к богатству и продвижению, что должно было принести пользу обществу, а также им самим. Оно было зарезервировано для дальнейшего продвижения по пути, который теперь ведет к лишению Испании услуг ее самых трудолюбивых детей.

Самым прискорбным результатом массовых убийств было то, что они сделали неизбежным дальнейшее продвижение в том же направлении. Церкви наконец удалось преодолеть долгожданную пропасть между расами. Он молча наблюдал за тем, как архидьякон Экии устраивал катастрофу, а папа и прелат не произнесли ни слова, чтобы остановить затянувшуюся трагедию убийств и разграбления, которые они рассматривали как Божий акт, направленный на то, чтобы привести упрямого еврея в лоно Христа. Отныне старая дружба между евреем и христианином по большей части ушла в прошлое. Фанатизм и нетерпимость были достаточно развиты, чтобы усиливаться с каждым поколением по мере того, как новые обиды и притеснения расширяли пропасть между верующими и неверующими и по мере того, как появлялись новые проповедники раздора, чтобы учить массы, что доброта к евреям - это грех против Бога. Таким образом, постепенно испанский характер менялся, пока он не был готов

принять инквизицию, которая в результате необходимой реакции стимулировала развитие фанатизма, пока Испания не стала такой, какой мы ее увидим в шестнадцатом и семнадцатом веках.

То, что архидьякон Экии на самом деле был отдаленным основателем инквизиции, станет очевидным, когда мы рассмотрим судьбу нового класса, созданного массовыми убийствами 1391 года, — обращенных евреев, известных как Новые христиане, марраны или Конверсос. Обращение, как мы видели, всегда поощрялось законами, и новообращенного принимали с сердечностью социального равенства, которое показывает, что тогда еще не существовало расового антагонизма, а только религиозного. Еврей, ставший христианином, имел право на любую должность в Церкви или государстве или на любой супружеский союз, для которого подходили его способности или характер, но обращения до сих пор были слишком редки, а новообращенные, по большей части, слишком скромны, чтобы играть какую-либо заметную роль в социальной организации. Хотя массовые убийства, несомненно, были в значительной степени вызваны привлекательностью беспорядков и грабежей, на религиозный элемент в них указывал тот факт, что повсюду евреям предлагалась альтернатива крещения и что там, где проявлялась готовность принять христианство, массовые убийства немедленно приостанавливались. Давление было настолько сильным и ошеломляющим, что крестились целые общины, как мы видели в Барселоне и Пальме. В официальном отчете Валенсии, сделанном 14 июля, через пять дней послерезни, говорится, что все евреи, за исключением нескольких скрывавшихся, уже были крещены; они вышли вперед, требуя крещения, такими толпами, что во всех церквях запасы святого мира иссякли, и священники не знали, где взять еще, но каждое утро *крисмера* чудесным образом наполнялась, так что запасов хватало, и это ни в коем случае не было единственным признаком того, что все это ужасное дело было таинственной работой Провидения, приведшей к столь святому концу. Среди новообращенных были главы синагог, и мы можем поверить распространенному в то время утверждению, что только в Валенсии число обращенных составило одиннадцать тысяч. Более того, эта добрая работа продолжалась не только в сценах массовых убийств. Резня была настолько поразительной и безжалостной, что паника разрушила негибемую силу духа, которую так часто проявляли евреи, находящиеся под судом. Во многих местах они не ждали восстания христиан, но при первой угрозе или даже просто в предчувствии опасности с готовностью выступали вперед и требовали, чтобы их приняли в Церковь. В Арагоне общее число обращенных исчислялось сотней тысяч, а в Кастилии уж точно не меньше, и это, вероятно, не большое преувеличение. [328] От таких неофитов вряд ли можно ожидать стойкости в своей новой вере.

ВОССТАНИЕ КОНВЕРСОС

В этой буре прозелитизма центральной фигурой был Сан-Висенте Феррер, пылкости проповеди которого потомки приписывали народное возбуждение, приведшее к массовым убийствам. [329] Это, несомненно, несправедливо к нему, но тот факт, что он был под рукой в Валенсии в роковое 9 июля, возможно, указывает на то, что роман был спланирован заранее. Его красноречию не было равных; огромные толпы собирались, чтобы насладиться его словами; независимо от того, какой язык был родным для слушателей, нам говорят, что его каталанский был понятен мавру, греку, немцу, французу, итальянцу и венгру, в то время как добродетель, исходившая от него в этих случаях, исцеляла немощных и неоднократно возвращала мертвых к жизни. [330] Таков был человек, который во время продолжительных массовых убийств и

впоследствии, пока вызванный ими ужас продолжал господствовать над несчастной расой, пересек Испанию из конца в конец с неугомонным и неутомимым рвением, проповедуя, крестя и исчисляя своих новообращенных тысячами — говорят, что за один день в Толедо он обратил не менее четырех тысяч. Остается надеяться, что, по крайней мере, в некоторых случаях ему удавалось сдерживать толпу убийц, хотя бы пряча ее жертв в купели для крещения.

Евреи медленно оправлялись от ужасного потрясения; они вышли из своего укрытия и попытались, со свойственной им бесстрашной энергией, восстановить свое пошатнувшееся благосостояние. Однако теперь, с уменьшившейся численностью и истощившимся богатством, им пришлось столкнуться с новыми врагами. Христианский фанатизм не только разгорелся и стал еще сильнее, но и массовые крещения создали новый класс конверсос, которым с тех пор предстояло стать самыми смертоносными противниками своих бывших братьев. Многие начальники синагог, ученые раввины и лидеры своего народа, съезжились перед бурей и приняли христианство. Было ли их обращение искренним или нет, они порвали с прошлым и, обладая острым умом своей расы, могли видеть, что перед ними открыта новая карьера, в которой энергия и способности могли удовлетворить амбиции, не стесненные ограничениями, окружающими их в иудаизме. То, что они возненавидели с огромной ненавистью тех, кто оказался верен вере во время скорби, было неизбежно. Отступник склонен быть более ожесточенным против тех, кого он покинул, чем противник по праву рождения, и в таком случае, как этот, сознание презрения, испытываемого стойкими детьми Израиля к слабакам и мирянам, отступившим от веры своих отцов, придавало вражде еще большую остроту. С давних времен самые тяжелые удары, которым подвергался иудаизм, всегда наносились его детьми-отступниками, чье воспитание научило их нападать на самые слабые места и чья потребность в самооправдании побуждала их безжалостно нападать на них. В 1085 году раввин Самуэль из Марокко приехал из Феса и крестился в Толедо, когда написал трактат [331] в оправдание себя, который имел большое хождение на протяжении средневековья. Раввин Моисей, один из самых образованных евреев своего времени, обратившийся в христианство в 1106 году, написал диссертацию, доказывающую, что евреи отказались от законов Моисея, в то время как христиане исполняли их. [332] Именно Николас де Рупелла, обращенный еврей, начал длительный крестовый поход против Талмуда, указав в 1236 году Григорию IX на содержащиеся в нем богохульства против Спасителя. [333] Мы были свидетелями беспорядков, вызванных в Арагоне спорным Конверсо, братом Пабло Кристиа, а за ним последовал другой новообращенный доминиканец, Рамон Мартин, в его знаменитом *"Пууго Фидеи"*. В этой работе, которая оставалась авторитетом на протяжении веков, он собрал бесконечные цитаты из еврейских писателей, чтобы доказать, что раса была должным образом обращена в рабство, и он разжигал горечь ненависти, утверждая, что евреи считали достойным убивать, обманывать и грабить христиан. [334]

УГНЕТЕНИЕ ЕВРЕЕВ

Самым выдающимся среди новых конверсос был Селемох Ха-Леви, раввин, который был самым бесстрашным защитником веры и прав своей расы. Накануне массовых убийств, которые, возможно, он предвидел и под влиянием благоприятного видения Пресвятой Девы, в 1390 году, он принял обращение, приняв имя Пабло де Санта-Мария, за ним последовали два его брата и пятеро сыновей, основав влиятельную семью. После курса в Парижском университете он поступил в лоно Церкви, дослужившись до престола в Картахене, а затем в Бургосе, который он передал своему сыну Альфонсо. В Корте Толедо в 1406 году он произвел такое впечатление на

Генриха III, что был назначен наставником и управляющим инфанта Хуана II, мэра Кастилии и члена королевского совета. Когда в течение того же года умер король, он назвал Пабло в числе тех, кому предстояло вести и воспитывать Хуана во время его несовершеннолетия; когда регент Фернандо Антекерский покинул Кастилию, чтобы принять корону Арагона, он назначил Пабло на его место, и папа почтил его должностью легата *latere*. В 1432 году, на восемьдесят первом году жизни, он написал свой *Scrutinium Scripturarum* против своих бывших единоверцев. Она более умеренна, чем это принято в этих противоречивых произведениях, и, похоже, была составлена скорее как оправдание его собственного курса. [335]

Другим выдающимся Конверсо был раввин Иехошуа Ха-Лорки, который взял имя Херонимо де Сантафе и основал семью, почти такую же могущественную, как Санта-Мария. Он также проявил свое рвение в книге под названием *Hebræomastix*, в которой он преувеличил ошибки евреев в манере, наиболее подходящей для того, чтобы вызвать отвращение христиан. Другой ведущей семьей Конверсо была семья Кабальериас, в которой были крещены восемь братьев, и один из них, Бонафос, называвший себя Микером Педро де ла Кабальериас, написал в 1464 году "*Celo de Cristo contra los Judíos*", в котором он с обычным пренебрежением назвал их синагогой сатаны и утверждает, что надежда христианства заключается в их гибели. [336] Стимулируя таким образом дух фанатизма преследования, мы увидим, как эти люди посеяли ветер и пожали бурю.

Между тем положение евреев становилось все более плачевным. Уничтоженные и обнищавшие, они сталкивались с неуклонно растущей ненавистью и угнетением. За массовыми убийствами 1391 года последовал постоянный поток эмиграции в Гранаду и Португалию, который угрожал завершить депопуляцию альджамы, и, чтобы остановить это, Генрих III в 1395 году пообещал им королевскую защиту на будущее. Ценность этого обещания была продемонстрирована в 1406 году, когда в Кордове остатки иудеи снова подверглись нападению толпы, сотни евреев были убиты, а их дома разграблены и сожжены. Это правда, что король приказал магистратам наказать виновных и выразил свое неудовольствие штрафом в двадцать четыре тысячи добл на город, но годом ранее, в кортах 1405 года, он согласился с серией законов, лишавших евреев одновременно собственности и защиты, объявляя недействительными все удерживаемые ими христианские облигации, сокращая до половины все причитающиеся им долги и требуя христианского свидетеля и признания должника по другой половине, аннулируя их привилегии при рассмотрении смешанных дел и требуя ненавистного красного круга. носить его можно было разве что в путешествиях, когда его можно было отложить в сторону из-за убийств, которые оно навлекало. [337]

Это было достаточно жестоко, но все же это было всего лишь предвкушением того, что нас ожидало. В 1410 году, когда королева-регентша Донья Каталина находилась в Сеговии, была раскрыта кощунственная попытка некоторых евреев жестоко обойтись с освященным воинством. История заключалась в том, что ризничий из Сан—Фагуна заложил его в качестве обеспечения ссуды - улица, на которой была заключена сделка, впоследствии получила название *Calle del Mal Consejo*. Евреи несколько раз бросали его в кипящий котел, когда он упорно поднимался и оставался подвешенным в воздухе, - чудо, которое настолько впечатлило некоторых из них, что они обратились, отнесли форму в доминиканский монастырь и рассказали о фактах. Облатку благочестиво поднесли при причастии ребенку, который умер

через три дня. Донья Каталина начала тщательное расследование, в ходе которого был замешан Дон Майр, один из самых выдающихся евреев королевства, чьи услуги врача продлили жизнь покойного короля. Он был подвергнут пыткам, достаточным для того, чтобы выяснить не только его причастность к святотатству, но и то, что он отравил своего царственного господина. Осужденных вывели на улицы и четвертовали, как и некоторых других, которые в отместку пытались отравить Хуана де Тордесильяса, епископа Сеговии. Еврейская синагога была преобразована в церковь Корпус-Кристи, и в память об этом событии до сих пор проводится ежегодная процессия. Сан-Висенте Феррер обратил это во благо, поскольку нам говорят, что в 1411 году он почти уничтожил остатки иудаизма в епископстве. [338]

УГНЕТЕНИЕ ЕВРЕЕВ

Это дело произвело огромное впечатление, особенно, по-видимому, на Сан-Висенте, убедив его в целесообразности принудительного принятия евреев в лоно Церкви путем доведения их до отчаяния. В Айлоне в 1411 году он объяснил регентам необходимость дальнейшего репрессивного законодательства, и его красноречие было убедительным. [339] Результатом стал *Орден Доньи Каталины*, обнародованный в 1412 году и составленный Пабло де Санта Мария в качестве канцлера Кастилии. В соответствии с этой строгой мерой евреи и мавры под угрозой жестоких и разорительных наказаний были обязаны не только носить отличительные знаки, но и одеваться в грубую одежду, не бриться и не стричь волосы круглой стрижкой. Они не могли менять свое местожительство, и любой дворянин, принимавший их на своих землях, подвергался крупному штрафу и был обязан вернуть их туда, откуда они прибыли, в то время как экспатриация была запрещена под страхом обращения в рабство. Были запрещены не только такие высшие занятия, как получение доходов от сельского хозяйства, сбор налогов и врачебная практика, но и любые должности в семьях, связанные с крупными и многочисленными профессиями, такими как аптекари, бакалейщики, кузнецы, корабельники, плотники, портные, цирюльники и мясники. Они не могли носить оружие или нанимать христиан для работы в своих домах или на своих землях. То, что им должно было быть запрещено есть, пить или купаться с христианами, или присутствовать с ними на пирах и свадьбах, или служить крестными родителями, было само собой разумеющимся в соответствии с каноническим правом, но теперь были запрещены даже частные разговоры между расами, и они не могли продавать христианам провизию или содержать лавку или обычай для них. Возможно, показательно, что ничего не было сказано о ростовщичестве. Ростовщичество было почти единственным видом деятельности, остававшимся открытым, в то время как события последних двадцати лет оставили мало средств для его продолжения, а законы 1405 года уничтожили всякое чувство безопасности при выдаче ссуд. Более того, они были лишены гарантий, которыми так долго пользовались, и попали под исключительную юрисдикцию, гражданскую и уголовную, христиан. [340] Таким образом, они были лишены возможности использовать свои навыки и опыт в высших сферах деятельности, профессиональных и промышленных, и были обречены на самые низкие и грубые формы труда; в конце концов, вокруг них была возведена стена, единственным спасением от которой была купель для крещения. Фернандо Антекерский перенес закон во всех его основных аспектах в Арагон, а король Дуарте перенял его в Португалии, так что он правил всем полуостровом, за исключением маленького королевства Наварра, где иудаизм уже почти вымер. Примечательно, что Фернандо, распространяя его на Майорке, сослался в оправдание на жалобы инквизиторов на общественные отношения между евреями и христианами. [341]

В то время как Сан-Висенте и Пабло де Санта-Мария были таким образом заняты доведением до отчаяния евреев Кастилии, другой великий Конверсо, Херонимо де Сантафе, более законным образом добивался их обращения в Арагоне. Он был назначен врачом авиньонского папы Бенедикта XIII, которому пришлось пересечь Пиренеи, и который 25 ноября 1412 г. призвал арагонских альджамов послать в январе следующего года своих самых ученых раввинов в Сан-Матео, недалеко от Тортозы, для диспута с Джеронимо по поводу утверждения о пришествии Мессии. Четырнадцать раввинов, отобранных из синагог всей Испании, во главе с Видалем бен Венисте приняли вызов. Дебаты начались 7 февраля 1414 года под председательством самого Бенедикта, который предупредил их, что обсуждаться должна не истина христианства, а только шестнадцать предложений, выдвинутых Джеронимо, что полностью поставило их в оборонительное положение. Несмотря на этот недостаток, они упорно стояли на своем в течение семидесяти девяти сессий, продленных на срок в двадцать один месяц. Джеронимо покрыл себя славой благодаря своей непревзойденной диалектической тонкости и неисчерпаемым запасам знаний, и его триумф был продемонстрирован тем, что он внес раскол между своими противниками. [342]

УГНЕТЕНИЕ ЕВРЕЕВ

Во время этого разговора летом 1413 года около двухсот евреев из синагог Сарагосы, Калатаюд и Альканьяса заявили о своем обращении. В 1414 году был собран еще более обильный урожай. Сто двадцать семей из Калатаюда, Дароки, Фраги и Барбастро пришли на крещение, а за ними последовали все альджамы Альканьяса, Каспе, Маэллы, Лериды, Тамарит и Алколеа, насчитывающие около трех с половиной тысяч душ. Репрессивное законодательство достигало своей цели, и тешились надеждами, что спомощью вдохновенного учения Сан-Висенте иудаизм исчезнет по всей Испании. [343] Чтобы стимулировать движение путем усиления суровости по отношению к непокорным, Бенедикт издал свою конституцию *Etsi doctoribus gentium*, в которой он фактически воплотил Орден Святой доньи Каталины, тем самым придав его системе ужасных репрессий санкцию как церкви, так и государства. Далее он запретил владение Талмудом или любыми книгами, противоречащими христианской вере, приказав епископам и инквизиторам раз в полгода проводить расследования в отношении альджам и возбуждать дела против всех, у кого обнаружены такие книги. Ни один еврей не должен даже переплетать книгу, в которой фигурирует имя Христа или Богородицы. Принцев призывали не оказывать им никаких милостей или привилегий, а верующим в целом было приказано не сдавать им в аренду или продавать дома, не общаться с ними. Более того, им было запрещено заниматься ростовщичеством, и трижды в год им должны были проповедовать и предупреждать отказать от своих заблуждений. Епископам в целом было приказано следить за строгим исполнением всех этих положений, и исполнение буллы было специально поручено Гонсало, епископу Сигуэнсы, сыну великого Конверсо Пабло де Санта-Мария. Как высказывание антипапы Бенедикта, этот тщательный и жестокий закон, призванный низвести евреев до самых глубин нищеты и отчаяния, был в ходу только в землях его подчинения, но когда его победоносный соперник Мартин V подтвердил обвинение, доверенное епископу Сигуэнсы, он принял и ратифицировал акт Бенедикта. [344] Более того; в 1434 году Альфонсо де Санта Мария, епископ Бургоса, другой сын Пабло Конверсо, будучи делегатом Базельского собора, добился принятия указа в том же смысле. [345] Ссора собора с папством, это правда, лишила его высказывания вселенской власти, но этот недостаток восполнился, когда в 1442 году Евгений IV издал буллу, которая фактически повторяла закон Доньи Каталины и конституцию Бенедикта XIII, в то время как в 1447 году за этим последовал еще более строгий закон. более

строгий из Николая В. [346] Таким образом, все фракции Церкви, как бы сильно они ни спорили по другим вопросам, радостно объединились в том, чтобы сделать жизнь еврея как можно более несчастной и запретить князьям оказывать ему благосклонность. Это стало символом, когда в 1418 году легат Мартина V был торжественно принят в Хероне, и население, повинувшись безошибочному инстинкту, отпраздновало завершение великого раскола и воссоединение Церкви, игриво разграбив Иудерию, хотя королевские чиновники, слепые к благочестию демонстрации, сурово наказали виновных. [347]

Немедленный эффект этой политики соответствовал намерениям ее авторов, хотя вряд ли можно было предвидеть ее конечные результаты. Евреи были унижены и обнищали. Несмотря на свои потери в результате массовых убийств и обращения в другую веру, они по-прежнему составляли значительную часть населения, обладавшую подготовкой и способностями служить государству, но, будучи отстраненными от занятий, к которым они были приспособлены, они стали калеками как для собственного выздоровления, так и на благо общества. Экономический эффект был усилен включением Мудехареса в репрессивное законодательство; торговля и мануфактуры пришли в упадок, и многие товары, которые Испания до сих пор экспортировала, теперь она была вынуждена импортировать по завышенным ценам. [348]

ПРЕВРАТНОСТИ

С другой стороны, Conversos увидели, что перед ними открывается карьера, способная стимулировать и удовлетворять амбиции. Уверенные в своих силах, с интеллектуальной подготовкой, превосходящей христиан, они стремились к самым высоким должностям при дворе, в университетах, в Церкви и в государстве. Богатство и власть сделали их подходящими женихами, и они заключили брачные союзы с самыми знатными домами страны, многие из которых обнищали из-за сокращения доходов, получаемых от их еврейских подданных. Альфонсо де Санта Мария, добиваясь принятия Базельского декрета, позаботился о том, чтобы включить в него рекомендацию о заключении брака между новообращенными и христианами как о самом надежном средстве сохранения чистоты веры, и этому совету широко последовали. Таким образом, вскоре наступило время, когда среди древней знати Испании осталось мало таких, кто не был бы связан, близко или отдаленно, с евреями. Мы слышим о браках с Лунасами, Мендосами, Вильяэрмосами и другими самыми гордыми семьями. [349] Еще в 1449 году в петиции Конверсос Толедо к Лопе де Баррьентосу, епископу Куэнки, перечисляются все знатнейшие семьи Испании как имеющие еврейскую кровь, и среди прочих Энрикесы, от которых через свою мать Хуану Энрикес произошел будущий Фердинанд Католик. [350] То же самое было и в церкви, где мы видели, какого ранга достигли чины Санта-Марии. Хуан де Торквемада, кардинал Сан-Систо, был евреем по происхождению, как, конечно, и его племянник, первый генеральный инквизитор, [351], как и Диего Деза, второй генеральный инквизитор, а также Эрнандо де Талавера, архиепископ Гранады. Было бы легко привести множество примеров, поскольку в любой карьере энергия и чуткость евреев делали их заметными, и, принимая христианство, они, казалось, открывали новый путь для развития расы, в котором она станет доминирующей над старыми христианами; фактически, итальянец, почти современник, описывает их как фактически правящих Испанией, в то же время тайно извращающих веру своей тайной приверженностью иудаизму. [352] Однако этот триумф был недолгим. Их успех показал, что до сих пор не существовало расового антагонизма, а только

религиозного. Ситуация быстро изменилась; ненависть и презрение, которые они, как отступники, изливали на верных сынов Израиля, отразились на них самих. Невозможно было вызвать всеобщее отвращение к евреям, не разжигая в то же время зависти, вызванной показухой и высокомерием Новых христиан. Какой был смысл унижать и истреблять евреев, если эти выскочки должны были не только занять его место в перемалывании народа в качестве сборщиков налогов, но и править в суде, лагере и церкви?

Тем временем остатки евреев медленно, но неукротимо восстанавливали свои позиции. Принять *Орденамьенто доньи Каталины* было гораздо проще, чем обеспечивать его соблюдение, и, как и многие предыдущие законодательные акты, он во многих отношениях устаревал. В первые дни правления Хуана II Абрахем Бенависте фактически был министром финансов, и когда инфант Генрих Арагонский захватил короля в Тордесильясе и увез его, он оправдал этот поступок, сказав, что это произошло потому, что правительство было в руках Абрахема. [353] На самом деле есть признаки реакции, в которой евреи использовались в качестве противовеса угрожающему росту влияния *Converso*. Когда в 1442 году была принята жестокая булла Евгения IV, хотя она содержала едва ли что-то большее, чем законы 1412 года и буллу Бенедикта XIII, Альваро де Луна, всемогущий фаворит, не только отказался подчиниться ей, но и дал юридическую санкцию пренебрежению, в которое впали эти законы. Он убедил своего хозяина издать "Прагматику Аревало" от 6 апреля 1443 года, осуждающую отказ многих людей покупать или продавать у евреев и мавров или работать на них в полях под названием "Булла Евгения IV", опубликованная в Толедо во время его отсутствия. За эти дерзости грозит наказание, ибо булла и законы предусматривают, что евреи, мавры и христиане должны жить вместе в гармонии, и никто не должен причинять им вреда или убивать их. Это не было предназначено для того, чтобы помешать евреям, маврам и христианам вести дела вместе, равно как и для того, чтобы первые не занимались низменными и рабскими промыслами, такими как все виды механических работ, и христиане могут обслуживать их за соответствующую плату, охранять их стада и работать на них в полях, и они могут выписывать христианам рецепты, если лекарства приготовлены христианами. [354]

Таким образом, имело место отвращение в пользу запрещенной расы, которое угрожало свести на нет работу Висенте Феррера и Конверсос. Напрасно в 1451 году Николай V издал еще одну буллу, повторяющую и подтверждающую буллу Евгения IV. [355] На это не обратили внимания, и под защитой Альваро де Луна евреи хорошо использовали передышку, чтобы восстановить свою разрушенную промышленность и продемонстрировать свою полезность государству. Заговор, отправивший Альваро на плаху в 1453 году, был серьезным ударом, но после восшествия на престол Генриха IV в 1454 году они заручились благосклонностью его фаворитов и даже добились восстановления некоторых старых привилегий, самой важной из которых было разрешение иметь собственных судей. Одним из элементов этого было влияние, которым пользовался королевский врач Якоб Абен-Нуньес, на которого была возложена должность мэра Раввина. [356] Однако в условиях виртуальной анархии того периода, когда каждый дворянин был сам для себя законом, невозможно сказать, насколько королевские указы были эффективны, или постулировать какие-либо общие условия. В 1458 году констебль Веласко приказывает своим вассалам из города Харо соблюдать закон, запрещающий христианам работать на евреев и мавров, но он делает мудрое исключение, что они могут делать это, когда не могут найти другой работы, чтобы прокормить себя. Даже в этих условиях превосходящая энергия нехристианских рас быстро приобретала для них самые плодородные земли, если мы можем доверять указу города Аро от 1453 года, запрещавшему христианам продавать свои

поместья маврам и евреям, ибо, если это не остановить, у христиан не останется земли для обработки, поскольку мавры уже владели всеми лучшими орошаемыми землями. [357]

ПРЕВРАТНОСТИ

Дворяне видели невыгодность суровых деспотических законов и пренебрегали ими к своей большой выгоде, вызывая тем самым зависть округов, обязанных их соблюдать, поскольку корты 1462 года обратились к Генриху с петицией о восстановлении свободы торговли между христианами и евреями, ссылаясь на неудобства, вызванные ограничением и сокращением населения земель короны, поскольку, поскольку торговля на землях знати была разрешена, там концентрировались евреи. Когда далее корты попросили разрешить евреям вернуться со своим имуществом и промыслами в города королевских владений, из которых они были изгнаны, это указывает на то, что народное неприятие стало направляться скорее на конверсос, чем на евреев. [358] Можно усомниться в том, что взбунтовавшаяся знать в 1460 году потребовала от Генриха изгнать из своих королевств всех мавров и евреев, оскверняющих религию и развращающих мораль, и что, когда они свергли его в 1465 году в Авиле и возвели на трон малолетнего Альфонсо, *восставшая знать в 1460 году потребовала от Генриха изгнать из своих королевств всех мавров и евреев, которые оскверняли мораль. Concordia Compromisoria*, которую они продиктовали, отменила Прагматику Аревало и вернула силу законам 1412 года и булле Бенедикта XIII. Это напугало евреев, которые предложили Генриху огромную сумму за Гибралтар, где они предполагали основать город-убежище, но он отказался. [359]

Этот испуг был излишним, поскольку в условиях турбулентности того времени репрессивное законодательство быстро устаревало. Когда реформаторский совет Аранды в 1473 году сделал лишь одно упоминание о евреях и маврах, и это было просто для того, чтобы запретить им публично заниматься своим ремеслом по воскресеньям и праздничным дням, с угрозой в адрес судей, которые через подкуп допустили это осквернение, справедливо заключить, что закон 1412 года, если и соблюдался вообще, то применялся только в отдельных населенных пунктах. [360] О том, что ограничения на коммерческую деятельность устарели, свидетельствует жалоба, поданная в 1475 году суверенам от евреев Медина-дель-Помар, в которой говорилось, что они привыкли покупать в Бильбао у иностранных торговцев ткани и другие товары, которые они перевозили через королевство для продажи, до недавнего времени порт ограничивал все сделки с иностранцами проживающими евреями, после чего Фердинанд и Изабелла приказали отменить эти правила, если власти не представят веских причин в течение пятнадцати дней. [361]

С урегулированием дел при Фердинанде и Изабелле положение евреев заметно ухудшилось. Хотя дон Абрахам Старший, один из самых доверенных советников Изабеллы, был евреем, ее благочестие побудило ее возродить и проводить репрессивную политику Сан-Висенте Феррер, и при кодификации королевских указов в *Орденансас Реалес*, подтвержденных кортесом Толедо в 1480 году, все жестокое законодательство 1412 года было восстановлено, за исключением того, что касалось механических профессий, а энергичность правительства дала уверенность в том, что законы будут исполняться, как мы видели в вопросе разделения труда. джудериас. [362] Согласие Фердинанда с этим показывает, что он принял политику и в своих собственных владениях указом от 6 марта 1482 года отозвал у евреев все разрешения на ношение опасного значка во время поездок, и он далее запретил выдачу таких разрешений под

страхом штрафа в тысячу флоринов. В другом указе от 15 декабря 1484 года говорится, что в Селле, деревне недалеко от Теруэля, недавно временно поселилось несколько евреев; поскольку там нет Иудеи, во избежание опасности для душ он приказывает изгнать их и никому не позволять оставаться здесь более двадцати четырех часов под страхом штрафа в сто флоринов и сто ударов плетью. [363]

УПАДОК ИУДАИЗМА

Это возобновление угнетения, вероятно, оказало влияние на людей, поскольку возникло отвращение к враждебному отношению к запрещенной расе, разжигаемое неустанными трудами слабаков, чье обличительное красноречие не знало конца. В этих обстоятельствах евреи и мавры, по-видимому, обратились к римской курии, всегда готовой спекулировать, продавая привилегии, независимо от того, имела ли она право их предоставлять или нет, а затем отзывать их за вознаграждение. В дальнейшем у нас будет достаточно возможностей увидеть длительные сделки такого рода, вытекающие из деятельности инквизиции; сделки с евреями в настоящее время, по-видимому, были прекращены *motu proprio* от 31 мая 1484 г., несомненно, добытого у Сикста IV под давлением монархов, в котором папа выражает свое неудовольствие, узнав, что в Испании, особенно в Андалусии, христиане, мавры и евреи живут вместе; что нет различия в облачении, что христиане действуют как слуги и сиделки, мавры и евреи - как врачи, а евреи - как женщины. аптекари, собиратели церковных доходов и т.д., притворяющиеся, что они обладают папскими привилегиями на этот счет. Любые подобные привилегии он отменяет и приказывает всем должностным лицам, светским и церковным, строго соблюдать канонические постановления, касающиеся запрещенных рас. [364] Под влиянием этих импульсов муниципалитеты, которые в 1462 году ходатайствовали об отмене предписывающих законов, теперь применяли их с новой силой и даже превысили их, как в Бальмаседе, где евреям было приказано уехать. Они взывали к трону, заявляя, что живут в ежедневном страхе за жизнь и имущество, и умоляли королевскую защиту, которая была должным образом предоставлена. [365]

Подвергаясь этим постоянным и изматывающим превратностям, евреи значительно сократились как в численности, так и в богатстве. Оценка подушного налога, проведенная в 1474 году, показывает, что во владениях Кастилии осталось всего около двенадцати тысяч семей, или от пятидесяти до шестидесяти тысяч душ, хотя существовало еще двести шестнадцать отдельных альдхам. Об их слабости и бедности свидетельствует тот факт, что такие общины, как Севилья, Толедо, Кордова, Бургос и т.д., платили гораздо меньше, чем в не приметных местах до 1391 года. Альхама из Сьюдад-Реаля, которая заплатила в 1290 году налог в размере 26 486 мараведи, исчезла; единственным, кто остался в Ламанче, был Альмагро, оцененный в 800 мараведи. [366] Работа Мартинеса и Сан-Висенте Феррера завершалась сама собой. Народное отвращение росло, в то время как значение евреев как источника государственных доходов фатально уменьшилось. Конец, очевидно, приближался, но рассмотрение его ужасов следует отложить, пока мы не взглянем на состояние отступников, которые искали убежища от бури, приняв веру угнетателя.

Конверсос, число которых неуклонно росло, успешно справились со своей судьбой, завоевав почести, богатство и всеобщую ненависть. Как в Кастилии, так и в Арагоне они занимали прибыльные и влиятельные должности на государственной службе, и их преобладание в Церкви и государстве постоянно становилось все более заметным. В Каталонии, однако, к ним относились с презрением, и, хотя хвастовство тем, что каталонская кровь никогда не была запятнана смешением, преувеличено, оно не совсем безосновательно. То же самое можно сказать и о Валенсии, где смешанные браки имели место только среди сельского населения. Более того, по всей Испании сельское хозяйство всех наиболее важных источников дохода перешло в их руки, и таким образом они унаследовали ненависть, а также прибыли евреев. [367]

Начало конца было замечено в Толедо, где в 1449 году Альваро де Луна потребовал от города миллион мараведи на защиту границы, и в этом было отказано. Он приказал сборщикам налогов собрать его. Они были конверсос, и когда они предприняли попытку, горожане восстали, разграбили и сожгли не только свои дома, но и дома конверсос в целом. Последние организовались в целях самообороны и попытались подавить беспорядки, но потерпели поражение, когда те, кто был богат, были подвергнуты пыткам и была получена огромная добыча. Напрасно Хуан II пытался наказать город; торжествующие горожане во главе с магистратами организовали суд, на котором обсуждался вопрос, могут ли конверсос занимать какие-либо государственные должности. Несмотря на очевидную незаконность этого и активную оппозицию, возглавляемую знаменитым Лопе де Баррьентосом, епископом Куэнки, решение было вынесено против Conversos в квазисудебном приговоре, известном как *Sentencia-Estatuto*, который по горечи своих формулировок раскрывает крайнюю напряженность, существующую между Старыми и Новыми христианами. Конверсос были заклеены как более чем подозрительные в вере и как настоящие евреи; они были объявлены неспособными занимать должности и свидетельствовать против старых христиан, а те, кто занимал должности, были изгнаны. [368] Беспорядки распространились на Сьюдад-Реаль, где основные офисы занимали Conversos. Орден Калатравы, который долгое время пытался овладеть городом, встал на сторону старых христиан; на улицах шли ожесточенные бои, и в течение пяти дней квартал, занятый конверсос, подвергался разграблению. [369] Таким образом, ненависть, которая в старину была просто вопросом религии, стала вопросом расы. От первого можно было избавиться, приняв крещение; второе было неизгладимым, и это изменение имело самое серьезное значение, оказывая на протяжении веков свое злое влияние на судьбу полуострова.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОНВЕРСОС

Судебный приговор угрожал ввести новый принцип в публичное и каноническое право, оба из которых всегда поддерживали братство христиан и поощряли обращение, предписывая максимальную благосклонность к новообращенным. К Николаю V обратились, и 24 сентября 1449 года он ответил буллой, в которой говорилось, что все верующие едины; что законы Альфонсо X и его преемников, допускающие обращенных ко всем привилегиям христиан, должны быть приведены в исполнение, и он поручил архиепископам Толедо и Севильи, епископам Паленсии, Авилы и Кордовы и аббату Сан-Фагуна отлучать от церкви всех, кто пытался их аннулировать. [370], похоже, требовалось нечто большее, чем это, и в 1450 году он официально отлучил Педро Сармьенто и его сообщников от церкви как авторов Судебного приговора, и снова, в 1451 году, он повторил свою буллу 1449 года. Наконец, в том же году синоды Витории и Алькалы осудили это, и Альфонсо де Монтальво, выдающийся юрист того

времени, объявил это незаконным. [371] На самом деле оно никогда не имело обязательной силы, но предпринятые усилия по его отмене показывают, насколько опасной угрозой оно было и как выражало широко распространенное общественное мнение. Это был первый порывистый порыв торнадо.

Очагом беспорядков оставался Толедо. В 1461 году военный архиепископ Алонсо Каррильо поручил ученому Алонсо де Оропесе, генералу джеронимитов, расследовать причину разногласий. Он сделал это и сообщил, что были ошибки с обеих сторон, и, по просьбе архиепископа, он приступил к написанию своего *Наставления об откровении божьем*, чтобы доказать единство верующих, но, пока он был занят этим благочестивым трудом, неугасимая вражда вспыхнула с новой силой. [372] Любое случайное возмущение могло привести к этому, и такая возможность представилась в 1467 году, когда каноники, получавшие доход от хлеба в городе Македа, передали его еврею. Альваро Гомес, алькальд-мэр, был сеньором Македы; его алькаид избил еврея и конфисковал хлеб для использования в замке; каноники немедленно заключили алькайда в тюрьму и призвали Гомеса к ответу. Когда он приехал, ссора разгорелась еще сильнее; граф Сифуэнтес, лидер одной из городских фракций и защитник конверсос, поддержал Гомеса, в то время как Фернандо де ла Торре, лидер конверсос, надеясь отомстить за поражение 1449 года, хвастался, что под его командованием было четыре тысячи хорошо вооруженных бойцов, что в шесть раз больше, чем могли собрать старые христиане. Ситуация созрела для взрыва, и 21 июля на конференции, проходившей в соборе, последователи двух партий безжалостно насмеялись друг над другом; были обнажены мечи, и святилище было осквернено кровью, хотя был убит только один человек. Каноники приступили к укреплению собора и выставили гарнизон, который подвергся нападению на следующий день. Духовенство, раздраженное огнем нападавших, чтобы отвлечь внимание, устроило пожар на улице Чапинерия, который распространялся до тех пор, пока не были уничтожены восемь улиц — самой богатой в Толедо, переполненной магазинами, полными дорогих товаров. План удался; Конверсос были обескуражены и теряли позиции, пока 29-го числа Сифуэнтес и Гомес не бежали, а Фернандо де ла Торре и его брат Альваро не были схвачены и повешены. Победоносная фракция отстранила от должности всех своих оппонентов и возродила с дополнительной строгостью Законный приговор. Толедо в то время принадлежал к партии самозванца Альфонсо XII, но когда горожане послали к нему подтвердить содеянное, он отказался, и вскоре после этого город перешел на сторону Генриха IV. [373] Вполне вероятно, что в награду за это он подтвердил законный приговор, поскольку, когда примерно в то же время Сьюдад-Реаль восстал против Альфонсо и перешел на сторону Генриха, 14 июля 1468 года он даровал этому городу, что отныне ни один Конверс не должен занимать муниципальные должности. [374] Во всепроникающем беззаконии такие беспорядки, как беспорядки в Толедо, не встречали ни репрессий, ни наказаний. В 1470 году Вальядолид стал свидетелем аналогичного восстания, в ходе которого старые христиане и конверсос взяли за оружие и боролись за господство. Первый послал за прибывшими Фердинандом и Изабеллой, но большинство горожан предпочли Генриха IV, и королевская чета была рада сбежать. [375]

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ КОНВЕРСОС

Повсюду ненависть между старыми христианами и Новыми проявлялась таким прискорбным образом. В Кордове нам рассказывали, что Конверсос были очень богаты и купили не только должности, но и покровительство Алонсо де Агилара, чья власть и высокая репутация вызывали всеобщее уважение, в то время как старые христиане подчинялись графам Кабра и епископу

Педро де Кордова-и-Солье. Для взрыва требовалась всего лишь искра, и поводом послужил несчастный случай во время процессии 14 марта 1473 года. С криками *да здравствует Бог*, толпа поднялась, и в городе начались грабежи, убийства и пожары. Алонсо и его брат Гонсалво — будущий Великий капитан — подавили бунт ценой немалого кровопролития, но через несколько дней он вспыхнул снова, и после сорокавосьмичасового боя агилары были вынуждены укрыться в алькасаре, прихватив с собой всех конверсос и евреев, кого смогли. Затем последовал всеобщий погром, в ходе которого творились всевозможные бесчинства и жестокость, пока ярость толпы не иссякла из-за отсутствия жертв. В конце концов Алонсо договорился с городскими властями, которые навсегда изгнали конверсос, и те бедняги, которым удалось избежать факела и кинжала, были выставлены на произвол судьбы, чтобы их безнаказанно грабили и убивали на дорогах. [376]

Сельские рабочие, случайно оказавшиеся в Кордове, разнесли радостную весть по соседним местам, и пламя быстро распространилось по Андалусии от города к городу. Граф Кабра хранил спокойствие в Баэне, Луис Портокарреро - в Пальме, Фадрике Манрике - в Эсихе, а Хуан де Гусман и Родриго Понсе де Леон - в Севилье и Хересе, но в других местах царил ужасный хаос. В Хаэне констебль Кастилии Мигель Луис де Ирансо был предательски убит, стоя на коленях перед алтарем; его жена Тереза де Торрес едва смогла бежать со своими детьми в алькасар, а Конверсос были разграблены и отправлены. Только в Альмодовар-дель-Кампо мы слышим о каком-либо правосудии над убийцами, поскольку там Родриго Хирон, магистр Калатравы, повесил некоторых из самых виновных. Нам рассказывают, что король, когда до него дошла эта весть, сильно опечалился, но никакого наказания не назначил. [377]

После восшествия на престол Фердинанда и Изабеллы в 1474 году житель Кордовы Антон де Монторо обратился к ним со стихотворением, в котором он рисует ужасную картину безнаказанных убийств своих братьев, чистоту веры которых он утверждает. Огонь и меч только что опустошили альяму Кармоны, и новые бедствия угрожали Севилье и Кордове. [378] Доминиканцы и францисканцы гремели с кафедр и призывали верующих очистить землю от скверны иудаизма, тайной и открытой. Обычно утверждалось и верилось, что христианство конверсос было фиктивным, а фанатизм в сочетании с завистью и жадностью стимулировал массовые убийства, которые стали столь частыми. Средства, использованные для привлечения новообращенных евреев, не были настолько мягкими, чтобы вселить уверенность в искренности их исповеданий, и, справедливо или ошибочно, они были почти повсеместно заподозрены. Энергия, с которой новые монархи насаждали уважение к законам, быстро положила конец отвратительным бесчинствам толпы, поскольку мы не слышим о дальнейших массовых убийствах, но отвращение, испытываемое к преуспевающим ренегатам, чье богатство и власть считались приобретенными ложным исповеданием веры во Христа, все еще было широко распространено, хотя его более жестокие проявления были сдержаны. Мудрая выдержка в сочетании с энергичным поддержанием порядка со временем привели бы к примирению, к бесконечному благу Испании, но в то время, когда ересь считалась величайшим из преступлений, а единство веры - высшей целью государственной мудрости, мудрая выдержка и терпимость были невозможны. Таким образом, после подавления беспорядков монархи почувствовали, что перед ними все еще стоит долг отстаивать веру. Таким образом, после долгих колебаний их политика в отношении конверсос нашла воплощение в инквизиции, введенной ближе к концу 1480 года. Еврейский вопрос требовал иного отношения, и он был решен раз и навсегда самым решительным образом.

РАССМАТРИВАЕТСЯ ВОПРОС ОБ ИЗГНАНИИ ЕВРЕЕВ

Инквизиция не имела юрисдикции над евреем, если только он не оказывался поддающимся ей каким-либо преступлением против веры. Он не был крещен; он не был членом Церкви и, следовательно, был неспособен к ереси, которая была объектом инквизиционных функций. Однако он мог подвергнуть себя этому через прозелитизм, соблазняя христиан принять его ошибки, и в этом постоянно обвинялись евреи, хотя их история показывает, что, в отличие от других великих религий, иудаизм всегда был национальной верой, не стремящейся распространяться за пределы расы. Как избранный народ, Израиль никогда не стремился поделиться своим Богом с язычниками. Вероятно, было больше оснований для обвинения в том, что тайная порочность конверсос поощрялась теми, кто оставался непоколебимым в вере, что обрезания совершались тайно и что пожертвования в синагоги приветствовались.

В то время как целью инквизиции было обеспечить единство веры, ее основание разрушило надежду на то, что в конечном итоге все евреи будут собраны в лоно Христа. Это было оправданием бесчеловечных законов, призванных сделать существование вне Церкви настолько невыносимым, что к крещению стали бы прибегать как к избавлению от бесконечной несправедливости, но ужасное зрелище аутодафе и страдания, сопутствующие массовым конфискациям, заставили еврея более решительно, чем когда-либо, хранить веру предков, которая служила ему защитой от ужасов Святой Канцелярии и ужасной участи, нависшей над Conversos. На его обращение больше нельзя было надеяться, и до тех пор, пока он оставался в Испании, верующие были бы шокированы его присутствием, а новообращенные подвергались бы осквернению его общества. Единственной альтернативой было его отстранение.

Изабелла предприняла частичный эксперимент такого рода в 1480 году, очевидно, в дополнение к инквизиции, основанной примерно в то же время. Андалусия была провинцией, где евреев было больше всего, и она начала с того, что приказала изгнать оттуда всех, кто не примет христианство, и пригрозила смертью любым новым поселенцам. [379] У нас нет подробностей относительно этой меры и известно только, что она несколько раз откладывалась и, по-видимому, была отменена. [380] Булла Сикста IV 1484 года показывает нам, что евреи все еще жили там без помех, и, когда в 1492 году произошло окончательное изгнание, Бернальдес сообщает нам, что из Андалусии восемь тысяч семей высадились в Кадисе, помимо многих в Картахене и портах Арагона. [381]

Весьма вероятно, что имели место колебания, поскольку политика и фанатизм были непримиримы. Война с Гранадой требовала больших расходов, в которые евреи вносили наиболее полезный вклад, и финансы находились в руках двух ведущих евреев, Абрахама старшего и Исаака Абраванеля, чьему умелому управлению во многом был обязан ее конечный успех. Возможно, угроза изгнания была скорее финансовой, чем религиозной мерой, принятой с целью продажи временных ограничений и изъятий, и это также, возможно, объясняет аналогичный курс, принятый Фердинандом, когда в мае 1486 года он приказал инквизиторам Арагона изгнать всех евреев Сарагосы из архиепископства Сарагоса и епископства Альбаррасин, точно так же, как они были изгнаны из епархий Севильи, Кордовы и Хаэна. [382] Монархи знали, когда быть терпимыми, а когда дать полную волю фанатизму, что проявилось в их обращении с ренегатами и Конверсос при взятии Малаги, в отличие от либеральных условий, предложенных при капитуляции Альмерии и Гранады. Они были готовы прислушаться к советам

тех, кто выступал против любого вмешательства в дела еврейского населения, в пользу которого действовало мощное влияние. Изабелла, очевидно, долго колебалась между государственной мудростью и своими представлениями о долге, в то время как Торквемада не переставал убеждать ее оказать услугу Христу, очистив ее владения от потомков его распятых. [383]

СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРЕДРАССУДКОВ

Не было недостатка в усилиях, чтобы воспламенить общественное мнение и еще больше разжечь враждебность, которую так долго и тщательно культивировали. Широко распространилась история о том, что маэстро Рибас Альтас, королевский врач, носил золотой шар, прикрепленный к шнурку на шее; что принц Хуан, единственный сын монархов, выпросил его у него и сумел открыть, когда обнаружил внутри пергамент, на котором было нарисовано распятие с врачом в неприличной позе; что он был так взволнован, что заболел и после долгих уговоров раскрыл причину, добавив, что он не выздоровеет, пока еврей не будет сожжен, что было сделано соответствующим образом, и Фердинанд согласился на изгнание. из проклятой секты. [384] Затем нам сообщают, что в Страстную пятницу 1488 года несколько евреев, чтобы отомстить за оскорбление, забросали камнями грубый крест, стоявший на холме Джано близ Касар-де-Паломеро; их заметили и осудили, когда герцог Альба сжег раввина и нескольких виновных; крест починили и торжественной процессией отнесли в приходскую церковь, где он до сих пор остается объектом народного почитания. [385] Предположительно, именно к этому периоду мы можем отнести фальсификацию переписки, обнаруженной пятьдесят лет спустя архиепископом Силичео в архивах Толедо между Чаморро, князем евреев Испании, и Улиффом, князем евреев Константинополя, в которой последний, отвечая на просьбу о совете, сообщает первому: “когда король забирает ваше имущество, сделайте ваших сыновей торговцами, чтобы они могли забрать имущество христиан; когда он забирает ваши жизни, сделайте ваших сыновей врачами и аптекарями, чтобы они могли забрать жизни христиан; когда он разрушает ваши синагоги, сделайте ваших сыновей торговцами, чтобы они могли забрать имущество христиан”. священнослужители, чтобы они могли разрушать церкви; поскольку он досаждал вам другими способами, сделайте своих сыновей чиновниками, чтобы они могли подчинить христиан и отомстить”. [386]

Однако наиболее эффективным был жестокий прием, который Торквемада неуклонно применял до конца. В июне 1490 года некий конверсо по имени Бенито Гарсия, возвращавшийся из паломничества в Компостеллу, был арестован в Асторге по обвинению в том, что у него в рюкзаке была освященная облатка. Епископальный викарий, доктор Педро де Виллада, неоднократно пытал его, пока не добился признания в причастности пяти других конверсос и шести евреев к заговору с целью произвести заклинание с человеческим сердцем и освященным воинством, посредством которого вызвать безумие и смерть всех христиан, разрушение христианства и торжество иудаизма. Трое из обвиняемых евреев были мертвы, но остальные из названных были быстро арестованы, и инквизиция продолжила судебный процесс. Еще через год, проведенный в пытках обвиняемых, всплыла история о распятии в Ла Гуардиа христианского ребенка, у которого было вырезано сердце с целью заклинания. Все это настолько очевидно было произведением камеры пыток, что было невозможно согласовать расхождения в признаниях обвиняемых, хотя несколько раз пытались прибегнуть к весьма необычному средству - очной ставке с ними; ни один ребенок нигде не был пропущен, и на месте, где, как утверждалось, он был похоронен, не было найдено никаких останков. Инквизиторы, наконец, отказались от попытки выстроить последовательное повествование, и

16 ноября 1491 года обвиняемые были казнены в Авиле; три умерших еврея были сожжены как чучела, двое живых были разорваны раскаленными клещами, а конверсос были “примирены” и задушены перед сожжением. Основная цель была раскрыта в предложении, зачитанном на аутодафе, которое было составлено таким образом, чтобы привлечь особое внимание к прозелитическим усилиям евреев и иудаизирующим наклонностям *Conversos*, и были приложены все усилия, чтобы произвести на людей как можно более широкое впечатление. Мы случайно знаем, что приговор был отправлен в Ла-Гуардиа для зачитывания с кафедры, и что он был переведен на каталанский и аналогичным образом опубликован в Барселоне, показывая, что таким образом он был доведен до сведения всего населения — явление, не имеющее аналогов в истории инквизиции. Культ Святого Младенца из Ла-Гуардии — *Эль-санта-ниньо-де-ла-Гуардия* — быстро начался с чудес и сохраняется по сей день, хотя святость предполагаемого мученика так и не была подтверждена Святым Престолом. Цель Торквемады была достигнута, поскольку, хотя было бы преувеличением сказать, что только это дало согласие Фердинанда на изгнание, это, несомненно, во многом способствовало такому результату. Эдикт о высылке, это правда, не имеет прямого отношения к делу, но в своих усердных попытках преувеличить опасность еврейского прозелитизма он отчетливо отражает признания, которые инквизиция вымогала у обвиняемых. [387]

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ

Со сдачей Гранады в январе 1492 года работа по отвоеванию была завершена. Евреи усердно способствовали этому и выполнили свою работу слишком хорошо. С присоединением богатой территории и трудолюбивого мавританского населения, а также прекращением войны даже Фердинанд мог убедить себя, что евреи больше не являются финансово необходимыми. Народный фанатизм требовал постоянных репрессий для поддержания мира; операции инквизиции разрушили надежду на то, что постепенное обращение приведет к желаемому единству веры, и единственной альтернативой было удаление тех, кто без чудесного изменения настроения не мог столкнуться с ужасными рисками, сопутствующими крещению. Таким образом, легко понять мотивы, приведшие к этой мере, не приписывая ее, как это было сделано ранее, жадности к богатству жертв, поскольку, хотя, как мы увидим, имеется множество свидетельств желания извлечь из этого выгоду, в целом это было явно нежелательно с финансовой точки зрения.

Таким образом, было решено изгнать евреев из всех испанских владений. Когда об этом заговорили при дворе, Абрахам-старший и Абраванель предложили крупную сумму от “альджама”, чтобы предотвратить удар. Фердинанд был склонен согласиться, но Изабелла была непреклонна. Ходит легенда, что, когда рассматривалось это предложение, Торквемада ворвался в королевское присутствие и, высоко подняв распятие, смело обратился к монархам: “Смотрите на распятого, которого нечестивый Иуда продал за тридцать сребреников. Если вы одобряете этот поступок, продайте его за большую сумму. Я отказываюсь от своей власти; мне ничего не будет вменено, но вы ответите перед Богом!” [388] Так это или нет, предложение было отклонено, и 30 марта указ о высылке был подписан, хотя, по-видимому, с его обнародованием произошла задержка, поскольку он не был опубликован в Барселоне до 1 мая. [389] Он дал всему еврейскому населению Испании срок до 31 июля, в течение которого оно могло сменить религию или покинуть страну под страхом смертной казни, которая также грозила за любую

попытку вернуться. На время перерыва они были взяты под королевскую защиту; им было разрешено продать свое имущество и унести вырученные средства с собой, за исключением того, что по общему закону вывоз золота и серебра был запрещен. [390]

Дополнительный указ от 14 мая разрешал продавать земли, оставляя мало времени для совершения таких сделок, и это было еще более фатально ограничено в Арагоне, где Фердинанд наложил арест на всю еврейскую собственность, чтобы предоставить истцам и кредиторам возможность доказать свои права, причем судам было приказано решать все подобные дела незамедлительно. Еще менее простительным было то, что он удерживал со всех продаж сумму, равную всем сборам и налогам, которые евреи заплатили бы ему, таким образом, реализовав годовой доход за счет ничтожных сумм, полученных в результате принудительных продаж несчастными изгнанниками. [391] В Кастилии неразбериха, возникшая в результате обширных коммерческих сделок евреев, привела к изданию 30 мая указа, адресованного всем должностным лицам страны, предписывающего вызвать все заинтересованные стороны в течение двадцати дней для доказательства своих претензий, которые суды должны урегулировать к середине июля. Все долги, подлежащие погашению до даты отъезда, должны были быть незамедлительно выплачены; если они причитались христианам евреями, у которых не было личных вещей, достаточных для их погашения, кредиторы должны были получить землю по завышенной оценке или быть выплачены за счет других долгов, выплаченных евреями. По долгам, подлежащим погашению впоследствии, если они были погашены евреями, должники должны были заплатить сразу или предоставить соответствующее обеспечение; если они были погашены христианами или маврами, кредиторы должны были либо оставить за собой полномочия по взысканию в конце срока, либо продать требования тем покупателям, которых они могли найти. [392] Эти правила позволяют нам заглянуть в сложности, возникшие в результате столь внезапно начавшегося кризиса, и, поскольку евреи почти повсеместно были кредиторами, мы можем легко представить, насколько велики были их убытки и сколько христианских должников, должно быть, избежали уплаты.

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ

Монархи также разделили добычу. Когда изгнанники добрались до морских портов, чтобы сесть на корабль, они обнаружили, что с них была взимаема вывозная пошлина в размере двух дукатов с человека, которую они были обязаны выплачивать из своих скудных запасов. [393] Более того, угроза конфискации для тех, кто просрочил срок, строго соблюдалась, и, по крайней мере, в некоторых случаях конфискованное таким образом имущество было предоставлено дворянам для компенсации их потерь путем изгнания их евреев. [394] Все оставленные вещи также были изъяты; во многих случаях опасности путешествия, запрет на ношение монет и трудности с приобретением переводных векселей заставляли изгнанников вносить депозиты у надежных друзей, которые должны были быть переведены им в их новых домах, все из которых было изъято короной. Этой суммы было достаточно, чтобы потребовалась регулярная организация должностных лиц, уполномоченных разыскивать эти залежи и другие фрагменты собственности, которые могли быть изъяты, и мы находим переписку по этому вопросу еще в 1498 году. [395] Также предпринимались попытки преследовать изгнанников и охранять их имущество под предлогом того, что они взяли с собой запрещенные предметы, и к Генриху VII Английскому и Фердинанду Неаполитанскому обращались за помощью в случаях, подобных описанию. [396]

Нам говорят, что ужас и отчаяние исхода были значительно усилены указом, изданным Торквемадой в качестве генерального инквизитора в апреле, запрещающим любому христианину после 9 августа поддерживать какое-либо общение с евреями, давать им пищу или кров или оказывать им какую-либо помощь. [397] Вряд ли было необходимо такое дополнение к их бедам, поскольку было бы трудно преувеличить страдания, обрушившиеся на население, таким образом внезапно вырванное с корнем с земли, в которой их раса была старше, чем раса их угнетателей. Ошеломленные поначалу ударом, они, как только оправились от потрясения, начали готовиться к отъезду. Престарелому раввину Исааку Абоабу с тридцатью видными коллегами было поручено договориться с португальским королем Жуаном II о предоставлении убежища в его владениях. Он заключил жесткую сделку, потребовав крузадо за голову за разрешение въехать и проживать в течение шести месяцев. [398] Для тех, кто находился вблизи побережья, были приняты меры по перевалке грузов морским транспортом, в основном из Кадиса и Барселоны на юге и Ларедо на севере. На северо-востоке Наварра предоставила убежище по приказу Жана д'Альбре и его жены Леоноры, хотя города были несколько непокорны. [399] По мере приближения срока была предоставлена отсрочка на два дня, в результате чего он был перенесен на 2 августа, 9 Ав, день, запомнившийся в еврейских летописях своими неоднократными несчастьями. [400]

Жертвы, понесенные изгнанниками, были огромны. Реализовать в столь сжатые сроки все виды имущества, не подлежащего перемещению, при столь несовершенных средствах передвижения было почти невозможно, и при принудительной продаже такого масштаба покупатели имели огромное преимущество, которым они в полной мере воспользовались. Очевидец рассказывает нам, что христиане покупали свою собственность за бесценок; они ходили повсюду и не находили покупателей, так что были вынуждены отдать дом за осла и виноградник за немного ткани или льна: в некоторых местах несчастные, не имея возможности получить никакой цены, сжигали свои дома, а альджамы раздавали городам общинную собственность. Им не разрешалось продавать свои синагоги, христиане забирали их и превращали в церкви, где можно было поклоняться Богу справедливости и любви. [401] Кладбища, о которых они испытывали особую заботу, во многих местах были переданы городам при условии сохранения от осквернения и использования только под пастбища; там, где этого сделано не было, они были конфискованы, и Торквемада получил часть добычи, добившись 23 марта 1494 года от Фердинанда и Изабеллы предоставления кладбища в Авиле для своего монастыря из Санто-Томаса. [402]

ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ

Решительное постоянство, проявленное в этой крайности, вызывало восхищение. Отступников было сравнительно немного, и, если Абрахам Старший был одним из них, в качестве оправдания утверждается, что Изабелла, которая не хотела лишаться его услуг, пригрозила, если он будет упорствовать в своей вере, принять еще более жесткие меры против его народа, и он, зная ее способности в этом направлении, принял крещение; крестными родителями у него и его семьи были монархи и кардинал Гонсалес де Мендоса; они приняли фамилию Коронель, которая долгое время оставалась выдающейся. [403] Фрейлы повсюду проявляли себя в проповеди, но новообращенных было мало, и они принадлежали к низшему классу; инквизиция изменила ситуацию, и сам Сан-Висенте Феррер считал бы миссионерскую работу бесплодной, поскольку страх изгнания был меньше, чем у Святой Канцелярии *икемадеро*.

Существовала безграничная взаимопомощь; богатые помогали бедным, и они, как могли, готовились встретить лицом к лицу опасности неизвестного будущего. Перед началом все мальчики и девочки старше двенадцати лет были женаты. В начале июля начался массовый исход, и ничто не может дать лучшего представления об этом скорбном паломничестве, чем простое повествование доброго священника Паласиоса. Пренебрегая, говорит он, богатством, которое они оставили после себя, и веря в слепую надежду, что Бог приведет их в землю обетованную, они покидали свои дома, большие и малые, старые и молодые, пешком, верхом, на ослах или других животных или в повозках, одни падали, другие поднимались, одни умирали, другие рождались, третьи заболевали. Не было ни одного христианина, который не жалел бы их; повсюду их приглашали обратиться, и некоторые крестились, но очень немногие, потому что раввины поощряли их и заставляли женщин и детей играть на тимпане. Те, кто отправился в Кадис, надеялись, что Бог откроет им путь через море; но они оставались там много дней, сильно страдая, и многие жалели, что вообще родились. Из Арагона и Каталонии они вышли в море, направляясь в Италию, или в мавританские земли, или куда угодно, куда могла завести их судьба. Большинство из них постигла злая судьба, они занимались грабежами и убийствами на море и в землях своего убежища. Об этом свидетельствует судьба тех, кто отплыл из Кадиса. Им пришлось сесть на двадцать пять кораблей, капитаном которых был Перо Каброн; они отплыли в Оран, где нашли корсара Фрагозо и его флот; они пообещали ему десять тысяч дукатов, чтобы он не приставал к ним, на что он согласился, но наступила ночь, и они отплыли в Арчиллу. (испанское поселение в Марокко), где их разметала буря. Шестнадцать кораблей зашли в Картахену, где сто пятьдесят душ высадились и попросили крещения; затем флот направился в Малагу, где то же самое сделали еще четыреста человек. Остальные достигли Арчиллы и направились в Фес. Множество людей также отплыло из Гибралтара в Арсилью, откуда они отправились в Фес под охраной нанятых для этой цели мавров, но по пути они были ограблены, а их жены и дочери подверглись насилию. Многие вернулись в Арчиллу, где вновь прибывшие, услышав об этом, остались, разбив большой лагерь. Затем они разделились на две группы: одна настаивала на поездке в Фес, другая предпочла крещение в Арсилье, где комендант, граф Борон, относился к ним по-доброму, а священники крестили их группами с разбрызгивателями. Граф отправил их обратно в Испанию, и вплоть до 1496 года они возвращались для крещения — в Паласиосе Бернальдес крестил около сотни человек, некоторые из них были раввинами. Те, кто добрался до Феса, были голыми, голодными и вшивыми. Король, видя, что они - обуза, разрешил им вернуться, и они поплелись обратно в Арчиллу, их грабили и убивали по дороге, женщин насиловали, а мужчинам часто вскрывали животы в поисках золота, которое, как считалось, было спрятано у них в животах. Те, кто остался в Фесе, построили для себя большое еврейство из соломенных домов; однажды ночью там произошел пожар, в результате которого сгорело все их имущество и пятьдесят или сто душ, после чего разразилась эпидемия, унесшая более четырех тысяч жизней. Фердинанд и Изабелла, видя, что все, кто мог вернуться, вернулись для крещения, выставили охрану, чтобы не впускать их, если только у них не было денег на пропитание. [404]

Весь мир был безжалостен к этим несчастным изгоям, против которых была поднята рука каждого человека. Те, кто стремился в Португалию, использовали отведенные им шесть месяцев, отправив отряд в Фес, чтобы организовать транзит туда; многие отправились туда и составили часть группы невезучих, о несчастьях которых мы рассказали. Остались другие: те, что побогаче, платили королю по сто крузадо на семью, беднее - по восемь крузадо на душу населения, в то время как тысяча, которые ничего не могли заплатить, были обращены в

рабство. Этих король Мануэль освободил после своего восшествия на престол в 1495 году, но в 1497 году он принудил всех обратиться в христианство. Затем в Лиссабоне, на Пасху 1506 года, новый христианин в доминиканской церкви случайно выразил сомнение относительно чудесного распятия, когда его вытащили за волосы и убили; доминиканцы разглагольствовали перед толпой, разгуливая по улицам с распятием и возбуждая народные страсти, пока не последовала резня, в ходе которой были совершены самые отвратительные жестокости. Пожар бушевал три дня и закончился только тогда, когда больше жертв найти не удалось, а число убитых оценивалось в несколько тысяч. [405] Дальнейшую судьбу этих беженцев у нас будет возможность проследить позже.

СУДЬБА ИЗГНАННИКОВ

В Наварре, где изгнанников приняли доброжелательно, эпоха терпимости была короткой. В 1498 году эдикт, основанный на указе Фердинанда и Изабеллы, предоставил им альтернативу крещения или изгнания, и в то же время на пути изгнания возникли такие трудности, что они в основном подчинились крещению и остались дискредитированным классом, подвергнутым многочисленным ограничениям. [406] Неаполь, куда стекались толпы людей, представлял собой негостеприимное убежище. В августе 1492 года туда прибыли девять каравелл, груженных евреями и зараженных чумой, которую они передали в город, откуда она распространилась по королевству и свирепствовала в течение года, унося жизни двадцати тысяч человек. Затем, в смятении, последовавшем за вторжением Карла VIII в 1495 году, народ восстал против них; многие отказались от своей религии, чтобы избежать резни или рабства; многих увезли в далекие страны и продали в рабство; это бедствие длилось три года, в течение которых те, кто был непоколебим в вере, были заключены в тюрьму, сожжены или подверглись капризам толпы. [407] Турция, в целом, оказалась наиболее подходящим убежищем, где Баязет нашел им таких выгодных подданных, что высмеял мудрость, которую в народе приписывают испанским государям, которые могли совершить столь великий акт безрассудства. Хотя они время от времени подвергались преследованиям, они продолжали процветать; большинство существующих евреев Турции в Европе и значительная часть евреев Турции в Азии являются потомками изгнанников; они впитали в себя более старые общины, и их язык по-прежнему испанский шестнадцатого века. [408]

Когда судьба изгнанников была, по большей части, столь невыносимой, было естественно, что многие стремились вернуться на родину, и, как мы видели на примере Бернальдеса, многие так и поступили. Сначала это молчаливо разрешалось при условии обращения, при условии, что они приносили с собой деньги, но в конце концов монархи стали опасаться, что чистота веры будет подорвана, и в 1499 году был издан пояснительный эдикт, предписывающий смерть и конфискацию для любого еврея, въезжающего в Испанию, будь то иностранец или возвращающийся изгнанник, даже если он попросил крещения, если только он заранее не сообщит, что желает приехать с этой целью, когда он должен был креститься в порту въезда и должен был быть совершен нотариальный акт. О том, что этот жестокий эдикт был безжалостно приведен в исполнение, свидетельствуют несколько случаев в 1500 и 1501 годах. Более того, всем хозяевам еврейских рабов было приказано выслать их из страны в течение двух месяцев, если они не согласятся принять крещение. [409] Испания была слишком святой землей, чтобы оскверняться присутствием еврея, даже в плену.

В отсутствие заслуживающих доверия статистических данных все оценки числа жертв должны быть в большей или меньшей степени предметом догадок, и, следовательно, они варьируются в зависимости от впечатлений или воображения летописца. Бернальдес сообщает нам, что раввин Маир написал Абрахаму-старшему, что монархи изгнали 35 000 вассалов, то есть 35 000 еврейских семей, и добавляет, что из десяти или двенадцати раввинов, которых он крестил по их возвращении, очень умный, по имени Зентолло из Витории, сказал ему, что в Кастилии насчитывалось более 30 000 женатых евреев и 6000 в королевствах Арагон, что составляло 160 000 душ на момент издания указа, что, вероятно, является наиболее точной оценкой, какую мы можем найти. [410] Со временем цифры росли. Альбертино, инквизитор Валенсии в 1534 году, цитирует Рейхлина, который подсчитал число изгнанников в 420 000 человек. [411] Осторожный Зурита цитирует Бернальдеса и добавляет, что другие оценивают общее количество домохозяйств в 400 000, в то время как Мариана говорит нам, что большинство авторов утверждают, что количество домохозяйств составляло 170 000, а некоторые оценивают общее количество в 800 000 душ; Парамо приводит цифры в 124 000 домохозяйств или более 600 000 душ. [412] Исидор Леб, после исчерпывающего обзора всех авторитетных источников, еврейских и христианских, приходит к оценке [413]—

Эмигранты,	165 000
крещенных,	50 000
Умерших,	20 000
	235 000

и это, учитывая уменьшившееся число евреев, как показано в Репартимьенто 1474 года (стр. 125), вероятно, слишком завышенная оценка.

СОВРЕМЕННОЕ МНЕНИЕ

Какой бы ни была эта цифра, сумма человеческих страданий была неисчислима. Раввин Джозеф, чей отец был одним из изгнанников, красноречиво описывает страдания своего народа: “Некоторых из них турки убили, чтобы вывезти золото, которое они проглотили, чтобы спрятать его; некоторых из них поглотили голод и чума, а некоторых капитаны бросили голыми на морских островах; и некоторых из них продали в качестве слуг в Генуе и ее деревнях, а некоторых бросили в море.... Ибо были среди тех, кто был выброшен на морские острова в Провансе, еврей и его старый отец, падавшие в обморок от голода, прося хлеба, ибо некому было преклониться перед ними в чужой стране. И тот человек пошел и продал своего сына за хлеб, чтобы исцелить душу старика. И было так, что, когда он вернулся к своему старому отцу, он нашел его упавшим замертво и разодранным в клочья. И он вернулся к пекарю, чтобы забрать своего сына, но пекарь не отдал его обратно, и он громко и горько звал своего сына, и некому было избавить”. [414] Без гроша в кармане, без друзей и презираемые, они были изгнаны в мир, который учили, что угнетать их - значит служить Искупителю.

Однако таковы были убеждения того периода, в пятнадцатом веке после смерти Христа за человека, что это преступление против человечности не вызвало у современников ничего, кроме аплодисментов. Люди могли бы признать, что это было неразумно с точки зрения государственной мудрости и наносило ущерб процветанию страны, но это только увеличивало авторитет государей, чье благочестие было равно самопожертвованию. Когда в 1495 году Александр VI даровал им гордый титул католических королей, изгнание евреев было внесено в

список заслуг перед верой, дающих им право на это отличие. [415] Даже такой либеральный и культурный мыслитель, как Джан Пико делла Мирандола, хвалит их за это, хотя и признает, что даже христиане были тронуты состраданием к бедствиям страдальцев, почти все из которых погибли в результате кораблекрушения, эпидемии и голода, что сделало разрушения равными тем, что были нанесены Титом и Адрианом. [416] Верно, что Макиавелли, верный своим общим принципам, стремится найти в участии Фердинанда политический, а не религиозный мотив, но даже он характеризует этот поступок как *пиететную жестокость*. [417] Действительно, считалось, что Фердинанд проявил милосердие к своей власти, поскольку Арнальдо Альбертино доказал каноническим правом, что он был бы полностью оправдан, предав их всех мечу и конфисковав их имущество. [418]

Эдикт об изгнании провозгласил миру политику, которая в своем непрерывном развитии так много сделала для унижения Испании. В то же время это положило конец карьере признанных евреев в испанских владениях. Отныне мы будем встречаться с ними как с христианами-отступниками, поводом и жертвами инквизиции.

ГЛАВА IV.

УЧРЕЖДЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ.

Как бы ни выиграла конверсос с мирской точки зрения от смены религии, их положение в одном отношении, как мы видели, серьезно ухудшилось. Как евреи, они могли быть ограблены и унижены, заключены в узкие еврейские рамки и ограничены в своей карьере и средствах к существованию, но при этом они пользовались полной свободой веры, в которой они подчинялись только своим собственным раввинам. Они были вне Церкви, и Церковь не претендовала на юрисдикцию над ними в вопросах религии до тех пор, пока они открыто не хулили христианство или не стремились обратить себя в свою веру. Однако, как только новообращенный крестился, он становился членом Церкви и при любом отклонении от православия подчинялся ее законам. Поскольку инквизиции никогда не существовало в Кастилии и бездействовала в Арагоне, в то время как епископы, которые обладали обычной юрисдикцией в отношении ереси и отступничества, были слишком беспокойными и мирскими, чтобы тратить время на использование своей власти в таких вопросах, Конверсос, похоже, никогда не признавали возможности привлечения к ответственности за любое тайное пристрастие к вере, от которой они якобы отказались. Обстоятельства, при которых происходило массовое обращение — угрозы расправы или изматывающее давление бесчеловечных законов, — были не таковы, чтобы оправдывать доверие к искренности неофитов, и, когда крещение совершалось без разбора для множества людей, не было возможности получить подробное обучение сложной теологии их новой веры. Более того, раввинистический иудаизм настолько тесно связан с каждой деталью повседневной жизни верующего и придает такое большое значение предписываемым им обрядам, что для целых общин, столь внезапно обратившихся в христианство, было невозможно отказаться от обрядов и обычаев, которые на протяжении стольких поколений стали частью самого существования. Ревностные новообращенные могли бы воспитывать своих детей как христиан, а внуки, возможно, переросли бы старые обычаи, но конверсос не могли быть ревностными новообращенными, а священные традиции, передаваемые от отца к сыну со времен

Синедриона, были слишком драгоценны, чтобы от них отказываться. *Анусим*, как их называли их братья-евреи, таким образом, были невольными христианами, практикующими те еврейские обряды, на которые они осмеливались, и долгом всех евреев считалось вернуть их к истинной вере. [419]

ИУДАИЗМ КОНВЕРСОСА

Поэтому, как только Церковь набрала своих новобранцев, она начала относиться к ним с простительной долей подозрительности, хотя, по-видимому, не приложила никаких усилий к тому, чтобы обучить их своим доктринам после того, как поспешно крестила их тысячами. В 1429 году совет Тортосы с негодованием осудил невыразимую жестокость конверсос, которые с ужасающей небрежностью позволяют своим детям оставаться в рабстве у дьявола, не крестив их. Чтобы исправить это, Ординариям было приказано, свободно используя церковные порицания и привлекая, при необходимости, светские силы, крестить всех таких детей в течение восьми дней после рождения, и всем светским лордам было приказано оказать свою помощь в этом благочестивом деле. [420] Перспективы, конечно, не обещали, что грядущее поколение будет свободно от закоренелых еврейских заблуждений. Насколько мало сокрытия, на самом деле, считалось необходимым для конверсос, пока они демонстрировали номинальную приверженность католицизму, ясно показано показаниями на ранних процессах инквизиции, где слуги и соседи дали достаточно свидетельств относительно открытого соблюдения еврейских обрядов. Еще более убедительным является случай, произошедший в 1456 году в Розеллоне, который, хотя в то время находился в залоге у Франции, был предметом арагонской инквизиции. Некоторые конверсос не только придерживались еврейских обычаев, таких как употребление мяса в великий пост, но и заставляли своих слуг-христиан делать то же самое, и когда инквизитор Фрай Матео де Рапика с помощью епископа Эльны попытался принудить их к послушанию, они демонстративно опубликовали клеветнический навет на него и, при содействии некоторых мирян, нанесли ему увечья и понесли расходы. [421] Неспроста, когда епископ Альфонсо де Санта-Мария добился от Базельского собора указа от 1434 года, он включил в него пункт, объявляющий еретиками всех *Conversos*, придерживающихся еврейских суеверий, предписывающий епископам и инквизиторам строго расследовать их и снисходительно наказывать, и объявляющий виновными всех, кто их поддерживает в этих практиках. [422] Указ, конечно, оказался мертвой буквой, но, тем не менее, он был предзнаменованием инквизиции. Когда Николай V в 1449 году издал свою буллу в пользу конверсос, он последовал примеру Базельского собора, исключив тех, кто тайно продолжал совершать еврейские обряды. При методах, обычно используемых для достижения конверсии, результат был неизбежен и неизлечим.

Что придавало этому особую серьезность, так это успех Конверсос в получении высоких постов в Церкви и государстве. Важные кафедры занимали епископы еврейской крови; капитулы, монашеские ордена и приходы были полны ими; они занимали видное место в королевском совете и повсюду пользовались влиянием. Самые могущественные из них — Санта-Мария, Давилас и их последователи — восстали против королевского фаворита Альваро де Луна и вместе с недовольной знатью замыслили его гибель, когда ему, по-видимому, пришла в голову мысль, что, если бы он мог ввести инквизицию в Кастилии, он мог бы найти в ней оружие, с помощью которого можно было бы подчинить их. По крайней мере, это единственное

объяснение обращения Хуана II к Николаю V в 1451 году с просьбой передать папской инквизиции полномочия по наказанию иудействующих христиан. Папы слишком долго тщетно желали ввести инквизицию в Кастилии, чтобы Николай мог пренебречь этой возможностью. Он немедленно поручил епископу Осмы, своему генеральному викарию и схоластику Саламанки в качестве инквизиторов, либо самим, либо через таких делегатов, которых они могли назначить, расследовать и наказывать без апелляции всех таких правонарушителей, лишать их церковных достоинств и привилегий, а также мирского имущества, объявлять их неспособными занимать такие должности в будущем, заключать в тюрьму и унижать их достоинство, и, если того требует преступление, передавать их светским властям для сожжения. Была предоставлена полная власть совершать любые действия, необходимые или подходящие для исполнения этих обязанностей, и, в случае оказания сопротивления, обращаться за помощью к светской власти. Все это было в рамках обычной практики инквизиции, но был один пункт, который показывал, что целью этой меры было уничтожение врагов де Луна, епископов Конверсо, поскольку комиссия уполномочила назначенных лиц действовать даже против епископов — право, которое никогда ранее не предоставлялось инквизиторам и впоследствии, как мы увидим, было лишено при организации новой инквизиции. [423] Все это было формальным учреждением инквизиции на кастильской земле, и, если бы обстоятельства позволили ее развитию, Изабелле не пришлось бы вводить этот институт. Однако инквизиция полагалась в своей эффективности на светскую власть. В Испании, особенно, мало уважали голую папскую власть, в то время как власть Хуана II была слишком ослаблена, чтобы позволить ему ввести столь серьезное нововведение. Новые христиане признали, что их безопасность зависит от падения де Луны; заговор против него привлек на свою сторону бесстрашного Хуана II, и в 1453 году он был поспешно осужден и казнен. Естественно, булла осталась недействующей, и примерно десять лет спустя Алонсо де Эспина с чувством жалуется: “Некоторые - еретики и христианские извращенцы, другие - евреи, третьи - сарацины, четвертые - дьяволы. Некому расследовать ошибки еретиков. Хищные волки, о Господь, вторглись в стадо твое, ибо пастухов мало; многие - наемники, и как наемники они заботятся только о стрижке, а не о том, чтобы пасти твоих овец”. [424]

ALONSO DE ESPINA

Браю Алонсо де Эспине можно приписать большую роль в ускорении развития организованных преследований в Испании, разжигая расовую ненависть недавнего происхождения, которая уже не нуждалась в стимулировании. Он был человеком высочайшей образованности и святости, и когда в начале своей карьеры он был обескуражен незначительными результатами своей проповеди, чудо открыло ему благосклонность Небес и побудило его упорствовать. [425] В 1453 году мы видим, как он давал Альваро де Луна последние религиозные утешения во время его поспешной казни, и он стал духовником Генриха IV. [426] В 1454 году, когда в Вальядолиде был ограблен и убит ребенок, а тело исцарапали собаки, евреи, конечно, были заподозрены и признание было получено под пытками. Алонсо случайно оказался там и вызвал большое общественное волнение своими проповедями на эту тему, в которых он утверждал, что евреи вырвали сердце ребенка, сожгли его и, смешав пепел с вином, совершили нечестивое таинство, но, к сожалению, как он говорит нам, подкуп судей и короля Генриха позволил преступникам скрыться. [427] В следующем, 1455 году, как провинциал францисканцев-обсерванток, он предпринял безуспешную попытку изгнать монахов из Сеговии или получить отдельный монастырь для обсерванток. [428] С этого момента он, по-видимому, сосредоточил свою энергию на попытках осуществить принудительное обращение евреев и ввести

инквизицию для исправления отступничества конверсос. Обычно считается, что он сам принадлежал к классу конверсо, которые питали неугасимую ненависть к своим бывшим собратям, но доказательств этому нет, и вероятность полностью противоречит этому. [429]

Его "*Крепость веры*" - прискорбное проявление фанатичных страстей, которые в конце концов овладели Испанией. Он собирает воедино из хроник всей Европы истории о евреях, убивающих христианских детей во время своих нечестивых обрядов, об их отравлении колодцев и фонтанов, о разжигаемых ими пожарах и обо всех других ужасах, которые порождали и стимулировали здоровую ненависть к несчастной расе. Еврейский закон, говорит он нам, повелевает им убивать христиан и грабить их, когда это практически возможно, и они повинуются ему с неуголимой ненавистью и ненасытной жадью мести. Трижды в день в своих молитвах они повторяют: "Да не будет надежды для Месхуданим (Conversos); пусть все еретики и все, кто говорит против Израиля, будут быстро истреблены; пусть царство гордых будет разбито и уничтожено, и пусть все наши враги будут быстро сокрушены и смирены в наши дни!" [430] Но зло, творимое евреями сейчас, ничтожно по сравнению с тем, которое они сотворят при пришествии Антихриста, ибо они будут его сторонниками. Александр Македонский запер их в горах Каспия, примыкающих к владениям Великого хана или монарха Китая. Там, между замками Гога и Магога, окруженные заколдованной стеной, они размножались до тех пор, пока теперь их не стало достаточно много, чтобы заполнить двадцать четыре королевства. Когда придет Антихрист, они вырвутся на свободу и сплотятся вокруг него, как и все евреи Диаспоры, ибо они будут считать его своим обещанным Мессией и будут поклоняться ему как своему Богу, и с их объединенной помощью он наводнит землю. Учитывая такие возможные события, неудивительно, что отец Алонсо смог убедить себя вопреки каноническому праву, что принудительное обращение евреев было законным и целесообразным, так же как и крещение их детей без их согласия. [431] Когда человек выдающейся учености и интеллекта обсуждал отношения между евреями и христианами, мы можем представить характер проповедей, в которых с многочисленных кафедр разжигались страсти людей против своих соседей.

ИУДАИЗМ КОНВЕРСОСА

Если открытый иудаизм, таким образом, вызывал отвращение, то еще хуже была коварная ересь конверсос, которые выдавали себя за христиан и более или менее открыто продолжали практиковать еврейские обряды и извращали верующих своим влиянием и примером. Они были в изобилии со всех сторон, и почти не предпринималось усилий, чтобы подавить их или наказать. Закон с самых ранних времен предусматривал смертную казнь за их преступление, но не было найдено никого, кто мог бы привести его в исполнение. [432] Фрай Алонсо с сожалением утверждает, что они своими подарками настолько ослепили принцев и прелатов, что их никогда не наказывали и что, когда один человек обвинял их, трое выступали в их пользу. Он рассказывает о случае такой попытки в 1458 году в Форместе, где цирюльник по имени Фернандо Санчес публично отстаивал единобожие. К счастью, епископу Паленсии Педро хватило рвения привлечь его к ответственности, когда его преступление было доказано, и под страхом смертной казни он отрекся, но когда его приговорили к пожизненному заключению, непривычная суровость вызвала такое сочувствие, что, в соответствии с многочисленными ходатайствами, приговор был заменен десятилетним изгнанием. В 1459 году в Сеговии несколько конверсос были случайно обнаружены в синагоге, когда они молились на праздник Кущей, но, похоже, с ними ничего не сделали. В том же году в Медина-дель-Кампо отцу Алонсо сообщили, что более ста человек отрицают истинность Нового Завета, но он ничего не мог

поделать, кроме как проповедовать против них, а впоследствии он узнал, что в одном доме в то самое время лежало более тридцати мужчин, перенесших обрезание. Неудивительно, что он искренне выступал за введение инквизиции как единственного лекарства от этого скандального положения дел, что он приводил доводы в ее пользу с самым горячим рвением и отвечал на все возражения таким образом, который показывал, что он был знаком с ее работой благодаря тщательному изучению Клементинок и Директориума Эймерика. [433]

Добрый священник де лос Паласиос столь же категоричен в своем свидетельстве относительно распространенности иудаизма среди конверсос. По большей части, говорит он, они продолжали оставаться евреями, или, скорее, они не были ни христианами, ни евреями, а еретиками, и эта ересь росла и процветала благодаря богатству и гордыне многих мудрых и образованных людей, епископов и каноников, монахов и аббатов, финансовых агентов и секретарей короля и магнатов. В начале правления Фердинанда и Изабеллы эта ересь приобрела такую силу, что клерки были готовы проповедовать закон Моисея. Эти еретики избегали крестить своих детей, и, когда они не могли этому помешать, они смывали крещение по возвращении из церкви; они ели мясо в постные дни и пресный хлеб на Пасху, которую они соблюдали так же, как субботы; у них были евреи, которые тайно проповедовали в своих домах, и раввины, которые забивали для них мясо и птиц; они выполняли все еврейские церемонии втайне, насколько могли, и избегали, насколько это было возможно, принятия причастия; они никогда не исповедовались по—настоящему - исповедник, выслушав одного из них, отрезал уголок от мяса и птицы. на его одежде было написано: “Поскольку ты никогда не грешил, я хочу часть твоей одежды как реликвию для исцеления больных”. Многие из них достигли большого богатства, потому что у них не было совести в ростовщичестве, говоря, что они разоряют египтян. Они напускали на себя вид превосходства, утверждая, что нет на земле расы ни лучшей, ни мудрее, ни проницательнее, ни благороднее благодаря своему происхождению от колен Израилевых. [434]

НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Фактически, если мы примем во внимание всеобщее отвращение к конверсос и призывы к нападкам, вызванные их иудаизирующими тенденциями, отсрочка с учреждением инквизиции объясняется повсеместным беззаконием того периода и отсутствием сильной центральной власти. Народ удовлетворял свою ненависть случайными массовыми убийствами с сопутствующим им грабежом, но среди различных фракций обезумевшего государства ни одна не была достаточно сильна, чтобы предпринять систематическое движение, вызывающее жесточайшее сопротивление могущественного класса, представители которого занимали конфиденциальные посты при дворе не только короля, но и каждого дворянина и прелата. Каким бы серьезным и неутомимым ни было рвение Фрая Алонсо, оно оказалось бесплодным. В августе 1461 года он побудил глав наблюдательных францисканцев обратиться к ордену иеронимитов с призывом к объединению обеих организаций в попытке добиться введения инквизиции. Предложение было воспринято благосклонно, но ответ затянулся, и нетерпеливый отец Алонсо вместе с отцом Фернандо де ла Пласа и другими наблюдателями обратились непосредственно к королю Генриху, заявляя о распространении иудействующей ереси по всей стране и обычном обрезании детей Конверсосо. [435] Рвение брата Фернандо превзошло его благоразумие, и в своих проповедях он заявлял, что у него есть крайняя плоть детей, с которыми обращались таким образом. Король Генрих послал за ним и сказал, что подобная практика является грубым оскорблением Церкви, наказать которое - его долг, приказав ему предъявить

предметы и назвать имена виновных. Хрупкий человек мог только ответить, что слышал это от известных и авторитетных людей, но, когда ему приказали назвать их имена, отказался это сделать, тем самым молчаливо признав, что у него нет доказательств. Конверсос не замедлили воспользоваться его промахом, и в довершение поражения обсервантинов героним изменил свои взгляды. Их генерал, брат Алонсо де Оропеса, в жилах которого тоже текла еврейская кровь, был человеком заслуженно уважаемым; повинувшись его побуждению, они взошли на кафедру в защиту конверсос, и наблюдатели на время замолчали. [436] Хотя труды пламенного Фрая Алонсо были, несомненно, успешными в усилении горечи расовой ненависти, их единственным прямым результатом стало Соглашение в Медина-дель-Кампо между Генрихом IV и его восставшей знатью в 1464-5 годах. В этом тщательно продуманном пункте выражалось сожаление по поводу распространения иудействующей ереси; он предписывал епископам учредить поисковую инквизицию во всех землях и владениях, независимо от привилегий, для выявления и наказания еретиков; он обязывал короля всячески поддерживать эту меру и использовать конфискации в войне с маврами, и указывал, что приведение в исполнение этого плана положит конец беспорядкам и резне, направленным против подозреваемых. [437] Под влиянием этого импульса произошло некоторое беспорядочное преследование. На процессе над Беатрис Нуньес, проведенном инквизицией Толедо в 1485 году, свидетели ссылаются на ее мужа Фернандо Гонсалеса, который около двадцати лет назад был осужден и помирился. [438] Более подробным является случай, произошедший в Льерене в 1467 году, где 17 сентября двое конверсос, Гарси Фернандес Валенси и Педро Франко де Вильяреаль, были обнаружены во время совершения еврейских церемоний. Алькальд-мэр Альваро де Сеспедес немедленно схватил их и отнес к епископальному викарию Джоан Миллан. Они исповедали свой иудаизм, и викарий немедленно приговорил их к сожжению заживо, что было приведено в исполнение в тот же день; две женщины, скомпрометированные в этом деле, были приговорены к другим наказаниям, а дом, в котором творилась ересь, был снесен. [439] В таких случаях епископы просто осуществляли свою неотъемлемую юрисдикцию в отношении ереси, но прелатство Кастилии было слишком занято мирскими делами, чтобы посвящать какую-либо общую или устойчивую энергию подавлению иудействующих, а страна была слишком анархичной, чтобы королевская власть могла оказывать какое-либо влияние на приведение Конкордии в действие; низложение Авилы, последовавшее за в следующем году все снова погрузилось в неразбериху, и единственная реальная важность этой попытки заключается в ее значении того, что надвигалось, когда мир и сильное правительство должны были сделать такую меру осуществимой. Тем не менее, примечательным фактом является то, что во всей длинной серии судебных процессов Кастилии с древнейших времен, материалы которых были опубликованы полностью, не было ни одного ходатайства о чем-либо, приближающемся к инквизиции. В четырнадцатом веке было много жалоб на евреев и петиций об ограничительных законах, но в пятнадцатом веке их количество уменьшилось, и более поздние корты, начиная с 1450 года, почти свободны от них. Ужасающие беспорядки в стране дали прокурору или депутатам достаточно поводов для жалоб, и у них, похоже, не было времени тратить его на обсуждение проблемных опасностей для религии. [440]

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Такова была ситуация при восшествии на престол Фердинанда и Изабеллы в 1474 году. Потребовалось несколько лет, чтобы решить вопрос о престолонаследии, оспариваемый

несчастливым Бельтранехой, и усмирить непокорную знать. В этот период Сикст IV возобновил попытку ввести папскую инквизицию, поскольку, отправляя Николо Франко в Кастилию в качестве легата, он наделил его всеми инквизиторскими полномочиями преследовать и наказывать лжехристиан, которые после крещения упорствовали в соблюдении еврейских обрядов. [441] Попытка, однако, оказалась бесплодной и интересна главным образом доказательствами, которые она дает о желании Сикста дать Кастилии благословение инквизиции. Фердинанд и Изабелла, как мы видели, обычно ревниво относились к папским посягательствам и стремились скорее ограничить, чем расширить функции легатов; они не реагировали на папское рвение к чистоте веры и даже когда спокойствие было в значительной степени восстановлено, они не проявляли никакой инициативы в отношении вопроса, который казался Алонсо де Эспине таким неизмеримо важным. В качестве агитатора его сменил брат Алонсо де Ходжеда, приор доминиканского дома Сан-Пабло в Севилье, который посвятил себя уничтожению иудаизма, как открытого, поскольку его исповедуют евреи, так и скрытого, поскольку его приписывают конверсос. Битва при Торо, произошедшая 1 марта 1476 года, фактически расколола партию бельтранеха, лидеры которой, как могли, заключили мир, и монархи смогли, наконец, взять на себя задачу по умиротворению страны. В конце июля 1477 года Изабелла, захватив замок Тругильо, прибыла, как мы уже видели, в Севилью, где оставалась до октября 1478 года. [442] Присутствие суда, в котором Конверсос занимал многие из его самых важных постов, возбудило Фрая Алонсо с еще большим рвением, чем когда-либо. Однако тщетно он привлекал внимание королевы к опасности, угрожающей вере и государству со стороны множества мнимых христиан, занимающих высокие посты. Ей преданно служили члены обвиняемого класса, и она, вероятно, была слишком занята текущим делом, чтобы взяться за задание, которое можно было отложить. Говорят, что ее духовник Торквемада в более ранний период побудил ее дать клятву, что, когда она взойдет на трон, она посвятит свою жизнь искоренению ереси и верховенству католической веры, но это можно смело отбросить как легенду более позднего времени. [443] Как бы то ни было, все, что было сделано на данный момент, заключалось в том, что Перо Гонсалес де Мендоса, тогдашний архиепископ Севильи, провел синод, на котором был обнародован катехизис, излагающий веру и обязанности христианина, который был опубликован в церквях и вывешен для всеобщего сведения в каждом приходе, в то время как священников призывали к повышенной бдительности и соблюдению законности. слабеет к новому рвению в принятии новообращенных. [444] Принятие такого устройства выдает предыдущее пренебрежение всеми наставлениями марранов в новой религии, навязанной им.

Суд покинул Севилью, и возможность Ходжеды, казалось, была упущена. Какую бы готовность ни проявляли священники, повинувшись своему архиепископу, ничего не было достигнуто, и возросшее рвение хрупких людей не было вознаграждено успехом. Существует история, подтвержденная всеми историками инквизиции, согласно которой Ходжеда случайно услышал о встрече евреев и конверсос в ночь на Страстную пятницу 28 марта 1478 года, чтобы отпраздновать свои нечестивые обряды, и что он поспешил с доказательствами в Кордову и представил их монархам, что привело к наказанию виновных и перевесило чашу весов в пользу введения инквизиции, но современных доказательств ее истинности нет, а даты несовместимы, и в таком стимуле не было необходимости. [445] Неискренность обращения значительной части маррано была неоспорима; согласно общепринятым в то время принципам, долгом суверенов было привести их к согласию; с умиротворением страны пришло время предпринять это решительно и всесторонне, и единственный вопрос заключался в методе.

ИНКВИЗИЦИЯ ПОДАЛА ЗАЯВЛЕНИЕ О

Было неизбежно, что в суде должна была развернуться длительная борьба, прежде чем было принято радикальное решение инквизиции. Усилия его сторонников были направлены не против презируемых и лишенных друзей евреев, а против могущественных Конверсос, объединявших многих из самых доверенных советников монархов и людей высокого положения в Церкви, которые не могли не осознавать опасность, нависшую над всеми, кто вел свое происхождение от Израиля. Поначалу, по-видимому, был принят своего рода компромисс, в соответствии с которым Педро Фернандесу де Солису, епископу Кадисскому, который был провизором Севильи, с помощником Диего де Мерло, братом Альфонсо де Ходжедой и некоторыми другими фрейлами было поручено взять на себя ответственность за это дело и назначить наказание. Это привело к докладу уполномоченных суверенам о том, что значительная часть граждан Севильи была заражена ересью, что в нее были вовлечены люди высокого положения и власти, и что она распространилась не только по Андалусии, но и по Кастилии, так что она была неизлечима только организацией инквизиции. [446] Архиепископ Мендоса, несомненно, недовольный неэффективностью своих методов обучения, присоединился к этим представлениям, и у них был могущественный сторонник в лице брата Томаса де Торквемады, настоятеля доминиканского монастыря Санта-Крус в Сеговии, который, как духовник монархов, имел на них большое влияние и который долгое время призывал к решительному наказанию за ересь. [447] Наконец победа была одержана. Фердинанд и Изабелла решили ввести инквизицию в кастильских королевствах, и их послам при Святом Престоле, епископу Осмы и его брату Диего де Сантильяну, было приказано раздобыть необходимую буллу у Сикста IV. [448] Это, должно быть, было окутано глубокой тайной, поскольку в июле 1478 года, пока в Риме шли переговоры, Фердинанд и Изабелла созвали национальный синод в Севилье, который заседал до 1 августа. В предложениях, внесенных монархами на рассмотрение этого органа, нет и намек на то, что такая мера была желательна или предложена, а в обсуждениях собравшихся прелатов нет никаких указаний на то, что Церковь считала какие-либо действия против *Conversos* необходимыми. [449] Еще в 1480 году, после принятия буллы и до ее приведения в исполнение, корты Толедо представили суверенам подробный мемориал, воплощающий все меры реформы, которых желал народ. В нем содержится просьба об отделении христиан от евреев и мавров, но нет просьбы о судебном преследовании Конверсосо-отступника. [450] Очевидно, что никто не знал о надвигающейся инквизиции и не пользовался спросом у населения.

Сикст, возможно, был не прочь добиться введения инквизиции в Кастилии, к чему так часто и так тщетно стремились его предшественники и что он пытался осуществить несколькими годами ранее, предоставив необходимые полномочия своему легату. Следовательно, если просьба кастильских монархов не была немедленно удовлетворена, это не могло быть вызвано гуманитарными мотивами, как утверждают некоторые современные апологеты, но потому, что Фердинанд и Изабелла желали не обычной папской инквизиции, а такой, которая должна была находиться под королевским контролем и вливать в королевскую казну полученные в результате конфискации средства. До сих пор назначение инквизиторов всегда производилось провинциалами доминиканского или францисканского орденов в зависимости от принадлежности территории к тому или иному, со случайным вмешательством со стороны Святого Престола, от которого исходили поручения. Это было делегирование высшей папской власти, и оно всегда считалось полностью независимым от светской власти, но Фердинанд и Изабелла слишком ревниво относились к папскому вмешательству во внутренние дела своих

королевств, чтобы допустить это, и то, что он согласился пойти на столь важную уступку, свидетельствует о крайнем желании Сикста распространить инквизицию на Кастилию. Также, несомненно, обсуждался вопрос о конфискациях, которые богатство Конверсос обещало сделать крупными. В этом вопросе не существовало общепризнанной практики. Во Франции они подчинялись светскому сеньору. В Италии этот обычай менялся в разное время и в разных государствах, но папство взяло на себя контроль над ним, и в четырнадцатом веке оно заявило, что все будет разделено поровну между инквизицией и папской камерой. [451] Очевидно, что этот вопрос должен был решаться путем переговоров, и в этом тоже суверены добились своего, поскольку конфискации были молчаливо оставлены на их усмотрение. Ничего не было сказано о покрытии расходов учреждения, но это было выведено из поглощения конфискаций. Если это должно было зависеть от короны, то корона должна была обеспечивать это, и далее мы увидим различные приспособления, с помощью которых часть бремени впоследствии была возложена на Церковь.

ПРИРОДА ПАПСКОЙ БУЛЛЫ

Окончательно изданная булла датирована 1 ноября 1478 года и представляет собой очень простое постановление, которое, на первый взгляд, не несет никаких признаков его важного влияния на судьбы Испанского полуострова. После упоминания о существовании в Испании лжехристиан и просьбы Фердинанда и Изабеллы о том, чтобы папа обеспечил средство правовой защиты, он уполномочивает их назначить трех епископов или других подходящих мужчин, священников как обычных, так и светских, старше сорока лет, магистров или бакалавров теологии, докторов или лиценциатов канонического права, а также смещать и заменять их по своему усмотрению. Они должны обладать юрисдикцией и полномочиями епископов и инквизиторов над еретиками, их покровителями и приемниками. [452] Впоследствии Сикст объявил, что булла была составлена необдуманно и не соответствовала общепринятой практике и указам его предшественников, в которых, несомненно, говорилось о полномочиях короны назначать и смещать с должности, а также об упущении требования о согласии епископов при вынесении решения. [453] Создание инквизиторов само по себе было вторжением в епископальную юрисдикцию, которая с самой ранней истории института была источником частых неприятностей, и где, как в Испании, многие епископы были еврейской крови и, следовательно, находились под подозрением, вопрос был более сложным, чем где-либо еще. В связи с этим, более того, следует отметить, что булла не наделяла, подобно булле Николая V в 1451 году, юрисдикцией над епископами в каком-либо особом отступлении от указа Бонифация VIII, требующего, чтобы они при подозрении в ереси предстали перед судом папы римского. [454] Оба этих вопроса, как мы увидим, впоследствии вызвали значительную дискуссию.

До сих пор антисемитская партия одерживала победу, но нерешительность Изабеллы воспользоваться полученными таким образом полномочиями показывает, что Конверсос при ее дворе не отказались от борьбы и что в течение почти двух лет им удавалось сохранять равновесие. Возможно также, что Фердинанд не был склонен к суровости, из-за которой он мог предвидеть экономические неудобства, поскольку еще в январе 1482 года в его письме инквизиторам королевства Валенсия отмечается явное предпочтение мягких и милосердных методов. [455] Какими бы ни были действующие факторы, только 17 сентября 1480 года был сделан важный шаг, оказавший столь зловещее влияние на судьбы Испании. В тот день двум доминиканцам, Мигелю де Морильо, магистру богословия, и Хуану де Сан-Мартину, бакалавру

богословия и монаху Сан-Пабло в Севилье, были выданы поручения, которым было категорически заявлено, что любое неисполнение служебных обязанностей повлечет за собой их отстранение от должности с конфискацией всех их временных прав и лишением гражданства в королевстве, тем самым подчеркивая их подчинение короне. Задержки все еще были. 9 октября королевским приказом всем должностным лицам было предписано предоставить им бесплатный транспорт и провизию на пути в Севилью, где, как в наиболее зараженном месте, должны были начаться операции. Добравшись до города, они встретились в капитуле и предъявили свои верительные грамоты; муниципальный совет встретил их у дверей капитула и проводил в мэрию, где состоялся официальный прием и на следующее воскресенье было организовано торжественное шествие. Таким образом, они были справедливо установлены, но, очевидно, на их пути все еще стояли трудности, поскольку 27 декабря было сочтено необходимым издать королевскую седулу чиновникам, предписывающую им оказывать всяческую помощь инквизиторам. [456]

НАЧАЛО В СЕВИЛЬЕ

Они не стали дожидаться этого, чтобы организовать свой трибунал с доктором Хуаном Руисом де Мединой в качестве асессора и Хуаном Лопесом дель Барко, капелланом королевы, в качестве финансового промотора или обвинителя. К ним 13 мая 1481 года были добавлены Диего де Мерло, ассистент или коррехидор Севильи, и лицензиат Ферран Яньес де Лобон в качестве получателей конфискаций — незаменимая должность, учитывая выгоды от преследований. Вскоре у всех нашлось много работы. Севильские конверсос не забыли о надвигающейся буре. Многие из них бежали в земли соседней знати в надежде, что феодальная юрисдикция защитит их даже от духовного суда, такого как инквизиция. Чтобы предотвратить эту смену места жительства, королевским указом было предписано, чтобы никто не покидал места, где инквизиторы проводили свой трибунал, но в условиях всеобщего террора этому произвольному приказу мало кто повиновался. Более эффективным шагом стало воззвание, адресованное 2 января 1481 года маркизу Кадисскому и другим дворянам фрейлинами Мигелем и Хуаном. Это доказывало, что не было допущено ошибки при выборе тех, кто должен был заложить основы инквизиции, и что для Испании открылась новая эра. Два простых монаха с уверенной дерзостью разговаривали с вельможами, которые привыкли обращаться со своими суверенами почти на равных — дерзость, которая, должно быть, показалась невероятной тем, кому она была адресована, но к которой Испания со временем привыкла благодаря Святой Канцелярии. Великому Родриго Понсе де Леону и всем другим дворянам было приказано обыскать свои территории, схватить всех незнакомцев и вновь прибывших и доставить их в течение пятнадцати дней в тюрьму инквизиции; наложить арест на их имущество и передать его, должным образом описанное, заслуживающим доверия лицам, которые должны отчитаться за это перед королем или инквизиторами. В решительных выражениях им было сказано, что любое невыполнение этих приказов повлечет за собой отлучение от церкви, снимаемое только инквизиторами или их начальством, с конфискацией звания и имущества и освобождением их вассалов от присяги и от всех причитающихся платежей — освобождение, которое инквизиторы предполагали предоставить заранее, добавив, что они будут преследовать их в судебном порядке как покровителей, получателей и защитников еретиков. [457] Это зловещее высказывание возымело действие: число заключенных быстро стало настолько велико, что монастыря Сан-Пабло, который инквизиторы сначала заняли, стало недостаточно, и они получили разрешение обосноваться в великой крепости Триана, оплоте

Севи́льи, огромные размеры которой и мрачные подземелья делали ее подходящей для проводимой работы. [458]

ПЕРВОЕ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Однако были и другие Конверсо, которые считали, что сопротивление предпочтительнее бегства. Диего де Сусан, один из видных граждан Севи́льи, чье состояние оценивалось в десять миллионов мараведи, собрал нескольких своих видных братьев из Севи́льи, Утреры и Кармоны, чтобы обсудить их действия. Собрание проходило в церкви Сан-Сальвадора и состояло из священнослужителей высокого ранга, магистратов и чиновников, принадлежащих к находящемуся под угрозой классу. Гражданские беспорядки были настолько обычным средством достижения какой-либо цели, что Съюзен, естественно, предложила в пламенной речи завербовать верных людей, собрать запас оружия и чтобы первый арест инквизиторами стал сигналом к восстанию, в ходе которого инквизиторы должны быть убиты, и таким образом было сделано решительное предупреждение, чтобы удержать других от возобновления попытки. Несмотря на некоторое малодушие, проявленное одним или двумя присутствующими, план был принят и были предприняты шаги по его осуществлению. Когда Педро Фернандес Венедера, мэр собора, один из заговорщиков, был арестован, в его доме было найдено оружие, которым можно было вооружить сотню человек, что свидетельствует о том, насколько активными были пешие приготовления. Заговор, несомненно, был бы приведен в исполнение и привел бы к резне, подобную которой мы так часто наблюдаем в испанских городах, если бы не дочь Диего Съюзен, чья красота принесла ей имя *Фермоза Фемб*. Она была вовлечена в интригу с христианским кабальеро, которому она раскрыла секрет, и он был быстро передан инквизиторам. [459]

Ничто не могло бы лучше соответствовать их целям. Если и было какое-то чувство противодействия им со стороны властей, то оно исчезло, и самые важные члены сообщества *Converso* оказались в их власти. Диего де Мерло, помощник Севи́льи, арестовал по приказу инквизиторов самых богатых и почтенных Конверсос, магистратов и сановников, которые были заключены в Сан-Пабло и оттуда переведены в замок Триана. Судебные процессы были быстрыми, и при вынесении приговора была созвана *консультативная комиссия* или ассамблея экспертов, состоящая из юристов и провизора епископства, что признало необходимость одновременных действий со стороны епископальной юрисдикции. Чем оправдывался приговор о сожжении, сказать было бы трудно. Это не было упрямой ересью, поскольку утверждается, что по крайней мере одна из жертв умерла как добрая христианка; это не могло быть заговором, поскольку это было церковное преступление, которое просто препятствовало инквизиции, и даже убийцы святого Петра Мученика, когда они заявили о раскаянии, были допущены к епитимье. Это был новый шаг в нарушение всех канонов, и он предупреждал о том, что Новая инквизиция Испании не должна была следовать по стопам Старой, но должна была наметить для себя еще более кровавую и ужасную карьеру. [460]

Правосудие свершилось незамедлительно, и первое аутодафе было отпраздновано 6 февраля 1481 года, когда были сожжены шестеро мужчин и женщин, а проповедь произнес брат Алонсо де Ходжеда, который теперь увидел, что многолетние усилия увенчались успехом. Он вполне мог бы сказать *nunc demittis*, ибо, хотя через несколько дней последовала вторая авария, его глазам не суждено было порадоваться священному зрелищу, поскольку эпидемия, которая должна была унести пятнадцать тысяч жителей Севи́льи, уже началась, и он был одной из

первых жертв. Во втором автомобиле сгорели только трое: Диего де Сусан, Мануэль Саули и Бартоломе де Торральба, трое самых богатых и влиятельных граждан Севильи. Как будто для того, чтобы показать, что начатая таким образом работа должна была быть длительной, на Кампо-де-Таблада был построен *кемадеро, брасеро*, или место сожжения, настолько массивное, что его фундамент до сих пор можно проследить. На четырех колоннах по углам были установлены гипсовые статуи пророков, очевидно, для обозначения того, что, хотя технически сожжение было делом светского правосудия, оно было совершено по приказу религии. [461]

СРОК ОТСРОЧКИ

Незамедлительно последовали дальнейшие аресты и сожжения, богатство и известность жертв доказывали, что перед нами трибунал, не уважающий людей, и что деньги или благосклонность ничего не могут поделаться с его закоренелым фанатизмом. Бегство охваченных ужасом конверсосов было возобновлено, но инквизиции таким образом не удалось удержать свою добычу; бегство было запрещено, и у ворот была выставлена стража, где было арестовано так много людей, что не нашлось места заключения, достаточно вместительного для них, но, несмотря на это, большое количество бежало в земли знати, в Португалию и к маврам. Теперь чума разразилась с новой силой, Бог и человек, казалось, объединились для уничтожения несчастных Конверсос, и они обратились к Диего де Мерло с просьбой позволить им спасти свои жизни, покинув охваченный чумой город. Просьба была гуманно удовлетворена теми, кто мог приобрести пропуск, при условии, что они оставят свое имущество и возьмут с собой только то, что было необходимо для немедленного использования. В соответствии с этими правилами множество людей покинуло город, более восьми тысяч нашли убежище в Майрене, Марчене и Паласиосе. Маркиз Кадисский, герцог Медина-Сидония и другие вельможи приняли их гостеприимно, но многие остались в Португалии или у мавров, а некоторые, как нам говорят, даже нашли убежище в Риме. Сами инквизиторы были вынуждены покинуть город, но их рвение не давало передышки; они перенесли свой трибунал в Арасену, где у них нашлось достаточно работы, сожгли там двадцать трех мужчин и женщин, не считая трупов и костей многочисленных умерших еретиков, эксгумированных специально для этой цели. Когда эпидемия пошла на убыль, они вернулись в Севилью и возобновили там свою работу с неослабевающим рвением. [462] По словам современника, к четвертому ноября они сожгли двести девяносто восемь человек и приговорили семьдесят девять к пожизненному заключению. [463]

Как новичкам, могло показаться, что усердие инквизиторов втянуло их в процесс ареста и суда над подозреваемыми, не прибегая к предварительному приему, который был признан полезным в самых ранних операциях Святой Канцелярии — Сроку Помилования. Это был период, более длительный или более короткий по усмотрению инквизиторов, в течение которого те, кто чувствовал себя виновным, могли выйти вперед и признаться, после чего они примирились бы с Церковью и были бы подвергнуты епитимье, денежной или иной, достаточно суровой, но предпочтительнее костра. Одним из условий было изложение всего, что они знали о других еретиках и отступниках, что оказалось чрезвычайно плодотворным источником информации, поскольку в условиях всеобщего террора без колебаний доносили не только на друзей и знакомых, но и на самых близких родственников — родителей и детей, братьев и сестер. Лучшего средства для выявления скрытых разветвлений иудаизма придумать было невозможно, и ближе к середине 1481 года инквизиторы взяли его на вооружение. [464] Обещанная таким образом милость была скудной, как мы увидим ниже, когда перейдем к

рассмотрению этого вопроса, но она собрала огромное количество людей, и были организованы автозаки, в которых их выставляли напоказ как кающихся, не менее полутора тысяч человек было выставлено на одной из этих церемоний. Легко представить, как скоро инквизиторы оказались в распоряжении информации, изобличающей конверсов в каждом уголке страны. Открыто утверждалось, что все они на самом деле были евреями, которые ждали, что Бог выведет их из худшего, чем египетское рабство, в котором их держали христиане. [465] Таким образом, была продемонстрирована не только необходимость инквизиции, но и ее распространение по всей Испании. Зло было слишком велико, а его немедленное пресечение слишком важно, чтобы доверить эту работу двум монахам, столь ревностно трудившимся в Севилье. Разрешение было получено только на назначение троих, и к Сиксту IV было подано прошение о дополнительных полномочиях. В этом случае он не разрешил, как прежде, выдавать поручения от имени государей, а выдал их непосредственно тем, кого они ему назначили, в результате чего инквизиторы получали свои полномочия непосредственно от Святого Престола. Таким образом, приказом от 11 февраля 1482 года он назначил семерых — Педро Оканьо, Педро Мартинеса де Баррио, Альфонсо де Сан-Себриано, Родриго Сегарру, Томаса де Торквемаду и Бернардо Санта-Марию, всех доминиканцев. [466] Потребовалось еще больше людей, о назначении которых мы ничего определенного не знаем, для укомплектования трибуналов, которые были быстро сформированы в Сьюдад-Реале, Кордове, Хаэне и, возможно, в Сеговии. [466a]

СЬЮДАД-РЕАЛЬ И ТОЛЕДО

Здание в Сьюдад-Реале предназначалось для великой архиепископской провинции Толедо, городу которой оно было передано в 1485 году. Причина, по которой он был впервые основан на прежнем месте, возможно, заключалась в том, что воинственный архиепископ Алонсо Каррильо, то ли из ревности к вере, то ли для того, чтобы утвердить свою епископальную юрисдикцию над ересью и предотвратить вторжение папских инквизиторов, назначил перед своей смертью, 1 июля 1482 года, некоего доктора Томаса инквизитором в Толедо. В какой степени последний выполнял свои функции, мы не имеем возможности узнать, единственным свидетельством его деятельности является изготовление и включение в протоколы последующих судебных процессов инквизиции Сьюдад-Реаля собранных им доказательств. [467] Как бы то ни было, инквизиция Сьюдад-Реаля была организована только во второй половине 1483 года. Он начался с издания Указа о отсрочке на тридцать дней, по истечении которого этот срок был продлен еще на тридцать дней. Тем временем в течение октября и ноября она была усердно занята проведением общего расследования и сбором показаний со всех, кто хотел выступить для дачи показаний. В ходе судебных процессов имена некоторых свидетелей появляются с подозрительной частотой, а характер их опрометчивых общих утверждений, сделанных без личного ведома, показывает, насколько непрочными были многие доказательства, на которых основывалось судебное преследование. То, что расследование было тщательным и что каждый, кто знал что-либо, наносящее ущерб Собеседнику, был привлечен к ответственности, можно предположить из судебного процесса над Санчо де Сьюдад, на котором были записаны показания не менее тридцати четырех свидетелей, некоторые из которых свидетельствовали об инцидентах, произошедших двадцать лет назад. Более того, многое из этого указывает на небрежную безопасность, в которой жили конверсы и позволяли своим еврейским обычаям быть известными христианским слугам и знакомым, с

которыми они находились в постоянном общении. Первым публичным проявлением результатов, по-видимому, стало аутодафе, состоявшееся 16 ноября в церкви Сан-Педро для примирения кающихся, которые выступили вперед в течение Срока Отсрочки. [468] Вскоре после этого начались судебные процессы над фигурантами, которые преследовались с такой силой, что 6 февраля 1484 года было проведено аутодафе, в ходе которого были сожжены четыре человека, за которым 23 и 24 числа того же месяца последовала внушительная торжественность, включающая сожжение тридцати живых мужчин и женщин, а также костей и изображений сорока умерших или умерших женщин. беглецы. [469] За два года своего существования трибунал Сьюдад-Реаля сжег пятьдесят двух упрямых еретиков, осудил двести двадцать беглецов и примирил сто восемьдесят три раскаявшихся. [470]

В 1485 году трибунал Сьюдад-Реаля был перенесен в город Толедо, где конверсос были очень многочисленны и богаты. Они организовали заговор с целью поднять беспорядки и расправиться с инквизиторами во время процессии Тела Христова (2 июня), но, как и в случае с Севильей, его предали, и шестеро заговорщиков были повешены, после чего мы не слышим о дальнейших беспорядках там. Те, кто был арестован первыми, признались, что замысел заключался в захвате городских ворот и башни собора и удержании этого места против монархов. [471]

КАЮЩИЕСЯ В ТОЛЕДО

Инквизитор Педро Диас произнес первую проповедь 24 мая, и после разгрома заговора трибунал энергично приступил к выполнению своих функций. Был объявлен обычный Срок отсрочки в сорок дней, и после некоторой задержки нам сообщили, что многие обратились за примирением скорее из страха конкретизации, чем по доброй воле. По истечении сорока дней были опубликованы письма об отлучении от церкви всех осведомленных о ереси, которые не должны были осудить ее в течение шестидесяти дней — впоследствии этот срок был продлен еще на тридцать. Был принят еще один очень эффективный способ - вызвать еврейских раввинов и потребовать от них, под страхом пожизненного заключения и лишения имущества, наложить серьезное отлучение от церкви на свои синагоги и не снимать его до тех пор, пока все прихожане не раскроют все, что им известно о христианах-иудействующих. Это было всего лишь усовершенствование устройства, которое уже использовалось в других местах. В 1484 году седuloй от 10 декабря Фердинанд приказал магистратам всех главных городов Арагона принудить всеми признанными законом методами раввинов и ризничих синагог и других евреев, которых можно назвать, говорить правду обо всем, что от них могут потребовать, и в Севилье нам сообщили, что видный еврей Иуда Ибн-Верга эмигрировал, чтобы избежать выполнения аналогичного требования. Качество доказательств, полученных таким образом, можно оценить по тому факту, что, когда на ассамблее Вальядолида в 1488 году Фердинанд и Изабелла расследовали дела инквизиции, было обнаружено, что многие евреи ложно свидетельствовали против Конверсос, чтобы погубить их, за что некоторые из тех, против кого это было доказано, были оправданы в Толедо. Правда это или ложь, но толедская инквизиция собрала с помощью этих методов обильный урожай важных разоблачений. На самом деле, легко представить ужас, охвативший сообщество Converso, и рвение, с которым несчастные вышли бы вперед, чтобы изобличить себя, своих родных и друзей, особенно когда по истечении девяноста дней начались аресты, которые быстро следовали один за другим. [472]

Кающимся было разрешено собираться, и на первое аутодафе, состоявшееся 12 февраля 1486 года, были вызваны только представители семи приходов — Сан—Висенте, Сан-Николас, Сан-Хуан-де-ла-Лече, Санта-Юста, Сан-Мигель, Сан-Юсте и Сан-Лоренцо. Их было семьсот пятьдесят человек обоего пола, среди которых были многие видные горожане и знатные особы. Церемония была болезненной и унижительной. С непокрытыми головами и босиком, за исключением того, что из-за сильного холода им разрешили надеть подошвы, с незажженными свечами в руках и в окружении ревущей толпы, собравшейся со всей округи, они прошли процессией через город к собору, у портала которого стояли два священника, которые осенили их лоб, когда они входили, крестным знаменем, говоря: “Примите крестное знамение, которое вы отвергли и потеряли”. Когда они оказались внутри, их одного за другим вызвали к инквизиторам, где было зачитано заявление об их проступках. За войну с маврами они были оштрафованы на пятую часть всего своего имущества; их лишили пожизненной неспособности занимать должности или заниматься благородными делами, или носить что-либо, кроме самых грубых одежд без украшений, под страхом сожжения за рецидив, и они были обязаны шесть пятниц маршировать процессией с непокрытой головой и босиком, привязывая себя пеньковыми веревками. [473] Любящая мать-Церковь не могла принять обратно в свое лоно своих заблудших детей без резкого и полезного предупреждения, и она не ослабляла своей бдительности, поскольку этот опасный процесс исповеди и примирения был разработан таким образом, чтобы привести многих последующих жертв на костер, как мы увидим ниже.

2 апреля 1486 года состоялось второе всенощное бдение, на котором выступили девятьсот кающихся из приходов Сан-Роман, Сан-Сальвадор, Сан-Кристоваль, Сан-Зоил, Сан-Андрес и Сан-Педро. Третья машина, прибывшая 11 июня, состояла примерно из семисот пятидесяти человек из Санта-Олаллы, Сан-Томаса, Сан-Мартина и Сан-Антолина. После того, как город был таким образом освобожден, различные архидиаконаты округа были приведены в порядок. Архидиаконат Толедо 10 декабря принял девятьсот кающихся, когда, как нам сообщили, они сильно страдали от холода. 15 января 1487 года в архидиаконате Алькараса насчитывалось около семисот человек, а 10 марта - около тысячи двухсот человек из Талаверы, Мадрида и Гвадалахары, некоторые из которых были приговорены к пожизненному ношению санбенито. В то время как с более или менее добровольными кающимися обращались таким образом, отмечались многочисленные аутодафе более серьезного характера, в ходе которых было немало сожжений, в том числе немалонемощных и церковных сановников, а также случаи с беглецами и мертвыми, чьи изображения сжигались, а их имущество конфисковывалось. [474]

Трибунал Гваделупы

В 1485 году в Гваделупе был учрежден временный трибунал, куда Фердинанда и Изабеллу назначили инквизиторами (под какой папской властью не указано). Брат Нуньо де Аревало, настоятель тамошнего монастыря иеронимитов. По-видимому, из-за его неопытности доктора Франсиско де ла Фуэнте перевели из Сюдад-Реаля, и вместе с другим коллегой, лиценциатом Педро Санчесом де ла Каланча, они очистили это место от ереси с такой энергией, что в течение года провели на кладбище перед дверями монастыря семь аутодафе, в которых были сожжены монах-еретик, пятьдесят два иудействующих, сорок восемь трупов и двадцать пять изображений беглецов, в то время как шестнадцать были приговорены к вечному заключению, а бесчисленное множество других были отправлены на галеры или каторгу. наказан *санбенито*

пожизненно. Эти энергичные действия, по-видимому, не сделали добрых христиан из тех, кого пощадили, поскольку 13 июля 1500 года генеральный инквизитор Деза приказал всем конверсос Гваделупе покинуть округ и не возвращаться. [475] В том же 1485 году в Вальядолиде был назначен трибунал, но он, должно быть, встретил эффективное сопротивление, поскольку в сентябре 1488 года Фердинанд и Изабелла были вынуждены посетить город, чтобы привести его в рабочее состояние; он немедленно начал работу, арестовав нескольких видных граждан, а 19 июня 1489 года состоялось первое аутодафе, в котором приняли участие восемнадцать человек. Люди были сожжены заживо, а кости четырех мертвых еретиков были найдены. [476] Тем не менее, существование этого трибунала, по-видимому, долгое время оставалось неопределенным, поскольку еще 24 декабря 1498 года мы обнаруживаем, что Изабелла пишет новому назначенцу, что она и генеральный инквизитор согласились с тем, что инквизиция должна быть размещена там, и приказывает ему подготовиться к ее проведению, а затем, 22 января 1501 года, сообщает генеральному инквизитору Дезе, что она одобряет это решение. Его поместили в доме Диего де ла Баэса, где он должен оставаться в настоящее время; она добавляет, что они с Фердинандом написали графу Кабра, чтобы проследить за тем, чтобы в будущем с инквизиторами обращались хорошо. [477] Постоянные трибуналы были также учреждены в Льерене и Мурсии, о ранних записях которых мы мало что знаем. В 1490 году Торквемада организовал в Авиле временный суд, очевидно, с целью суда над обвиняемыми в убийстве Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа; он продолжал действовать до 1500 года, и за эти десять лет в церкви были вывешены *знаки отличия и мантеты* семидесяти пяти жертв, сожженных заживо, двадцати шести мертвых и одного беглеца, помимо санбенитосов семидесяти одного примиренного кающегося. [478]

Таким образом, различные провинции Кастилии были обеспечены механизмами, необходимыми для искоренения ереси, и на раннем этапе ее развития было замечено, что для предстоящей огромной работы желательна какая-либо более компактная и централизованная организация, чем та, которая была создана до сих пор. Инквизиция, которая была столь эффективной в тринадцатом и четырнадцатом веках, была разбросана по Европе; ее судьи назначались доминиканцами или францисканцами из провинций, используя определенный порядок действий и подчиняясь инструкциям, исходившим от Святого Престола. Папство было единственным связующим звеном между ними; отдельные инквизиторы были в значительной степени независимы; они не подвергались посещениям или инспекциям, и призвать их к ответу за то, каким образом они могли выполнять свои функции, было если не невозможно, то затруднительно. Такова была концепция Фердинанда и Изабеллы, которые считали испанскую инквизицию национальным институтом, хорошо организованным и подчиняющимся короне в гораздо большей степени, чем Святому Престолу. Меры, которые они приняли с этой целью, были задуманы с присущей им проницательностью и осуществлены с присущей им энергией и успехом.

ОРГАНИЗАЦИЯ

В этот период они были серьезно заняты реорганизацией институтов Кастилии, централизацией управления и наведением порядка в хаосе, возникшем в результате фактической анархии предыдущих царствований. Осуществляя это, они распределили в 1480 году, с согласия кортов Толедо, государственные дела между четырьмя королевскими советами: советом администрации и правосудия, известным как *Concejo Real de Castella*, советом финансов, или *Concejo de Hacienda*, *Concejo de Estado* и *Concejo de Aragon*, к которым был добавлен

специальный совет для Эрмандад. [479] Они ежедневно встречались во дворце для решения деловых вопросов, и их влияние на то, чтобы королевская власть ощущалась во всех уголках страны и придавала энергию и единство управлению государством, вскоре доказало практическую ценность устройства. Инквизиция быстро становилась государственным делом первостепенной важности, хотя все же ее вряд ли можно было рассматривать как входящую в компетенцию любого из четырех соборов; монархи слишком ревниво относились к папскому вмешательству, чтобы позволить ему плыть бесцельно, подчиняясь указаниям из Рима, и их единая политика требовала, чтобы оно, насколько это возможно, находилось под королевским надзором. Создание пятого совета для этой цели было естественным решением, на которое было легко получено согласие Сикста IV, когда он был организован в 1483 году под названием *Concejo de la Suprema y General Inquisicion* — название, удобно сокращенное до *la Suprema* — с юрисдикцией по всем вопросам, связанным с верой. Для обеспечения должного подчинения и дисциплины во всем органе требовалось, чтобы президент этого собора имел полный контроль над назначением и увольнением отдельных инквизиторов, которые, осуществляя власть, делегированную непосредственно папой, в противном случае могли бы с презрением относиться к власти того, кто также был всего лишь делегатом. Таким образом, возникла необходимость создать новую должность, неизвестную старой инквизиции, — генерального инквизитора, который должен был председательствовать на заседаниях совета. Очевидно, что эта должность будет иметь огромный вес, и будущее учреждения во многом зависело от характера его первого руководителя. По совету кардинала-архиепископа Толедо Перо Гонсалеса де Мендосы королевский выбор пал на Томаса де Торкемаду, духовника монархов, который был одним из семи инквизиторов, назначенных папским письмом от 11 февраля 1482 года. Другими членами совета были Алонсо Каррильо, епископ Мазары (Сицилия) и два доктора юридических наук, Санчо Веласко де Куэльяр и Понсе де Валенсия. [480] Точная дата назначения Торкемады неизвестна, поскольку папский отчет о его назначении не был найден, но, поскольку Сикст назначил его инквизитором Арагона, Каталонии и Валенсии письмами от 17 октября 1483 года, его назначение генеральным инквизитором Кастилии было несколько предшествующим. [481]

TORQUEMADA

Выбор Торкемады оправдал мудрость монархов. Полный безжалостного рвения, он с неутомимым усердием развивал зарождающийся институт. Жесткий и непреклонный, он не шел ни на какие компромиссы в том, что считал своим долгом, и в своей сфере деятельности он олицетворял союз духовного и мирского мечей, который был идеалом всех истинных церковников. Под его руководством инквизиция быстро оформилась и распространила свою организацию по всей Испании и была неутомимой и безжалостной в преследовании и наказании отступников. Его труды снискали ему широкую похвалу со стороны сменявших друг друга пап. Уже в 1484 году Сикст IV написал ему, что кардинал Борджиа тепло похвалил его за успех в проведении благого дела по всей Кастилии и Леону, добавив: “Мы слышали это с величайшим удовольствием и чрезвычайно радуемся, что вы, наделенный как доктриной, так и авторитетом, направили свое рвение на эти дела, которые способствуют прославлению Бога и пользе ортодоксальной веры. Мы восхваляем тебя в Господе и увещеваем тебя, дорогой сын, с неустанным усердием продолжать помогать делу веры и продвигать его, делая это, как мы уверены, ты снискаешь наше особое расположение”. Двенадцать лет спустя кардинал Борджиа, в то время папа римский под именем Александр VI, заверяет его в 1496 году, что всей душой любит его за его огромные труды по возвышению веры. [482] Если мы не можем

полностью приписать ему дух безжалостного фанатизма, который вдохновлял инквизицию, он, по крайней мере, заслуживает похвалы за то, что стимулировал и делал эффективной ее работу, организуя ее и направляя с бесстрашной отвагой против подозреваемого, каким бы высокопоставленным он ни был, пока тень Святой Канцелярии не покрыла землю, и никто не был настолько отважен, чтобы не противостоять ей. трепещите при его названии. Характер, с которым он исполнял свои обязанности, и абсолютный и безответственный контроль, который он осуществлял над нижестоящими трибуналами, можно адекватно оценить на примере одного-единственного случая. В Медине существовала полностью организованная инквизиция с тремя инквизиторами, ассессором, фискалом и другими должностными лицами, которым в качестве рядовых помогал настоятель Медины. Они примирили одних преступников и сожгли других, очевидно, не передавая дела ему, но когда они нашли причину оправдать некоторых заключенных, они сочли за лучшее передать бумаги ему для подтверждения. Он возразил против этой милости и велел трибуналу снова судить обвиняемого, когда лицензиат Вильяльпандо будет присутствовать там в качестве *visitador*. Несколько месяцев спустя Вильяльпандо прибыл туда, дела были пересмотрены, заключенные подверглись пыткам, двое из них были помированы, а остальные оправданы, приговоры были должным образом опубликованы как окончательные. Торквемада, узнав об этом, пришел в ярость и заявил, что сожжет их всех. Он снова арестовал их и отправил в Вальядолид, чтобы судить за пределами их округа, где его угроза, несомненно, была приведена в исполнение. [483] Учитывая, что такой дух царил в организации с самого начала, нам не нужно удивляться, что оправдательные вердикты нечасто встречаются в отчетах о ее развитии. И все же рвение Торквемады не могло полностью вытеснить мирскую суету. Действительно, нам говорят, что он отказался от архиепископства Севильи, что он носил скромное доминиканское одеяние, что он никогда не пробовал мяса, не носил льняных одежд и не стелил их на постель, и что он отказался отдать часть на свадьбу своей неимущей сестре, которой он только помог бы вступить в орден *битас* Святого Доминика. Тем не менее, его аскетизм не мешал ему жить во дворцах, окруженному княжеской свитой из двухсот пятидесяти вооруженных приближенных и пятидесяти всадников. [484] Его карьера преследователя не была чисто бескорыстной. Хотя правила его Доминиканского ордена запрещали индивидуальное владение собственностью и, хотя его положение верховного судьи должно было диктовать максимальную сдержанность в отношении финансовых результатов преследований, он без колебаний накапливал крупные суммы за счет денежных епитимий, наложенных его подчиненными на еретиков, которые спонтанно возвращались к вере. [485] Это правда, что стандарты того времени были настолько низкими, что он не делал из этого секрета, и также верно, что он расточал их на великолепный монастырь Святого Фомы Аквинского, который он построил в Авиле, на расширение монастыря Санта-Крус в Сеговии, настоятелем которого он был, и на различные сооружения в своем родном городе Торквемада. И все же, несмотря на показные траты, он жил в постоянном страхе и за своим столом всегда употреблял рог единорога, который был превосходным средством защиты от яда. [486]

ВНУТРЕННИЕ ССОРЫ

Поскольку считалось, что делегированные полномочия истекают со смертью лица, предоставившего право, если прямо не определено иное, полномочия Торквемады требовалось возобновить в связи со смертью Сикста IV. Фердинанд и Изабелла просили, чтобы новый папа не ограничивался жизнью папы, но чтобы власть сохранялась не только при жизни Торквемады, но и до назначения его преемника. [487] Просьба не была удовлетворена, и, когда Иннокентий VIII в записке от 3 февраля 1485 года вернул Торквемаду, она была в обычной форме. Это, по-

видимому, не было удовлетворительным, но папа не желал таким образом терять полный контроль над испанской инквизицией, и компромисс, похоже, был достигнут, поскольку, когда 6 февраля 1486 года Торквемада был назначен генеральным инквизитором Барселоны и его полномочия в Испании были возобновлены 24 марта того же года, было решено продолжить с благоволения папы и Святого Престола, что, без отказа от папского контроля, сделало продление ненужным. [488] От этой формулы отказались в поручениях непосредственных преемников Торквемады, но впоследствии она была возобновлена и продолжала использоваться на протяжении последующих столетий. [489]

Поручение Торквемады от 1485 года содержало важные полномочия назначать и увольнять инквизиторов, но подтверждение 1486 года содержало существенное исключение, заключавшееся в том, что все назначенные папой были освобождены им от должности, что указывает на то, что в промежутке времени он пытался осуществлять власть и что сопротивление этому заручилось папской поддержкой. Фактически, на севильской конференции, проведенной в 1484 году Торквемадой, присутствовали по два инквизитора от каждого из четырех существующих трибуналов; в Севилье мы находим Хуана де Сан—Мартина, одного из первоначальных назначенцев 1479 года, но его коллега Мигель де Морильо исчез и заменен Хуаном Руисом де Мединой, который был всего лишь ассессором, в то время как только один, Перо Мартинес де Баррио, из семи, назначенных Сикстом IV в 1482 году, появляется как представляющий другие трибуналы - все остальные новые люди, несомненно назначенцы. о Торквемаде. [490] Очевидно, между Торквемадой и первоначальными папскими кандидатами назревала ожесточенная ссора, которые считали, что их полномочия, делегированные непосредственно папой, делают их независимыми от него, и, как обычно, Святой Престол самым раздражающим образом склонялся то к одной, то к другой стороне, поскольку противоположные интересы оказывали влияние. Жалобы на Торквемаду были достаточно многочисленными и серьезными, чтобы вынудить его трижды посылать брата Алонсо Валаху в папский суд для его оправдания. [491] Он, кажется, удалил Мигеля де Морильо, который оправдал себя в Риме, за краткое изложение Иннокентия VIII, 23 февраля 1487 г., назначает его инквизитором Севильи, полностью игнорируя полномочия, предоставленные Торквемаде. Затем *motu proprio* от 26 ноября 1487 года отстраняет от должности и его, и Хуана де Сан-Мартина и поручает Торквемаде назначить их преемников. Опять же, в сводке от 7 января 1488 года Хуан назначается инквизитором Севильи, в то время как последующие сводки от того же года адресованы ему относительно деятельности его ведомства, как если бы он выполнял свои обязанности независимо от Торквемады, но его смерть в 1489 году устранила его со сцены. Ссора, очевидно, продолжалась, и одно время отец Мигель наслаждался кратковременным триумфом, поскольку папское письмо от 26 сентября 1491 года назначает его генеральным инквизитором Кастилии и Арагона, тем самым ставя его в один ряд с самим Торквемадой. [492] Сейчас было бы невозможно определить, какую роль могли сыграть монархи в этих изменениях и до какой степени папы пренебрегли предоставленными им полномочиями по назначению и смещению. Шла постоянная борьба, с одной стороны, за то, чтобы сделать Святую Канцелярию Испании национальной и независимой, а с другой - за то, чтобы сохранить ее под папским контролем.

ПЯТЬ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ИНКВИЗИТОРОВ

Наконец, оппозиция Торквемаде стала настолько сильной, что Александр VI в 1494 году, любезно сославшись на его преклонный возраст и немощи, назначил Мартина Понсе де Леона,

архиепископа Мессины, но проживающего в Испании, Иньиго Манрике, епископа Кордовы, Франсиско Санчеса де ла Фуэнте, епископа Авилы, и Алонсо Суареса де Фуэнтельсаса, епископа Мондонего, а затем Луго и Хаэна, генеральными инквизиторами с теми же полномочиями, что и у Торквемады; каждый был независим и мог действовать самостоятельно. сам и мог даже прекратить дела, начатые другим лицом. [493] Вполне вероятно, что, чтобы пощадить его чувства, ему разрешили назвать своих коллег делегатами своих полномочий, поскольку в некоторых инструкциях, изданных в 1494 году Мартином Мессинским и Франсиско Авилским, они называют себя генеральными инквизиторами во всех испанских королевствах, подчиненных генеральному инквизитору Торквемаде. [494] Он, очевидно, все еще сохранял свое превосходство и был активен до последнего, поскольку у нас есть письма Фердинанда к нему от первой половины 1498 года, касающиеся текущих дел инквизиции, в которых епископ Луго отказался вмешиваться в него. Инструкции Авилы в 1498 году были изданы от его имени как генерального инквизитора, и утверждение о том, что он ушел в отставку за два года до своей смерти, 16 сентября 1498 года, очевидно, неверно. [495] Однако в некоторых отношениях епископ Авилы обладал особыми функциями, которые отличали его от его коллег, поскольку он был назначен Александром VI 4 ноября 1494 года апелляционным судьей по всем вопросам веры, а 30 марта 1495 года он получил особые полномочия низводить священнослужителей, осужденных инквизицией, или назначать других епископов для выполнения этой функции. [496] Пока они находились в ордене, священнослужители были освобождены от светской юрисдикции, и было необходимо унижить их, прежде чем они могли быть переданы гражданским властям для сожжения. Согласно канонам, это должны были делать их собственные епископы, которых не всегда было под рукой для этой цели, и которые, по-видимому, в присутствии иногда отказывались или откладывали исполнение обряда, что было серьезным препятствием для работы инквизиции, поскольку среди священнослужителей было обнаружено много иудействующих конверсос.

Это многообразное руководство инквизицией продолжалось в течение нескольких лет, пока различные должностные лица последовательно не умерли или не ушли в отставку. Иньиго Манрике исчез первым, умерев в 1496 году, и у него не было преемника. Затем, в 1498 году, последовал епископ Авилы, который был переведен в Кордову в 1496 году. В том же году, как мы видели, Торквемада умер, и на этот раз вакансия была заполнена назначением его преемником Диего Дезы, в то время епископа Хаэна (впоследствии, в 1500 году, Паленсии, а в 1505 году архиепископа Севильи), который был назначен 24 ноября 1498 года для Кастилии, Леона и Гранады, а 1 сентября 1499 года - для всех испанских королевств. [497] В 1500 году умер Мартин, архиепископ Мессины — очевидно, неплательщик, поскольку 26 октября того же года Фердинанд приказывает своему ревизору конфискаций передать на счета Луиса де Рива Мартина, получателя Кадиса, 18 000 мараведи, причитающихся архиепископу за пшеницу, сено и т.д., Которые он прощает наследникам. [498] С этого времени Деза считается единственным генеральным инквизитором и прямым преемником Торквемады, но Фуэнтельсас, епископ Хаэна, остался на своем посту, поскольку еще 13 января 1503 года приказ о выплате жалованья подписан Дезой и содержит имя епископа Хаэна как также инквизитора. -общие сведения. [499] Он отказался от должности в 1504 году, и Деза оставался единственным главой инквизиции до тех пор, пока в 1507 году он не был вынужден уйти в отставку, как мы увидим ниже.

ОН УСТАНАВЛИВАЕТ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ПРАВИЛА

На момент его ухода на пенсию королевства Кастилия и Арагон были разделены смертью Изабеллы 26 ноября 1504 года. Опыт общения Фердинанда со своим зятем Филиппом I и его надежда на потомство от брака в марте 1506 года с Жермен де Фуа, в случае которого королевства остались бы разделенными, предупредили его об опасности духовного подчинения владений его предков кастильскому подданному. Поэтому перед отставкой Дезы он обратился к Юлию II с просьбой наделить Хуана Энгуэру, епископа Вишского, полномочиями в отношении Арагона, которые Деза осуществлял. Юлий, по-видимому, столкнулся с некоторыми трудностями по этому поводу, поскольку в письме Фердинанда из Неаполя от 6 февраля 1507 года своему послу в Риме Франсиско де Рохасу ему предписывается объяснить, что, поскольку он отказался от титула короля Кастилии, юрисдикция была разделена и было необходимо и удобно, чтобы в каждом королевстве была инквизиция. [500] Он одержал победу, и назначения кардинала Хименеса в Кастилии и епископа Энгуэры в Арагоне были объявлены соответственно 6 и 5 июня 1507 года. [501] При жизни Хименеса инквизиции оставались разобщенными, но в 1518 году, после его смерти, Карл V назначил своего бывшего наставника, кардинала Адриана Утрехтского, епископа Тортосы, который в 1516 году был назначен генеральным инквизитором Арагона, также для Кастилии, после чего дальнейшего разделения не было. За это время Фердинанд приобрел Наварру и присоединил ее к кастильской короне, так что весь полуостров, за исключением Португалии, был объединен под одной организацией. [502]

Среди других полномочий, предоставленных Торквемаде, было изменение правил инквизиции с целью приведения их в соответствие с требованиями Испании. [503] Важность этой уступки было бы трудно преувеличить, поскольку она сделала учреждение практически самоуправляющимся. Таким образом, испанская инквизиция приобрела свой собственный характер, отличающий ее от умирающих трибуналов того периода в других странах. Люди, создавшие его, прекрасно знали, чего они хотят, и в их руках он принял ту форму, в которой доминировал над сознанием каждого человека и был объектом ужаса для всего населения. Осуществляя эту власть, Торквемада собрал инквизиторов в Севилье 29 ноября 1484 года, где совместно со своими коллегами из Верховного суда был согласован ряд правил, известных как *Инструкции Севильи*, к которым в декабре того же года и в январе 1485 года он добавил дополнительные правила, изданные от его имени под руководством монархов. В 1488 году под наблюдением Фердинанда и Изабеллы было проведено еще одно собрание, на котором были изданы *Инструкции Вальядолида*. [504] В 1498 году появились *Инструкции Авилы* — последние, в которых принимал участие Торквемада, — разработанные главным образом для пресечения злоупотреблений, которые быстро развивались, и с той же целью Диего Деза в 1500 году в Севилье сделал краткое дополнение. Все это стало известно в трибуналах как *Антигуанские инструкции*. [505] Поскольку учреждение стало полностью организованным под контролем Супремы, консультации с подчиненными инквизиторами больше не требовались, и оно обнародовало правила в *картас аккордадас*. Однако было трудно держать инквизиторов строго в узде, и возникли различные практики, которые в 1561 году генеральный инквизитор Фернандо Вальдес попытался пресечь, издав *Instrucciones Nuevas*. Время от времени требовались последующие нормативные акты, которые сформировали значительный и несколько запутанный свод судебной практики, который нам придется рассмотреть ниже. В настоящее время достаточно указать, как инквизиция стала автономным органом — *империумом в империи*, устанавливающим свои собственные законы и подчиняющимся лишь

редко применяемой власти Святого Престола и более или менее нерешительному контролю короны.

БЕГСТВО НОВЫХ ХРИСТИАН

При этом в его распоряжение были предоставлены все ресурсы государства. Когда инквизитор приступал к выполнению своих функций, чиновники приносили клятву помогать ему, истреблять всех, кого он мог бы назвать еретиками, и соблюдать и принуждать к соблюдению всех декретов *Ad abolendum, Excommunicamus, Ut officium Inquisitionis* и *Ut Inquisitionis negotium*— папского законодательства XIII века, которое полностью подчинило государство Святой Канцелярии и лишило возможности занимать официальную должность любого подозреваемого в вере или того, кто привилегированные еретики. [506] Кроме того, все население было собрано, чтобы послушать проповедь инквизитора, после чего от всех потребовали поклясться на кресте и Евангелии помогать Святой Канцелярии и не препятствовать ей каким-либо образом или под каким-либо предлогом. [507]

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Неудивительно, что, когда это злое учреждение расправило свои крылья ужаса над страной, все, кто чувствовал себя подверженным его звериной агрессии, были склонны искать спасения в бегстве, независимо от того, какими жертвами оно было принесено. О том, что цифрам это удавалось, свидетельствует статистика ранних аутодафе, в которых живых жертв намного больше, чем изображений отсутствующих. Так, в Сьюдад-Реале за первые два года были сожжены пятьдесят два упрямых еретика и осуждены двести двадцать прогульщиков. [508] В Барселоне, где инквизиция не была учреждена до 1487 года, на первом аутодафе, отмечавшемся 25 января 1488 года, был представлен список из четырех живых жертв на двенадцать изображений беглецов; в последующем, 23 мая, пропорции были три к сорока двум; в одном из 9 февраля 1489 года - от трех до тридцати девяти; в следующем, от трех до тридцати девяти. в одном от 24 марта 1490 года их было от двух до ста пятидесяти девяти, а в другом от 10 июня 1491 года их было от трех до ста тридцати девяти. [509] Если бы целью было просто очистить страну от ереси и вероотступничества, это было бы достигнуто как путем экспатриации, так и путем сожжения или примирения, но монархами руководила не такая политика, и были изданы указы, запрещающие всем представителям еврейского происхождения покидать Испанию и налагающие штраф в пятьсот флоринов на капитанов судов, перевозящих их. [510] Это не было, как нам могло бы показаться, бессмысленной жестокостью, хотя и было жестоким, поскольку предполагало вину на основании простого подозрения. Не говоря уже о конфискациях, которые были наложены на движимое имущество, унесенное беглецами, мы должны иметь в виду, что для ортодоксов того периода ересь была настоящим преступлением, более того, величайшим из преступлений, наказуемым как таковое законами, действовавшими веками, и еретика нельзя было избежать наказания так же, как убийце или вору. Королевские указы были дополнены инквизицией, и иллюстрацией расширения ее юрисдикции на все вопросы, прямо или косвенно касающиеся веры, является то, что 8 ноября 1499 года архиепископ Мессины Мартин издал приказ, который был опубликован по всему королевству и подтвержден Диего Дезой 15 января 1502 года, о том, что ни один капитан корабля или торговец не должен перевозить через моря новых христиан, будь то евреи или мавры, без королевского разрешения, под страхом конфискации, отлучения от церкви и привлечения к ответственности как сторонников и защитников еретиков. Чтобы

привести это в действие, два дня спустя архиепископ Мартин приказал разослать во все морские порты подходящих людей для ареста всех новых христиан, желающих пересечь море, и передать их инквизиции, чтобы над ними свершилось правосудие, при этом все расходы были покрыты за счет конфискаций. [511] Этим положениям не разрешалось быть мертвой буквой, хотя мы склонны слышать о них скорее в случаях, когда по особым причинам штрафы были отменены. Так, 24 июля 1499 года Фердинанд пишет инквизиторам Барселоны, что корабль Шарля де Сан-Климента, купца из их города, доставил из Александрии в Эгесмортес определенных лиц, бежавших из Испании. Даже эти перевозки между иностранными портами подпадали под действие закона, поскольку Фердинанд объясняет, что действия в этом случае сослужили бы ему плохую службу, поэтому, если им будет подана жалоба, они должны направить ее ему или генеральному инквизитору за инструкциями. И снова, 8 ноября 1500 года, король приказывает освободить каравеллу и другое имущество Диего де ла Мескита из Севильи, которые были конфискованы за то, что он привез несколько новых христиан в Неаполь — причиной освобождения были услуги Диего в войне с Неаполем и те, которые он оказывает в других местах. В письме Фердинанда королю Португалии от 7 ноября 1500 года говорится, что недавно несколько новых христиан были арестованы в Милаге, куда они отправлялись под предлогом поездки в Рим на юбилей. При допросе инквизицией в Севилье они признали, что они евреи, но сказали, что в Португалии их заставили обратиться в христианство; поскольку это привело их под юрисдикцию инквизиции, инквизиторы направлялись в Португалию за доказательствами, и короля попросили защитить посланников и предоставить им условия для этой цели. [512] Была проявлена та же решимость вернуть, когда это возможно, тех, кому удалось совершить побег. В 1496 году Микер Мартин, инквизитор Мальорки, услышал о некоторых людях, находившихся в Бугии, морском порту Африки. Он немедленно отправил туда нотариуса Лопе де Вергара, чтобы схватить их, но неверующие мавры пренебрегли его охранной грамотой и бросили его и его спутников в темницу, где они томились три года. В конце концов он был выкуплен, и в возмещение его потерь и страданий Фердинанд приказал 31 марта 1499 года управляющему Мальоркой Матео де Моррано выплатить ему двести пятьдесят золотых дукатов, не требуя от него никаких подробных сведений о нанесенных ему увечьях. [513]

ПРЕСЕЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Это показывает, какое сильное впечатление уже производил решительный характер монархов и насколько сильным был антагонизм, обычно питаемый к конверсос, что столь новая и абсолютная тирания могла быть навязана недавно беспокойному населению Кастилии без сопротивления и что столь могущественный класс, против которого были направлены преследования, должен был подчиниться без усилий, если не считать неудавшихся заговоров в Севилье и Толедо. Дошедшие до нас указания на противодействие произвольным действиям инквизиции при производстве арестов или конфискаций исключительно немногочисленны. В записях городского совета Херес-де-ла-Фронтера, датированных 28 августа 1482 года, есть запись, в которой говорится, что в город пришел человек с жезлом и называющий себя альгвасилом инквизиции; он схватил Гонсало Касабе и увез его, не показав свои полномочия местным властям, что было охарактеризовано как зверское деяние, и город должен предпринять шаги вместе с королем, папой римским и инквизицией, чтобы это прекратилось. [514] Несомненно, сводные акты Святой Канцелярии, превосходящие все признанные законы, вызвали такое чувство во многих местах, как мы можем понять из седулы Фердинанда от 15

декабря 1484 г., запрещающей прием еретиков и приказывающей им сдаваться по требованию инквизиторов, и другой от 8 июля 1487 г., предписывающей, чтобы любой, кто получает приказы от инквизиторов, инквизиторам Толедо должно быть разрешено арестовывать любого человека под страхом штрафа в 100 000 мараведи для богатых и конфискации для других, [515] но жалобы были опасны, поскольку на них могли ответить угрозами наказания за пропаганду ереси. И все же требовалось значительное время, чтобы приучить знать и народ к беспрекословному подчинению господству, столь абсолютному и столь чуждому их опыту. Еще в 1500 году есть два королевских письма графу Беналькасару, в которых говорится, что он приказал арестовать девушку из Эрреры, которая устраивала скандалы против веры; она была в руках его помощника, Гутьерре де Сотомайора, который отказался освободить ее, когда инквизитор послал за ней. Во втором письме, с интервалом в девятнадцать дней, указывается на тяжесть преступления и безапелляционно предписывается выдать девушку. Она оказалась еврейской пророчицей, чей судебный процесс привел к сожжению большого числа ее несчастных учеников. В письме от 12 января 1501 года настоятелю монастыря Святого Иоанна также содержится предупреждение о сопротивлении, в котором ему предписывается проследить за тем, чтобы получателю инквизиции Хаэна не было создано никаких препятствий для изъятия определенной конфискованной собственности в Алькасар-де-Консуэгра. [516] Более показательным для народного отвращения является письмо от 4 октября 1502 года королевским чиновникам в не указанном месте, в котором говорится, что люди пытаются добиться смещения Мозена Сальвадора Серраса, помощника викария, потому что он хорошо отзывался об инквизиции и инквизиторы возложили на него определенные обязанности; они не должны допустить этого. это должно быть сделано, и мы должны проследить, чтобы с ним не обращались жестоко. [517] В 1509 году Фердинанду довелось возразить герцогу Алва по делу Алонсо де Хаэна, жителя Кории, потому что, когда он был арестован, агент герцога изъяс несколько коров и продал их, а когда он был осужден и его имущество конфисковано, Алва запретил кому-либо покупать что-либо без его согласия. разрешаю. Фердинанд требует, чтобы он позволил свободной продаже и отчитался за коров, указывая, что он предоставил ему треть чистой выручки от всех конфискаций в его поместьях. [518] Это предоставление трети конфискаций было предоставлено другим крупным дворянам и, несомненно, имело тенденцию примирять их с действиями инквизиции. В этом общем согласии несколько примечательно, что еще в 1520 году, когда Карл V приказал Мериде подготовить помещения для трибунала, город выразил протест; по его словам, там все было тихо и миролюбиво, и он опасался беспорядков, если бы там была учреждена Святая канцелярия, в то время как, если бы был совершен простой визит для расследования, он оказал бы добровольную помощь. Кардинал Адриан прислушался к предупреждению в отсутствие Карла и в письме от 27 ноября 1520 года приказал своим инквизиторам поселиться где-нибудь в другом месте. [519]

ФАНАТИЗМ ФЕРДИНАНДА

В то же время было неизбежно, что столь безответственной властью будут часто и сильно злоупотреблять, и интересно наблюдать, что, когда не оказывалось сопротивления, Фердинанд, как правило, незамедлительно вмешивался в пользу угнетенных. Так, 28 января 1498 года он пишет генеральным инквизиторам, что недавно некоторые чиновники инквизиции Валенсии отправились в баронство Серра, чтобы арестовать нескольких женщин, носивших мавританскую одежду, и, поскольку они не были узнаны, мавры оказали им сопротивление,

после чего инквизиторы приступили к захвату всех мавров Серры, которые случайно оказались в Валенсии, так что это место обезлюдело. Поэтому он приказывает генеральным инквизиторам сообщить своим подчиненным, что они должны найти какой-нибудь другой метод, при котором невинные не пострадают по вине отдельных лиц, и, не довольствуясь этим, он написал непосредственно инквизитору Валенсии, поручив ему действовать с большой умеренностью. В другом случае, когда было спровоцировано противодействие, он пишет 18 января 1499 года: “Мы получили ваше письмо и очень недовольны жестоким обращением, о котором вы сообщаете со стороны инквизитора и его чиновников. Этому будет уделено должное внимание. Но часто причиной этого являетесь вы сами, потому что, если бы каждый из вас спокойно и тщательно выполнял свои обязанности и никому не причинил вреда, вас бы очень уважали. Подумай об этом в будущем, ибо нам будет очень неприятно, если ты будешь делать то, чего не должен, без особых оснований”. В то же время он призывает инквизитора не производить арестов без уважительной причины, “ибо в подобных вещах, помимо обвинения на вашей совести, Святая Канцелярия сильно опорочена, а ее чиновники презираемы”. И так, в письме от 15 августа 1500 года инквизиторам Сарагосы он сообщает им, что получил копию эдикта, который они издали в Калатауде; он настолько суров, что при его исполнении никто не может быть в безопасности; они должны тщательно обдумывать такие вещи или консультироваться с ним; в данном случае они будут подчиняться инструкциям, присланным генеральными инквизиторами, и всегда должны помнить, что единственной целью инквизиции является спасение душ. И снова, когда инквизиторы Барселоны властно наложили интердикт на город Перпиньян из-за ссоры, возникшей из-за цензуры или арендной платы за землю в Карселле, Фердинанд пишет им 5 марта 1501 года, что город беден и с ним нужно обращаться мягко, тем более что он находится на границе, и он отправляет специального посланника, чтобы уладить этот вопрос. [520] Задержки с ношением одежды, которые были одним из самых ужасных механизмов притеснения со стороны инквизиции, были ему особенно неприятны. 28 января 1498 года он пишет инквизитору о деле Антона Руиса из Теруэля, который был заключен в тюрьму на пять месяцев без суда за некоторые замечания, сделанные им другому лицу по поводу конфискации имущества Хайме де Сантанхеля, хотя неоднократно подавалось ходатайство о прекращении дела. Фердинанд приказывает немедленно рассмотреть это дело; заключенный должен быть либо освобожден под залог, либо ему должно быть назначено надлежащее наказание. И так, 16 января 1501 года он напоминает инквизиторам, что несколько раз писал им с просьбой завершить дело между наследниками Моссена Переа и сыновьями Антона Руиса и вынести приговор; дело было завершено на некоторое время, но приговор отложен; оно должно быть вынесено немедленно, либо дело должно быть либо передано компетентному лицу, либо направлено в Верховный суд. В то же время, всякий раз, когда возникало подобие противодействия несправедливости со стороны светских властей, он незамедлительно подавлял это. Действия инквизиции Валенсии по конфискации имущества некоего Валенсуолы вызвали столько эмоций, что губернатор, генеральный аудитор, королевский совет и хурадо собрались, чтобы выразить протест против этого, и при этом наговорили инквизиторам неприятных вещей, которые вслед за этим пожаловались Фердинанду. 21 марта 1499 года он написал преступникам, сурово упрекая их; это было не их дело; если инквизиторы совершили несправедливость, апелляция должна быть обращена к генеральному инквизитору, который исправит это; их долгом было помогать инквизиции, и он приказал им делать это в будущем, а не устраивать скандал. [521] Он был более внимателен, когда дело касалось пограничного города Перпиньян, поскольку в 1513 году, когда заместитель распорядителя конфискаций вызвал антагонизм энергичностью своих действий и консулы

пожаловались, что он публично оскорбил Франко Малера, одного из них, Фердинанд приказал инквизитору Барселоны немедленно расследовать это дело и понести должное наказание.

[522]

Вся его переписка показывает неослабевающий интерес, который он испытывал к этому учреждению, не просто как к финансовому или политическому инструменту, но и как к средству защиты и продвижения веры. Он был искренне фанатичен и, когда стал свидетелем аутодафе в Вальядолиде, написал 30 сентября 1509 года инквизитору Хуану Алонсо де Навиа, чтобы выразить огромное удовольствие, которое это доставило ему как средству продвижения чести и славы Божьей и возвышения Святой католической веры. [523] Инквизиторы имели обыкновение присылать ему отчеты о отмеченных ими автопробегах, на которые он отвечал с выражением глубокого удовлетворения, призывая их к большему рвению. Однажды, в 1512 году, и в другой раз в 1513 году, он был так доволен, что подарил инквизитору двести дукатов и приказал передать гонцу пятнадцать дукатов. [524]

Прошло четверть века, прежде чем в кастильских королевствах возникло какое-либо серьезное сопротивление инквизиции. Неприятности, которые тогда произошли, были спровоцированы бесчинствами инквизитора по имени Лусеро в Кордове, которые стали известны только после ослабления сурового правления Фердинанда во время короткого правления Филиппа Австрийского и последующего междоусобицы. Поскольку это дает нам единственную возможность взглянуть изнутри на то, что было возможно под обычно непроницаемой завесой секретности, характерной для инквизиционной процедуры, это заслуживает более детального изучения.

Кордове несколько не повезло со своими инквизиторами; в большей или меньшей степени, чем другим общинам, сейчас сказать было бы невозможно. Предшественником Лусеро был доктор Гуираль, декан Гуадикса, который был переведен оттуда в Авила в 1499 году. Попад под подозрение в нарушениях, было получено папское предписание, поручающее архиепископу Толедо провести расследование в отношении него — и примечательно, что, хотя генеральный инквизитор обладал всеми полномочиями по назначению, наказанию и увольнению, вмешательство папы было сочтено необходимым в этом случае. Результат показал широкие возможности, предоставляемые этой должностью для нерегулярной прибыли, а также для угнетения и несправедливости. Он получил 150 000 мараведи, продав кающимся освобождение от ношения санбенито, или одежды для покаяния. Крупная сумма была получена различными способами от получателя конфискации, который, очевидно, был сообщником и который, конечно же, получил свою долю добычи. Кража из конфискованного имущества принесла кое-что, в том числе девяносто три жемчужины огромной ценности. Через своих слуг он получал вознаграждения или проценты, предлагаемые, как мы увидим, за обнаружение спрятанного конфискованного имущества. Он прикарманивал штрафы, которые налагал на примирившихся кающихся, и поэтому был заинтересован в их усугублении. Он заключил с Конверсос из Кордовы соглашение, по которому они компенсировали 2 200 000 мараведи за конфискацию, к которой они могли быть привлечены, и за это он получил от них почти 100 000, к которым добавил 50 000, позволив двум вкладчикам обмануть своих товарищей, избежав уплаты их взносов в общий фонд. Когда его перевели в Авила, сфера его деятельности была менее продуктивной, но он делал все, что мог, вымогая деньги у родственников своих заключенных, и

он не побрезговал взять десять дукатов и осла у тюремного чиновника за какое-нибудь совершенное преступление. Поскольку королевская fisc пострадала от его действий, он был арестован и предстал перед судом, но, к сожалению, имеющиеся в наличии документы не сообщают нам о результате. [525]

БЕСЧИНСТВА ЛУСЕРО

Его преемник в Кордове, Диего Родригес Лусеро, был преступником более широких взглядов и более смелым типом, который предстает перед нами как воплощение зла, проистекающего из практически безответственных полномочий, предоставленных трибуналам. Мы впервые видим его в 1495 году, когда он фигурирует в качестве инквизитора Хереса и получателя от Фердинанда и Изабеллы канонического звания в Кадисе. [526] Это показывает, что он уже завоевал расположение монархов, которое возросло после его назначения в Кордову 7 сентября 1499 года, где методами, которые мы сейчас увидим, его открытия отступников-иудействующих были очень впечатляющими. Королевское письмо от 11 декабря 1500 года сердечно благодарило его за многочисленные подробности недавнего послания, рассказывающего о том, как он каждый день находил новых еретиков; его настоятельно призывали не жалеть усилий для их наказания, особенно тех, кто впал в рецидив, и немедленно сообщать обо всем, что он делал. Его рвение едва ли нуждалось в подобном стимулировании, и о его незаконных методах свидетельствует письмо Фердинанда и Изабеллы своему зятю Мануэлю Португальскому от 12 февраля 1501 года, в котором они рассказывают о многочисленных еретиках, недавно обнаруженных в Кордове, из которых два ересиарха, Альфонсо Фернандес Эрреро и Фернандо де Кордова, бежали в Португалию, куда Лусеро отправил своего альгвасила, чтобы вернуть их обратно, не дожидаясь получения королевских писем. Это был недопустимый поступок, и, когда альгвасил схватил беглецов, Мануэль отказался выдавать их до тех пор, пока у него не появится возможность ознакомиться с уликами против них. Фердинанд и Изабелла заявляют, что это было бы серьезным препятствием для Священной Канцелярии и медвежьей службой Богу, и они с любовью умоляют Мануэля выдать обвиняемых во имя чести Бога, а также защитить от жестокого обращения должностных лиц, которые способствовали их поимке. [527]

Мы не можем безжалостно предположить, что, по крайней мере, часть благосклонности, оказанной Лусеро, могла быть обусловлена денежными результатами его деятельности. К этому времени конфискации, которые поначалу в значительной степени пополняли королевскую казну, значительно сократились, и в некоторых местах их было недостаточно для покрытия судебных расходов. В этом отношении Кордова теперь была исключением; то, что ее продуктивность быстро росла, видно из письма Фердинанда от 12 марта 1501 года получателю, Андресу де Медине, в котором говорилось, что он узнает, что предстоит многое сделать, и санкционировалось назначение двух помощников с окладом в 10 000 мараведи, а 12 и 13 января 1503 года в Кордове были выписаны ордера на 500 000 мараведи для выплаты жалованья инквизиции в других местах. В тот же день у нас есть еще одна иллюстрация деятельности Лусеро, выразившаяся во внезапном аресте четырех официальных государственных писцов. Поскольку они были хранителями бумаг своих клиентов, конфискация всего их имущества вызвала огромные осложнения, для устранения которых Фердинанд приказал разобрать все частные документы и передать их в руки другого переписчика, Луиса де Месы. Это показывает, как действия инквизиции могут в любой момент затронуть интересы любого человека, и это иллюстрирует еще одну выгоду от преследования, поскольку, когда эти преступники будут

сожжены или лишены права занимать государственные должности, появятся четыре вакансии, за которые будут охотно бороться те, у кого есть деньги или благосклонность для их приобретения. [528]

СЕКРЕТАРЬ КАЛЬСЕНА

Уже в 1501 году появились свидетельства враждебности между Лусеро и властями Кордовы. Когда распорядитель конфискаций в сопровождении Диего де Баррионуэво, распорядителя секвестров, проводил публичный аукцион конфискованного имущества, мэр города альгуасиль Гонсало де Майорга приказал городскому глашатаю Хуану Санчесу, который объявлял аукцион, пойти с ним, чтобы сделать определенные заявления. Писец вмешался и отказался отпустить Санчеса; прозвучали горячие слова, в которых Майорга оскорбил инквизицию и, наконец, ударил писца его служебным жезлом, после чего алькальд-мэр города Диего Руис де Сарате отправил его в тюрьму. Неприкосновенность должностных лиц инквизиции была подтверждена королевским приговором от 6 сентября, в котором Майорга, в дополнение к произвольной епитимье, наложенной на него Лусеро, был пожизненно лишен своего поста, лишен возможности занимать какие-либо общественные должности и был навсегда изгнан из Кордовы и ее района, который он должен был покинуть в течение восьми дней после уведомления. С Зарате обошлись более милосердно, и он отделался шестимесячным отстранением от должности. [529] Такая строгость к гражданским чиновникам высокого положения была предупреждением всем мужчинам, что с Лусеро шутки плохи.

Неизменная поддержка, которую он получил от Фердинанда, во многом объясняется соучастием Хуана Роиса де Кальчены, коррумпированного и корыстолюбивого чиновника, с которым мы будем часто встречаться в дальнейшем. Он был секретарем Фердинанда по делам инквизиции, вел всю его переписку по подобным вопросам, а также был секретарем Верховного суда и, таким образом, мог в значительной степени контролировать действия своего хозяина, что делало его участие в злодеяниях пешим ходом необходимым для их успеха. Как это было сделано, показано в единственном случае, который описан в мемориале из города Кордова королеве Хуане. Архидьякону Кастро Хуану Муньосу было семнадцать лет, он был сыном старой матери-христианки и конверсо идалго. Его бенефиции стоили 300 000 мараведи в год, и он был изрядным объектом грабежей, ради которых в 1505 году был организован заговор. Его родители были причастны к его разорению, все трое были арестованы и осуждены, а на него наложили епитимью, лишившую его права занимать руководящие должности. Добыча была разделена между кардиналом Бернардино Карвахалем, для которого заранее были заготовлены быки, королевским казначеем Моралесом, Лусеро и Кальченой. Губернатор и капитул Кордовы передали архидьяконство Диего Велло, капеллану епископа, но Святой Престол удобно отклонил конфирмацию и даровал ее Моралесу; Лусеро получил каноническое звание в Севилье и несколько бенефиций в Куэнке, в то время как Кальчена получил имущество, оцениваемое в 4 000 000 мараведи — несомненно, преувеличенная цифра, представляющая совокупность его доходов от соучастия на протяжении всей карьеры Лусеро. [530]

Вероятно, именно в 1501 году была сформирована комбинация, которая придала Лусеро смелости расширить свои операции, арестовывая и приговаривая дворян и церковных сановников, многие из которых были старыми христианами с незапятнанной репутацией, и *лиmpiоса де сангре*. С помощью оскорблений и угроз или, при необходимости, пыток было

легко добиться от обвиняемых любых доказательств, необходимых для осуждения не только их самих, но и тех, кого они хотели погубить. Великий страх охватил все население, ибо никто не мог сказать, откуда может обрушиться следующий удар, поскольку слухи распространились по всем слоям населения. Апологеты того времени и по сей день пытались смягчить эти разбирательства, предполагая, что скомпрометированные пытались заручиться поддержкой союзников, привнося в свои признания людей высокого ранга и влияния, но ввиду методов Лусеро и масштабов его операций такое объяснение совершенно неадекватно, чтобы опровергнуть изобличающую массу улик против него. [531]

ЦАРСТВО ТЕРРОРА ЛУСЕРО

Его взгляды вышли за пределы узких границ Кордовы, и он привел в ужас страну, собрав доказательства обширного заговора, распространившегося по всей Испании с целью ниспровержения христианства и замены его иудаизмом, что требовало для своего подавления самых всеобъемлющих и безжалостных мер. В памятных записках королеве Хуане власти Кордовы, церковные и светские, описали, как он усердно обучал некоторых своих заключенных еврейским молитвам и обрядам, чтобы они могли быть точными в показаниях, которые он угрозами или пытками заставлял их давать против старых христиан несомненной ортодоксальности. Таким образом, он доказал, что было двадцать пять *профетисс*, которые путешествовали по стране, чтобы обратить ее в иудаизм, хотя многие из указанных лиц никогда в своей жизни не выходили за пределы городских ворот. Их сопровождали пятьдесят выдающихся личностей, включая известных священнослужителей и проповедников. [532] Конечно, эти истории ничего не теряли, передаваясь из уст в уста, и в народе говорили, что некоторые из этих пророчиц, выполняя свое нечестивое поручение, путешествовали как пьяные вакханки, а других силы ада перевозили на козлах. [533] Единственный дошедший до нас случай иллюстрирует дикую тщательность, с которой он защищал веру от этого нападения. Некий Бахильер Мембрек был осужден как иудей-отступник, распространявший свое учение проповедью. У свидетелей были собраны списки тех, кто посещал его проповеди, и все они, в количестве ста семи человек, были сожжены заживо в ходе одного аутодафе. [534] Тюрьмы инквизиции были заполнены несчастными, находившимися под следствием, таким образом, было заключено до четырехсот человек, и большое количество было перевезено в Торо, где в то время вместе с Супремой проживал генеральный инквизитор Деза.

Установленный таким образом режим террора ни в коем случае не ограничивался Кордовой. Его действие энергично описано капитаном Гонсало де Авора в письме от 16 июля 1507 года королевскому секретарю Алмазану. Предположив, что он объяснил Фердинанду с согласия этого монарха, что для блага королевства необходимы три вещи— вести инквизицию праведно, не ослабляя ее, вести войну с маврами и облегчить бремя народа, — он продолжает сопоставлять это с тем, что было сделано. “Что касается инквизиции,” говорит он, “ то принятый метод состоял в том, чтобы настолько довериться архиепископу Севильи (Дезе), а также Лусеро и Хуану де ла Фуэнте, что они смогли опорочить все королевство, уничтожить, без Бога и справедливости, большую его часть, убивая, грабя и насилуя служанок и жен, что привело к великому бесчестию христианской религии.... Что касается того, что касается меня, я повторяю то, что уже писал вам: ущерб, нанесенный нечестивыми чиновниками инквизиции на моей земле, так велик, что ни один разумный человек, услышав о них, не опечалился бы ”. [535] Когда орда алчных чиновников, облеченных фактической неприкосновенностью, нападала на незащитное население, такое насилие и грабежи были неизбежными инцидентами, и мотивом

этого была объяснена епископом Кордовы и всеми властями города в петиции к папе римскому жадностью инквизиторов к конфискациям, которые они обычно присваивали. [536]

Вероятно, в 1505 году, после смерти Изабеллы, 16 ноября 1504 года, жители Кордовы впервые осмелились пожаловаться Дезе. Он предложил прислать архидьякона Торквемаду, который вместе с представителями капитула и магистратами должен был провести беспристрастное расследование, но когда город принял это предложение, он отозвал его. Затем к нему была направлена депутация, состоящая из трех церковных сановников, с просьбой арестовать и привлечь к ответственности Лусеро. Он ответил, что если они оформят обвинения в законной форме, он будет действовать так, как лучше всего подходит для служения Богу, и, при необходимости, назначит судей, против которых они не смогут возражать. [537] Это было явное уклонение от ответственности, поскольку доказательства были заверены печатью инквизиции, и только Деза могла приказать провести расследование. Очевидно, понимая, что взывать к Фердинанду, которому Кальчена заткнула уши, бесполезно, они обратились к дочери и преемнице Изабеллы, королеве Хуане, находившейся тогда во Фландрии со своим мужем Филиппом Австрийским. Филипп стремился осуществить акт о суверенитете в королевстве, которым Фердинанд управлял от имени своей дочери, и 30 сентября 1505 года Дезе была адресована седула с подписями Филиппа и Хуаны, в которой утверждалось, что они желают присутствовать и участвовать в действиях инквизиции, а тем временем приостанавливают их до их приближающегося прибытия в Кастилию под страхом изгнания и временного ареста за неповиновение, в то же время протестуя, что их желанием было поддержать, а не навредить Святой Канцелярии. Хотя циркулярное письмо всем вельможам объявило об этой резолюции и повелело им привести ее в исполнение, на нее не обратили никакого внимания. Дон Диего де Гевара, посланник Филиппа, фактически написал ему в июне следующего года, что его действия произвели плохое впечатление, поскольку люди были враждебно настроены к конверсос и поговаривали о массовых убийствах, подобных той, что произошла в Лиссабоне. [538]

АРХИЕПИСКОП ТАЛАВЕРА

Следующим шагом противников Лусеро было отстранение Дезы от должности судьи и подача апелляции Святому Престолу, что привело к активному противостоянию в Риме между Фердинандом и его зятем. В письме первого от 22 апреля 1506 года Хуану де Лоайсе, агенту инквизиции в Риме, эта попытка описывалась как дерзкая и непристойная попытка уничтожить инквизицию, которая была более необходима, чем когда-либо. Лоайсе сказали, что он не может оказать большей услуги Богу и королю, чем победив его; были даны подробные инструкции относительно влияния, которое он должен оказать, и ему напомнили, что Священное Писание разрешает использовать хитрость для выполнения работы Бога. Крайняя тревога, выраженная в письме, указывает на то, что речь шла о гораздо большем, чем просто защита Лусеро и Дезы; он боролся с Филиппом и Хуаной, и на кону стояла корона Кастилии. С другой стороны, Филипп, несомненно, завоеванный золотом Конверсос, честно поддерживал их дело и прилагал все усилия, чтобы добиться для них благоприятного решения от папы. Его посол Филиберт Утрехтский, датированный 28 июня, сообщил, что он убеждал Юлия II не отклонять апелляцию Маррано, но политичный понтифик ответил, что он должен отложить свое решение до встречи Фердинанда и Филиппа. [539]

Не обращая внимания на завывания надвигающейся бури, примерно в это время Лусеро увидел в смерти Изабеллы шанс нанести удар по более высокой цели, чем он до сих пор осмеливался предполагать. Херонимит Эрнандо де Талавера завоевал ее искреннее почитание как своего духовника, и после завоевания Гранады в 1492 году она сделала его архиепископом основанной там провинции. В его крови была еврейская жилка, как и во многих испанских семьях; ему было за восемьдесят, его почитали как образец всех христианских добродетелей, и он безжалостно посвятил себя благополучию своей паствы, тратя свои доходы на благотворительность и стремясь убеждением и примером привлечь к вере своих мавританских подданных. И все же у него не было без врагов, поскольку он был активным участником возвращения Фердинандом и Изабеллой в 1480 году королевских доходов в размере тридцати миллионов мараведи, выделенных Генрихом IV для того, чтобы купить покорность мятежной знати, и, хотя прошло четверть века, говорят, что пробужденный таким образом мстительный дух все еще стремился погубить его. [540]

Какими бы ни были мотивы Лусеро, инквизиторские методы предоставляли широкие возможности для их осуществления. Он выбрал женщину, которую пытал по обвинению в том, что она еврейская пророчица и содержала синагогу в своем доме. Он пригрозил ей дальнейшими пытками, если она не засвидетельствует то, что она видела в комнате во дворце Талаверы, и на ее ответ, что она не знает, он сообщил ей, что было проведено собрание, разделенное на три класса; в первом был архиепископ с епископами Альмерии, Хаэна и другими; во втором - декан и провизор Гранады, казначей, алькаиды и другие официальные лица; в третьем - пророчицы, сестра и племянницы Талаверы, донья Мария де Пеньялоса и другие. Они согласились путешествовать по королевству, проповедуя и пророчествуя о пришествии Илии и Мессии, совместно с пророками, которые были в доме Фернана Альвареса из Толедо, где их увенчали золотыми коронами. [541] Все это было должным образом подтверждено свидетельницей под присягой, как продиктовал ей налоговый инспектор, и легло в основу судебного преследования Талаверы и его семьи, несомненно, подкрепленного многочисленными подтверждающими доказательствами, которые легко получить таким же образом. Появление имени епископа Хаэна наводит на мысль о дальнейшей политической интриге; им был Альфонсо Суарес де Фуэнтельсас, бывший коллега Дезы на посту генерального инквизитора и, без сомнения, известный своими склонностями к фламандской партии, поскольку впоследствии он принял от Филиппа пост председателя Королевского совета.

ФИЛИПП И ХУАНА

Непроницаемая секретность была одним из самых заветных принципов инквизиционной процедуры, но Лусеро, вероятно, хотел подготовить общественность к надвигающемуся удару, и по этому поводу начали распространяться слухи. Петр Мученик Ангиерский, который был прикреплен к королевскому двору, написал 3 января 1506 года графу Тендилья, губернатору Гранады, что Лусеро с помощью свидетелей под пытками удалось обвинить архиепископа и всю его семью в иудаизме; поскольку не было никого более святого, чем Талавера, ему было трудно поверить, что кто-то мог сфабриковать такое обвинение. [542] Нападение началось с ареста самым публичным и оскорбительным образом племянника Талаверы, декана и должностных лиц его церкви, во время богослужения и в его присутствии, очевидно, с целью его дискредитации. Последовал арест его сестры, племянниц и слуг, и мы можем легко представить, какими средствами даже его родственники были вынуждены давать показания, изобличающие его, как мы узнаем из письма Фердинанда от 9 июня 1506 года своему послу в

Риме Франсиско де Рохасу, в котором он говорит, что показания против Талаверы дают его сестры, родственники и слуги. [543] Однако, прежде чем он мог быть арестован и привлечен к ответственности, требовалось специальное разрешение Святого Престола, поскольку, согласно указу Бонифация VIII, инквизиторы не имели прямой юрисдикции над епископами. Для этого было необходимо вмешательство Фердинанда, и после некоторых колебаний он согласился подать заявление. Улики, данные семьей Талаверы, были отправлены в Рим; Франсиско де Рохас добился привлечения папской комиссии к суду над ним и направил ее 3 июня 1506 года. [544]

Однако еще до того, как письмо было отправлено, позиция Фердинанда изменилась с прибытием в Испанию его дочери Хуаны, ныне королевы Кастилии, и ее мужа Филиппа Австрийского. Стремясь свергнуть железное правление Фердинанда и завоевать расположение новых монархов, большинство дворян устремились к ним, а вместе с ними и к Конверсос, которые надеялись добиться изменения строгости инквизиции. Они были возбуждены страданиями своих братьев в Кордове, чье дело было их собственным, и они становились элементом, которым нельзя пренебрегать в политической ситуации; они уже добились слушания в Римской курии, всегда готовой, как мы увидим ниже, приветствовать апеллянтов деньгами и пожертвовать ими после получения оплаты; они получили от Юлия II поручения о передаче инквизиции некоторых дел — поручения, которые Фердинанд неоднократно просил папу отозвать, и, несомненно, с успехом, поскольку они не фигурируют в ходе событий они даже обратились к самому Фердинанду, находясь в Вальядолиде, с предложением ста тысяч дукатов, если он приостановит расследование до прибытия Хуаны и Филиппа. Это предложение, говорит он в письме Рохасу от 9 июня 1506 года, он отверг, но мы, возможно, можем усомниться в его бескорыстии, когда он добавляет, что, поскольку Филипп высадился на берег и не знаком с испанскими делами, он тайно приказал Дезе приостановить деятельность всех трибуналов — мотивом чего, очевидно, было создание уверенности, что Филипп несет за это ответственность. Что касается Талаверы, добавляет он, поскольку это сильно шокировало бы новообращенных Гранады, если бы они подумали, что в нем, которого они считали таким хорошим христианином, были ошибки веры, он решил пока оставить этот вопрос в покое и впоследствии пришлет инструкции. [545] Он, очевидно, не верил в сфабрикованные доказательства Лусеро, и этот факт следует иметь в виду, когда мы рассматриваем его отношение к окончательному развитию дела. Это сообщение, конечно, дошло до Рохаса слишком поздно, чтобы предотвратить создание комиссии для суда над Талаверой, но оно объясняет, почему этот документ был изъят, когда он прибыл. Деза отрицал, что получал его; оно исчезло, и Талавера в своем письме Фердинанду от 23 января 1507 года выражает большое беспокойство по поводу того, что с ним стало, очевидно, опасаясь, что оно будет найдено в нужный момент.

ИНКВИЗИЦИЯ ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ

По соглашению Вильяфафилы от 27 июня 1506 года Фердинанд обязался передать Кастилию Филиппу и Хуане; он отбыл в Арагон и занялся подготовкой к путешествию в Неаполь, куда отплыл 4 сентября. Филипп взял на себя управление страной и избавился от своей жены, заперев ее как непригодную для участия в заботах королевской семьи. Он был склонен к блестящим аргументам Конверсос и, несомненно, не забыл презрения, с которым отнеслись к его прошлогоднему приказу о приостановлении инквизиции. Поэтому он, естественно, не спешил восстанавливать его функции. Секретарь Фердинанда Алмазан пишет Рохасу от 1 июля, что король и вельможи заключили Хуану в тюрьму и никому не разрешают ее видеть; он тщетно

пытался уговорить нескольких прелатов отнести письма от нее ее отцу, но никто не отваживается этого сделать; вельможи сделали это, чтобы разделить между собой королевскую власть, конверсос - чтобы освободиться от инквизиции, которая сейчас вымерла. [546]

Жители Кордовы поспешили воспользоваться ситуацией. Они направили мощное обращение Филиппу и Хуане, заявив, что их предыдущие жалобы были пресечены благодаря влиянию Дезы, и обвинив Лусеро в самых произвольных беззакониях. [547] Они просили, чтобы все чиновники инквизиции в Кордове и Торо были отстранены от должности и все дело было передано епископу Леона. Филипп передал дело мэру комендатора Гарсиласо де ла Вега и Андреа ди Борго, послу Максимилиана I, двум мирянам, что, как нам сказали, вызвало большой скандал среди всех церковников. [548] Конверсос торжествовали победу, и инквизиция полностью потерпела поражение. Верховный суд, включая самого Дезу, поспешил снять с себя всякую ответственность за злодеяния Лусеро в письме, адресованном капитулу Кордовы, в котором говорилось, что выдвинутые против него обвинения кажутся невероятными, поскольку даже разбойники с большой дороги, грабя своих жертв, щадят их жизни, в то время как здесь было отнято не только имущество, но и жизни жертв, а также честь их потомков до десятого поколения. Но после того, как я выслушал рассказ Мастера Торо, сомнений больше быть не могло, и терпеть это означало бы одобрять его. Поэтому капитулу было поручено продолжать предотвращать эти беззакония, и их величествам будет предложено применить средство правовой защиты и наказать их авторов. [549] Примененное средство правовой защиты состояло в том, чтобы заставить Дезу безвозвратно передать Диего Рамиресу де Гусману, епископу Катании и члену Государственного совета, полномочия по замене Лусеро и пересмотру его действий, что было подтверждено папским приказом, передающим в руки Гусмана все бумаги и заключенных в Кордове, Торо и Вальядолиде. [550] Лусеро попытался предотвратить это, сожгв всех своих пленников, чтобы убрать их с дороги, но после того, как было объявлено об аутодафе, от монархов поступили приказы, которые, к счастью, предотвратили холокост. [551]

Облегчение страдальцев казалось гарантированным, но ситуация радикально изменилась после внезапной смерти Филиппа 25 сентября 1506 года, поскольку, хотя Хуана номинально считалась королевой, она не пользовалась никакой властью. Деза немедленно отозвал поручение Гусмана, которое, по-видимому, не было получено папским подтверждением; он завладел заключенными в Торо и послал архидьякона Торквемады в Кордову сделать то же самое, но Франсиско Осорио, представитель Гусмана, отказался подчиниться. Жители Кордовы были в отчаянии. Напрасно они посылали делегации в Дезу и просили королеву спасти их. Деза была непоколебима, и королева отказалась действовать в этом, как и во всем остальном. Орден, каждый член которого был Старым христианином, гордившимся своей *лимпьезой*, собрался 16 октября, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Некоторые из самых выдающихся сановников Церкви уже были арестованы Лусеро, и он обращался с ними как с еврейскими собаками; он утверждал, что все остальные, а также большинство знати и джентльменов города и других мест, были отступниками, которые превратили свои дома в синагоги; ввиду надвигающейся опасности было единодушно решено защищаться, в то время как граждане в целом заявили, что скорее пожертвуют жизнью и имуществом, чем будут и дальше подчиняться такой невыносимой тирании. [552]

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВОЗОБНОВИЛОСЬ

Если падение королевской власти позволило Дезе вернуть Лусеро к власти, это также дало возможность для насильственного сопротивления. Гранды Кастилии стремились восстановить независимость, которой пользовались при Генрихе IV, и состояние анархии быстро приближалось. Два знатных вельможи Кордовы, граф Кабра, сеньор Баэны, и маркиз Приего, сеньор Агилар и племянник Великого Капитана, были не прочь прислушаться к мольбам горожан, тем более что маркиз был вызван Лусеро для предания суду. Были проведены собрания, на которых официальные обвинения в адрес Лусеро и его покровителя фискала Хуана де Арриолы были предъявлены падре Фраю Франсиско де Куэста, коменданту монастыря ла Мерсед, который, похоже, взял на себя руководство движением. Он вынес приговор, приказав арестовать Лусеро и фискала, а их имущество конфисковать. Под предводительством Кабры и Приего горожане поднялись, чтобы исполнить решение суда. 9 ноября они ворвались в Алькасар, где заседала инквизиция, схватили фискала и нескольких подчиненных и освободили заключенных, чьи рассказы о совершенных преступлениях еще больше возбудили народное негодование, но крови не пролилось, и Лусеро спасся бегством. [553] Все судебное разбирательство, по-видимому, проходило организовано: была назначена комиссия из духовенства и мирян, которой родственники и друзья заключенных заверили, что они предстанут перед судом, как только в стране появится король для отправления правосудия. Это обязательство было должным образом выполнено, и их временное освобождение под залог было оправдано тем, что многие из них провели в заключении шесть или семь лет и что всем им грозила голодная смерть, поскольку у них не было ни гроша, их имущество было конфисковано, а Деза приказал распорядителю конфискаций не обеспечивать их. [554]

Когда известие об этом восстании дошло до Дезы, он незамедлительно, 18 ноября, поручил своему племяннику Педро Хуаресу де Деза, избранному архиепископом Индии, привлечь к ответственности и наказать всех, кого это касалось, в то время как по его приказу трибунал Толедо перехватил и бросил в тюрьму доктора Алонсо де Торо, посланного городом для представления своего дела королеве. Другие посланники, однако, несли инструкции просить об отстранении Дезы и судебном преследовании Лусеро и его должностных лиц, а также намек на то, что были предприняты шаги по созыву всех городов Андалусии и Кастилии для выработки мер защиты от невыносимой тирании инквизиции. [555] От этого плана, похоже, отказались, но в начале января 1507 года епископ Кордовы Хуан де Даса совместно с духовными и светскими властями направил папе торжественное обращение с просьбой назначить архиепископа Хименеса и епископа Катании или Малаги, наделенных всеми полномочиями для расследования и принятия мер, и 10 января они сопроводили его петицией к Фердинанду, который все еще находился в Неаполе, поддержать их просьбу к папе. [556] Деза, однако, продолжал пользоваться непоколебимой поддержкой Фердинанда, и результатом стали быстрые и бескомпромиссные действия Юлия II. Он написал Дезе, что евреи, притворяющиеся христианами, которые осмелились восстать против инквизиции, должны быть истреблены с корнем; необходимо приложить все усилия, чтобы подавить эту чуму до того, как она распространится, выследить всех, кто участвовал в ней, и применить предельную суровость в наказании их, без права обжалования, за их преступления. [557]

Воодушевленный таким образом, Лусеро возобновил свою деятельность, и освобожденные заключенные были переданы ему. Питер Мартир пишет из зала суда архиепископу Талавере 7 марта 1507 года, что его сестра и племянник, декан Гранады Франсиско Эррера, который, несомненно, был освобожден во время восстания 9 ноября, были брошены в тюрьму в Кордове. Более того, сам Талавера предстал перед судом папского нунция Джованни Руффо и заседателей, должным образом уполномоченных папой, показав, что сомнения Фердинанда относительно того, чтобы шокировать народ Гранады, исчезли в яростной решимости оправдать Лусеро и что пропавшая папская записка была должным образом найдена. Питер Мученик описывает свои искренние усилия убедить судей в святой жизни и незапятнанном характере Талаверы, на что они ответили, что все это может быть правдой, но их делом было выяснить тайны его сердца. [558] Однако к тому времени, когда доказательства были отправлены в Рим, его осуждение уже не было желательным; показания были признаны бесполезными, и Паскуаль де ла Фуэнте, епископ Бургоса, присутствовавший в курии, был серьезным свидетелем в его пользу. [559] Папский приговор был оправдательным, и это, очевидно, повлекло за собой оправдание его сородичей - но это произошло слишком поздно. 21 мая Питер Мученик с ликованием пишет ему, что декан, его сестра с матерью и остальные ни в чем не повинные домочадцы были освобождены, но он уже обратился в вышестоящий суд. В день Вознесения Господня (13 мая) он шел с непокрытой головой и босиком в процессии по улицам Гранады, когда началась сильная лихорадка, унесшая его на следующий день. Он не накопил никаких сокровищ, потратив все свои доходы на бедных; он не оставил ничего для своей семьи, и епископ Малаги милосердно подарил его сестре дом в Гранаде, чтобы обеспечить ее старость. О его репутации святости свидетельствуют сообщения, которые сразу же были распространены, и всеобщее доверие к чудесам, совершенным им при исцелении больных. [560]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ

Реакция в пользу инквизиции, возглавляемой Фердинандом и Юлием II, очевидно, была недолгой, поскольку политическая ситуация определяла все, и король и папа сочли целесообразным уступить. Хуана уединялась с трупом своего мужа и отказывалась управлять страной. Соперничающие группировки двух дедов Карла V, Максимилиана I и Фердинанда, каждый из которых стремился к регентству во время своего несовершеннолетия, оба желали поддержки конверсос, и, таким образом, вопрос о кордовских узниках приобрел национальное значение, поскольку все стороны встали на его сторону. Хименес, герцог Альва и констебль Кастилии, главы партии Фердинанда, провели совещание в Кавии и выслушали жалобы на Дезу, для чего пообещали найти средство правовой защиты. Друзья заключенных, однако, казались более склонными к фракции Максимилиана; они предлагали деньги, чтобы покрыть расходы на войска, которые должны были быть отправлены в Испанию для сопротивления возвращению Фердинанда, и в настоящее время ходили слухи, что во фламандском порту собралось четыре тысячи человек, готовых к отправке. Нелегко проникнуть в тайные интриги, кульминацией которых стало соглашение, передавшее регентство Фердинанду, но Хименес, представлявший его интересы, со своим обычным мастерством воспользовался ситуацией для реализации собственных амбиций, которые заключались в получении кардинальской шапки и должности Дезы в качестве генерального инквизитора. [561] В отношении первого из них Фердинанд подал прошение еще 8 ноября 1505 года и повторил прошение 30 октября 1506 года; оно было

удовлетворено в тайной консистории 4 января 1507 года и опубликовано 17 мая. [562] Для последнего жалобы Конверсос имели серьезные основания; мы видели, что Кордова обратилась к папе с просьбой назначить Хименеса своим судьей, и его назначение помогло бы умиротворить беспорядки. Фердинанд, наконец, осознал, что жертва Дезы была неизбежна, и путь для него был облегчен, поскольку ему разрешили уйти в отставку. 18 мая Фердинанд пишет Хименесу из Неаполя, что он получил отставку Дезы и предпринял необходимые шаги, чтобы обеспечить ему преемственность; у него есть две просьбы — чтобы он поощрял набожность и религиозность, назначая только лучших людей, и чтобы он проявлял максимальную осторожность, чтобы ничто не могло порочить достоинство Дезы. [563] Назначение генеральным инквизитором было должным образом оформлено 5 июня 1507 года.

ЖЕРТВЫ ЛУСЕРО ОСВОБОЖДЕНЫ

Ненависть, возбужденная Лусеро, была слишком широко распространена, а друзья заключенных были слишком могущественны, чтобы удовлетвориться простой заменой Дезы Хименесом, и, очевидно, все понимали, что дело нельзя закрывать. Уже 1 мая Питер Мартир пишет, что, как сообщается, заключенные свидетели, подкупленные Лусеро, должны быть освобождены и что он понесет должное наказание за свои беспрецедентные преступления. [564] Какое-то такое обещание, вероятно, было необходимо для умиротворения страны, но задержка с его выполнением важна для защиты источника правосудия. Сначала оно приняло форму иска, поданного капитулом и городом Кордова к папе римскому, обвиняя Лусеро в том зле, которое он совершил, подкупив одних свидетелей и принудив других к свидетельствованию о том, что истцы были еретиками. Юлий II поручил брату Франсиско де Майорге в качестве апостольского судьи рассмотреть это дело, и 17 октября 1507 года он постановил заключить Лусеро в тюрьму и призвать к ответу по закону. Однако больше ничего сделано не было, и нетерпеливые горожане обратились к королеве Хуане с просьбой прислать кого-нибудь, чтобы узнать об этом лично и доложить ей. [565] Действия апостольского судьи, по-видимому, рассматривались как простая формальность; прошли месяцы, и только 18 мая 1508 года Верховный суд принял независимое решение по этому делу, когда Хименес и его коллеги, за исключением Агирре, все проголосовали за арест Лусеро. [566] Питер Мартир не раз намекал, что ряд членов Suprema подозревались в соучастии с Лусеро, и заверяет нас, что Совет действовал не без тщательного расследования многочисленных свидетелей и нескончаемой массы документов, раскрывающих невероятное скопление невозможных и фантастических обвинений, направленных на то, чтобы навлечь позор на всю Испанию. [567]

По-видимому, это был первый случай, когда инквизитор был публично привлечен к суду за должностное правонарушение, и появилась возможность придать зрелищу торжественный вид, соответствующий не только национальным интересам, ощущаемым в этом деле, но и возвеличить должность обвиняемого за счет масштаба механизма, используемого для разбирательства с ним. Лусеро был доставлен в цепях в Бургос, где находилась резиденция двора, и заключен в замке под строгой охраной. Хименес собрал *Католическую конгрегацию*, состоящую, помимо него, из двадцати одного члена, включая значительную часть Королевского совета, генерального инквизитора Арагона и других инквизиторов, нескольких епископов и различных других высокопоставленных лиц - короче говоря, впечатляющее представление о благочестии и учености страны. [568] После многочисленных заседаний под председательством Хименеса приговор был вынесен 9 июля 1508 года и опубликован 1 августа в Вальядолиде, куда удалился суд, в присутствии Фердинанда и его магнатов и большого

стечения народа, собравшегося, чтобы придать торжественности этому восстановлению чести Кастилии и Андалусии, которые были так глубоко скомпрометированы притворные откровения, вымогаемые Лусеро. Этот веский вердикт гласил, что нет никаких оснований для утверждения о существовании синагог, произнесения проповедей и собраний миссионеров иудаизма или для судебного преследования обвиняемых. Свидетели — или, скорее, заключенные — были освобождены, и все, что касалось этих вымышленных преступлений, было приказано вычеркнуть из протоколов. Чтобы завершить восстановление памяти жертв, Фердинанд приказал восстановить дома, которые были снесены в соответствии с положениями канонического права, требующими уничтожения ереси. [569] Подразумевается, что оправдательный приговор заключенных осудил Лусеро, но все это было лишь предварительным этапом перед судом над ним.

РЕАКЦИЯ—ПОБЕГ ЛУСЕРО

Фердинанда вынудили; он был вынужден уступить общественному мнению, но его решимость была непреклонна и, насколько это было возможно, свести на нет результаты, достигнутые Хименесом. В октябре он посетил Кордову, где вознаградил некоторых должностных лиц трибунала грантами из конфискованного имущества, которое должно было быть восстановлено после отмены судебного разбирательства. Это правда, что судья по конфискациям Лиценциадо Симанкас был отстранен от должности, но в ноябре 1509 года ему было приказано возобновить свои функции и действовать так, как он делал раньше. Нам случайно стало известно, что в 1513 году дом несчастного Бахильера Мембрека все еще находился во владении инквизиции. Не было никакого облегчения для тех, кто пострадал. Когда новый инквизитор Диего Лопес де Кортегано, архидьякон Севильи, отменил приговор Лусеро в отношении Лиценциадо Даса, который был подвергнут епитимье, а его имущество конфисковано, покупатели, купившие его, пожаловались Фердинанду, и он выразил свой гнев, немедленно уволив инквизитора и приказав отправить все бумаги по делу в Верховный суд для рассмотрения и принятия мер. Образовавшуюся таким образом вакансию было нелегко заполнить, поскольку, когда в сентябре 1509 года Фердинанд предложил это место Алонсо де Мариане, тот отказался, сказав, что это убьет его, но он согласился возглавить трибунал Толедо, и только в феврале 1510 года лиценциадо Мондрагон был переведен из Вальядолида на место Кортегано. На самом деле, интересы, вовлеченные в конфискации, были слишком многочисленны и слишком могущественны, чтобы жертвы могли добиться справедливости. Мартин Алонсо Кончина был приговорен Лусеро к примирению и конфискации; когда давление было прекращено, он отозвал свое признание как полученное путем угроз и страха, после чего конфискованное имущество было помещено под арест в ожидании результата. К несчастью для него, один из предметов - арендная плата за землю в размере 9000 долларов. в апреле 1506 года беспринципному секретарю Кальчене был дан год, в результате чего один из новых инквизиторов, Андрес Санчес де Торквемада, быстро арестовал Кончину, снова судил его, признал виновным и приговорил к пожизненному заключению, так что конфискация осталась в силе, а арендная плата за землю со всей задолженностью была подтверждена Кальчене королевской седулой от 23 декабря 1509 года. Похоже, что ординарий епископальной церкви Франсиско де Симанкас, архидьякон Кордовы, все еще препятствовал такой реакции, поскольку в феврале 1510 года Фердинанд написал епископу, что, не сообщая о том, что приказ исходит от короля, он должен быть заменен кем-нибудь, ревностно служащим правосудию, и

месяц спустя это приказание было безапелляционно повторено. Это правда, что экстравагантной жестокости Лусеро вряд ли стоило опасаться, но с восстановлением трибунала под такой эгидой жители Кордовы не могли надеяться на правосудие, смягченное милосердием, и о его продуктивной деятельности свидетельствуют большие наброски, сделанные в 1510 году на его распорядителе конфискаций. Мы можем предположить, что Хименес отнесся к этому с неодобрением, поскольку в письме Фердинанду после его возвращения из экспедиции в Оран в 1509 году он умоляет сохранить решение Конгрегации, поскольку он никогда его не нарушал и не намерен этого делать. [570]

Что касается автора этого злодеяния, самого Лусеро, то он был отправлен в цепях в Бургос вместе с некоторыми своими сообщниками. Хименес, как генеральный инквизитор, имел полную власть, как мы видели, увольнять и наказывать их, но по какой-то оккультной причине была запрошена папская комиссия для их суда. Это вызвало задержку, которая вызвала недовольство Фердинанда, поскольку 30 сентября 1509 года он написал своему послу, жалуясь, что это доставляет большие неудобства, и приказав ему убедить папу издать его немедленно, чтобы его можно было отправить с первым курьером. [571] Когда это пришло, это уполномочило Верховную судью рассматривать это дело, и Фердинанд, который горячо поддерживал дело Лусеро, недвусмысленно выразил свои чувства в письме от 7 апреля 1510 года: “заключенные говорят, что они долго находились в тюрьме, а те, кто донес на них, уехали в Португалию или другие части, а другие были сожжены или подвергнуты епитимье как еретики, ясно показывая, что они дали ложные показания, и они умоляют меня обеспечить, чтобы их суд был инквизиторским, а не обвинительным процессом, чтобы они не подверглись большому позору, чем до сих пор из—за мертвых или лжесвидетелей, тем более что закон предусматривает, что судебный процесс должен быть кратким и направлен только на установление истины. Я испытываю огромное сострадание к их долгому заключению и страданиям, поэтому я прошу и поручаю вам хорошенько разобраться в этом деле и отнестись к нему добросовестно и прилежно для его скорейшего завершения, чем я буду очень доволен”. [572]

МЕТОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на такую срочность, судебный процесс затянулся, большая задержка была вызвана трудностями с поиском адвоката, готового взять на себя защиту Лусеро. Верховный избрал Башиллера де ла Торре, но он отказался служить, и Фердинанд 16 мая выразил опасение, что никто не возьмет на себя эту обязанность. 19 июля он пишет, что Лусеро жалуется на то, что у него по-прежнему нет адвоката, и предлагает, если никому из адвокатов королевского суда нельзя доверять, вызвать доктора Хуана де Ордуны из Вальядолида и оплатить его гонорары инквизицией. Предложение было принято, и 20 августа Фердинанд лично написал Ордуны, приказав ему взять на себя ответственность за защиту и проследить, чтобы Лусеро не пострадал, и в то же время он написал в Университет Вальядолида, чтобы предоставить Ордуны необходимый отпуск. Под этим королевским давлением и учитывая, что враждебно настроенные свидетели были в значительной степени сожжены или напуганы до бегства, возможно, весьма похвально для Suprema, что она рискнула уволить Лусеро, не подвергая его дальнейшему наказанию. Он удалился в севильское каноническое общество, которое приобрел после разорения архидьякона Кастро, и там мирно окончил свои дни. В 1514 году Фердинанд выразил свое неумещающее сочувствие подарком в размере 15 000 фунтов стерлингов. Хуану Карраско, бывшему *портеро* Кордовского трибунала, возместить ему убытки и страдания, которые, по его утверждению, он перенес во время восстания 1506 года. [573]

Однако, прежде чем мы окончательно осудим его за участие в этом гнусном бизнесе, мы должны принять во внимание влияние сообщницы Лусеро, его секретарши Кальчены, которая всегда была под рукой, чтобы отравлять его разум и составлять его письма. К той же пагубной одержимости, несомненно, можно отнести и приказ Карла V от 1519 года, требующий от властей Кордовы предоставить первую вакантную должность писца Диего Марино, который был нотариусом Лусеро. [574]

То, что Лусеро был исключительным монстром, вполне допустимо, но когда подобное злодеяние могло безопасно совершаться годами и быть раскрыто и прекращено только благодаря случайному вмешательству Филиппа и Хуаны, можно с уверенностью предположить, что соблазны секретности и безответственности сделали ужасные злоупотребления если не повсеместными, то, по крайней мере, частыми. Краткое правление Филиппа побудило другие сильно раздосадованные общины обратиться к монархам за помощью, и некоторые из их памятников сохранились. Один из Хаэнов рассказывает, что трибунал этого города добыл у Лусеро полезного свидетеля, которого он в течение пяти лет держал в тюрьме Кордовы, чтобы тот поклялся в том, что от него хотели. Его звали Диего де Альхесирас, и, если верить заявителям, он был не только лжесвидетелем, но и пьяницей, игроком, фальшивомонетчиком и скупщиком монет. Этот достойный человек был доставлен в Хаэн и выполнял свои обязанности настолько успешно, что самые богатые конверсос вскоре были заключены в тюрьму. Двести негодяев толпились в грязной тюрьме, и было необходимо запретить остальным конверсос покидать город без лицензии. С помощью Диего и свободным применением пыток как к обвиняемым, так и к свидетелям, было нетрудно получить любые желаемые доказательства. Нотариус трибунала Антонио де Барсена особенно преуспел в этом. Однажды он запер пятнадцатилетнюю девочку в комнате, раздел ее догола и бичевал до тех пор, пока она не согласилась дать показания против своей матери. Заключенного доставили в кресле на аутодафе с обгоревшими до костей ногами; он и его жена были сожжены заживо, а затем двое из их рабов были заключены в тюрьму и вынуждены дать такие показания, которые были необходимы для оправдания казни. Камеры, в которых несчастные были заключены в тяжелые цепи, были узкими, темными, влажными, грязными и кишели паразитами, в то время как их конфискованное имущество было растрчено чиновниками, так что они чуть не умерли с голоду в тюрьме, в то время как их беспомощные дети голодали снаружи. Допуская, что в этом может быть преувеличение, твердая основа истины очевидна из того факта, что заявители просили лишь о том, чтобы трибунал был передан под контроль епископа Хаэна — этим епископом был Альфонсо Суарес де Фуэнтельсас, один из инквизиторов Торквемады, который стал коллегой Дезы. Он не был милосердным судьей, о чем свидетельствуют многие его приговоры, и все же несчастные конверсос из Хаэна были готовы обратиться к нему за помощью. [575]

МЕТОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Мемориал из Арьоны, крупного города недалеко от Хаэна, иллюстрирует другой аспект темы. В нем рассказывается, что некий Альваро де Эскалера из того места вступил в сговор с другими злыми людьми, чтобы сообщить инквизиторам Хаэна о том, что в Арьоне много еретиков, чтобы, когда придет время распродавать конфискованное имущество, они могли купить его по дешевке. В назначенное время явился инквизитор с нотариусом Барсеной. Никакого Срока Отсрочки дано не было, но был опубликован Эдикт веры, пугавший жителей своими грозами,

если они не свидетельствовали против своих соседей. Затем доминиканец произнес пламенную проповедь о том, что все конверсос на самом деле евреи, уничтожить которых - долг христиан. Затем инквизиторы послали за рабами Конверсос, пообещав им свободу, если они дадут показания против своих хозяев, и заверив их в сохранении тайны. Нотариус, за которым последовал Эскалера и его друзья, объехал город, объявив, что на всех, кто не выступит со свидетельскими показаниями, налагается штраф в размере десяти реалов, и взыскание штрафа с некоторых оказало оживляющее влияние на память других. Затем был проведен квартирный опрос в поисках улик; женщинам сказали, что невозможно, чтобы они не знали о еврейских наклонностях своих соседей; они могли давать какие угодно показания, поскольку их имена не разглашались; они не были обязаны доказывать это, поскольку обвиняемый должен был опровергнуть это. Тем, кто отказывался говорить, угрожали, что их отвезут в Хаэн и заставят обвинять своих соседей, и, фактически, некоторых схватили и заставили давать показания в тюрьме. Затем инквизиторы удалились с накопленными свидетельскими показаниями; в Арьоне на три месяца воцарился мир, и конверсос оправались от пережитого страха. Внезапно однажды ночью прибыли нотариус, управляющий и несколько чиновников; они тихонько разбудили регидоров и алькальдов и заставили их собрать отряд вооруженных людей, которые были расставлены для охраны стен и ворот. Когда наступило утро, началась работа по аресту подозреваемых; их имущество было конфисковано, их дома заперты, а их детей выгнали на улицу, в то время как чиновники увели своих заключенных, которых бросили в и без того переполненную тюрьму Хаэн. Конфискованные вещи были проданы с аукциона, и те, кто планировал налет, имели широкие возможности для заключения выгодных сделок. [576]

Другие методы подробно описаны в меморандуме из Льерены, резиденции одного из старейших трибуналов, юрисдикция которого распространяется на Эстремадуру. В нем говорилось, что в течение многих лет инквизиции там практически нечего было делать, пока не пришел новый судья, Лиценциадо Браво. Он был уроженцем Фрегеналя, провинциального городка, где у него были ожесточенные судебные тяжбы и активная вражда; он прошел двухмесячную подготовку под руководством Лусеро в Кордове и пришел вооруженный достаточным количеством собранных там доказательств. По прибытии, не дожидаясь формальностей или дальнейших показаний, он произвел большое количество арестов и был отправлен в Бадахос, где захватил еще сорок и доставилих в Льерену. В основном это были богатые люди, чьи состояния были привлекательными объектами для грабежа, и Браво позаботился о своих сородичах, назначив их на должности, на которых они могли присвоить большую часть конфискованного имущества. Обращение с заключенными было самым жестоким, и когда его коллега, инквизитор Вилларт, который не был полностью лишен сострадания, был подслушан, как он упрекал его и говорил, что смерть пленников ляжет на их души, Браво велел ему помалкивать, ибо тот, кто поместил его туда, желал, чтобы все они умерли один за другим. Заявители были вполне готовы предстать перед севильским трибуналом или иметь судей, которые наказали бы виновных и освободили невиновных, но они искренне умоляли Страстями Христовыми не оставлять их на милость генерального инквизитора Дезы. По их словам, ему были отданы приказы в какой-то степени смягчить страдания народа Хаэна, которые он подавил и заменил инструкциями по отправлению правосудия. Что это означало, мы можем понять из последнего отчаянного обращения друзей узников Хаэна к королеве Хуане; по их словам, была собрана хунта юристов, строился эшафот огромных размеров; их единственная надежда была на нее, и они умоляли ее распорядиться, чтобы аутодафе не проводилось до тех пор, пока беспристрастные лица не установят правду относительно несчастных пленников.

[577] Хуана была не в состоянии ответить на эту мучительную молитву, и мы можем с уверенностью предположить, что жадность и жестокость поглотили своих жертв. Эти краткие сведения о методах трибуналов проясняют заявления капитана Аворы относительно опустошения, которое инквизиция распространила по стране.

Казалось бы, эти ужасные злоупотребления вызывали общее чувство враждебности к учреждению и его должностным лицам, поскольку Фердинанд счел необходимым издать прокламацию от 19 января 1510 года, призывающую всех должностных лиц, джентльменов и добропорядочных граждан предоставлять инквизиторам и их подчиненным жилье и припасы по текущим ценам и не подвергать их жестокому обращению или нападению под страхом штрафа в 50 000 мараведи и наказания по королевскому усмотрению. Месяц спустя, 22 февраля, мы находим его в письме констеблю Кастилии о том, что инквизиторы должны посетить районы Бургос и Калахорра, и он просит констебля отдать приказ, чтобы им не препятствовали. Несколько похожие инструкции он дал в марте провизору и коррехидору Куэнки, когда инквизиторы Картахены готовились посетить эту часть своего округа, как будто это особое вмешательство королевской власти было необходимо для обеспечения их комфорта и безопасности при выполнении ими своих обычных обязанностей. Даже они иногда оказывались безрезультатными, как это было в 1515 году с инквизитором Парадиномасом из Картахены, который, проезжая на своем муле по улицам Мурсии, подвергся нападению, получил ножевое ранение и был бы убит, если бы не помощь, в то время как убийцы сбежали, получив от Фердинанда самые решительные приказы об их аресте и суде. [578]

ХИМЕНЕС ПЫТАЕТСЯ ПРОВЕСТИ РЕФОРМУ

Тем не менее, как бы грубо инквизиция ни была поколеблена, она слишком прочно укоренилась в убеждениях того периода и слишком энергично поддерживалась Фердинандом, чтобы подвергнуться либо уничтожению, либо существенному реформированию. Когда он умер 23 января 1516 года, его завещание, исполненное днем ранее, наложило строгие предписания на его внука и преемника Карла V: “Поскольку все другие добродетели ничто без веры, которой и в которой мы спасены, мы приказываем упомянутому прославленному принцу, нашему внуку, всегда быть ревностным в защите и возвышении католической веры, и чтобы он помогал, защищал и благоволил Церкви Божьей и трудился изо всех сил, чтобы уничтожить и искоренить ересь из наших королевств и владений, выбирая и назначая повсюду министров, Богобоязненный и с чистой совестью, который будет справедливо и должным образом проводить инквизицию для служения Богу и возвышения католической веры, и который также будет проявлять большое рвение к уничтожению секты Магомета”. [579]

С его смертью, во время отсутствия его преемника, правящая власть перешла в руки генерального инквизитора Хименеса. Из папского рапорта от 18 августа 1509 г., упомянутого выше (стр. 178), мы можем заключить, что он уже пытался провести частичную реформу, уволив некоторых из наиболее несносных инквизиторов, и теперь он использовал свою власть, чтобы нанести удар по тем, кто до сих пор был вне его досягаемости. Агирре был одним из них, а другим был наемник Кальчена, относительно которого он написал Карлу в декабре 1516 года, что необходимо, чтобы они в будущем не имели ничего общего с инквизицией ввиду их грязных выходов. Другим смещением, о котором нам случайно стало известно, было смещение Хуана Ортиса де Сарате, секретаря Верховного суда. Какими бы ни были недостатки непреклонного

Хименеса, денежная коррупция была ему отвратительна, и в течение короткого периода его господства в Кастилии мы можем быть уверены, что он не проявлял милосердия к тем, кто стремился превратить в деньги кровь конверсос. [580] Однако с его смертью произошло быстрое возвращение к старым дурным привычкам. Адриан Утрехтский, несмотря на благие намерения, был слабым и доверчивым. Когда его назначили генеральным инквизитором Арагона, он назначил Кальцену 12 февраля 1517 года секретарем этого Верховного суда, а после смерти Хименеса мы находим Кальцену исполняющим обязанности королевского секретаря объединенной инквизиции в 1518 году, должность, которую он делил с Уго де Уррисом, лордом Айербе, другим назначенцем Адриана, который долгое время сохранял эту должность при Карле V. Агирре выпала такая же удача, поскольку Адриан назначил его членом Верховного суда Арагона и возобновил свою работу в объединенной инквизиции. после смерти Хименеса. Его имя встречается в документах, подписанных еще в 1546 году, когда он, по-видимому, был старшим членом клуба. [581]

Предсмертное увещание Фердинанда своему внуку было необходимо. Карл V, семнадцатилетний юноша, был подобен глине в руках гончара, окруженный алчными фламандскими фаворитами, единственной целью которых, что касалось Испании, было продать свое влияние тому, кто больше заплатит. В течение периода, предшествовавшего его приходу, чтобы вступить во владение своими новыми владениями, он колебался в соответствии с давлением, которое на мгновение оказалось самым сильным. Испанцы, которые приходили к его двору, рассказывали страшные истории об инквизиции, которая, по их словам, разоряла Испанию, и нам говорят, что его советниками были в основном *Conversos*, получившие свои должности путем покупки. [582] В своем прологе к своему последующему неудачному проекту реформ Карл говорит, что, находясь во Фландрии, он получил много жалоб на инквизицию, которые он направил известным ученым, а также в колледжи и университеты, и его предлагаемые действия соответствовали их совету. [583] Хименес осознавал опасность, и, несомненно, по его побуждению Совет Кастилии написал Карлу, что мир в королевстве и поддержание его власти зависят от его поддержки инквизиции. [584] Более искусным маневром было то, что он воспользовался смертью 1 июня 1516 года епископа Меркадера, генерального инквизитора Арагона. Вероятно, ему было бы нетрудно воссоединить инквизиции двух корон под своим собственным руководством, но он избрал более политичный курс, убедив Карла назначить своим представителем своего старого наставника Адриана Утрехтского, находившегося в то время в Испании, и обеспечить ему наследование престола Меркадера в Тортосе. Карл охотно последовал совету; 30 июля он ответил, что в соответствии с ним он написал в Рим за поручением; 14 ноября папа Лев назначил Адриана генеральным инквизитором Арагона, и мы увидим позже, насколько полным было влияние, которое он оказывал на Карла в пользу Святой Канцелярии. [585]

ЖАЛОБЫ КОРТЕСОВ

Тем временем Чарльз продолжал колебаться. В свое время он предложил изгнать из своего двора всех лиц еврейской крови и отправил список имен в зашифрованном виде с инструкциями сообщить их генеалогии, на что Верховный жрец Арагона ответил 27 октября 1516 года частью информации, пообещав предоставить остальное и выразив большое удовлетворение его обещаниями помощи и поддержки во всем. [586] Затем прошел слух, что он предложил отменить сокрытие имен свидетелей, что было одним из главных злодеяний инквизиционной процедуры. Для этого должны были быть какие-то основания, ибо 11 марта

1517 года Хименес отправил своему секретарю Айале поручение в качестве прокурора инквизиции при дворе Карла с полным правом противостоять любым попыткам ограничить или воспрепятствовать этому, и он последовал за этим, 17 марта, с письмом Карлу, более энергичным, чем куртуазным, сообщая ему, что такая мера приведет к уничтожению инквизиции и покроет его имя позором; Фердинанд и Изабелла, испытывая нехватку денег во время войны с Гранадой, отказались от 1 200 000 дукатов за такую меру. уступка, и Фердинанд впоследствии отклонил предложение в размере 400 000 долларов. [587]

ПРЕДЛОЖЕНИЯ НОВЫХ ХРИСТИАН

Легко представить, что, несмотря на характер Хименеса, смерть Фердинанда и неопределенность относительно взглядов далекого монарха заметно ослабили благоговейный страх, испытываемый перед инквизицией. На это есть указание в жалобе, поданной Супремой в сентябре 1517 года, о том, что, когда она переезжала вместе с двором с места на место, алькальды дворца отказались предоставить мулов и повозки для перевозки ее книг, бумаг и персонала, или, самое большее, сделали это только после того, как были обеспечены все другие департаменты правительства. [588] Большое значение имеет также беспорядки, произошедшие в Ориуэле в 1517 году, когда инквизиторы Картахены посетили ее, вынудив лицензиата Сальватьерры обратиться к королевскому вмешательству. [589] Конверсос, хотя и был уничтожен и обнищал, все еще обладал деньгами и влиянием, а злоупотребления, которые Хименес не смог искоренить, все еще вызывали враждебность. Когда Карл, после своего прибытия в Испанию в сентябре 1517 года, провел свой первый суд в Вальядолиде в 1518 году, депутаты обратились к нему с просьбой принять такой порядок, чтобы инквизиция вершила правосудие, чтобы наказывались только нечестивые, а невинные не страдали; чтобы соблюдались каноны и общее право; чтобы инквизиторы были благородных кровей, с чистой совестью и репутацией, а также возраста, требуемого законом, и, наконец, чтобы ординарии епископальной церкви были судьями в соответствии с правосудием. [590] Хотя эта официальная жалоба составлена в общих чертах, она указывает на то, что люди считали Святую Канцелярию орудием угнетения для достижения частных целей должностных лиц, пренебрегающих законом и справедливостью. Чарльз ответил, что он проконсультируется с учеными и святыми людьми, с помощью советов которых он добьется того, чтобы несправедливость прекратилась, а тем временем он получит памятные записки о злоупотреблениях и проекты реформ. Депутаты поспешили предоставить ему исчерпывающую информацию о невзгодах его подданных и ущербе, нанесенном его владениям, и результатом консультаций его советников стал ряд инструкций должностным лицам инквизиции, которые, если бы были приведены в исполнение, лишили бы Святую Канцелярию большей части ее эффективности в преследовании, а также ее способности к несправедливости. Петр Мученик рассказывает нам, что "Новые христиане", чтобы добиться этого, вручили верховному канцлеру Жану ле Соважу, который был насквозь коррумпированным человеком, десять тысяч дукатов с обещанием еще десяти тысяч, когда это вступит в силу, но, к счастью для инквизиции, он заболел в конце мая и умер в начале июля. [591] Инструкции были наконец составлены, не хватало только подписей; они были написаны от имени Чарльза и Хуаны и были адресованы не только чиновникам инквизиции, но и представителям государственной и светской юстиции, но больше о них ничего не было слышно, поскольку новый канцлер Меркурино ди Гаттинара был человеком иного склада, и Чарльз пока еще находился под влиянием окружающих его людей. Таким образом, тщательно разработанный проект не представляет интереса, за исключением признания в его процедурных положениях беззакония инквизиционного процесса, каким мы увидим его ниже, и

в его запрещающих положениях того, что существующие злоупотребления всячески преувеличивали способность действующей системы творить зло. Таким образом, он запрещал, чтобы жалование инквизиторов зависело от конфискации и штрафов, которые они объявляли, или чтобы им выдавались субсидии из конфискованного имущества или бенефиций тех, кого они осудили, или чтобы конфискованное имущество было выдано до осуждения его владельцев; чтобы инквизиторы и должностные лица, злоупотребляющие своим положением, были просто переведены в другие места вместо надлежащего наказания; чтобы те, кто жаловался на суды, были арестованы и подвергались жестокому обращению; чтобы с теми, кто обращался к Верховной Власти, жестоко обращались; чтобы инквизиторы давали информацию тем, кто ищет гранты. что касается имущества заключенных, все еще находящихся под судом; что заключенным, находящимся под судом, следует запретить посещать мессу и причащаться; что осужденным на пожизненное заключение должно быть позволено умереть от голода. [592] Общий смысл этих положений ясно указывает на то, каким огромным стимулом к преследованиям и несправедливости была конфискация в качестве наказания за ересь, как вся деятельность инквизиции превратилась из ее очевидной цели очищения веры в мерзкую систему грабежа, и как те, кто был вовлечен в это, неизбежно были опорочены заманчивой возможностью грязной наживы.

Хотя Карл после смерти своего канцлера отказался от предложенной реформы, он, похоже, признал существование этого зла. Когда его генеральный инквизитор кардинал Адриан был возведен на папский престол в 1522 году, он прислал из Фландрии своего камергера Ла Шолка поздравить его, прежде чем тот покинет Испанию, и среди инструкций посланника было предложение, чтобы он был осторожен в своих назначениях и предоставил надлежащие средства, чтобы помешать инквизиции наказывать невиновных, а ее чиновникам больше думать об имуществе осужденных, чем о спасении их душ - благочестивое желание, но совершенно бесполезное, пока методы учреждения неизменны, его расходы должны покрываться, а его чиновники обогащаться за счет денег. штрафы и конфискации. [593]

ПРЕДЛОЖЕНИЯ НОВЫХ ХРИСТИАН

Пострадавшие давно осознали это, и Фердинанду неоднократно безуспешно предлагали воспользоваться королевским правом конфискации — предложениями, подробностей которых мы не знаем. После провала всеобъемлющей реформы этот план был возрожден, и перед тем, как Карл покинул Испанию 21 мая 1520 года, чтобы принять титул короля римлян, ему было сделано официальное предложение о том, что если в инквизиции будет обеспечено правосудие путем назначения судей, свободных от подозрений, которые должны соблюдать закон, чтобы невинные могли жить в безопасности, а нечестивые были наказаны и соблюдались папские указы, то найдутся люди, которые осмелятся служить ему следующим образом. Учитывая, что жадность является причиной всех зол; что по закону Партий имущество тех, у кого есть дети-католики, не должно конфисковываться [594] и далее, что королевская казна получила очень мало прибыли от конфискации, поскольку все они были израсходованы на заработную плату и расходы судей и распорядителей, которые обогатились, его Величество вполне мог извлечь выгоду из этого. сам путем составления и продажи всех своих прав на него для себя и своих потомков навсегда, получив от папы римского буллу, запрещающую конфискации, денежные епитимьи и штрафы. Если бы это было сделано, стороны обязались сами предоставлять арендную плату, достаточную из тех, которые Фердинанд выделил для этой цели, для покрытия всех окладов и расходов инквизиции, на основе, которая будет определена Карлом. Более того,

они выплатят ему четыреста тысяч дукатов — сто тысяч до его отъезда и остаток тремя равными ежегодными платежами на ярмарке в Антверпене в мае. Или, если бы он предпочел не делать этого бессрочно, он мог бы ограничить срок, за который было бы выплачено двести тысяч дукатов, аналогичными четырьмя платежами. Для сбора суммы для выполнения этих обязательств должны быть письма и положения, подобные тем, которые католический король предоставил для сочинений Андалусии, и они должны быть переданы в Кастилии архиепископу Толедо (кардиналу де Крою), а в Арагоне архиепископу Сарагосы (Альфонсо де Арагон), решения которого обжалованию не подлежали. Но чтобы обеспечить необходимую личную безопасность для выполнения этого предложения, было многозначительно добавлено, что королю и кардиналу Адриану необходимо будет выдать сторонам охранные удостоверения, защищающие их от судебного преследования инквизицией, и они должны быть выданы в октябре текущего месяца, чтобы было время собрать деньги. [595] Вряд ли нужно говорить, что это предложение не увенчалось успехом. Карл находился под влиянием кардинала Адриана, а Адриан находился под контролем своих коллег. От инквизиторов требовалось слишком много, чтобы они согласились позволить ограничить себя беспристрастным исполнением жестоких законов против ереси, довольствоваться жалованьем и отказываться от возможности наживы. Также напрасно корты Коруньи в 1520 году повторили просьбу жителей Вальядолида о реформе процедуры. [596] Карл отплыл во Фландрию, оставив своих подданных беззащитными перед всем злом, от которого они так долго стонали. Время от времени все еще возникали вспышки сопротивления, поскольку в 1520 году, когда трибунал Куэнки арестовал заместителя коррехидора, это вызвало серьезные волнения, и инквизитор Мариано Толедский был отправлен туда со своими слугами и приближенными для восстановления мира, и эта задача занимала его в течение пяти месяцев. [597]

Еще один проект смягчения строгостей инквизиции был представлен Карлу в 1520 году, по-видимому, после его прибытия во Фландрию. Это не предполагало никакой оплаты, но предполагало, что расходы должна покрывать корона, которая должна полностью вывести конфискации из-под контроля инквизиторов. С этим были связаны различные процессуальные реформы — раскрытие имен свидетелей, разрешение обвиняемому выбирать своего защитника и видаться со своими друзьями и семьей в присутствии тюремщика, наказание *талиоза* лжесвидетельство, поддержка жены и детей во время судебного процесса за счет конфискованного имущества и некоторые другие. [598] По-видимому, также, примерно в 1522 году, Карлу было предложено еще семьсот тысяч дукатов за отказ от конфискации, но не указано, какие условия сопровождали это. [599] Все это было бесполезно. Хватка инквизиции в Испании была слишком прочной, а ее распорядок слишком устоявшимся, чтобы его можно было изменить.

В восстании коммунидадов, последовавшем за уходом Карла, инквизиция не принимала никакого участия. Однако примерно десять лет спустя, в 1531 году, трибунал Толедо наткнулся на следы попытки привлечь народное движение к ответственности за устранение одного из зверств инквизиционной процедуры. Говорят, что казначей Альфонсо Гутьеррес потратил в Риме около двенадцати тысяч дукатов на получение папской записки, которая снимала гриф секретности с тюрем и свидетелей. Он пытался заручиться благосклонностью Хуана де Падильи, популярного лидера, взяв взаймы восемьсот дукатов под залог золотой цепи, но Падилья, принимая ссуду, благоразумно отказался подвергать опасности свое дело, возбуждая враждебность инквизиции. [600]

То, чего Гутьеррес не смог добиться, было снова запрошено у Карла V в 1526 году. Примерно в это же время начались попытки подчинить гранадских морисков Святой канцелярии, и, очевидно, в рамках подготовки к этому Гранада была отделена от Кордовы и получила собственный трибунал, переведенный туда из Хаэна. Перепуганные жители поспешили обратиться к Карлу с просьбой покончить с секретностью, которая так часто провоцировала злоупотребления. Они указывали на то, что судья, если он настроен распушенно, имеет достаточно возможностей исполнить свою волю с девушками и женами, приведенными к нему в качестве заключенных, и даже с теми, кого просто вызвали для явки, чей ужас выдавал, что они не посмеют оказать сопротивления. Точно так же нотариусы и другие подчиненные, которые часто были неженатыми мужчинами, имели все преимущества перед женами и дочерьми заключенных, страстно желая получить какие-нибудь известия об обвиняемом, замурованном *incomunicado* в секретной тюрьме, откуда не могло вырваться ни единого слова, и готовые в своем отчаянном беспокойстве пойти на любые жертвы, чтобы узнать его судьбу. Или, если чиновники предпочитали, они могли продавать информацию за деньги, и все это было настолько общепринятым, что этих должностей добивались злонамеренные люди, чтобы удовлетворить свои склонности. Как бы плохо это ни было, еще хуже было сокрытие имен свидетелей, добивавшихся осуждения невиновных и одновременно облегчавших побег виновных. Мемориал исходит из того, что фактически являлось фактом, что единственная защита обвиняемого заключалась в угадывании имен свидетелей, выступавших против него, и дискредитации их и выведении из строя из-за смертельной вражды, и в нем указывается, как по-разному это способствовало судебной ошибке. Однако оно не ограничилось аргументацией, а добавило, что маленькое королевство Гранада заплатит пятьдесят тысяч дукатов за снятие секретности с процедур и тюрем инквизиции и что таким образом можно было бы получить очень крупную сумму от других провинций Испании. [601] Единственным возможным ответом на доводы мемориала было то, что вера пострадает от любых изменений, но этого всегда было достаточно, и инквизиция продолжала окутывать свои действия непроницаемой тьмой, которая служила для сокрытия беззакония и давала широкий простор несправедливости.

НАВАРРА

Когда Карл вернулся в Испанию и снова удерживал корты в Вальядолиде в 1523 году, они повторили петиции 1518 и 1520 годов, добавив, что ничего сделано не было. Они также предложили, чтобы инквизиторы получали жалованье от короля, а не получали его из доходов от выполнения своих функций, и что лжесвидетели должны быть наказаны в соответствии с законами Торо. Это показывает, что старые злоупотребления ощущались так же остро, как и прежде, но Карл просто ответил, что он просил папу назначить генеральным инквизитором архиепископа Севильи Манрике, которому он особо поручил следить за надлежащим отправлением правосудия. И снова, в 1525 году, корты Толедо пожаловались на бесчинства инквизиторов и беспорядки, совершенные фамильярами, и попросили, чтобы светские судьи могли быть уполномочены пресекать злоупотребления, но они получили лишь туманное обещание, что, если злоупотребления существуют, он прикажет их исправить. [602] От депутатов требовалось немалое мужество, чтобы публично предъявить обвинение инквизиции в Суде, и неудивительно, что смелость сделать это исчезла с признанием бесплодности протестов.

Таким образом, все попытки смягчить или улучшить методы инквизиции оказались тщетными, и Святая канцелярия в ее существующей форме прочно утвердилась в Кастилии на три столетия, имевших важное значение для испанского народа.

НАВАРРА.

Когда Фердинанд в 1512 году легко завоевал Наварру, у него, по-видимому, больше не было надежды получить потомство от своей королевы Жермены, которой он мог бы оставить королевства своей короны Арагона. Таким образом, чтобы избежать для новой территории ограничений суверенитета, введенных арагонскими фуэросами в графстве Бургос в 1515 году, он добился присоединения Наварры к короне Кастилии. [603] Таким образом, инквизиция в конце концов стала кастильской, хотя поначалу она была всего лишь ответвлением инквизиции в Сарагосе.

Когда кастильские захватчики под предводительством герцога Альвы заняли Пампелуну, они обнаружили там монаха-доминиканца Антонио де Майя, вооруженного полномочиями инквизитора, выданными его провинцией и подтвержденными папой римским. Офис, несомненно, был синекурой при Доме Альбретов, но передача земли королю-католику давала надежду на ее будущую полезность, поскольку маленькое королевство служило убежищем для беженцев из остальной Испании. Добрый фрейле, не теряя времени, добился от Альвы разрешения исполнять свои обязанности и отправил посланника к Фердинанду в Логроньо, чтобы добиться королевского утверждения и указать на необходимость назначения штата наемных чиновников. Кроме того, генеральный викарий епископальной Пампелуны стремился исполнить свой долг, и короля попросили приказать ему не вмешиваться. Фердинанд, со своей обычной осторожностью, написал 30 сентября 1512 года герцогу Альва в качестве генерал-капитана и епископу Майорки в качестве губернатора, выражая свое искреннее желание продолжить хорошую работу и желая получить информацию о характере майя; между тем, если инквизиторы Сарагосы пошлют за беглецами, они должны быть немедленно выданы.

НАВАРРА

Никаких дальнейших действий не предпринималось в течение года, в течение которого Фрай Майя делал все, что мог, в отсутствие посторонней помощи. Наконец, королевское письмо от 26 сентября 1513 года маркизу Комаресу, лейтенанту и генерал-капитану, сообщало, что генеральный инквизитор Меркадер назначил инквизиторами Франсиско Гонсалеса де Фреснеду, одного из инквизиторов Сарагосы, и брата Антонио де Майя, которому должна была быть принесена обычная клятва повиновения; единственным другим назначенным должностным лицом был Хайме Хулиан, как *эскрибано де секуэстрас*, с жалованьем в 2500 суэльдо. Однако произошли дальнейшие задержки, и 21 декабря король написал Фреснеде, чтобы тот, не теряя времени, отправился со своими чиновниками в Пампелуну, где его ожидала Майя. 24-го в прокламации было объявлено, что Лев X приказал продолжить инквизицию во всех королевствах Испании и особенно в королевстве Наварра, поэтому, чтобы страх потери имущества не удерживал тех, кто сознает свою вину, от того, чтобы выйти вперед и признаться, король освободил от конфискации всех, кто сознается и подаст прошение о примирении в течение тридцатидневного срока, который объявят инквизиторы. В качестве подготовки для тех, кто пренебрег бы этой милостью, уже 22 числа Мартин Адриан был назначен на важную должность распорядителя конфискаций, которые, как ожидалось, должны были обеспечить средствами механизм преследования, и 1 января 1514 года он был уполномочен выплачивать

себе жалование в размере 6000 суэлько и одно из 3000 Фрай Майя. Поскольку ничего не говорится о зарплатах других должностных лиц, они, по-видимому, были внесены в платежную ведомость Сарагосского трибунала. Процесс комплектования новой инквизиции проводился с большой осторожностью. Только 13 июля 1514 года приемщику Адриану сообщили, что епископ Меркадер назначил Хуана де Вильену фискалом, или прокурором, которому должно было выплачиваться жалование в размере 2500 суэлько. Тесная связь трибунала Пампелуны с трибуналом Арагона видна из того факта, что Адриан также был нотариусом инквизиции Калатаюда и продолжал служить там, за что получал свое обычное жалование. Хуан де Миадес, также альгуасиль из Сарагосы, был назначен начальником тюрьмы в Пампелуне, за что ему было назначено дополнительное жалование в размере 500 суэлько, пока 15 октября 1515 года Бернардино дель Кампо из Сарагосы не был назначен тюремщиком в Пампелуне с жалованием в 500 суэлько. Мы также слышим о Мигеле Даойсе, нотариусе *дель секрето* из Сарагосы, действующем от имени инквизиции Пампелуны. Частично это может быть связано с политикой Фердинанда, выраженной 23 марта 1514 года в письме маркизу Комаресу о том, что чиновники не должны быть наваррцами, поскольку он в других местах испытывал неудобства при найме туземцев. Более насущным, однако, было давление экономики, поскольку инквизиции Пампелуны, по-видимому, было мало чем заняться; в Наварре никогда не было населения мавров и евреев, сравнимого с населением южных королевств, и беженцы там, несомненно, ускорили свой отъезд, как только тень инквизиции распространилась по стране, хотя одним из первых приказов Фердинанда Комаресу от 21 декабря 1513 года было тайно выставить охрану во всех портах и перевалах, чтобы предотвратить их побег. О том, насколько мало материалов имелось у Святой канцелярии, свидетельствует тот факт, что конфискации не покрывали очень умеренных расходов, и в мае 1515 года было необходимо перевести из Валенсии двести дукатов, чтобы Мартин Адриан смог оплатить необходимые расходы. В сентябре 1514 года мы видим, как инквизиторы совершают визит в свой округ, а в следующем месяце брат Майя вернулся в уединение своего монастыря, но о реальной работе трибунала мы мало что слышим. Это правда, что письмо Верховного суда от 11 октября 1516 года о наложении на Мигеля де Сан-Хайме епитимьи в размере 300 дукатов показывает, что время от времени получалась прибыльная награда, но шансов на это, должно быть, было немного, поскольку в 1521 году кардинал Адриан, ввиду необходимости трибунала, безжалостно урезал жалование всем чиновникам. Его авторитет не мог быть полностью гарантирован, поскольку в 1518 году вице-король, герцог Наджера, выразил сомнения в том, что приговор санбенитоса, вынесенный Родриго де Оска и его жене из Пампелуны, может быть приведен в исполнение ввиду их многочисленной родни, на что Супрема ответил, поручив ему проследить, чтобы ничто не препятствовало этому. Как бы мало ему ни приходилось делать, работа трибунала затягивалась из-за его несовершенной организации. В 1519 году восемь жителей Пампелуны пожаловались Верховному Правителю на то, что по пустяковым причинам их отцы и матери, жены и братья оказались в тюрьме инквизиции, где трое из них умерли, а остальные заболели. Они находились под стражей в течение семи или восьми месяцев, хотя их дела были завершены, ожидая, когда *консультанты* из Сарагосы проголосуют по ним, поэтому заявители просили, чтобы решения принимались без дальнейших проволочек и чтобы после освобождения заключенные не были разорены денежными взысканиями, превышающими их материальное положение, как это происходило в предыдущих случаях. Верховный суд 12 января 1519 года направил это прошение инквизиторам с инструкциями о том, что в течение пятнадцати дней один из них должен доставить в Сарагосу все завершенные дела для надлежащего голосования, в то время как остальные должны быть завершены как можно скорее и в течение

пятнадцати дней после этого аналогичным образом доставлены в Сарагосу для принятия решения. Поскольку в этом письме Совет описывает себя как уполномоченного на ведение дел инквизиции во всех королевствах и владениях короны Арагона и Наварры, это показывает, что последние по-прежнему подчинялись разделу Верховного суда, относящемуся к Арагону.

НАВАРРА

В то время как трибунал Пампелуны, таким образом, мало помогал своим мнимым целям, он был привлечен к политической ответственности за беспорядки, последовавшие за смертью Фердинанда 23 января 1516 года. Жан д'Альбре, поддержанный Францией, естественно, предпринял попытку вернуть свои владения, но его неэффективная осада Сен-Жан-Пье-дю-Пор, а также поражение и пленение маршала Наварры при Ронсесвалле быстро положили конец вторжению. Для испанского правительства было важно выяснить, в каком объеме помощь была обещана ему его бывшими подданными. Инквизиция была непопулярна среди них и, несомненно, была бы свергнута, если бы д'Альбре преуспел, так что расследование в отношении тех, кто причастен к движению, могло соответствовать гибкому определению его функций, в то время как его методы превосходно подходили для получения желаемой информации. Соответственно, седула от 21 апреля 1516 года предписывала инквизиторам не жалеть усилий, всеми способами выяснять имена тех, кто был замешан в этом деле, и получать всю возможную информацию обо всем этом деле. Это, вероятно, не увеличило популярности Святой Канцелярии, и вторжение Франции в 1521 году предоставило возможность, которой не пренебрегли, выразить в действии враждебность народа. После изгнания врага последовали репрессии, которые кардинал Адриан поручил регенту Туделы. Очевидно, он не был достаточно энергичен в этой работе, поскольку в 1523 году мы обнаруживаем, что Супрема побуждает его к большей активности. [604]

Таким образом, испанское господство было обеспечено, и Наваррский трибунал стал полезен главным образом в качестве меры предосторожности, чтобы не допустить дальнейшего превращения подвластного королевства в убежище для еретиков. Он был перенесен из Пампелуны в Эстеллу, а оттуда в Туделу, где в 1518 году Верховный суд поручает инквизиторам найти подходящее здание, чтобы освободить монастырь Сан-Франциско, в котором временно размещался трибунал. Несколько лет спустя поговаривали о возвращении его Пампелуне, но в конце концов было признано, что округ не имеет достаточной поддержки, в то время как монархия чувствовала себя достаточно сильной, чтобы пренебречь старыми национальными границами. Незадолго до 1540 года Калахорра с частью Старой Кастилии была отделена от огромного округа Вальядолид и стала резиденцией трибунала, юрисдикция которого распространялась на Наварру и Бискайю. Примерно в 1570 году его перевезли в Логроньо, на границу между Старой Кастилией и Наваррой, и там он оставался, как мы еще увидим, до роспуска Святой канцелярии. [605]

ГЛАВА V.

КОРОЛЕВСТВА АРАГОН.

Корона Арагона включала в себя так называемые королевства Арагон и Валенсия, княжество Каталония, графства Розеллон и Сердана, а также Балеарские острова сотдаленными зависимыми территориями Сицилии, Сардинии и Корсики. Хотя брак объединил суверенов Кастилии и Арагона, партикуляризм, порожденный многовековым соперничеством и частыми войнами, ревниво разделял эти земли, поскольку отдельные нации и Фердинанд единолично правили своими исконными владениями. Таким образом, то, что было сделано инквизицией в Кастилии, не имело никакого эффекта за границей, и распространение испанской организации там осложнялось характером местных институтов и тем фактом, что папская инквизиция уже существовала там с момента своего основания в середине XIII века.

Арагон не подвергся процессу распада кастильской анархии, который позволил Фердинанду и Изабелле построить абсолютную монархию на руинах феодализма. Его древние права и свободы были несколько урезаны во время тиранического правления Фердинанда Антекерского и его преемников, но их оставалось достаточно, чтобы сделать королевскую власть номинальной, а не реальной, и народ яростно ревновал к своей независимости. Кортесы были действительно представительными органами, которые настаивали на рассмотрении жалоб до голосования, и, если можно верить венецианскому посланнику Джованни Соранцо, в 1565 году все еще использовалась древняя формула присяги на верность: “Мы, такие же хорошие, как и вы, клянемся вам, которые ничем не лучше нас, как принцу и наследнику нашего королевства, при условии, что вы сохраните нашу свободу и законы, и если вы поступите иначе, мы вам не клянемся”. [606]

Имея дело с народом, чьи свободы были столь обширны и чья ревность к их сохранению была столь чувствительной, Фердинанд был слишком проницателен, чтобы спровоцировать сопротивление резким введением инквизиции, подобной той, которую он навязал Кастилии. Естественно, его первой попыткой было использовать это учреждение в том виде, в каком оно существовало так долго. Он, хотя и был основан еще в 1238 году, погрузился в состояние почти бездействия в период духовной летаргии столетия, предшествовавшего Реформации, и в Арагоне, как и в остальной Европе, казалось, что он находится на грани исчезновения. Это правда, что в 1474 году Сикст IV приказал фра Леонардо, генералу-доминиканцу, заполнить все трибуналы Святой Канцелярии, и тот подчинился, назначив отца Хуана инквизитором Арагона, отца Хайме - Валенсии, отца Хуана - Барселоны и отца Франсиско Виталья - Каталонии, но у нас нет записей об их деятельности. [607] Функциям инквизиции действительно придавалось так мало значения, что в Валенсии, где в 1480 году доминиканцы Кристоаль де Гуальбес и Хуан Ортс были инквизиторами, они обладали полномочиями, позволяющими им действовать без согласия представителя епископата — беспрецедентная привилегия, объяснимая только при условии, что архиепископ отказался быть инквизитором. обеспокоенный такими тривиальными вещами. Архиепископом в то время был кардинал Родриго Борджиа, папский вице-канцлер, более известный как Александр VI, который быстро осознал спекулятивную ценность своей епископальной юрисдикции в отношении ереси, когда жестокие преследования, начавшиеся в Андалусии в январе 1481 года, с сопутствующим им количеством штрафов и композиций,

показали, что аналогичную перспективу можно ожидать и в его собственной провинции. Соответственно, записка Сикста IV от 4 декабря 1481 года, адресованная инквизиторам, лишила их способности к независимым действиям и впала в другую крайность, предписав им в будущем ничего не предпринимать без согласия генерального викария Матео Меркадера, старшего архидьякона Валенсии. [608]

ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАРОЙ ИНКВИЗИЦИИ

Возрождая и стимулируя к деятельности этот папский институт, Фердинанд был полон решимости подчинить его короне так же полно, как в Кастилии. До сих пор это была доминиканская провинция, где инквизиторы занимали свои должности по воле доминиканских властей, и поэтому его первым шагом было добиться в 1481 году от доминиканского генерала Сальво Касеты поручения Гаспару Жюглару назначать и увольнять инквизиторов по королевской воле и соизволению. [609] Это давало ему контроль над персоналом инквизиции, но для того, чтобы сделать его полностью зависимым и в то же время эффективным, было необходимо, чтобы назначенцам хорошо платили и чтобы жалованье поступало из королевской казны. Сто лет назад Эймерих, инквизитор Арагона, с грустью констатировал, что князья не желали покрывать расходы, потому что не осталось богатых еретиков, чьи конфискации возбуждали их алчность; Церковь также не была склонна к этому, так что в отсутствие регулярной финансовой поддержки доброе дело застопорилось. [610] Однако теперь жадность и фанатизм объединились в ожидании наказания богатых Конверсос, и Фердинанд рескриптом от 17 февраля 1482 г. выделил достаточное жалованье для укомплектования трибунала Валенсии всеми необходимыми должностными лицами. [611] Мы можем разумно предположить, что он начал там, ожидая встретить менее упорное сопротивление, чем в старых и более сильных провинциях Арагон и Каталония. Он, однако, еще не был полностью удовлетворен своим контролем над назначениями и обратился к Сиксту IV с просьбой о большей свободе, но папа, который начинал понимать, что Кастильская инквизиция была скорее королевской, чем папской, отказал в записке от 29 января 1482 года, утверждая, что поступить так означало бы навлечь позор на доминиканцев, которым это всегда было доверено. [612]

Реорганизованный трибунал быстро произвел впечатление своей деятельностью. Конверсос были сильно встревожены; начала проявляться оппозиция, в то время как более робкие искали спасения в бегстве. Некий Моссен Луис Маско, один из юратов Валенсии, проявил себя особенно заметным образом, подняв город против инквизиторов и стимулировав объединенные действия сословий королевства против оппозиции. В письме к нему от Фердинанда от 8 февраля 1482 года он сурово порицает его за это и туманно угрожает ему королевским гневом за упорство. Другое письмо от того же числа, адресованное Национальному маэстро, или главному бухгалтеру королевства, показывает, что строгость, с которой было изъято и секвестрировано имущество арестованных, вызывала возмущение, поскольку в нем объясняется необходимость этого, чтобы не потерять ни одного *ужина*; если у инквизиторов нет полномочий сделать это, они должны это сделать. [613] Маэстро Расовый предположил, что для тех, кто должен спонтанно выйти вперед и признаться, может быть принята форма отречения и примирения, которая должна избавить их от унижения публичной

епитимьей, сохраняя при этом возможность наказания за рецидив. На это, посоветовавшись с учеными канонистами, Фердинанд согласился и отправил ему согласованную формулу с инструкциями, что это должно выглядеть как действие местных властей, а не его — несомненно, для того, чтобы помешать его кастильским подданным требовать такого же освобождения от унижительных покаянных процессий в ауто-де-фе. [614]

ПАПСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Упоминания в этой переписке об особых случаях арестов, беглецов и секвестров показывают, что Фердинанду удавалось формировать старую инквизицию так, как он желал, и что она активно работала, когда внезапно была объявлена остановка. Во время всеобщего террора предполагается, что Конверсос обратились к Святому Престолу и представили необходимые убедительные аргументы; можно также предположить, что Сикст был склонен, создавая препятствия на пути, добиться признания своего выгодного, но спорного права рассматривать апелляции, и что он не желал без борьбы терять контроль над инквизицией Арагона, как он это сделал с инквизицией Кастилии. Есть также следы рук кардинала Борджиа, стремившегося восстановить свою епископальную юрисдикцию в отношении ереси в Валенсии. Какой бы ни была побудительная причина, первым шагом Сикста было заставить генерала доминиканцев Сальво Казету отозвать поручение, данное фраю Гаспару Юглару назначать инквизиторов под диктовку Фердинанда. При этом королевский гнев взорвался в письме генералу от 26 апреля 1482 г., в котором он угрожал всему Ордену последствиями своего недовольства; Гуальб и Ортс бесстрашно и неподкупно выполняли свой долг, в то время как брат Франсиско Виталь, назначенный в Каталонию генералом Доминиканцев, брал взятки и был изгнан из королевства; он никогда не позволит инквизиторам действовать, кроме как по своему усмотрению; даже с королевской милостью они мало чего могут добиться перед лицом народной оппозиции, а без нее они ничего не смогут сделать; тем временем Гуальб и Ортс будут продолжать действовать. действовать. За этим пылким посланием 11 мая последовало послание в более спокойном настроении, в котором Юглар просил продлить полномочия или выдать другое, в противном случае он получит папскую власть и совершит переворот в Доминиканском ордене. [615]

ПАПСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Следующим шагом Сикста стало издание 18 апреля 1482 года самой экстраординарной буллы в истории инквизиции — экстраординарной, потому что впервые ересь была объявлена, как и любое другое преступление, заслуживающим справедливого судебного разбирательства и простого правосудия. В дальнейшем у нас будет масса возможностей увидеть, как инквизиционная система, соблюдавшаяся с момента ее основания в тринадцатом веке, предполагала виновность обвиняемого на основании любых так называемых доказательств и была создана исключительно для того, чтобы вымогать признание путем лишения его законных средств защиты и свободного применения пыток. Также существовало неизменное правило, согласно которому сакраментальное признание в ереси было допустимо только на форуме совести и не являлось препятствием для последующего судебного преследования. Таким образом, в жалобе Сикста была наглая уверенность в том, что в течение некоторого времени инквизиторами Арагона двигало не рвение к вере, а алчность; что многие верующие христиане по свидетельству рабов, врагов и неподходящих свидетелей, без законных доказательств, были брошены в светские тюрьмы, подвергнуты пыткам и осуждены как еретики, их имущество конфисковано, а лица переданы в руки светских властей для казни. Ввиду многочисленных

жалоб, поступающих к нему по этому поводу, он распорядился, чтобы в будущем епископальные викарии во всех случаях привлекались для действий с инквизиторами; чтобы имена и показания обвинителей и свидетелей сообщались обвиняемым, которым должен быть разрешен адвокат, и чтобы свободно допускались доказательства защиты и все законные исключения; чтобы заключение осуществлялось в епископских тюрьмах; чтобы при любых притеснениях было свободное обращение к Святому Престолу с приостановлением судебного разбирательства под страхом отлучения, снимаемого только папой римским. Более того, всем, кто был виновен в ереси, должно быть разрешено тайно исповедоваться инквизиторам или должностным лицам епископата, которые должны были незамедлительно выслушать их и даровать отпущение грехов, хорошее как с точки зрения совести, так и правосудия, без отречения, о принятии ими тайной епитимьи, после чего они больше не могли быть привлечены к ответственности за какие-либо предыдущие действия, им выдавалось свидетельство, в котором не должны были упоминаться признанные грехи, и они не должны были подвергаться досаде или домогательствам впоследствии каким—либо образом - и все это под страхом отлучения от церкви. Буллу было приказано прочесть во всех церквях, и имена тех, кто подвергся порицанию в соответствии с ней, должны были быть опубликованы, а порицания, при необходимости, приведены в исполнение путем обращения к светским властям; в то время как, наконец, все разбирательства, нарушающие эти положения, были объявлены недействительными, все исключения из отлучения от церкви были отменены, а все противоречащие друг другу папские указы были отменены. [616] Очевидно, что Конверсос приложили руку к разработке этой меры, и вряд ли они могли бы желать чего-то более благоприятного. На самом деле Фердинанд в декабре 1482 года пишет Луису Кабанильесу, губернатору Валенсии, что он узнал, что Гонсалво де Гонсалво Ройз был причастен к приобретению быка для Конверсос: поэтому он должен быть немедленно арестован и не должен быть освобожден без королевского приказа, в то время как Луис де Сантанхель, королевский эскрибано де расьон, передаст устно намерения короля относительно него. [617]

В этом тщательно продуманном указе Сикст официально передал Фердинанду руководство битвой и объявил, что его необходимо каким-то образом умиротворить, если инквизиции Арагона будет позволено выполнять возложенные на нее функции. То, что это был просто тактический ход, вдвойне выгодный из-за щедрой обратной оплаты, и что у него не было никаких гуманитарных мотивов, достаточно очевидно из его последующих действий, а также из того факта, что булла была ограничена Арагоном и никоим образом не вмешивалась в кастильские суды. Фердинанд немедленно принял вызов. Он не стал дожидаться опубликования буллы, а 13 мая направил Сиксту надменное и повелительное письмо. По его словам, он слышал, что были сделаны такие уступки, которые он кратко изложил таким образом, чтобы показать, что его информация была точной, и, кроме того, что инквизиторы Гуальбес и Ортс были смещены по просьбе Новых христиан, которые надеялись на более сговорчивых преемников. Он отказывался верить, что папа мог предоставлять субсидии, столь противоречащие его долгу, но, если он таким образом поддался хитрым уговорам Новых христиан, он, король, никогда не собирался позволять им вступить в силу. Если что-то было допущено, это должно быть отменено; управление инквизицией должно быть оставлено за ним; он должен назначить инквизиторов, поскольку только благодаря его благосклонности они могли адекватно выполнять свои функции; именно из-за отсутствия этой королевской власти они до сих пор были развращены и позволяли распространяться ереси. Поэтому он попросил Сикста утвердить Гуальба и Орта и поручение Гаспару Юглару или дать аналогичное поручение

какому-нибудь другому доминиканцу, поскольку он никому не позволит исполнять эту должность в его владениях, кроме как по своему усмотрению. [618]

Сиксту, по-видимому, потребовалось пять месяцев, прежде чем ответить на этот вызов, но тем временем инквизиция продолжалась по-прежнему. Фердинанд сформировал в Валенсии специальный совет Святой канцелярии, и этот орган осмелился возразить ему по поводу конфискаций и особенно особенности секвестра, посредством которого, как только производился арест, все имущество обвиняемого изымалось и удерживалось; это было особенно жестоко, и совет заявил, что это нарушает *fueros*, предоставленные королем Хайме и королем Альфонсо, но Фердинанд ответил 11 сентября, что он решил, что ничто, принадлежащее ему, не должно быть потеряно, но должно быть строго собрано, в то время как то, что принадлежало другим, не должно быть отобрано. . В другом письме от 6 сентября губернатору Луису Кабанильесу упоминается соглашение такого рода, которое стало частым явлением, согласно которому Конверсос соглашались выплатить определенную сумму в качестве компенсации за конфискации тех, кто может быть признан еретиком. [619]

КРИСТОБАЛЬ ГУАЛЬБЕС

Наконец, 9 октября, Сикстус ответил Фердинанду таким образом, чтобы показать, что он готов к компромиссу. Новые правила, по его словам, были составлены по совету кардиналов, назначенных для этой цели; они разбежались в страхе перед надвигающейся эпидемией, но, когда они вернутся в Рим, он поручит им обдумать, следует ли вносить поправки в буллу; тем временем он приостановил действие в той мере, в какой оно противоречило общему праву, только обязав инквизиторов строго соблюдать нормы общего права — “общее право” здесь является гибким выражением, которое, несомненно, может быть истолковано как традиционная система инквизиции. [620] Таким образом, несчастные арагонские конверсос, как мы увидим ниже, были конверсосоми Кастилии, которых просто использовали в качестве пешек в безжалостной игре короля и папы по поводу их разграбления, а милосердные предписания буллы от 18 апреля сослужили лишь службу, показав, что в своей последующей политике Сикст согрешил против света и знания. За чем последовали переговоры, имеющиеся в наличии документы не раскрывают, но взаимопонимание было неизбежно, как только две державы смогли договориться о разделе добычи. На это потребовался год, и в результате соглашения Фердинанд получил больше, чем требовал поначалу. Речь шла уже не о том, чтобы поручить фрейле назначать инквизиторов по своему усмотрению, а о том, чтобы включить в организацию Кастильской инквизиции все испанские владения. 17 октября 1483 года соглашение было ратифицировано буллой, назначающей Торквемаду инквизитором Арагона, Валенсии и Каталонии с правом назначать подчиненных. При этом с характерным для него бесстыдством Сикст заявляет, что он всего лишь выполняет свой долг папы, в то время как его нежная забота о репутации доминиканцев проявляется в том, что он не предписывает, чтобы местные инквизиторы были членами этого Ордена, единственное требуемое условие - они должны быть магистрами богословия. [621]

В промежуток времени, предшествовавший этому расширению юрисдикции Торквемады, произошел инцидент, свидетельствующий о том, что Сикст уступил назначению инквизиторов, пытаясь при этом сохранить за собой право их увольнять. Кристоаль Гуальбес, действовавший в Валенсии к полному удовлетворению Фердинанда, оказался втянутым в ожесточенную ссору с архидьяконом Меркадером, для которого, как мы видели, кардинал Борджиа получил папское

поручение, фактически сделавшее его незаменимым членом трибунала — власть, которую он, несомненно, спекулятивно использовал в интересах Борджиа и себя самого. Именно вмешательству Гуальба в дела этих достойных людей мы можем обоснованно приписать действия Сикста, который 25 мая 1483 года написал Фердинанду и Изабелле, что проступки Гуальба заслуживают сурового наказания, но он удовлетворился его смещением и попросил их заменить его каким-нибудь подходящим человеком, которому он заранее наделил необходимые полномочия. Очевидно, он сомневался в их согласии, поскольку в тот же день написал Иньиго, архиепископу Севильи, прося его использовать свое влияние, чтобы убедить монархов согласиться с этим. [622] Фердинанд не был склонен покидать Гуальб, поскольку в письме от 8 августа он приказывает Расовому маэстро Валенсии выплатить “преданному религии маэстро Гуальбесу” сорок либр, чтобы покрыть его расходы по поездке к королю в Кордову и для того, чтобы он мог без промедления вернуться к работе. [623] Однако при окончательном урегулировании Гуальбес был принесен в жертву, поскольку, когда Торквемада был назначен генеральным инквизитором Арагона, Сикст категорически запретил ему назначать этого сына беззакония Кристобаля Гуальбеса, который за свои проступки был отстранен от должности инквизитора. [624]

Если Фердинанд вообразил, что преодолел сопротивление своих подданных, отдав их под власть Кастильской инквизиции во главе с Торквемадой, то он проявил меньше, чем обычно, проницательности. Они были беспокойны из-за возрожденного института, управляемого их собственным народом, и сильный партикуляризм арагонцев не мог не вызвать еще более сильного противодействия перспективе подчинения господству иностранца, такого как Торквемада, чья зловещая репутация безжалостного рвения давала уверенность в том, что работа будет вестись с большей энергией, чем когда-либо.

ВАЛЕНСИЯ

В Кастилии введение инквизиции было осуществлено произвольной властью короны; в Арагоне согласие представителей народа было сочтено необходимым для перехода от старого к новому, и 15 января 1484 года в Тарасоне было созвано заседание Суда. Фердинанд и Изабелла прибыли туда 19-го числа и оставались там до мая, когда начало кампании против Гранады потребовало их присутствия в другом месте. Торквемада был готов учредить трибуналы; какие переговоры были необходимы, мы не знаем, хотя мы слышали о его консультациях с влиятельными лицами, и 14 апреля было достигнуто соглашение. Однако только 7 мая Фердинанд издал из Таразоны седулу, адресованную всем должностным лицам во всех своих владениях, уведомляя их, что с его согласия папа учредил инквизицию для подавления иудейской и магометанской ересей, и приказывая, чтобы инквизиторам и их министрам повсюду оказывали почести и оказывали помощь под страхом королевского гнева, лишения должности и штрафа в десять тысяч флоринов. [625]

В соответствии с широкими полномочиями комиссии Торквемады были предприняты шаги по реорганизации инквизиции и адаптации ее к активному выполнению своих обязанностей. Трибуналы должны были быть учреждены на постоянной основе в Валенсии, Сарагосе и Барселоне с новыми людьми для их руководства. От Гуальба избавились из-за вражды Сикста IV. Ортс все еще фигурирует в приказе о выплате жалованья от 24 апреля 1484 года, а 10 мая Фердинанд в письме из Таразоны сообщает, что он там и будет отправлен в Сарагосу, но он так

и не появился в последнем месте, хотя формально он не был отстранен от должности до 8 февраля 1486 года Иннокентием VIII, когда он был назначен инквизитором Валенсии и Лериды. [626]

ВАЛЕНСИЯ.

Весной 1484 года Торквемада назначил в Валенсию брата Хуана де Эпила и Мартина Иньиго, но народное сопротивление и ажиотаж были таковы, что их действия были сильно отложены. Юраты, или местные власти, воспрепятствовали открытию своего трибунала и, по совету Мигеля Дальмана, королевского финансового адвоката, подали апелляцию в суды королевства, умоляя их вмешаться. Корты собрались, и все *четыребразо*, или Поместья, объединились в протестах против угрозы нарушения фуэрос и привилегий земли и воздвигли все препятствия на пути инквизиторов. Все это мы узнаем из серии писем, отправленных 27 июля Фердинандом различным должностным лицам, начиная с губернатора, в которых он дает волю своему гневу и возмущению, объявляя свою волю неизменной, угрожая наказанием и увольнением всем, кто ей сопротивляется, и объявляя несерьезным аргумент о том, что инквизиция была посягательством на привилегии страны. В то же время он написал инквизиторам, информируя их о предлагаемых им мерах, инструктируя их выполнять свои обязанности без страха и предостерегая их соблюдать *fueros* и привилегии и проявлять милосердие, насколько это было возможно, с чистой совестью, к тем, кто признался в своих ошибках и подал прошение о примирении. [627]

Каким бы энергичным и решительным ни был тон этих писем, они не произвели никакого эффекта на упрямых валенсийцев. Корт и город объединились, направив депутацию к королю с протестом против предполагаемого нарушения их прав. Расовый маэстро стоял в стороне и ничего не делал, чтобы устранить тупиковую ситуацию. Даже Королевский совет Валенсии запретил инквизиторам открывать свой трибунал на том основании, что они были иностранцами, в то время как, согласно фуэрос, никто, кроме местных жителей, не мог выполнять официальные функции. Все это вызвало очередной взрыв королевского гнева 31 августа. Фердинанд резко отчитал своих чиновников и пригрозил наказанием, пропорциональным тяжести проступка; причины, на которые ссылались посланники и совет, были отвергнуты как несостоятельные; он приказал губернатору приступить к работе инквизиторам, не заботясь о том, что могут сделать суды или что могут сказать люди, и он призвал инквизиторов не терять времени при выполнении своих обязанностей. [628] Борьба продолжалась, но в конце концов сопротивление было сломлено, и 7 ноября 1484 года инквизиторы смогли официально приступить к своим обязанностям, произнеся свою *проповедь о вере* и опубликовав свои эдикты. Хотя они, таким образом, были в форме для ведения дел трибунала, обычные церемонии были опущены, и они не рискнули требовать от светских и церковных сановников обычных клятв — все это Фердинанд впоследствии приказал исполнить. [629]

ВАЛЕНСИЯ

Едва инквизиторы начали действовать, как представитель Борджиа, архидьякон Матео Меркадер, стал причиной новых неприятностей. Между ним и Хуаном де Эпилой возник разлад, который грозил привести к еще более серьезным последствиям, чем его ссоры с Гуальбесом, которые поставили под угрозу попытку возродить старую инквизицию. Терпение Фердинанда лопнуло, и он настолько серьезно отнесся к сложившейся ситуации, что отправил своего

секретаря Антонио Салаверта в Валенсию, вооруженного категорическими приказами Меркадери и губернатору. От первого потребовали передать свои епископские функции Марти Триго, другому генеральному викарию, отказаться от буллы от 4 декабря 1481 года, делегирующей ему инквизиторские полномочия, и больше никоим образом не вмешиваться в Святую Канцелярию. В случае неповиновения губернатору было приказано, не мешкая ни минуты, приказать ему под страхом штрафа в пять тысяч флоринов в течение двадцати четырех часов отбыть ко двору короля и в течение шести дней оказаться за границей Валенсии; в случае невыполнения этого требования все его временные средства должны были быть изъяты для уплаты штрафа, а дальнейшее возмездие должно было быть встречено изгнанием его из королевства как непокорного мятежника. Инквизиторам также было приказано больше не вызывать его на свои заседания и не позволять ему принимать участие в их действиях. [630] Все это было вопиющим нарушением феодальной земли и независимости Церкви и показывает, какую вольность позволял себе Фердинанд, когда дело касалось инквизиции. Однако это было успешно, и мы больше ничего не слышим о Меркадере, хотя только 8 февраля 1486 года курия согласилась с этой произвольной незаконностью, отзывав его полномочия вместе с полномочиями старых инквизиторов. [631]

Тем не менее, Валенсия не была расположена позволять инквизиции беспрепятственно осуществлять свои полномочия или оказывать ей помощь, необходимую от всех верующих. Дворяне продолжали в течение нескольких месяцев оказывать сопротивление, и когда оно было номинально подавлено, оно продолжалось в пассивной форме. Чтобы соответствовать этому, Фердинанд в письме от 17 августа 1485 года приказал Моссену Джоану Карраске, альгвазилу инквизиции, по простому приказу инквизиторов арестовывать и сажать в тюрьму любого человека, независимо от того, насколько высокого положения он занимал. Для этого он не должен был просить согласия какой-либо светской власти, поскольку вся королевская власть была вверена ему, и все должностные лица под страхом двух тысяч золотых флоринов и других произвольных наказаний должны были оказывать ему активную помощь. Даже этого нарушения королевской клятвы уважать свободы подданных было недостаточно, поскольку в другом письме от 23 января 1486 года говорится, что дворяне продолжали предоставлять убежище в своих землях беглецам от инквизиции, даже тем, кто был осужден и сожжен в виде чучела, а потому им было предложено, под присягой и штрафом в двадцать тысяч золотых флоринов, выдать альгвазилю всех, кого он мог указать, и помочь ему в их поимке. Примерно в то же время Фердинанд передал королевский дворец Валенсии на службу инквизиции и приказал построить в нем необходимые тюрьмы. Его собственные чиновники, очевидно, к этому времени были приучены к послушанию, поскольку в марте 1487 года он пишет губернатору, горячо восхваляя их рвение. [632] Чтобы стимулировать это, 28 июля 1487 года он выдал охранную грамоту, взяв под королевскую защиту всех должностных лиц инквизиции, их семьи и имущество; все королевские чиновники, от высших до низших, были обязаны, под страхом пяти тысяч флоринов и королевского гнева, помогать им и арестовывать тех, кого они укажут. [633]

АРАГОН

Тем не менее, время от времени возникали вспышки сопротивления, на которые принимались быстрые и эффективные меры. В 1488 году генерал-лейтенант королевства отважился силой вывести из тюрьмы инквизиции некоего Доминго де Санта Крус, осужденного за ересь, и был немедленно вызван Торквемадой для ответа за свою безрассудность. Фердинанд в то же время сурово написал ему, чтобы он прибыл без промедления, и, чтобы королевство не осталось без

губернатора, послал ему бланк для заполнения с указанием имени заместителя, который будет действовать во время его отсутствия или до тех пор, пока король не примет иного решения; более того, все, кто помогал в вывозе заключенного, должны были быть немедленно арестованы инквизиторами. [634] Итак, когда в 1497 году нотариусы Валенсии заявили, что нотариусы Святой канцелярии не имеют полномочий заверять документы, касающиеся продажи конфискованного имущества и других подобных операций, и вызвали их к светским властям, Фердинанд пригрозил им суровым наказанием, помимо судебного преследования инквизицией, которому они были обязаны препятствовать, поскольку это не подпадало ни под один из законов или привилегии земли. Он также написал герцогу Сегорбскому, своему генерал-лейтенанту, письмо с просьбой поддержать инквизицию; фискал Супремы представил *clamosa*, в котором утверждалось, что виновные в этом действии были отлучены от церкви и понесли наказание за пропаганду ереси, и генеральный инквизитор направил им это письмо с требованием явиться в течение пятнадцати дней и защищать себя. [635] Инквизиция была настолько священна, что простая попытка решить в судебном порядке вопрос бизнеса была преступлением, влекущим за собой суровые наказания. Резкий упрек Фердинанда в 1499 году, когда дело о конфискации, сопряженное с особыми трудностями, побудило королевских чиновников и местных магистратов встретиться и составить протест в выражениях, нелестных для трибунала, уже упоминался (стр. 189). Вероятно, одним из результатов этого было то, что 28 июня 1500 года инквизиторы вызвали к себе всех должностных лиц и дипутадо и, когда все были в сборе, зачитали им апостольские послания и послания короля о трибунале и его гонорах и потребовали от всех присутствующих принести клятву повиновения, к которой должным образом присоединились без возражений. [636] Таким образом, непрекращающееся давление трона, наконец, возымело действие, и, несмотря на его ожесточенность, маленькое королевство оказалось под игом.

Трибунал действовал активно и эффективно. Уже в июне 1488 года список тех, кто примирился в соответствии с Эдиктами Благодати, составлял 983 человека, и среди них не менее ста женщин описаны как жены или дочери сожженных мужчин. Тем, кто был включен в этот список, были даны гарантии, что их имущество не будет подлежать конфискации — если только оно уже не было наложено на него ареста — и что они смогут осуществлять продажу и получать хорошие титулы. Очевидно, инквизиторское рвение проигнорировало это заверение, поскольку эти кающиеся подали прошение и получили его подтверждение 30 мая 1491 года. [637] Конечно, они были подвергнуты крупным штрафам под видом денежной епитимьи, и мы можем легко представить, насколько велика была сумма, внесенная таким образом в казну инквизиции, на которую пока еще наложены эти штрафы.

АРАГОН.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В САРАГОСЕ

Само материнское государство Арагон, на первый взгляд, представляло собой еще более сложную проблему, чем Валенсия. Народ гордился своей древней свободой и был полон решимости поддерживать ее с помощью учреждений, тщательно организованных для этой цели. Конверсос были многочисленны, богаты и могущественны, занимали многие высшие посты и вступали в браки с самыми знатными домами, и судьба их братьев в Кастилии предостерегала их от того, что их ожидало. Во времена возрождения старой инквизиции Валенсия была ареной действий, и мы мало что слышим о Гуальбах и Ортах за ее пределами.

Однако признание кортесом Таразоны весной 1484 года юрисдикции Торквемады, конечно же, включало Арагон; он, не теряя времени, организовал трибунал в Сарагосе, назначив 4 мая инквизиторами брата Гаспара Жюглара и маэстро Педро Арбуэса, каноника собора, с необходимыми подчиненными, и к 11 мая были завершены назначения для суда в полном составе, как мы узнаем из приказа о выплате жалованья. [638] Расходы были большими, но они уже были предусмотрены; Торквемада, должно быть, сам использовал свой досуг в качестве инквизитора, поскольку 10 мая в соборе состоялось аутодафе, на котором четыре человека были наказаны и подвергнуты конфискации. [639] Гаспар Юглар на этом посту получил награду за услуги, которые он оказал в качестве назначенца инквизиторов, но недолго наслаждался этим; он почти сразу же исчезает, отравленный, как было сказано, Конверсос какими-то *rosquillas* или сладкими пирожными. [640] Приступая к работе, мы не теряли времени. Фердинанд написал из Таразоны 10 мая, что Эдикт о помиловании, по которому было принято решение, не подлежит опубликованию, но что разбирательство должно продолжаться так, как если бы он был провозглашен и срок его действия истек, что лишает Конверсос возможности выступить с признанием и объясняет отсутствие в Сарагосе длинных списков кающихся, которые мы находим в других местах. [641] Таким образом, хотя членам трибунала, должно было потребоваться некоторое время, чтобы собраться, к 3 июня он был готов для проведения еще одного автопробега, проходившего во дворе архиепископского дворца. На этот раз дело не обошлось бескровно, поскольку двое мужчин были казнены, а чучело женщины сожжено. [642]

В течение восемнадцати месяцев в Сарагосе больше не проводилось автопробегов. До сих пор люди были пассивны; они приняли действия кортеса Таразоны, очевидно, находясь под впечатлением, что новая инквизиция будет такой же инертной, какой долгое время была старая, но, когда они осознали реальность, возникла оппозиция, которая потребовала прекращения, и Арбуес больше никогда не праздновал аутодафе. Не только конверсос, но и многие старые христиане осуждали инквизицию как противоречащую свободам страны. Главными возражениями против этого были тайна процедуры и конфискация имущества, и, поскольку это были самые обычные места инквизиционной деятельности, это показывает, насколько полностью бездействовал старый институт. Так много Конверсос были юристами, судьями и высокопоставленными должностными лицами, что у них было множество возможностей воспрепятствовать действиям трибунала путем получения судебных запретов и решений судов относительно конфискаций, которые они рассматривали как наиболее спорный момент, полагая, что, если бы их можно было остановить, весь бизнес погиб бы от бездействия. [643]

Чтобы преодолеть это сопротивление, пришлось прибегнуть к правилу, обязывающему всех, кто занимал должность, приносить клятву повиновения инквизиции. 19 сентября королевские и местные чиновники были собраны и торжественно поклялись нерушимо соблюдать святую римско-католическую веру, направить всю свою энергию против каждого человека любого ранга, который был еретиком, подозреваемым в ереси или сторонником ереси, осудить любого, кого они могли бы считать виновным, и не назначать на должность никого, кого они подозревали в вере или лишили дееспособности по закону. Несколькими днями позже ту же клятву принесли губернатор Арагона Хуан Франсиско де Эредиа и его ассессор Франсиско де Санта-Фе, сын того обращенного Джеронимо де Санта-Фе, который вызвал в народе отвращение к иудаизму. Впоследствии от других дворян потребовали принести присягу, и постепенно она распространилась на все различные сословия. Затем, в ноябре, последовало собрание инквизиторов Торквемады в Севилье, инструкции которого были должным образом переданы Арагону для соблюдения, хотя Арагон не был представлен на конференции. До сих

пор у трибунала, по-видимому, не было определенного помещения, но теперь он разместился в нескольких домах между кафедральным собором и архиепископским дворцом, что было удобно для церковной тюрьмы. [644]

Волнение усилилось, и те, кто считал себя в опасности, начали искать спасения в бегстве, после чего Фердинанд 4 ноября отдал приказ властям трех королевств принять все необходимые меры для предотвращения отъезда всех, кто не был тверд в вере. Попытка оказалась неэффективной, поскольку было решено нарушить *fuegos*, но инквизиция была выше *fuegos*, и Фердинанд поручил инквизиторам издать указ, запрещающий кому-либо покидать королевство без их разрешения, под страхом быть привлеченным к ответственности как рецидивирующий еретик в случае возвращения, и он саркастически сказал, что это скандальное проявление произвола приведет в исполнение, чтобы цель могла быть достигнута без ущемления свобод королевства. [645]

СОПРОТИВЛЕНИЕ В ТЕРУЭЛЕ

Богатые Конверсос предлагали соверенам большие суммы, если они откажутся от конфискаций, но это предложение было отклонено. Была выделена крупная сумма, чтобы умиловить курию, но соглашение, по которому земля перешла к Торквемаде, было слишком недавним, чтобы его можно было изменить. Лейтенанта юстиции Арагона Тристана де ла Порта убеждали полностью запретить инквизицию, но тщетно. Затем Четыре сословия королевства были созваны вместе для обсуждения вопроса, который касался свобод всей страны. Чтобы предотвратить их действия, Фердинанд 10 декабря обратился с циркулярным письмом к депутатам и виднейшей знати, нежно умоляя их оказать благосклонность и помощь инквизиторам Сарагосы и Теруэля, но это не возымело никакого эффекта, и было отправлено торжественное посольство с увещеваниями. На их заявления он ответил, опровергнув их аргументы, практически предположив, что он был всего лишь представителем Церкви в обеспечении соблюдения хорошо известных принципов канонов. Суть его ответа заключена в ответе на их требование о том, чтобы инквизиция продолжалась, как в прошлые времена, поскольку любым другим способом она нарушала свободы королевства. “У нас нет намерения, - сказал он, - нарушать *фуэрос*, а скорее добиваться их соблюдения. Не следует воображать, что такие вассалы-католики, как арагонские, потребовали бы или что короли-католики предоставили бы *фуэро* и свободы, противоречащие вере и благоприятные ереси. Если бы старые инквизиторы действовали добросовестно, в соответствии с канонами, не было бы причин привлекать новых, но они были лишены совести и развращены взятками. Если еретиков так мало, как сейчас утверждается, то не должно быть такого страха перед инквизицией. Никто не должен препятствовать наложению ареста на него, конфискации и другим необходимым действиям, поскольку будьте уверены, что никакой причине или интересу, какими бы большими они ни были, не будет позволено вмешиваться в его производство в будущем так, как это происходит сейчас”. [646]

Тем временем в Теруэле имело место более открытое сопротивление инквизиции, в ходе которого было наглядно продемонстрировано непреклонное намерение монарха добиться повиновения любой ценой. Одновременно с организацией Сарагосского трибунала фрай Хуан Коливера и Моссен Мартин Наварро были отправлены в Теруэль со своими подчиненными для создания там трибунала. Теруэль был довольно важным укрепленным городом недалеко от кастильской границы, столицей своего округа, хотя и не был выделен в отдельное епископство

до 1577 года. Когда преподобные отцы предстали перед воротами, магистраты отказали им во въезде, и они благоразумно удалились в Селлу, деревню примерно в четырех лигах от них, откуда обнародовали эдикт, отлучающий магистратов от церкви и накладывающий интердикт на город. У продажного папского двора Теруэлю не составило труда раздобыть письма, на основании которых декан Франсиско Савистан и Мартин де Сан Хуан, настоятель Вильякемады, снимали отлучение от церкви и отменяли интердикт, и маловероятно, что какой-либо успех сопровождал приказу Фердинанда своему сыну, архиепископу Сарагосы, отправить своему чиновнику в Теруэле секретные инструкции схватить двух священников и держать их в цепях. Город направил ему мольбу через Хуана де ла Мату и микера Хайме Мору, но он только приказал им отправить домой категорический приказ подчиниться под страхом такого наказания, которое должно послужить вечным примером. Об этом он также сообщил губернатору Арагона Хуану Фернандесу де Эредиа с инструкциями доставить его в Теруэль и зачитать магистратам, когда, если они не уступят, каждому в отдельности должен был быть зачитан официальный приказ явиться к нему — все это, несомненно, было выполнено безрезультатно. Фердинанд также приказал посланникам не покидать двор, но они тайно бежали, и его радость была безмерной, когда шесть месяцев спустя Хуан де ла Мата был схвачен Хуаном Гарсесом де Марсильей.

СОПРОТИВЛЕНИЕ В ТЕРУЭЛЕ

Следующим шагом инквизиции был указ от 2 октября 1484 года, конфискующий у короны все должности в Теруэле и объявляющий их неспособными занимать какие—либо почетные или прибыльные должности - указ, который Фердинанд приступил к исполнению, прекратив выплачивать им жалованье. Напрасно депутато Арагона заступались за него; он коротко ответил, что жителям Теруэля не на что жаловаться и они виновны в безумии и бесчинствах. Затем инквизиторы предприняли последние действия, которые были строго в пределах их компетенции, выпустив письмо, призывающее к помощи светской власти и призывающее короля дать им возможность схватить магистратов и конфисковать их имущество. На это он ответил 5 февраля 1485 года *собранием Executoria invocationis brachii sæcularis*, адресованным всем должностным лицам Арагона, требуя от них и знати собрать всю конницу и пехоту, которую они смогут собрать, и поставить их на службу инквизиторам под командованием капитана, которого он пошлет принять командование. Под страхом королевского гнева, лишения должности, штрафа в двадцать тысяч золотых флоринов и дискреционных наказаний им было приказано арестовать всех жителей Теруэля и их имущество и передать их инквизиторам для наказания за их чудовищные преступления таким образом, чтобы они послужили непреходящим примером. Жителям Целлы также было приказано передать свой замок инквизиторам для использования в качестве тюрьмы и произвести весь необходимый для этой цели ремонт. Очевидно, реакция Арагона на этот призыв была неудовлетворительной, поскольку Фердинанд, вопреки закону фуэро, запрещавшему ввод иностранных войск в королевство, пошел на крайний шаг, призвав дворян Куэнки и других приграничных кастильских округов собрать своих людей и присоединиться к священной войне, в то время как получателю конфискаций было приказано продать достаточно имущества, чтобы покрыть расходы. Было ли собрано это грозное войско или нет, документы нам не сообщают, равно как и об обстоятельствах, при которых Теруэль подчинился, но он сопротивлялся королевской воле так долго, как только осмеливался, и не смог выстоять против сил двух королевств. К 15 апреля Фердинанд был в состоянии назначить Хуана Гарсеса де Марсилью, похитившего Хуана де ла Мата, *помощником* или губернатором Теруэля с абсолютными диктаторскими полномочиями, и

дух, с которым он их осуществлял, можно понять из его заявления о том, что он не собирался позволять фуэрос или привилегиям стоять на пути. Участь жителей была тяжелой. Фердинанд приказал Марцилье изгнать всех, кого могли назначить инквизиторы, отдав таким образом все население в их руки, и их правление, должно быть, было невыносимым, поскольку в январе 1486 года Фердинанд упрекает Марцилью в том, что его племянник, который помогал в захвате ла Маты, недавно пытался убить альгвасила инквизиции. Предположительно, казна инквизиции была наполнена штрафами и конфискациями, которые могли быть наложены по усмотрению граждан за препятствование инквизиции. Во время долгой борьбы Теруэль оказался в невыгодном положении из-за того, что окружающая страна поддерживала инквизиторов, привлеченных на свою сторону хитроумным ходом, с помощью которого инквизиторы, находясь в Челле, гарантировали при выплате определенных сумм погашение всех долгов и освобождение от всех ценз, или облигаций, или земельной ренты, которые могли быть причитающимися еретикам, которые должны были быть осуждены и подвергнуты конфискации в Теруэле. Таким образом, все должники жаждали успеха инквизиторов и наказания за ересь среди городских конверсос-ростовщиков. [647]

Тем временем в Сарагосе конверсос приходили в отчаяние. Все мирные средства предотвратить нависшую над ними судьбу потерпели неудачу, и события в Теруэле продемонстрировали тщетность сопротивления. Более смелые духи начали шептаться, что единственный оставшийся ресурс - это убить одного-двух инквизиторов, когда предупреждение удержит других от опасности. Они знали, что секретная информация распространялась пешком, собирая из всех источников показания против них всех. Почти открыто говорилось, что инквизитор Арбуэс готов заплатить за удовлетворительные показания, и жизнь и состояние каждого человека были во власти злонамеренных людей. [648] Санчо де Патерной, расовый маэстро Арагона, на суде признался в предвзятом отношении к Хуану де Анчиасу, секретарю трибунала, потому что он поинтересовался у еврейского портного, есть ли у Патерной место в синагоге. [649] Неизвестность становилась невыносимой; проект убийства постепенно обретал форму, и, когда были проведены консультации с друзьями Конверсос при королевском дворе, включая казначея Фердинанда Габриэля Санчеса, они одобрили его и написали, что если инквизитор будет убит, это положит конец инквизиции. [650]

Сначала предполагалось уступить дорогу не только Педро Арбуэсу, но и ассессору Мартину де ла Рага, а также микеру Педро Франсу, и был составлен заговор с целью утопить ассессора, когда он шел по Эбро, но его случайно сопровождали два джентльмена, и от него отказались. [651] Все внимание заговорщиков было тогда сосредоточено на Арбуэсе. Маэстро Эпила, как его обычно называли, не был человеком какой-либо выдающейся личности, хотя его выбор Торквемадой указывает на то, что он считался человеком, обладающим качествами, необходимыми для обуздания непокорных арагонцев, и нам говорят, что он был красноречивым проповедником. Он обладал даром пророчества, если мы можем верить истории о том, что он предсказал своему коллеге Мартину Гарсии, что тот достигнет епископата, поскольку Гарсия в 1512 году стал епископом Барселоны, но такое предвидение не обязательно объясняет его нежелание принять должность инквизитора, поскольку, хотя это всегда было многообещающим путем к продвижению по службе, пост, очевидно, предстоял нелегкий. [652] Его колебания были преодолены, и мы увидели, как энергично он начал свою новую карьеру, однако возникшие перерывы помешали ему многого добиться, и он стал жертвой скорее страха, чем мести.

УБИЙСТВО АРБУЭСА

Заговорщики, очевидно, пребывали в нерешительности, поскольку заговор долго вынашивался, но тайна хранилась на удивление хорошо, учитывая, что переписка по этому поводу была обширной. Однако недостатка в слухах не было, и уже 29 января 1485 года Фердинанд написал губернатору Арагона, что готовится заговор и что собирается крупная сумма, чтобы всячески смутить инквизицию, но в то же время он поблагодарил юратов за их усердие в оказании помощи инквизиторам. [653] Если затем возникало подозрение, то оно снова спадало, и в течение шести месяцев встречи проводились так, что никто их не обнаруживал. Было решено собрать средства для найма наемных убийц, и были назначены три казначея. Хуан де Эсперанде, курьер, известный как отчаявшийся человек, чей отец был арестован, взялся найти браво и нанял для этой цели Хуана де ла Бадиа. В апреле или мае 1485 года было совершено покушение на дом, где жил Арбуэс, но мужчины были отпугнуты, и дело было отложено на несколько месяцев. Наконец, ночью 15 сентября Эсперанде отправился в дом ла Бадиа и разбудил его; вместе они вернулись к Эсперанде, где нашли француза, слугу последнего Видау Дуранго, с Матео Рамом, одним из руководителей заговора, его оруженосцем Тристанико Леонисом и тремя другими людьми в масках, которые остались неизвестными. Все они направились в собор и вошли через дверь капитула, которая была открыта по случаю заутрени. Арбуэс стоял на коленях в молитве между главным алтарем и хорами, где пели каноники; он знал, что его жизни угрожает опасность, потому что на нем были кольчуга и стальной колпак, а копье, которое он нес, было прислонено к колонне. Ла Бадиа прошептал Дуранго: “Вот он, отдай это ему!” Дуранго подкрался сзади и ударом наотмашь пробил его шею между доспехами. Он поднялся и, пошатываясь, направился к хорам, сопровождаемый ла Бадиа, который проткнул ему руку насквозь, в то время как Матео Рам, как говорили, также проткнул его тело насквозь. Он упал; убийцы поспешили прочь, а каноники, встревоженные шумом, выбежали с хоров и отнесли его в ближайший дом, где были вызваны хирурги, которые признали раны смертельными. Он пролежал двадцать четыре часа, повторяя, как нам сказали, благочестивые восклицания, и умер 17 сентября, между 1 и 2 часами ночи. Чудеса сразу же засвидетельствовали его святость. В ночь убийства святой колокол Виллелы зазвонил без участия человеческих рук, сломав бычью лапу, которой был закреплен колокол. Его кровь, запятнавшая каменные плиты собора, после высыхания в течение двух недель внезапно разжижилась, так что толпы людей приходили макать в нее тряпки и лопатки, и их пришлось насильно отгонять, когда его хоронили на том месте, где он упал: когда инквизиторы допрашивали заговорщиков, их рты почернели, а языки пересохли так, что они не могли говорить, пока им не дали воды. В народе считалось, что, когда в своем бегстве они достигали границ королевства, они становились божественно оцепеневшими до тех пор, пока их не хватали похитители. Более правдоподобным является чудо, о котором сообщает Хуан де Анчиас, что их испытания привели к обнаружению бесчисленных еретиков, которые были должным образом наказаны или сожжены. [654] В денежном отношении дело обошлось недешево; все затраты составили всего шестьсот флоринов, из которых сто было выплачено убийце. [655]

ОТВРАЩЕНИЕ К ЧУВСТВАМ

Как и убийство Пьера де Кастельно в Лангедоке, это преступление перевернуло чашу весов. Его непосредственным результатом стало отвращение к народным чувствам, которые до сих пор были явно враждебны инквизиции. Весть об убийстве распространилась по городу с поразительной быстротой, и еще до рассвета улицы заполнили возбужденные толпы, кричавшие: “Сожгите конверсос, убивших инквизитора!” В возбуждении чувств крылась опасность не только того, что Конверсос будут вырезаны, но и того, что Джудерия и Морерия будут разграблены. При свете дня архиепископ Альфонсо де Арагон вскочил на коня и проехал по улицам, успокаивая толпу обещаниями скорейшего правосудия. Немедленно было созвано собрание всех высокопоставленных лиц города, которое преобразовалось в национальную ассамблею и уполномочило всех церковных и светских должностных лиц действовать против каждого, кого это касается, с максимальной энергией и без соблюдения обычаев и фуэрос королевства. [656] В течение нескольких дней Конверсос продолжали льстить себе надеждой, что деньгами они обезоружат гнев Фердинанда; по их словам, на их стороне весь двор и симпатии всех магнатов страны, [657] но они просчитались в его проницательном решении извлечь максимальную выгоду из их промаха и вытекающей из него слабости их друзей. Королевского гнева, действительно, очень боялись, и несколько дней спустя дипутадо написали королю, сообщив о том, что было сделано; преступники уже обратились в бегство; город предложил награду в пятьсот дукатов; судьи написали в другие страны с просьбой о помощи в поимке беглецов, и как город, так и королевство охотно приложат все усилия и понесут расходы, необходимые для отмщения за преступление. Также было выпущено воззвание, отлучающее от церкви всех, кто знает о заговоре, которые не должны в течение определенного времени выходить вперед и раскрывать то, что им известно. [658]

Вероятно, именно в результате убийства Фердинанду и Изабелле удалось получить от Иннокентия VIII папские письма от 3 апреля 1487 года, предписывающие всем князьям, правителям и магистратам Испании хватать и доставлять инквизиции Испании всех беглецов, которые должны быть им переданы, таким образом распространя свое оружие повсюду по всему христианскому миру и практически объявляя всех беженцев вне закона; никаких доказательств не требовалось, достаточно было простой реквизиции, капитуляция должна была быть произведена в течение тридцати дней и гарантирован безопасный проезд до границы под страхом отлучения от церкви и наказания за пособничество о ереси. К счастью для человечества, эта чудовищная попытка папского абсолютизма установить новое международное право была практически проигнорирована. [659]

ИНКВИЗИЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

Однако был один случай, в котором, по-видимому, были применены его карательные положения. Несколько соучастников убийства нашли убежище в Туделе, пограничном городе Наварры, и 27 января 1486 года Фердинанд написал тамошним магистратам с нежной просьбой, чтобы, если инквизиторы пошлют за обвиняемым, была оказана любая помощь, учитывая, что он отдал приказ подчиняться подобным поборам во всех своих королевствах. Это ходатайство не увенчалось успехом, и в мае он властно повторил его, пригрозив им войной как защитникам еретиков. [660] Состояние гибнущего королевства Наварра при юных Екатерине и Жане д'Альбре было не таким, чтобы защитить его от оскорблений такого монарха, как Фердинанд, и инквизиторы осмелились дойти до того, что поручили дону Хуану де Рибере, в то

время командовавшему пограничными войсками, привести королевские угрозы в исполнение. Этот благоразумный офицер отказался начать войну против дружественного государства без защиты специального приказа, подписанного Фердинандом и Изабеллой, после чего 30 июня инквизиторы пожаловались на него королю. Он был в Галисии, подавляя восстание графа Лемоса и призывая незаконную знать к порядку, и из Визо, 22 июля, он ответил, что немедленно отправил бы приказ, но привел с собой все пограничные войска; как только его задача будет выполнена, он отправит обратно войска с приказом дону Хуану начать войну с Туделой таким образом, чтобы заставить ее делать то, что требуется для служения Богу. [661] В письме Торквемаде от того же числа говорится, что инквизиторы запросили каперские свидетельства и репрессии против Туделы из-за Луиса де Сантанхеля, но этому должна предшествовать *хартия требований*, которую он поручает Торквемаде подготовить и отправить ему, когда он выполнит ее. [662] Только в конце ноября монархи вернулись в Саламанку, и предполагается, что кампания против Туделы была отложена до весны. Конечно, беглецы задолго до этого искали какое-нибудь более безопасное убежище, но папский указ от 3 апреля 1487 года мог быть применен к магистратам, и они перенесли унижение, подчинившись трибуналу Сарагосы. На аутодафе, состоявшемся 2 марта 1488 года, алькальд и восемь горожан явились и наложили епитимью. [663]

Фердинанд осознал возможность, предоставленную убийством Арбуэса, и был полон решимости максимально использовать ее. Важным средством для этого было стимулирование народного почитания мученика. 29 сентября 1486 года его торжественные похороны были отпразднованы с такой же торжественностью, как и похороны самого святого; 8 декабря 1487 года была построена великолепная гробница, в которую были перенесены его останки; была установлена статуя с надписью монархов, а над ней барельеф, изображающий сцену убийства. Во время эпидемии в 1490 году город приказал поставить перед могилой серебряную лампу весом в пятьдесят унций и еще одну серебряную лампу, чтобы она горела день и ночь. [664] Его почитанию как святого не позволили дожидаться запоздалого признания Святого Престола.

Заговорщики просчитались, когда вообразили, что его убийство удержит других от того, чтобы занять его место. Теперь инквизиторам в Арагоне ничто не угрожало, и трибунал Сарагосы был быстро восстановлен и расширен в ожидании обильного урожая, который ожидался. [665] Работа не заставила себя долго ждать, и 28 декабря 1485 года был отпразднован автопробег, в ходе которого были сожжены мужчина и женщина. [666] Трибунал был перенесен в королевский дворец-крепость за пределами стен, известный как Альхаферия, в качестве доказательства того, что он находился под королевской охраной, и Фердинанд объявил, что он и его преемники взяли его под свою особую защиту. [667] В поместья королевства были разосланы строгие приказы и местным чиновникам немедленно подавить любое сопротивление конфискациям, которые становились настолько масштабными, что у получателя в Сарагосе было полно дел, и он был уполномочен назначать заместителей по всей стране для участия в работах в их соответствующих округах. [668]

При преобладающем настроении погоня за убийцами Арбуэса была жаркой, и вскоре мстители вышли на их след. Были допущены некоторые незначительные отступления, и множество любопытных деталей, на которые нам здесь не хватит места, можно найти в *Воспоминаниях об авторазведке* в Приложении, некоторые из которых показывают, что существовало мощное тайное влияние в пользу отдельных людей. Одна партия, состоявшая из главного организатора заговора Хуана де Педро Санчеса и его жены, Гаспара де Санта-Круса и его жены Мартины де

Сантанхель, Гарсиа де Мораса, Моссена Педро Маньяса и двух Педро де Алмазан, совершили побег через Туделу, за что, как мы видели, этот город был признан ответственным, а сеньор Кадрейты, предок герцогов Альбуркерке, был наказан за предоставление им убежища и получение шестидесяти флоринов в уплату. [669]

НАКАЗАНИЕ УБИЙЦ

Хотя по указу как светские, так и церковные суды были уполномочены наказывать виновных, судебное преследование, по-видимому, было полностью оставлено на усмотрение инквизиции, и она удовлетворилась сожжением чучел беглецов. Многие, однако, понесли наказание лично. Видау Дуранго вскоре был пойман в Лериде, где ему не составило труда раскрыть подробности заговора и имена сообщников. Последовала работа возмездия, которая продолжалась в течение многих лет. В автокатастрофе 30 июня 1486 года Хуан де Педро Санчес был сожжен как чучело; с Видау Дуранго обошлись милосердно, несомненно, учитывая его коммуникабельность; его руки были отрублены и прибиты гвоздями к двери Дипутациона, или Дома Дипутадос, и только после того, как он был мертв, его оттащили на рыночную площадь, обезглавили и четвертовали, а фрагменты развесили по улицам. Наказание Хуана де Эсперандеу было более суровым; его при жизни притащили к portalу собора, где ему отрубили руки; затем его потащили на рыночную площадь, обезглавили и четвертовали, как в случае с Дуранго. 28 июля были сожжены чучела Каспара де Санта-Круса и Мартина де Сантанхеля, а Педро де Эксиа, который внес свой вклад в фонд, был сожжен заживо. 21 октября Мария де ла Бадиа была сожжена как соучастница преступления. 15 декабря была спешно организована автокатастрофа; Франсиско де Санта-Фе, ассессор губернатора Арагона и сын великого Конверсо Джеронимо де Санта-Фе, был смертельно скомпрометирован в заговоре; потеряв надежду на спасение, он бросился с зубчатой стены башни, в которой был заключен, и был разорван на куски, и в тот же день его останки были сожжены, а кости, заключенные в ящик, были брошены в реку Тахо, как будто опасались, что их будут почитать как останки мученика. Хуан де ла Бадиа ускользал от своих мучителей еще более отчаянным способом. 21 января 1487 года была назначена автокатастрофа, в ходе которой он должен был пострадать; накануне в своей камере он разбил вдребезги стеклянную лампу и проглотил осколки, что быстро принесло смерть, которой он жаждал; на следующий день его труп вытащили и четвертовали, а руки отрубили, и по тому же случаю были сожжены чучела сообщников Педро де Алмазана старшего, Антона Переса и Педро де Веры. 15 марта Матео Раму, руководившему убийством, отрубили руки, а затем сожгли вместе с Жоаном Франсесом, которого подозревали в соучастии, и изображениями трех сообщников - Хуана Рама, Алонсо Санчеса и Гарсиа де Мораса. 8 августа Луис де Сантанхель, который был одним из главных заговорщиков, был обезглавлен на рыночной площади, его голова была насажена на шест, а тело сожжено. [670]

Таким образом, ужасная трагедия продолжалась годами, по мере того как изучались последствия заговора и выслеживались все, кто был отдаленно связан с ним. Только в 1488 году Хуан де ла Кабальерия предстал перед судом, жена Каспара де ла Кабальерии показала, что ее муж сказал ей, что Хуан предложил ему пятьсот флоринов за убийство инквизитора. Хуан признался, что узнал от Хуана де Педро Санчеса о существовании фонда для этой цели и что он упомянул об этом Гаспару, но пришел к выводу, что у Гаспара не хватило решимости для такого поступка; он умер в тюрьме в 1490 году, и его тело было сожжено в автомобиле 8 июля 1491 года, в то время как Гаспар был наказан 8 сентября 1492 года. [671] В этом последнем случае Санчо де Патернойя, расовый маэстро Арагона, был приговорен к пожизненному заключению. Суд

над ним был длительным; он неоднократно подвергался пыткам и признался в причастности к убийству, а затем полностью отказался от своих показаний, заявив, что ничего об этом не знал и что ночь убийства он провел во дворце архиепископа. Его вина была неясна; у него были влиятельные друзья, особенно Габриэль Санчес, казначей Фердинанда, и он был наказан по простому подозрению. [672] Любое выражение удовлетворения по поводу убийства было преступлением, подлежащим дорогому искуплению. Среди преступлений, за которые Педро Санчес был сожжен 2 мая 1489 года, перечислено это, и это было одним из главных обвинений, выдвинутых против Брианды де Бардакси, но, хотя она призналась в этом под пытками, впоследствии она отказалась от своих слов; это не могло быть доказано против нее, и она отделалась штрафом в размере трети ее имущества и временным тюремным заключением. [673] Убийство дало инквизиции широкие возможности произвести глубокое впечатление, и она максимально использовала свою удачу. [674]

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ИНКВИЗИЦИИ

Таким образом, инквизиция преодолела всякое сопротивление, и Арагон оказался в ее власти. Как было проявлено это милосердие, видно по множеству жертв из числа основных семей Конверсо, которые были почти уничтожены сожжением на костре или конфискацией. Имена Кабальерии, Санчеса, Сантанхеля, Рама и других с утомительным повторением встречаются в списках autos de fe. Так, из рода Сантанхель, которые происходили от новообращенного раввина Азариаса Жинильо, Мартин де Сантанхель бежал во Францию и был сожжен в виде чучела; Луис де Сантанхель, посвященный Хуаном II в рыцари за заслуги в войне с Каталонией, был обезглавлен и сожжен, как мы видели. Его двоюродный брат, Луис де Сантанхель, финансовый секретарь Фердинанда, который выдал Изабелле 16 000 или 17 000 дукатов, чтобы позволить Колумбу открыть Новый Свет, был наказан 17 июля 1491 года. Он все еще продолжал находиться на королевской службе, но, должно быть, был снова осужден за то, что после его смерти, около 1500 года, Фердинанд любезно передал конфискованное имущество своим детям, включая тысячу дукатов в качестве компенсации за конфискацию Микера Таранчо. Был еще один Луис де Сантанхель, который женился на дочери Хуана Видаля, также жертвы инквизиции, и который в конце концов бежал с ней во Францию, после чего его чучело было сожжено. Хуан де Сантанхель был сожжен в 1486 году. Хуан Томас де Сантанхель был наказан 12 августа 1487 года. Братом Хуана был Залмедина де Сантанхель, бежавший во Францию и сожженный как чучело 17 марта 1497 года. Габриэль де Сантанхель был осужден в 1495 году. Джисперте и Сальвадор де Сантанхель помирились в Уэске в 1499 году. Леонардо де Сантанхель был сожжен в Уэске 8 июля 1489 года, а его мать - двумя днями позже. Виоланта де Сантанхель и Симон де Сантанхель с Кларой, его женой, помирились в Уэске. Микер Мигель де Сантанхель из Уэски примирился 1 марта 1489 года. [675] Чтобы должным образом оценить этот ужасный список, мы должны иметь в виду, что “примирение” включало конфискацию имущества и инвалидность потомков, что было почти равносильно уничтожению семьи. В 1513 году Фолсона, жена Алонсо де Сантанхеля, обратилась к Фердинанду с петицией, в которой говорилось, что ее муж, Алонсо де Сантанхель, тридцать лет назад бежал от инквизиции, а его имущество было конфисковано, оставив ее в бедности с четырьмя маленькими детьми; она удержала восемьдесят либр из его имущества и потратила их; теперь ее совесть побуждала ее признаться в этом и просить о помиловании, которое король милостиво даровал “с нашим обычным милосердием и состраданием”. Один из этих четырех детей, по-видимому, Августин

де Сантанхель из Барбастро, сын Алонсо, который еще в 1556 году получил облегчение от инвалидности, вызванной осуждением его отца. [676]

В Арагоне не было дома Конверсо более могущественного, чем потомки Алазара Усуфа и его братьев, которые взяли фамилию Санчес и снабдили многих высокопоставленных чиновников, таких как казначей, байле, мэр диспенсера и т.д. Из них между 1486 и 1503 годами были сожжены лично или в виде чучела Хуан де Педро Санчес, Микер Алонсо Санчес, Анджелина Санчес, Брианда Санчес, Моссен Антон Санчес, Микер Хуан Санчес, а среди тамаритов, с которыми они были связаны узами брака, Леонор де Тамарит и ее сестра Олалия, Валентина де Тамарит и Беатрис де Тамарит. Of the same family there were penanced Aldonza Sánchez, Anton Sánchez, Juan de Juan Sánchez, Luis de Juan Sánchez, Juan Sánchez the jurist, Martin Sánchez, María Sánchez and Pedro Sánchez. [677] Нет необходимости множить примеры того, что происходило в Испании в те ужасные годы, поскольку Арагон был исключительным только в той мере, в какой трудолюбивый нотариус Хуан де Анчиас хранил и компилировал записи, которые должны засвидетельствовать несмываемое пятно на потомках. Есть что-то ужасное в отвратительном хладнокровии, с которым он перечисляет списки жертв, слишком многочисленные, чтобы вдаваться в подробности: “Гомесы Уэски - новые христиане, и многие из них были переданы в руки светских властей, а многие другие примирились”; “Запорты и бенеты Монзона ... многие из них были осуждены и переданы светской власти”. [678]

КАТАЛОНИЯ.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Каталония в старину была еще более несговорчивой, чем ее родственные королевства, и столь же ревниво относилась к своим древним правам и свободам. *Capitols de Cort*, или фуэрос, пожалованные в последующих кортах, было приказано систематизировать и честно выписать в двух томах, одном на латыни, а другом на лимосском; эти тома должны были храниться в Дипутации, скованные цепями, но открытые для публики, чтобы каждый гражданин мог знать свои права. Всякий раз, когда король или его чиновники нарушали их указом или актом, Дипутадо — постоянному комитету кортеса — было поручено всеми законными средствами противодействовать вторжению в их свободы до тех пор, пока отвратительная мера не будет отменена. [679]

Очевидно, предупрежденная о замыслах Фердинанда, Каталония проявила свою независимость, отказавшись послать представителей в корты Тарасоны в январе 1484 года, утверждая, что вызывать их за пределы княжества незаконно. [680] Каталонцы, таким образом, избежали признания юрисдикции Торквемады, но это никоим образом не помешало Фердинанду 11 мая отправить Хуану де Медине, своему распорядителю конфискаций в Барселоне, список окладов, аналогичный тому, который был составлен в то же время для Сарагосы, хотя имена назначенцев были оставлены незаполненными. [681] Граждане отреагировали на это, отправив ему консультацию, подтверждающую их права, и тем временем помешали старым инквизиторам проявить какую-либо активность. На это Фердинанд ответил из Кордовы 4 августа, выразив свое крайнее недовольство. Он заверил их, что им не нужно беспокоиться о своих привилегиях и свободах, поскольку инквизиция не предпримет ничего, чтобы нарушить их, и не будет применять жестокости, но будет относиться со всем милосердием к тем, кто возвращается к вере. Дальнейшие возражения, добавляет он, будут бесполезны, поскольку он твердо решил, что инквизиция должна выполнять свою работу, и

противодействие ей будет для него более оскорбительным, чем любая другая медвежья услуга. [682]

Каталонцы были непреклонны как к уговорам, так и к угрозам. Барселона утверждала, что в качестве особой привилегии, полученной непосредственно от Святого Престола, она имеет право на собственного инквизитора и что она не может быть подчинена генеральному инквизитору. У него уже был свой инквизитор в лице Хуана Конте, который, по-видимому, не доставлял народу хлопот и служил удобным препятствием для расширения юрисдикции Торквемады, тем более что он занимал папский пост. Чтобы преодолеть это препятствие, Фердинанд 12 октября написал своему послу в Риме, что инквизиторы не выполняют свой долг, поэтому он искренне просил, чтобы в кратчайшие возможные сроки ему и Изабелле и Торквемаде были предоставлены дополнительные полномочия назначать и смещать по своему усмотрению должностных лиц, которые должны быть полноправными инквизиторами, а не просто комиссарами, поскольку привилегии городов предусматривают, что они не должны подчиняться комиссарам. [683] Каталонские конверсос, несомненно, понимали, как совместно с курией противодействовать желаниям короля, поскольку девять месяцев спустя, 9 июля 1485 года, Фердинанд снова написал своему *аудитору Апостолико*, что инквизиции в Арагоне, Каталонии и Валенсии сильно мешают папские полномочия, предоставленные доминиканским магистрам теологии и другим лицам, и что он должен немедленно издать буллу, отменяющую все полномочия действовать в качестве инквизиторов, особенно у брата Хуана графа Барселонского и архидьякона Меркадера Валенсийского; Торквемада должен иметь разрешение действовать в качестве инквизитора. новое назначение в Арагонские королевства, и особенно в качестве инквизитора Барселоны, с возможностью делегировать свои полномочия. [684] Возможно, интерес кардинала Борджиа к своему генеральному викарию Меркадеру нейтрализовал усилия агентов Фердинанда, в течение шести месяцев просьба Фердинанда оставалась без удовлетворения, и в январе 1486 года король отважился на эксперимент, отправив двух назначенцев Торквемады, доминиканцев Хуана Франко и Гильена Казельса, с *Executoria pro Inquisitoribus apud Cataloniam*, адресованным всем чиновникам, которым было приказано под страхом пяти тысяч золотых флоринов принять и безопасно доставить их, чтобы помочь им в их работе, а также передать их другим лицам. арестовывать и заковывать в цепи всех, кого они могли бы назначить, и подвергать должному наказанию всех, кого они могли бы предоставить светской власти. [685] Это энергичное движение оказалось таким же бесплодным, как и его предшественники, и несколько недель спустя инквизиторам в Сарагосе был отдан приказ возместить из имеющихся у них денежных средств расходы священнослужителя, отправленного в Барселону, а также выплатить по пятьдесят либр каждому Эстебану Гаго, отправленному туда в качестве альгвасила, и Хайме Миллану в качестве нотариуса, чтобы обеспечить их поддержку. [686] В то же время Фердинанд выразил надежду, что барселонский трибунал вскоре заработает, и в этом он не был полностью разочарован.

БАРСЕЛОНА ПОДЧИНЯЕТСЯ

Иннокентий VIII, наконец, сдался и кратким указом от 6 февраля 1486 г. под предлогом того, что они были слишком усердны, он сместил всех инквизиторов, исполнявших папские поручения — в Арагоне Хуана Коливеру, Хуана де Эпилу, Хуана Франко и Гильена Казельса, в Валенсии Хуана Орта и Матео Меркадера и в Барселоне Хуана Конте; он назначил Торквемаду специальным инквизитором Барселоны с полномочиями подчинения и, очевидно, чтобы подготовиться к ожидаемому сопротивлению, уполномочил епископов Кордовы и Леона и аббата церкви Св.

Эмилиан Бургосский подавил всякую оппозицию, особенно со стороны Хуана Графа, в то время как он прямо отказался от привилегий города. [687] Несмотря на это грозное послание, прошло почти восемнадцать месяцев, прежде чем Барселона была вынуждена подчиниться, и последний назначенец Торквемады, Алонсо де Эспина, смог въехать в город. Когда, наконец, ему это удалось, 5 июля 1487 года, нам сообщают, что генерал-лейтенант княжества, епископы Уржеля, Тортосы и Хероны, а также многие джентльмены и горожане вышли поприветствовать его, но нигде не упоминается о Дипутадо, или местной магистратуре, или канониках, участвовавших в приеме, и только 30 июля муниципальные чиновники принесли ему присягу на повиновение. [688]

Вероятно, он все еще встречал препятствия на своем пути, поскольку только 14 декабря состоялась первая процессия кающихся, состоявшая всего из двадцати одного мужчины и двадцати девяти женщин, за которой неделю спустя последовала другая, участники которой подверглись бичеванию. [689] Незначительность этих цифр в результате пятимесячной работы показала, что Эдикт Милосердия встретил неблагоприятную реакцию, и первое публичное мероприятие, состоявшееся 25 января 1488 года, принесло только четырех живых жертв и изображения двенадцати беглецов. Как уже отмечалось в другом месте, страх, распространившийся за границей с приходом инквизиции после столь долгой борьбы, заставил большую часть тех, у кого были основания для страха, искать спасения в бегстве, несмотря на эдикты, запрещающие эмиграцию. За весь 1488 год количество сожжений составило всего семь, а в 1489 году их было всего три. Несомненно, именно из-за прохладного отношения местной магистратуры в более ранних авто пострадавшие были избавлены от крайней меры наказания в виде конгреции и милосердно задушены до того, как куча была подожжена. [690] Фактически, королевская седула от 15 марта 1488 года, вновь предписывающая всем должностным лицам оказывать помощь инквизиции под страхом штрафа в две тысячи флоринов, по-видимому, свидетельствует о немалой небрежности с их стороны. [691]

Юрисдикция трибунала Барселоны была обширной, охватывая епархии Барселоны, Таррагоны, Вича, Жероны, Лериды, Уржеля и Эльны; инквизиторы были трудолюбивы и посетили многие районы своей территории, поскольку у нас есть записи о том, что в течение оставшегося столетия аутодафе проводились в Таррагоне, Жероне, Перпиньяне, Балагере и Лериде, но уже 18 ноября 1500 года Фердинанд жалуется, что в Розеллоне инквизиция еще не была должным образом введена в действие и что не было предпринято никаких усилий для обеспечения конфискации. [692]

ВЕРХОВЕНСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Власть, с которой инквизиторы использовали свою власть, чтобы сломить независимый дух каталонцев, хорошо иллюстрируется пустяковым, но значительным инцидентом в 1494 году. Город Таррагона ввел карантин в Барселоне из-за эпидемии мора. 18 июня инквизитор Антонио де Контерас со всеми своими чиновниками, предположительно спасаясь от чумы, появился у ворот и потребовал впустить его. Генеральный викарий архиепископа, каноники, королевские и местные чиновники вышли ему навстречу и объяснили ситуацию, попросив его остаться в каком-нибудь удобном месте пососедству на несколько дней. Его ответ состоял в том, чтобы дать им отсрочку на три месяца, чтобы открыть свои ворота под страхом серьезного отлучения от церкви и интердикта, после чего они покинули его, обратившись с апелляцией к Святому Престолу. Он трижды прочел "Мизерере", приказал своему нотариусу постучать в ворота, а

затем обрушился с гневными упреками, дополнительно распорядившись, чтобы ни один нотариус, кроме его собственного, не делал записи об этом деле. Затем он удалился в соседний доминиканский монастырь, откуда отправил свое отлучение, чтобы оно было прикреплено к городским воротам. Во время ужина подошел писец Киприан Корт и вручил ему уведомление об апелляции в Рим, за что был схвачен и заключен в монастырскую тюрьму. Ночью главный викарий с толпой горожан окружил монастырь с такой угрозой, что писец был освобожден. Только 18 июля инквизитор въехал в Таррагону, когда он приостановил действие отлучения от церкви и интердикта и снял показания по этому делу, изгнав человека, который сказал, что он точно так же отказался нарушить карантин для инквизитора. Наконец, 5 сентября все высокопоставленные лица, церковные и светские, с ведущими гражданами, были собраны в часовне капитула в присутствии инквизитора и дона Хуана де Ланузы, генерал-лейтенанта Каталонии. Там они смиренно просили прощения и отпущения грехов и предлагали понести любую епитимью, которую он мог бы наложить; он заставил их поклясться в послушании ему и назначил для епитимьи следующее воскресенье, когда все они были обязаны посетить мессу как кающиеся грешники с зажженными свечами в руках, навлекая таким образом несмываемое клеймо на себя и свое потомство. [693]

Людей, которые пользовались своей ужасной и безответственной властью таким произвольным образом, нельзя было удержать ни законом, ни обычаем, и к их тирании можно было обратиться только к королю, который решил, что никто, кроме него самого, не должен их сдерживать. Он уже издал седулу от 26 марта 1488 года, запрещающую всем светским чиновникам, начиная с генерал-лейтенанта и ниже, узнавать о чем-либо, касающемся подчиненных и приближенных Святой канцелярии, под страхом королевского гнева и штрафа в две тысячи флоринов, и когда в 1505 году дипутадо Каталонии были вовлечены в какую-то пустяковую ссору с инквизиторами и заявили Фердинанду, что их юрисдикция противоречит конституции страны, он строго ответил, что юрисдикция веры и исполнение ее законов являются предметом судебного разбирательства. приговоры относились к инквизиции; что эта юрисдикция была высшей по отношению ко всем остальным и что не существовало фуэро или закона, которые могли бы воспрепятствовать этому. [694] Это судьбоносное заявление практически закрепилось в испанском публичном праве.

Было невозможно не злоупотреблять такой безответственной властью, и вскоре от каталонских властей поступила серия жалоб, которые, как мы увидим ниже, продолжались с небольшими перерывами до восстания 1640 года. Однако в настоящее время Фердинанд проявил стремление обуздать злоупотребления, неизбежные при существующей системе, и в письмах от 16 и 20 августа и 3 сентября 1502 года инквизиторам Барселоны он приложил памятку от дипутадо Каталонии, сопроводив ее суровым упреком. Главный источник жалоб заключался в том, что получатель конфискации скупал иски и преследовал их по закону с помощью непреодолимого механизма трибунала. В примерном случае Франси Баллестер перевел получателю за 100 либр долг Хуана де Трилло в размере 228 евро, который затем был взыскан инквизицией. Фердинанд сказал, что он часто запрещал эту практику и приказывал инквизиторам отлучить получателя от церкви, если он будет упорствовать в этом. Затем получатель удовлетворился меньшей прибылью и приступил, в случае с конфискованным имуществом некоего Махула, к взысканию с него долгов за комиссию в размере десяти процентов, в результате чего кредиторы с самыми слабыми требованиями получили большую часть денег. И снова Фердинанд запретил это 9 сентября, приказав внести все средства в *табла* Барселоны для справедливого распределения между кредиторами и возмещения всех

комиссионных. [695] В то же время не было и речи о единственном эффективном способе искоренить эти практики с корнем — об увольнении мошеннического приемника. Эта нежность к должностным преступлениям сохранялась на протяжении всей карьеры инквизиции и препятствовала какой-либо эффективной реформе.

БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА.

БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА

Майорка утверждала, что является отдельным и независимым королевством, управляемым по своим собственным обычаям и объединенным только династически с Каталонией. В 1439 году он пожаловался, что его привилегии были нарушены королевой-регентшей, когда она призвала граждан предстать перед ней на материке, поскольку они имели право предстать перед судом только дома, и ее муж Альфонсо V признал справедливость этого и пообещал соблюдать его в будущем. [696] Частое повторение этой привилегии показывает, насколько высоко она ценилась и что это привело к необходимости создания отдельного трибунала для Балеарских островов. Это долгое время действовало при старом учреждении, и инквизитором в тот период был брат Николас Мерола, который был таким же инертным, как и его собратья в других местах. Записи его канцелярии показывают, что при нем не было никаких послаблений; что в 1478 году было примирено четверо иудействующих; в 1480 году - один; в 1482 году - двое и в 1486 году - один. Вероятно, перспектива изгнания подтолкнула его к большей энергии, поскольку в 1487 году их число увеличилось до восьми. [697]

Новая инквизиция была учреждена только в следующем, 1488 году, когда Фрая Меролу заменили врачи Педро Перес де Мунебрега и Санчо Мартин. [698] Их Эдикт о Благодати был настолько успешным, что 18 августа 1488 года триста тридцать восемь человек вышли вперед, признались и были примирены, в дополнение к шестнадцати примиренным 13 августа после суда. Очевидно, процветающее население Конверсо признало, что новый институт был значительно более эффективным, чем старый. Несомненно, имело место какое-то народное волнение, подробности которого до нас не дошли, поскольку инквизиторы были смещены и заменены местным жителем, братом Хуаном Рамоном, но, если это изменение и успокоило волнение, это не уменьшило активности трибунала, поскольку записи 1489 года показывают семь аутодафе, в которых было десять примирений, сорок четыре расслабления для чучела, одна эксгумированная кость и шесть личных. Последовала кратковременная пауза, поскольку в 1490 году мы находим только примирение девяноста шести кающихся, 26 марта, в соответствии с Эдиктом Благодати. Затем, в 1491 году, был опубликован еще один эдикт, которым 10 и 30 июля воспользовались сто тридцать четыре человека, помимо двухсот девяноста из тех, кто уже примирился в 1488 и 1490 годах, у кого произошел рецидив, и они были повторно приняты в качестве особой милости. В дополнение к этому записи 1491 года показывают многочисленные автомобили, в которых было произведено пятьдесят семь согласований, восемнадцать смягчений в изображении и восемнадцать лично. Как и везде, задержка с введением новой инквизиции предоставила возможность для побега, и в течение нескольких лет главным делом трибунала было осуждение беглецов. Так, в авто от 11 мая 1493 года было всего три послабления лично сорока семи изображениям, а в одном из них от 14 июня 1497 года живой жертвы не было, кости одного были сожжены, а изображения пятидесяти девяти - нет. [699]

Как обычно, эти судебные процессы против умерших и отсутствующих привели к многочисленным конфискациям, и у потомков возникли серьезные опасения, что упредка

может быть обнаружено какое-нибудь отклонение от нормы, которое лишило бы их состояния. Это привело к использованию композиций, о которых мы подробнее поговорим ниже, в качестве своего рода страховки от конфискации. В данном случае в письме Фердинанда от 28 января 1498 года инквизитору и получателю сообщается, что эти люди выступают с предложениями, и он приказывает чиновникам заключить с ними справедливые и разумные сделки и доложить ему, когда он решит, что ему наиболее выгодно. Таким и другими способами деятельность трибунала начала приносить больше, чем его расходы, поскольку 2 февраля 1499 года судебному исполнителю Матео де Моррано было отдано распоряжение выплатить судебному исполнителю Валенсии двести золотых дукатов для погашения некоторых долгов, которые давили на королевскую совесть, вскоре после чего последовали другие распоряжения о выплате четырехсот пятидесяти дукатов в королевскую казну и пятидесяти флоринов женскому монастырю Санта-Клара в Калатаюде. Конфискаторское рвение чиновников было усилено 21 февраля 1498 года назначением Моррано трех тысяч суэльдо в дополнение к его жалованью в награду за выдающиеся заслуги, а 2 марта - еще одной выплаты в размере ста мальоркинских либр нотариусу Пере Престу. Не всегда было легко отследить собственность, которую несчастные, естественно, стремились скрыть, и было сделано щедрое предложение в размере пятидесяти процентов. Информаторам, которые должны были ее раскрыть. [700]

НЕДОВОЛЬСТВО

Примирить майоркинцев было так же трудно, как каталонцев с новой инквизицией. В 1517 году Верховный суд был вынужден приказать вице-королю не жестоко обращаться с чиновниками и не препятствовать им в исполнении своих обязанностей, и в то же время инквизиторам было поручено возбудить против него дело, если он не перестанет беспокоить их. Очевидно, он не внял предупреждению, поскольку в 1518 году инквизитору было официально приказано привлечь его к ответственности. Что последовало за этим, мы не знаем, но, по-видимому, вице-король пользовался полным сочувствием народа, поскольку вскоре после этого произошло восстание, возглавляемое епископом Эльны, родители которого были осуждены трибуналом. Инквизитор бежал, и население уже собиралось сжечь здание и архивы, когда твердость епископа Майорки, рискуя своей жизнью, подавила беспорядки. Вероятно, именно это возмущение вызвало в 1520 году обращение Верховного суда к вице-королю, церковным и светским властям с просьбой не допускать жестокого обращения с инквизитором и другими должностными лицами. Однако сохранить мир было невозможно, и в 1530 году мы находим вице-короля, его асессора и должностных лиц под отлучением от церкви в результате *компетенции* или конфликта юрисдикции. Еще более значительным было тюремное заключение и судебный процесс в 1534 году над регентом или президентом королевского верховного суда, что привело к наложению в 1537 году штрафа, настолько чрезмерного, что Супрема распорядился уменьшить его. [701] Это было только начало, и позже мы увидим, насколько постоянными были разногласия трибунала как с гражданскими, так и с церковными властями.

Таким образом, с большим или меньшим сопротивлением новая инквизиция была введена в различных провинциях, подвластных короне Арагона. Предлог, выдвинутый для обеспечения его введения, что он никоим образом не нарушает фуэрос и свободы страны, вскоре был отброшен, и, как мы видели, было смело объявлено, что он выше всякого закона. Некоторое

время это воспринималось молча, но постоянно растущее высокомерие чиновников, распространение ими своей юрисдикции на вопросы, не связанные с верой, и злоупотребление своими безответственными прерогативами вызвало противодействие, которое, наконец, нашло возможность для выражения. В 1510 году представители Арагона, Каталонии и Валенсии впервые собрались вместе в Кorte Монзона. Они пришли с бурным энтузиазмом, воодушевленные завоеванием Орана и Алжира и желанием исправить катастрофу при Жербесе, и они проголосовали за Фердинанда беспрецедентный *servicio* или налоговый сбор в размере пятисот тысяч либр, получив взамен отмену Санта-Эрмандада. [702] Однако даже этот энтузиазм не предотвратил ропот недовольства, и были высказаны жалобы на то, что инквизиция взяла на себя юрисдикцию по делам о ростовщичестве, богохульстве, двоеженстве, некромантии и тому подобном, и что привилегии и изъятия, которыми пользовались официальные лица, привели к их ненужному умножению, сделав суды репрессивными по отношению к тем, кто нес бремя государства. Фердинанд уклонился от реформы, пообещав ее на будущее, и корты были распущены без каких-либо позитивных действий. [703] Когда они в следующий раз встретились в Монзоне в 1512 году, они были в менее доверительном настроении, и вполне вероятно, что народное волнение приняло угрожающий характер, достаточный, чтобы вынудить Фердинанда уступить их требованиям. Была составлена тщательно продуманная серия статей, вернее, две, одна для Арагона, а другая для Каталонии, почти идентичных по характеру, которые получили королевское одобрение. Важно, что, за исключением пункта, касающегося апелляций, эти статьи сами по себе не касаются судебного преследования за ересь, а ограничиваются крайностями, которыми трибуналы и их подчиненные подвергали верующих.

КОНКОРДИЯ МОНЗОНА

Реформа, требуемая Каталонией, включала тридцать четыре статьи, некоторые из которых могут свидетельствовать о столь масштабных злоупотреблениях. Особой проблемой было увеличение числа должностных лиц — не только тех, кто был занят в работе трибунала, но и разбросанных повсюду не получающих жалованья приближенных, а также слуг и рабов всех заинтересованных сторон, которые все претендовали на *fuero*, или юрисдикцию инквизиции, с многочисленными привилегиями и изъятиями, которые делали их самым нежелательным элементом в обществе. Он был востребован, что количество знакомых в Каталонии должно быть сокращено до тридцати четырех, чьи имена должны быть известны; что под маской слуги должны быть включены только те постоянно проживать со своими хозяевами или работодателями; что никто не виновен в тяжком преступлении, должен быть назначен на должность; что право носить оружие должны иметь только те, кто нес комиссий, за неисполнение которой они могут быть разоружены, как и другие граждане; что претендовать на освобождение от местных налогов и сборов быть брошенной; что чиновников поймали на месте преступления в преступление, должны быть арестованы на светских чиновников, не подвергая последнего обвинения; что гражданские иски должны рассматриваться в суде ответчика; это общее положение договора, согласно которому одна сторона подверг себя какой суд может имя должно быть проведено не включать Инквизиции; что правила, запрещающие должностным лицам участвовать в торговле должно быть исполнено; что чиновники покупки претензии или имущество, в судебных процессах не должны передавать дела с инквизицией, ни использовать его, чтобы собрать арендную плату; что инквизиторы не должны вопроса

безопасности-проводит исключением свидетелей, приходивших свидетельствовать о том, что в случаях конфискации, когда осужденный уже зарекомендовал себя хорошим христианином, лицам, которые приобрели недвижимость от него, выплатили свои долги ему или выкупил аренду-расходы, не должны потерять имущество или обяжут заплатить долги во второй раз; что приданое католик, жена не должна быть конфискована, поскольку ее отец или муж должны быть впоследствии осужден за ересь; о том, что наличие в течение тридцати лет положено католикам бар конфискацией имущества, ранее принадлежавшего тем, кто сейчас осужден за ересь и что инквизиторы не должны ускользнуть от этого рецепта времени путем вычитания периода войны, меньшинства, от незнания казни и других аналогичных устройств; что инквизиторы должны вывести свои указ запрещает все сделки с Conversos, который был не только серьезное ограничение торговли, но не слишком много опасности для лиц, действующих по незнанию. Что касается распространения юрисдикции на предметы, не связанные с ересью, инквизиция в будущем не должна была признавать ростовщичество, двоеженство, богохульство и колдовство, за исключением случаев, когда предполагалось ошибочное убеждение. Пребывание под отлучением в течение года влекло за собой подозрение в ереси, а Эдикт веры требовал сообщать обо всех таких случаях инквизиции, но поскольку существовало бесчисленное количество указов *ob ipso facto* отлучения от церкви и других, которые издавались частным образом, было невозможно узнать, кто был или не был под запретом, поэтому трибунал не должен был предпринимать никаких действий, за исключением случаев, когда порицание было объявлено публично. На степень, до которой инквизиторы довели свое произвольное присвоение власти, указывает статья, запрещающая им в будущем вмешиваться в дела каталонских дипутадо или их должностных лиц в вопросах, касающихся их функций и прав государства, а также в податях городов, поселков и деревень. Единственная предлагаемая реформа в отношении процедуры - это статья, предусматривающая, что апелляции могут подаваться местным трибуналом генеральному инквизитору и Верховному судье с приостановлением вынесения приговоров до их рассмотрения. Но в этом положении содержится отвратительный намек на то, что, когда лжесвидетельство привело к казни невинного человека, инквизиторы должны вершить правосудие и не препятствовать королю наказывать лжесвидетелей.

Независимость инквизиции как *imperium in imperio* проявляется в том факте, что ее принятие считалось необходимым для каждой отдельной статьи, признание, выраженное в подписке на каждую из *сеньории преподобного*, *сеньорией* которой является генеральный инквизитор Ангуэра. Чтобы подтвердить это, он и инквизиторы должны были поклясться таким образом, чтобы показать глубокое недоверие к ним. Клятва заключалась в соблюдении каждого пункта; она должна была быть принята как публичный акт перед нотариусом инквизиции, который должен был официально засвидетельствовать ее и передать президенту Суда, а подлинные копии должны были быть предоставлены за пять суэлько всем, кто их требовал. Все будущие инквизиторы, будь то генерал или местный, должны были принести одну и ту же клятву при вступлении в должность, и все это повторялось в различных формулах, чтобы не оставалось лазейки для двусмысленностей. Фердинанд также принес клятву, пообещав получить от папы приказ о том, чтобы все инквизиторы, настоящие и будущие, соблюдали статьи, а также о том, что по просьбе кортов, дипутадо или советников Барселоны он издаст необходимые письма и положения для их приведения в исполнение. [704] Это было первое из соглашений, которые стали известны как *Concordias*— согласование народных требований с претензиями Святой Канцелярии. В будущем у нас будет возможность часто слышать о них, поскольку они часто

прерывались и возобновлялись, и в новых источниках ссор никогда не было недостатка. Нынешнее решение было принято не без обязательного рассмотрения, поскольку трибуналу Барселоны было предоставлено шестьсот либр в год за счет государственных доходов. [705]

ИНСТРУКЦИИ МЕРКАДЕРА

Если каталонцы не доверяли доброй воле короля и генерального инквизитора, они были небезосновательны, поскольку сложный аппарат клятв оказался ненадежным ограничителем для тех, кто не потерпел бы никаких ограничений своей произвольной и безответственной власти. Сначала Фердинанд проявил желание поддержать Конкордию и обуздать инквизиторов, которые сразу же начали ее нарушать. Город Перпиньян жаловался на то, что давность времени была проигнорирована и что была потребована повторная оплата старых долгов, после чего Фердинанд написал 24 октября 1512 года, резко приказав строго соблюдать согласованные условия и отменить любые действия, их нарушающие. [706] Однако вскоре его политика изменилась, и он обратился за помощью. Для властителей, желавших совершить преднамеренное нарушение веры, всегда существовал ресурс авторитета Святого Престола, который, среди прочих своих атрибутов, издавна предполагал освобождение от неудобных обязанностей тех, кто мог пользоваться его благосклонностью, а власть Фердинанда в Италии была слишком велика, чтобы допустить отказ в столь незначительной просьбе. Соответственно, 30 апреля 1513 года Лев X издал *motu proprio* освобождающий Фердинанда и епископа Энгуэру от их клятв соблюдать Конкордию Монзона. [707]

Народные требования, однако, были выдвинуты слишком решительно, чтобы их можно было полностью игнорировать, и была предпринята попытка удовлетворить их с помощью серии инструкций, составленных 28 августа 1514 года епископом Тортосы Луисом Меркадером, сменившим Энгуэру на посту генерального инквизитора. Они включали в себя многие реформы Конкордии, несколько измененные в соответствии с взглядами инквизиции, поскольку, например, количество вооруженных фамильяров, разрешенных для Барселоны, составляло двадцать пять, по десять человек для других городов. Из Вальядолида 10 сентября Фердинанд передал эти инструкции Фернандо де Монтемайору, архидьякону Алмазана, который направлялся в Барселону в качестве посетителя или инспектора трибунала. Только 11 декабря они были зачитаны в Барселоне в присутствии инквизиторов и представителей Каталонии. Последние потребовали времени для их рассмотрения, и им была предоставлена копия. Было проведено еще одно собрание, 10 января 1515 года, и третье - 25 января, на котором были опубликованы инструкции, и инквизиторы пообещали им подчиняться. Нет никаких записей о том, что каталонцы приняли их как выполнение Конкордии, и, если их попросили сделать это, это было просто вопросом политики. В письме архидьякону от 4 января Фердинанд предполагает, что согласие каталонцев было безразлично; инструкции должны были быть опубликованы без дальнейших переговоров, и никаких ссылок на Рим не требовалось, поскольку привилегии инквизиции ими не ограничивались. [708]

Последующие суды состоялись в Монзоне и Лериде, где народное недовольство нашло выражение в дальнейших жалобах и требованиях, что привело к некоторым уступкам со стороны Фердинанда. Настроение народа росло и проявлялось в случайных нападениях, иногда со смертельным исходом, на чиновников инквизиции, для облегчения наказания за которые Лев X своим указом от 28 января 1515 г. уполномочил инквизиторов судить таких преступников и передавать их светским властям для казни, не подвергаясь “неправильностям”,

вытекающим из кровавых приговоров. [709] Фердинанд был слишком проницателен, чтобы слишком сильно провоцировать своих подданных; он понимал, что чрезмерное высокомерие инквизиторов и незаконное расширение ими своей власти сильно оскорбляли даже тех, кто был под впечатлением, и он был готов обуздать их раздражительность. Случай, произошедший в мае 1515 года, показывает, насколько оправданными были народные жалобы, и дал ему возможность сделать суровый выговор. В Арагоне существовал закон, по которому, когда дипутадо назначали кого-либо лейтенантом Юстиции, если он отказывался служить, они должны были вычеркнуть его имя из списков лиц, имеющих право на государственную должность. Некий Микер Мануэль, назначенный таким образом, отказался служить и, чтобы избежать наказания, добыл у инквизиторов Сарагосы письма, запрещающие Дипутадо под страхом отлучения вычеркивать его имя. Это произвольное вмешательство в общественные дела было большим оскорблением, и Фердинанд резко приказал инквизиторам не вмешиваться в дела, которые никоим образом не касались их должности; дипутадо были под присягой исполнять закон, и письма должны быть немедленно отозваны. [710] Наконец, он признал, что требования кортеса Монзона были оправданы и что он поступил неправильно, нарушив Конкордию 1512 года. Одним из его последних действий была седула от 24 декабря 1515 года, объявляющая инквизиторам, что он обратился к Святому Престолу за подтверждением соглашений, заключенных и данных под присягой в кортах Монзон и Лерида; не было никаких сомнений, что это будет быстро удовлетворено, поэтому он прямо приказал, под страхом лишения должности, что статьи не должны нарушаться каким-либо образом, прямым или косвенным, но должны соблюдаться в точности; генеральный инквизитор согласился с этим и поклянется соблюдать буллу когда это должно произойти. [711]

ДАЛЬНЕЙШИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Фердинанд умер 23 января 1516 года, за ним в июне последовал генеральный инквизитор Меркадер. Лев X, вероятно, ждал, чтобы узнать, желает ли новый монарх Карл продолжить политику своего деда. Это правда, что он освободил Фердинанда и Ангуэру от их клятв ввиду великого оскорбления Бога и опасности для совести, связанной с соблюдением Конкордии, но слова монарха было достаточно, чтобы преодолеть его угрызения совести. То, что Фердинанд счел необходимым признать, не могло быть утаено, поскольку из-за молодости и отсутствия Карла его представители едва ли могли подавить бурные элементы гражданского раздора. Соответственно, Лев подтвердил все статьи как Каталонской, так и Арагонской конкордий буллой *Pastoralis officii* от 1 августа 1516 года, в которой он заявил, что чиновники инквизиции часто преступали границы разумного и приличия, злоупотребляя своими привилегиями, иммунитетами и изъятиями, и что их чрезмерно возросшее число практически сводит на нет юрисдикцию обычных церковных и светских судов. Это действие, по его словам, предпринято по особой молитве короля Карла и королевы Хуаны, и все инквизиторы и должностные лица, нарушающие его предписания, если они в течение трех дней после повестки не отменяют свои незаконные действия, подлежат отлучению от церкви с *опозданием на приговор*, лишению должности и пожизненной нетрудоспособности для повторного трудоустройства, *ipso facto*. Более того, архиепископы Сарагосы и Таррагоны были уполномочены и обязаны, когда бы к ним ни обращались власти, принуждать к соблюдению буллы путем церковных порицаний и других средств правовой защиты без апелляции, прибегая при необходимости к светской помощи. [712]

Таким образом, после четырех лет борьбы Конкордии 1512 года были подтверждены самым абсолютным образом, и отношения между инквизицией и народом, казалось, были окончательно урегулированы. Однако инквизиторы, как обычно, отказались быть связанными какими-либо ограничениями. Они утверждали и действовали в соответствии с этим утверждением, что папская булла о конфирмации была тайной и не имела права на послушание и что как Конкордии, так и Инструкции епископа Меркадера были недействительны как ограничения, препятствующие юрисдикции Святой Канцелярии. [713] С другой стороны, люди стали более беспокойными и увеличили свои требования о помощи. Случай представился сам собой, когда Карл прибыл в Испанию, чтобы вступить во владение владениями своей матери. На Кортес, состоявшемся в Сарагосе в мае 1518 года, он принял присягу Арагона и поклялся соблюдать фуэрос кортов Сарагосы, Таразоны и Монзона. Вскоре потребовались деньги, чтобы восполнить безрассудную щедрость, с которой он наполнял кошельки своих жадных фламандцев, и ближе к концу года он созвал еще одно собрание, чтобы предоставить ему *субсидию*. Он согласился собрать 200 000 либр, но объединил это с серией из тридцати одной статьи, гораздо более продвинутой, чем все, что до сих пор требовалось в Арагоне, - фактически скопированной с небольшими изменениями с тех, которые были согласованы в Кастилии Жаном ле Соважем и отменены после его смерти, — статей, которые произвели революцию в инквизиционной процедуре и приравнивали ее к светским уголовным судам. Карл в этих вопросах теперь полностью находился под влиянием своего бывшего наставника и нынешнего генерального инквизитора кардинала Адриана. Однако ему нужны были деньги, и он дал двусмысленное согласие на статьи; по его словам, его воля заключалась в том, чтобы во всех без исключения святых канонах соблюдались указы Святого Престола и не предпринималось никаких попыток противоречить им. Если возникнут сомнения, следует попросить папу разрешить их; если кто-либо пожелает обвинить инквизиторов или должностных лиц, он может сделать это перед генеральным инквизитором, который призовет советников и отправит правосудие, или, если преступление относится к светским судам, он позаботится о том, чтобы правосудие было быстрым. Это заявление с толкованием, которое должно быть дано папой каждой статье, он пообещал под присягой соблюдать и приводить в исполнение, и он также поклялся не добиваться освобождения от этой присяги и не пользоваться ею, если она будет получена. [714] Народ имел все основания не доверять своим правителям, поскольку Карл впоследствии поручил графу Сифуэнтесу, своему послу в Риме, добиться отмены статей и освобождения от своей клятвы соблюдать их. [715]

Таким образом, Карл переложил со своих плеч на плечи папы ответственность за это серьезное изменение инквизиционной процедуры, которое, вынудив Святую Канцелярию вершить открытое правосудие, так сильно уменьшило бы ее силу зла. Таким образом, вопрос был передан в Рим, и суды, не теряя времени, попытались добиться от Льва X подтверждения статей. Письмо с просьбой об этом было получено от Чарльза и отправлено в Рим вместе с копией устава и клятвы Чарльза, официально заверенной Хуаном Пратом, нотариусом Кортеса. Документы были отправлены в Рим неким Диего де лас Касасом, севильским конверсо, который, как показывает его последующая история, должен был быть в достаточной степени обеспечен средствами, необходимыми для проведения благоприятного слушания.

БОРЬБА В САРАГОСЕ

Ситуация была из тех, которые требовали активных мер со стороны инквизиции. Кортесы были распущены 17 января 1519 года, и письмо от 22-го числа от Супремы инквизитору Калатаюда

показывает, что уже были предприняты шаги для судебного преследования всех, кто пытался повлиять на них против инквизиции или кто подавал жалобы Карлу или Адриану. [716] Более эффективной и смелой схемой было обвинение Хуана Прата в фальсификации серии статей, отправленных в Рим. Чарльз назначил комиссию, состоящую из архиепископа Сарагосы, кардинала Адриана и канцлера Гаттинары, для рассмотрения всех вопросов, связанных с инквизицией; им Прат представил статьи, которые они вернули ему с заявлением, которое, должно быть, было одобрением, поскольку его характер был тщательно замалчивается в ходе последующего разбирательства. Несмотря на это, инквизиторы Сарагосы Педро Арбуэс и Торибио Салданья незамедлительно доложили Чарльзу, который уехал из Сарагосы в Барселону, что Прат подделал статьи, и Чарльз из Игуалады 4 февраля ответил, приказав им подчиняться инструкциям кардинала Адриана и собрать доказательства фальсификаций, которые, по их утверждению, они обнаружили. Однако они отложили действие на несколько недель, пока архиепископ не покинул город, и не арестовали Прата до 16 марта. Их расследование выявило несколько тривиальных нарушений, но ничего такого, что могло бы опровергнуть точность статей, переданных в Рим, однако 18-го числа они сообщили Супремe результаты своих трудов, как будто вся запись была искажена, а Прат был виновен в фальсификации. Таким образом, был открыт путь к отступлению от обязательств, заключенных с Кортами. Был составлен ряд статей, подписанных Гаттинарой, которые были отправлены в Рим как подлинные, и 30 апреля были разосланы срочные письма всем римским агентам, папе и четырем кардиналам, представляющим интересы Испании, в которых говорилось, что официальная копия была фальсифицирована, подлинной была та, что носила имя Гаттинары, речь шла о чести Бога и безопасности католической веры, и нужно было приложить все усилия, чтобы добиться папского подтверждения правильных статей.

Чтобы оправдать это, было необходимо, чтобы Прат был осужден и наказан. Очевидно, опасаясь, что это не может быть сделано в Сарагосе, кардинал Адриан приказал инквизиторам отправить его в Барселону для суда, не зная, что это было нарушением одной из самых дорогих привилегий Арагона, запрещающей депортацию любого гражданина против его воли. Это вызвало бурю, и ведущие чиновники Церкви и государства так эффективно вмешались в дела инквизиторов, что Прату было разрешено остаться в секретной тюрьме Альхаферия. Ссора теперь принимала серьезные масштабы; королевство было не только охвачено этой попыткой нарушения его привилегий, но и повсеместно считалось, что Карл удовлетворил все требования кортов в обмен на *servicio*, и его вмешательство в папскую конфирмацию вызвало резкое возмущение. Дипутадос призвали инквизиторов подчиниться Конкордии 1512 года, подтвержденной буллой от 1 августа 1516 года, ожидая подтверждения новой Конкордии, и в то же время они созвали баронов и магнатов королевства на конференцию в Фуэнтесе, откуда 9 мая они направили Чарльзу протест, более решительный, чем уважительный, с намеком на то, что *servicio* не будет взыскан до тех пор, пока Прат не будет освобожден, под предлогом того, что документы, касающиеся этого, находятся в его кабинете.

На это Карл 17 мая высокомерно ответил, что ни в коем случае не станет пренебрегать своей душой и совестью и, чтобы сохранить свое королевство, не допустит ничего против чести Бога и в ущерб Святой Канцелярии. Под угрозой отлучения от церкви и других суровых наказаний он приказал Дипутадо не созывать сословия королевства и не посылать к нему послов; он выполнит Конкордию и уже попросил ее подтверждения у папы римского — факт в том, что 7 мая он написал в Рим — и это он повторил 29 мая — чтобы воспрепятствовать утверждению официальной Конкордии и настаивать на утверждении своей собственной версии. Ходили

слухи, что 14 мая Сословия решили силой отобрать Прата у Альхаферии, и чтобы противостоять этому, 17 мая он отправил комендатора Гарсиа де Лоайса в Сарагосу с инструкциями вооружить Кофрадию Сан—Педро-Мартир - ассоциацию, связанную с инквизицией, — поднять народ и встретить силу силой. Над властями должны были издеваться и говорить, что король утвердит свою суверенную власть и что ничто не должно помешать экстрадиции Прата. В руках своих призрачных советников он был готов рискнуть гражданской войной, защищая злоупотребления инквизиции. Существовали опасения, что инквизиторы могут быть запуганы и заставить Прата освободить, и кардинал Адриан предпринял беспрецедентный шаг, написав письмо непосредственно тюремщику Альхаферии с инструкцией не подчиняться любым подобным приказам.

БОРЬБА В САРАГОСЕ

Несмотря на это утверждение абсолютизма, к приказам Карла относились с презрением. Корты собрались в Асуаге, отказались подчиниться его гневному приказу разойтись и послали к нему дону Санчо де ла Кабальерию с неприятным сообщением, что служба будет приостановлена до тех пор, пока он не восстановит справедливость в королевстве. Его финансы, находившиеся в руках его фламандских фаворитов, были в полном беспорядке. Император Максимилиан умер 22 января, и борьба за престолонаследие из-за золота Франциска I была дорогостоящей. Более того, в ожидании услуги Кьевр получил авансы под ростовщические проценты, так что ожидаемые средства были уже почти исчерпаны, и, как только предвыборная борьба закончилась выдвижением Шарля, 28 июня, поступили новые требования о выделении средств для подготовки к его путешествию, чтобы принять свое новое достоинство. Поэтому Кьевр с нетерпением искал какой-нибудь компромисс, чтобы снять тупиковую ситуацию, но арагонцы, с одной стороны, и кардинал Адриан - с другой, были несговорчивы. Произвольный арест Прата фатально осложнил ситуацию.

Чарльз уступил настолько, что приказал не высылать Прата из королевства, и было сделано несколько предварительных предложений относительно суда над Пратом, которые лишь показывают, как мало он и его советники осознавали истинное положение дел. С присущим арагонцам упорством Дипутадо придерживались позиции, согласно которой точность записей не должна подвергаться сомнению и что единственный момент, который необходимо определить, - это законно ли инквизиция обладает какой-либо юрисдикцией в этом вопросе. В то же время, чтобы показать, что они не пытались уклониться от оплаты услуги, они согласились 7 сентября взять ее, в то же время умоляя Чарльза освободить Прата.

Вероятно, их побудила к этой уступке победа, одержанная в Риме. Обе стороны энергично работали там, но у арагонцев было то преимущество, что Лев X в данный момент был разгневан против испанской инквизиции из-за наглого неподчинения толедскому трибуналу по делу Бернардино Диаса, о котором подробнее ниже. Его собственный опыт показал ему, на что это способно, и просьба кортов о подтверждении Конкордии была в значительной степени удовлетворена тремя записками, полученными 1 августа, адресованными соответственно королю, кардиналу Адриану и инквизиторам Сарагосы, что привело инквизицию к нормам общего права. Карл не разрешил публиковать сводки, и, когда Дипутадо представили инквизиторам адресованную им справку, они отказались подчиняться ей без указаний Адриана, после чего 8 августа Дипутадо обратились в Рим за каким-либо дальнейшим средством правовой защиты.

Несмотря на то, что брифы, таким образом, бездействовали, они стали центральным моментом конкурса. 24 сентября Чарльз отправил в Рим Лопе Уртадо де Мендосу в качестве специального посланника с длинными и подробными инструкциями. Он сказал, что ему сообщили, что папа намерен издать буллу, отменяющую все инквизиторские комиссии, за исключением комиссии кардинала Адриана; что в будущем епископы со своими капитулами в каждой епархии должны были назначить двух человек, из которых генеральный инквизитор должен был выбрать наиболее подходящего и представить его папе для конфирмации; действия этих инквизиторов должны были подвергаться судебному расследованию каждые два года, и их процедура должна была соответствовать общему праву и канонам. Тщательно продуманные аргументы, которые Чарльз приводил против каждой особенности этого революционного плана, показывают, что он не был выдумкой, а был серьезно предложен с вероятностью его принятия. Более того, он сказал, что было оказано влияние на то, чтобы добиться отмены *санбенитоса* осужденных из церквей, против чего он искренне протестовал; Фердинанд отказался от трехсот тысяч дукатов, предложенных ему за эту уступку. В заключение Чарльз заявил, что никакая назойливость не должна поколебать его решимости не вносить никаких изменений в инквизицию, и многозначительно выразил свое желание сохранить дружбу с его Святейшеством.

Какие тайные влияния действовали, чтобы полностью изменить политику папы, было бы бесполезно гадать, но у Мендосы едва хватило времени добраться до Рима, когда он раздобыл записку от 12 октября, адресованную кардиналу Адриану. При этом отборная латиноамериканская речь Садолето использовалась для того, чтобы скрыть унижение от сознательных проступков, в попытке переложить ответственность на плечи других. Письма Чарльза и послание Мендосы просветили его относительно намерений короля относительно сохранения веры и реформы инквизиции. Он пообещал, что ничего не изменит и ничего не опубликует без согласия короля и информации генерального инквизитора, но остановился на поступавших к нему со всех сторон жалобах на алчность и беззаконие инквизиторов; он предупредил Адриана, что позорное поведение его заместителей-делегатов позорит нацию и затрагивает как его, так и короля; он несет ответственность и должен стремиться сохранить свою честь и честь короля, проследив, чтобы они воздержались от наглости, с которой они пренебрегали папскими указами. и восстал против Святого Престола.

БОРЬБА В САРАГОСЕ

Хотя, таким образом, три исковых заявления не были отозваны, они были практически аннулированы. Возмущение арагонцев, обнаруживших, что ими таким образом манипулируют, было горячим и нашло выражение 30 января 1520 года в прекращении сбора сервицио. Чарльз сейчас находился в Корунье, готовясь к своему путешествию во Фландрию, и туда 3 февраля Дипутадо послали Азора Сапату и Иньиго де Мендосу, чтобы добиться освобождения Прата и убедить Чарльза получить подтверждение Конкордии. Освободить Прата без суда означало молчаливо признать правильность его показаний, однако 21 апреля кардинал Адриан издал приказ фискальной службе прекратить судебное преследование, а инквизиторам “расслабить” Прата. Этот приказ был вручен инквизиторам 1 мая, но слово “послабление” использовалось при передаче осужденных светской службе для сожжения; Прат решительно отказался принять его и остался в тюрьме.

Чарльз отплыл 21 мая, и остаток 1520 года был потрачен каждой стороной на попытки получить подтверждение своих соответствующих формул Конкордии и в бесплодных попытках Чарльза

добиться отмены трех судебных актов. Хотя они и не были опубликованы и фактически аннулированы, они вызвали большое беспокойство инквизиции. Переписка между Карлом и его римскими агентами показывает постоянную настойчивость с его стороны и постоянные обещания и увертки со стороны папы, иногда под самыми надуманными предложениями для отсрочки, секрет которых, вероятно, следует искать в сообщении Хуана Мануэля, испанского посла, от 12 октября, о том, что папе было обещано 46 000 или 47 000 дукатов, если он сможет убедить короля оставить дела в силе. Так продолжалось в течение всего года, и когда Лео умер 1 декабря 1521 года, судебные дела все еще не были отозваны.

Однако годом ранее, 1 декабря 1520 года, он подтвердил Конкордию буллой, составленной так тщательно, чтобы не привязывать Святой Престол ни к одной из оспариваемых версий. Оно ограничивалось обещаниями, содержащимися в клятве Карла, а что касается статей, то в них просто говорилось, что каноны, постановления и папские указы должны неукоснительно соблюдаться под страхом *ipso facto* отлучения от церкви, отстранения от должности и недееспособности при повторном назначении. Следовательно, любая из сторон была вольна трактовать высказывание папы так, как ей заблагорассудится.

Карл тем временем становился все более и более нетерпеливым по поводу услуг, которых так долго не оказывали; он написал Адриану, а также инквизиторам, приказав, чтобы Конкордии Монзона (1512 г.) и Конкордии Сарагосы, согласно его версии, строго соблюдались, чтобы злоупотребления, которые таким образом пытались исправить, прекратились и народ заплатил самозванцу. Инквизиторы задержались и, похоже, спросили его, на какие статьи он ссылался, поскольку он ответил 17 сентября, объяснив, что это статьи Монзона и Сарагосы, причем последняя изложена в документе, подписанном Адрианом и Гаттинарой. Поэтому, когда он получил папское подтверждение от 1 декабря, он, не теряя времени, написал 18 декабря Адриану и инквизиторам, объявив об этом и приказав строго соблюдать статьи без блеска или толкования, чтобы злоупотребления и беспорядки, запрещенные в них, могли прекратиться, но он был осторожен, описав статьи как согласованные в Монзоне и недавно подтвержденные в Сарагосе в форме, принятой Адрианом и Гаттинарой.

Арагонцы, с другой стороны, придерживались своей версии. Булла о конфирмации, по-видимому, достигла Сарагосы через Фландрию в сопровождении письма от Карла, и только 15 января 1521 года Дипутадо написали Адриану, приложив королевское письмо и копию буллы. Повинуясь ему, он признал арагонскую версию "Конкордии", хотя и без особого изящества. Из Тордесильяса, 28 января, он написал Дипутадо и инквизиторам, что булле необходимо подчиниться, хотя ее можно было бы с полным основанием считать тайной, поскольку в ней утверждалось, что Карл поклялся в соответствии с вымышленными статьями, вставленными Хуаном Пратом, за что последний заслуживал самого сурового наказания. Однако, несмотря на этот взрыв раздражения, он практически признал невиновность Прата, приказав освободить его, и 13 февраля 1521 года губернатор, Дипутадо и толпа знати и горожан с триумфом доставили приказ в Альхаферию и торжественно вручили инквизиторам, которые попросили копии и, держа их в руках, сказали, что они выполняют свой долг, не отступая от справедливости и разума. Арагонцы были настолько довольны, что в знак своей благодарности уже 18 января приказали городам выплатить все текущие налоги, а также приостановленное субсидирование в течение тридцати пяти дней. Можно добавить, что, наконец, кардинал Адриан признал невиновность Прата самым формальным образом, в письме инквизиторам от 20 апреля, обязав фискалов замолчать и приказав освободить Прата и его ценные бумаги. [717]

БОРЬБА В БАРСЕЛОНЕ

Триумф и благодарность были одинаково неуместны. Кардинал Адриан сопроводил свое письмо от 28 января другим от 30 января, адресованным инквизиторам, инструктируя их, что папская конфирмация должна быть истолкована в соответствии со священными канонами и указами Святого Престола, чтобы они могли продолжать должным образом вершить правосудие, и он поощрил их *ayuda de costa* или благодарностью. [718] Они невозмутимо продолжали свою работу; Сарагосская Конкордия не только никогда не соблюдалась, но и Конкордия Монзона рассматривалась как несуществующая, и мы увидим позже, что ближе к концу столетия инквизиция хладнокровно заявила, что последняя была признана недействительной, когда Лев X освободил Фердинанда от его клятвы соблюдать ее. и что первое так и не было подтверждено и что нет никаких следов того, что ни то, ни другое когда-либо наблюдалось. Инквизиция, по сути, была неуязвима и непробиваема. Она устанавливала свои собственные законы, и в стране не было власти, кроме короны, которая могла бы заставить ее выполнить свои обязательства.

Между тем упрямство каталонцев, которое удерживало нетерпеливого Карла в Барселоне на протяжении всего 1519 года, обеспечило, по крайней мере номинально, официальное подтверждение Карлом и Адрианом Монсонской конкордии 1512 года с дополнениями. Одно из них предусматривало, что любой, кто поступил на службу в Святую Канцелярию, будучи привлечен к гражданскому или уголовному преследованию, все равно должен отвечать перед своим бывшим судьей, и что уголовные преступления, не связанные с верой, совершенные должностными лицами, должны рассматриваться исключительно в гражданских судах. Это положило начало одному из самых серьезных злоупотреблений — иммунитету, которым инквизиция защищала своих преступников, — и едва ли менее важной для всех, кто имел дело с новыми христианами, была другая статья, предусматривающая, что имущество, приобретенное добросовестно у человека, считающегося христианином, не подлежит конфискации в случае, если продавец впоследствии будет осужден, даже если тридцатилетний срок давности все еще существует. [719]

Соглашение было достигнуто 11 января 1520 года, но опыт вероломства инквизиции заставил каталонцев насторожиться. Они собирались предоставить Карлу *servicio* и искали гарантии, обратившись к нему с мольбой, чтобы он заставил кардинала Адриана поклясться в соблюдении Конкордии 1512 года и новых статей и чтобы он в течение четырех месяцев получил от папы буллу о конфирмации, в которой епископы Лериды и Барселоны должны быть назначены консерваторами, наделенными всеми полномочиями по обеспечению соблюдения соглашения. Они предложили заплатить двести дукатов в счет стоимости быка и потребовали, чтобы у них оставалось двадцать тысяч либр *servicio* до тех пор, пока бык не будет доставлен Дипутадо. То же самое условие было приложено к щедрому пожертвованию в размере двенадцати тысяч либр, которое они сделали инквизиции — вероятно, это было частью сделки. Тем временем Карл должен был отдать приказ о том, чтобы инквизиторы были связаны статьями и, в случае нарушения, компенсация за такие нарушения должна была быть вычтена из двадцати тысяч либр. В свое время, 25 августа, Лев X издал официальную буллу о

подтверждении статей 1512 и 1520 годов и назначил епископов Лериды и Барселоны консерваторами. [720]

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Какова была ценность Конкордии, столь торжественно согласованной и щедро оплаченной папой римским и хранителями, стало ясно вскоре, когда в 1523 году власти Перпиньяна оказались втянутыми в ссору с инквизитором Хуаном Наверду по делу жены Хуана Ногуэра. Они пожаловались на нарушение Конкордии и обратились к епископу Лериды с просьбой обеспечить ее соблюдение. Он назначил Мигеля Роига, каноника Эльны, исполнителем своего решения, который разослал письма, предписывающие инквизитору и его секретарю соблюдать Конкордию под страхом отлучения от церкви и прекратить дела, которые они вели. Была также подана апелляция в Рим, и были получены письма от Климента VII. Чарльз, однако, вмешался и добился другого заключения, 6 января 1524 года, аннулировав предыдущее и передав дело генеральному инквизитору Манрике. Результатом было то, что почти все магистраты Перпиньяна — консулы и хурадос со своими адвокатами и Мигель Роиг — были вынуждены поклясться во всем повиноваться инквизиции, подверглись непоправимому позору появления на мессе в качестве кающихся грешников и были подвергнуты штрафам, сумма которых составила внушительную сумму в 1115 дукатов. [721] Девизом инквизиции было *noli me tangere*, и он преподавал суровый урок всем, кто мог рискнуть, даже под властью папы, заставить ее соответствовать его соглашениям.

Напрасно стойкие подданные арагонской короны боролись и добивались уступок, платили за них и ограждали их со всеми предосторожностями, которые считаются священными публичным правом. Инквизиторы чувствовали себя выше закона, и все старые злоупотребления продолжали процветать так же яростно, как и прежде. Примерно в это же время суды трех королевств по приказу Карла направили генеральному инквизитору Манрике серию из шестнадцати жалоб, повторяющих старые жалобы - на распространение юрисдикции на ростовщичество, богохульство, двоеженство и содомию; принятие инквизиторами поручений выступать в качестве защитников в светских и церковных делах и мирских делах; их аресты людей за частные ссоры, по тривиальным обвинениям и недостаточным доказательствам, оставляющие на них и их потомках неизгладимое пятно, даже если они были освобождены без епитимьи; их аресты за личные ссоры по незначительным обвинениям и недостаточным доказательствам. умножение знакомых и сокрытие их имен, назначение преступников и защита их в их преступлениях и, наконец, их властное и оскорбительное отношение в целом. В ответ на это генеральный инквизитор удовлетворился утверждением, что законы соблюдались, и запросил конкретные случаи нарушения и имена сторон, гарантируя, что никто не осмелится выступить вперед и подвергнуть себя мести трибунала. [722] Снова, в 1528 году, при дворе Монсона мы обнаруживаем повторение жалоб — злоупотребление конфискациями, признание ростовщичества и других вопросов, связанных с ересью и общим несоблюдением согласованных статей. На прошение о том, чтобы он исправил это и добился от генерального инквизитора приказа своим подчиненным соблюдать Конкордиас, Карл дал двусмысленный ответ: “Его величество проследит, чтобы генеральный инквизитор приказал соблюдать то, что должно соблюдаться, устраняя злоупотребления, если таковые имеются”. [723]

Позиция империи была не такова, чтобы препятствовать дерзости инквизиторов, и на суде Монсона в сентябре 1533 года депутаты Арагона представили генеральному инквизитору Манрике, который присутствовал, две серии жалоб. На одно из них он быстро ответил, охарактеризовав некоторые требования как дерзкие, скандальные и незаконные, а другие как не заслуживающие ответа. Другая серия была направлена Чарльзу, и на нее ответили только в декабре. Оно началось с просьбы соблюдать Конкордию, утвержденную Львом X в 1516 году, на что последовал ответ, что следует предпринять такие действия, которые соответствовали бы служению Богу и надлежащему осуществлению инквизиции. Просьба инквизиторов ограничиться вопросами веры была встречена утверждением, что они делали это, за исключением случаев, когда выполняли приказы своего начальства. На требование не конфисковывать приданое жен-католичек последовал сухой ответ, что законы должны соблюдаться. В таком бесцеремонном духе была рассмотрена остальная часть петиции, и в целом это показывает, насколько полностью Святая канцелярия была освобождена от какого-либо подчинения законам, достижение которых стоило таких усилий и за которые было заплачено столь щедро. [724]

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Пока Манрике и Супрема находились в Монсоне, их призвали принять меры в связи с беспорядками в Барселоне между инквизитором Фернандо де Лоасесом, магистратами и Дипутадос. Они уже некоторое время шли пешком. Письмо Чарльза Лоазесу из Болоньи от 25 февраля 1533 года заверяет его в своем сочувствии и поддержке, и в сентябре Верховный суд Монсона постановил направить туда судью для судебного преследования преступников за их огромные проступки. [725] Каковы были достоинства ссоры, не указано, но она, несомненно, была спровоцирована властным высокомерием Лоазеса, поскольку в суде Монсона каталонцы заявили Карлу, что претензии инквизитора препятствуют отправлению правосудия в делах, связанных с *регалиас* или прерогативы короны, и попросил привлечь его к ответственности епископом Барселоны. Вслед за этим Чарльз направил Лоазесу письмо от 16 января 1534 года, запрещающее ему в будущем вмешиваться в дела королевских судей, поскольку никто не мог требовать освобождения от королевской юрисдикции. В то же время он поручил своему наместнику в Арагоне Фадрике Португальскому, архиепископу Сарагосы, обеспечить выполнение этого мандата. Прошло незадолго до того, как Лоазз получил возможность продемонстрировать свое презрение к этим проявлениям королевской воли. Один из консулов, заседавших в адмиралтейском суде Барселоны, рассматривал дело между двумя торговцами, Жоаном Рибасом и Джеральдом Кэмпсом: между ними завязалась ссора; Рибас со своим слугой Жоаном Монсени ударил Кэмпса по лицу, а затем, обнажив меч, угрожал жизни консула. Это было вопиющее оскорбление достоинства короны, под защитой которой проходил суд. По приказу архиепископа и королевского совета виновные были арестованы и брошены в тюрьму, но Рибас был знаком с инквизицией, и Лоазес предстал перед архиепископом в суде при полном составе и предъявил свои права на него. Письма Карла V были прочитаны, и его требование было отклонено, после чего 13 июня он издал приказ, требующий выдачи ему Рибаса и запрещающий любое судебное разбирательство против него под страхом отлучения. [726] Чем закончился этот частный случай, мы не можем знать, но Лоазз не пострадал из-за своей дерзости. В 1542 году он был поставлен епископом Эльны, откуда путем последовательных переводов прошел через епархии Лериды, Тортосы и Таррагоны и, наконец, умер, преисполненный лет и почестей, в 1568 году в качестве архиепископа Валенсии.

В настоящее время не стоит продолжать эти споры, которые раскрывают характер инквизиции и сопротивление, оказываемое ей сравнительно свободным населением, подвластным короне Арагона. Впоследствии у нас будет достаточно возможностей отметить упорное высокомерие инквизиторов, пользующихся королевской милостью, беспокойство народа и бесплодность его борьбы за освобождение от угнетения. Святая канцелярия стала частью устоявшейся политики Австрийского дома. Восстание лютеран разрослось до огромных масштабов, и никакие меры не казались слишком суровыми, которые могли бы защитить веру от врага, еще более коварного и опасного, чем иудаизм. Система превратилась в неотъемлемую часть национальных институтов, которая была вырвана с корнем только в результате катаклизма Французской революции и наполеоновской войны. Какой ценой для народа это было достигнуто, видно из хвастовства в 1638 году ученого чиновника инквизиции о том, что в его пользу монархам удалось отменить муниципальные законы и привилегии своих королевств, которые в противном случае представляли бы непреодолимые препятствия для искоренения ереси, и он продолжает перечислять различные ограничения на произвол светских судов, которые опыт веков установил для защиты граждан от угнетения, все из которых были отменены, когда дело касалось инквизиции, оставляя этот вопрос на усмотрение инквизитора. . [727]

КНИГА II.

ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ.

ГЛАВА I.

ОТНОШЕНИЯ С КОРОНОЙ.

ЧТО придавало испанской инквизиции ее особую и ужасающую эффективность, так это полнота ее организации и сочетание таинственного авторитета Церкви со светской властью короны. Старая инквизиция была чисто церковным учреждением, уполномоченным, это правда, обращаться к государству за помощью и приводить в исполнение свои приговоры, но во всем христианском мире отношения между Церковью и государством слишком часто были антагонистическими, чтобы ее приказам всегда подчинялись. Однако в Испании инквизиция представляла не только папу, но и короля; она практически держала в руках два меча — духовный и светский, — и это сочетание привело к тирании, подобной по характеру, но гораздо более мелкой и всепроникающей, той, от которой страдала Англия в последние годы правления Генриха VIII в качестве верховного главы Церкви.

Таким образом, хотя его господство над народом было надежным и неизменным, его отношения с королевской властью менялись в зависимости от темперамента монарха. Временами это был инструмент его воли; иногда казалось, что он может почти вытеснить монархию; он постоянно стремился распространить свою ужасающую власть на другие государственные ведомства, которые с переменным успехом пытались противостоять его посягательствам, в то время как

сменявшие друг друга короли, теоретически автократические, иногда выдавали себя за арбитров, иногда тщетно пытались навязать свои миролюбивые приказы, но в более общем уступали его властному духу.

КОНТРОЛЬ ФЕРДИНАНДА

Когда Фердинанд согласился на введение инквизиции, в его политику не входило разрешать основание учреждения, которое должно было быть независимым от королевской власти. Тот, кто стремился запретить в Испании резиденцию папских нунциев и легатов, вряд ли приветствовал бы приход нового роя папских делегатов, чья власть над жизнью и имуществом беспрепятственно распространяла бы влияние Рима во все уголки страны. Соответственно, как мы видели, он обусловил допуск инквизиции уступкой полномочий по назначению и увольнению, и он категорически заявил Сиксту IV, что не позволит никому, кроме своих собственных назначенцев, занимать должность инквизитора. По мере того, как институт развивался и становился все более сложным, он назначил папе римскому лицо, которому должна быть передана папская делегация в качестве генерального инквизитора, и он назначил членов Верховного совета, который стал известен как *Consejo de su Magestad de la Santa General Inquisicion*. Хотя папская комиссия предоставила генеральному инквизитору право делегировать свои полномочия, назначать и увольнять своих подчиненных, что делало его действия незаменимыми, Фердинанд тщательно отстаивал свое право контролировать все назначения и предполагать, что, по крайней мере, они были сделаны с его согласия. В 1485 году монархи без колебаний назначили в Гваделупе инквизиторов, которые сеяли такой хаос среди отступников. [728] 8 августа 1500 года он пишет епископу Бонавалле, что решил возложить на него должность инквизитора на Сардинии, для чего комиссия и подчинение будут направлены ему генеральными инквизиторами; он может назначить асессора и нотариуса, но другие должностные лица будут присланы из Испании. В письме того же числа генерал-лейтенанту Сардинии сообщается о назначении генеральных инквизиторов “con nuestra voluntad y consentimiento”, что было обычной формулой, используемой даже в таких мелких делах, как когда он сообщил Педро Бадиа, распорядителю конфискаций в Барселоне, 13 марта 1501 года, что они назначили Грегорио Замарадо *портеро* или аппаратом этого трибунала вместо Гильена Донаду и что он должен получать такое же жалованье. [729] Хотя участие генерального инквизитора было необходимым, Фердинанд обычно воспринимал его молчаливое согласие как нечто само собой разумеющееся; он назначал встречу, а затем ласково просил о передаче власти. [730] Что касается подчиненных должностей, Торквемада признал королевское участие, когда в 1485 году он проинструктировал инквизиторов, что они могут временно заполнять вакансии, “пока король и я не обеспечим их”. Как правило, можно сказать, что Фердинанд редко беспокоился о подчиненных, но без колебаний принимал на себя всю полноту власти, когда считал нужным, как в письме инквизитору от 21 марта 1499 года: “мы приказываем вам назначить, согласно этим подаркам, Хуана де Монтиенде фискалом в вашем трибунале”. [731]

Если он таким образом контролировал назначения, то в равной степени был обеспокоен и увольнениями. Мы находим, что 22 апреля 1498 года он писал инквизитору Сарагосы, который уволил чиновника в Калатауде, с просьбой восстановить его в должности, поскольку он оказал хорошую службу с опасностью для своей личности, а 19 сентября 1509 года приказал Диего

Лопесу де Кортегано, инквизитору Кордовы, немедленно прекратить свои функции и вернуться к своему подопечному — хотя этот последний приказ был подписан членами Верховного суда.

[732] Было бы излишним приводить дополнительные примеры контроля, осуществляемого таким образом над персоналом инквизиции — контроля, который оставался неотъемлемым от короны, хотя, как мы увидим, ему часто позволяли бездействовать.

Во всем, кроме духовных вопросов, Фердинанд считал инквизицию всего лишь инструментом для исполнения его воли, хотя следует добавить, что это проистекало из его беспокойства о том, чтобы она была всячески усовершенствована для выполнения поставленной задачи, и в его обширной и конфиденциальной переписке нет абсолютно никаких доказательств того, что он когда-либо использовал ее в политических целях, даже в самые бурные времена борьбы с непокорной знатью. Каждая деталь в ее организации и работе находилась под его наблюдением, и среди всех забот его извилистой политики, распространявшейся по всей Западной Европе, и волнений, вызванных его частыми войнами, он уделял ее делам мельчайшую заботу. Когда в декабре 1484 года Торквемада издал свои дополнительные инструкции, он не преминул заявить, что сделал это по приказу монархов, которые приказали их соблюдать. Поэтому в последующих инструкциях, изданных в 1485 году, Торквемада приказывает инквизиторам писать ему и Фердинанду обо всем, что следует сообщать; король выплачивает им жалованье, обещает им награды; если есть что-то, что король должен исправить, ему следует написать. [733] То, что фактически было признано, что инквизиция контролирует инквизицию, видно по всем усилиям Кортеса, обращавшегося к нему с просьбой изменить ее строгость, хотя, как мы видели, Конкордия 1512 года требовала согласия генерального инквизитора Ангуэры, чтобы сделать ее обязательной, с последующим подтверждением папой римским, и хотя в более поздние времена монархи сочли удобным возложить на генерального инквизитора ответственность за отклонение требований своих подданных.

Фердинанд был слишком уверен в себе, чтобы считать необходимым постоянно отстаивать свою власть при любых обстоятельствах. В следующей главе мы увидим, что он смирился с неудобствами, возникшими из-за отлучения от церкви, которым Торквемада угрожал получателям конфискаций, которые соблюдали королевские чины вместо выплаты жалованья. У него не было угрызений совести в том, чтобы заставить Торквемаду присоединиться к нему в выделении денег или в урегулировании конкурирующих требований по долгам осужденного еретика; иногда он позволял подписывать свои седулы членам Верховного совета, особенно в более поздние периоды; действительно, к концу его правления это стало настолько привычным, что в письмах от 25 ноября и 10 декабря 1515 года он объяснял, что его приказы должны выполняться, хотя и не подтвержденные таким образом, потому что никого из членов не оказалось под рукой; иногда он откладывал ответы на просьбы об инструкциях до тех пор, пока не сможет проконсультироваться с Верховным советом. генеральный инквизитор, но простое обращение к нему показывает, что он считался высшим арбитром. Фактически, в случае, когда к нему обратились несколько заключенных по имени Мартинес, он отвечает инквизиторам 30 сентября 1498 г. и 2 марта 1499 г., что генеральные инквизиторы присылают инструкции, и он желает, чтобы они были выполнены, подразумевая таким образом, что требуется его подтверждение. [734]

КОНТРОЛЬ ФЕРДИНАНДА

Какое бы участие он ни допускал таким образом к главе инквизиции, когда считал нужным, он заявлял о своем произвольном контроле и ни в коем случае не считал необходимым общаться с трибуналами через генерального инквизитора, но часто отдавал свои приказы напрямую. 14 мая 1499 года он пишет инквизитору, чтобы определенное конфискованное имущество было продано Диего де Алькосеру по оценочной стоимости, независимо от того, какие инструкции он может получить от генеральных инквизиторов или какие приказы противоречат этому. Даже по пустякам он резко критиковал их, как, например, 17 мая 1511 года, когда он энергично упрекнул одного из них за то, что тот послал к нему Бачиллера Васкеса по делу, которое с таким же успехом можно было уладить письмом с гораздо меньшими затратами. Он полностью осознавал, что власть инквизиции зиждется на его поддержке, и когда возникало малейшее противодействие его воле, он без колебаний заявлял об этом, как тогда, когда в письме от 22 июля 1486 года инквизиторам Сарагосы он сообщает им, что, хотя у них есть название, именно ему и Изабелле Святая канцелярия обязана своей эффективностью; без королевской власти они мало что могут сделать и, поскольку они признают его добрые намерения, они не должны вмешиваться в его приказы. [735]

Эти примеры иллюстрируют ту скрупулезную заботу, которую он проявлял ко всем деталям Священной Службы. Ничто не было слишком тривиальным, чтобы ускользнуть от его бдительного внимания, и это пристальное наблюдение продолжалось до конца. Управляющий Валенсией консультируется с ним по поводу счета плотника на девяносто суэльдо за ремонт королевского дворца, занимаемого трибуналом, и Фердинанд 31 мая 1515 года сообщает ему, что он может оплатить его на этот раз, но это не должно стать прецедентом. 18 января того же года он написал приемнику Хаэна, что, по его сведениям, зал для аудиенций плохо обставлен и что облачения для мессы отсутствуют или изношены, поэтому он приказывает оплатить то, что инквизиторы могут приобрести. [736]

Контроль Фердинанда над инквизицией основывался не только на королевской власти, полномочиях назначать, силе его собственного характера и его пристальном интересе к ее работе, но и на том факте, что у него в руках были денежные средства. Он настоял на том, чтобы конфискации перешли к короне, и впоследствии он получил денежную епитимью. У инквизиции не было пожертвований. Один из них легко можно было бы обеспечить из огромных сумм, собранных от жертв в первые годы интенсивной деятельности, но, хотя временами предпринимались попытки выделить какие-то незначительные средства такого рода, либо постоянные потребности королевской казны, либо благоразумное желание не допустить потери независимости учреждения сделали эти вложения фрагментарными и совершенно неадекватными. Таким образом, расходы трибуналов и жалование чиновникам были в его руках. Ничто не могло быть выплачено без его разрешения, и счета получателей конфискаций, которые выполняли функции казначеев, проверялись со строгой тщательностью. Он регулировал заработную плату каждого чиновника, и его почтовые книжки полны инструкций относительно ее выплаты. Кроме того, в Испании существовал обычай дополнять недостаточное жалование *ayudas de costa*, или подарками большей или меньшей суммы, в зависимости от прихоти государя или заслуг отдельного человека. Со временем, как мы увидим, это стало регулярной ежегодной выплатой при соблюдении определенных условий, но при Фердинанде она все еще оставалась неопределенной, зависела от королевской милости, и в каждом случае требовался приказ короля, даже включая Верховную власть и ее должностных

лиц. [737] Таким образом, корона держала Святую Канцелярию в своей власти, и получатели ее щедрот не могли возмущаться ее контролем.

НЕЗАВИСИМОСТЬ В ВОПРОСАХ ВЕРЫ

Однако в этой постоянной деятельности Фердинанда по делам инквизиции следует отметить, что он ограничивался мирскими делами и воздерживался от вмешательства в ее духовную юрисдикцию. В его обширной переписке, растянувшейся, со случайными перерывами, на многие годы, исключения из этого правила служат лишь подтверждением правила. Я встретился всего с двумя, и они полностью оправдывали его вмешательство. В 1508 году ведущие бароны Арагона жаловались, что инквизиторы преследуют мавров и пытаются принудить их к крещению. Поскольку у них не было юрисдикции над неверными, он сурово упрекнул их, сказав, что обращение через убеждение единственно угодно Богу и что никто не может креститься иначе, как по добровольному заявлению. Поэтому, когда некоторые были обращены и их бросили жены и дети, он приказал инквизиторам разрешить возвращение последних и не принуждать их к крещению. [738] Другим случаем был случай с Педро де Виллачисом, приемщиком "Севильи", человеком, пользовавшимся полным доверием Фердинанда. Ни одно имя не встречается чаще в переписке, и ему было поручено руководство огромным и сложнейшим проектом, в рамках которого Новые христиане Севильи, Кордовы, Леона, Гранады и Хаэна согласились выплатить восемьдесят тысяч дукатов в качестве гарантии от конфискации. В то время как суд Севильи был глубоко погружен в это дело, он начал давать показания против него. Услышав об этом, Фердинанд был поражен; он выразил возмущение тем, что такие действия были предприняты без консультации с ним, и приказал отправить все оригиналы документов ему для рассмотрения в Верховной Раде, до получения которых и будущих распоряжений больше ничего не предпринимать. [739]

Это был крайний случай. Есть и другие, которые доказывают, насколько бесполезно было полагаться на королевскую милость в надежде на вмешательство. Таким образом, вице-канцлером Фердинанда в Арагоне был Алонсо де ла Кабальерия, сын того Бернабоса де ла Кабальерия, о чьем *Чело де Кристо против лос Джудиос* говорилось выше (стр. 115). Ортодоксальное рвение отца не спасло его детей от инквизиции, и их имена и имена их родственников часто встречаются в архивах. Алонсо уже прошел через ее руки, не потеряв своего положения. В декабре 1502 года его брат Хайме был арестован трибуналом Сарагосы, и Алонсо рискнул попросить Фердинанда вмешаться в его пользу, а также за себя на случай, если он окажется замешанным и будет подвергнут еще одному судебному разбирательству. Фердинанд ответил 23 декабря, выразив сожаление и надежду, что все получится так, как он хотел; если дело Алонсо поднимется снова, его будет судить сам Деза, на которого можно положиться в том, что он совершит точное правосудие. Второе прошение от Алонсо принесло ответ 3 января 1503 года, в котором повторялись эти заверения и обещался скорый суд над его братом, о котором он пишет инквизиторам. Фактически, в письме к ним от того же дня упоминается, среди прочего, дело Хайме, с обычными предписаниями вести его справедливо, чтобы не навредить инквизиции, и заверением их, что, если они поступят так, им никто не будет мешать. Насколько мало пользы принесло обвиняемому обращение к Фердинанду, видно из того, что Хайме был наказан аутодафе от 25 марта 1504 года. [740]

В одном отношении Фердинанд проявил фаворитизм, но сделал это таким образом, чтобы доказать, что он признает, что королевская власть сама по себе не может вмешиваться в

осуществление инквизиционной юрисдикции. Несмотря на свое стойкое отвращение к вмешательству папы, он подготовил серию любопытных справок, призванных избавить тех, к кому он благоволил, от позора общественного примирения и епитимьи, а их потомков - от инвалидности. Так много его доверенных чиновников были еврейского происхождения, что он вполне мог попытаться защитить их и сохранить за собой их услуги. Так, в сводках от 11 февраля 1484 г. и 30 января 1485 г. Иннокентий VIII сообщает, что ему сообщили, что некоторые из тех, кто вовлечен в эту ересь, с радостью вернулись бы к вере и отреклись от престола, если бы их можно было тайно примирить, поэтому он поручает инквизиторам совместно с представителями епископата тайно принять в присутствии Фердинанда и Изабеллы пятьдесят человек такого рода для отречения и примирения. В последующем отчете от 31 мая 1486 года говорится, что он узнает, что монархи не всегда могут присутствовать на этих мероприятиях, поэтому он предоставляет еще пятидесяти подобным полномочиям осуществляться в их отсутствие, но с их согласия. Затем, 5 июля 1486 года, то же самое предоставляется еще пятидесяти, даже если против них были взяты показания, с добавлением лишения инвалидности и позорного пятна в пользу их детей, и, более того, это разрешает тайную эксгумацию и сожжение пятидесяти тел — несомненно, родителей тех, кто был таким образом облагодетельствован. Эти сделки продолжались, поскольку существуют аналогичные письма от 10 ноября 1487 г. и 14 октября 1489 г., каждое для пятидесяти человек и пятидесяти тел, которые должны быть назначены королем и королевой, и, возможно, были и последующие, которые до нас не дошли. [741] Несомненно, что под письмами такого рода 10 января 1489 года Элионор и Изабель Бадорх тайно помирились в королевском дворце Барселоны. [742]

СТРЕМЛЕНИЕ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Эти, казалось бы, тривиальные детали представляют интерес как раскрывающие основу, на которой была основана инквизиция и из которой она развилась. Они также проливают свет на характер Фердинанда, чья неугомонная и непрекращающаяся деятельность давала о себе знать во всех департаментах правительства, позволяя его решительной воле сломить силы феодализма и заложить фундамент абсолютной монархии для его преемников. Однако было бы несправедливо по отношению к нему отмахнуться от темы, не упомянув о его беспокойстве по поводу того, что инквизицию следует держать строго в рамках абсолютной справедливости в соответствии со стандартами того периода. Воспитанный в общепринятом учении Церкви о том, что ересь - величайшее из преступлений, что еретик не имеет никаких прав и что пытать его до смерти - это служение Богу, он был безжалостен и побуждал инквизиторов к непрестанной бдительности. Он с неменьшим рвением собирал каждую крупницу добычи, на которую мог законно претендовать в результате конфискации у жертв, но, согласно искаженной этике того времени, это соответствовало строжайшей справедливости, поскольку именно повиновение каноническому праву было выражением закона Божьего. Не могло быть никакого лицемерия в его постоянных инструкциях инквизиторам и распорядителям конфискаций выполнять свои функции честно и умеренно, чтобы ни у кого не было повода жаловаться. Это была его общая формула для новых назначенцев, и она подтверждается его инструкциями в бесчисленных особых случаях, когда к нему обращались с жалобами на реальную или воображаемую несправедливость. Его воздержание от вмешательства в вопросы веры ограничивало подобные обращения финансовыми вопросами, но они, согласно жестоким каноническим предписаниям относительно конфискаций, часто были очень сложными и затрагивали права невиновных третьих лиц. Его решения в таких случаях часто неблагоприятны для него самого и обнаруживают врожденное чувство справедливости, совершенно неожиданное для монарха,

который по оценке Макиавелли стоял рядом с Чезаре Борджиа. Пара примеров, взятых наугад из множества, проиллюстрируют эту сторону его характера. 11 июля 1486 года он пишет своему приемнику в Сарагосу: “Пятнадцать лет назад Хайме де Сантанхель, недавно сгоревший, владел участком земли в Сарагосе и не платил арендную плату за землю Гарсии Мартинесу. По закону фуэро Арагона, если такая арендная плата не выплачивается в течение четырех лет, земля конфискуется. Говорят, что вы владеете этой землей как частью конфискованного имущества Сантхель, и по вышеуказанной причине считается, что она принадлежит Мартинесу. Поэтому вам приказано увидеть, что такое правосудие, и без промедления совершить это с Мартинесом, и если вы продали землю, дело должно быть облечено в такую форму, чтобы Мартинес мог получить причитающееся”. В том же духе, когда Каспар Ройг из Кальяри счел себя потерпевшим в сделке, вытекающей из постановления о конфискации, Фердинанд пишет инквизитору Сардинии от 11 марта 1498 года: “Поскольку мы желаем, чтобы никто не пострадал от несправедливости, мы передаем дело вам, поручая вам немедленно выслушать стороны и поступить справедливо, чтобы упомянутый Гаспар Ройг не пострадал от несправедливости.... Вы увидите, что упомянутому Гаспару Ройгу больше не придется обращаться к нам за неисполнением правосудия”. [743]

Было неизбежно, что после ухода этой могущественной личности королевский контроль над инквизицией уменьшится, особенно ввиду неспособности королевы Хуаны управлять страной и отсутствия молодого Карла V. Правительство Испании практически перешло к Хименесу, который был генеральным инквизитором Кастилии, в то время как его коадьютор Адриан быстро получил тот же пост в Арагоне. После прибытия Карла и смерти Хименеса Адриан стал главой объединенной инквизиции, и его влияние на Карла во всех вопросах, связанных с ней, было безграничным. Таким образом, обстоятельства были особенно благоприятны для развития его практической независимости, хотя теоретически верховенство короны оставалось неизменным.

ПОЛНОМОЧИЯ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Таким образом, Супрема, о которой мы мало слышим при Фердинанде, сразу же занял свое место в регулировании всех деталей. Власть назначать даже получателей, которые были светскими чиновниками, подотчетными только королевской казне, перешла в его руки. Так, в письме Хименеса от 11 марта 1517 года получателю из Толедо говорится, что имеется большое количество невостребованных конфискаций, поэтому ему предписано выбрать подходящего человека в качестве помощника и отправить его к Верховному судье для принятия решения относительно его пригодности, чтобы Хименес мог назначить его с его одобрения. [744] Тем не менее, формально право назначать оставалось за короной, и, когда Карл прибыл, предполагалось, что он воспользуется им, как это сделал Фердинанд, как бы мало реальной воли он ни проявлял. В письме от 11 декабря 1518 года, касающемся назначения Андреса Санчеса де Торквемады инквизитором Севильи, Чарльз заставляет сказать, что, будучи удовлетворенным способностями Торквемады, он поручил ему принять должность и что с его согласия Адриан назначил его. В другом случае, когда аббат, которому Адриан предложил должность инквизитора Толедо, отказался от этой должности, Чарльз пишет 14 сентября 1519 года, требуя от него принять ее. [745] То, что Адриан не мог действовать в одиночку, было признано, поскольку после того, как Карл покинул Испанию в мае 1520 года, возникли вопросы

по этому вопросу, и в патентных письмах от 12 сентября он официально уполномочил Адриана назначать всех инквизиторов и других должностных лиц. [746]

Были ли впоследствии сделаны официальные делегирования назначающей власти, не указано, но практически это продолжалось при генеральном инквизиторе, при условии неопределенного сотрудничества Верховного суда, члены которого подписывали поручения, в то время как с подчиненными должностями в трибуналах иногда консультировались с инквизиторами, их рекомендации привлекали внимание, и их протесты были услышаны. Различные факторы проиллюстрированы в письме Верховного от 24 августа 1544 года инквизиторам Сарагосы, которые представили заявление о квалификации различных претендентов на вакантную должность *нотариуса хусгадо*. В ответе Suprema заявляет, что ее секретарь Иеронимо Зурита рекомендовал Мартина Моралеса; он консультировался с генеральным инквизитором, который его назначил, но он будет иметь в виду Бартоломе Мало и даст ему что-то еще. [747]

Насколько мне известно, Филипп II никогда не вмешивался в это осуществление полномочий по назначению. То, что он переложил всю ответственность на генерального инквизитора и отказался от какого-либо согласия с ним самим, очевидно из серии инструкций новому генеральному инквизитору Джеронимо Манрике от 8 мая 1595 года. Он приказывает ему соблюдать максимальную осторожность при отборе подходящих лиц на все должности без фаворитизма, и, хотя в его обязанности входит назначать инквизиторов и фискалов, он должен заранее сообщать о своем выборе Верховному судье, как всегда делали его предшественники, потому что некоторые члены могут быть знакомы со сторонами и предотвращать допущение ошибок. [748] То, что надзорная власть, однако, все еще признавалась за короной, видно из консульта от 21 июня 1600 года, представленного Филиппу III генеральным инквизитором Геварой, в котором он сетовал на непригодность многих инквизиторов. С обычной нежностью, проявляемой к недостойным должностным лицам, он предложил не увольнять их, а произвести общую перестановку, в результате которой старшими в трибуналах должны были стать лучшие люди. На это король ответил предостережением о дискредитации инквизиции и предположением, что следует обратиться к сменяющимся сторонам с просьбой об изменении; он также назвал их имена и причины, потому что он должен быть проинформирован обо всех этих людях. [749]

Это указывало на желание возобновить пристальное наблюдение Фердинанда, о котором давным-давно забыли в суматохе и отлучках Карла V и уединенных трудах Филиппа II над депешами и консультациями. Устанавливалась бюрократия, при которой различные департаменты правительства становились более или менее независимыми от монарха, и Филипп на данный момент, казалось, был склонен восстановить свою власть, поскольку в 1603 году, как нам сообщили, он произвел множество назначений инквизиторов, фискалов и даже мелких чиновников. [750] Если это так, то он был слишком нерешительным, слабым и порывистым, чтобы проводить определенную линию политики, поскольку, когда в 1608 году он отдал обычные инструкции новому инквизитору Сандовалю-и-Рохасу, он просто повторил предписания 1595 года с добавлением, что о переводах также следует сообщать Верховной власти. [751] Однако в одном случае он даже превзошел Фердинанда, вмешавшись в дело веры. Когда он отправился в Толедо со своим судом, чтобы стать свидетелем аутодафе 10 мая 1615 года, он попросил показать приговор Хуану Коте, наказанному за лютеранство, и внес некоторые изменения в *meritos*, или перечень преступлений, изменил тюремное заключение на

бессрочное и несменяемое и добавил двести ударов плетью. Трибунал проконсультировался с Супремой, которая одобрила изменения, исходя из предположения, что в них участвовал генеральный инквизитор, но на следующий день после этого аутодафе сообщили, что Супрема милостиво прекратила бичевание. [752]

ПОЛНОМОЧИЯ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Филипп IV в 1626 году, после смерти генерального инквизитора Пачеко, попросил Верховного главнокомандующего предложить инструкции, которые следует дать новому исполняющему обязанности, и получил совет повторить инструкции от 1608 года. Он фактически признал право назначения на эту должность, когда в том же году суды Барбастро обратились с петицией о том, чтобы в Арагоне все должностные лица трибуналов были арагонцами, и он ответил, что воспользуется своими полномочиями с генеральным инквизитором, чтобы определенная часть из них была таковой. [753] Однако, несмотря на свое обычное подчинение инквизиции, он подтвердил свою прерогативу в 1640 году, назначив архидьякона Виша инквизитором Барселоны, и в 1641 и 1642 годах за ним последовали несколько других, даже снизойдя до должности секретаря Лимы, которую он передал Доминго де Ароче. [754] Это вызвало борьбу, закончившуюся компромиссом, в результате которого генеральный инквизитор был принесен в жертву Верховной Власти. Вмешательство папы было сочтено необходимым, и в марте 1643 года была подготовлена сводка, согласно которой Филипп указом от 2 июля приказал, чтобы в будущем на все вакантные должности инквизитора и фискала генеральный инквизитор и Супрема представляли ему три имени для выбора. Признанный таким образом Верховный судья был удовлетворен, но Сотомайор, генеральный инквизитор, был упрям. В июне Филипп потребовал своей отставки, которую он подал после некоторых колебаний и выразил свои чувства в знак протеста, представив печальную картину состояния Священной канцелярии. Нынешние беспорядки, по его словам, возникли из-за увеличения числа офисов, в результате чего их характер обесценился, а поскольку доходов было недостаточно для их содержания, они были направлены на ненадлежащее устройство. Супрема был бессилен, поскольку в различных случаях король вознаграждал заслуги в других областях дарами этих должностей, когда нельзя было учитывать характер, и он также был вынужден назначать на должности по приказу, столь же императивному, как приказ короля — очевидный намек на Оливареса. [755]

Преемник Сотомайора, Арсе-и-Рейносо, придерживался этих новых правил и до своей смерти в 1665 году представлял все назначения и передачи королю. Филипп пережил его всего на три месяца, и при последовавшем за этим регентстве и правлении слабоумного Карлоса II генеральный инквизитор возобновил полномочия по назначению без консультаций. Королевский надзор был настолько полностью забыт, что инструкции генерал-инквизитору Рокаберти в 1695 году повторяют старую формулу от 1608 года. [756] В этом случае предписание консультироваться с Верховной Властью вызвало недовольство Святого Престола после его вмешательства в дело Фройлана Диаса (о котором подробнее ниже) заставило его принять чью-либо сторону в споре о соответствующих полномочиях генерального инквизитора и Верховной власти. Поскольку назначение первого было папским грантом, он постановил, что на него не может быть наложено никаких ограничений, и, когда был назначен Видаль Марин, Климент XI направил ему 8 августа 1705 года срочные инструкции по поддержанию достоинства его должности, которая имела исключительные полномочия в этом помещении. [757]

Приказ был слишком приятным, чтобы ему не повиновались, и с этого времени неограниченная власть назначения находилась в руках генерального инквизитора. Примерно в 1765 году один писатель сообщает нам, что все оплачиваемые должности были заполнены им одним. Если король желал удовлетворить кого-либо должностью, он сообщал о своем желании генеральному инквизитору, чтобы такое лицо было рассмотрено при первой же вакансии, и королевское желание было уважено при отсутствии особых возражений. Если таковые имелись, об этом докладывали королю и ожидали его решения. [758] Из-за тенденции отстаивать прерогативы Карлоса III это было поставлено под сомнение в 1775 году, когда королевская палата Камары тщательно изучила краткое назначение Фелипе Бертрана генеральным инквизитором, но протест был чисто формальным; власть назначения осталась нетронутой; она пережила революцию и продолжалась до тех пор, пока инквизиция не была подавлена. [759]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Гораздо большее значение имела власть выбирать и фактически смещать генерального инквизитора, и этого корона никогда не теряла. На самом деле это было важно для его достоинства, если не для его безопасности. Если бы это назначение зависело от папы, либо инквизиция по необходимости была бы сведена к нулю, либо королевство попало бы в зависимость от курии. Если бы Верховная Власть обладала правом представлять кандидатуру папе римскому, инквизиция стала бы независимым органом, конкурирующим с монархией и, возможно, со временем вытеснившим ее. Тем не менее, после смерти Фердинанда кардинал Адриан, будучи избранным на папский престол, казалось, вообразил, что привилегия Фердинанда выдвигать свою кандидатуру была чисто личной и что она перешла к нему. 19 февраля 1522 года он написал Карлу, что необходимо найти преемника; после долгих раздумий он остановил свой выбор на генерале доминиканцев, но не решился назначить его, предварительно не узнав пожеланий Карла. Если доминиканец не устраивал, Карл мог назвать кого-нибудь другого, для чего он предложил трех других прелатов. Шарль ответил из Брюсселя 29 марта, предполагая, что назначение находится в его руках, но приказал своему представителю Лашо посоветоваться с Адрианом. Он не спешил принимать решение, и только 13 июля 1523 года он поручил своему послу, герцогу Сессскому, запросить комиссию для Альфонсо Манрике, епископа Кордовы, которому он присвоил пост генерального инквизитора и архиепископство Севильи. [760]

В записях нет указаний на какие-либо вопросы, возникшие впоследствии относительно полномочий короны выбирать генерального инквизитора. Однако это никогда не было официально признано папами, чьи поручения последующим кандидатам носили форму *motu proprio* — спонтанного акта Святого Престола, — посредством которого, без ссылки на какую-либо просьбу суверена, получатель назначался генеральным инквизитором испанских владений и наделялся всеми способностями и полномочиями, необходимыми для выполнения функций его канцелярии. [761] По-видимому, никаких возражений по этому поводу не было, пока Карлос III не проявил ревностную заботу об утверждении и поддержании регалий вопреки предположениям курии. Первым назначением, которое ему довелось произвести, было назначение Фелипе Бертрана, епископа Саламанки, после смерти генерального инквизитора Бонифаса. 27 декабря 1774 года в папство было отправлено прошение о создании комиссии, тщательно оформленное, чтобы не приписывать последнему какого-либо участия в отборе или

назначении, а просто просить делегировать профессорско-преподавательский состав, сопровождаемое инструкциями послу Флоридабланке выхлопотать для Бертрана разрешение на проживание в его епархии в течение срока его полномочий. Климент XIV умер 22 сентября 1774 года, и интриги, возникшие в результате подавления иезуитов, отложили избрание Пия VI до 15 февраля 1775 года, но 27 февраля комиссия и разрешение были подписаны. 25 марта Карлос отправил комиссию в королевскую Камару для рассмотрения перед ее доставкой Бертрону, и 24 апреля Самага сообщила, что ее фискальная служба объявила ее аналогичной той, которая была предоставлена Бонифасу в 1755 году, но что она не выражала должным образом королевское назначение и имела форму *motu proprio*; он также возражал против предоставления ему полномочий на назначение и, кроме того, что некоторые из включенных факультетов нарушали королевскую и епископальную юрисдикцию, в то время как положения о цензуре противоречили королевским указам. В соответствии с этими оговорками было приказано доставить сводку Бертрону; был ли подан протест в курию или нет, не указано, но если он был, то он оказался неэффективным, поскольку та же формула использовалась в поручении, выданном генеральному инквизитору Аугустину Рубину де Севальосу 17 февраля 1784 года. [762]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Можно предположить как нечто само собой разумеющееся, что король не имел права увольнять генерального инквизитора, который исполнял свои обязанности по воле папы, но у суверена обычно было достаточно средств добиться отставки. Неизвестно, было ли это убийство Альфонсо Суареса де Фуэнтельсаса в 1504 году добровольным или принудительным, но случай кардинала Манрике, преемника Адриана, показывает, что, если бы генерального инквизитора не заставили уйти в отставку, его можно было бы практически отправить в отставку. Манрике, будучи епископом Бадахоса после смерти Изабеллы, настолько активно поддерживал притязания Филиппа I, что Фердинанд приказал его арестовать; он бежал во Фландрию, где поступил на службу к Карлу и вернулся с ним в Испанию, получив кафедру Кордовы и, в конечном счете, архиепископство Севильи. [763] Возможно, он навлек на себя недоброжелательство императрицы Изабеллы вскоре после своего назначения, поскольку мы находим, что 23 января 1524 года он жаловался Карлу на то, что, когда в Валенсии она приказала разоружить приближенных и арестовать Микера Артеса, наемного чиновника инквизиции, нарушения его привилегий, за которые он просил средства правовой защиты. [764] В 1529 году он привел более серьезную причину для правонарушения. Когда Карл отплыл 28 июля в Италию на свою коронацию, он был отдан под опеку императрицы доньи Луизы де Акунья, наследницы графа Валенсии, до тех пор, пока не будет решен вопрос о ее браке. Претендентов было трое — двоюродный брат Манрике, граф Тревиньо, наследник герцога Наджеры, маркиз Асторга и маркиза Майорга. Императрица поместила свою подопечную в монастырь Сан-Доминго-эль-Реаль в Толедо, где Манрике злоупотребил своей властью, представив своего кузена; алтарь был подготовлен заранее, и свадьба была отпразднована на месте. Императрица, справедливо разгневанная, приказала ему удалиться от двора и находиться на его кафедре до возвращения императора и осталась глуха к заявлениям Верховного суда от 12 декабря о вмешательстве в священную работу инквизиции и дискредитации, брошенной на нее. Вероятно, именно к этому можно отнести задержку с его возведением в кардиналы, о которой было объявлено 22 марта 1531 года после того, как он

содержался в *петто* с 19 декабря 1529 года. По возвращении Чарльза в 1533 году ему было разрешено снова занять свое место, но он снова впал в немилость в 1534 году, когда его отправили обратно в свою епархию, где он умер в преклонном возрасте в 1538 году. Тем не менее, это не было равносильно увольнению; он продолжал выполнять свои функции, и его подпись стоит в документах инквизиции по крайней мере до 1537 года. [765] Однако, имея дело с генеральным инквизитором, корона не могла осуществлять контроль над трибуналами. Императрицу интересовало дело брата Франсиско Ортиса, арестованного 6 апреля 1529 года трибуналом Толедо, и она дважды просила ускорить его судебный процесс, на который 27 октября 1530 года она ссылалась по государственным соображениям, но трибунал был глух к ее пожеланиям, а также к пожеланиям Климента VII, который вмешался 1 июля 1531 года, и приговор был вынесен только 17 апреля 1532 года. [766]

Не было никаких оснований для королевского вмешательства в дела генералов-инквизиторов Таверы, Лоайсы или Вальдеса. Если последний был вынужден уйти в отставку в 1566 году, то это было сделано не по приказу Филиппа II, а со стороны Пия V, как мы увидим ниже, в судебном преследовании Каррансы, архиепископа Толедо. Таким образом, если Эспиноза в 1572 году умер из-за выговора Филиппа II, то это произошло не за служебный проступок, а просто показывает глубину раболепия, достижимого придворными того периода. Правление слабого Филиппа III, однако, дало несколько примеров, когда королевской воли было достаточно для создания вакансии. Едва он взошел на трон двадцатилетним юношей после смерти Филиппа II 13 сентября 1598 года, как попытался избавиться от генерального инквизитора Портокарреро, который, как говорят, пренебрежительно отзывался о нем или навлек на себя недоброжелательство фаворита, герцога Лермы. Для достижения этой цели у Климента VIII была добыта булла, требующая епископальной резиденции; Портокарреро был епископом Куэнки, престол, который, как считалось, стоил сорок тысяч дукатов в год, но он предпочел отказаться от этого и предпринял бесплодные попытки в Риме получить разрешение на это. Он уехал из Мадрида в сентябре 1599 года в Куэнку и умер от горя в течение двенадцати месяцев, отказавшись составить завещание, потому что, по его словам, ему нечего было оставить, кроме долгов, на выплату которых потребовался бы двухлетний доход его епархии. [767] Его преемнику кардиналу Фернандо Ниньо де Геваре жилось не лучше. На момент своего назначения он находился в Риме и вступил в должность только 23 декабря 1599 года, но уже в мае 1600 года ходили слухи, что его должен был заменить Сандовал-и-Рохас, архиепископ Толедский. Тем не менее, в 1601 году он был назначен архиепископом Севильи и пытался купить благосклонность Филиппа подарком в сорок тысяч дукатов и почти всей своей утвари. Это оказалось бесполезным, и в январе 1602 года ему было приказано поселиться на своей кафедре, после чего он покорно подал прошение об отставке. [768] У Хуана де Суньи, который стал преемником, в его поручении был пункт, позволяющий ему передать управление своей кафедрой в руки папы, но предосторожность оказалась излишней, поскольку он умер 20 декабря 1602 года, пробыв на этом посту всего шесть недель, на что он жертвовал тридцать тысяч дукатов в год от своего престола. Он был стар и немощен, и его смерть приписали его переезду зимой из теплого климата в суровый Вальядолид, тогдашнюю резиденцию двора. [769]

Вопрос о невыезде был благополучно решен, по крайней мере, на время, путем избрания следующим действующим лицом Хуана Баутисты де Азеведо, епископа Вальядолида, резиденции суда. Он был человеком настолько незначительным, что назначение вызвало всеобщее удивление, пока не вспомнили, что он был секретарем Лерма. Когда двор переехал в Мадрид в 1606 году, он был вынужден выбирать между двумя санями, и его отставке от епископства способствовало предоставление ему пенсии в размере двенадцати тысяч дукатов из казны Индии, кроме того, как патриарх Индии, он получал жалованье в размере восьми тысяч. [770] Вскоре последовала его смерть, в 1608 году, когда Сандовал-и-Рохас, дядя Лермы, получил должность, не пожертвовав своим первосвященническим престолом Толедо, разрешение на временное проживание, несомненно, было легко получено таким персонажем.

Сандовала сменил в 1619 году отец Луис де Алиага, доминиканец, который был духовником Лермы. В 1608 году Лерма передал его королю, на которого его влияние неуклонно росло, хотя о его сомнительной репутации можно судить по популярному приписыванию ему фальшивого продолжения "Дон Кихота", опубликованного в 1614 году под именем Авельянеда — произведения, шутовство и непристойности которого совершенно нецерковные. [771] Хотя он был обязан своим состоянием Лерме, в 1618 году он присоединился к падению своего покровителя в пользу племянника Лермы, герцога Учеды, и в течение оставшегося периода правления Филиппа Учеды и Алиага фактически правили страной и плохо управляли ею, заполняя офисы своими созданиями, продавая правосудие и усиливая финансовые беспорядки которые приводили Испанию к ее гибели. Когда Филипп IV взошел на престол 31 марта 1621 года под опекой своего фаворита Оливареса, их первым делом было уволить всех, кто был у власти при покойном короле. От светских чиновников было легко избавиться, но папское поручение генерального инквизитора сделало его независимым от короля; он не проявлял сговорчивости Портокарреро и Гевары, и, поскольку он не был епископом, ему нельзя было приказывать явиться на его престол. Аномальное положение инквизиции как части абсолютного правительства иллюстрирует тот факт, что в течение нескольких недель вопрос о его смещении был предметом неоднократных хунт и консультаций, но, наконец, 23 апреля Филипп написал, приказывая ему покинуть суд в течение двадцати четырех часов и отправиться в доминиканский монастырь Уэте, где его настоятель даст ему дальнейшие инструкции. Он подчинился, но отказался от епископства Саморы и продолжения получения церковных доходов в качестве платы за свою отставку. Оставался единственный способ добиться от Григория XV отзыва делегированных ему полномочий, представив его недостойность, его виновное соучастие с Учедой и Осуной и упрек Филиппа III ему на смертном одре в том, что он неверно направил свою душу к гибели. Грегори благосклонно выслушал, и Алиага, похоже, осознал несостоятельность своего положения и подал в отставку, хотя никаких доказательств этого не существует. Все, что мы знаем, это то, что Андрес Пачеко, епископ Куэнки, был назначен его преемником в феврале 1622 года и вступил в должность в апреле. Даже после этого Алиага был объектом опасений. В июне 1623 года он прибыл в Горталезу, которая находилась в одной или двух лигах от Мадрида. При дворе сразу же поднялась суматоха; король провел серьезные консультации; его близость считалась опасной, и ему не могли позволить вернуться, как он просил, в его родной Арагон, который находился в хронически огнеопасном состоянии, в то время как в Валенсии его брат был архиепископом; ему также не могли позволить покинуть королевство, поскольку он был так хорошо осведомлен о государственных тайнах. Были послания и активная переписка, и, наконец, ему разрешили поселиться в Гвадалахаре с достаточными средствами, где оставшиеся три года его жизни прошли в неизвестности.

Льоренте сообщает нам, что против него было возбуждено судебное дело за высказывания, отдающие лютеранством и материализмом, которое было прекращено после его смерти, что, несомненно, было использовано для того, чтобы удержать его на пенсии. [772]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Андрес Пачеко, сменивший его в 1622 году, благоразумно сложил с себя полномочия епископа Куэнки, и, несмотря на его дерзкое выполнение требований инквизиции, ему было разрешено занимать этот пост до своей смерти, 7 апреля 1626 года. [773] Спешки с заполнением вакансии не было, поскольку только 6 августа Оливарес ответил на приказ короля письменно сообщить о лучших кандидатах на этот пост. Он назвал четверых, скрыто указывая на свое предпочтение кардиналу Сапате, который отказался от архиепископства Бургоса в 1605 году и в то время был губернатором архиепископства Толедо. Филипп последовал этому предложению, подписав документ, который был исключительно неофициальным назначением, отметив в то же время, что выбор не должен быть обнародован до тех пор, пока не будет выбран его преемник в Толедо. [774] Его отставку с поста в 1632 году обычно приписывают просьбе короля, но в этом ни в коем случае нельзя быть уверенным. Ему было больше восьмидесяти лет, и в течение некоторого времени он поговаривал об отставке; уже в 1630 году Верховный намекает в консультациях на огласку своего намерения снять с себя это обвинение. Возможно, в конце концов было оказано некоторое мягкое давление, но когда 6 сентября 1632 года прибыло поручение его преемника, его расставание с королем проходило в духе взаимного уважения и добрых чувств. Его отставка была смягчена сохранением за ним полного жалования и привилегий в размере 1 353 625 миссис (3620 дукатов), которые, поскольку у Супремы никогда не было достаточного дохода для удовлетворения своих желаний, не были радушно приняты. [775]

Его преемник, доминиканец Фрай Антонио де Сотомайор, был *in partibus* архиепископом Дамаска и духовником короля. Ему шел уже семьдесят седьмой год, и, когда он проработал на своем посту одиннадцать лет, его немощи и неспособность стали более очевидны для других, чем для него самого. В начале 1643 года падение Оливареса лишило его поддержки, его оппозиция королю в вопросе назначений еще больше ослабила его позиции, и в июне ему было предложено уйти в отставку ввиду его преклонного возраста и сохранения здоровья. Он был сильно встревожен и посоветовался с друзьями, которые посоветовали ему повиноваться, но он все еще держался, говоря, что они могут ожидать его смерти. Было оказано большее давление, которому он уступил. 20 июня он официально нотариально засвидетельствовал свое желание освободиться от должности в связи с преклонным возрастом, а на следующий день подал нелюбезное прошение об отставке, за которым 24-го последовало прошение, адресованное папе римскому. Его преемник, Диего де Арсе-и-Рейносо, епископ Пласенсии, уже был на месте, выполняя некоторые функции, но Урбан VIII не решился подтвердить изменение и потребовал объяснений. Только 18 сентября заказ на Арсе-и-Рейносо был ускорен, и он прибыл в Мадрид только 7 ноября. Сотомайор был “обрадован” половиной своего жалования в девять тысяч дукатов, которым он пользовался еще пять лет. [776]

Арсе-и-Рейносо, как мы увидим, когда был втянут Римом в судебное преследование Вильянуэвы, маркиз Вильяльва, был вынужден отказаться от своего престола в Пласенсии 2 декабря 1652 года, чтобы сохранить за собой должность генерального инквизитора. Он оставался на своем посту до своей смерти 20 июня 1665 года, за которой последовала смерть

Филиппа 16 сентября. В течение этого промежутка времени Филипп назначил Паскуаля Арагонского, сына герцога Кардоны, занимавшего в то время пост вице-короля Неаполя. Он немедленно отплыл в Испанию, и, хотя говорят, что он ушел в отставку, не исполняя своих обязанностей, существуют документы от октября и ноября 1665 года, которые показывают, что он выполнял служебные функции. [777] Он получил престол Толедо 7 марта 1666 года и желал сохранить должность генерального инквизитора, но королева-регентша Мария Анна Австрийская вынудила его уйти в отставку, чтобы заменить его своим духовником и фаворитом, немецким иезуитом Иоганном Эверардом Нитхардом. [778]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Нитхард в 1668 году хвастался, что он отвечал за совесть королевы в течение двадцати четырех лет, в течение которых она постоянно держала его при себе. Таким образом, он с юности формировал ее характер, а поскольку она была слабой и упрямой, он сделал себя незаменимым. Ее избрание его генеральным инквизитором вызвало оживленную оппозицию, которую не смогло подавить даже почтение к королевской власти; были представлены протесты, приведшие к длительной и жаркой дискуссии, но сопротивление было напрасным. [779] Он был назначен 15 октября 1666 года и быстро стал правителем королевства, которым плохо управлял. Всеобщее недовольство, вызванное таким образом, было вызвано завистью *фрейлов*, которые привыкли видеть в доминиканцах королевских исповедников и чья ненависть к Обществу Иисуса усугублялась тем, что он совмещал это положение с постом генерального инквизитора. Его обвинили в том, что он наполнил Святую Канцелярию иезуитскими *калификадорами*, по совету которых он руководил ею, и в том, что он накапливал для себя пенсии в размере шестидесяти тысяч дукатов в год. В то время в Испании был настоящий герой в лице второго дона Хуана Австрийского, сына Филиппа IV от женщины, известной как ла Кальдерона; он пользовался большим уважением в народе, поскольку имел репутацию подавителя неаполитанского восстания 1648 года и прекращения каталонского восстания взятием Барселоны в 1652 году. Между ним и Нитхардом неизбежно возникла вражда, которая переросла в самую ожесточенную ненависть. Чтобы вывезти его из страны, ему поручили командование экспедицией, собирающейся отплыть во Фландрию; он отправился в Ла-Корунью, но отказался плыть; ему было приказано удалиться в Консуэгру, куда был отправлен конный отряд, чтобы арестовать его, но он бежал в Каталонию, оставив письмо на имя королевы, в котором он сообщал, что отвратительная злоба Нитхарда вынудила его позаботиться о своей безопасности; его отказ отплыть был вызван его желанием убрать от нее этого дикого зверя, столь недостойного его священной должности; он не захотел этого делать. он не собирался убивать его, ибо не хотел обречь на погибель душу в таком ужасном состоянии, но он посвятил бы себя освобождению королевства от этого василиска, уверенный, что королева признает услугу, оказанную таким образом королю.

Это письмо и аналогичное от 13 ноября были широко распространены и вызвали всеобщее отвращение к Нитхарду. Дон Хуан выступил вперед как защитник народа от ненавистного иностранца и продолжал выступать с подстрекательскими речами. При дворе потоком посыпались письма из городов, представленных в Кортах, в которых королеву умоляли удовлетворить его требования, но, хотя ее советники колебались, она стояла твердо. 3 декабря она написала ему, чтобы он вернулся в Консуэгру или приблизился к Мадриду, где можно было бы продолжить переговоры. Воспользовавшись этим, он избежал ловушки, написав, что, поскольку его жизнь была в опасности, ее посланник, герцог Осуна, предоставил ему охрану из

трех конных рот - всего около 250 человек. С этим эскортом он отправился из Барселоны через Сарагосу. Напрасно издвора поступали приказы оскорблять его в дороге. Повсюду его путешествие походило на королевскую процессию. Знать и народы собрались, чтобы поаплодировать ему, и в Сарагосе даже трибунал инквизиции принял участие, в то время как студенты пронесли по кругу чучело иезуита и сожгли его перед домом иезуитов, заставив ректора наблюдать за этим из окна.

Приближаясь к Мадриду со своей горсткой людей, Нитхард призвал дворян своей партии собраться со своими вооруженными слугами, но Регентский совет запретил это. Дон Хуан не спешил; 9 февраля он достиг Юнкеры, примерно в десяти лигах от Мадрида, а 22-го он был в Торрехон-де-Ардос, примерно в пяти лигах от него. Чувствовалась неминуемая опасность, что, если он продвинется вперед, население восстанет и убьет министров, которым они приписывали свои страдания, и всякая идея сопротивления была отброшена. Нитхард убедил папского нунция встретиться с доном Хуаном 24 февраля и попросить дополнительное время для переговоров, но в 9 часов вечера нунций вернулся со словом, что Нитхард должен немедленно покинуть Испанию. Королевский совет заседал до 10 часов вечера и пришел к тому же выводу. На следующий день в городе поднялся шум; люди отнесли свои ценности в монастыри на хранение, и толпа собралась вокруг дворца, где хунта Гобьерно издала указ о том, что Нитхард должен покинуть город в течение трех часов. В нем говорилось, что он просил разрешения уехать, и, предоставив его, королева, чтобы выразить свое удовлетворение его услугами, назначила его послом в Германию или в Рим, по его выбору, с сохранением всех его должностей и жалованья. Королева подписала это, и архиепископу Толедскому и графу Пеньяранда было поручено отнести это письмо Нитхарду, который принял его без малейших эмоций и предоставил себя в их распоряжение. Было условлено, что они должны заехать за ним в 6 часов вечера. Архиепископ и герцог Македы приехали в двух каретах, и Нитхард вошел, не взяв с собой ничего, кроме своего трюфля. Трижды на улицах ревущая толпа угрожала нападением, но была остановлена видом креста, которым предусмотрительно снабдил себя архиепископ. Они отвезли его в Фуэнкарраль, примерно в двух лье от города, и оставили в доме священника. На следующий день он отправился в Сан-Агустин, расположенный примерно в десяти лигах отсюда, где задержался на некоторое время в тщетной надежде вернуться.

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Дон Хуан вернулся в Гвадалахару, где были согласованы условия, основными пунктами которых было то, что Нитхард должен немедленно сложить все свои полномочия и никогда не возвращаться в Испанию, и что Диего де Вальядарес, особый враг Дона Хуана, не должен иметь никакого отношения к любому делу, затрагивающему его. Нитхард соответственно отправился в Рим, но у него не было ни поручения, которое он должен был предъявить, ни инструкций. Он сообщил об этом Государственному совету, который велел ему настаивать на определении Святым Престолом Непорочного зачатия. Королева попыталась хитростью раздобыть для него кардинальскую шапку, которая была обещана Испании, но потерпела неудачу. Он все еще надеялся на возвращение к своим почестям, чему способствовала переписка его доверенного лица, иезуита Салинаса, но письмо, предупреждавшее его не отказываться от должности генерального инквизитора, поскольку все клонилось к его возвращению с жильем во дворце королевы, случайно попало в руки нунция, который поместил его туда, где это принесло бы наибольшую пользу. Результатом стал безапелляционный приказ ему уйти в отставку в пользу Вальядареса, который был назначен его преемником. Когда это ему передал Сан Роман,

испанский посол, он, как говорят, упал в обморок и не приходил в себя в течение часа. Желанная кардинальская шапка была вручена Портокарреро, настоятелю Толедо, и когда известие об этом дошло до королевы, ее бросило в горячку. Генерал-иезуит Олива, увидев, что Нитхарда таким образом лишили его должности, и оскорбленный его высокомерием, приказал ему покинуть Рим, и он удалился в монастырь, но он был достаточно обеспечен средствами, и, по крайней мере, в течение нескольких лет он числился в бухгалтерских книгах Suprema и регулярно получал жалованье. Более того, в 1672 году королева добилась от Климента X того, в чем Климент IX упорно отказывался, и Нитхард был назначен архиепископом Эдессы и кардиналом. [780]

Вальядарес получил свое назначение 15 сентября 1669 года. Только в 1677 году он оставил свой престол в Пласенсии и занимал должность генерального инквизитора до своей смерти 29 января 1695 года. Его сменил Хуан Томас де Рокаберти, архиепископ Валенсии, которому Иннокентий XII по просьбе Карлоса II предоставил разрешение на проживание при условии надлежащего обеспечения духовной и мирской опеки своего престола. [781] Он умер 13 июня 1699 года, а его преемник Альфонсо Фернандес де Агилар, кардинал Кордовы, последовал за ним 19 сентября, в тот самый день, когда прибыла его комиссия, после непродолжительной болезни и не без серьезных подозрений на отравление. [782] Затем выбор пал на Бальтасара де Мендоса-и-Сандовала, епископа Сеговии, который, как мы увидим, был вовлечен в смертельную ссору со своими коллегами из Suprema по делу Фрая Фройлана Диаса. В неразберихе последних месяцев катастрофического правления Карлоса II, который умер 1 ноября 1700 года, Мендоса совершил ошибку, перейдя на сторону Австрии; его произвольные действия в случае с Фройланом Диасом послужили достаточным оправданием для его смещения, и Филипп V, по-видимому, в 1703 году, приказал ему вернуться на свою кафедру. Обычно говорят, что он ушел в отставку в 1705 году, но в папской комиссии от 24 марта 1705 года для своего преемника Видаля Марина Климент XI заявляет, что он счел нужным освободить Мендосу от должности, поскольку его присутствие необходимо в Сеговии. [783] Видаль Марин служил до своей смерти в 1709 году, как и его преемник Рива-Эррера, архиепископ Сарагосы, который, однако, занимал свой сан немногим более года.

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Филипп V принес в Испанию галликанство и принципы высоких королевских прерогатив, которые были несовместимы с претензиями курии и квази-независимостью инквизиции. С приходом Бурбонов начинается новая эра в отношениях между короной и Святой Канцелярией. Тем не менее, во время его первого открытого испытания силы фатальные колебания Филиппа под различным влиянием его советников, исповедников и жен привели к сомнительной победе. В 1711 году он избрал генеральным инквизитором кардинала Джудиче, архиепископа Монреалья на Сицилии, неаполитанца с большими амбициями и малой щепетильностью. Признание эрцгерцога Карла королем Испании Климентом XI в 1709 году привело к разрыву отношений между Мадридом и Римом. Филипп уволил нунция, закрыл трибунал нунциатуры и запретил перевод денег в Рим. В курии шли разговоры о возрождении средневековых методов подчинения непокорных монархов, и Филипп, чтобы подготовиться к борьбе, приказал 12 декабря 1713 года Совету Кастилии составить заявление о регалиях, которое оправдывало бы сопротивление требованиям курии и юрисдикции, осуществляемой нунциями. Это была ссора, которая продолжалась в течение полутора столетий, то яростно вспыхивая, то затухая, но от этого не менее ожесточенная. Совет возложил эту задачу на своего фискала Мельчора Рафаэля

де Маканаса, трезвомыслящего юриста, полностью проникнутого убеждениями в королевских прерогативах, чей доклад был, в целом и в деталях, полностью подрывающим ультрамонтанство и, следовательно, крайне неприятным для курии. [784] Когда он был представлен совету 19 декабря, дон Луис Куриэль и некоторые другие предотвратили голосование и попросили предоставить копии, чтобы они могли рассмотреть этот вопрос более зрело. Копии были розданы каждому члену, рассмотрение было отложено, и 14 февраля 1714 года Молинес, посол в Риме, сообщил, что копии были отправлены туда Куриэлем, Джудиче и Беллугой, епископом Мурсии. Хотя это был секретный государственный документ, курия издала указ, осуждающий его, а вместе с ним и старую работу "Ответ Барклая Беллармину" и французскую защиту королевских прерогатив Ле Вайера, приписываемую президенту Дени Талону. Такой указ не мог быть опубликован в Испании без предварительного представления Королевскому совету, но рассчитывали, что Джудиче избежит этого. Он не испытывал отвращения, поскольку у него была старая ссора с Маканасом, который помешал ему получить архиепископство Толедо, его вражда была настолько заметной, что однажды Филипп, чтобы разлучить их, отправил Маканаса во Францию в звании чрезвычайного посла, но без каких-либо функций. В данный момент Джудиче был послом во Франции, и указ был направлен ему; он отказался действовать, пока не будет уверен в защите судов Рима и Вены, и, получив заверения в этом, он подписал его 30 июля в качестве генерального инквизитора и отправил в Suprema для публикации. Четверо членов церкви быстро подписали его и опубликовали на торжественной мессе в церквях 15 августа. Это вызвало огромную сенсацию, и были распространены преувеличенные сообщения об ошибках и ересь, содержащихся в неизвестном юридическом аргументе, который Маканаз подготовил, строго выполняя свой долг.

Когда на следующий день Филиппу сообщили об этом дерзком разбирательстве, он созвал для консультации своего духовника Робине и трех других богословов, которые 17-го числа представили письменное заключение о том, что от Верховного суда следует потребовать приостановить действие эдикта и что Джудиче следует уволить и сослать. Верховный суд повиновался, извинившись под предлогом того, что он само собой разумеющимся образом предполагал, что Джудиче представил эдикт королю. Он не был удовлетворен этим и уволил троих из них, но они отказались сдавать свои места. Затем он созвал заседание Совета Кастилии, указав, что, если бы подобные вещи были разрешены, королевство было бы низведено до вассалитета перед Датарией и другими трибуналами курии; Совет не должен был расходиться, пока каждый член не зафиксирует свое мнение относительно мер, которые необходимо принять. Семеро из них проголосовали за увольнение и изгнание Джудиче, в то время как четверо проявили благосклонность к инквизиции. Тем временем, 17-го числа Филипп отправил курьера в Париж, призывая Джудиче вернуться и проинформировав Людовика XIV об этом деле. Последний, признав, что указ был нападением как на французские, так и на испанские регалии, отказал Джудиче в прощальной аудиенции и послал своего духовника Ле Телье сказать ему, что, если бы он не был уверен, что Филипп накажет его достойно, он сделал бы это сам. Когда Джудиче добрался до Байонны, его встретил приказ не въезжать в Испанию до тех пор, пока указ не будет отменен. Он покорно ответил, приложив свое прошение об отставке, после чего Филипп приказал ему вернуться к своему архиепископству — приказу, которому он не подчинился. Фелипе Антонио Хиль де Табоада был назначен генеральным инквизитором, и 28 февраля 1715 года его поручение было отправлено из Рима; вероятно, Верховный суд столкнулся с трудностями, поскольку он никогда не служил; он получил пост

губернатора Совета Кастилии, который впоследствии был вознагражден архиепископством Севильи. [785]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Тем временем при дворе произошел переворот. Мария Луиза Савойская, жена Филиппа, умерла 11 февраля 1714 года. Принцесса де Урсен, сопровождавшая ее в Испанию и ставшая самой значительной персоной в королевстве, желала найти новую невесту, которой она могла бы управлять. Джулио Альберони, ловкий итальянский авантюрист, в то время служил посланником герцога Пармского и убедил ее, что Элизабет Фарнезе, дочь его покровителя, будет ей услуживать, и брак был устроен. 11 декабря 1714 года Элизабет добралась до Пампелуны и нашла там Альберони, готового проинструктировать ее относительно ее курса, и его учение быстро принесло плоды. Де Урсен также поспешила встретиться с новой королевой и находилась недалеко от Идиагеса, где получила от властной молодой женщины приказ покинуть Испанию. Альберони, который был в сговоре с Джудиче и ненавидел Маканаса, нарисовал его Элизабет в самых мрачных красках, и его гибель была предрешена.

Он выполнял свои обязанности генерального фискала Совета Кастилии; в июле 1714 года ему довелось выступить с очередным докладом о печально известных пороках религиозных орденов, указав на необходимость их реформы и утверждая, что папа не является хозяином церковной собственности и духовных прибылей. Несколько месяцев спустя его призвали провести полную реформу инквизиции, предложенную, несомненно, надвигающимся конфликтом, поводом для которого послужило дерзкое посягательство на королевские права со стороны трибунала Лимы. Совет Индии подал жалобу на то, что последний отстранил от управления определенным имуществом, задолжавшим королевской казне, лицо, назначенное Счетной палатой, под предлогом того, что владелец также был должником инквизиции. Вслед за этим Филипп V приказал Маканазу совместно с Д. Мартином де Миравалем, фискалом Совета Индии, подготовить отчет, охватывающий все пункты, по которым Святая канцелярия должна быть реформирована. Два фискала представили свой отчет 14 ноября 1714 года, в котором содержался исчерпывающий обзор вторжений в королевскую юрисдикцию, которые, как мы увидим ниже, были постоянными и дерзкими, и их рекомендации были сформулированы с целью превращения инквизиции в инструмент для исполнения королевской воли, подрыв ревностно охраняемого принципа, согласно которому миряне должны быть полностью исключены из духовной юрисдикции. [786]

В результате реакции, вызванной Элизабет и Альберони, Маканаз был неизбежно принесен в жертву. Филипп, известный своей вспыльчивостью, быстро попал под власть своей решительной невесты, и Альберони стал всемогущим министром. Джудиче, который слонялся без дела на границе, был отозван, и 28 марта 1715 года Филипп унизил себя, подписав самую унижительную бумагу, очевидно, составленную Джудиче, восстановив последнего в должности и извинившись за свои действия на том основании, что он был введен в заблуждение злым советом. [787] Альберони и Джудиче, однако, были слишком амбициозны и беспринципны, чтобы оставаться друзьями. Их интриги столкнулись в Риме: один - чтобы получить кардинальскую шапку, другой - чтобы продвинуть своего племянника. Альберони прислушивался к королеве и быстро подорвал своего соперника. Джудиче также был воспитателем юного принца Луиса; 15 июля 1716 года его лишили должности и приказали

покинуть дворец, а 25-го ему запретили входить в него. Он впал в полную немилость и вскоре уехал из Испании в Рим, где повесил императорский герб над своей дверью. Его отставка, должно быть, последовала быстро, поскольку 23 января 1717 года трибунал Барселоны подтверждает получение заявления от Верховного суда о том, что папа наконец удовлетворил неоднократные просьбы кардинала Джудиче о разрешении уйти в отставку и назначил на его место Д. Джозефа де Молинеса, опубликованного королевским указом от 9 января. [788] Альберони получил желанный кардиналат, но его триумф был преходящим. Он заменил королевского духовника, отца Робине, другим иезуитом, отцом Добентоном, который вскоре интриговал против него так успешно и так тайно, что первым признаком его падения стал королевский приказ от 5 декабря 1719 года покинуть Мадрид в течение восьми дней, а Испанию - в течение трех недель. Он тщетно добивался аудиенции у Филиппа и был вынужден повиноваться. [789]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Хотя эпизод с Джудиче, таким образом, закрыт, судьба Маканаса слишком наглядно демонстрирует методы инквизиции и королевскую слабость, чтобы его можно было обойти без краткого упоминания. Он навлек на себя неугасимую ненависть инквизиции просто при исполнении своего долга советника короны, возможно, из-за чрезмерного рвения к своему хозяину и безудержного патриотизма, который стремился вернуть Испании утраченную славу. Было невозможно продолжать выполнять его высокие обязанности, пока он вспоминал Джудиче, и в качестве достойного прикрытия для изгнания в марте 1715 года ему было разрешено отправиться на воды Баньера для поправления здоровья, когда он отбыл в ссылку, которая длилась тридцать три года, за которыми последовало двенадцатилетнее тюремное заключение. Джудиче немедленно возбудил уголовное дело по обвинению в ереси, достаточным доказательством чего, согласно стандартам Святой Канцелярии, были его официальные документы. Поскольку он не осмелился вернуться, его суд *заочно* завершился, как это обычно бывает в подобных процессах, вынесением обвинительного приговора, и он, по-видимому, был приговорен к вечному изгнанию с конфискацией всего его имущества, включая даже пятьсот дублонов, которые король посылал ему в По через банкира из Сарагосы. Все его бумаги и корреспонденция, находившиеся в руках его друзей, были изъяты, а его брат, доминиканец фрейле, которого король поместил в Супрему, был арестован в надежде получить компрометирующие доказательства. [790]

С тех пор он вел жизнь скитальца-изгнанника, настолько своеобразную, что это можно объяснить только характером Филиппа. Он находился в постоянной переписке с высокопоставленными государственными чиновниками, и ему часто поручали важные переговоры. Иногда ему не хватало жалованья, но оно выплачивалось нерегулярно, и по большей части ему приходилось бороться с бедностью. Когда в 1725 году инфанту Марию Ану Виторию отправили обратно в Испанию из Франции, ему было поручено сопровождать ее до границы, а оттуда он отправился в качестве полномочного представителя на конгресс в Камбре с утешительным заверением, что король пытается положить конец делу инквизиции — усилиям, очевидно, сорванным влиянием отца Добентона. [791] Возможно, именно с целью преодолеть эту фатальную вражду он проводил свой досуг между 1734 и 1736 годами, сочиняя защиту инквизиции от нападков доктора Деллона и аббата Дю Боса. В этом он не находил ничего, кроме похвалы за его доброту к заключенным, за его скрупулезную заботу о том, чтобы избежать несправедливости, за правильность его процедуры и мягкость его наказаний. Помимо этих

утверждений, защита сводится к доказательству того, что с того момента, как Церковь приобрела власть преследовать, она преследовала еретиков до смерти и что еретики, в свою очередь, были преследователями — утверждения, легко доказанные из его обширных и разнообразных источников знаний и достаточные, чтобы удовлетворить верующего в *вечного, повсеместного и абсолютного*. [792] Десять лет спустя, когда Фернандо VI вззошел на трон в 1746 году, Маканас обратился к нему с памяткой о мерах, необходимых для облегчения страданий Испании, и в ней он излишне настаивал на поддержании инквизиции во всем ее блеске и авторитете. [793] Несмотря на все это, это было безжалостно, и его мольбы позволить ему вернуться были бесплодны.

В 1747 году его отправили на конгресс в Бреду, где он плохо руководил переговорами, обманутый, как говорят, лордом Сэндвичем. Освобожденный от должности и получивший приказ в 1748 году явиться к вице-королю Наварры в Пампелуне, после некоторой задержки он был доставлен в Корунью и замурован *инкомуникадо* в каземате замка Сан-Антонио, тюрьмы, известной как место строгого заключения. Даже тамошние власти проявили к нему сострадание, и по их заступничеству его перевели в тюрьму более легкого содержания и разрешили пользоваться книгами и письменными принадлежностями. Здесь, во время очередного двенадцатилетнего плена, неукротимый старик посвятил себя пространным комментариям к *Критскому* театру падре Фейджу и храму Испании во Флоресе, а также многим другим сочинениям и памятникам королю. Только после смерти последнего в 1760 году Елизавета Пармская, регентша и причина его несчастий, освободила его, приказав следовать прямо в Мурсию. В Леганесе его встретили жена и дочь, с которыми он отправился в Хеллин, место своего рождения, где и умер 2 ноября следующего года на девяносто первом году жизни. [794]

ГЕНЕРАЛЬСТВО ИНКВИЗИТОРА

Нет никаких записей о каком-либо дальнейшем осуществлении королевского контроля над генеральными инквизиторами до тех пор, пока в 1761 году Климент XIII не счел нужным осудить Катехизис Месенгуи за его предполагаемое янсенистское отрицание власти пап над королями. Дебаты по этому поводу в Риме привлекли внимание всей Европы, и запрет книги был расценен как общий вызов монархам. Карлос III наблюдал за обсуждением с большим интересом, тем более что эта работа использовалась в обучении его сына. Он выразил намерение не разрешать публикацию запрета, но благодаря жонглированию между нунцием и генеральным инквизитором Мануэлем Кинтано Бонифасом был поспешно составлен осуждающий указ, копии которого были переданы королевскому духовнику в ночь на 7 августа. Они достигли короля в Сан-Ильдефонсо только утром 8-го, который немедленно отправил гонца к Бонифазу, приказав ему приостановить действие эдикта и отозвать все копии, которые могли быть разосланы. Бонифас ответил, что копии уже доставлены во все церкви Мадрида и направлены почти во все суды; их закрытие вызвало бы большой скандал, наносящий ущерб Святой канцелярии, поэтому он глубоко сожалеет, что не может иметь удовольствия подчиниться королевскому указу. Карлос был разгневан, но ограничился тем, что приказал Бонифазу удалиться от двора; он подчинился и примерно через три недели принес смиренные извинения, заявив, что скорее поплатится жизнью, чем утратит уважение, подобающее королю. Затем Карлос разрешил ему вернуться и возобновить свои функции, и, когда Верховный выразил свою благодарность, он многозначительно предупредил его, чтобы он запомнил этот урок. [795] Он сам принял предупреждение и 18 января 1762 года издал "прагматику", систематизирующую

изучение всех папских писем перед изданием королевской экзекватуры, разрешающей их публикацию. [796]

У Карлоса III больше не было возможности осуществлять свои prerogatives, но с карлосом IV было иначе. Его первый назначенец, Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, епископ Асторги, вступивший в должность 11 мая 1793 года, имел лишь короткий срок полномочий, поскольку в следующем году ему было предложено уйти в отставку. Его преемнику Франсиско Антонио де Лоренцана, архиепископу Толедо, принявшему этот пост 12 сентября 1794 года, повезло ненамного больше, хотя его вынужденная отставка в 1797 году была прилично замаскирована под поручением передать Пию VI предложение убежища на Майорке. За ним последовал Рамон Хосе де Арсе-и-Рейносо, архиепископ Сарагосы, который подал в отставку 22 марта 1808 года, через четыре дня после отречения Карлоса IV во время “беспорядков лакеев” в Аранхуэсе, вероятно, чтобы избежать своей доли народной ненависти, направленной против фаворита Годоя. [797] Во время недолгого возрождения инквизиции при Реставрации ее зависимость от королевской власти была слишком велика, чтобы могли возникнуть разногласия, которые спровоцировали бы отстаивание prerogatives.

ВЕРХОВНЫЙ

Отношения короны с Верховной властью изначально были такими же, как и с другими королевскими советами. Король назначал и смещал членов церкви по своему усмотрению, хотя, поскольку члены церкви приступали к выполнению судебных функций, генеральному инквизитору было необходимо делегировать им папские полномочия, которые одни только и наделяли их юрисдикцией в отношении ереси. Фердинанд осуществлял полномочия по назначению и смещению, и, поскольку его приказы были необходимы для выплаты жалованья получателям конфискаций, вряд ли у кого-то хватило смелости задать такой вопрос. [798] Мы видели, как он заставил прихожан принять в качестве коллеги Агирре, хотя тот был непрофессионалом, как Хименес, когда губернатор Кастилии сместил его, а Адриан восстановил в должности. Самая ранняя формула поручения, с которой я встречался, датирована 1546 годом; она свидетельствует о том, что оно даровано генеральным инквизитором, который делает назначенного членом и наделяет его необходимыми способностями, и, кроме того, оно подписано другими членами. [799] В этом нет никакого намека на какое-либо назначение королем, хотя назначение находилось в его руках. В 1573 году венецианский посланник Леонардо Донато заявляет об этом, добавляя, что папы очень горько переживали тот факт, что они не принимали в нем участия; они неоднократно пытались заручиться членством кого-либо, зависящего от них, такого как нунций, но Филипп не разрешал этого; совет ничего не делал без его согласия, молчаливого или выраженного. [800] В какой-то период, точно установить который невозможно, возник обычай, когда генеральный инквизитор представлял три имени, из которых король делал выбор. Сначала количество членов было неопределенным, но вскоре оно было определено в пять человек, в дополнение к генеральному инквизитору. К ним Филипп II добавил двоих из Совета Кастилии; поскольку иногда это были миряне, у него наконец-то появились угрызения совести, и в своих инструкциях Манрике де Ларе в 1595 году он говорит ему, что, когда в Совете Кастилии появятся подходящие священнослужители, они должны быть предложены ему для избрания; если таковых нет, следует рассмотреть вопрос о том, следует ли получить папскую справку, позволяющую им

действовать в вопросах веры. [801] Эти адвентисты стали известны как *consejeros de la tarde*, поскольку они посещали заседания организации только два раза в неделю и во второй половине дня, где решались ее светские вопросы, и, таким образом, они не принимали участия в вопросах веры. Их зарплата была в три раза меньше, чем у остальных.

Королевская власть была решительно утверждена, когда в 1614 году Филипп III приказал выделить его духовнику Фраю Алиаге дополнительное место с преимуществом перед его коллегами и жалованьем в полторы тысячи дукатов; также, когда королевский духовник был доминиканцем, у него всегда должно быть это место, а когда им не был, оно должно быть предоставлено доминиканцу. Верховный принял Алиагу, но возразил остальным, когда Лерма безапелляционно приказал занести это в протокол; за ропотом последовало подчинение. После восшествия на престол Филиппа IV он приказал Совету назначить своего духовника, доминиканца Сотомайора, на что последовало безрезультатное сопротивление. [802] Правило остается в силе. Вскоре после того, как инквизиция была реорганизована при Реставрации, Фернандо VII 10 июля 1815 года назначил своего духовника Кристобала де Бенкомо членом церкви, который некоторое время служил без жалованья, но с сохранением первой вакансии и всех почестей, причитающихся его предшественникам; у него было место рядом с деканом, и когда последний умер, 16 февраля 1816 года, он получил его должность и жалованье. [803] Филипп V приказал, чтобы место всегда занимал иезуит; это, конечно, прекратилось с изгнанием иезуитов в 1767 году, после чего Карлос III в 1778 году при условии, что религиозные ордена должны иметь представителя по очереди. [804]

ВЕРХОВНЫЙ

Королевская власть назначать не была бесспорной и вызывала частые споры. Филипп IV иногда уступал, а иногда настаивал; иногда вопрос усложнялся и делались намеки на вмешательство папы. [805] В 1640 году произошла решающая борьба, в которой Верховная власть осторожно выбрала свою позицию. Оливареса устраивало назначение Антонио де Арагона, молодого священнослужителя и второго сына герцога Кардоны. Предвидя сопротивление, Филипп властно объявил о выдвижении кандидатуры; Дон Антонио должен быть принят на следующий день, поскольку он собирался отправиться в Барселону, и любые возражения против этого могут быть сделаны впоследствии. Верховный судья ответил, что генеральный инквизитор не может назначить назначение, и если бы он это сделал, оно было бы недействительным; Дону Антонио было меньше тридцати лет; каноны требуют, чтобы инквизитору было сорок лет, хотя Павел III снизил для Испании возраст до тридцати; члены Верховного суда были инквизиторами, и только как таковые они выносили решения без апелляции по делам веры. На это Филипп ответил, что Оливарес сообщит о тех усилиях, которые он предпринял, чтобы успокоить свою совесть ввиду большого общественного блага, которое принесет это назначение, поэтому он ожидает, что владение будет передано дону Антонио без промедления. Дело зашло так далеко, что герцогиня Кардона написала своему сыну, чтобы он отказался от этой затеи, но королевское повеление взяло верх; он получил эту должность, а в следующем году стал членом Государственного совета; он уже был членом Совета военных орденов, и все это дело дает нам представление о том, как Оливарес управлял Испанией. [806] Утвердив таким образом свою прерогативу, Филипп в 1642 году и в первые месяцы 1643 года назначил четыре встречи без консультации. Увещевания Супремы, должно быть, были энергичными, поскольку Филипп уступил, и в указе от 26 июня (или 2 июля) 1643 года он согласился с тем, что старый обычай представления трех имен должен быть возобновлен с тем нововведением, что Супрема должна

объединяться при вынесении рекомендаций. Против этого протестовал генеральный инквизитор, но тщетно. Вероятно, именно для того, чтобы компенсировать этим королевским кандидатам, 10 ноября 1643 года генеральный инквизитор и Супрема попросили, чтобы их фискалы имели право голоса, на что Филипп ответил отказом. [807] Правило подачи трех имен на отбор сохранялось, но участие Suprema в этом, похоже, отменено. Королевский контроль, кроме того, проявил себя в случае с Фройланом Диасом, когда указом от 3 ноября 1704 года Филипп V восстановил в должности трех членов, Антонио Замбрану, Хуана Баутисту Арзеаменди и Хуана Мигелеса, которые были произвольно изгнаны и торжествовали по приказу генерального инквизитора Мендосы, приказав, кроме того, выплатить им всю задолженность по зарплате. [808]

Хотя, таким образом, корона продолжала осуществлять право выбора глав инквизиции, ее практический контроль был значительно ослаблен одним или двумя изменениями, которые произошли сами по себе. Из них, возможно, наиболее важным было требование Верховного суда встать между королем и трибуналами, так что никакие королевские приказы им не должны выполняться, если они не пройдут через него, таким образом, инквизиторы подчиняются только ему, а не суверену. В теоретически абсолютном правительстве это означало замену автократии бюрократией, и когда примеру последовали, хотя и на значительном расстоянии, некоторые другие королевские советы, временами это приводило к тупиковым ситуациям, которые угрожали парализовать все действия правительства.

Мы видели, что ближе к концу правления Фердинанда его письма в суды иногда подписывались членами Верховного суда, но это не имело существенного значения для их действительности, и, когда предпринималась попытка обосновать такое требование, он незамедлительно подтверждал свою власть. Королевская седула от 25 октября 1512 года дала определенные инструкции относительно освобождения крещеных детей рабов, владельцы которых подверглись конфискации. Здесь не было вопроса о вере, но когда в 1514 году Педро де Тригерос обратился к инквизиторам Севильи с просьбой освободить его в соответствии с этим законом, они отказались на том основании, что он не был подписан Верховной властью. Он обратился к Фердинанду, который немедленно приказал инквизиторам подчиниться ему; если они сочтут историю Педро правдивой, они должны выдать ему свидетельство о свободе и тем временем защищать его от хозяина, который пытался отправить его на Канары для продажи. [809] Требование, которое Фердинанд таким безапелляционным образом отверг, упорно поддерживалось в течение периода неразберихи, последовавшего за его смертью. Получил ли он положительное согласие от Карла, более чем сомнительно, хотя Верховный суд утверждает это в письме от 27 июля 1528 года, приказывая инквизиторам проверить, была ли определенная королевская седула подписана ее членами, поскольку короли приказали, чтобы никто не был казнен по делам, связанным с инквизицией, если не будет удостоверен таким образом — таким образом, основывая утверждение на королевской воле, а не на каком-либо неотъемлемом праве Святой Канцелярии. [810] Автономия, установленная таким образом для организации, была настолько полной, что в *хартии законов* или циркуляре с инструкциями от 12 мая 1562 г. трибуналам сообщается, что, если запрос от короля поступит к ним через любой другой совет, они должны ответить, что, если король пожелает получить информацию, она будет предоставлена ему через генерального инквизитора или Супрему. [811]

ВЕРХОВНЫЙ

Далеко идущее значение этого принципа вряд ли можно преувеличить. Один из его результатов будет виден, когда мы приступим к рассмотрению жалоб и требований судебных инстанций и обнаружим, что *фуэрос*, направленные против агрессии инквизиции в чисто гражданских вопросах, когда они были согласованы королем, были недействительны без подтверждения генеральным инквизитором. Одного примера здесь будет достаточно, чтобы показать, как это работает. В 1599 году Филипп III удовлетворил различные требования кортесов Барселоны. Один из них регулировал количество фамильяров, и Филипп пообещал, что убедит генерального инквизитора ввести его в действие, по возможности, в течение двух месяцев. Другой предусматривал, что все официальные лица, за исключением инквизиторов, должны быть каталонцами; он согласился поручить генеральному инквизитору и Верховной власти соблюдать это, и он добьется подтверждения этого папой. Другой заключался в том, что в светских делах трибунала мнение каталонского асессора должно иметь решающее значение, поскольку он будет знаком с местным законодательством; с этим он согласился и пообещал, в той мере, в какой это касалось генерального инквизитора и Супремы, поручить им отдавать такие приказы трибуналу. Другой заключался в том, что уполномоченные и приближенные не должны быть “религиозными”, на что его ответ был таким же. Другой требовал от генерального инквизитора назначить жителя Барселоны для рассмотрения апелляций по гражданским делам стоимостью менее пяти сотен либр; это, по его словам, справедливо, и он поручит генеральному инквизитору сделать это. После этого, во исполнение данного им слова, он обратился к генеральному инквизитору в выражениях, почти умоляющих: “Я настоятельно прошу вас, со своей стороны, снизить и способствовать тому, чтобы то, о чем они просили, могло быть приведено в исполнение в соответствии с тем, что я признал и постановил в каждой из этих статей, что доставит мне особое удовлетворение”. На эту просьбу не было обращено ни малейшего внимания, и 6 мая 1603 года Филипп повторил ее: “Поскольку до сих пор понятно, что ни одна вещь, содержащаяся в ней, не была приведена в исполнение, и, поскольку я желаю, чтобы это было приведено в исполнение, я прошу и поручаю вам снизить к этому и помочь и облегчить это с той серьезностью, на которую я с уверенностью рассчитываю”. [812] Это второе обращение было таким же бесплодным, как и первое, и каталонцы ничего не добились. Это правда, что в 1632 году трибунал Барселоны в мемориале Филиппу IV утверждал, что Филипп III согласился с этими статьями только для того, чтобы избавиться от каталонцев, и что он в частном порядке написал папе римскому, прося его не подтверждать их. [813]

Этот случай, возможно, был простым жонглированием и сговором, но в целом из этого никоим образом не следовало, что королевские указы, направляемые Верховному суду для передачи, были переадресованы. Если оно возражало, оно отвечало консультацией, аргументируя их неуместность или незаконность, и это, при необходимости, повторялось три или четыре раза с большими интервалами, пока, возможно, вопрос не был забыт или прекращен или не был достигнут какой-то компромисс. Таким образом, привилегия, заключающаяся в том, что все инструкции должны передаваться через Верховного, была немаловажной, и на ней настойчиво настаивали. Была изобретена удобная фраза, которую мы будем часто встречать — *obedescer y no cumplir* — повиноваться, но не выполнять, которая была очень полезна в этих случаях. В 1610 году Верховный суд признал недействительной седулу Филиппа III, поскольку она была направлена через Государственный совет, и королю неоднократно говорили в лицо, что законы требуют, чтобы его седулы были скреплены подписью Верховного суда, чтобы обеспечить их исполнение. Это было сделано с Филиппом IV в 1634 году, когда он вмешался в ссору, а в 1681

году - с Карлосом II, когда возникли трудности с иностранными государствами, возникшие из-за злоупотреблений, допущенных при проверке ввозимых товаров в поисках запрещенных книг. [814] Поскольку вопросы, требующие королевского вмешательства, как правило, затрагивали только широкую светскую, а не духовную юрисдикцию инквизиции, это создавало условия, невыносимые при любом хорошо организованном правительстве.

Еще одним изменением, которое в значительной степени способствовало независимости инквизиции, был приобретенный ею контроль над своими финансами. Мы видели, что при Фердинанде конфискации и денежные взыскания принадлежали короне и что жалование и расходы оплачивались по его приказу. Финансы инквизиции будут рассмотрены далее, а пока достаточно сказать, что после его смерти и чрезмерной щедрости Карла по отношению к своим фламандским фаворитам во время его первого пребывания в Испании уменьшающиеся поступления из этих источников привели к тому, что их фактически направили на покрытие расходов инквизиции, и они больше не рассматривались как источник пополнения королевской казны. Тем не менее, деньги принадлежали короне, и инквизиция пользовалась ими только по распоряжению и благодаря щедрости государя.

ФИНАНСОВАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Рост контроля над доходами и фактической финансовой независимости был постепенным и нерегулярным. Даже Фердинанд, в своей бдительной заботе о получателях конфискаций, чувствовал потребность в каком-нибудь центральном ревизоре, и казалось естественным, что он должен быть должностным лицом Верховного суда. Соответственно, уже в 1509 году мы находим “генерального контадора” на этой должности. В 1517 году было два офицера, контадор и генеральный приемщик, а в 1520 году они были объединены в одного. [815] Когда в 1513 году епископ Меркадер был назначен генеральным инквизитором Арагона, он потребовал от всех получателей отчета об их поступлениях и платежах, а также об имуществе, остающемся в их руках, и Фердинанд приказал им подчиниться, сославшись на это, как обычно, при вступлении в должность нового генерального инквизитора. [816] Это неизбежно привело к передаче этому должностному лицу контроля над получателями, который осуществлял Фердинанд, так что вместо того, чтобы быть королевскими чиновниками, они фактически стали офицерами инквизиции и в конечном итоге были назначены казначеями. К 1544 году мы обнаруживаем, что Супрема стала последней инстанцией по пересмотру всех судебных решений местных трибуналов, чьи отчеты были представлены ей и проверены ею. [817]

Тем не менее, теоретически деньги принадлежали короне, и их выплата могла осуществляться только с королевской власти. Распоряжение о выплате *аюды де коста* от Супрема от 21 июля 1517 года было составлено на имя *ла рейны и эль рей*—Хуаны и Чарльза. [818] После того, как Чарльз прибыл в Испанию, в сентябре того же года он выделял субсидии из конфискаций в таких размерах, которые угрожали обанкротить инквизицию, и если мы обнаружим, что Адриан и Супрема также время от времени издавали приказы о выплатах, это, несомненно, было в рамках полномочий, предоставленных Чарльзом. [819] Когда Карл покинул Испанию 20 мая 1520 года, он предоставил Адриану общие полномочия для этой цели, но, похоже, это было поставлено под сомнение, поскольку он счел необходимым отправить из Брюсселя 12 сентября

седуду всем получателям, подтверждающую это и заявляющую, что приказы Адриана, подписанные членами Верховного суда, будут получены генеральным аудитором в качестве ваучеров. В соответствии с этим Верховная Власть осуществляла полную власть над средствами, собранными всеми получателями, и распоряжалась ими по своему усмотрению. Когда Чарльз вернулся, он, предположительно, восстановил контроль и после своей женитьбы на Изабелле Португальской, во время своих частых отлучек, он оставил власть в ее руках до ее смерти 1 мая 1539 года. [820] Более того, когда он счел нужным, он заявил права на добычу и получил ее долю. Письмо кардинала Манрике от 17 июня 1537 года показывает, что ему была выплачена часть доходов от некоего аутодафе, а другое от 11 октября того же года, адресованное ему в суд Монзона, подкрепляет призыв не приносить интересы инквизиции в жертву требованиям арагонцев, с радостным известием о том, что получатель из Куэнки прибыл с десятью тысячами дукатов, которые он запросил из конфискаций этого трибунала. [821]

Поспешный отъезд Карла в ноябре 1539 года для подавления восстания в Генте привел к некоторому замешательству. 20 марта 1540 года Супрема написал канцлеру Гранвелле, что седуды о выплате жалованья при короне Арагона всегда подписывались императором и что генеральный инквизитор не мог этого сделать; они послали ему полномочия на казнь, аналогичные тем, которые были даны кардиналу Адриану, но он отказался подписать их, сказав, что они могут поступить так же, как при кардинале Манрике, забыв, что была императрица, которая всегда подписывала седуды, поэтому они просят его заставить императора подписать полномочия. Несомненно, он так и сделал, поскольку приказ от 12 июня управляющему Валенсией направить полторы тысячи дукатов на жалованье Верховной власти якобы был издан в силу особых полномочий, предоставленных их величествами. По возвращении Карла он снова взял власть в свои руки, и когда он отправился в Италию в 1543 году, он оставил Филиппа регентом, в то время как во время отсутствия Филиппа сменяли друг друга регенты, которые подписывали седуды по требованию Верховного. [822]

Однако, несмотря на эти формальности, контроль короны становился едва ли более чем номинальным. Это правда, что в 1537 году кардинал Манрике заявил, что он не может повышать жалованье без королевского согласия, но, когда корона предприняла какое-либо осуществление власти, недостаточное уважение, уделяемое ее приказам, проявилось в судьбе заявления, поданного в 1544 году Хуаном Томасом де Прадо, нотариусом трибунала Сарагосы, принцу Филиппу *нааюда де коста* в размере трехсот дукатов. Филипп приказал удовлетворить его молитву, но смерть генерального инквизитора Таверы послужила удобным предлогом для невыполнения приказа. Это было повторено на ту же сумму 11 января 1548 года, и, наконец, 4 июня генеральный инквизитор Вальдес санкционировал выплату ста дукатов. [823]

ФИНАНСОВАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Чтобы обеспечить абсолютный контроль за конфискациями, который таким образом постепенно предполагался, необходимо было держать корону в неведении относительно их размера. Его право на них было неоспоримо, и инквизиция намеренно злоупотребила доверием, оказанным ей, когда их коллекция оказалась в ее руках. Чем меньше королю было позволено знать, тем меньше было шансов, что он потребует свою долю, и была принята политика обмана. Еще в 1560 году у нас есть свидетельство этого в письме инквизиторам Сицилии, в котором им предписывалось, сообщая королю об аутодафе, скрывать все заявления о конфискациях, но сообщать о них Верховному судье, чтобы он мог определить, насколько

широко информировать его. Несомненно, это был общий мандат для всех трибуналов; он был повторен в инструкциях 1561 года, и мы увидим, что это стало устоявшейся практикой. [824] Это систематическое сокрытие было тем более неоправданным, что инквизиция теперь получала средства из других источников, помимо конфискаций. Позже мы увидим, как оно использовало панику, вызванную открытием протестантизма в Вальядолиде и Севилье в 1558 году, сославшись на вызванные этим дополнительные расходы, чтобы добиться от Павла IV взимания налога в размере ста тысяч золотых дукатов с доходов духовенства и более постоянного пожертвования канонизма, которое должно быть отменено в его пользу в каждом соборе и коллегиальной церкви. Более того, большая часть инквизиторов уже имела канонические звания и другие бенефиции, за которые, согласно указу Иннокентия VIII от 11 февраля 1485 года, им было разрешено не проживать в стране. [825] Таким образом, бремя Священной Канцелярии было в значительной степени возложено на церковный истеблишмент, который протестовал и сопротивлялся, но был вынужден подчиниться. Таким образом, он мог бы с невозмутимостью взирать на сокращение конфискаций. В Валенсии в 1571 году было достигнуто соглашение, по которому мориски обязались ежегодно выплачивать трибуналу две с половиной тысячи дукатов. [826] Иудействующие еретики были в значительной степени уничтожены, особенно более богатые, и только через несколько лет после завоевания Португалии, в 1580 году, приток португальских новых христиан принес новый и прибыльный урожай.

Все это способствовало финансовой независимости инквизиции, хотя корона ни в коем случае не отказывалась от своих притязаний на конфискации. Книга расписок, выданная королевским представителем в Валенсии на доходы от конфискаций в 1593 году, показывает, что под финансовым давлением того времени Филипп II восстанавливал свои права. [827] Казна была пуста, когда Филипп III взошел на престол в 1598 году, и, среди своих мер по сбору денег, он приказал распорядителям судов отправить ему все имеющиеся в их руках средства, пообещав скорейшее их погашение. Верховный не верил королевскому слову и поручил трибуналам сохранить достаточно средств для удовлетворения их собственных потребностей. Повиновение трибуналов ни в коем случае не было быстрым, и Супрема был вынужден приказывать Валенсии выполнить королевское требование и дать клятву, что денег не осталось. [828]

В первые годы правления Филиппа IV тенденция инквизиции к освобождению от королевского контроля быстро росла. Позже мы увидим, что, когда в 1629 году король потребовал отчета о заработной плате и привилегиях, Супрема опроверг и скрыл почти всю требуемую информацию. Еще более важным было его отношение к колониальным трибуналам, которые король поддерживал за счет ежегодных расходов в размере тридцати тысяч песо, при том понимании, что это должно прекратиться, когда конфискаций станет достаточно. Они, которые поначалу были небольшими, быстро увеличились в семнадцатом веке и стали огромными между 1630 и 1650 годами, когда целые торговые сообщества Перу и Мексики были разрушены, что позволило трибуналам осуществлять постоянные инвестиции, которые сделали их богатыми, помимо отправки крупных денежных переводов Супреме, которая, кроме того, конфисковала товары и кредиты в Севилье колониальных иудаизаторов. В дополнение к этому, в 1627 году пребенды в каждом соборе были отменены в интересах трибуналов. Тем не менее, жалованье по-прежнему требовалось из королевской казны, и неоднократные попытки Филиппа III и Филиппа IV с 1610 по 1650 год получить выписки о поступлениях от конфискаций и денежных епитимий были полностью сведены на нет. Это была нерушимая тайна, в которую не разрешалось проникать ни одному королевскому чиновнику. Верно, что колониальные

трибуналы, со своей стороны, придерживались той же политики, скрывая, насколько это было возможно, от Верховного Суда масштабы своих собственных выгод. [829]

ТРЕБОВАНИЯ КОРОНЫ

Тем не менее, в условиях все возрастающего бедствия короны, инквизиции, как и всем другим правительственным ведомствам, предъявлялись требования, которые она была вынуждена выполнять. Таким образом, за десять лет, с 1632 по 1641 год включительно, годовая сумма составила 2 007 360 млн. от него требовалась помощь в покрытии расходов на гарнизоны и флот, и заявление от 11 октября 1642 года показывает, что он выплатил в общей сложности 11 583 110 веллоном и 18 700 серебром, оставляя остаток в размере 8 474 790. [830] Очевидно, были веские причины для сокрытия доходов. В ужасающей финансовой неразберихе, последовавшей за революцией в Португалии и восстанием в Каталонии в 1640 году, в то время как Испания героически боролась за существование против Франции и ее мятежных подданных, требования были разнообразными и непрерывными — иногда на такие небольшие суммы, что свидетельствовало об абсолютной бедности государства, — и нетерпеливая настойчивость Филиппа, когда он раздражался из-за медлительности ответов, показывает отчаянные ситуации, в которые он был вовлечен. В 1643 году королевским указом от 16 февраля было предписано всем чиновникам отправлять свои серебряные пластины на монетный двор, следить за ними и составлять отчет, чтобы каждый отправлял количество, соответствующее его положению. На жалобу о задержке исполнения Супрема ответил, что те, кто отправил свое серебро, не могли получить удовлетворения от монетного двора — задержки были таковы, что оперативность, требуемая королем, была невозможна. [831]

Еще более произвольным было изъятие в 1644 году в Севилье денежного перевода в размере 8676 дукатов серебром, денежного перевода колониальных трибуналов Верховной власти. Протестуя против этого, Верховный суд 29 февраля дал прискорбный отчет о его состоянии из-за требований, предъявленных к нему королем. 10-го числа он потребовал от нее 16 000 дукатов, которые она была бы совершенно неспособна собрать, если бы лишилась изъятого серебра. Ему и так не хватало 7 724 843 млн. его ежегодных расходов, а провинциальным трибуналам не хватало 5 318 000, поскольку они обнищали, чтобы удовлетворить королевские требования. В прошлом году он продал ценсо стоимостью 18 000 дукатов, принадлежащее трибуналу Сарагосы, который умолял его вернуть. Оно также выделило королю 10 000 дукатов на кавалерию и, чтобы собрать эту сумму, взяло секвестр в севильском трибунале — священный залог, — включая шерсть на сумму 20 000 дукатов, владельцы которой, будучи оправданными, осаждали его из-за своих денег. Эта скорбная жалоба возымела действие настолько, что арест в Севилье был отнесен на счет требования 16 000 дукатов. [832] Насколько это было правдой, мы можем только догадываться, поскольку у инквизиции были средства сбора денег вне рамок ее судебных функций. Когда в 1640 году король призвал своих приближенных и чиновников нести военную службу подобно дворянам, Верховный суд распорядился, чтобы они откупились, и из этого источника было собрано в основном 40 000 дукатов, потраченных на две роты конницы, в обмен на которые седuloй от 2 сентября 1641 года король пообещал сохранить в неприкосновенности привилегии и изъятия приближенных и чиновников. [833]

Этих примеров из многих будет достаточно, чтобы показать, как корона в дни своего бедствия отыгрывалась за отказ от добычи еретиков. Со временем эти особые и произвольные требования были систематизированы в ежегодную потребность в пятидесяти лошадях,

стоимость которой оценивалась примерно в 5500 дукатов, а содержание и оснащение двухсот пеших обошлось в 8000 дукатов. Супрема не спешила удовлетворять эти требования; седуга от 24 июня 1662 года гласит, что задолженность за текущий год, а также предыдущие долги должны быть выплачены немедленно, в противном случае президенту казначейства должна быть передана опись его имущества, который соберет на это деньги. [834] Впоследствии была предпринята слабая попытка вернуть часть этих взносов, и в каждый из 1673 и 1674 годов была произведена незначительная выплата в размере 10 000 реалов веллон, но в 1676 году Супрема заявила Карлосу II, что в общей сложности она предоставила для ремонта лошадей 90 000 дукатов веллон и 10 000 долларов серебром и что ее общая помощь правительству была незначительной. корона составила не менее 800 000 песо, что эквивалентно более чем 500 000 дукатов, в связи с чем во многих трибуналах не выплачивалась заработная плата, а вакансии на необходимых должностях оставались незаполненными. [835] Тем не менее, как мы еще увидим, у Верховного всегда были деньги, не только на неизменную зарплату, но и на привилегии и развлечения.

ИСК О КОНФИСКАЦИИ

Корона не могла принять эту помощь, какой бы неохотной она ни была, не пожертвовав своим превосходством, и инквизиция стала обращаться с ней как с независимым органом. Примерно в это же время Супрема случайно упоминает в письме в трибунал Лимы, что она одолжила королю 40 000 песо, из которых 10 000 поступили из Перу и 30 000 - из Мексики, и что граф Медельинский стал обеспечением возврата займа, как если бы это был банкир, имеющий дело с торговцем. [836] Однако все стороны знали, что эти колониальные денежные переводы были получены в результате конфискации, от права собственности на которые корона никогда не отказывалась. Это тем более примечательно, что примерно в это же время король внезапно заявил о своих претензиях на некоторые крупные суммы, которые не удалось полностью скрыть. В 1678 году трибунал Майорки неожиданно совершил успешный набег на все новое христианское население Пальмы, и в первые месяцы 1679 года более двухсот кающихся были примирены. Поскольку они составляли активный торговый элемент заведения, конфискации были огромными, и это дело привлекло слишком много внимания, чтобы его можно было скрыть. Как только пришло известие об арестах, 20 мая 1678 года король написал вице-королю, чтобы тот внимательно следил за наложением секвестра, поскольку в случае конфискации вырученные средства принадлежали казне. Верховный, однако, страшными угрозами заставил его держать себя в руках и сохранил контроль над ликвидацией. После вынесения приговора консульта от 5 июля 1679 года показывает, что королю уже было выплачено 50 000 песо, но инквизиция была полна решимости получить свою долю в полном объеме. В ноябре король согласился на компромисс, согласно которому 200 000 песо должны были быть использованы для финансирования определенных трибуналов и аннулирования определенных займов, предоставленных ему инквизицией — вероятно, тех, о которых только что упоминалось. Остаток, поступивший к нему, оценивался в 250 000 песо, но при управлении активами и расчетах с кредиторами имущество таяло до тех пор, пока Супрема не сообщил, что его едва хватило для покрытия части, выделенной инквизиции, и, наконец, в 1683 году королю пришлось довольствоваться 18 000 песо, потраченными на укрепления Майорки, и выплатой ему 2000, которую, как заверил его Супрема, он выплатил со значительным риском для себя. [837]

Столь тщательно соблюдаемая секретность, несомненно, имела свои преимущества, иначе на нее не претендовали бы так настойчиво как на право. В консултации 1696 года граф

Фрихилиана заявляет, что, когда он был вице-королем Валенсии, он тщетно пытался получить от трибунала отчет о его делах и спросил короля, обладает ли инквизиция привилегией не отчитываться о своих активах и доходах. [838] Наконец, ссора между генеральным инквизитором Мендосой и его коллегами, по делу Фройлана Диаса, и его изгнание на свою кафедру в 1703 году дали возможность королевскому вмешательству и расследованию. Война за престолонаследие подорвала финансы инквизиции, и она обратилась к королю за помощью. Он потребовал отчет о платежных ведомостях, инвестициях и доходах всех трибуналов, который был представлен 9 марта 1703 года, после чего 27 мая он издал указ, объявляющий, что он должен положить конец злоупотреблениям и беспорядкам, которые вкрались в управление и распределение его имущества, чтобы облегчить затруднения, на которые оно жаловалось. Поэтому он отменил все поручения и назначения без обязательства прохождения службы, предоставленные генеральным инквизитором, будь то в Испании или за ее пределами. Документы обо всех юбилеях, новых местах и наградах, созданных или дарованных со времен Вальядареса (1695), должны были быть переданы в его руки. После этого генеральный инквизитор ни в коем случае не должен был чествовать какое-либо должностное лицо Верховного суда или местного трибунала, не посоветовавшись с ним, и любой подобный акт, изданный без предварительного королевского приказа, объявлялся недействительным. Никакая *аюда де коста* или грант, превышающий тридцать дукатов веллон, сроком на один срок не должны были выдаваться без ожидания его решения, и этот указ должен был быть передан в руки всех получателей или казначеев для их руководства. Таким образом, оно было передано 8 июня со строгими указаниями о его соблюдении. Это было решительное утверждение королевского контроля над финансами инквизиции, и оно было верным, по крайней мере в теории, хотя на практике этого, возможно, и не удавалось добиться. Примерно в середине восемнадцатого века один систематик описывает его как все еще действующий и заявляет, что никакое жалование не может быть увеличено без королевского одобрения. Так продолжалось до конца, и после Реставрации для любых чрезвычайных выплат требовался приказ короля, подписанный Верховным судом. [839]

ШТРАФЫ И ЕПИТИМЬИ

Филипп также подтвердил и реализовал право короны на конфискации, потребовав процент от арендной платы за все конфискованное имущество, но он прислушался к апелляциям трибуналов, и в 1710 году мы слышим о том, что Сарагоса и Валенсия были практически восстановлены в своих правах, и эта щедрость, несомненно, была применена в отношении остальных. В 1725 году Валенсия выразила опасение, что союз с Австрией против Англии, Франции и Пруссии приведет к тому, что ей придется восстановить конфискации, и удар, похоже, был нанесен, поскольку в 1727 году супрема в консультациях от 9 декабря, описывая бедность Сарагосы, приписывает это королю, отнявшему конфискации, которые он предоставил. С постепенным улучшением испанских финансов этот источник доходов, должно быть, был восстановлен, поскольку в 1768 году инквизиция, согласно описаниям, наслаждалась конфискациями, дарованными благочестивой щедростью монархов. [840]

Существовали и другие источники дохода — реабилитация или освобождение от санбенито и инвалидности, смягчение наказания и денежные епитимьи, известные как *penas y penitencias*.

Все это будет рассмотрено ниже, но можно сказать несколько слов относительно последних в их связи с королевской властью.

Кающиеся, которые примирились в соответствии с Эдиктами Милосердия, не подлежали конфискации, но были наказаны штрафами под видом денежной епитимьи, по усмотрению инквизитора. Мы видели (стр. 169-70), насколько многочисленными они были, и можем предположить, насколько велики были взысканные таким образом суммы, поскольку епитимьи в размере половины или трети имущества кающегося не были редкостью. Аналогичные штрафы также обычно сопровождали приговоры, которые не предусматривали конфискации и служили постоянным, хотя и непостоянным источником дохода. Иногда для их сбора назначались специальные должностные лица, но когда это поручалось получателям конфискаций, им поручалось вести отдельный учет этих средств, поскольку эти два фонда считались существенно разными и, как правило, должны были использоваться для разных целей.

В самых ранних Инstrukциях 1484 года говорится, что эти денежные епитимьи налагаются в качестве *лимоны*, или милостыни, чтобы помочь монархам в благочестивом деле войны с маврами, но в Инstrukциях, изданных Торквемадой несколько месяцев спустя, это изменено путем распоряжения передать их в руки заслуживающего доверия человека и отчитываться перед ним или королем, чтобы их можно было потратить на войну или на другие благочестивые цели, или на выплату жалованья инквизиции. [841] Таким образом, как назначение, так и контроль над этими средствами остались неопределенными, и так продолжалось в течение нескольких лет. В 1486 году мы находим Фердинанда, отдающего приказы выделить суммы из этого источника на различные цели — на войну с Гранадой, на выплату жалованья мировому судье, на оплату расходов трибунала инквизиции, на выплату Луису де Сантанхелю авансов, предоставленных трибуналам; в одном случае его тон извиняющийся, и он просит Торквемаду подтвердить приказ, в других его приказ абсолютен. [842]

Это указывает на неопределенность, которая существовала как в отношении использования денежных епитимий, так и в отношении контроля над ними. Пока длилась война с Гранадой, все, что было взято короной, могло рассматриваться как посвященное, прямо или косвенно, этому святому объекту, но когда завоевание было достигнуто в январе 1492 года, этого оправдания больше не существовало, и, несомненно, инквизиторы с завистью смотрели на использование доходов от их благочестивых трудов на мирские цели. Конфискации, несомненно, принадлежали короне, но епитимьи были духовными средствами, которые на протяжении веков всегда принадлежали Церкви. Должно быть, предпринимались постоянные усилия удержать их от королевского стяжательства, которому Фердинанд не был склонен уступать, поскольку 18 февраля 1495 года он добился от Александра VI краткого указания инквизиторам держать все такие денежные средства под контролем государей и распоряжаться ими по своему усмотрению. Даже этому было оказано сопротивление, и Фердинанд и Изабелла пожаловались папе римскому на то, что они не смогли заставить отчитаться о полученных суммах или взыскать их, для исправления чего Александр издал еще одно распоряжение 26 марта 1495 года, поручив Хименесу, тогдашнему архиепископу Толедскому, обеспечить учет и выплату путем отлучения от церкви и других порицаний. [843]

ШТРАФЫ И ЕПИТИМЬИ

Это было столь же неэффективно. Наложение и взыскание епитимьи отличалось конфиденциальностью и простотой от процедуры секвестра и конфискации, и Фердинанд, по

крайней мере на время, отказался от борьбы. Это подтверждается пунктом в Инструкциях 1498 года, предписывающим инквизиторам не налагать епитимий более строгих, чем того требует правосудие, для обеспечения выплаты их заработной платы, [844] и этот принцип был официально признан Фердинандом и Изабеллой в седуле от 12 января 1499 года, в которой говорилось, что, хотя в их распоряжении имелась папская сводка, предоставленная в их распоряжение. все денежные средства, полученные в результате епитимий, смягчений наказания и реабилитации, при этом они предоставляют генеральным инквизиторам все сборы из этих источников, как в Кастилии, так и в Арагоне, для использования на выплату жалованья, выплаты производятся только по их распоряжению. [845]

Фердинанд, однако, ни в коем случае не был расположен ослаблять свой контроль над инквизицией, и 10 апреля того же года мы находим, что он запретил налагать епитимьи на членов городского совета за пособничество в ереси - несомненно, спекулятивное наказание за предполагаемую небрежность при аресте подозреваемых. В 1501 году о его отречении уже забыли, и он, как всегда, полностью выплачивает епитимьи — даже уполномочив генерального инквизитора Дезу использовать епитимьи Валенсии в размере ста дукатов в год на жалованье Хайме де Мучильдосу, римскому агенту инквизиции. [846] Итак, в 1511 году мы находим, что он предоставил Энгуэре, генеральному инквизитору Арагона, тысячу либр в качестве епитимьи для покрытия расходов на его быков для престола Лериды и разрешил ему выплатить из них *аюда де коста* двести дукатов Жоану де Гуальбу, члену о Верховной власти Арагона. Затем, в 1514 году, он безоговорочно передает все епитимьи в распоряжение генерального инквизитора Меркадера для оплаты жалованья и других необходимых расходов инквизиции Арагона. Похоже, это было окончательно. После его смерти инструкции, отправленные в трибунал Сицилии, предполагают, что генеральный инквизитор обладает единоличным и абсолютным контролем. То же самое было и в Кастилии. Инструкции, изданные Хименесом в 1516 году, предписывали генеральному распорядителю, который был должностным лицом *Suprema*, взимать епитимьи с судебных распорядителей, которые должны были хранить их на отдельном счете и не выплачивать без приказа генерального инквизитора. После этого мы обнаруживаем, что Всевышний полностью контролирует ситуацию. [847]

Впоследствии практически не осталось следов какого-либо вмешательства со стороны короны, и инквизиция обнаружила, что обладает независимым и отнюдь не незначительным источником доходов, который она могла взимать почти по своему желанию с тех, кто попадал в ее руки. Единственное исключение из этого правила, которое я встречал, - это то, что Филипп IV, находясь в тяжелом финансовом положении, указом от 30 сентября 1639 года потребовал и собрал двадцать пять процентов. о штрафах, но он строго ограничил их теми, которые налагаются в делах, не связанных с верой, то есть при осуществлении королевской юрисдикции, гражданской и уголовной, которой пользуется инквизиция в делах, касающихся приближенных и других должностных лиц. [848]

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Хотя, как мы видели, независимость инквизиции как эгоцентричного и самодостаточного института в государстве менялась в зависимости от характера и потребностей суверена, было время, когда казалось, что она может сбросить всякое подчинение и стать доминирующей. Если бы не благоразумие Фердинанда, настаивавшего на праве назначения и увольнения, это

могло бы произойти из-за настроения испанского народа, воспитанного в чрезмерной ненависти к ереси, которая нам вполне может показаться непостижимой. Нет никаких сомнений в том, что, согласно каноническому праву, короли, как и их подданные, подпадали под юрисдикцию инквизиции и что они держали свои королевства на основании не только своей собственной ортодоксальности, но и очищения своих земель от ереси и еретиков. Принципы, которые были так эффективно применены для уничтожения домов Тулузы и Гогенштауфенов и в соответствии с которыми Пий V в 1570 году освободил подданных королевы Елизаветы от присяги, были полностью признаны в Испании как жизненно важные для веры. [849] Но помимо этого испанцы в пылу своего религиозного рвения хвастались, что их национальные институты обуславливают ортодоксальность как необходимую для их царствования. Даже когда семнадцатый век был уже далеко в развитии, ученый и лояльный юрисконсульт рассказывает нам, что со времен шестого Толедского собора в 638 году их монархи наложили на себя закон, согласно которому, если они впадали в ересь, они подлежали отлучению от церкви и уничтожению; что Фердинанд в 1492 году обновил этот закон и что он учредил самый суровый трибунал - инквизицию и санкционировал, что, принимая во внимание толедский канон, все короли в будущем должны подчиняться ему. [850] Даже на лояльность Испании нельзя было положиться, чтобы поддержать короля, подозреваемого в ереси, против требований Святой Канцелярии тайно судить его, а подозрение в ереси было очень гибким термином. Противодействие инквизиции подпадало под ее определение, и любая попытка обуздать самонадеянное расширение ее полномочий легко могла быть истолкована именно так, как, к своему сожалению, обнаружил Маканаз. Тот факт, что инквизиция обладала такой властью, должно быть, не раз оказывал влияние на разум монарха, когда тот вступал в полемику со своим слишком могущественным подданным, и, возможно, объясняет то, что нам иногда кажется малодушной уступкой.

Монархи ограждали инквизицию от всякого надзора и подотчетности другим правительственным ведомствам. В своей собственной сфере оно было верховным и безответственным, и его сфера, благодаря освобождению от светских судов, предоставляемому всем, кто связан с ним в какой бы то ни было степени, охватывала обширную область гражданского и уголовного бизнеса, помимо его надлежащей функции сохранения чистоты веры. В этой эгоцентрической независимости он был одинок. Даже духовная юрисдикция Церкви, столь ревностно охраняемая, стала предметом *закона о фуэрсе*, который, подобно французскому *апелляционному суду*, давал возможность тем, кто пострадал от несправедливости, обращаться к Совету Кастилии. [851] Но даже от этого инквизиция была освобождена. Указ принца Филиппа, изданный в 1553 году, был его основным документом, на который постоянно ссылались. Это было адресовано всем судам и судебным служащим страны и подтверждало, в самых позитивных выражениях, единственную и исключительную юрисдикцию инквизиции во всех вопросах, входящих в ее компетенцию, гражданских или уголовных, касающихся веры или конфискаций — и вера была удобным термином, обозначающим препятствие инквизиции во всем, что она хотела делать. Филипп процитировал, что неоднократные седулы Фердинанда, Изабеллы и Карла V утверждали это, и теперь он подтвердил и привел это в исполнение. Никакие апелляции от его трибуналов не подлежали рассмотрению, поскольку единственная апелляция лежала к Верховному Суду, который исправил бы любое причиненное зло, поскольку он, в лице делегации короны и Святого Престола, обладал исключительной компетенцией в подобных вопросах. Поэтому, если

им будет предъявлено что-либо, касающееся инквизиции, они должны отказаться рассматривать это дело и передать его обратно в Святую Канцелярию. [852]

Инквизиция не удовлетворилась этими милостями как отменяемой милостью короны, но в консультациях от 22 декабря 1634 года она выдвинула утверждение, что этот указ был сделкой или соглашением между двумя державами, которое никоим образом не могло быть изменено без взаимного согласия. [853] Это было подчеркнуто в печатной статье 1642 года, утверждавшей, что эта сделка могла приобрести обязательную силу только с согласия обеих сторон — короля и генерального инквизитора - и король не имел права изменять ее по своей инициативе, поскольку это было соглашение. Даже если бы это было признано уступкой, предоставленной короной, это не имело бы значения, поскольку привилегия, предоставленная тому, кто не является подданным (как инквизиция в данном случае), и принятая последней, становится контрактом, который принц не может отменить. [854]

СТРЕМЛЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Далее мы увидим, как инквизиция использовала это в своих ежедневных спорах со всеми другими юрисдикциями, но здесь можно привести один случай, чтобы показать, как она использовала это положение, чтобы стать практически независимой. Существовали давние дебаты о канонизме в церквях Антекеры, Малаги и Канарских островов, которые, как он утверждал, были подавлены в его интересах в соответствии с указом от 7 января 1559 года, но которые, как утверждал royal Camara, принадлежат патронажу короля, права которого на назначение не были ограничены указом. Судебный процесс по этому вопросу, начатый в 1562 году, еще не был решен, когда примерно в 1611 году король заполнил вакансии в Малаге и на Канарах. Это вызвало дискуссию, в ходе которой, не дожидаясь урегулирования, инквизиторы отлучили назначенцев от церкви — и инквизиционное отлучение могло быть снято только тем, кто его применил, генеральным инквизитором или папой римским. В 1611 году король приказал освободить назначенных лиц от грехов, и подписанные им мандаты на этот счет были адресованы инквизиторам Малаги и Канарских островов. Верховный громко пожаловался на это как на неслыханное нарушение прав Священной Канцелярии и отказался повиноваться. В 1612 году он провозгласил, что, когда назначенцы откажутся от пребываний, которые они узурпировали, они должны быть освобождены от грехов, и не раньше. 12 февраля в обращении к королю оно утверждало, что его власть всегда была настолько велика и настолько независима от всех других органов государства, что короли никогда не позволяли им вмешиваться в это, прямо или косвенно; оно само решало все, что касалось его, консультируясь только с королем и не допуская вмешательства любого рода. Его решимость возобладала над слабостью короля, который приказал Камаре отказаться от своих притязаний и не посягать на Святую Канцелярию. [855]

Эти несколько смелые заявления о независимости были главным образом вызваны постоянными ссорами, возникающими из-за исключительной юрисдикции, гражданской и уголовной, осуществляемой инквизицией над тысячами своих сотрудников, приближенных и их семьями, что приводило страну в замешательство. Это тема, которая потребует подробного рассмотрения позже, и упоминается здесь только из-за ее развития в преувеличенные претензии инквизиции на освобождение от всякого контроля. Когда Фердинанд даровал это *fuero*, все понимали, что это специальная депутация королевской юрисдикции и как таковая может быть в любое время изменена или отозвана. Сам Фердинанд в седуле от 18 августа 1501

года упоминал об этом как о таковом — инквизиторы наслаждались этим так же, как и коррехидоры. [856] Итак, в Кастильской Конкордии 1553 года, определяющей масштабы этой юрисдикции, инквизиторы специально описаны как удерживающие ее от короля, а Филипп II, Филипп III и Филипп IV неоднократно упоминали о ней как проводимой во время королевского удовольствия. [857] Никто и не думал оспаривать это, пока семнадцатый век не продвинулся далеко вперед. Сама Верховная Власть в документах 1609, 1619, 1637 и 1639 годов свободно признавала, что ее светская юрисдикция была даром короля, в то время как ее духовная юрисдикция была даром папы римского. [858]

По-видимому, самый ранний отход от этой общепризнанной позиции был сделан Портокарреро в 1623 году в споре о столкновении юрисдикций на Майорке, где он пытался доказать, что гражданская и уголовная юрисдикция инквизиции над ее подчиненными была церковной и исходила от папы римского. [859] Примерно в то же время в официальном документе было выдвинуто аналогичное требование, основанное на папских записках, разрешающих Торквемаде и его преемникам назначать, увольнять и наказывать своих подчиненных. [860] Это были всего лишь предположения, которые в то время не привлекли никакого внимания. Мы только что видели, что еще в 1639 году Suprema не выдвигала подобных требований, но два года спустя, в 1641 году, она внезапно приняла их самым оскорбительным образом. Существовала компетенция, или конфликт юрисдикции, между трибуналом Вальядолида и канцелярией, или высшим королевским судом; Совет Кастилии имел возможность представить королю несколько консультаций, в одной из которых говорилось, что юрисдикция, осуществляемая инквизицией от имени короля, была временной, светской и ненадежной и не могла быть защищена отлучением от церкви. Вслед за этим Супрема собрала своих богословов, которые объявили эти положения ложными, опрометчивыми и сродни еретическому заблуждению; вооруженный этим мнением фискал, или прокурор, обвинил весь Совет Кастилии, потребовал, чтобы его консультация была подавлена, а ее авторы привлечены к ответственности. Теоретически не было ничего, что могло бы предотвратить такие действия, которые сделали бы инквизицию доминирующей властью в стране, но Верховному правителю не хватало твердости; даже привычное раболепие Филиппа IV возмутило, и он сказал генеральному инквизитору, что поступил плохо, решив вопрос, противоречащий суверенитету монарха и чести высшего совета нации. [861]

СТРЕМЛЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Несмотря на этот отпор, инквизиция, однажды заявив, что ее временная юрисдикция является духовной, а не светской, осталась верна ему. За приз стоило побороться, потому что это отдало бы всю нацию на его милость. Этолишило бы короля полномочий сдерживать агрессию и защищать своих подданных от угнетения, поскольку, как указывал Портокарреро, хотя князья имеют право освобождать своих подданных от ответственности, когда их обижают другие светские подданные, у них ее нет, когда угнетателями являются священнослужители, освобожденные божественным законом от их юрисдикции. [862] Чтобы выиграть это дело, инквизиция настаивала на своем требовании. В 1642 году по случаю компетенции в Гранаде под ее руководством появился печатный аргумент, доказывающий, что временная юрисдикция Святой Канцелярии была дарована Святым Престолом, который имел право вмешиваться во внутренние дела государств, и что это было просто одобрено и подтверждено королями. [863] Опять же, в печально известном деле, произошедшем в Куэнке в 1645 году, инквизиторы утверждали, что их временная юрисдикция была церковной и папской, в которые король не мог

вмешиваться. [864] Но дерзость, с которой выдвигались эти претензии, достигла кульминации в консульстве, представленном Верховной властью Филиппу IV 31 марта 1646 года, когда он боролся против решимости арагонских властей обуздать бесчинства инквизиции.

В этом документе Верховный суд утверждал, что гражданская и политическая юрисдикция ниже духовной и церковных полномочий, которые могут брать на себя косвенной властью все необходимое для ее сохранения и беспрепятственного осуществления, не будучи ограниченными светскими князьями. Королевская прерогатива вытекает из позитивного человеческого права или права наций; верховная власть инквизиции делегируется Святым Престолом для рассмотрения дел о вере со всем, что требуется, прямо или косвенно, для ее беспрепятственного использования; это божественный закон и, как таковой, превосходит все человеческие законы, которым она никоим образом не подчиняется. Самое меньшее, что можно сказать, это то, что князья обязаны признать это, и хотя они имеют право уступать не больше, чем требуется, решение относительно того, что требуется, остается за церковной властью, которая основана на божественном законе. Любое отступление от этих принципов под новым предлогом, что король является хозяином этой юрисдикции, обладающим полномочиями ограничивать или отменять ее, опасно для совести и очень опасно, поскольку ведет к серьезнейшим ошибкам. [865] Было бы трудно более смело провозглашать теорию теократии, когда инквизиция является ее представителем, а корона - всего лишь исполнителем ее декретов.

Эти притязания не были реализованы, и король не был низведен до ничтожества, но его власть была серьезно скована бюрократией, главным и наиболее агрессивным представителем которой был Супрема. Его квазинадежность привела к подражанию со стороны других крупных государственных ведомств, и хотя их успех не был столь заметным, всего этого было достаточно, чтобы сделать правительство невероятно громоздким и неэффективным и парализовать его действия, растрачивая его силы на попытки сохранить мир между соперничающими и враждующими органами. В этих распрях власть короны уменьшилась, и теоретически автократический монарх оказался неспособным выполнять свои приказы. Филипп IV признавал эту фатальную слабость, но его усилия по преодолению зла были ребяческими и неэффективными. 15 октября 1633 года он направил Верховному совету и, предположительно, другим советам указ, в котором решительно говорилось, что вялое повиновение и пренебрежение королевскими приказами нанесли государству непоправимый ущерб и должны быть пресечены, если мы хотим сохранить монархию от гибели. Перед Богом его долгом было предотвратить это; он неоднократно безуспешно заявлял об этом своим советникам, и теперь он предложил составить список наказаний, которые должны быть понесены за неповиновение, в соответствии с тяжестью каждого проступка. Это должно было быть завершено в течение двадцати дней, и он обратился к Верховному с просьбой предоставить ему необходимую информацию, которая позволила бы ему составить таблицу вопросов, входящих в сферу его деятельности.

СТРЕМЛЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Эта гротескная мера, призывающая правонарушителей определить свои проступки с целью назначения достойного наказания, была воспринята Верховной властью с холодным безразличием, показывающим, насколько легкомысленно она относилась к королевскому негодованию. В ответ он заявил, что в пределах его юрисдикции нет ничего такого, что угрожало

бы монархии, поскольку его функция заключалась в сохранении монархии путем сохранения единства религии. Что касается послушания, то было крайне важно, чтобы выполнялись королевские приказы, а законы предусматривали наказания для всех непослушных вассалов. Но канонические и имперские законы, а также законы Испании лишили своих мест судей, которые исполняли королевские седулы, изданные вопреки справедливости и правам сторон, поскольку предполагалось, что таковое не могло быть королевским намерением и что они были вынесены по незнанию, так что они были приостановлены до тех пор, пока принц, более информированный, не отправит правосудие. Поэтому, когда советники выступили против седул, которые нанесли бы серьезный ущерб юрисдикции и иммунитетам Святой Канцелярии, это было сделано только для того, чтобы предотвратить нововведения, и именно при исполнении служебных обязанностей это было представлено королю. Поэтому Верховный молился ему, чтобы, прежде чем принимать решения по вопросам, предложенным другими советами, они были представлены ему, как и прежде, чтобы, выслушав доводы обеих сторон, он мог принять решение по своему усмотрению. [866] Таким образом, с едва скрываемым презрением Suprema заявила ему, что будет продолжать поступать так, как поступала, и уже на следующий год, как мы видели, смело сообщила ему, что ни одно из его распоряжений, касающихся инквизиции, не будет выполняться до тех пор, пока оно не подтвердит их — повелений, следует помнить, которые ни в коем случае не влияли на его действия в вопросах веры, поскольку все проблемы возникали из-за его посягательств на светские дела.

Характер Филиппа IV созрел и окреп в условиях невзгод, а в условиях острой борьбы с Каталонией и Португалией у него проявились некоторые черты, достойные суверена. Хотя он безропотно терпел наглость верховного суда в 1646 году и усердно сотрудничал с кортами Арагона, чтобы предотвратить реформу злоупотреблений, он все же, как мы видели, настаивал на праве контролировать назначения. Он, несомненно, утверждал свою власть другими способами, поскольку Suprema отказалась от своих претензий на то, что ее гражданская и уголовная юрисдикция является духовной и папской. В тщательно разработанной консультации от 12 марта 1668 года, во время долгого и унылого разбирательства, в котором участвовал трибунал Майорки, он неоднократно ссылается на то, что пользуется королевской юрисдикцией со стороны короля, показывая, что он отказался от попыток стать независимым от королевской власти. [867]

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА

При слабоумном Карлосе II и его неспособных министрах деспотичное высокомерие инквизиции возросло, и, как мы увидим позже, она успешно избежала согласованного движения в 1696 году всех других советов, представленных в Великой хунте, по уменьшению ее разгула. Однако с приходом к власти Дома Бурбонов он был вынужден признать свое подчинение королевской воле в мирских вопросах, несмотря на временное вмешательство Элизабет Фарнезе в пользу генерального инквизитора Джудиче. Мы уже видели признаки этого и увидим еще; между тем одного примера будет достаточно, чтобы показать, как властно Филипп V под руководством Маканаса мог навязывать свои приказы. В 1712 году раздался отголосок старой ссоры из-за так называемых запрещенных канонад Антекеры, Малаги и Канарских островов (стр. 342). Судебный процесс, начатый в 1562 году, так и не был разрешен и долгое время был приостановлен. Беспорядки 1612 года были утихомирены, позволив

инквизиции пользоваться канонизацией не как правом, а как отменяемым даром от короны; эксцессы, совершенные инквизиторами при сборе плодов, привели к возобновлению бенефиций, а затем, в результате сделки 1622 года, они были восстановлены на тех же условиях. Таково было положение, когда на Канарах возникла ожесточенная ссора между трибуналом и капитулом. Первый усомнился в точности предоставленных ему отчетов и потребовал бухгалтерские книги. Капитул отказался от этого, но предложил разместить книги в бухгалтерии собора, предоставив должностным лицам трибунала свободный доступ и разрешение делать любые копии, какие они пожелают. Была также дополнительная ссора по поводу утверждения о том, что, когда секретарь трибунала обращается к капитулу, он должен иметь право на преимущественную силу. Со свойственной им жестокостью инквизиторы публично отлучили от церкви и оштрафовали декана и казначея капитула и, более того, взяли под свою защиту доминиканца Джозефа Гильена, приора Сан-Педро-Мартира, который был нотариусом трибунала. Он распространил порочащий пасквиль на капитул, в котором подал жалобу своему начальнику, провинциалу; последний начал расследование, когда трибунал лишил его возможности полностью ознакомиться с этим вопросом. Затем пришел мандат от генерального доминиканца провинциалу, в соответствии с которым Фрай Гильен был отправлен в монастырь и было приказано назначить президента Сан-Педро-Мартир, после чего трибунал потребовал от провинциала сдать этот мандат и все документы, касающиеся дела, под страхом отлучения от церкви и выплаты двухсот дукатов. Заместитель приора Сан-Педро Мартира был вынужден собрать братьев, которым инквизиторы приказали не подчиняться приказам генерала и не признавать президента, назначенного по его указанию, нарушая тем самым устав великого Доминиканского ордена и принцип послушания, на котором он был основан. Далее они самым торжественным образом отлучили Провинциала от церкви; они силой забрали отца Гильена из монастыря и прошлись по улицам в его сопровождении; вся община пришла в замешательство, и, чтобы предотвратить обращение к местным властям, они запретили под страхом сурового наказания отправку любого судна в Тенерифе, через которое осуществлялось сообщение с Испанией. Во всем этом не было ничего противоречащего обычным методам утверждения незаконного превосходства инквизиции над светскими и духовными властями, но Филипп V 30 сентября 1712 года приказал Джудиче положить конец этим эксцессам, а 11 октября Suprema сообщила, что приказала инквизиторам воздержаться. Если он и делал это, они не обращали внимания на его команды. Затем, 11 июня 1713 года, он обратился к Джудиче с безапелляционным приказом отменить все, что было сделано на Канарах, отозвать инквизиторов, уволить их и не давать им никаких других назначений. Верховный ответил 18 июля, приложив приказ, который он предлагал отправить; это вызвало его неудовольствие, поскольку не соответствовало его приказам, и он настаивал на их полном выполнении. Тем не менее, имели место уклонения и задержки, и когда в июле 1714 года Канарский капитул представил трибуналу королевские приказы, требующие снятия отлучения от церкви и отмены штрафов, инквизиторы не только отказались повиноваться, но и возбудили дело против нотариусов, которые их обслуживали. Верховный утверждал, что отдавал приказы, аналогичные приказам короля, но, очевидно, вел двойную игру. Поэтому Филипп 1 ноября 1714 года обратился к генеральному инквизитору, возложив на Верховную власть ответственность за длительное сопротивление инквизиторов; он приказал ей доставить ему оригиналы всей корреспонденции по этому вопросу и потребовал от генерального инквизитора издать приказ о немедленном выезде с островов инквизиторов и фискалов, не принуждая губернатора высылать их, поскольку у него был приказ сделать это в случае неповиновения. Более того, если Верховный суд в течение пятнадцати дней не предоставит все документы, чтобы король мог

урегулировать вопросы непосредственно с трибуналом, старый приостановленный иск будет возобновлен и будут приняты такие меры, которые могут быть сочтены необходимыми. Это был тон, совершенно отличный от того, к которому привыкла инквизиция при Габсбургах; увертки и проволочки Верховного суда, которые так долго были успешными, оказались бесплодными. Борьба была затяжной, но королевская власть в конце концов восторжествовала, хотя, когда инквизиторы достигли Испании летом 1715 года, Джудиче был восстановлен в должности, и Филипп слабо позволил им работать в других трибуналах и проклинать новые общины за их незаконную дерзость. [868]

Позже у нас будет возможность увидеть, как при Доме Бурбонов с его галликанскими представлениями о королевских прерогативах стало признаваться подчинение инквизиции, в то время как ее юрисдикция была ограничена, а влияние уменьшено.

ГЛАВА II.

ПРЕВОСХОДСТВО.

КОГДА инквизиция, как мы видели, присваивала себе почти равенство с сувереном, она неизбежно предполагала превосходство над всеми другими органами государства. Испания была склонена к теории, усердно проповедуемой средневековой церковью, согласно которой высшей обязанностью гражданской власти является поддержание веры в ее чистоте и истребление ереси и еретиков. Таким образом, учреждение, на которое была возложена эта обязанность, пользовалось превосходством над всеми другими ведомствами государства, и последние были обязаны, когда бы к ним ни обратились, оказывать ему любую необходимую помощь. Таким образом, отказ помогать ему, критиковать его или даже не проявлять должного уважения к тем, кто выполнял его ужасные функции, были преступлениями, подлежащими наказанию по своему усмотрению.

Уже делался намек (стр. 182) на клятву, требуемую от должностных лиц при основании инквизиции, клятву повинования и помощи всякий раз, когда инквизитор приезжал в какое-либо место для создания своего трибунала. Этого было недостаточно, поскольку феодализм все еще оспаривал юрисдикцию у короны, и инквизитору было приказано вызвать к себе баронов и заставить их принести не только народную присягу, но и обещание разрешить инквизиции свободно действовать на их землях, в противном случае они должны были быть привлечены к ответственности как мятежники. [869] Поскольку трибуналы закрепились на своих местах, когда пришел новый инквизитор, он принес королевские письма, адресованные всем должностным лицам, начиная с вице-короля, в которых им предписывалось под страхом штрафа в пять тысяч флоринов оказать ему и его подчиненным необходимую помощь и подчиняться его указам при производстве арестов и приведении в исполнение его приговоров, и это было опубликовано в официальном заявлении со звуком трубы вице-короля или другого королевского представителя. [870] Это не было пустой формальностью. Когда в 1516 году коррехидор Логроньо, комендадор Баррьентос, рыцарь Сантьяго, осмелился заявить, что семьям нельзя помогать в аресте, инквизиторы отлучили его от церкви и приказали обратиться к генеральному инквизитору и просить прощения, которое было даровано только при условии его появления на публичном аутодафе после прослушивания мессы как кающегося грешника, на коленях и со свечой в руках, после чего он должен был быть освобожден от нашивок и других унижений, которым

подвергаются кающиеся. [871] Это было не просто оскорбление, но стойкий знак позора, распространяющийся на родню и потомство.

КЛЯТВЫ ПОВИНОВЕНИЯ

Как будто этого было недостаточно, в несколько более поздний период должностные лица всех городов, где были учреждены трибуналы, были обязаны принести инквизиторам тщательно продуманную присягу, в которой они клялись принуждать каждого в пределах своей юрисдикции придерживаться католической веры, преследовать всех еретиков и их приверженцев, хватать и доставлять их инквизиции и доносить на них, не назначать на государственные должности таких лиц или кого-либо, кто был запрещен инквизиторами, и не принимать их в своих семьях; охранять все преимущества, привилегии, изъятия и иммунитеты инквизиции. инквизиторы, их должностные лица и приближенные; приводить в исполнение все приговоры, вынесенные инквизиторами, и быть послушными Богу, Римской церкви, инквизиторам и их преемникам. [872] В этом пункте пункт, обязывающий соблюдать привилегии и изъятия должностных лиц, был очень важен, поскольку, как мы увидим ниже, привилегии, на которые претендовала инквизиция, были источником постоянных и раздражающих ссор с королевскими и местными магистратами. Это было новшеством середины шестнадцатого века, поскольку принц Филипп в письме трибуналу Валенсии от 2 декабря 1553 года говорит, что, как он слышал, оно требует, чтобы королевские чиновники поклялись сохранять привилегии, обычаи инквизиции; по его словам, это новшество, и, поскольку он не одобряет нововведения, он спрашивает, какими полномочиями оно располагает для такого требования. На это последовал ответ, что каждый год, когда муниципальные чиновники приступают к исполнению своих обязанностей, они приходят и приносят такую присягу, и записи показали, что это соблюдалось в течение ста лет без каких-либо противоречий. Это, по-видимому, заставило замолчать его возражения, и формула стала общей. Конкордия Валенсии, или соглашение 1554 года, просто предусматривает, что светские магистраты должны приносить обычную клятву, и что это было, несомненно, видно из клятвы, принятой в 1626 году *альмотасеном*, или хранителем мер и весов, когда он пришел в инквизицию и поклялся на кресте и Евангелии соблюдать статьи, обычно зачитываемые королевским чиновникам, и охранять привилегии Святой Канцелярии и защищать их всей своей властью. [873]

Даже всего этого было недостаточно, чтобы подчеркнуть всеобщее подчинение. На всех аутодафе, на которых присутствовали как высшие, так и низшие лица страны, и при ежегодном провозглашении Эдикта веры, на который созывалось все население, нотариус инквизиции поднимал крест и обращался к народу: "Поднимите руки, и пусть каждый скажет, что он клянется Богом, Санта-Марией, этим крестом и словами святого Евангелия, что он будет благоволять, защищать и помогать святой католической вере и святой Инквизиции, ее служителям и должностным лицам, и выявит и сделает известным каждого еретика". , фаутор, защитник и приемник еретиков и всех нарушителей спокойствия и помех Святой Канцелярии, и что он не будет благоволять, или помогать, или укрывать их, но, как только он узнает о них, он донесет на них инквизиторам; и если он поступит иначе, пусть Бог отнесется к нему как к тем, кто сознательно лжесвидетельствует: пусть каждый скажет Аминь!" [874] Когда государь присутствовал на автокефалии, этой общей присяги оказалось недостаточно, и он принял специальную. Так, на автосалоне в Вальядолиде 21 мая 1559 года генеральный инквизитор Вальдес вручил его регентше Хуане, а на автосалоне в Мадриде в 1632 году генеральный инквизитор Сапата подошел к окну, у которого сидел Филипп IV, с молитвенником и крестом, на

которых король поклялся защищать католическую веру до конца своих дней и помогать инквизиции - клятва, которая затем должным образом была зачитана народу вслух. [875] Таким образом, вся нация была обязана самым торжественным образом подчиняться инквизиции и подчиняться тому, что она могла считать своими привилегиями.

Насколько чисто министерскими были функции государственных чиновников во всем, что касалось инквизиции, даже при Филиппе V, было продемонстрировано, когда в Барселоне на аутодафе 28 июня 1715 года двоеженец по имени Медрано был приговорен к двумстам ударам плетью, которые должны были быть нанесены 30-го числа. 29-го числа было передано распоряжение общественному палачу быть готовым привести их в исполнение, но вице-король, маркиз Кастель-Родриго, запретил палачу действовать до тех пор, пока он не даст разрешения, постановив, что никакое публичное наказание не должно применяться до тех пор, пока он не будет официально уведомлен о приговоре. Последовали поспешные совещания и дебаты, длившиеся почти до полуночи, и только в 7 часов утра 30-го маркиз сдался и приговор был приведен в исполнение. Трибунал доложил о случившемся Верховной раде, которая ответила от имени короля, дипломатично поблагодарив маркиза и отчитав его юрисконсульту, которому сказали, что его долг и долг всех должностных лиц - повиноваться инквизиции. [876]

В качестве постоянного напоминания об этом подчинении, по-видимому, в королевской канцелярии хранилась формула письма, адресованного всем вице-королям и генерал-капитанам. В нем перечислялись неоценимые заслуги инквизиции в очищении страны от бесчисленных еретиков и сохранении ее от потрясений, поражающих другие народы, что делало ее эффективность одной из главных забот короны. Поэтому король настоятельно поручает своим представителям уважать и благоволить всем инквизиторам, должностным лицам и приближенным, оказывая им всю необходимую помощь, о которой они могут попросить, и обеспечивая соблюдение всех привилегий и изъятий, предоставленных им законом, конкордиями, королевскими седулами, использованием и обычаями и любым другим способом, чтобы Святая Канцелярия могла обладать полной свободой и властью, которыми она всегда пользовалась и которые король желает, чтобы она сохранила. Копия этого документа была разослана всем вице-королям в 1603 году, и, поскольку я случайно нашел его снова адресованным в 1652 году герцогу Монтальто, тогдашнему вице-королю Валенсии, это, по-видимому, было частью регулярных инструкций, предоставляемых всем, кто был назначен на эти ответственные должности. [877]

СПОСОБНОСТЬ КАЛЕЧИТЬ ПРОТИВНИКОВ

В бесконечных конфликтах, посредством которых инквизиция добивалась осуществления предоставленных таким образом полномочий, инквизитор был вооружен как для нападения, так и для защиты, таким образом, чтобы дать ему все преимущества. Он мог в любой момент, будучи вовлеченным в борьбу со светскими или церковными властями, вывести из строя своего противника приговором об отлучении от церкви, снимаемом только Святой Канцелярией или папой римским, а если этого было недостаточно, он мог наложить интердикт или даже *cessatio a divinis* на города до тех пор, пока люди, лишённые таинств, не заставят их подчиниться. Это правда, что в 1533 году Верховный суд распорядился проявлять большую осмотрительность в использовании этого мощного оружия из-за возмущения, вызванного злоупотреблением им, но у нас будет достаточно возможностей увидеть, насколько безрассудно оно использовалось в

повседневной жизни, без учета предварительных мер предосторожности, налагаемых канонами. [878] С другой стороны, инквизитор был практически неуязвим. Его противниками были в основном светские власти, у которых в арсенале не было такого оружия, и, когда ему случалось поссориться с прелатом, он обычно заботился о том, чтобы первым объявить об отлучении от церкви, а затем беззаботно игнорировал встречные порицания, высказанные человеком, лишенным возможности выполнять свои функции, поскольку анафема лишала своего субъекта всех официальных полномочий. Более того, это привело к тому, что тот, кто оставался под отлучением в течение года, мог быть привлечен к ответственности по подозрению в ереси. [879]

Существовало еще одно положение, которое делало его еще более грозным противником. В вопросах веры и всего, что прямо или косвенно связано с ней, его юрисдикция была исключительной. В обширной сфере гражданского и уголовного судопроизводства, в которой он был осведомлен благодаря иммунитетам своих должностных лиц, и в частых спорах, возникающих из-за вопросов церемонии и приоритета, ни один суд, будь то светский или духовный, не имел права препятствовать любым действиям, которые он мог бы счесть целесообразными предпринять. Однако по особой милости папы он обладал властью препятствовать их действиям и, таким образом, калечить их на месте. Эта экстраординарная привилегия, дающая право на подчинение, по-видимому, была впервые предоставлена в поручениях, выданных в 1507 году Хименесу и Энгуэре в качестве генеральных инквизиторов соответственно Кастилии и Арагона, и была повторена в поручениях Луиса Меркадера и Педро Хуана Поля в 1513 году. [880] На значительное время это положение исчезает из комиссий, но ближе к концу столетия оно снова находит место, в более подробной и абсолютной форме, в том, что было предоставлено Манрике де Ларе, после чего оно сохранялось у его преемников до конца. Он наделяет полномочиями подвергать всех судей, даже архиепископского достоинства, денежным штрафам и порицаниям, которые должны быть применены с привлечением светской власти, и освобождать их от ответственности после того, как они подчинятся. [881] Это провозгласило миру, что инквизиция превосходила по рангу все другие органы власти в Церкви и государстве, и власть слишком часто использовалась, чтобы ее существование можно было игнорировать или забыть. Это превосходство нашло практическое выражение в правиле, согласно которому в бесчисленных конфликтах юрисдикции все светские и церковные судьи должны отвечать на сообщения инквизиторов в форме петиции, а не письмом. Если они отвечали на приказы и распоряжения письмом, они должны были быть оштрафованы и против них и их посланников должно было быть возбуждено судебное разбирательство, и они должны были изъять и стереть из своих записей все такие письма, которые были сочтены неуважительными к превосходству Святой Канцелярии. [882]

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРЕВОСХОДСТВА

Из этого напрашивался неизбежный вывод, что какие бы действия ни совершал трибунал, прямой апелляции не было, кроме как к Верховному Судье, который, хотя и мог втайне упрекать своих подчиненных за их излишества, обычно поддерживал их перед всем миром. Суверен, это правда, был высшим судьей, и в отдельных случаях он более или менее эффективно применял свою власть, но обычный процесс проходил через *competencia*, громоздкую процедуру, посредством которой, как мы увидим, инквизиция могла пререкаться годами и фактически, в большинстве случаев, отказывать во всякой практической помощи страдальцам.

Другим оружием огромной эффективности была сила ареста, которой инквизиторы обладали по своему желанию на протяжении большей части карьеры инквизиции. Даже для удовлетворения простой мстительности, просто утверждая, что это вопрос веры, инквизитор мог бросить в тайную тюрьму любого человека. Гражданский судья, таким образом, мог злоупотреблять своей властью с небольшим ущербом для жертвы, но с инквизицией дело обстояло иначе. В безумной оценке, сделанной *limpieza de sangre*, или чистоте крови, карьера человека и его потомков была фатально сужена таким пятном на его ортодоксальности; мало что значил исход дела, факт тюремного заключения помнили и передавали из поколения в поколение, в то время как факт его беспричинности был забыт. В более поздний период, когда Супрема контролировала каждое действие трибуналов, возможности для этого были сильно ограничены, но в более активные времена недоброжелательность инквизитора могла в любой момент нанести этот самый серьезный вред, и властью часто безрассудно злоупотребляли в постоянных конфликтах со светскими властями. Способность таким образом одним словом разрушить жизненные перспективы любого человека была ужасным оружием, которое во многом объясняет благоговейный трепет, с которым общество относилось к инквизитору.

То, что инквизитор считал себя выше всех других высокопоставленных лиц, было естественным результатом сосредоточенных в нем таким образом полномочий. Парамо утверждает, что он является лицом высшей власти в своем округе, поскольку представляет и папу, и короля; а Супрема в консультациях, адресованных Филиппу V в 1713 году, хвастался, что его юрисдикция настолько высока, что в королевстве нет человека, освобожденного от нее. [883] Надменное превосходство, на которое это повлияло, видно из инструкций, изданных в 1578 году, согласно которым инквизиторы во время заседания трибунала не должны выходить на прием к кому бы то ни было, кроме короля, королевы или принца королевской крови, и не должны в официальном качестве появляться на приемах прелатов или других публичных собраниях, и это фактически повторилось в 1645 году, когда им было приказано не посещать вице-короля или архиепископа и не принимать их приглашения, поскольку такие демонстрации были связаны только с личностью короля. [884] Однако, вероятно, было сделано исключение для *carta acordada* от 17 марта 1648 года, устанавливающее менее строгие правила и определяющее для каждого трибунала, в соответствии с различными обычаями разных мест, высших должностных лиц, которых инквизитору разрешается посещать при вступлении в должность и в случаях выражения соболезнований или поздравлений. [885]

В социальной иерархии вице-короли и генерал-капитаны стояли рядом с королем как представители королевской особы в своих соответствующих правительствах. Превзойти по рангу этих возвышенных личностей не выходило за рамки инквизиторских амбиций. В 1588 году в Лиме разразился большой скандал, когда инквизиторы заявили о своем превосходстве над графом Вильяром, вице-королем Перу, и отлучили его от церкви, но Филипп II в седule от 8 марта 1589 года сурово отчитал их за высокомерие и добавил, что вице-король в равной степени виноват в уступке, поскольку он представлял королевскую власть. Этот урок оказался безрезультатным, и несколько лет спустя был опробован другой метод утверждения превосходства. В 1596 году генерал-капитан Арагона пожаловался королю на то, что во время недавнего аутодафе инквизиторы отказались присвоить ему титул превосходительства. На это Филипп ответил 6 февраля 1597 года, что с их стороны было бы неразумно таким образом нарушать равенство с его личным представителем; они должны либо уступить ему титул превосходительства, либо сами будут рассматриваться как *vuestra merced* вместо *muy ilustres* или *señoría*, и поэтому он может присутствовать на следующем авто. [886]

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРЕВОСХОДСТВА

Это заявленное превосходство инквизиции очень раздражало епископов, которые утверждали, что Святая канцелярия была основана всего четыреста лет назад как помощь их юрисдикции, и они были крайне возмущены попытками решительных выскочек претендовать на более высокие привилегии и приоритет. Инквизиция, однако, была организованным целым, с резкими и беспощадными методами отстаивания своих требований и всячески защищенным от посягательств, в то время как епископат был разрозненным и громоздким органом, действующим индивидуально и, по большей части, бессильным защитить должностных лиц, через которых он действовал, от тех, кто утверждал, что все, касающееся их самих, было вопросом веры, о котором они имели исключительное представление. Серьезные конфликты по поводу юрисдикции будут рассмотрены в следующей главе; здесь нас интересуют лишь вопросы этикета и церемониала. Рассматриваемые с точки зрения столетий, эти ссоры, которые велись с неистовым рвением, кажутся мелочами, недостойными упоминания, но их значение было важным для заинтересованных сторон, поскольку они касались превосходства и неполноценности. Столетний спор о старшинстве в Риме между послами Франции и Испании, который не был урегулирован до 1661 года триумфом Франции, имел значение, выходящее за рамки простого вопроса церемонии. В Испании эти дебаты часто приводили страну в замешательство. Все партии упорно отстаивали то, что они считали своими правами, и были готовы взорваться насилием по малейшему поводу. Огромная масса писем и бумаг, касающихся мест и должностей инквизиторов и их должностных лиц на всех общественных мероприятиях — должны ли сиденья быть стульями или скамейками и должны ли они иметь балдахины, подушки или ковры, показывает, что эти вопросы рассматривались как вопросы высшей важности, что приводило к ожесточенным ссорам с церковными и светскими сановниками, требующим для их разрешения вмешательства королевской власти. Инквизиторы постоянно присваивали себе внешние знаки превосходства, а другие оспаривали это с такой яростью, что самые тривиальные дела превращались в дела государственной важности, а внимание короля и высших министров отвлекалось от государственных дел, чтобы уладить малоизвестные ссоры в каждом уголке страны.

Было бы бесполезно вдаваться в подробности этих многочисленных склок, но можно упомянуть один или два спорных предмета, чтобы проиллюстрировать изобретательность, с которой инквизиция выдвигала свои претензии на превосходство. Ближе к середине семнадцатого века он потребовал, чтобы, когда в церквях было опубликовано епископальное письмо или мандат, а также эдикт или письмо инквизиции, последнее имело приоритет при чтении. Естественно, это было расценено как попытка показать, что инквизиторская юрисдикция превосходит епископальную, и это приводило к частым скандалам. В 1645 году в Валенсии, в Страстное воскресенье, секретарь трибунала попытался зачитать письма инквизиторов перед одним из архиепископов, но по приказу последнего священник отказался уступить дорогу, после чего инквизиторы арестовали его: дело было передано королю, который приказал освободить священника от должности таким образом, чтобы не было записей о его судебном преследовании и чтобы его добрая слава была восстановлена. Вскоре после этого, в Сарагосе, на празднике в кафедральном соборе, священник начал читать архиепископское письмо, но не успел он дочитать и нескольких строк, как секретарь инквизиции взошел на другую кафедру и начал читать письмо инквизиции; священник был настолько взволнован, что остановился, после чего архиепископ Хуан Себриан приказал его арестовать, но он сослался на свое удивление и замешательство, и архиепископ смягчился. В 1649 году трибунал Сарагосы

предпринял более решительные усилия. 15 августа приходской священник собора зачитал определенные архиепископские послания в обычное время, за ним последовал секретарь инквизиции с другими инквизиторами. Два дня спустя священник был вызван в трибунал, и его заставили поклясться хранить в тайне отданные ему приказы. Результат показал, каковы были его инструкции на следующее воскресенье, когда ему предстояло прочесть архиепископские письма, и он подождал, пока секретарь прочтет письма инквизиторов. Несколькими днями позже аналогичные секретные приказы были отданы священнику Нуэстра-Сеньора-дель-Пилар, и когда 11 октября он начал читать архиепископское письмо, офицер инквизиции схватил его за руку и заставил сначала прочитать решения трибунала. Архиепископ Кебриан обратился к королю с мемориалами 7, 21 сентября и 12 октября, прося его защиты сохранить архиепископскую юрисдикцию; Совет Арагона представил поддерживающую его консультацию, на которой уставший монарх выразил одобрение, выразив сожаление по поводу пагубных результатов таких конфликтов и посоветовав Совету написать архиепископу, чтобы он не шел на крайности, а добивался какой-либо корректировки, подобной той, с помощью которой незадолго до этого кардинал Москозо в Толедо распорядился зачитать письмо инквизиции в другой день, чему должен соответствовать трибунал. [887]

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРЕВОСХОДСТВА

Упорство, с которым инквизиция поддерживала любое выдвинутое однажды требование, иллюстрируется ее стремлением внести изменения в ритуал мессы, благоприятные для ее утверждения превосходства. Существовал обычай, что совершающий обряд должен был поклониться епископу, если он присутствовал, а в его отсутствие - совершить Евхаристию. В 1635 году в Вальядолиде инквизиторы потребовали, чтобы при прочтении Эдикта Веры им был совершен земной поклон, и, получив отказ исполняющего обязанности каноника, они арестовали его и декана, который поддержал его, и держали их под большим залогом. Это взбудоражило весь город и вызвало упрек со стороны короля, который приказал им внести залог и не злоупотреблять своей юрисдикцией. Ничуть не смущенный этим, в 1639 году в Компостелле была предпринята еще одна попытка, которой был оказан должный отпор; король снова был вынужден изучить этот вопрос и, посоветовавшись с учеными мужами, решил, что глава была правильной и что у инквизиторов была альтернатива - не присутствовать при чтении. Двух подобных отпоров должно было быть достаточно, но в 1643 году, после тщательной подготовки, в Кордове была предпринята еще одна попытка, которая вызвала страшный скандал. Ни одна из сторон не уступила; богослужения были прерваны; инквизиторы попытались отлучить каноников от церкви, но последние подняли такой шум с воем и воплями, громом органа, звоном колоколов и крушением кресел на хорах, что грома не было слышно. Даже инквизиторы съезжились от бури и покинули церковь под свист, надвинув шапки на глаза, но они, не теряя времени, начали судебное преследование каноников, которые апеллировали к королю в зловещем документе объемом в двести пятьдесят шесть страниц. У Филиппа и его советников в данный момент было достаточно дел, связанных с увольнением Оливареса, дурными вестями из Рокруа и восстаниями в Каталонии и Португалии, но им пришлось отойти в сторону, чтобы уладить эту зловещую ссору. Королевское письмо от 16 июня 1643 года предписывало инквизиторам вернуть канонам определенную собственность, которую они конфисковали, и снять отлучения от церкви, в то время как ссылки на аналогичные решения в Компостелле, Гранаде и Картахене показывают, насколько упорными и неоднократными были усилия Святой Канцелярии. Несмотря на это, трибунал Кордовы отказался подчиниться королевскому мандату, и потребовалось второе письмо от 28 сентября из Сарагосы, где Филипп

руководил кампанией против Каталонии. Это было сформулировано в категорических выражениях; отлучение от церкви должно быть снято, и на будущее необходимо соблюдать римский церемониал, предписывающий, что в отсутствие епископа причастию должно быть оказано почтение. [888]

ВОПРОСЫ ЦЕРЕМОНИИ

Таким образом, неуклонно пытаясь посягнуть на права других, инквизиция была сверхчувствительна ко всему, что могло быть расценено как попытка других органов заявить о своем превосходстве, и она отстаивала то, что считала своими правами, обычным насилием. Когда в 1580 году в Севилье праздновались похороны австрийской королевы Аны, между трибуналом, королевской аудиторией или высоким судом и городскими властями возникла ожесточенная ссора из-за приоритета мест, когда первые произвольно приостановили похороны до проведения консультаций с Филиппом II, находившимся тогда в Лиссабоне и занимавшимся поглощением Португалии. Он определил положение, которое должна была занимать каждая из противоборствующих сторон, и отложенные почести были должным образом оказаны. Дела оставались нерешенными до тех пор, пока после смерти Филиппа в 1598 году не возникла необходимость в аналогичной функции. Город потратил недели на дорогостоящие приготовления, и катафалк, установленный в соборе, был признан достойным этого великолепного здания. Для церемоний было назначено 29 ноября; во время бдения регент, или председательствующий судья Аудиенции, прислал стул из своего дома на отведенное ему место, но капитул так энергично протестовал против нововведения, что ему пришлось убрать его. На следующее утро, когда в половине десятого все присутствующие вошли в церковь, было видно, что скамьи, отведенные судьям и их женам, были задрапированы в траур. Это сразу же было расценено как попытка с их стороны установить превосходство и вызвало большое возмущение. Начались службы, и во время мессы инквизиторы послали сообщение в кабиљдо, или городскую магистратуру, чтобы она распорядилась об отмене траура. После некоторых возражений кабиљдо отправил своего мэра-прокурора Педро де Эскобара с нотариусом и несколькими альгвасилами в Аудиенсию с сообщением о том, что, если драпировка не будет снята, инквизиторы и церковные власти согласны с тем, что церемонии следует приостановить. Ему было велено не приближаться, и за упорство он и его последователи были арестованы и брошены в общественную тюрьму. Затем инквизиторы послали своего секретаря с сообщением, но его тоже держали на расстоянии, когда он поднимался по ступенькам катафалка и кричал, что трибунал отлучает от церкви трех судей, Вальехо, Лоренцану и Гуэрру, если они не удалятся. Во второй раз он пришел с посланием, которое ему не разрешили передать, и снова поднялся по ступенькам, чтобы объявить всех судей отлученными от церкви и что они должны покинуть церковь, чтобы богослужения могли продолжаться, поскольку присутствие отлученных от церкви является препятствием для любого публичного богослужения. Это было повторено фискалом снова, когда Аудиенция составила документ, объявляющий действия трибунала недействительными и предписывающий ему снять порицание под страхом лишения гражданства и временных прав, но писцу, посланному для его вручения, было отказано в слушании, и за его настойчивость ему пригрозили позорным столбом. Алькальд города попытался успокоить инквизиторов, но инквизитор Сапата яростно ответил, что если Святой Павел спустится с небес и прикажет им поступить иначе, они откажутся, даже если это будет стоить им их душ.

Между тем подобные проблемы и осложнения возникли и среди церковных властей. Генеральный викарий Педро Рамирес де Леон распорядился возобновить богослужения под страхом для декана и исполняющего обязанности священника отлучения от церкви и выплаты тысячи дукатов; регент и каноники обратились к папе римскому, но генеральный викарий опубликовал их в хоре как отлучающие от церкви. Разыскивали виновника торжества, доктора Негрона, но он предусмотрительно исчез в суматохе, и его не смогли найти. Сейчас была половина первого, и каноники сообщили в Аудиенцию, что они уходят, и она может идти. Однако покинуть церковь было бы равносильно признанию судьями того, что они были отлучены от церкви, и они мрачно сохранили свои места. Кабильдо города и трибунал было не превзойти, и три враждебные группы просидели, свирепо глядя друг на друга, до четырех часов, когда абсурдность ситуации стала слишком очевидной, и они молча разошлись. Тем временем свечи горели до тех пор, пока не было бесполезно израсходовано воска на пятьсот дукатов.

Столь сложную ссору, конечно, мог уладить только король, к которому незамедлительно обратились все стороны. Судьи доказали, что они не задрапировали свои скамьи в знак превосходства, а предложили, чтобы то же самое сделали кабильдо и трибунал. Что касается последнего, королевское решение было выражено в двух седулах от 22 декабря. Один из них сообщил инквизиторам, что они превысили свою юрисдикцию, отлучив от церкви судей, которых они должны были освободить от ответственности *ad cautelam*, а также им пришлось заплатить за потраченный впустую воск. Другой зловеще приказал инквизиторам Бланко и Сапате явиться в суд в течение пятнадцати дней и не покидать его без разрешения. В то же время 21 декабря были должным образом отпразднованы отложенные похороны. [889]

ПРЕВОСХОДСТВО Перед ЗАКОНОМ

Из этих случаев будет видно, что единственная апелляция к инквизиторской агрессии исходила от короля и что, даже когда инквизиторы были полностью неправы и королевское решение было против них, не было предпринято никаких шагов, чтобы удержать их в рамках на будущее. Таким образом, на изменившееся положение Священной канцелярии при бурбонах существенно указывало решение Фернандо VI в 1747 году. На праздновании в Гранаде 11 сентября его восшествия на престол канцелярия, или великий верховный суд Новой Кастилии, отметила, что архиепископ занимал кресло, обитое тафтой, за окном, выходящим на площадь, и что у инквизиторов на подоконниках лежали подушки. Он послал гонцов с просьбой убрать эти символы превосходства и, получив отказ в выражениях скудного уважения, остановил второй бой быков и положил конец церемониям. Дело было передано королю, когда Верховный судья с торжественной серьезностью заявил, что инквизиция на протяжении веков бесспорно пользовалась привилегией, которой ее теперь пытались лишить. Это был высший трибунал не только в Испании, но и во всем мире, поскольку он отвечал за истинную религию, которая является основой всех королевств и республик. Время для этого растущего самоутверждения прошло. Этому важному вопросу было посвящено всестороннее обсуждение, и 3 октября Фернандо издал указ, который провозгласил Испанию тем, что Святая канцелярия больше не является тем, чем она была раньше. Это означало, что, поскольку канцелярия представляла королевскую юрисдикцию и, таким образом, косвенно самого короля, она имела право на первенство на всех подобных торжествах и в королевской часовне; ее действия были оправданы, и с тех пор в ее присутствии не должны были использоваться такие знаки достоинства, как балдахины, подушки, церемониальные стулья и тому подобное. В случае

попыток сделать это, один из алькальдов дель Кримен со своими офицерами должен убрать их и наказать всех рабочих, которые их устанавливали. [890]

Инквизиция и ее члены были всячески защищены от подчинения местным законам и постановлениям. Эдикт Карла V в 1523 году запрещал всем муниципалитетам или другим органам принимать законы, которые каким-либо образом ограничивали бы их привилегии или были направлены против них, и, если бы была предпринята какая-либо такая попытка, он заранее объявил бы их недействительными. [891] Фактически, это было всего лишь выражение и обеспечение соблюдения канонических законов, принятых в рамках бешеных усилий по подавлению ереси в тринадцатом веке и все еще в силе. Конституция Урбана IV (1261-5) объявляет недействительными законы любого штата или города, которые прямо или косвенно препятствуют функциям инквизиции, и епископ или инквизитор уполномочен призвать правителя или магистратов представить такие законы и вынудить его путем порицания отменить или изменить их. [892] Хотя это было разработано для предотвращения нанесения ущерба инквизиции враждебным законодательством, оно предполагало превосходство закона и было истолковано самым либеральным образом, как это было видно на примере борьбы в Валенсии, которая длилась почти два столетия. Полицейское постановление о благоустройстве рыночной площади предписывало убрать все прилавки для демонстрации товаров под аркадами домов. Один дом принадлежал трибуналу; его жилец был злостным нарушителем, и он упрямо отстаивал свою позицию и обратился в трибунал за защитой от закона. Эта защита была оказана с такой силой в 1603 году, что святой архиепископ Хуан де Рибера, который также был генерал-капитаном, тщетно пытался добиться повиновения закону. Таким образом, до конца восемнадцатого века трибунал успешно противостоял Настоящей полицейской хунте, состоящей из генерал-капитана, регента и других высокопоставленных должностных лиц. Наконец, в 1783 году Карлос III издал королевскую декларацию о том, что никто не должен быть освобожден от повиновения приказам полиции и добросовестного управления и что все подобные дела должны рассматриваться обычными судами без признания компетенции, с помощью которой Святая канцелярия обычно пыталась утомить тех, кто осмеливался противостоять ее агрессивности. В соответствии с этим, в 1791 году неприятности в Валенсии прекратились, когда трибунал извинился перед Верховной властью за уступку и извинился в силу королевской декларации 1783 года. Она продержалась столько, сколько могла, но времена изменились, и даже инквизиция была вынуждена уважать закон. [893] Мадрид ранее был избавлен от подобных неприятностей, поскольку в королевском указе 1746 года, регулирующем полицейскую систему столицы, есть пункт, очевидно, направленный против инквизиции, поскольку в нем говорится, что никакие исключения, даже самые привилегированные, не должны применяться в вопросах, касающихся полиции, украшения и чистоты города. [894]

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Порожденное таким образом беззаконие выродилось в произвольное пренебрежение правами других, что привело к мелкой тирании, иногда осуществляемой самым произвольным и капризным образом. Инквизитор Сантос Сарагосский был очень дружен с лицензиатом Педро де Сола, священником собора, пользующимся благотворительностью, и Хуаном Себастьяном, которые были хорошими музыкантами и которые собрали нескольких друзей-музыкантов, чтобы

спеть с ними комплименты в Страстную субботу в Санта-Энграссии, где инквизиторы проводили Страстную неделю в уединении. Сантос обычно присылал за ними свою карету и великолепно развлекал их, но когда в 1624 году он стал епископом Сольсоны, хотя пение продолжалось, карета и развлечения прекратились, и музыканты неохотно ушли. Наконец, в 1637 году некоторые из них перестали ходить; инквизиторы послали за ними и отругали их, что привело их всех в негодование. Затем, в 1638 году, был послан секретарь Эредиа, чтобы приказать им уйти, и когда настоятель часовни извинил их, намекнув, что им следует заплатить, Эредиа сказал им, что трибунал оказал им достаточную честь, вызвав их. Они не пошли, и когда закончилась Пасха, двое из них, благодетельствованные священники, были вызваны и после трехчасового ожидания были заключены в грязный маленький домик, занятый солдатами, и оставлены на двенадцать часов без постельных принадлежностей, еды и питья. На следующий день им удалось связаться с капитулом, но он побоялся вмешиваться, и после шести дней этого заключения они предстали перед трибуналом и сообщили, что город у них вместо тюрьмы, под страхом штрафа в сто дукатов, и их заставили поклясться явиться, когда их вызовут. Выходя, они увидели, как привели еще двоих — настоятеля часовни и священника. Наконец капитул набрался смелости обратиться к королю с мемориалом через Совет Арагона, который добавил предложение о том, чтобы он приказал генеральному инквизитору позаботиться об освобождении музыкантов и предотвращении подобного вымогательства. 11 мая Филипп передал это в Верховный суд, который после месячной задержки ответил 14 июня, что, желая избежать разногласий с церковью Сарагосы, он приказал трибуналу заплатить музыкантам в будущем, освободить всех, кто находился в тюрьме, и вернуть все наложенные штрафы. [895] Когда мелкая тирания, подобная этой, может быть применена, особенно к привилегированному классу священников, мы можем оценить терроризм, окружающий трибуналы.

Еще одно отличие способствовало превосходству, на которое претендовала инквизиция, — неприкосновенность, которая защищала всех, кто состоял у нее на службе. С самого раннего периода Церковь стремилась защитить своих членов, чья профессия, как предполагалось, запрещала им применять оружие, наделяя их святостью, которая должна была обеспечить их безопасность в эпоху насилия. На протяжении всего средневековья ни на один канон не ссылались так часто, как на *Si quis suadente diablo*, который предусматривал, что тот, кто ударил священнослужителя или монаха, навлек на себя анафему, снимаемую только личной явкой к папе и принятием его приговора. [896] Инквизиция требовала большего, поскольку большая часть ее должностных лиц были мирянами. Они были не более подвержены травмам или оскорблениям, чем представители светских судов, но предполагалось, что к ним испытывали особую ненависть и что их функции по защите веры давали им право на особую безопасность. Позже мы увидим, что инквизиция получила юрисдикцию во всех вопросах, связанных с ее должностными лицами, но это, хотя и позволяло ей предоставлять им особую защиту, имело то ограничение, что судебные решения по крови приводили к тому, что церковники объявляли их “незаконными”. В случаях ереси этого долгое время избегали лицемерной мольбой о пощаде при передаче осужденных светским органам для казни, но считалось, что для рассмотрения дел о простом нападении или убийстве необходимы некоторые особые способности, и 28 января 1515 года от Льва X был получен *motu proprio*, уполномочивающий инквизиторов арестовывать любого, даже самого высокого ранга, будь то мирянин или священнослужитель, который наносит удары, избивает, калечит или убивает любого министра или должностное лицо инквизиции, и передавать его светским органам для

наказания без каких-либо нарушений, даже если это приведет к пролитию крови. [897] Таким образом, Священная Канцелярия держала в своих руках защиту всех, кто ей служил.

Последующие действия папы сделали это еще более эффективным. Раздраженный некоторым сопротивлением, оказанным римской инквизиции, Пий V опубликовал 1 апреля 1569 года свирепую буллу "*О протеже*", согласно которой любой человек любого ранга, который будет угрожать, бить или убивать офицера или свидетеля, который поможет заключенному сбежать или пронести какой-либо документ, или окажет помощь или совет в совершении такого деяния, должен быть доставлен светскому судье для наказания как еретик, то есть для сожжения, включая конфискацию и позор его детей. [898] Хотя эта книга предназначалась для Италии, испанская инквизиция быстро воспользовалась ею; она была разослана 16 октября и ежегодно публиковалась на народном языке в Страстной четверг. [899]

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Таким образом, все, кто был связан с делами Святой Канцелярии, были окружены неприкосновенностью, не свойственной ни одному другому классу общества. Сами инквизиторы были дополнительно защищены от ответственности за свои собственные злодеяния общепринятой теорией о том, что скандала следует опасаться больше, чем преступления, — что их должность имеет такое важное значение для религии, что все лучше, чем то, что может вызвать презрение к этой должности. Франсиско Пенья, рассматривая это, цитирует предупреждение Фомы Аквинского относительно кардиналов и применяет его к наказанию инквизиторов; если возник скандал, они могут быть наказаны; в противном случае опасность для репутации Святой Канцелярии больше, чем безнаказанность преступника. [900] Нежность, с которой к ним относились, даже когда разразился скандал, сама по себе была скандалом. Таким образом, когда повторные жалобы Барселоны привели к посещению туда в 1567 году де Сото Салазара, и его отчет подтвердил обвинения, показав трех инквизиторов коррумпированными, вымогательскими и несправедливыми, единственным наказанием, наложенным в 1568 году, было просто отстранение на три года от всех должностей в инквизиции. Даже это не было применено, по крайней мере, в отношении одного из них, доктора Зуриты, поскольку нам довелось встретиться с ним в качестве инквизитора Сарагосы в 1570 году. Он, по-видимому, не исправился, поскольку его перевод оттуда на Сардинию, наименее желательный из трибуналов, мог быть вызван только постоянными проступками. [901] Трибуналы, естественно, проявляли такое же милосердие к своим подчиненным, чьими единственными судьями они были, и это сохранение на посту тех, чья непригодность была доказана, было не последним из бремени, которым инквизиция обрушилась на Испанию.

Что делало эту неприкосновенность еще более отягчающей, так это то, что она распространялась на слуг и рабынь всех, кто был связан со Святой Канцелярией. Около 1540 года заместитель коррехидора Мурсии за оскорбление слуги посланника трибунала был подвергнут позору прослушивания мессы как кающийся грешник. [902] В 1564 году мы обнаружили доктора Зуриту, разъезжающего по своему округу, собирая улики против Микаэля Бонета из Паласио де Вичио за избиение палкой мальчика-слуги Бенета Модагера, который занимал какую-то должность в инквизиции, и дело было отправлено в Барселону для судебного разбирательства, что показывает, что оно было расценено как серьезное. Так, в 1568 году за ссору со слугой Микера Комплады, который называл себя заместителем фискала абагадо в

Таррагоне, трибунал Барселоны, не проверив притязания Комплады на должность, бросил в тюрьму Херонимо Сапату и Антонио де Уржеля и приговорил Сапату к штрафу в тридцать дукатов и шести месяцам ссылки, а Уржеля - к десяти дукатам и трем месяцам. [903] В Мурсии Себастьян Гальего, слуга инквизитора, поссорился с мясником из-за куска мяса, когда они обменялись оскорблениями. Светский судья арестовал обоих, но трибунал признал их виновными, привлек мясника к ответственности и изгнал его из города. [904] Такие случаи происходили часто, и легко представить, насколько раздражающей была наглость презируемого класса, получившего возможность таким образом отплатить за презрение, с которым к нему обычно относились.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УВАЖЕНИЯ

Когда честь рабов была таким образом восстановлена, инквизиторы не были склонны мириться с каким-либо провалом, реальным или мнимым, в том уважении, которое они считали должным, и преступнику давали почувствовать ужасный авторитет, которым был окутан трибунал и его судьи. Поскольку их полномочия были в значительной степени дискреционными с неопределенными пределами, способ их осуществления иногда был эксцентричным. Например, в 1569 году иезуиты Палермо подготовили для представления в своей церкви трагедию Святой Екатерины, и 4 октября они устроили частную репетицию, на которую были приглашены вице-король и высшие сановники. Инквизитор Хуан Бисерра пришел как один из гостей и, обнаружив, что дверь закрыта, несколько раз постучал, не называя себя и не требуя впуска. Уборщик, решив, что это кто-то посторонний, не обратил внимания на стук, и Бисерра удался, крайне разгневанный. Когда иезуиты услышали об этом, ректор и главные отцы призвали его извиниться, но, заставив их ждать некоторое время, он отказался их видеть. Публичное представление было назначено на 8 октября; церковь была переполнена знатью, ожидавшей поднятия занавеса, когда гонец из Бисерры уведомил иезуитов, что он запрещает представление под страхом отлучения от церкви и других наказаний по своему усмотрению до тех пор, пока пьеса не будет рассмотрена и одобрена им. Аудиенция была распущена, и на следующий день рукопись была отправлена Бисерре, который передал ее доминиканским цензорам. Хотя они вернули его с одобрением, он обнаружил в нем два предосудительных момента, настолько абсурдно незначительных, что они показывали, что он хотел просто бессмысленно продемонстрировать свою власть. Цензоры ответили на его критику, и он, наконец, разрешил продолжить представление. Мы не можем безосновательно предположить, что это мог быть один из тех уродов, за которые Бисерра был отстранен от должности в 1572 году на основании отчета, сделанного о нем посетителем Кинтанильи. Затем, с обычной нежностью, его наняли на ответственный пост гостя в Барселоне, где он вскоре скончался. [905]

Чувствительность к неуважению и терроризм, который произвольное наказание распространило по всему сообществу, были хорошо проиллюстрированы, когда в 1617 году брат Диего Винегас читал Великопостные проповеди в больнице Н. Сеньоры де ла Грасиа в Сарагосе. Он был выдающимся бенедиктинцем, занимавшим высокие посты в своем Ордене, и его красноречие в этот раз принесло милостыню в размере восьми тысяч крон. 21 января инквизиторы послали ему записку с просьбой прийти к ним на следующий день в 14 часов дня, на что он письменно ответил, что нездоров и полностью занят своими проповедями; если они хотят приказать ему проповедовать Эдикт веры, он считает, что ему уже поручено это сделать, и просит их извинить его приход. Во втором послании в тот же день ему было велено прийти в тот же час в другой день, когда ему скажут, что от него требуется, на что он ответил, что придет, но

если это будет только для того, чтобы приказать ему произнести проповедь, он немедленно вернется в Кастилию, больше не поднимаясь на кафедру. Неясно, лежало ли что-либо в основе этого несколько загадочного поступка; значение этого дела заключается в том факте, что оно сразу же стало предметом всеобщего общественного беспокойства. Когда в ту же ночь начальник больницы услышал об этом, он осознал ущерб, который будет нанесен учреждению и всему городу, и немедленно сообщил об этом вице-королю, который поручил лиценциату Бальтазару Наварро устранить причиненный вред. Результатом его трудов стало то, что инквизиторы заявили, что, поскольку Фрей Винегас сослался на недомогание, они освобождают его от проповеди Эдикта веры. Дело, казалось, было улажено, и Винегас попросил разрешения навестить двух инквизиторов, Сантоса и Сальседо, и поздравить их с Пасхой. Они милостиво согласились, и в пасхальный понедельник он принял их, извинился и попросил у них прощения за то, что из-за недомогания не смог проповедовать Эдикт, и все это они приняли с большой вежливостью. Сообщество вздохнуло свободнее, поскольку ожидалось некоторое восстановление чести инквизиции. Однако инквизиторы консультировались с Верховной Властью, и месть была близка. Следующий день, вторник, был последним в серии проповедей; Винегас успешно проповедовал в переполненной церкви, когда, спустившись с кафедры, он был арестован альгвасилом инквизиции, протасен сквозь толпу, как ересиарх, пытающийся сбежать, брошен в карету и доставлен в Альхаферию. Там его посадили на скамью подсудимых, как преступника, допросили вместе с ним, а затем, не будучи выслушанным, приговорили к вечному лишению почестей инквизиции (проповеди в аутодафе, эдикты и т.д.) и вынесли выговор со всей строгостью. Пятно позора, нанесенное таким образом, было несмываемым, а скандал разразился грандиозный. Люди толпами стекались к вице-королю в величайшем волнении, и ему стоило больших усилий успокоить их, пообещав, что это будет исправлено. Винегас обратился за восстановлением своей чести в Совет Арагона, который ответил, что у него нет юрисдикции; затем он обратился в Suprema, которая отказалась его выслушать. Он отправил меморандум королю, который передал его в Совет Арагона, и продолжал свои усилия более года, но, похоже, он так и не получил облегчения. [906]

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УВАЖЕНИЯ

Как правило, любая критика правосудия инквизиции и любая жалоба от того, кто прошел через ее руки, были преступлениями, подлежащими более или менее суровому наказанию. Из этого, однако, было исключение в случае, необычность которого заслуживает упоминания. Возможно, самым выдающимся францисканским богословом своего времени был Мигель де Медина. Он попал под подозрение в лютеранстве, был арестован, предстал перед судом и умер во время судебного разбирательства 1 мая 1578 года в секретной тюрьме Толедо после четырех лет заключения. Другой францисканец, Франсиско Ортис, так рьяно отстаивал свое дело, что в публичной проповеди в 1576 году объявил судебный процесс несправедливым, поскольку это было делом рук заговора его братьев фрейлес; арест был смертным грехом, как если бы это был святой Иероним или святой св. Августин и генеральный инквизитор (Эспиноза), подписавший ордер, были в аду, если бы не раскаялись; инквизиторам было стыдно, и они стремились отвести позор от себя, в то время как они должны были наказывать за лжесвидетельство тех, кто давал показания. Это было откровенное богохульство против Святой канцелярии, и нелегко понять, почему отважная фрейле избежала суда Толедского трибунала, отделавшись выговором, вынесенным частным образом в зале для аудиенций, и запретом въезжать в Мадрид без разрешения - приговором, который был должным образом утвержден Верховной властью.

[907] Далее мы увидим, что другой брат Франсиско Ортис, совершивший аналогичное преступление, не избежал так легко.

Такова была защита, брошенная вокруг инквизиции, чтобы обеспечить ее эффективность в выполнении своей высшей функции поддержания религиозного единства, и таковы были усилия, которые она предприняла, чтобы добиться признания превосходства, к которому она стремилась. Это был институт, внезапно внедренный в устоявшуюся церковную и светскую иерархию, которая относилась к незваному гостю с естественной ревностью и неприязнью и возмущалась его явной решимостью использовать свой духовный авторитет для их унижения. Его высокомерное самоутверждение приводило его к частым ошибкам, оправдать которые не могли даже его королевские покровители, но при Габсбургах он постепенно завоевал себе дорогу. Приход бурбонов ввел в действие новую теорию отношений между Церковью и государством, и гражданские власти смогли со временем отстоять свое равенство и независимость. У нас будет возможность проследить за этой борьбой, в которой религия никоим образом не затрагивалась, поскольку защита веры была предлогом, под которым Святая канцелярия стремилась присвоить себе контроль над постоянно расширяющейся сферой светских дел, одновременно требуя освобождения от светских обязательств.

ГЛАВА III.

ПРИВИЛЕГИИ И ИЗЪЯТИЯ.

ДО того, как Революция выдвинула теорию равенства, классовые привилегии были правилом. Общественные тяготы ускользали от тех, кто лучше всего мог их нести, и ложились на плечи трудящихся. Земли *mortmain*, принадлежавшие Церкви, были освобождены как от налогообложения, так и от военной службы, и, хотя Филипп V в Конкордате 1737 года получил привилегию взимать налоги, которые впоследствии могли быть приобретены, неоднократные указы о его приведении в исполнение показывают невозможность приведения его в исполнение. [908] Полный иммунитет духовенства от налогообложения был решительно заявлен Бонифацием VIII в булле "*Clericis laicos*", и, хотя это было отменено Венским собором в 1312 году, были приняты меры к тому, чтобы этот принцип оставался в силе. [909] Тем не менее, в королевствах Арагон они облагались всеми налогами с продаж, импортными и экспортными пошлинами и другими местными налогами, и, когда этому было оказано сопротивление, Карл V получил от Адриана VI в 1522 году и от Климента VII в 1524 году справки, подтверждающие их ответственность. [910] *Идальгия*, или благородная кровь, давала множество привилегий, включая освобождение от королевских и местных налогов, за некоторыми исключениями, которых в значительной степени избегали, *алабрадор* — крестьянин или простолюдин — был отчетливо известен как *печеро* или налогоплательщик. [911] То, что при таком общественном порядке инквизиция должна добиваться для своих членов всех льгот, которые она может себе представить, было слишком естественным, чтобы вызывать удивление, хотя иногда это могло вызывать сопротивление.

Что касается свободы от налогообложения, то тема осложняется вопросами, касающимися королевских и местных сборов, различными обычаями в разных провинциях и различием между действующими должностными лицами судебных органов, известными как *титуладос* и *асаларидос*, и более многочисленными не получающими жалованья, которых лишь изредка привлекали к службе, такими как фамильяры, комиссары, нотариусы, консультанты и цензоры. Их права были нечетко определены и постоянно менялись из-за противоречивых решений в спорах, которые постоянно происходили со светскими властями, спровоцированных привычным антагонизмом и частым введением новых налогов, что вызывало новые вопросы. 13 апреля 1504 года Фердинанд написал резкое письмо городскому совету Барселоны, когда тот попытался возложить на должностных лиц трибунала бремя, которое несут другие граждане, в нарушение преимуществ и изъятий Святой Канцелярии, и он предупредил их воздержаться, ввиду судебных мер, которые будут приняты. Тем не менее, в 1508 году мы находим, что он написал этому суду еще более резкое письмо, ругая его за то, что он забрал из дома альгуасилей из Байлии рабыню и, не дожидаясь официального решения суда, продал ее, не заплатив королевскому самозванцу двадцать процентов, что является недопустимым для них пренебрежением к регалиям. Они также издали приказ о таможене беспошлинно пропускать определенные товары для инквизитора, что противоречило всем правилам, поскольку, даже если товары были необходимы для поддержки чиновников, решать это должны были фермеры, получающие доход, и выдача таких пропусков привела бы к мошенничеству и убыткам. [912]

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Эти примеры указывают на неопределенность вопросов, которые постоянно возникали в связи со сложной системой — или отсутствием системы — испанского налогообложения. Подробно изучать этот предмет было бы бесконечной и невыгодной задачей. Я собрал значительное количество более или менее противоречивых решений этого раннего периода, но единственные выводы, которые можно сделать из них, — это неопределенность освобождения и серьезность усилий, предпринятых инквизицией для его продления. Очевидно, что в этом вопросе не существовало общепризнанных правил, и в 1568 году Филипп II взялся регулировать его, по крайней мере, в том, что касалось королевского налогообложения. Он определил для каждого трибунала должностных лиц, которые должны были быть освобождены от всех налогов, акцизов и отчислений, и запретил их взимание под страхом штрафа в пятьдесят тысяч мараведи и наказания по королевскому усмотрению, но это освобождение было предоставлено только по его благоволению, так что он сохранил полный контроль и не признавал никаких привилегий, присущих инквизиции. Кроме того, его список включал только *титуладос* и *асалариадос*, получающих поручения от Верховного и находящихся на постоянной службе, и не включал фамильяров и других лиц, которые значительно превосходили их числом. [913]

Эта попытка урегулирования оставила вопрос по-прежнему неопределенным и спровоцировала бесконечные раздоры. В нем ничего не говорилось о местных налогах; эти налоги и королевские налоги часто были неразличимы или настолько объединены, что их невозможно было разделить; не получающие жалованья чиновники не были специально объявлены облагаемыми налогом и всегда добивались освобождения от него, и когда в связи с растущими потребностями монархии вводились новые налоги, возникали все новые столкновения, проводимые с обычным насилием инквизиции. 10 мая 1632 года Королевский совет убедительно сообщил Филиппу IV, что он уже представил ему некоторые эксцессы инквизиторов Куэнки, на которые он не считал нужным отвечать. Теперь коррехидор Куэнки

сообщил о других злоупотреблениях, требующих немедленного устранения, поскольку они издали приказ, под страхом отлучения от церкви и других наказаний, о том, что сборщик акциза на вино, взимаемый для содержания войск, не должен взимать его с наемных должностных лиц трибунала, хотя они миряне и подчиняются ему. Они делали вид, что не облагаются алькавала (налогом с продаж), но потерпели поражение в судебном процессе по этому поводу перед Советом Гасиенды. И если это будет разрешено, все другие трибуналы попытаются сделать то же самое, и с их освобождением будут освобождены их слуги, родственники и связи всех видов, с мошенничеством и сокрытием, как обычно, что приводит к увеличению расходов на других вассалов и нанесению ущерба казне, поскольку кажется, что единственная цель инквизиторов - уменьшить королевское достояние. [914] Аналогичные проблемы были связаны с взиманием *servicio de millones*, чрезвычайно непопулярной пошлины на вино, мясо, уксус и другие предметы первой необходимости. [915]

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Когда в 1631 году был введен налог в размере *media anata*, или полугодового оклада, взимаемого с лиц, назначенных на должность, возникла дискуссия о том, применим ли он к инквизиции. Это было решено утвердительно, и Супрема не возражал, поскольку коллекция была изъята из *Сала де Медиа Аньята* и передана Габриэлю Ортису де Сотомайору, назначенному генеральным инквизитором Сапатою, и когда он через несколько лет стал епископом Бадахоса, дело было поручено самому генеральному инквизитору. Некоторое время выплаты производились с некоторой регулярностью, но в 1650 году расследование показало, что в течение длительного времени им спокойно позволяли сокращаться, и, поскольку они находились в руках генерального инквизитора, не было никаких средств для обеспечения отчетности. В течение года Арсе-и-Рейносо уклонялся от попыток *Sala de Media Anñata* получить информацию, и, наконец, 17 мая 1651 года король безапелляционно приказал ему выплатить свою собственную *media añata* (причитающуюся с 1643 года), заставить других должностных лиц сделать это и предоставить необходимую информацию в *Sala*. Получив это, он сказал, что существуют трудности с тем, чтобы заставить платить таких священнослужителей, как инквизиторы, но он проконсультируется с Верховной Властью и даст ответ в июле. Прошел июль, и *Сала* снова обратилась к нему, когда он ответил, что, что касается приближенных и других светских чиновников, приказы уже отданы и сборы произведены, но что касается священнослужителей, то существуют сомнения, по поводу которых он посоветуется с королем. Ему не удалось этого сделать, и в октябре королю было настоятельно предложено повторить свое требование о немедленной выплате. Результатом этого дела стало то, что священнослужители были освобождены от уплаты налога, а мирянам пришлось платить, в то время как семьярам, у которых не было жалованья, начисляли девять дукатов — так что Арсе-и-Рейносо удалось избежать уплаты налога. Кроме того, взимать их с мирян было нелегко, и 28 января 1654 года Верховный суд издал общие инструкции вычитать их без исключения из жалованья. Это лишь передало задолженность от частных лиц получателям или казначейм трибуналов, которые, по-видимому, столь же медленно платили, и в 1655 году в каждом трибунале Кастилии и колоний был назначен инквизитор для сбора денег у казначея и немедленного их перевода. [916] Можно с уверенностью предположить, что поступления были тривиальными, и вся эта история служит иллюстрацией методов, с помощью которых доходы Испании растрачивались впустую, прежде чем попасть в казну. Однако, продуктивно это или нет, *медиа-аньята* до самого конца оставалась постоянным обвинением для непрофессионалов. В Валенсии в 1790 году он в течение десяти лет составлял в среднем десять либр в год. [917]

Что касается местного налогообложения, то состязания возобновлялись при каждом новом самозванстве с переменным успехом, и один-единственный случай прольет свет на характер этой борьбы. В 1645 году корты Валенсии согласились выделить на шесть лет тысячу двести человек для гарнизона Тортосы, оставив за собой право вводить любые пошлины или акцизы, которые могли бы потребоваться для покрытия расходов. Для того чтобы включить духовенство, было испрошено согласие архиепископа Алиаги, которое он дал с трудом и только при условии, что в течение восьми месяцев будет получено подтверждающее папское заключение, что и было должным образом выполнено. Для покрытия этого сбора со всех товаров, предназначенных для пошива одежды, взимался акциз, известный как *sisa del corte*. Трибунал отказался согласиться с этим и указал на свой вклад в заем в двадцать тысяч дукатов, предоставленный инквизицией королю в 1642 году, и на выплату с 1643 года пятипроцентной суммы. о жалованье на содержание некоторых всадников. Город на некоторое время уступил, а затем был достигнут компромисс; церковники в то время платили восемнадцать денье за весы (7½ процента). в то время как должностные лица трибунала должны были облагаться налогом всего в шесть денье (2½ процента). Однако, чтобы сохранить свой принцип освобождения, в течение нескольких лет они шили свою одежду от имени других священнослужителей и платили восемнадцать денье, но в 1659 году им это надоело, и они заплатили шесть денье за себя, сначала заявив протест, что это не наносит ущерба их привилегиям и освобождениям. Так продолжалось до 1668 года, когда внезапно, 19 июня, фискал трибунала вызвал сборщиков *sisa дель Кортес*, чтобы они в течение двадцати четырех часов беспрепятственно передали ткань, скроенную для одежды Бенито Сангвино, алькальда мэра, под страхом штрафа в пятьсот дукатов. 21-го числа городские синдики и сборщики подали апелляцию королю, несмотря на которую на следующий день приказ был повторен, на этот раз дав двенадцать часов на послушание и добавив к штрафу отлучение от церкви. Была подана еще одна апелляция, и регент Аудиенции подал прошение о *компетенции*, или упорядоченном методе разрешения споров, как это предусмотрено в Конкордии, но, несмотря на это, на следующий день были опубликованы отлучения от церкви, а имена сборщиков были прикреплены к дверям собора как находящиеся под анафемой Церкви. [918] Конечный результат не имеет большого значения; интерес дела заключается в иллюстрации упорства инквизиции и жестокости ее методов.

В этом отношении данный случай не является исключительным. Формуляры инквизиции содержали полный набор произвольных предписаний, которые она использовала вместо поиска законных путей, предписанных Конкордиями, с помощью которых король и корты стремились сохранить мир. В одном из них, составленном от имени трибунала Льерены и адресованном губернатору и магистратам, говорится, что была подана жалоба на введение должностными лицами и приближенными нового окроя мяса, и далее утверждается, что по незапамятному обычаю и королевским седулам уполномоченные должностные лица освобождаются от уплаты любых налогов, акцизов, податей и отчислений, будь то королевских, местных или иных; магистратам предписывается в течение двух часов воздержаться от попытки под страхом серьезного отлучения от церкви и штрафа в сто тысяч маравед для губернатора или его заместителя и пятьдесят тысяч для подчиненных, с угрозой, в случае неповиновения, судебного преследования по всей строгости закона. Более того, секретарю или нотариусу города приказано в течение двух часов доставить в трибунал и сдать все бумаги, касающиеся оценки должностных лиц, под страхом отлучения от церкви и десяти тысяч мараведи. [919] Таковы были обычно используемые императивные команды, высокомерие которых делало их особенно раздражающими.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Эти взрывные устройства не только были готовы к использованию в момент возбуждения дела, но и заранее были составлены формулы для предотвращения любых попыток нарушения привилегий, на которые претендовали официальные лица. Таким образом, в этом же сборнике есть письмо, адресованное коррехидору и магистратам города, где должна проводиться ярмарка, в котором говорится, что должностное лицо трибунала предлагает отправить туда определенное количество скота с его клеймом, который, как он клянется, выращен им самим, и поскольку он освобожден от уплаты алькавалы, дорожных сборов, переправ, королевских услуг и всех других взносов и, и поскольку он опасается, что может быть попытка наложить их, поэтому всем должностным лицам и сборщикам приказано под страхом серьезного отлучения от церкви и выплаты двухсот дукатов, воздерживаться от всех подобных попыток, угрожая дальнейшим наказанием в случае неповиновения. [920] Очевидно огромное преимущество, которым таким образом обладал чиновник, равно как и дверь, которую это открыло для мошенничества. О том, что это утверждение было беспочвенным, свидетельствует меморандум, представленный Верховному суду в 1623 году в ответ на обращение генерального инквизитора Пачеко к своим коллегам за предложениями относительно улучшения управления и совершенствования инквизиции — замечательный документ, на который в дальнейшем будут часто ссылаться. По этому поводу в нем говорится, что в некоторых судах должностные лица освобождены от уплаты налога на доходы от своих поместий, в то время как в других - нет. В некоторых случаях часть должностных лиц ловко добилась освобождения от уплаты налогов, в то время как другие были вынуждены платить по решению суда, поскольку для таких претензий нет оснований. Если нет права или привилегии на освобождение, непонятно, как должностные лица могут добросовестно уклоняться от уплаты или как инквизиторы могут защищать их от уклонения от уплаты, кроме многочисленных возникающих отсюда исков, которые занимают время трибуналов. Чтобы исправить это, предлагается, чтобы король предоставил льготы всем, поскольку в каждом трибунале не более двух или трех человек, которые могли бы воспользоваться таким правом. [921] Это предложение не было принято, но иск был оставлен в силе из-за постоянного раздражения и множества судебных разбирательств.

Большое количество чиновников, не получавших жалованья, особенно приближенных, придавало вопросу об их освобождении значительно большее значение. Они не претендовали на это, но они настойчиво пытались утвердить это право, и по большей части суды поддерживали их обычным произвольным образом. В тцетной Каталонской Конкордии 1599 года было предусмотрено, что взимание всех налогов и повинностей может быть произведено с приближенных и уполномоченных обычными судебными исполнителями. В мемориале Клименту VIII с просьбой отменить эту Конкордию, Suprema обоснованно доказала серией канонов четвертого Латеранского собора, что *cruceignati* (которые, как он утверждал, соответствовали современным фамильярам) были освобождены. У него даже хватило наглости сослаться на Конкордию 1514 года, которая на самом деле отрицала их исключение, и с такой же неправдой предполагала, что это был всеобщий обычай в Испании. [922] Тем не менее, в консультации от 30 декабря 1633 года Верховный суд молчаливо исключил должностных лиц, не получающих жалованья, утверждая, что в Испании, за исключением духовенства, не более двухсот должностных лиц, имеющих право на освобождение. [923]

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Тем не менее инквизиция вела борьбу за чиновников, не получавших жалованья, с такой же энергией, как и за наемных работников. В 1634 году взыскание нескольких реалов с фамильяра Викальверо по случаю поездки инфанта Фернандо в Барселону встретило такой яростный отпор со стороны трибунала Толедо, что в конце концов королю пришлось вмешаться, что привело к изгнанию и временному лишению прав чиновника канцелярии и вызову в суд старшего инквизитора. [924] В 1636 году Филипп IV, чтобы покрыть экстравагантные расходы на дворец Буэн Ретиро, обложил специальным налогом все города Мадридского округа. В Вальекасе квота была начислена жителям, среди которых был знакомый, который отказался платить, когда местные алькальды наложили арест на его имущество. Он подал апелляцию в Верховный суд, который передал дело в трибунал Толедо, и тот арестовал алькальдов и приговорил их к суровым наказаниям. Тогда алькальды Каса-и-Корте, высший уголовный суд, вмешались и арестовали фамильяра, после чего Верховный суд дважды посылал в *Сала-де-лос-Алькальдес*, объявляя их отлученными от церкви, но предъявителю порицания было отказано в аудиенции. На это Супрема, с согласия Совета Кастилии, послал священнослужителя арестовать алькальдов и выслать их из королевства, и 12 марта во всех церквях Мадрида они были объявлены отлученными от церкви и подлежащими всем наказаниям, предусмотренным буллой *in Cœna Domini*. [925] Каков был результат этого, хронист не сообщает нам, но Совет Кастилии по-другому взглянул на этот вопрос, когда в 1639 году один из его членов, дон Антонио Вальдес, который был отправлен в Эстремадуру в качестве комиссара по набору войск, был публично отлучен трибуналом Льерены, потому что при оценке взносов для этой цели он не был привлечен к ответственности. не освободил от ответственности своих должностных лиц и приближенных. После этого Совет обратился к Филиппу, который распорядился исключить этот указ из протоколов и разместить копию королевского приказа в секретариате трибунала. [926]

Однако примерно в это же время иск в пользу чиновников, не получавших жалованья, по-видимому, был отклонен, поскольку в 1636, 1643 и 1644 годах Верховный суд неоднократно издавал предписания о том, что в условиях существующего бедствия королевские налоги должны быть уплачены. В 1646 году он приказал трибуналу Валенсии не защищать двух фамильяров за неуплату, и в том же году суды Арагона одержали победу, которая подвергла их всем местным обвинениям. [927]

С приходом бурбонов наемные чиновники обнаружили перемены в этом, как и во многом другом. В связи с финансовыми трудностями Войны за престолонаследие они подвергались неоднократным поборам. Филипп V потребовал от них пять процентов. от их жалованья, а затем и десять процентов. которым они были вынуждены подчиниться. В 1712 году был установлен общий налог в размере дублона за очаг, который начислялся в каждой общине в соответствии с состоянием человека. Никаких исключений не было, и апелляции рассматривались только провинциальными налоговыми инспекторами. Единственная уступка, полученная Suprema, заключалась в том, что, когда дело касалось должностных лиц инквизиции, местный трибунал мог назначить асессора для заседания с суперинтендантом, и он предупредил суды, что любое вмешательство в коллекцию будет пресекаться со всей строгостью. [928] Однако считалось, что заработная плата подлежит только требованиям со стороны короны, поскольку, когда Сарагоса в 1727 году попыталась включить ее в систему местного налогообложения, Филипп в ответ на апелляцию Верховного суда постановил, что сотрудники инквизиции, как и другие трибуналы, должны быть освобождены, но что недвижимое и движимое имущество, включая торговлю, принадлежащее должностным лицам, должно быть освобождено от уплаты налогов. нести налоговую ответственность. [929]

К концу восемнадцатого века различные документы показывают, что все идеи сопротивления и все просьбы об освобождении были оставлены. Святая канцелярия подчинилась обычным и чрезвычайным взысканиям, и Верховный суд предупредил трибуналы, что оценка полностью находится в руках королевских чиновников и что она не имеет никакого отношения к этому вопросу. Звонки были частыми и обильными, как тогда, в 1794 году, четыре процента. было наложено взыскание на все жалованье в размере более восьмисот дукатов, а три месяца спустя было предъявлено требование о выплате одной трети плодов всех бенефиций и пребендов, которому безропотно подчинились и были послушно предоставлены выписки. [930] При Реставрации инквизиция была менее сговорчивой. В 1818 году был взят подоходный налог со всех окладов, включая жалованье Супремы, которая сразу же приготовилась к сопротивлению. Похоже, была длительная борьба с успешным результатом, поскольку 17 ноября был издан циркуляр, содержащий королевский приказ, который допускал освобождение. [931]

Освобождение от налогообложения, которое включало импортные и экспортные пошлины или товары и провизию, необходимые для должностных лиц и заключенных, привело к заявлениям о других привилегиях и множеству злоупотреблений. Это не ограничивалось морскими портами и пограничными городами, поскольку ревнивый партикуляризм династически объединенных королевств продолжал проводить свою антагонистическую политику по отношению друг к другу, и сношения между ними регулировались правилами, аналогичными правилам внешней торговли. Освобождение от них, а также от городских октройных повинностей, было важнейшей привилегией, которую можно было использовать многими способами, помимо уменьшения расходов чиновников.

ТАМОЖЕННЫЕ ПОШЛИНЫ

Мы видели, что Фердинанд в 1508 году запретил выдавать приказы о бесплатной передаче товаров, но, тем не менее, это продолжалось. Когда в 1540 году Блас Ортис вступил во владение своей должностью инквизитора Валенсии, Супрема снабдил его пропуском, адресованным всем таможенным чиновникам, позволяющим ему пересекать границы с тремя лошадьми и четырьмя вьючными мулами; от него могли потребовать поклясться, что то, что он перевозил, было его частной собственностью и не предназначалось для продажи, но все дальнейшее вмешательство было скрыто под страхом отлучения от церкви и штрафа в сто дукатов. [932] Однако не только в таких случаях таким образом удавалось ускользнуть от таможи. До введения регулярных почтовых отправок постоянная связь между трибуналами и с Верховной Властью осуществлялась курьерами или погонщиками мулов, а таинственная секретность, окутывавшая все операции Священной Канцелярии, служила предлогом для предотвращения любого риска проверки этих священных посылок. Поэтому всем отправителям писем, даже если у них были навьюченные мулы, выдавались пропуска, запрещающие под страхом отлучения от церкви и штрафа распаковывать или исследовать то, что они везли. [933] Предоставляемые таким образом возможности для контрабандной торговли очевидны, и их ценность можно оценить только благодаря знанию сложной системы импортных и экспортных пошлин и запретов на ввоз и вывоз, которые характеризуют политику того периода. [934] Жалобы оказались бесплодными, поскольку, когда Совет Гасиенды направил письма против

определенных фамильяров на Канарах, уличенных в импорте запрещенных товаров, Филипп II 11 февраля 1593 г. приказал отозвать письма и больше их не выпускать. [935]

Мало что вызывало большую зависть, чем перевозка зерна из одного испанского королевства в другое, и когда это разрешалось, вводились пошлины либо на импорт, либо на экспорт, а возможно, и на то, и на другое. Неурожаи в той или иной провинции не были редкостью, и суды постоянно добивались особых послаблений, получая разрешения на нарушение законов или нарушая законы без разрешений. Можно было бы привести множество примеров этого, но достаточно будет рассказать об опыте трибунала Валенсии в попытке получить пшеницу из Арагона. Для этого у него были специальные условия, поскольку арагонские округа Теруэль и Альбаррасин подчинялись ему, но, с другой стороны, Арагон был особенно тверд в запрете экспорта пшеницы. В 1522 году трибунал обязался привезти немного пшеницы из Арагона и пригрозил пограничным чиновникам отлучением от церкви, если они вмешаются. Несмотря на это, они задержали его, когда инквизитор опубликовал порицания и заключил в тюрьму стражника, которого он поймал, после чего арагонские дипутадо возмутились, сказав, что если императору или папе нужна пшеница из Арагона, он обращается за разрешением и умоляет инквизитора оставаться в пределах его юрисдикции и освободить стражника. Затем было достигнуто соглашение, и трибуналу было разрешено внести тридцать кахиз (около ста бушелей) при условии снятия любого возможного отлучения от церкви, но он отказался от своей части соглашения и вызвал должностных лиц для явки и получения епитимьи. Это истощило терпение Дипутадо; они приказали остановить вывоз пшеницы или, если она двинулась вперед, преследовать ее и захватывать вместе с мулами, везущими ее; инквизитор мог делать все, что ему заблагорассудится, но они задействовали бы все силы королевства и обеспечили соблюдение законов. Положение, в которое поставил себя инквизитор, было настолько несостоятельным, что генеральный инквизитор издал приказ, запрещающий трибуналам вывозить что-либо из Арагона в нарушение запретов. [936]

ИМПОРТ ПШЕНИЦЫ

Эффект от этого отпора был мимолетным. Трибунал настаивал и под ложным предлогом выдвинул иск, который в 1591 году Верховный суд предупредил его использовать с умеренностью, поскольку Совет Арагона подавал жалобу. Как обычно, на это не обратили внимания, и в 1597 году Филипп II был вынужден вмешаться, потому что трибунал выдавал избыточные письма, разрешающие экспорт пшеницы из Теруэля, — злоупотребление, которое, несомненно, было чрезвычайно прибыльным. [937] Если это и внесло какие-либо изменения, то они были временными. 16 июня 1606 года Дипутадо заявили трибуналу, что они были связаны своими служебными клятвами под страхом отлучения от церкви обеспечивать соблюдение законов, запрещающих экспорт пшеницы; что, несмотря на эти законы, большие партии были перевезены в Валенсию, к разрушению и полному разорению страны, лицами, вооруженными лицензиями, выданными трибуналом, поэтому они молились, чтобы больше лицензий не выдавалось. На это не обратили никакого внимания, и 8 января 1607 года они снова написали, заявив, что злоупотребления усиливаются и что они должны обратиться к королю и Верховной раде с просьбой их пресечь. Это привело к ответу о том, что трибунал стал более умеренным, чем был ранее, и будет продолжать действовать так, как сочтет нужным, без ущерба для прав, предоставленных ему королевскими седулами, и, поскольку он был занят служением Богу, он мог разумно осуществлять эти права. Заявленные права, в соответствии с которыми он так долго аннулировал законы Арагона, были сознательным мошенничеством, поскольку, когда он

пожаловался Верховному суду на вмешательство Дипутадо в его незапамятные привилегии и приложил королевскую седулу, предоставляющую их, Верховный суд указал, что это относится только к Кастилии, а не к Арагону; жалобы дипутадо были выслушаны, и все, что можно было сделать, это обратиться к добрым услугам трибунала Сарагосы, чтобы получить разрешение получать полторы тысячи бушелей в год. Инквизиторы Сарагосы охотно оказали свою помощь, но тщетно. 6 июня 1608 года они написали, что пустили в ход все свое влияние на дипутадо, которые заявили, что закон *фуэро*, запрещающий экспорт зерна, слишком строг, чтобы они могли его нарушать. Последовала переписка с Верховным судом, который 8 февраля 1610 года приказал трибуналу воздержаться, как было приказано ранее, но если в каком-либо году возникнет особая необходимость, он может сообщить требуемое количество, когда будут даны инструкции. Это наложило на него молчание до 1618 года, когда была предпринята еще одна попытка преодолеть упрямство Дипутадо; он воздерживался, по словам трибунала, в течение нескольких лет от выдачи лицензий из-за больших злоупотреблений и эксцессов тех, кому они были предоставлены, но теперь бесплодие земли причиняет большие неудобства, и он просит, чтобы плоды его пребендов в Арагоне и получаемая с них рента были инвестированы в пшеницу, разрешенную к экспорту. Однако дипутадо благоразумно отказались открыть дверь; закон, которому они поклялись, предусматривал суровые наказания за его нарушение, и они были вынуждены отказаться. Вероятно, это было эффективно в том, что касалось Арагона, поскольку мы случайно находим, что в 1631 году трибунал получил от короля лицензию на импорт двухсот пятидесяти бушелей из Кастилии. [938]

ИМПОРТ ПШЕНИЦЫ

УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПОШЛИН

Это повествование поучительно во многих отношениях. Ссылка на необходимость в служении Богу была такой же мошеннической, как и выдвинутые претензии. Весь бизнес был чисто спекулятивным, и лицензии, несомненно, продавались тому, кто предлагал самую высокую цену на протяжении всех этих лет. Валенсийский трибунал ни в коем случае не нуждался в пшенице из Арагона или Кастилии, поскольку у него было достаточно привилегий на родине для удовлетворения всех своих потребностей, и он использовал эти местные привилегии для получения чьей-либо прибыли. Среди других общественных деяний Хименеса было основание в 1512 году *альхондиги*, или общественного зернохранилища, в Толедо, чтобы, как нам сообщили в 1569 году, во времена дефицита горожане могли закупать припасы по умеренным ценам. [939] Вероятно, именно благодаря этому в других городах, включая Валенсию, были созданы заведения подобного рода, монополизировавшие торговлю пшеницей, к которой горожане прибегали изо дня в день для ее заготовки. Когда в бизнесе возникали убытки из-за превышения спроса или порчи зерна, они возлагались на граждан под названием *пан асегурадо*, но в 1530 году магистраты освободили должностных лиц трибунала от разделения этого бремени, и в 1707 году это освобождение все еще числится среди его привилегий. [940] Еще одна привилегия, которой он делился с вице—королем и архиепископом, заключалась в том, что пекарю, который обслуживал его, было разрешено каждое утро заходить в зернохранилище и выбирать мешок пшеницы (*trigo fuerte*) весом пять с половиной бушелей и каждую неделю *кахуз* (3½ бушеля) *trigo candeal*, без оплаты, за исключением небольшой налог, известный как *murs y valls*— очевидно, на содержание городских укреплений. Он испек хлеб и раздал его чиновникам и тюрьме выделенными порциями, а то, что осталось, продал, показывая, что трибунал не только получал свою пшеницу безвозмездно, но и больше, чем ему

было нужно, с чьей-то выгодой. Сумма, должно быть, была значительной, поскольку пекари жаловались на недобросовестную конкуренцию со стороны привилегированного пекаря, и в 1609 году город попытался положить конец злоупотреблениям, но безуспешно. Этот вопрос затянулся до 1627 года, когда город получил королевский указ, отменяющий привилегию вывоза пшеницы, но в подчинении этому было отказано, поскольку он был издан без предварительного уведомления другой стороны и без хунты или конференции между Верховной властью и Советом Арагона. Затем город приказал пекарю больше не ходить в зернохранилище за пшеницей, и оскорбленный Супрема громко пожаловался королю, призывая его подумать о служении Богу и пострижении в инквизиторы и не допустить, чтобы эти святые труды были прерваны необходимостью лично отправиться в зернохранилище. На это Филипп ответил приказом соблюдать фуэрос, что было фактически подтверждением его седулы, но это, похоже, также было проигнорировано, поскольку в 1628 году мы обнаруживаем, что город снова пытается положить конец побочным злоупотреблениям при продаже излишков хлеба, а трибунал усердно занимается сбором свидетельских показаний, чтобы доказать, что это было публичным обычаем с незапамятных времен. Однако, доказывая это, компания также подсознательно доказала, насколько мошенническим было утверждение о том, что она нуждалась в пшенице из Арагона. [941]

Это коммерческое развитие инквизиции привело к тому, что она использовала свое освобождение от налогов и октройских пошлин, открыв магазины товаров первой необходимости, что вызвало ожесточенные ссоры с городами, доходы которых сократились, а законы демонстративно игнорировались. Среди ряда подобных случаев, зафиксированных в записях, серия событий в Сарагосе проиллюстрирует этот этап деятельности Святой Канцелярии. Большая часть местных доходов города поступала от монополии на вино, еду и провизию, и ни одному гражданину не разрешалось проносить эти товары за ворота. Альхаферия, занятая трибуналом, находилась в нескольких сотнях футов от стен; инквизиторы полагали, что они не связаны муниципальными правилами; они вносили в город все, что им заблагорассудится, и власти жаловались, что они содержали в Альхаферии общественный мясной рынок, таверну и магазин, где граждане могли свободно делать покупки, к бесконечному ущербу для государственных доходов. Корты 1626 года потребовали, чтобы дела были сведены к тому, что было до смуты 1591 года, когда в Альхаферии был размещен солдатский гарнизон, что дало начало прибыльной торговле, но Супрема предотвратил королевское подтверждение действий Кортов, и вопрос остался открытым. Это привело к беспорядкам, которые достигли апогея 21 сентября 1626 года, когда груз вина для трибунала при въезде в город был по закону изъят стражниками и доставлен в дом одного из хурадо, или городских советников. Инквизиторы немедленно разослали письма с требованием освободить его под страхом отлучения от церкви и выплаты тысячи дукатов. Хурадо, не теряя времени, сформировали компетенцию, которая, в соответствии с существующей Конкордией, была методом, предусмотренным для решения таких состязаний, но инквизиторы отказались участвовать в нем, утверждая, что никакой компетенции быть не может, поскольку это вопрос веры и препятствует инквизиции в выполнении ее функций. Они арестовали и заключили в тюрьму одного из охранников, несмотря на то, что у него были письма о манифестации от суда юстиции Арагона — разновидность хабеас корпус высшей привилегии в Арагоне, которая традиционно почиталась как палладиум народной свободы, — и на следующий день они схватили еще троих, которые также были манифестадос. Разгневанные магистраты обратились в Юстицию и к Дипутадос с просьбой силой освободить заключенных из тюрьмы Альхаферия, и

возникла угроза серьезных беспорядков. Губернатору Арагона, однако, удалось добиться признания себя арбитром обеими сторонами и временно успокоить их компромиссом о том, что повозка, мулы и вино должны быть доставлены ему, что пленники должны быть переданы через него городу и что обвинительные письма должны быть отозваны, и все это без ущерба для какой-либо из сторон. Он искренне написал королю, указывая на неминуемую опасность вспышки и необходимость решения, которое должно предотвратить подобные опасности в будущем; если допустить предположение, что подобные вопросы были вопросами веры, инквизиторы могли бы отказаться от всех компетенций, что аннулировало бы Конкордию и уничтожило королевскую юрисдикцию. Городские власти также обратились к нему, заявив, что инквизиторы отказались воздерживаться от дальнейших действий в ожидании его решения, и если эти претензии будут приняты, они не смогут выплатить ему предоставленную услугу. [942]

ПОСОЛИТЬ И ЗАПЕЧЬ В ДУХОВКЕ

Это привело к компромиссу, согласованному между Верховной властью и Советом Арагона, в соответствии с которым город обязался снабжать трибунал мясом, вином и льдом. Однако заставить инквизицию соблюдать договоры было невозможно. Возникли новые жалобы, на характер которых указывает указ Филиппа IV от 17 июня 1630 года, требующий от Верховного суда приказать инквизиторам соблюдать соглашение и не продавать какую-либо часть поставляемой провизии, а также прекратить торговлю, осуществляемую в некоторых маленьких домиках в Альхафери, где муниципальные надзиратели не могли их проверять. Результатом этого стало новое соглашение от 7 декабря 1631 года, согласно которому город купил за три тысячи *кронкаса де пенененсия*, или тюрьму для кающихся, и обязался содержать в ней магазины для продажи мяса и льда жителям Альхафери по действующим в городе ценам. [943]

Вероятно, это успокоило дело, но вскоре неугомонные инквизиторы устроили еще одно волнение. Солеварни Ремолиноса и эль-Кастельона принадлежали королевскому наследству и были переданы на откуп при условии, что никакая другая соль не будет продаваться или использоваться в Сарагосе и некоторых других местах под угрозой крупных штрафов. Для обеспечения этого были созданы комиссары, уполномоченные расследовать все подозрительные места, даже церкви не были исключением. В 1640 году один человек в городе был уличен в продаже соли и признался, что приобрел ее у садовника Альхафери. Комиссар Бальтазар Перальта отправился туда с писцом, и в домике садовника они нашли два мешка, один пустой, другой почти полный соли, с полпуда. Они объявили жене садовника о наказании и приступили к приведению его в исполнение обычным способом, конфисковав залоги — в данном случае трех лошадей. Инквизитор, за которым, несомненно, послали, пришел, когда они уводили лошадей, заставил их сдать лошадей и соль и сказал им, что они должны считать себя счастливыми, если их не бросят в тюрьму. Вслед за этим королевский адвокат-фискал Арагона Адриан де Сада доложил об этом случае королю, добавив, что стало известно, что кучер одного из инквизиторов продавал соль с солеварен Собраделя. Он указал, что, если бы служители инквизиции могли свободно продавать соль, а королевских чиновников отпугивали угрозами от расследования, доходы серьезно пострадали бы, поскольку никто не рискнул бы заниматься солеварнями, и он попросил инструкций, прежде чем прибегать к разбирательствам, которые могли бы нарушить общественный порядок, как это случалось в предыдущих случаях. Дело было передано на рассмотрение Арагонского совета, который

посоветовал королю издать повелительные распоряжения о том, чтобы инквизиторы не препятствовали выявлению мошенников и наказанию за них, поскольку их осведомленность никоим образом не относилась к Святой канцелярии. [944]

У трибунала Сарагосы был еще более длительный и ожесточенный спор с городом по поводу печи для выпечки Альхафери. Это принадлежало короне, и за некоторое время до 1630 года Филипп IV передал его в суд, который ссылался на бедность. Использование этой привилегии вскоре привело к конфликту с городом, но в соглашение от 7 декабря 1631 года было включено сложное соглашение, касающееся ее соблюдения, требующее от пекаря закупать не менее семидесяти бушелей пшеницы в месяц в общественном зернохранилище с определенными ограничениями относительно мест, где он мог закупать дополнительные запасы. В 1649 году мы случайно узнали, что печь была сдана в аренду за шесть тысяч реалов в год, а в 1663 году возник оживленный конфликт из-за того, что трибунал предоставил аренду, на которую не распространялись ограничения 1631 года. Затем снова, в 1690 году, беспорядки вспыхнули с новой силой, каждая сторона обвинила другую в нарушении соглашения. Для урегулирования были привлечены все органы власти, начиная с короля и вице-короля; существовали опасения насилия, но 1 мая 1691 года трибунал доложил Верховной раде, что компромисс был достигнут на удовлетворительных условиях. [945]

Независимый дух Арагона заставил его меньше страдать от меркантильных предприятий инквизиции, чем более покорный нрав Кастилии. В 1623 году в Толедо произошел вопиющий случай, связанный с мясной лавкой, созданной трибуналом в нарушение муниципальных законов. Его насильственные методы восторжествовали, и дон Луис де Паредес, алькальд де Корте, посланный туда для урегулирования этого вопроса, был опозорен за попытку обуздать его. Это вызвало энергичный протест Совета Кастилии, который смело заявил королю, что он не должен закрывать глаза на тот факт, что инквизиторы распространяют свои привилегии на вопросы, выходящие за рамки их компетенции, с таким ущербом для общественного блага, что они ставят себя выше законов, правительства и королевской власти, попирая судей, изымая оригиналы документов, заставляя их отменить свои праведные деяния, арестовывая своих должностных лиц и обращаясь с ними как с еретиками, потому что они выполняли свой долг. [946]

ИЗЪЯТИЕ ПРОВИЗИИ

При закупке провизии, будь то для потребления или продажи, помимо свободы от местных поборов, инквизиция имела еще одно преимущество, заключавшееся в применении методов принуждения к несговорчивым продавцам и игнорировании местных правил и запретов. Еще в 1533 году арагонцы в кордонах Монзона забили тревогу и подали петицию о том, чтобы городские уставы, когда не хватает хлеба и провизии, были обязательны для должностных лиц инквизиции, на что император дал двусмысленный ответ, на который обычно отвечают уклонением от утверждения.. [947] Важность этого подтверждается *хартией акордада* 1540 года, разрешающей трибуналам добывать пшеницу в деревнях для своих должностных лиц и заключенных и, если вмешаются местные судьи, принуждать их к отлучению от церкви. Тем не менее, инквизиционное рвение в использовании этого разрешения иногда переходило границы дозволенного, и в том же году Верховный суд имел случай сделать выговор трибуналу, который издал приказ снабдить его пшеницей под страхом ста ударов плетью, поскольку ему было сказано, что, вынося такие внесудебные приговоры, он выходит за рамки своей юрисдикции.

[948] Насколько мужественно сама Супрема преодолевала все подобные угрызения совести, стало очевидно, когда законы о максимальных ценах и большие скидки на поддельные монеты веллона, являющиеся законным платежным средством, лишили владельцев товаров желания расставаться с ними по законным расценкам. 14 февраля 1626 года он издал своему алькальду Педро де Салазару приказ отправиться в любые места в окрестностях и наложить эмбарго на овец и все остальное, что он сочтет необходимым для содержания домашних хозяйств генерального инквизитора, членов и должностных лиц, выплачивая, следовательно, по установленным законом ставкам, для осуществления чего он был уполномочен обратиться за помощью ко всем королевским судьям, которые должны были оказать всю необходимую помощь под страхом серьезного отлучения от церкви с *запоздалой сентенцией* и пятисот дукатов. Итак, 11 апреля 1630 года Салазару было приказано отправиться в любую точку королевства и захватить шесть бушелей пшеницы в виде печеного хлеба для тех же домохозяйств, заплатив за это по установленной цене, и все официальные лица, светские, церковные и инквизиторские, были обязаны помогать ему под тем же наказанием. [949] Это был организованный налет на все пекарни Мадрида, и Салазар был более щепетильным, чем средний чиновник того времени, если он не заработал ни копейки честным путем, принимая хлеб за свой счет по законной цене и продавая его по текущей. [950]

Трибунал Валенсии пользовался еще одной привилегией в важном вопросе о соли, королевская монополия на которую делала ее столь дорогостоящей для обычного потребителя. Каждый год трибунал издавал приказ фермерам соляных заводов, предписывающий им под страхом отлучения от церкви и выплаты пятидесяти дукатов доставить получателю конфискации двенадцать кагизов (около сорока двух бушелей) очищенной соли по цене восемь реалов кагиз, и под тем же наказанием были вызваны должностные лица таможни, которые должны были пропустить ее без задержания или неприятностей для служения Богу. Соль была должным образом распределена между чиновниками по этой тривиальной цене, каждый инквизитор получал по четыре бушеля, а посланники получали две трети бушеля, и даже чиновники *jubilado* получали свою порцию. Когда и как это возникло, неизвестно; в 1644 году оно, по-видимому, было установлено по старинке и продолжалось до 1710 года, когда новая династия внезапно положила ему конец. Совет Гасиенды доложил об этом королю, как о только что обнаруженной новинке, указав, что восемь реалов были меньше стоимости транспортировки от завода к журналам; что производство было монополией *regalías*, и взимаемая цена ни в коем случае не была налогом или обманом, а регулировалась потребностями национальной обороны; что ни один другой суд в Испании, светский или церковный, не предъявлял такого требования, в то время как публикация порицаний королевским чиновникам была опасна в те катастрофические времена. Это возбудило Филиппа, который приказал срочно принять меры. Верховный суд больше не осмеливался возражать или протестовать, но немедленно написал в Валенсию, выражая свое удивление; требование должно быть немедленно отозвано; если какие-либо порицания были опубликованы, они должны быть отменены, и никакая подобная демонстрация не должна была проводиться без предварительной консультации. [951]

Было бы излишним приводить дополнительные примеры того, как трибуналы злоупотребляли своей властью ради незаконных прибылей и выгод, и мы легко можем представить себе раздражение, вызванное таким образом, даже среди тех, кто наиболее ревностно относился к искоренению ереси.

РАСКВАРТИРОВАНИЕ ВОЙСК

Немногие из привилегий, на которые претендовала инквизиция, вызвали больше споров, чем ее требование освободить всех, связанных с ней, от расквартирования войск и предоставления *багажа* или вьючных животных для транспортировки. Этот предмет имеет второстепенное значение, но он представляет собой настолько типичную иллюстрацию методов расследования, что заслуживает более детального рассмотрения. При старой монархии *янтарь* или *право собственности*, или право на свободные помещения, было невыносимым бременем. Почти каждый кортес Леона и Кастилии, начиная с XII века, энергично жаловался на это, поскольку оно применялось не только королевским двором в его непрекращающихся странствиях, но знатью и другими лицами, которые могли обеспечить его соблюдение, и это сопровождалось грабежами всякого рода, в то время как наложение ареста на вьючных животных было связанным с этим злоупотреблением, и даже земли Церкви не были исключением. [952] Более независимые арагонцы не желали подчиняться ему, и фуэро Алеанисских кортов в 1436 году при условии, что придворные и последователи короля должны платить всем христианам, в домах которых они проживали. [953] Когда инквизиция была основана и в значительной степени находилась в странствиях, ее чиновники, по-видимому, требовали бесплатных помещений, поскольку пункт в Инstrukциях 1498 года предусматривает, что там, где был учрежден трибунал, они должны были платить за проживание и предоставлять свои собственные кровати и предметы первой необходимости. [954] Во время путешествий указ Фердинанда от 21 октября 1500 года, повторенный в 1507, 1516, 1518, 1532 и 1561 годах, предусматривал, что они должны иметь бесплатное жилье и кровати с едой по умеренным ценам. [955] Частое повторение этого указывает на то, что это вызвало противодействие, и в 1601 году, когда инквизитору Валенсии было приказано немедленно отправиться с визитом в Тортосу, ему было приказано не притеснять город, требуя бесплатных помещений, а благопристойно поселиться в монастыре или в доме какого-нибудь чиновника. [956]

Однако обставлять свободные помещения было совсем не то же самое, что наслаждаться ими. Старые злоупотребления постепенно исчезли с появлением постоянных жилищ для королей и трибуналов, но изменения в военной организации с появлением постоянных армий породили другие, которые, хотя и были более редкими, но и более репрессивными, — расквартирование войск. Когда Людовик XIV прибегнул к *драгоннадам* — четвертованию драгунами семей гугенотов — в качестве эффективного средства принуждения к обращению, это показывает, насколько жестоким было нанесение ущерба. Непосредственной причиной восстания в Каталонии в 1640 году были бесчинства, совершенные войсками, расквартированными на зиму в местах, недостаточных для их поддержки, кульминацией которых стало сожжение церковью Риу-де-Аренас и Монтиро. [957] Резня французских войск на службе Филиппа V в Сарагосе 28 декабря 1705 года имела то же происхождение. [958]

Поскольку жалование испанским армиям обычно задерживалось, а система комиссариатов была несовершенной, можно понять, насколько ценной была привилегия освобождения от приема этих незваных гостей и предоставления им транспорта после их отъезда. Во время войны с Португалией в 1666 году Галисия пострадала так серьезно, что, как нам рассказывают, рота кавалерии стоила своему капитану выкупа в две тысячи дукатов от возмущения. [959] То, что инквизиция должна требовать такого освобождения, было ожидаемо, поскольку это была

одна из привилегий идадьго, но самый ранний намек на это, который я встретил, встречается в 1548 году, когда генеральный инквизитор Вальдес приказал, чтобы в домах, занимаемых инквизиторами или чиновниками, не выдавались постельные принадлежности, даже если это не их собственные или во время их отсутствия, поскольку их одежда была в них. [960] Какими полномочиями он обладал, чтобы отдать такой приказ, сказать может быть трудно, но это указывает на то, что освобождение было нововведением, и, поскольку оно относится только к наемным чиновникам, из этого следует, что многочисленные безработные не имели права на эту привилегию, что дополнительно подтверждается тем фактом, что в Кастильской Конкордии 1553 года, регулирующей исключения для приближенных, нет никаких упоминаний о размещении на постой. Действия Вальдеса, однако, уладили вопрос с точки зрения наемных чиновников, и даже арагонские суды 1646 года, которые значительно ограничили притязания инквизиции, признали, что у них были те же привилегии, что и у идадьго. [961]

РАСКВАРТИРОВАНИЕ ВОЙСК

Решительность, с которой это было приведено в исполнение, видна на примере дела 1695 года, когда инквизитор Барселоны Санс-и-Муньос пригрозил городским советникам Манллеу отлучением от церкви и штрафом в двести либр, если они выделяют помещение в загородном доме, принадлежащем главе инквизиции, хотя он был занят крестьянином, который работал на земле. Советники обратились за защитой в Audiencia, или королевский суд, который предложил инквизитору урегулировать дело мирным путем в установленной форме компетенции, но он отнесся к этой попытке с таким презрением, что немедленно выдал второй мандат, предусматривающий те же наказания, и вызвал советников предстать перед ним как понесших их. Аудиенция предприняла еще одну попытку умиротворения, на что он ответил, что предлагает немедленно объявить членов совета публично отлученными от церкви. Вслед за этим каталонские депутаты энергично протестовали королю по поводу того, что, в то время как весь остальной народ был патриотически сплочен в оказании помощи войне, а дворянство добровольно отказалось от своей привилегии освобождения, чиновники и приближенные инквизиции возбуждали беспорядки в своих попытках распространить льготы на тех, кто не имел на это права. [962]

Главная проблема возникла с чиновниками, не получавшими жалованья, особенно с многочисленными приближенными, которые не имели права на освобождение. Трибунал Барселоны, похоже, положил этому начало, поскольку одна из жалоб, поданных де Сото Салазару во время его посещения в 1567 году, заключалась в том, что инквизиторы запретили расквартировывать солдат в домах фамильяров; в своем отчете он предположил, что это следует делать при необходимости, и Арагонская конкордия 1568 года последовала этой идее, запретив инквизиторам поддерживать фамильяров в отказе принимать приставленных к ним людей, когда не было других домов для их приема. [963] Очевидно, не было признанного освобождения, но предпринимались постоянные усилия по его установлению, в то время как фамильяры жаловались, что ненависть, испытываемая к ним, привела к тому, что их угнетали билетами, когда другие выходили на свободу. Чтобы исправить это, Филипп II в седле от 21 февраля 1576 года распорядился, чтобы в отношении них не допускалось никакой дискриминации, но чтобы они были поставлены в равные условия с юстициями и регидорами, которые не были призваны обставлять помещения до тех пор, пока не будут заняты все остальные дома. Жалобы продолжались, и 22 февраля 1579 года он сделал шаг вперед, постановив, что в течение трех лет в городах с числом очагов свыше пятисот фамильяры

должны быть освобождены от размещения на постой и перевозки мебели; в небольших городах половина должна быть освобождена, а там, где был только один, он должен быть освобожден. Это правило часто продлевалось на три года подряд и так же часто упускалось из виду, но это мало что меняло, поскольку опытный инквизитор сказал нам, что оно всегда считалось действующим, и, когда фамильяр жаловался на увольнение, трибунал выдавал мандат, предписывающий освободить его в течение трех часов под страхом штрафа в размере 100 000 мр.; если освобождение было в силе, копия седулы включалась в мандат, если это не так, она все еще цитировалась как существующая в архивах трибунала. [964]

Было мало вопросов, которые вызывали еще большую ссору, чем этот. Обе стороны были беспринципны; эта привилегия вызывала недоброжелательство, власти по возможности обходили ее стороной, а трибуналы были заняты защитой своих приближенных с помощью обычного насилия. Наконец, в 1634 году Филипп IV сослался на потребности государства в качестве причины для отмены всех льгот — меры, которую он был вынужден повторять неоднократно. [965] Поэтому несколько примечательно, что, когда кортам Арагона в 1646 году удалось значительно урезать привилегии приближенных, они были включены вместе с наемными чиновниками в освобождение от заготовок. Это не принесло им особой пользы, поскольку нам сказали, что в результате изменений, произведенных Кортами, страх, испытываемый перед инквизицией, был настолько сильно уменьшен, что ее чиновники не церемонились с ней; что среди фамильяров было выделено два или три солдата, расквартированных при них, и когда они жаловались, трибунал не отважился на большее, чем поручить своему комиссару использовать убеждение. [966] Каталонии повезло меньше, и раздоры продолжались с обычным ожесточением. Будучи приграничной провинцией, во время войны она была оккупирована войсками, и там было много возможностей для трений. В 1695 году дипутадо жаловались, что, поскольку единственным способом избежать увольнения было стать фамильяром, многие назначали сами, хотя их уже было неисчислимое множество, и что даже когда местные магистраты были вынуждены принимать солдат, фамильяры отказывались, пренебрегая королевскими приказами. [967]

РАСКВАРТИРОВАНИЕ ВОЙСК

Война за престолонаследие вызвала новые потребности, и смена династии была неблагоприятна для инквизиции в этом, как и во многом другом. Королевский указ от 11 февраля 1706 года отменил все исключения, но, в качестве одолжения инквизиции, четверо из ее должностных лиц были освобождены от должности в городах и двадцать — в городах, где заседали трибуналы. Верховный суд принял это с радостью, но, когда указом от 19 января 1712 года были отменены все исключения, он выразил протест, и ему сказали, что, хотя король признает претензии инквизиции на все привилегии, предоставленные его предшественниками, существующая срочность требует отмены всех исключений, и, поскольку закон абсолютен, он не может делать исключений. Хотя это касалось наемных чиновников, похоже, что громче всех жаловались знакомые; возможно, теперь, когда суды больше не могли их защищать, они подвергались особой дискриминации. Однако это был вопрос денег, а не трудностей, поскольку была разработана система распределения, в соответствии с которой, выплачивая *cuartel* или *utensilio* — взнос, пропорциональный богатству человека, — можно было избежать получения контракта. [968] Когда был принят закон о неотложной помощи в связи с

непосредственной опасностью, эти указы были либо отменены, либо устарели. Требование об освобождении от ответственности возродилось, а вместе с ним и активные усилия трибуналов по защите тех, чьи исключения были проигнорированы, и наказанию должностных лиц, которые их проигнорировали. [969]

В 1728 году Филипп V предпринял благонамеренную попытку облегчить угнетение бедных, исходящее от многочисленных классов чиновников, которые требовали освобождения от общего бремени, включая расквартирование войск. Что касается фамильяров, говорит он, которые все требуют освобождения от ответственности и вызывают беспорядки, нападки на местных судей с отлучением от церкви и другими наказаниями, а также бессрочными полномочиями, то все это должно прекратиться. Тем не менее, он признает их исключение и настаивает только на том, что оно должно быть ограничено числом, разрешенным Конкордией 1553 года; это ограничение никогда не соблюдалось, и инквизиторы назначили большое количество сверх этого, несмотря на постоянные протесты, и теперь Филипп приказал, чтобы трибуналы не выдавали свидетельства на большее количество, чем предусмотрено законом, и не возбуждали дела против местных магистратов. [970] Как обычно, королевские приказы были проигнорированы. Трибунал Валенсии пригрозил отлучением от церкви и штрафом магистратам Хативы и Сан-Матео по просьбе некоторых фамильяров, у которых были расквартированы солдаты, и, узнав об этом, Филипп обратился к Верховному судье в 1729 году, заявив, что записи показывают, что фамильяры не имели права на освобождение; даже если бы это было так, трибунал превысил свои полномочия, применив грубые методы вопреки королевским указам. Не должно быть никакой компетенции; трибунал Валенсии должен быть уведомлен о том, что он не должен выходить за рамки своей юрисдикции, а сам Верховный суд должен выполнять королевские приказы. После месячной задержки Супрема переслал королевское письмо в Валенсию, угрюмо приказав трибуналу доложить, что можно сделать, и больше не действовать без приказа. [971]

В течение двух столетий инквизиция привыкла подчиняться королевским указам или пренебрегать ими по своему усмотрению и тиранить местные власти. От этой привычки нелегко было избавиться, и было трудно приспособиться к новому порядку вещей. Формуляр примерно 1740 года содержит письмо, которое должно быть отправлено магистратам с выдачей разрешений на фамильяров, составленное в старыхвысокомерных и безапелляционных выражениях и угрожающее отлучением от церкви и штрафом в двести дукатов. Фамильяры, говорится в нем, не должны предоставлять помещения и вьючных животных, за исключением случаев крайней необходимости, когда не допускается никаких исключений, и предполагается, что это соответствует королевским указам, включая последний от 3 ноября 1737 года. [972] Я не могу найти никаких следов указа 1737 года, и мы можем предположить, что именно это упорство инквизиции побудило Филиппа в 1743 году переиздать свой указ 1728 года с выражением сожаления по поводу его несоблюдения и последовавших за этим катастрофических результатов; он добавил, что, когда домов не освобожденных было недостаточно для расквартировав войска, они могли бы быть расквартированы у идальго и знати. [973]

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Инквизиция все еще придерживалась своих требований, но Карлос III научил ее отказаться от своего обвинительного стиля. Когда в 1781 году власти Кастельон-де-ла-Плана разместили войска в фамильярах, трибунал Валенсии применил более разумный метод убеждения генерал-

капитана в том, что их следует причислить к идалго, и он издал соответствующие приказы. Это не понравилось Карлосу III, который отклонил требование об освобождении, отдав императивный приказ о том, что фамильяры Кастельон-де-ла-Плана должны подчиняться местному правительству в вопросах заготовок и что никаких изменений не должно быть, пока он не отдаст дальнейших приказов. [974]

Казалось бы, в принципе это отменяет все требования об освобождении от ответственности, но испанское упорство по-прежнему оставалось неизменным, и в 1800 году, когда Хосе Порис, знакомый Альсиры, пожаловался, что губернатор разместил у него офицера полка Сагунто, трибунал Валенсии принял меры для его освобождения. [975] Однако времена были неблагоприятными для привилегий, и в 1805 году генерал-капитан Каталонии разослал циркуляр по всем городам, в котором говорилось, что фамильяры не являются исключением. Соответственно, магистраты вынудили их предоставить помещения и вьючных животных, и, когда трибунал подал жалобу генерал-капитану и представил доказательства в поддержку своих требований, он ответил указами 1729 и 1743 годов, которые, как он предполагал, отменили освобождение, и он продолжал принуждать фамильяров. Тот же процесс происходил в Валенсии, и когда этот трибунал обратился в Барселону за информацией и узнал результат, он приказал своим знакомым подать протест. Затем последовал королевский указ от 20 августа 1807 года, строго ограничивающий те исключения, которые все еще были разрешены; последовало наполеоновское вторжение, и при Реставрации я не встретил никаких следов их выживания. [976]

Еще одной привилегией, которая вызывала бесконечные споры, было право должностных лиц и приближенных носить оружие, особенно запрещенное. Это был вопрос, который в средние века в высшей степени затруднял цивилизаторские усилия законодателей, в то время как полномочия инквизиторов выдавать лицензии на ношение оружия в нарушение муниципальных законов были источником немалых проблем, особенно в итальянских городах. [977] Необходимость ограничений ради общественного спокойствия особенно остро ощущалась в Испании, где народный темперамент и чувствительность к *пандонору* были особенно провоцирующими на смертельные распри. [978] Было бы невозможно перечислить бесконечную серию указов, которые сменяли друг друга с ошеломляющей быстротой и повторение которых в самых разнообразных формах убедительно показывает, как мало на них обращали внимания и как мало они действовали. Особая энергия была направлена против *armas alevosas*— коварного оружия, которое могло быть скрыто при человеке. В Каталонских кортах 1585 года Филипп II осудил аркебузы, огнеметы и особенно маленькие, известные как пистолеты, как недостойные названия оружия, как коварное оружие, бесполезное на войне и провоцирующее убийства, которое причинило большой ущерб Каталонии и было запрещено в других его королевствах. Поэтому их запрещалось не только носить, но даже владеть дома и тайно, и против этого не должны были применяться никакие привилегии, будь то военного сословия, чиновников или приближенных инквизиции или по разрешению короля или генерал-капитана, под страхом наказания для лиц благородной крови в виде двух лет ссылки, для плебеев - двух лет галерной службы, а для французов или гасконцев смертной казни без права смягчения какой-либо властью. Три ладони, или двадцать семь дюймов ствола, были минимальной длиной, разрешенной для огнестрельного оружия в Каталонии, и четыре ладони в Кастилии. Филипп IV в 1663 году даже запретил изготовление пистолетов и лишил льгот и фуэро

тех, кто их носил, в то время как что касается кинжалов и кинжалов, Филипп V в 1721 году пригрозил тем, кто их носил, шестью годами президентства для дворян и шестью годами галер для простолюдинов. [979]

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Эти образцы многочисленного законодательства, направленного против оружия всех видов, позволяют нам оценить, насколько высоко ценилась привилегия его ношения. В эпоху насилия это было необходимо для защиты и было столь же желанным, как и предоставление возможностей для совершения преступлений. То, что инквизиция требовала этого для тех, кто состоял у нее на службе, было неизбежно, и у нее было оправдание, по крайней мере в более ранний период, что существовала опасность в аресте и транспортировке заключенных и во вражде, которую она провоцировала, хотя эта последняя опасность была намного меньше, чем она обычно утверждала. Более того, были хорошо известны старые правила, согласно которым никаким местным законам не разрешалось вмешиваться в такие привилегии, [980] и инквизиция едва была учреждена в Валенсии, когда возник вопрос из-за отказа местных властей разрешить министрам носить оружие. Фердинанд быстро решил этот вопрос в свою пользу, издав приказ от 22 марта 1486 года о выдаче лицензий всем, кого инквизиторы могут назвать, поскольку еще не пришло время, когда инквизиторы сами выдавали лицензии. [981] Вероятно, возникли жалобы на злоупотребление привилегией инструкций 1498 года, которые в основном были мерами реформы, при условии, что в городах, где ношение оружия запрещено, ни один чиновник не должен носить его, за исключением случаев сопровождения инквизитора или альгуазиля. [982] Как указано в этом, политика по данному вопросу не была согласована и оставалась таковой некоторое время. 14 ноября 1509 года Фердинанд приказал, чтобы служители сицилийской инквизиции не лишались оружия; 2 июня 1510 года он поблагодарил трибунал Валенсии за то, что его должностные лица должны ходить без оружия, ибо, по милости Божьей, сейчас нет никого, кто препятствует инквизиции или сопротивляется ей, а если бы и был, королевские чиновники или он лично позаботятся об этом; затем, примерно через три месяца, 28 августа, он написал губернатору Валенсии, что наемные должностные лица трибунала, их слуги и сорок приближенных они должны были пользоваться всеми прерогативами Священной канцелярии и не должны были быть лишены своего оружия. [983]

Мы видим во всем этом следы общего народного сопротивления освобождению должностных лиц инквизиции от действия законов, запрещающих ношение оружия. Это было вызвано трудностью предотвращения неограниченного использования исключений посторонними лицами, что привело к тому, что Каталония в Конкордии 1512 года предусмотрела, что должностные лица, носящие оружие, могут быть разоружены, как и другие граждане, если они не смогут предъявить свидетельство трибунала, и, кроме того, что число приближенных для всего княжества должно быть сокращено до тридцати, за исключением случаев необходимости. [984] Хотя это Соглашение не соблюдалось, генеральный инквизитор Меркадер в своих инструкциях от 28 августа 1514 г. признал необходимость таких правил, запретив выдачу лицензий на ношение оружия; сократив чрезмерно возросшее число фамильяров до двадцати пяти в Барселоне и по десять в Перпиньяне и других городах, разрешив разоружение тех, кто не мог предъявить оружие. сертификаты и пытаясь пресечь мошенничество при выдаче этих сертификатов, требуя от них клятвы не делать этого и ведения списков, по которым их можно было бы идентифицировать. [985]

Право вооружать своих приближенных, присвоенное таким образом инквизицией, ни в коем случае не было неоспоримым. Мы видели, как императрица Изабелла, находясь в Валенсии в 1524 году, приказала отобрать у них оружие и сломать, что вызвало протест со стороны генерального инквизитора Манрике, который утверждал, что это привилегия, которой пользуются со времен введения инквизиции. Несмотря на это, Карл V седuloй от 2 августа 1539 года приказал инквизиторам запретить использование оружия приближенными. [986] Этот вопрос оставался предметом споров еще несколько лет. В 1553 году по этому поводу возникли разногласия между трибуналом Валенсии и местными властями, но Конкордия 1554 года безоговорочно признала это право. [987]

К этому времени, по сути, это было общепризнано, но это, вместо устранения причины разногласий, только усилило и умножило их. Вряд ли можно было считать, что право на ношение оружия включает оружие, которое было запрещено для всех общими правилами, однако власти не обладали юрисдикцией над фамильярами для обеспечения его соблюдения. Таким образом, когда в 1562 году были запрещены кремневые аркебузы и вице-король Валенсии включил фамильяров в прокламацию по этому вопросу, Филипп II призвал его к ответу, сказав, что приказ должен исходить от инквизиторов, и в 1575 году он повторил это вице-королю Каталонии. [988] Верховный суд мог бы решить, что фамильяры были включены в запретительные указы и что инквизиторы должны издавать необходимые приказы, как это было в 1596 году в отношении одного из них, касающегося кинжалов, а в 1598 году - другого, запрещающего использование огнестрельных замков и пистолетов по ночам, [989] но у трибуналов не было полиции для обеспечения выполнения этих приказов, и, когда светские власти обязались это сделать, инквизиторы поспешили возмутиться этим, в своей обычной манере, как нарушением иммунитетов Святой Канцелярии.

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Еще более неприятным был тот факт, что было невозможно заставить инквизиторов уважать ограничения, налагаемые Конкордиями на количество приближенных, и, следовательно, подчиняться правилу предоставления их списков властям, чтобы они могли быть известны. Назначения производились с огромной расточительностью, превышающей все возможные потребности, и без уведомления магистратов — часто, действительно, без ведения записей в архивах. Фамильяр мог иметь при себе доказательства своего официального статуса, а мог и не иметь, но независимо от того, делал он это или нет, его арест или разоружение вызывали бурное негодование, и обычный гражданин, уличенный в правонарушении, был склонен утверждать, что он фамильяр, в надежде на освобождение. Насколько раздражающей была ситуация для гражданских властей, можно понять из случая, произошедшего в Барселоне в 1568 году. Полицейский во время своего ночного обхода арестовал Франко Фуа, которого обнаружил вооруженным кольчугой, мечом, щитом и кинжалом. Преступник заявил, что является фамильяром, и вестер послушно передал его в руки трибунала. Он оказался таковым, но вместо того, чтобы вернуть его, инквизиторы оштрафовали его на сорок четыре реала в свою пользу (предположительно, в качестве наказания за то, что он выдавал себя за должностное лицо) и вернули ему конфискованное оружие. [990] Когда законы таким образом открыто игнорировались, условия были в высшей степени благоприятными для ссор, даже без жестокой взаимной вражды, повсеместно существовавшей между трибуналами и гражданскими властями; столкновения были соответственно частыми и велись до победного конца.

Было бы утомительно множить случаи, иллюстрирующие различные фазы этих распрей, которые привлекали внимание короля и его советов при их урегулировании. Одного этого будет достаточно, чтобы показать, в каком духе они велись с обеих сторон. В 1620 году по приказу трибунала Валенсии, действующего в своем светском качестве, а не по вопросам веры, комиссар в Хативе арестовал человека и отправил его в Валенсию под обычной охраной нескольких приближенных. Один из них по имени Хуан Лопес, вооруженный запрещенным кремневым замком, перевозил его 23 февраля, когда в Катаррохе, примерно в лиге от города, несколько вооруженных альгуасилей, состоящих на службе у доктора Педро Хуана Рехоля, судьи по уголовным делам Аудиенции, арестовали его, отобрали оружие и доставили в дом доктора Рехоля. Не обращая внимания на его документы, Рейоль сказал ему, что он не может быть освобожден без внесения залога за то, чтобы явиться к вице-королю, и, поскольку он не смог его предоставить, его передали в качестве заключенного местным судьям. Узнав об этом событии, инквизиторы обратились к регенту Аудиенции, который приказал освободить Лопеса, что и было осуществлено, и Рехоль посетил трибунал, признал, что совершил ошибку, и пообещал в будущем соблюдать все необходимое уважение. Несмотря на это, инквизиторы продолжали судить его за препятствование инквизиции, приказали ему содержать свой дом в качестве тюрьмы под страхом штрафа в триста дукатов и бросили в тайную тюрьму как еретиков четырех альгуасилей, которые произвели арест. Когда Рейолю было вручено уведомление об этом, он возразил, что инквизиторы не являются его судьями и что он подаст апелляцию, после чего ему было причинено дополнительное унижение в виде размещения двух охранников в его доме с приказом не спускать с него глаз.

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Это привело к кризису. Вице-король собрал в своем дворце все три *salas* или отделения Audiencia, где этот вопрос был всесторонне обсужден, и было решено освободить Рехоля и удерживать двух охранников в качестве заложников для заключенных альгуасилей. В 2 часа ночи доктор Морла отправился с алебардщиками, предоставленными вице-королем, схватил охранников, надел на них наручники и отвел Рехоля к его братьям судьям. В то же время судебный писец был отправлен к инквизитору Салазару с сообщением от вице-короля о том, что, поскольку преступление не касалось вопроса веры, Рейоль может быть привлечен к судебной ответственности только королем; если инквизиция сочтет иначе, может быть сформирована компетенция; аудиенция решила, что Рейоль и альгуазилы должны быть освобождены, а стража задержана до тех пор, пока это не будет сделано. Переписчик также подавал апелляционную петицию папе римскому или тому, кто был судьей, и требовал *апостолов* или писем на этот счет. На это Салазар письменно ответил, что аресты были произведены по делам, относящимся к делам веры и зависящим от них, в которых инквизиция обладала исключительной юрисдикцией и не могла признавать никакой компетенции; он больше ничего не мог сказать о причине арестов, не нарушая тайны инквизиции и не навлекая на себя отлучения, и он умолял вице-короля не вмешиваться в дело, столь важное для служения Богу и королю. В 4 часа утра писец вернулся с этим ответом туда, где его ждали вице-король и судьи. При волшебном слове “вера”, каким бы мошенническим способом оно ни использовалось, всякое противодействие исчезало. К шести часам доктор Морла отвез Рейоля обратно в его дом и сменил охрану, и в то же время писец принес инквизиторам записку от вице-короля, в которой говорилось, что, поскольку они подтвердили, что это вопрос веры, Аудиенция восстановилась в прежнем состоянии, и он предложил не только не препятствовать инквизиции, но оказать ей всяческую помощь и благосклонность.

Таким образом, дело было передано в суд, где Верховный суд, с одной стороны, и Совет Арагона - с другой, боролись за благоприятное решение Филиппа III. Первый, очевидно, чувствовал слабость утверждения о том, что речь шла о вере, но утверждал, что любое противодействие инквизиции наделяет ее юрисдикцией, и Алиага, в своем двойном качестве генерального инквизитора и королевского духовника, добавил горькую жалобу на то, как инквизиция подвергалась злоупотреблениям и жестокому обращению. На это король ответил, что он хотел бы, чтобы к этому делу отнеслись с обычной умеренностью и милосердием Святой Канцелярии, тем более что это не было прямым вопросом веры, и какой бы приговор Верховный Суд ни вынес Реолу и другим обвиняемым сторонам, он должен быть представлен ему до опубликования. Кроме того, он приказал сформировать хунту из двух членов Верховного совета и Совета Арагона в составе каждого и разработать план предотвращения будущих разногласий. Это предполагало вину Реоля и присудило победу Верховному суду, но оно не было удовлетворено и представило консультацию, представляющую опасное состояние трибунала Валенсии, которое требовало наказания преступников в качестве предупреждения, но Филипп просто повторил свое прежнее решение. [991]

Какова была судьба Режоля, мы не имеем возможности узнать, но его карьера, очевидно, была разрушена, каким бы ни было проявленное так называемое милосердие. Что касается опасного положения трибунала, на котором настаивает Супрема, то оно, по-видимому, изложено в Петиции синдика Коллегии фамильяров от 25 февраля 1616 года, в которой он жалуется на аресты и жестокое обращение и просит трибунал принять доказательства по этому вопросу. Соответственно, так и было сделано, но, хотя свидетельств о существовании неприязни к фамильярам было достаточно, по сути, это сводилось лишь к тому, что ночью у них отобрали кинжалы и щиты, которые были запрещенным оружием, и, похоже, что в результате не было предпринято никаких действий. Жалобы продолжались, и в другой петиции от 30 октября 1626 года содержалась просьба направить посланника к Верховному правителю, расходы по которой фамильяры возьмут на себя, поскольку, если не будет оказано какое-либо облегчение, они уйдут в отставку всем составом, поскольку их положение только подвергало их несправедливости и оскорблениям, а их привилегии сводились на нет. [992]

Сложность обеспечения соблюдения законов в отношении людей усугублялась привилегиями, на которые претендовали фамильяры. Они ни в коем случае не были мирным народом, и непривилегированный класс, естественно, считал затруднительным ограничиваться использованием мечей, когда эти дворяне были вооружены гораздо эффективнее. Верховная власть, как правило, поддерживала своих сателлитов. В течение десяти лет, начиная с 1574 года, в Арагоне сопротивлялись применению к фамильярам королевского указа о запрете ношения запрещенного оружия ночью, хотя Арагонская Конкордия 1568 года предусматривала, что фамильяры должны подчиняться законам, касающимся оружия, и что инквизиторы не должны защищать их в случае нарушений. Члены всех королевских советов были вовлечены в обсуждение, как будто это было самое важное государственное дело, и только в 1584 году Верховный суд был вынужден издать необходимые приказы, которые он был вынужден повторить в 1592 году. [993]

Другая иллюстрация его позиции прослеживается в отношении очень строгой прагматики в отношении применения огнестрельного оружия, изданной Филиппом III 14 марта 1613 года, в которой простое применение оружия объявлялось тяжким преступлением, независимо от того, наступала смерть или нет. Он отменял все привилегии и изъятия и предоставлял королевским

судам полную юрисдикцию в подобных случаях, и все это было принято, а его соблюдение предписано Верховной Властью. Это встретило такое скудное послушание, что Совет Арагона в консультациях от 31 июля 1632 года обратил внимание короля на зло, связанное с освобождением фамильяров, и предположил, что им не следует разрешать отклонять юрисдикцию судов за преступления, совершенные с применением огнестрельного оружия. Несомненно, из-за противодействия Верховного суда только 30 сентября 1633 года Филипп IV в седуле, адресованной вице-королю Валенсии, приказал, чтобы с согласия Советов Арагона и инквизиции строго соблюдалась прагматика 1613 года, согласно которой все исключения были запрещены, а правонарушители подлежали суду и наказанию королевскими судами; инквизиция должна отказаться от всех незавершенных дел, и дела должны быть доведены до конца Аудиенцией. Верховный суд, должно быть, неохотно согласился на это, поскольку ему пришлось потрудиться с колеблющимся монархом, и 8 ноября он написал письмо об отзыве седулы и приказал приостановить рассмотрение всех дел в суде. Несколько недель спустя он поддался другим влияниям и аннулировал последнее письмо, но добавил, что его приказы от 30 сентября должны выполняться беспристрастно, поскольку инквизиция жаловалась, что они применяются только против ее должностных лиц, и в таком случае он снова предоставит ей полную свободу действий. 27 декабря Супрема отправил это в трибунал Валенсии с официальными инструкциями подчиниться ему, но добавил конфиденциальное письмо, в котором говорилось, что не будут ослаблены усилия убедить короля вернуть им все подобные дела; тем временем от Совета Арагона было получено соглашение о том, что все приговоры Аудиенции должны передаваться ему до приведения в исполнение, и трибунал должен внимательно следить за ними и присылать такие отчеты, которые позволили бы Супреме добиться благоприятного решения по ним. [994]

За эту бесконечную борьбу, за обычное пренебрежение законами со стороны приближенных, в первую очередь был ответственен Верховный. Оно было прекрасно знакомо с бесчисленными указами, определяющими запрещенное оружие и запрещающими ношение его после наступления темноты; оно молчаливо соглашалось, по крайней мере, внешне, с передачей этих преступлений королевским судам, и все же оно поощряло знакомых в вере, что оно обладает властью отменять все законы и может предоставить разрешение на их нарушение. Формула поручения, которое было выдано фамильярам, содержала пункт, предоставляющий им полную свободу носить оружие, наступательное и оборонительное, публично и тайно, днем или ночью, и предписывающий всем светским чиновникам воздерживаться от вмешательства в их дела в силу святого послушания и под страхом отлучения от церкви и выплаты пятидесяти тысяч мараведов на расходы Священной Канцелярии. [995] Оно не могло быть более полным или недвусмысленным; нет никаких исключений в отношении характера оружия или намека на юрисдикцию в этих делах, предоставленную королем королевским судам. Когда одна ветвь власти таким образом решительно противопоставляла себя суверену и поощряла своих подчиненных к сопротивлению законам и официальным властям, мир был невозможен, а конфликты неизбежны. Тем не менее, незаконность всего этого была признана, когда в 1634 году фамильяры Валенсии провели собрание, чтобы оценить себя на предмет пожертвования королю в обмен на привилегию носить оружие, и Супрема поручил трибуналу помочь движению, и снова, когда в 1638 году они безуспешно предложили двенадцать тысяч дукатов за отмену законодательства по этому вопросу. [996]

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

В довершение всего этого, Супрема в 1657 году набрался смелости утверждать, что право фамильяров на ношение оружия не подлежит давности и не может быть отменено никаким князем, поскольку это помешало бы инквизиции свободно выполнять свои функции, поэтому он отрицал, что в таких случаях может быть сформирована какая-либо компетенция; светские власти не обладали юрисдикцией, и не могло быть даже обсуждения их заявления о вмешательстве. [997] Филипп IV имел слабость согласиться с этими экстравагантными претензиями в 1658 году и решить, что только Верховный имеет право разбираться в таких вопросах. Случай, в котором это произошло, касался Хайме Эспехо, алькайда карательной тюрьмы Валенсии, арестованного за ношение пистолетов, и он представляет для нас интерес, потому что в нем инквизитор дон Антонио де Айала Верганса опровергает все королевские указы и прагматические указания как не имеющие значения, о чем они говорили, и доказывает это, ссылаясь на огромное количество случаев, когда, будучи доведенным до сведения короля, он отменял свое собственное законодательство, неизменно принимая решения в пользу инквизиции и против своей собственной юрисдикции. Иногда Его можно было заставить издавать полезные общие предписания, но, когда дело доходило до их исполнения, его охватывал постоянный страх помешать служению Богу. [998]

Однако Филипп быстро изменил свое решение, поскольку в отчаянной попытке положить конец этим нескончаемым ссорам был вынужден издать королевское письмо от 23 декабря 1659 года, в котором заявлялось, что рассмотрение нарушений законов, касающихся запрещенного оружия, относится к королевской юрисдикции и что в этих случаях не должно быть сформировано никаких компетенций. Когда королевским судом были предъявлены претензии к этому письму в ходе рассмотрения дела Джозефа Наварро, знакомого, арестованного за ношение пистолета, инквизиция в ответ легкомысленно отвергла прагматику 1613 года и ее подтверждение в 1633 году, заявив, что как до, так и после принятия этих законов она всегда осуществляла юрисдикцию в отношении этих дел, что было общеизвестно для всех — что, несомненно, было правдой. Что касается недавнего письма от 1659 года, оно не было выдано с согласия Верховного суда; таким образом, будучи выданным нерегулярно, оно не должно считаться действительным до тех пор, пока к королю не обратятся с просьбой изменить его, и пока это не будет сделано, обвиняемый должен быть передан ему или он может быть освобожден под залог в обеих юрисдикциях. [999] Колеблющийся монарх, вероятно, снова уступил; сделал он это или нет, не имело большого значения для Священной канцелярии, которая так легкомысленно относилась к его указам. Жалкое дело ссор из-за умножения законов продолжалось, и в 1691 году Карлос II счел необходимым снова запретить ношение пистолетов и *оружия корта* и лишить нарушителей их притязаний на юрисдикцию, даже если они были приближенными или наемными чиновниками инквизиции. [1000]

Несколько случаев в первые годы правления Филиппа V, по-видимому, указывают на то, что этот вопрос был исключением из общего ограничения привилегий Святой канцелярии и что существовала тенденция признавать ее притязания. [1001] Однако их окончательное исчезновение было не за горами. В 1748 году Фернандо VI запретил всем должностным лицам трибуналов, включая инквизицию, носить колющее оружие любого вида; исключительная юрисдикция в приведении этого в исполнение была зарезервирована за светскими судами, и все претензии к *фуэро* были отменены. Он подтвердил и расширил это прокламациями 1749, 1751 и 1754 годов, предусматривающими наказание в виде шести лет в рудниках для

простолюдинов и шести лет службы в президио для дворян. В другом письме от 1757 года он выразил сожаление по поводу несоблюдения этих законов и приказал привести их в исполнение без каких-либо привилегий фуэро. Этот закон был дополнен Карлосом III в 1761 году, который включил в него запрет на все огнестрельное оружие с длиной ствола менее четырех ладоней, хотя и разрешил джентльменам использовать пистолеты в кобурах верхом, но не верхом на муле. [1002] Тем не менее, инквизиция продолжала выдавать старые формы комиссий, предоставляющих неограниченные лицензии, до тех пор, пока магистраты Севильи и Алькала-ла-Реаль не отказались признать их, когда в 1777 году она признала свое изменившееся положение путем внесения изменений, которые предоставляли право носить не запрещенное оружие, но только при исполнении служебных обязанностей в Святой Канцелярии, и удовлетворилась призывом к светским властям не вмешиваться. с помощью этого. [1003]

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Несколько нелепым контрастом с воинственным духом, на который указывало искреннее желание носить оружие, было утверждение, что все, связанные с инквизицией, освобождаются от военной службы. В своих отношениях с государством Святая канцелярия не признавала никаких обязанностей гражданина; она лишь претендовала на привилегии. То, что наемные чиновники, регулярно работающие в судах, пользовались такими исключениями, было просто в соответствии со старым обычаем, поскольку закон Хуана II от 1432 года специально освободил от обязанности служить почти всех должностных лиц, включая даже врачей, хирургов и школьных учителей. [1004] То, что это должно применяться к инквизиции, по-видимому, предполагалось как нечто само собой разумеющееся в первые дни ее существования, но в 1560 году коррехидор Кордовы вызвал должностных лиц и приближенных для участия в сборах; все они потребовали освобождения, когда генеральный инквизитор удовлетворил апелляцию должностных лиц, но отклонил апелляцию приближенных. Аналогичные вопросы возникли в Мурсии в 1563 и 1575 годах, где было проведено аналогичное различие. [1005] В Валенсии фамильяры, вероятно, были более успешными, поскольку статья в Конкордии 1568 года предусматривает, что они должны отбывать свою очередь на охране побережья и что инквизиторы не должны защищать их, добиваясь исключений под предлогом их должности. [1006] Тот же вопрос возник на Майорке и был урегулирован законом, предусматривающим, что королевские чиновники могут принуждать фамильяров, отказывающихся нести караульную службу в назначенные дни. [1007] Таким образом, по общему согласию в это время наемные должностные лица были освобождены от ответственности, а требования знакомых были отклонены.

В смутные времена семнадцатого века, когда само существование Испании оказалось под угрозой, снова возник вопрос как о чиновниках, так и о приближенных, и Верховный суд стремился защитить оба класса. В 1636 и 1638 годах коррехидоры различных городов отказывались исключать чиновников при составлении списков на воинскую повинность, но Филипп IV решил, что они освобождены. [1008] Поскольку в 1640 году опасность возросла из-за восстаний в Каталонии и Португалии, а ресурсы королевства были максимально истощены, все претензии были проигнорированы. Седулой от 7 сентября 1641 года Филипп объявил это религиозной войной, поскольку повстанцы были в союзе с нациями, зараженными ересью.

Генеральный инквизитор Сотомайор был обязан призвать всех должностных лиц и приближенных к организации и служить, и был облечен властью для обеспечения этого. Против этого не было выдвинуто никаких протестов, поскольку это был финансовый, а не военный шаг; были приняты меры для замены службы за наличные, и таким образом Супреме помогли удовлетворить королевские требования о взносах. [1009]

Это было лишь временное перемирие. Филипп в письме от 22 февраля 1644 года генеральному инквизитору Арсе-и-Рейносо сообщал, что отношение официальных лиц вызвало большое недовольство в Галисии; поэтому он приказал не допускать никаких исключений и не получать никаких оправданий. На это Верховный ответил горькими жалобами на то, что в Сарагосе жребий пал на посланника трибунала и вдову нотариуса, которым сказали, что они должны предоставить замену, и все это нарушало привилегии инквизиции, подрывая ее благочестивые труды, столь необходимые для веры, и низводя ее в глазах общественности до уровня других учреждений. Нестабильный, как обычно, в том, что касалось Священной канцелярии, Филипп отказался от своей должности и признал, что наемные чиновники не обязаны служить или предоставлять замены, о чем Верховный суд незамедлительно уведомил трибуналы, предупредив их не применять отлучение от церкви при столкновениях с королевскими чиновниками до получения его разрешения. [1010]

Даже в этот час крайней нужды ответственность фамильяров оспаривалась. Филипп пытался умиротворить Верховную власть, назначив их на гарнизонную службу, но она возразила, заявив, что инквизиция не сможет выполнять свои функции, если ее полностью лишат их, а дело религии стоит выше любого другого. Поэтому он просил, чтобы ни одно место не оставалось без одного, в маленьких городах их должно быть два, а в более крупных местах - четыре. На это Филипп согласился при условии, что освобожденные должны делать взносы тем, кто служил, но Супрема возразил; каждый мог избежать службы, кто мог заплатить взнос, так что это не давало бы фамильярам никаких особых привилегий; не могло быть никаких сомнений в том, что благосклонность, оказанная инквизиции, будет способствовать успеху в войне, поскольку опыт показал, что чем больше монархов поощряли это, тем больше им повезло. Каким бы справедливым ни был аргумент, он оказался бесплодным; Филипп придерживался своего решения, но когда были изданы соответствующие указы, Совет Кастилии, в свою очередь, выразил протест, и растерянный монарх был вовлечен в новую дискуссию между ними. [1011]

ПРАВО ЗАНИМАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Верховный суд настаивал на том, что освобожденные не должны вносить свой вклад в тех, кто призван на военную службу, и договоренность осталась в силе. Это было повторено в *carta acordada* от 14 января 1668 года, и, когда в 1681 году в Темблеке возник вопрос, Верховный суд предупредил Толедский трибунал не выдавать больше освобождающих писем, чем позволяло урегулирование, чтобы избежать компетенций, которые только вызывают ненависть к Святой Канцелярии и ставят под угрозу другие ее привилегии. [1012] Карлос III, похоже, был более либеральным, когда в 1767 году он включил в подробный список лиц, освобожденных от военной службы, министров и иждивенцев инквизиции, которые были освобождены от должности в соответствии с указом от 26 мая 1728 года, который, как следует помнить, предоставил привилегию числу приближенных, разрешенных по старому Конкордиас. Карлос IV был более требователен, поскольку в 1800 году, детально регулируя воинскую повинность, он предоставил освобождение только титулованным чиновникам и уделил особое внимание

исключению приближенных и других иждивенцев. [1013] Это продолжалось до конца. 14 сентября 1818 года Верховный суд сообщил трибуналам решение короля о том, что для освобождения от воинской повинности нет необходимости предъявлять королевское поручение, но достаточно поручения генерального инквизитора или Верховного суда. [1014] Очевидно, местным судам больше не разрешалось выдавать справки об освобождении от ответственности.

Право должностных лиц и приближенных занимать светские должности вызвало вопросы, вызвавшие немало споров. Очевидно, инквизиции было выгодно, чтобы те, кто был связан с ней и пользовался ее льготами, занимали влиятельные посты, где они могли охранять ее привилегии и способствовать их распространению. С другой стороны, именно по этим причинам народ ревниво относился к должности своих министров и боялся, что местные власти будут освобождены от ответственности из-за их претензий *наfuero* или юрисдикцию инквизиции. Если бы эти местные должности были выборными, здравый смысл населения мог бы предотвратить опасность, но они присуждались по жребию, имена тех, кого считали подходящими, помещались в *bolsa* или пакет — процесс, известный как *изоляция* — и выдвигались. [1015]

Самый ранний случай, с которым я столкнулся, когда чиновников инквизиции отказали включить в список лиц, имеющих на это право, относится к 1503 году, когда Фердинанд написал своему генерал-лейтенанту Майорки, что он был удивлен, узнав, что имена отца Прата, его сына Отца Прата, Кармана Литры и Херонимо Сермы не были внесены в список, потому что они занимали должности в инквизиции; это скорее должна быть рекомендация; они не должны быть таким образом опозорены, и их имена должны быть немедленно внесены в больса. [1016] Несомненно, бдительность Фердинанда сохранила эту привилегию для должностных лиц при его жизни, но впоследствии народные настроения, должно быть, проявились в их исключении, поскольку в 1523 году Карл V запретил это указом, и за этим последовала специальная прагматика от 30 мая 1524 года, подтверждающая их право на занятие государственных должностей во всех его владениях и для всех в будущем, под страхом королевского гнева и штрафа в две тысячи флоринов, но он предусмотрел, что они не должны подпадать под юрисдикцию инквизиции за должностные преступления. [1017] Несмотря на это, Филипп II был вынужден издать специальные инструкции по этому вопросу Сардинии в 1552 году и Наварре в 1558 году. [1018]

В этом, как и во многом другом, каталонцы были особенно несговорчивы. В 1553 году состоялись суды трех королевств Арагона, на которых только Каталония взялась за дело и приняла закон, утвержденный принцем Филиппом, предписывающий, что ни байль, ни его заместитель, ни судья, ни писец не могут быть фамильярами и не могут занимать должности после истечения срока службы. [1019] Этому почти не подчинились, и инквизиция не обратила внимания на пункт в "прагматике" 1524 года, лишаящий ее признания в должностных преступлениях. Одна из жалоб королевской аудиенции де Сото Салазару во время его посещения барселонского трибунала в 1566 году заключалась в том, что он признал юрисдикцию во всех подобных делах. Салазар рекомендовал запретить это, поскольку это препятствовало надлежащему управлению городами, и чиновники не могли быть наказаны за

нарушение местных постановлений о хлебе, виноградниках, лугах, прокладку оросительных каналов для орошения их земель и множество других безобразий. [1020]

ПРАВО ЗАНИМАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Каталония отказалась принять Конкордию 1568 года, и в 1585 году суды повторно ввели в действие положения 1553 года в расширенном виде, включая почти все должности и предусматривая штраф в размере двухсот дукатов за нарушение, что было подтверждено Филиппом II. [1021] Это, по-видимому, было приведено в исполнение, поскольку в 1586 году в меморандуме епископа Сеговии говорится, что в Каталонии имена всех должностных лиц инквизиции были удалены из списков лиц, имеющих право на участие, что комиссары и приближенные уходили в отставку и что каждый день от заявителей поступали заявления об отзыве, так что трибунал был бы парализован, а правительство Кортес не мог придумать ничего более разрушительного. [1022] Каталонцы выстояли, несмотря на серьезные усилия Святой Канцелярии, которая много лет спустя заявила, что это был самый серьезный удар, который она когда-либо получала. В Кортес 1599 года битва была возобновлена после тщательных приготовлений инквизиторов. 30 июня король представил серию статей в ответ на те, что были представлены ему кортами, и среди них была статья, объявляющая чиновников и приближенных, имеющих право на все должности, но каталонцы ничего этого не хотели. В тщательно разработанном меморандуме, представленном Клименту VIII Верховной властью против работы судов, он с горечью жаловался на законы 1553 и 1585 годов, которые заметно ослабили авторитет инквизиции и привели к большой нехватке чиновников, многие из которых с позором ушли в отставку, в то время как других на их замену найти не удалось. [1023]

Опять же, когда корты собирались на собрание в 1626 году, трибунал Барселоны умолял Супрему приложить все усилия для отмены закона 1585 года, поскольку ни одно уважаемое лицо не согласилось занять этот пост, и он был вынужден назначать лиц низкого положения, что было фатально для его авторитета. Корты уступили настолько, что приняли статью, открывающую двери для должностных лиц, при условии, что занимающие их должности могут быть привлечены к ответственности гражданскими судами за длинный ряд правонарушений, но все законодательство Кортес сошло на нет из-за отсутствия королевского утверждения. [1024] Когда этот вопрос снова возник в кортах 1632 года, к Верховной Раде были поданы серьезные призывы отменить отвратительный закон 1585 года. По этой причине положение инквизиции в Каталонии было представлено как самое плачевное. В памятном письме королю говорилось, что в Барселоне было всего четыре или пять приближенных, и все они были механиками, не имевшими права занимать государственные должности; не было ни одного защитника обвиняемых, ни церковного консультанта, настолько жадными были все до государственных должностей. По всему княжеству была такая же нехватка фамильяров — только в жалких деревнях, лишенных заманчивых должностей, да и те находились в низменном положении, поскольку на самом деле бароны никого другого не потерпели бы на своих землях. Супреме было настоятельно рекомендовано вынести этот вопрос на рассмотрение Рота, и она передала вопрос своему фискалу, но он мудро сообщил, что, хотя следовало ожидать благоприятного результата, все же было целесообразно подать пример обращения в Рим, что могло привести к передаче туда других дел с ущербом для юрисдикции Святой канцелярии. [1025]

Таким образом, каталонское упорство восторжествовало. Когда в 1667 году Педро Момпарлер, знакомый в Алконере, попросил разрешения уйти в отставку, чтобы принять должность бейля, и

его просьба была передана Верховному суду, тот ответил, что в этом следует отказать из-за пагубного влияния его примера, но добавил, что если он откажется от своего знакомства перед королевским правосудием на срок своих полномочий, инквизиторы должны притвориться невежественными. [1026]

ПРАВО ЗАНИМАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

На Майорке частые изменения закона показывают, что он был предметом активных дебатов и что перевес переходил от одной стороны к другой. В 1637 году было решено, что никто из тех, кто связан с инквизицией, не может занимать государственные должности; затем, в 1643 году, им было разрешено делать это на должностях, на которых они не должны были голосовать или давать советы; снова, в 1660 году запрет стал абсолютным; затем, в 1662 году королевские письма от 11 января и 4 марта сняли запрет, при условии, что они предварительно откажутся от всех претензий на юрисдикцию инквизиции. Эти письма представляют собой замечательную иллюстрацию колебаний монарха и того, до какой степени бюрократия подорвала его самодержавие — только на этот раз Арагонский совет подражал методам Верховного суда. Последний орган был недоволен таким порядком и обратился к королю на консультацию 5 апреля 1663 года с просьбой приостановить его действие и созвать хунту из двух советов для рассмотрения этого вопроса. Филипп быстро согласился и 10 апреля приказал Совету Арагона написать об этом вице-королю. Приказ не был выполнен, и 19 сентября Верховный Судья попросил его исправить упущение, после чего он попросил совет изложить его причины, и, сделав это, он снова приказал ему, 3 октября, выполнить его указ от 10 апреля. Он все еще был непокорен, и 19 марта 1664 года Верховный суд сообщил о задержке королю, который на следующий день призвал совет дать точный отчет о том, что он сделал, ответил, что в соответствии с его приказами он написал 3 октября 1663 года, копию которого он приложил. Оказалось, что это всего лишь копии писем 1662 года, которые послужили поводом для дебатов, показывающих, что они намеренно аннулировали его приказы. Ввиду всего этого Верховный суд 24 июля 1664 года попросил короля настаивать на буквальном соблюдении и предоставить ему копию депеши Совета Арагона вице-королю. Это оказалось всего лишь дубликатом записи от 13 октября 1663 года, с датой, измененной на 6 апреля 1664 года. Затем Верховный снова безапелляционно попросил царя приказать о точном повиновении, и он ответил, что так и сделал. Тем временем вице-король и инквизитор Майорки преследовали разные цели из-за противоречивых депеш, полученных каждым из них. [1027] Такой метод поддержания организованного правительства кажется невероятным, и, каким бы тривиальным ни был рассматриваемый вопрос, подобный случай проливает свет на одну из причин упадка Испании. Сам вопрос, после всех этих неприятностей, по-видимому, остался нерешенным, поскольку в 1673 году в отношении Габриэля Берги, рыцаря Сантьяго и фамильяра, была возбуждена судебная тяжба, когда трибунал заявил, что он не может отказаться от его юрисдикции. [1028]

Было бы излишним подробно описывать перипетии этого дела в других провинциях Испании, где оно давало множество поводов для ссор, ведущихся с обычной горячностью. Похоже, установилось правило, согласно которому чиновники и приближенные имели право занимать государственные должности, но в течение срока своей службы они не имели права на юрисдикцию инквизиции. Такова, как нам говорят, была практика в 1632 году в Кастилии, Арагоне и Валенсии. [1029] Тем не менее, примерно в середине семнадцатого века все еще велись споры о том, что дается формула для использования, когда фамильяру не дают вступить

в должность. В нем подробно излагается, что, если фамильярам будет отказано в должности, никто не займет эту должность, что нанесет большой ущерб вере; он ссылается на королевские седулы, он отвергает противоположные аргументы, показывая, что за все должностные проступки фамильяр будет подлежать королевской юрисдикции, и, наконец, он приказывает немедленно ввести его в должность под страхом отлучения от церкви и штрафа в пятьсот дукатов; дальнейшего уведомления не будет, и все дальнейшие действия будут опубликованы в залах инквизиции, что будет являться полным юридическим уведомлением для всех заинтересованных сторон. [1030] Я не встречал никаких других законодательных актов по этому вопросу, и, по-видимому, какое-то соглашение такого рода действовало до конца.

Это было крайне непоследовательно, но, в то же время, полностью соответствовало духу инквизиции в ее отношениях с общественностью, что, хотя она так энергично отстаивала право своих должностных лиц занимать почетные и прибыльные должности, она требовала для них привилегии отказываться от службы на тех, которые были обременительными. В муниципалитетах было определенное количество таких последних, что влекло за собой неоплачиваемый труд и ответственность, от принятия которых никто не мог отказаться, когда его имя было выбрано из больса. Чиновники утверждали, что их изолировали от желательных должностей, но не от нежелательных. То, что такое заявление могло быть выдвинуто и поддержано, является убедительной иллюстрацией могущества инквизиции.

ПРАВО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ

В более ранних Конкордиях нет никаких упоминаний об этом и никакого конкретного гранта, который я смог найти. По-видимому, это было всего лишь беспричинное предположение со стороны инквизиции, утверждаемое с присущей ему настойчивостью. Примечательный случай, вытекающий из этого, произошел в 1622 году в городе Лорка (Мурсия), где знакомый отказался служить в должности сборщика алькавалы, или налога с продаж, и был заключен в тюрьму за неповиновение. Инквизиторы Мурсии потребовали его освобождения и отлучили алькальда-мэра от церкви за отказ повиноваться. Потерпев неудачу, они приготовились арестовать его и обратились за помощью к коррехидору Мурсии Педро де Порресу. После его отказа они отлучили его от церкви, а затем наложили интердикт на город Мурсию. Граждане обратились к своему епископу фраю Антонио Трехо, который выразил протест трибуналу и, сочтя это бесполезным, издал указ, объявляющий интердикт недействительным. Епископы не подлежали юрисдикции инквизиции, даже за ересь, без специальных папских полномочий, но генеральный инквизитор Андрес Пачеко был самым смелым и неумолимым сторонником всемогущества инквизиции, и он, не колеблясь, осудил епископский эдикт, опубликовал осуждение во всех церквях, оштрафовал епископа на восемь тысяч дукатов и обязал его, под страхом еще четырех тысяч, явиться в течение двадцати дней и ответить на иск, возбужденный против него налоговыми органами как препятствующего инквизиции. Епископ и капитул послали декана и каноника представлять их интересы, но, не выслушав, они были брошены *incomunicado* в тайную тюрьму, отлучены от церкви и осуждение опубликовано во всех церквях. Инквизиторы заключили в тюрьму приходского священника Санта-Каталины за пренебрежение интердиктом, и в это дело было вовлечено все духовенство Мурсии. Наконец, благодаря вмешательству короля и папы римского, епископ получил отпущение грехов, но инквизиция пожала богатый урожай штрафов. Дела епископа, настоятеля и некоторых каноников были

сохранены Верховной властью, в то время как местный трибунал, в дополнение к срокам ссылки от одного до восьми лет, взыскал с Хосе Лукаса, епископального секретаря, тысячу дукатов, с Алонсо Педриньяна, фискала, восемьсот и с тринадцати других священников и сановников церкви суммы от пятидесяти до ста пятидесяти — всего 3272 дукатов. [1031]

Требование, предъявляемое с такой настойчивостью, было опасно оспаривать, и даже Арагонская конкордия 1646 года, зафиксировавшая победу над Святой канцелярией, признавала право наемных чиновников и приближенных отказываться от обременительных должностей. [1032] Однако со временем, похоже, в претензию были внесены небольшие изменения. Примерно в 1750 году мы располагаем формулой мандата, выданного по просьбе фамильяра, запрещающего под страхом отлучения от церкви и штрафа в двести дукатов городским властям включать его в число лиц, подлежащих службе ни в одной из второстепенных должностей, ни в какой-либо из более важных, пока каждый другой житель не отслужит свою очередь. [1033]

Нетрудно понять происхождение утверждения о том, что здания инквизиции и дома ее должностных лиц были святилищами, в которые служители правосудия не могли проникать без специального разрешения. Убежище, предоставляемое преступникам в церквях, было старой установившейся практикой по всей Европе, и Испания не была исключением. Еще в 1737 году папская санкция была сочтена необходимой для исключения из этого ряда преступлений, таких как убийство, разбой на большой дороге и государственная измена. [1034] Убежище также предоставлялось феодальными правами, которые не позволяли королевским судебным приставам вторгаться на земли знати, и лишение этого права в Гранаде упоминается как одна из причин волнений, приведших к восстанию 1568 года. [1035] В Арагоне это было развито настолько, что закон Хайме I в графстве Уэска в 1247 году, который все еще оставался в силе, предоставил домам инфанцонов, или джентльменов, такое же право убежища, каким обладают церкви. [1036]

Поэтому несколько примечательно, что ходатайство о предоставлении убежища не было подано инквизицией с самого начала, особенно ввиду важности, придаваемой секретности, которая окутывала все ее операции. Тем не менее, до середины шестнадцатого века подобные заявления, когда они делались, авторитетно отвергались. Генеральный инквизитор Тавера пишет 3 сентября 1540 года резкое письмо инквизиторам Севильи, в котором говорится, что ему сообщили, что недавно некоторые убийцы были приняты и защищены в замке Триана, занятом трибуналом, и что офицерам королевского правосудия не было разрешено их разыскивать; наказанию преступников никоим образом не следует препятствовать и не давать повода для жалоб; ворота замка должны оставаться закрытыми, чтобы преступники не могли там укрыться. [1037] Итак, в 1546 году среди инструкций Верховного суда трибуналу Гранады есть приказ о том, что ни преступники, ни должники не должны находить убежища в инквизиции, им не разрешается спать ни там, ни между воротами; сторож должен изгнать их и, если они не уйдут, сообщить об этом инквизиторам для принятия надлежащих мер. [1038] Это показывает, что насилие начиналось, но его не одобряли, и то же самое видно из Конкордии Валенсии 1554 года, в которой говорится, что, поскольку инквизиция не имеет привилегий убежища, она не может защитить тех, кто находит там убежище. [1039]

ПРАВО НА УБЕЖИЩЕ

Очевидно, местные суды требовали права, которое центральная власть отвергала; более того, они требовали его не только для здания инквизиции, но и для домов чиновников и приближенных. Среди должностных преступлений барселонского трибунала, о которых сообщил в 1567 году де Сото Салазар, были случаи такого рода. Когда бейль из Перпиньяна попытался арестовать некоторых преступников, их приютил Педро де Рока, фамильяр, в своем доме, и он оказал сопротивление бейлю, который пришел с отрядом, чтобы арестовать их; Рока обвинил в этом бейля и его людей; барселонские инквизиторы надолго заключили их в тюрьму и приговорили к штрафам и ссылке. Поэтому, когда байл из Санса с отрядом ворвался в дом Висенте Валеле, который был всего лишь временным комиссаром, чтобы арестовать нескольких преступников, нашедших там убежище, он обвинил их, и все они были заключены в тюрьму. [1040]

Быстрота, с которой злоупотребления развивались в Валенсии, проявляется при сравнении Конкордий 1554 и 1568 годов. Первый, как мы видели, признает, что инквизиция не могла предложить убежища, в то время как второй обязан запретить низшим чиновникам и приближенным вывешивать герб инквизиции на своих домах; все это должно быть удалено, и их дома не должны пользоваться иммунитетом от судебных приставов — очевидно, чиновникам было выгодно укрывать воров и убийц, и трибунал их поддерживал. [1041] В Барселоне был достигнут своего рода компромисс, согласно которому по ходатайству трибунала один из его министров был отправлен с судебными приставами проникать в дома должностных лиц, где укрывались преступники, но суды 1599 года жаловались, что эта задержка дает время для побега, и в принятой там несостоявшейся Конкордии был предусмотрен пункт, согласно которому в этом не должно быть необходимости и что в случае сопротивления, в дома можно было входить. То, насколько медленно Верховный суд отстаивал право на убежище, показывает, что в своем протесте Клименту VIII он принимает эту статью на том основании, что инквизиция никогда не препятствовала преследованию и аресту злоумышленников. [1042] Однако со временем он преодолел эти угрызения совести и в 1632 году издал повторные приказы о том, что служителям правосудия не следует разрешать входить в дома должностных лиц. Филипп IV отменил это, но Супрема представил консультацию, в которой говорилось, что возражений не было, когда преследование было *на месте преступления*; однако заключенных часто запирали в домах чиновников, и неограниченным правом входа можно было злоупотреблять для установления связи с ними в нарушение важнейшей тайны Священной Канцелярии. Как обычно, колеблющийся монарх уступил и в 1634 году издал указ, ограничивающий право на розыск случаями преследования по горячим следам. [1043]

Примечательно, что Арагонская конкордия 1646 года, навязанная кортами Филиппу, которая во многих отношениях ограничивала привилегии инквизиции, признала это сомнительное право самым полным образом. Поскольку, говорится в нем, служители столь священной должности должны пользоваться определенными почестями и превосходством, он предписывает, чтобы они, включая приближенных, имели в отношении своих домов те же привилегии, что и кабальерос и хиджосдалго, которые, как мы видели, включали право убежища. [1044] Что касается зданий самой инквизиции, скандальное дело, произошедшее в 1638 году, показывает, как далеко оно продвинулось с тех пор, как Тавера осудил севильский трибунал. На Майорке граф Аямано во главе банды убийц совершил святотатство, взобравшись на стены монастыря с целью убийства своей жены, которая искала там убежища. Филипп приказал приложить все

усилия для ареста его и его сообщников, но он бежал в Барселону с восемью из них, и все они нашли убежище в инквизиции, в апартаментах своего дяди, инквизитора Котонера. Это позволяет любопытно заглянуть в условия того периода и увидеть, что это создало ситуацию, непроницаемую для высших властей страны. Филипп созвал хунту из двух членов Верховного суда и Совета Арагона, чтобы придумать, как можно было бы поймать преступников без скандала или ссоры с инквизицией. Результатом их обсуждения, по-видимому, стало письмо от Супремы Котонеру, в котором говорилось, что, если он хочет помочь своему племяннику, это должно быть вне, а не внутри инквизиции, чтобы избежать неприятностей, возникших в результате попытки королевских офицеров сместить его. Невозмутимого Котонера это мягкое предупреждение не испугало, и две недели спустя Верховный приложил к нему королевский указ, в котором говорилось, что он увидит неблагоприятные последствия того, что приютил своего племянника. Поскольку требовалось полное удовлетворение, ему было приказано сообщить в полном объеме все детали, включая его мотивы укрывательства лица, подвергнутого запрету, особенно если последнее не было его знакомым. [1045] К сожалению, мы не знаем, чем закончилось дело, но когда Верховный суд вместо увольнения Котонера поинтересовался его мотивами, мы можем предположить, что убежище, предложенное инквизицией, спасло преступнику жизнь в результате какого-то компромисса.

ПРАВО НА УБЕЖИЩЕ

Неприкосновенность домов должностных лиц стала общепризнанной при условии, что разрешение на обыск будет предоставлено инквизиторами, если к ним будет подано специальное заявление, когда они сохраняют свою юрисдикцию, отправив одного из своих людей сопровождать судебных исполнителей. Однако исключение, подтверждающее правило, было сделано в пользу администраторов налога на табак, которым были разосланы общие письма, уполномочивающие их обыскивать дома чиновников на предмет контрабандного табака. Даже это было отвергнуто Верховным судом в 1728 году, когда он утверждал, что предварительное полузащитное необходимо для оправдания поиска и полное доказательство для предоставления юрисдикции. [1046]

Из вышесказанного очевидно, что Святая канцелярия с ее притязаниями на особые привилегии и изъятия и методами принуждения к их признанию была очень тревожным фактором в политике организации. Однако самый большой источник конфликта заключался в исключительной юрисдикции, которую она стремилась установить над всеми, кто был связан с ней, не только между ними самими, но и между ними и остальной частью сообщества. Это поглощало столь значительную часть его деятельности и было причиной таких постоянно повторяющихся проблем, что их рассмотрение требует отдельной главы.

ГЛАВА IV.

КОЛЛИЗИОННЫЕ ЮРИСДИКЦИИ.

Основной источник разногласий между инквизицией и другими властями возник из-за ее притязаний на исключительную компетенцию во всех делах, касающихся лиц, связанных с ней, и их иждивенцев. Это привело к постоянным конфликтам, которые велись с предельным упорством, которые наполнили страну смутой и во многих случаях превратили отправление правосудия в посмешище. В течение двух столетий монархи тщетно пытались сохранить мир, предпринимая неоднократные попытки определить границы между соперничающими юрисдикциями и методы урегулирования их разногласий. Неустанные усилия Святой канцелярии, с одной стороны, по расширению своей власти и увеличению вознаграждения заставляли ее постоянно нарушать договоры, в то время как ревность гражданской магистратуры, с другой стороны, и ее естественное желание отразить вторжение побуждали ее использовать любые средства, которые были в ее власти. Борьба была неравной против превосходящего оружия, предоставленного папскими властями, и против королевской благосклонности инквизиции, но конфликт продолжался с поразительным постоянством, поддерживаемый народным сочувствием, и время короля и его советников было растрчено впустую на разрешение непрерывного потока мелких ссор, возникавших из-за тривиальных инцидентов, но приобретающих зловещие масштабы благодаря насильственным методам, которые их усугубляли.

Чтобы понять притязания инквизиции на исключительное рассмотрение дел своих подчиненных, необходимо иметь в виду пользу духовенства, благодаря которому с раннего средневековья все священнослужители были освобождены от юрисдикции мирян и полностью подчинялись духовным судам. Это фактически равнялось иммунитету от преступлений, как потому, что эти суды были лишены права выносить решения по делу о крови, так и из-за неизбежного фаворитизма, проявляемого к представителям их собственного сословия. [1047] По мере развития цивилизации беспорядки, вызванные классом, который безнаказанно совершал несправедливые поступки, были источником постоянной озабоченности правителей и вызвали сожаление у благонамеренных церковников. В этом Испания не была исключением. В проекте инструкций, составленном испанским епископом для делегатов Латеранского собора в 1512 году, преступления и скандалы, совершенные женатыми клерками и представителями низших сословий в ожидании иммунитета, рассматриваются как причины перемен; между духовными и светскими судами происходили ежедневные конфликты, приводившие к наложению интердиктов на города, и Церковь желала принять какое-то универсальное законодательство. [1048] Такое средство правовой защиты не было принято, и когда Тридентский собор пообещал реформу, испанские прелаты, в отличие от инквизиции, которая приложила все усилия, чтобы распространить свою юрисдикцию на правонарушителей, предложили в 1562 году совету, чтобы женатые клерки, носящие светские привычки, не пользовались защитой от светского правосудия. [1049] В 1544 году Фернандо де Арагон, будучи вице-королем Валенсии, заявил, что его главная проблема связана с Церковью, главной целью которой является защита злодеев и освобождение их от его правосудия, и это мнение было горячо поддержано святым Томасом де Вилановой, недавно назначенным архиепископом. [1050]

ШИРОТА ВЗГЛЯДОВ В СВЕТСКИХ ДЕЛАХ

Однако заметное отвращение в Испании к церковным посягательствам привело к неоднократным изданиям законодательных актов, ограничивающих духовную юрисдикцию строгими рамками. В серии законов, датируемых четырнадцатым-шестнадцатым веками, Генрих II, Хуан II, Генрих IV, Фердинанд и Изабелла, а также Карл V пытались с помощью самых суровых наказаний подавить его неизбежную тенденцию к распространению, будь то арест людей или имущества мирян или рассмотрение дел между мирянами. Фердинанд и Изабелла в 1493 году даже пригрозили конфискацией половины имущества и вечным изгнанием из Испании всем, кто под любым предлогом помогал церковным судьям отбирать пленных у светских чиновников или кто каким-либо образом помогал им. [1051] В дополнение к этому был *recurso de fuerza*, через который подавалась апелляция в королевские суды или в *Sala de Gobierno* всякий раз, когда духовные суды отклоняли апелляцию или рассматривали светские дела или те, в которых участвовали миряне. [1052] Необходимо иметь в виду эту тенденцию и эти ограничения церковной юрисдикции, чтобы должным образом оценить широту, полученную инквизицией в чисто светских делах.

Пользовалась ли инквизиция при своем создании прерогативой исключительного рассмотрения дел, связанных с ее должностными лицами, сейчас сказать невозможно. В основном они были мирянами и как таковые подлежали светским судам, в то время как при народной оппозиции, вызванной их разбирательствами, особенно в королевствах Арагона, могла возникнуть ожидаемая опасность того, что они подвергнутся терроризму или судебному преследованию, если не будут защищены тем, что их будут судить их собственные трибуналы. Самым ранним распоряжением на этот счет, которое я встречал, является седула Фердинанда от 26 марта 1488 года, адресованная всем судебным исполнителям Каталонии, предписывающая им под страхом штрафа в две тысячи флоринов и королевского гнева не принимать во внимание ничего, что касается министров и приближенных инквизиции; все их действия в таких случаях объявляются недействительными, и любой, кого они могли арестовать, немедленно передается трибуналу, показывая, что, по крайней мере, в Каталонии, такое освобождение от светского правосудия ранее не признавалось. [1053]

Однако в этом неограниченном указе Фердинанд упустил из виду детали, которые неизбежно проявились на практике. Было ли это освобождение от светской юрисдикции ограничено *титутальными и наемными работниками* или оно распространялось на не получающих жалованья комиссаров и приближенных, которые не получали жалованья, занимались своими обычными делами и привлекались лишь для эпизодической службы? Возник также вопрос о слугах чиновников, поскольку злоупотребление духовными судами коснулось и священнослужителей. Тогда можно было бы спросить, распространяется ли защита, предоставляемая личности должностного лица, на его собственность в гражданских исках, открывая, таким образом, широкие возможности для злоупотреблений многих видов. Более того, существовал устоявшийся принцип права, согласно которому обвинитель или истец должен обращаться в суд ответчика; если в нарушение этого должностное лицо могло пользоваться тем, что было известно как активное *fuero*, так и пассивное - то есть, если бы он как истец мог подать иск или судебное преследование в свой собственный суд, — его сила правонарушения значительно возросла бы вместе с его возможностями тиранить всех вокруг.

Это были вопросы, которые необходимо было решить. Казалось бы, инквизиторы толковали свои полномочия самым либеральным образом, что приводило к злоупотреблениям, которые вели к репрессиям и ограничению их юрисдикции. Соответственно, реформаторские инструкции 1498 года предписывают им не защищать должностных лиц и их слуг в гражданских делах, а только должностных лиц в уголовных действиях, и это правило повторено в *carta acordada* от 4 мая того же года. [1054] Это полностью исключало слуг и лишало должностных лиц *fuero* в гражданских делах, но вскоре Фердинанд изменил его в письме от 12 января 1500 года в трибунал Каталонии, приказав ему не вмешиваться в королевский суд по определенному иску и выразив правило, согласно которому истец должен обратиться в суд ответчика. [1055] Однако удержать инквизиторов от превышения их юрисдикции было невозможно, и 20 августа 1502 года он был вынужден повторить свои предписания тому же трибуналу из-за жалоб дипутадо. Инквизиторы были жестко привлечены к ответственности за то, что поддались на уловки получателя при скупке долгов и требований, а затем взыскании их через трибунал; им сказали, что они не должны защищать никого, кроме наемных должностных лиц, фактически находящихся на службе; если они являются истцами по гражданским искам, они должны обращаться в суд ответчиков, в то время как если они являются ответчиками, истцы должны обращаться в трибунал. Упоминание других случаев, по его словам, вызовет большой скандал и приведет к неприятностям, которые необходимо предотвратить. Две недели спустя он подчеркнул это по поводу гражданского дела, которое они подали в королевский суд; они должны вернуть его обратно, и им не нужно будет писать снова, поскольку он не потерпит подобного разбирательства. [1056] Таким образом, приближенные и слуги не имели права на *fuero*, или юрисдикцию инквизиции, в то время как наемные чиновники пользовались ею, активно или пассивно, в уголовных делах и только пассивно в гражданских исках.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ

Каким бы чрезмерно благоприятным это ни было для инквизиции, трибуналы не обращали внимания на ее ограничения; они приветствовали всех, кто добивался своего судейского места, и стремление к нему тех, кто на него не претендовал, показывает, что у них была репутация продавцов правосудия. Один или два случая послужат примером этого и покажут, насколько вескими были основания для жалоб со стороны людей. Там был некий Хуан де Сант-Фелиу из Мурвиедро, чьи отец и теща были осуждены за ересь и которому Фердинанд любезно предоставил их конфискованное имущество, включая приданое его жены. В 1505 году город Мурвиедро отдал ему и его жене самозванца на откуп мясо за 11 100 суэльдо в год; он умер, и при расчете по его счету выяснилось, что он задолжал городу сто пятьдесят либр, которые тот продолжал взыскивать с его сыновей при дворе губернатора. Под предлогом того, что его имущество было конфисковано и восстановлено, они подали апелляцию в 1511 году в трибунал Валенсии, который быстро возбудил дело и удержал суд от дальнейших действий, после чего город пожаловался Фердинанду, который распорядился передать дело губернатору. Не смущаясь этим, в 1513 году наследники Сан-Фелиу под тем же предлогом добились вмешательства трибунала в другом деле, по которому донья Виоланте де Борха предъявила им иск на 7500 суэльдо, которые она доверила ему вложить в ченсо города Мурвиедро; ченсо было выплачено, а он скрыл этот факт и сохранил деньги. Против них был вынесен приговор, когда вмешались инквизиторы и запретили королевскому суду дальнейшие действия. Фердинанд выразил сильное возмущение их вмешательством в правосудие в деле, совершенно не

входящем в их юрисдикцию, и приказал отменить запрет. Еще более произвольным было действие трибунала Майорки в 1511 году, когда Педро Торнамирандес подал в суд на наследников Франсиско Баллестера из-за некоторого количества скота и добился решения суда королевского лейтенанта, после чего наследники обратились к инквизитору, который возбудил дело и запретил дальнейшее разбирательство в светском суде. Ни одна из сторон не имела никакого отношения к инквизиции, и не было даже предлога для конфискации; это было просто бессмысленное вмешательство в ход правосудия, объяснимое только какой-то незаконной выгодой, и когда на это обратили внимание Фердинанда, он приказал инквизитору отозвать свой иск. [1057] Если под неусыпной бдительностью Фердинанда инквизиция таким образом смело злоупотребляла своими полномочиями, мы можем оценить, насколько обоснованными при его беспечных преемниках были жалобы тех, кто пострадал от несправедливостей, совершенных под предлогом служения Богу.

В Каталонской Конкордии 1512 года была предпринята попытка покончить с некоторыми из этих злоупотреблений, и булла *Pastoralis officii* Льва X, подтверждающая Конкордию, знаменует собой еще один этап в развитии *фуэро*. Никто, по его словам, не может быть привлечен к ответственности, кроме как в его собственном обычном суде по ходатайству должностного лица или фамильяра; если на это была предпринята попытка, все действия, касающиеся этого, были недействительными, и инквизиторы должны были осудить истца в двойном размере расходов и ущерба; если какое-либо должностное лицо приобрело собственность в судебном порядке или в отношении которой ожидался судебный процесс, на него можно было ссылаться в суде, не принадлежащем ему, и если он требовал ареста имущества светским судьей, последний мог игнорировать все запреты, изданные инквизиторами; более того, инквизиторы не должны быть осведомлены в вопросах, касающихся частной собственности должностных лиц. Нанося таким образом удар по некоторым из наиболее вопиющих злоупотреблений *фуэро*, Лео открыл дверь для худших, допустив фамильяров и сотрапезников или слуг должностных лиц к участию в иммунитетах инквизиции. [1058] Булла, фактически, соответствует Инструкции 1514 года, изданным генеральным инквизитором Меркадером, и мы увидим, насколько полностью были проигнорированы ограничительные положения, когда были разработаны те, которые допускали приближенных и слуг. [1059]

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ СЛУГ

Вопрос о приближенных и слугах не был окончательно решен в течение нескольких лет. Это правда, что в 1515 году в Логроньо, когда коррехидор арестовал Мартина де Виану, слугу секретаря Лезаны, и отказался выдать его трибуналу, он, его заместитель и альгюасиль были отлучены от церкви, а Верховный суд по апелляции наложил на них штрафы и унижительную епитимью. [1060] С другой стороны, в 1516 году в Вальядолиде, когда Алонсо де Торрес, слуга инквизитора Фриаса, был брошен в королевскую тюрьму, инквизитор не вернул его обратно, а добился вмешательства Верховного суда, который приказал освободить его под залог, а затем, по прошествии девяти месяцев без предъявления ему обвинения, он добился королевского ареста. седула просит освободить его рабов. [1061] Все сомнения, которые могли существовать по этому вопросу, были устранены в 1518 году седулой Карла V, в которой говорилось, что в Хаэне светские суды рассматривали уголовные дела, касающиеся должностных лиц, приближенных и их слуг, что противоречило привилегиям Священной канцелярии, поэтому он строго запретил это на будущее. [1062] После этого инквизиция без колебаний настояла на своих правах. Когда в 1532 году коррехидор и чиновники Толедо были отлучены от церкви за

наказание слуги инквизитора, а императрица-регентша Изабелла написала в трибунал с просьбой освободить их от ответственности, Супрема приказала ему не подчиняться ей. [1063] Она усвоила урок и в 1535 году, отдавая приказ передать некоторых слуг инквизиторов и фамильяров инквизиции, сказала, что она привыкла рассматривать их дела, как гражданские, так и уголовные, и ей доставляет удовольствие, что это следует соблюдать. [1064]

Гражданские власти несколько медлили с признанием иммунитета служащих, и продолжали происходить дела, в которых суды энергично отстаивали свою юрисдикцию. Около 1565 года два офицера королевского правосудия в Барселоне арестовали слугу инквизитора Мехии в публичном доме, где он ссорился с женщиной, за что их бросили в секретную тюрьму, как если бы они были еретиками, и изгнали на три месяца, в то время как судья королевского уголовного суда, имевший какое-то отношение к этому делу, был вынужден явиться в зал для аудиенций и вынести выговор в присутствии собравшихся должностных лиц трибунала. Фактический иммунитет правонарушителей, вытекающий из этой привилегии, проиллюстрирован рассмотренным в том же суде делом Педро Юнкара, слуги приемщика, который убил дворника губернатора Каталонии; губернатор арестовал его, но был вынужден передать трибуналу, который освободил его, приговорив к изгнанию на год или два и возмещению расходов. [1065] Влияние предоставления иммунитета такому классу на социальный порядок можно легко представить.

Привилегии фуэро распространялись не только на слуг, но и во всех направлениях, в которых изобретательность и настойчивость трибунала могли обеспечить их соблюдение. Были заявлены кающиеся, которые выполняли свои условия покаяния, и это требование было подтверждено в 1547 году принцем Филиппом. В Валенсии и Барселоне рабочие, занятые в зданиях инквизиции, получили номинальные назначения, на основании которых они претендовали на неприкосновенность. В Лиме трибунал подал жалобу вице-королю на арест каменщика, который работал на него, но удовлетворения не получил. В Барселоне трибунал удовлетворил ходатайство гражданского суда, в котором брат знакомого подавал в суд на торговца по опротестованному переводному векселю. [1066]

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ФАМИЛЬЯРОВ

Мы видели ограничения, налагаемые Фердинандом и буллой *Pastoralis officii*, и повторение принципа, согласно которому истец должен добиваться справедливости в суде ответчика. Что касается Кастилии, то Карл V нарушил это правило в уголовных делах как для чиновников, так и для приближенных. Гражданские дела оставались в несколько неопределенном состоянии, особенно в отношении фамильяров, инквизиторы пытались, насколько могли, разобраться как в активном, так и в пассивном фуэро. Когда в 1551 году из Валенсии поступили жалобы на то, что трибунал взыскивает долги с фамильяров, генеральный инквизитор Вальдес написал, что он не знает, как это произошло, и потребовал точной информации о том, когда это началось, и в целом о методе, применяемом в гражданских делах, активных и пассивных, фамильяров, чтобы он мог ответить принцу Филиппу. [1067] В отношении всего предмета существовала значительная неопределенность; суды проявляли беспокойство, и ситуация становилась напряженной. Стремясь уладить это, Карл в 1542 году переиздал свой эдикт 1518 года с *хартией соборов*, настоятельно требующей ее строгого соблюдения и запрещающей светским судам рассматривать уголовные дела должностных лиц или приближенных. [1068] Это не

помогло. Суды продолжали осуществлять юрисдикцию в отношении фамильяров, на *recurso de fuerza* свободно ссылались, и компетенция умножалась. Обе стороны обратились к Карлу, находившемуся в Германии, и на этот раз противники инквизиции получили преимущество. Принц Филипп, как регент, издал седулу от 15 мая 1545 г., в которой он описал, как миряне, подчиняющиеся светским судам, получали иммунитет за свои преступления под предлогом того, что они были фамильярами; как трибуналы, защищая их, отлучали от церкви представителей правосудия, из-за чего скандалы и беспокойство с каждым днем нарастали, и отправлению правосудия препятствовали. Фамильяры никоим образом не имели права на иммунитет от светских судов, поскольку они не были должностными лицами, хотя в Арагоне существовал другой обычай, и инквизиторы претендовали на это в Кастилии, согласно седуле 1518 года и собреседуле 1542 года, но оба они были незаконными, поскольку не были отправлены Советом и Секретариатом Кастилии, как это принято и необходимо. Поэтому, чтобы провинившиеся фамильяры не остались безнаказанными и не были склонены к совершению преступлений перспективой иммунитета, император приказал тщательно обсудить этот вопрос, а тем временем приостановить действие седул 1518 и 1542 годов, в соответствии с чем они объявлены приостановленными, инквизиторам приказано больше не рассматривать дела фамильяров, а светским судам поручено преследовать их в судебном порядке в соответствии с законами. [1069]

Инквизиция не смирилась покорно с этим поражением, которое усугубилось тем, что светские суды истолковали его как наделяющее их юрисдикцией как над должностными лицами, так и над приближенными. Оно протестовало, сопротивлялось и проявляло так мало послушания, что кортес Вальядолида в 1548 году потребовал, чтобы оно было вынуждено ограничиться своими надлежащими функциями в вопросах веры. [1070] Ссоры и рецидивы войны продолжались, и, наконец, весь вопрос был передан хунте, состоящей по два члена от Верховного совета Кастилии. Представители инквизиции признали, что она была виновата в назначении слишком большого числа приближенных и в требовании для них всех льгот, предоставляемых наемным должностным лицам; представители Совета признали, что суды допустили ошибку, вмешавшись в гражданские и уголовные дела, должным образом относящиеся к Святой Канцелярии. Были сделаны взаимные уступки, результатом чего стало то, что было известно как Кастильская Конкордия 10 марта 1553 года — соглашение, которое инквизиция признала столетием позже, что ни одна из сторон его не соблюдала. [1071]

ЗАКОН В КАСТИЛИИ

"Конкордия" хранила молчание относительно наемных должностных лиц, таким образом оставляя им право активного и пассивного фуэро как в гражданских, так и в уголовных делах. Он полностью посвятил себя фамильярам, которые в этом, как и во многом другом, были главным источником неприятностей. После регулирования, как мы увидим далее, их количества и характера, он определил, что в гражданских делах они должны полностью подчиняться светским судам. Более того, ответственность за более тяжкие преступления также возлагалась исключительно на суды, в список которых входили государственная измена, противоестественные преступления, подстрекательство к мятежу, нарушение королевских правил безопасности, неподчинение королевским указам, предательство, изнасилование, похищение женщин, грабеж на большой дороге, поджог, взлом жилья и преступления более крупного масштаба, чем эти, а также сопротивление или формальное неуважение к королевским судам. Те, кто занимал этот пост, также могли предстать перед судом за

должностные преступления. Это оставляло только мелкие правонарушения, подпадающие под юрисдикцию инквизиции, и за эти фамильяры они подлежали аресту светскими магистратами при условии немедленной передачи инквизиции. Для сомнительных дел было предусмотрено, что, когда судья-непрофессионал и инквизитор не могли прийти к согласию, разногласий быть не должно, но доказательства должны были быть направлены в королевский суд, где по два члена Верховного суда и Совета Кастилии должны были принять решение относительно юрисдикции; для этого требовалось большинство, и в случае равного разделения голосов дело передавалось королю для окончательного решения. Обжалование этого решения не было разрешено, и тем временем обвиняемый оставался в тюрьме, в которую он был отправлен при аресте. [1072] Этот процесс разрешения споров стал известен как *компетенция*, подробности которого будут рассмотрены ниже.

Какая бы уступка, на которую пошла инквизиция, отказавшись таким образом от части своей юрисдикции в отношении фамильяров, была более чем компенсирована тем, что, очевидно, было частью соглашения: в тот же день была издана седула Филиппа, адресованная всем судебным органам, запрещающая им рассматривать апелляции любого рода на акты Святой Канцелярии (стр. 341). Таким образом, оно обеспечило себе полную автономию; оно стало самосудящим, ответственным только перед королем, а население было полностью отдано на его усмотрение.

Что касается Кастилии, то Конкордия 1553 года была окончательной. Это правда, что королевская седула Аранхуэса 28 апреля 1583 года распространила свои принципы на наемных чиновников, но нет никаких следов соблюдения этого. [1073] Еще один пункт был подвергнут временному изменению. Абсолютный отказ в правосудии, позволяющий инквизиторам рассматривать свои гражданские иски их собственными судами, привлек внимание спустя почти столетие, и 18 февраля 1641 года Верховный суд распорядился передать эти дела на его рассмотрение, когда, если сочтет нужным, он поручит трибуналу их заслушать, но это незначительное ограничение, похоже, вызвало настолько активную оппозицию, что оно было снято в течение трех месяцев встречным постановлением от 14 мая, вернув инквизиторам право выносить решения по своим собственным делам. [1074] Легко представить количество притеснений и зла, которые они могли бы таким образом причинить.

За этими тривиальными исключениями Конкордия оставалась законом в Кастилии. В 1568 году Филипп II издал седулу, в которой говорилось, что она не была соблюдена, поэтому он приказал строго соблюдать ее, и уже в 1775 году Карлос III считает, что она все еще в силе и должна соблюдаться всеми сторонами. [1075] Однако, если Филипп ожидал мира между соперничающими и ревнивыми юрисдикциями в результате Конкордии, он обманул себя. Оба жаждали ссоры, и недостатка в возможностях удовлетворить воинственные инстинкты не было. Светские суды возмущались вторжением инквизиции, которая старалась поддерживать антагонизм с помощью оскорбительного высокомерия своих методов всякий раз, когда между ними возникал какой-либо вопрос. Было достаточно поля для споров, поскольку инквизиция не только слабо определяла исключенные преступления, что порождало множество приятных вопросов, но и настойчиво доказывала, что, прежде чем королевские суды смогут принять дело к производству, преступление должно быть полностью доказано, поскольку фамильяр имеет право на фуэро до тех пор, пока его вина не будет установлена, таким образом, сохраняя в своих руках все жизненно важные части процесса и исключая светских судей. [1076] Затем круг исключенных случаев время от времени расширялся не только для приближенных, но и для

наемных должностных лиц различными указами, как мы видели в отношении пистолетов и огнестрельного оружия. Другим примером была седула Филиппа II в 1566 году, включая, среди исключений, нарушение королевской прагматики, которое было подвергнуто испытанию в 1594 году, когда канцелярия Гранады подала в суд на нотариуса трибунала за ношение более пышных воротничков, чем разрешала роскошная прагматика; трибунал отлучил судей от церкви, но, когда дело было передано в Верховный суд и Совет Кастилии, канцелярия была оправдана. [1077] В бешеных попытках сохранить ценность никчемных веллонских монет Филипп IV повторными эдиктами между 1631 и 1660 годами лишал приближенных и наемных чиновников фуэро премий, превышающих установленные законом, за драгоценные металлы, подделку или импорт низкопробных денег. [1078] Махинации с доходами от продажи табака также лишили всех нарушителей льгот по закону прагматики 1719 года, но его было трудно обеспечить, и его пришлось повторить в 1743 году, после чего, наконец, генеральный инквизитор Прадо-и-Куэста в 1747 году приказал трибуналам подчиниться ему. [1079]

ВАЛЕНСИЯ

Хотя Наварра находилась под короной Кастилии, действие Конкордии 1553 года было распространено на нее только в 1665 году королевской седулой от 9 мая. Вопросы, волновавшие остальную Испанию, по-видимому, редко поднимались там, поскольку мы мало слышим о них в этом квартале, хотя в 1564 году трибунал Логроньо пожаловался на вторжение светских судов в его юрисдикцию, и, как мы увидим ниже, время от времени возникали столкновения на тему колдовства, которые были *mixti fori*. [1080]

Королевства Арагонской короны были ареной гораздо больших проблем, чем королевства Кастилии, связанных с разграничением границ соперничающих юрисдикций, поскольку в них все еще существовали институты, которые могли протестовать против злоупотреблений и бороться за их устранение. Мы видели, какими непокорными они были, когда была введена инквизиция, и как энергично они боролись против последовавших за этим злоупотреблений. В Конкордиях 1512 и 1520 годов они получили определенные бумажные гарантии, но инквизиция с обычной недобросовестностью отмахнулась от них. Раздражение и враждебность стали хроническими, в результате чего им было отказано в некоторых незначительных послаблениях, дарованных Кастилии, на том основании, что характер населения и соседство еретиков Франции делали необходимым предоставление Святой Канцелярии больших привилегий, чем в остальной Испании.

Из трех королевств Валенсия доставляла меньше всего хлопот в этом вопросе. Тем не менее, случай, произошедший в 1540 году, является весьма показательным примером терроризма, в условиях которого королевские судьи исполняли свои обязанности. Доктор Феррер из Тортосы, один из судей, обратился к генеральному инквизитору Тавере, заявив, что в предыдущем году он приговорил к смертной казни убийцу, который полностью это заслужил. Теперь, когда пришел инквизитор, его враги утверждают, что преступником был фамильяр, хотя он никогда не утверждал, что является таковым, и в настоящее время сообщается, что инквизитор собирается привлечь его (Феррера) к ответственности. Если он виноват в чем-то, он с радостью примет наказание, но он умоляет не подвергаться позорному судебному разбирательству. На это

обращение Верховный суд ответил приказом инквизитору прислать ему все доказательства, какие он сможет собрать, и дожидаться ответа, прежде чем предпринимать действия. [1081] Очевидно, что все судьи по уголовным делам жили в атмосфере страха, что в любой момент честное выполнение ими своих функций может привести их к катастрофическому конфликту с трибуналом. Это оправдывает жалобы кортов 1547 и 1553 годов, последний из которых заявлял, что инквизиторы превысили свою юрисдикцию, вмешиваясь во многие дела, как гражданские, так и уголовные, которые не имели никакого отношения к ереси. Это вызвало серьезные нарушения правосудия и разногласия между юрисдикциями, в которых трибунал считал себя верховным и определял пределы своей собственной власти. Как ни велико было это зло, оно с каждым днем увеличивалось и становилось невыносимым, поэтому суды молились о том, чтобы этот вопрос был расследован и было проведено четкое определение между королевской юрисдикцией и юрисдикцией инквизиции. [1082]

ВАЛЕНСИЯ

Это привело к созданию хунты из членов Верховного суда и Совета Арагона, которые согласовали Конкордию, опубликованную принцем Филиппом 11 мая 1554 года. В нем он процитировал, что из-за большого числа приближенных и их стремления к тому, чтобы все их дела, гражданские и уголовные, рассматривались трибуналом, который стремился защитить их в этом от претензий королевских судей, возникло много споров, в результате которых вся Аудиенция была отлучена от церкви. Чтобы положить конец этой непристойной распре, он созвал хунту, результатом чего стали следующие статьи, которые он приказал соблюдать обеим сторонам, королевским чиновникам под страхом штрафа в тысячу флоринов и инквизиторам, поскольку они хотели угодить ему и императору. Первым пунктом при этом было сокращение чрезмерного числа фамильяров; в городе Валенсия их число не должно было превышать ста восьмидесяти; в городах с более чем тысячей очагов их могло быть восемь, в городах с более чем пятьюстами шестью, в небольших населенных пунктах - четыре, за исключением прибрежных городов, где могло быть на два больше. Списки всех назначенных лиц должны были быть представлены магистратам как для проверки превышений, так и для идентификации отдельных лиц. В гражданских исках они должны были пользоваться пассивным правом фуэро, но не активным; если в контрактах они отказывались от этой привилегии, условие оставалось в силе, в то время как, если другая сторона соглашалась признать юрисдикцию инквизиции, он не мог быть привлечен к ней. В уголовных делах инквизиция имела исключительную компетенцию в отношении должностных лиц, их слуг и семей, а также приближенных, но не их жен, детей и слуг. Когда возникали споры со светскими судами, следовало применять мягкие меры и по возможности избегать отлучения от церкви. Когда фамильяр заключал договор о мире и перемирии, он должен был быть приведен в исполнение в присутствии инквизитора, и, если в нем содержалось условие смертной казни за нарушение, инквизитор, в случае такого нарушения, должен был передать преступника в руки светской власти для предания смерти. Фамильяры, занимавшиеся торговлей, не могли пользоваться фуэро за мошенничество или нарушения муниципальных законов, а должностные лица, занимающие государственные должности, несли ответственность перед светскими судами за должностные преступления. [1083]

Казалось бы, это предоставляло инквизиции все, о чем у нее были какие-либо основания просить, но было невозможно связать инквизиторов каким-либо договором или соблюдать какие-либо правила. Письмо к ним от Верховного суда в сентябре 1560 года напоминает им, что

оно уже приказало им в случае с Хуаном Санчесом лишить его дружеских отношений, снять свои запреты и порицания и передать дело светскому судье, несмотря на то, что они пошли вперед и вынесли приговор; теперь, поскольку Санчес не является фамильяром, они должны положительно направить дело обратно в обычные суды. [1084] Когда существовало такое упорство в несправедливости, неудивительно, что на кортах Монсона в 1564 году депутаты Валенсии, как и депутаты Арагона и Каталонии, представили серию жалоб, касающихся главным образом злоупотреблений юрисдикцией. Так получилось, что у нас есть взгляд на ситуацию беспристрастного наблюдателя, венецианского посланника Джованни Соранцо, в его отношении от 1565 года, которое стоит повторить, хотя мы должны иметь в виду, что венецианский государственный деятель не мог отдать должное Филиппу II за честный фанатизм, лежащий в основе его характера. Упомянув о привилегиях арагонских королевств, он продолжает: “Король использует любую возможность, чтобы лишить их этих великих привилегий, и, зная, что нет более простого и надежного метода, чем через инквизицию, он постоянно повышает ее авторитет. В этих последних судах арагонцы молились о том, чтобы инквизиция не рассматривала никаких дел, кроме религиозных, и сказали, что они сильно сожалеют о том, что она охватывает бесконечное количество вещей, максимально удаленных от своей юрисдикции, и они представили множество дел, никоим образом не относящихся к ее обязанностям. По правде говоря, в настоящее время инквизиция вмешивается во все, без уважения к кому бы то ни было ранга или положения, и мы можем с уверенностью сказать, что этот трибунал является настоящим хозяином, который правит всей Испанией. Король ответил, что инквизиция не должна обсуждаться в Кортах, когда все они встали и пригрозили уйти, не закончив никаких других дел, если король не желает, чтобы они обсуждали вопрос, имеющий для них такое большое значение. Король успокоил их, пообещав, что по возвращении в Кастилию выслушает их жалобы и не преминет оказать соответствующую помощь. Но, несомненно, он сделал это для того, чтобы Суд закончился без восстания, его намерением было скорее увеличить, чем уменьшить значение инквизиции, ясно признавая ее средством поддержания своей репутации и поддержания людей в повиновении и страхе”. [1085]

ВАЛЕНСИЯ

Рассказ Соранцо о Кортах не совсем полон. Когда Филипп пообещал облегчение после своего возвращения в Кастилию, депутаты ответили, что они не хотели созываться в Кастилии и что они не пойдут дальше с субсидией, которую он хотел, пока они не будут удовлетворены. Заседания затягивались; терпение депутатов превысило его собственное, и он пообещал, что посетит трибуналы трех королевств, а затем, совместно с их Дипутадо, издаст новую серию постановлений. [1086] Обещание было выполнено. Франсиско де Сото Салазар, член Верховного суда, был отправлен в 1566 году со всеми полномочиями и инструкциями расследовать все злоупотребления, но особенно те, которые связаны с юрисдикцией в вопросах, не относящихся к вере. В Валенсии его внимание было особенно привлечено к практике назначения заместителей инквизиторов и должностных лиц и наделения их привилегиями фуэро, а также к механикам, работающим во дворце инквизиции и домах должностных лиц, а также к растущему числу приближенных и их характеру. [1087] Особенно в Каталонии он нашел много поводов для критики, как мы увидим позже, поскольку он выполнял свою миссию тщательно и добросовестно; он выслушивал все жалобы, расследовал их и возвращал Верховному Суду полные отчеты, которые едва ли касались методов всех трибуналов. Последовали продолжительные дебаты между Верховной властью, Советом Арагона и Дипутадо, и, наконец, в 1568 году была издана новая Конкордия. Примечательно, что

это больше не был королевский указ, а носил форму инструкций от генерального инквизитора Эспинозы и Верховного суда трибуналам, и король фигурировал в нем только как доведение его до сведения своих представителей и приказ о его соблюдении под страхом тысячи флоринов в сочетании с приказами благоволять инквизиции и ее должностным лицам, оказывать им всю необходимую помощь и защищать их привилегии.

Конкордия, предоставленная таким образом Валенсии, подтвердила соглашение 1554 года и предписала его соблюдение, добавив ряд специальных положений, наводящих на мысль о процветавших злоупотреблениях. Чтобы дать представление в некоторых деталях о причинах народного раздражения и о искомых средствах правовой защиты, я привожу краткое изложение статей, относящихся к этому предмету.

За пределами города местные магистраты должны рассматривать гражданские дела фамильяров, в которых фигурирует менее двенадцати либр.

Знакомые из других районов, поселяющиеся в Валенсии, теряют фуэро, но сохраняют его, если место жительства временное.

Число фамильяров должно быть сокращено до того, которое было предусмотрено в 1554 году, исключая наименее желательных.

Они должны явиться со своими поручениями к местным магистратам, чтобы быть включенными в списки, без чего они утрачивают право на освобождение.

Положение, лишаящее лиц, занимающихся торговлей, фуэро за мошенничество и правонарушения, совершенные в их бизнесе, которые не были соблюдены, должно быть приведено в исполнение.

Преступления, совершенные до назначения, не дают права на фуэро.

Ни один священнослужитель, ни религиозный, ни влиятельный дворянин или барон не должен быть назначен.

Консультанты не должны рассматриваться как официальные лица, а только лица, выполняющие поручения генерального инквизитора, к которым могут быть добавлены управляющий тюрьмой и два защитника заключенных.

В будущем слуги чиновников должны действительно быть слугами, живущими с ними и получающими регулярное жалованье, чтобы быть защищенными инквизиторами.

Инквизиторы не должны вмешиваться по просьбе официального лица или знакомого с правилами коллегии хирургов.

Любой знакомый, который является плотником и привозит древесину из сьерра-де-Куэнка, не должен находиться под защитой инквизиторов, а должен быть оставлен на усмотрение светского суда.

За исключением случаев ереси, инквизиторы не должны вмешиваться в отправление правосудия королевскими судьями под предлогом того, что виновные совершили относящиеся к ним правонарушения, но в таких случаях судьи должны быть уведомлены и им должно быть разрешено вершить правосудие, после чего инквизиторы могут назначить наказание. Однако в

случае ереси от заключенного могут потребовать возвращения после суда, при условии, что он не будет приговорен к смягчению наказания.

Фамильяры не подлежат защите ни при нарушении муниципальных правил, ни, во время эпидемии, при отказе соблюдать правила во избежание заражения; они должны представлять на проверку товары, которые они ввозят, и королевским судьям ничто не мешает налагать наказания, предусмотренные королевской прагматикой.

Уполномоченные не должны входить в компетенцию светских или церковных судей, а их помощники не должны пользоваться большими привилегиями, чем приближенные.

Лица, временно нанятые для производства арестов, или для чтения эдиктов, или в качестве прокуроров и т.д., не должны защищаться инквизиторами.

Поскольку инквизиционный округ Валенсии включает Теруэль в Арагоне и Тортосу в Каталонии, эти места не должны быть исключены из Конкордии под предлогом того, что в Конкордии 1554 года говорилось о королевстве Валенсия.

Вдовы чиновников, оставаясь незамужними, пользуются как гражданским, так и уголовным правом, но не их дети и семьи, как это было раньше, а вдовы приближенных лишены его, и инквизиторы не должны их защищать.

Судья, нанятый инквизиторами для рассмотрения дел должностных лиц и приближенных, подлежит увольнению; такие дела должны рассматриваться инквизиторами вне установленных часов службы, и за это они не взимают никакой платы.

Слуги и семьи наемных чиновников должны иметь пассивное фуэро только в гражданских делах, как фамильяры.

Инквизиторы больше не должны защищать фамильяров в вопросах распределения оросительной воды, ущерба урожаю, виноградникам, пастбищам, лесам, установки светильников, выдачи лицензий на строительство, уборку улиц, починку дорог и поставки провизии.

Инквизиторы не должны публиковать эдикты об отлучении от церкви за обнаружение долгов, краж или других скрытых преступлений, совершенных против должностных лиц и приближенных, а также подобные эдикты против любых правонарушителей, за исключением случаев ереси.

Лица, арестованные, за исключением ереси, должны содержаться не в секретной тюрьме, а в общественной, где они могут совещаться со своими адвокатами и прокурорами, и им должно быть разрешено слушать мессу и принимать причастия.

Фамильяры, занимающие государственные должности, не подлежат защите за служебные махинации или должностные преступления, но светским властям должно быть свободно разрешено вершить правосудие.

Инквизиторы не должны выдавать охранные удостоверения лицам, объявленным вне закона или сосланным королевскими судьями, за исключением случаев, связанных с верой, и то только на время, необходимое для того, чтобы предстать перед ними.

Когда какое-либо должностное лицо или фамилляр по уголовным или гражданским делам, не связанным с религией, молчаливо или явно соглашается со светской юрисдикцией или ссылается на духовенство, инквизиторы не должны защищать его или препятствовать светским судьям. И если какое-либо должностное лицо или знакомый наследует имущество в судебном порядке, дело должно оставаться в суде, где оно находится на рассмотрении.

Поскольку доверенные лица в гражданских делах обладают только пассивной, а не активной властью, больше не должны, как раньше, применяться уловки, такие как мнимое уголовное преследование и запреты, для получения информации по таким делам, но они должны проводиться в суде ответчика.

Когда по иску между посторонними принято решение, если какое-либо должностное лицо или фамилляр вмешивается, чтобы помешать исполнению решения, под предлогом того, что он владеет спорным имуществом или его частью, инквизиторы не должны поддерживать его в этом.

ВАЛЕНСИЯ

Если посторонний совершает преступление, находясь в компании должностного лица или фамилляра, или является соучастником преступления, совершенного должностным лицом или фамилляром, следователям должно быть известно не его дело, а только дело должностного лица или фамилляра.

Когда фамилляром совершено тяжкое преступление или против него, инквизиторы не должны посылать судью для сбора показаний или наказания с ежедневным жалованьем, но должны избегать расходов, поручая комиссару собирать доказательства.

Инквизиторы больше не должны обеспечивать соблюдение договоров о мире и перемирии, если они не были заключены до них или по их приказу.

Инквизиторы не должны знать о контрактах между посторонними из-за пункта, передающего их фуэро, равно как и о случаях пожертвований или уступки прав должностным лицам или приближенным.

Инквизиторы не должны защищать вдов должностных лиц и приближенных при отказе платить налоги и контрибуции.

Когда инквизиторам приходится вызывать к себе светских судей, это должно быть только в тех случаях, когда это неизбежно, и то только с большим вниманием.

Если банкротом является фамилляр, инквизиторы имеют об этом представление, но не в случае с посторонним лицом под предлогом того, что должностное лицо или фамилляр является кредитором.

Хранители не должны производить аресты или иное отправление правосудия без приказа инквизиторов.

Инквизиторы не должны возбуждать дела против приоров и должностных лиц гильдий и братств, которые взимают с фамилляра, являющегося членом, взносы в соответствии с

правилами ассоциации, или когда фамильяр управлял церковью, скитом или больницей и на него подали в суд за долги или причитающиеся взносы. [1088]

Другие просьбы и требования судов были отклонены, но те, которые были удовлетворены, в достаточной степени указывают на то, каким жестоким образом трибунал расширил свою юрисдикцию, как эта юрисдикция, по общему признанию, использовалась для защиты должностных лиц и приближенных в случаях нарушения закона, и насколько невыносимым было влияние на муниципальную и коммерческую жизнь высвобождения в обществе класса, который был вне досягаемости правосудия. Мы можем легко понять стремление незаконных и беспринципных людей получить должности, которые обеспечивали им такие привилегии, и почему было невозможно удержать инквизиторов в установленных пределах их полномочий по назначению.

Таким образом, после длительных усилий валенсийцы получили обещание существенного облегчения, но, как обычно, это обещание было дано только для того, чтобы его нарушили. Быстро выяснилось, насколько слабым было намерение провести реформу в жизнь, поскольку, когда власти, естественно, приказали напечатать новую Конкордию, чтобы суды и сельские магистраты могли руководствоваться ею в своих отношениях с чиновниками и приближенными, инквизиторы сразу же приказали типографиям приостановить работу и обратились к королю, который приказал сдать все экземпляры. [1089] Хотя соглашение было постоянным и оставалось в силе до конца, оно, по-видимому, никогда не публиковалось для общей информации. В настоящий момент это рассматривалось как значительное ограничение светской юрисдикции трибунала, и достойный валенсийский инквизитор Хуан де Рохас говорит, что ему стыдно упоминать о его подавленном и ослабленном состоянии, которое нанесло большой ущерб вере. [1090] Его скорбь была излишней; трибунал не привык быть связанным законом, и его методам обеспечения соблюдения своих предполагаемых прерогатив было трудно сопротивляться. В 1585 году в Кортах накопилось новое количество жалоб, которые по приказу короля Супрема направил инквизиторам с приказом сообщить Святой канцелярии о наиболее выгодном способе их удовлетворения.

ВАЛЕНСИЯ

Если бы позволяло место, можно было бы привести множество примеров, доказывающих справедливость этих жалоб. Фактически, переписка между Верховной Властью и трибуналом за последние пятнадцать лет шестнадцатого века в основном посвящена делам о компетенции, вытекающим из преступлений всех видов, совершенных приближенными, и наказаниям, назначаемым трибуналом, самым тяжелым из которых в двух или трех случаях являются галеры. Иногда обвинения снимаются, и в целом преступникам, похоже, удается так легко отделаться, что судебное преследование только поощряет их беззаконие. [1092] С течением времени улучшения не наблюдалось, и стоит упомянуть случай, произошедший в 1632 году, как иллюстрирующий результаты *фуэро* и дух, в котором оно проводилось трибуналом. Дон Мартин Сантис был убит выстрелами из пистолета, когда возвращался с несколькими доминиканцами в карете из Грао Валенсии в город. Четверо известных фамильяров, Педро Ребер, Джоан Чиурана, Хайме Блау и Каликсто Тафалла, попали под подозрение и были арестованы аудиенсией. Трибунал предъявил на них свои права, была сформирована компетенция, и дело было передано на рассмотрение Верховного суда и Совета Арагона. Маркиз лос-Велес, вице-король, воспользовался этим, чтобы сообщить Филиппу IV о беспорядках и скандалах, вызванных

преступными кругами, находившимися под защитой инквизиции. Этот документ был передан в Совет Арагона, который 21 июля представил консультацию по этому вопросу. В нем говорится, что в Валенсии не на что надеяться на мир или безопасность, если не будет проведена реформа в отборе приближенных, поскольку там не совершается ни одного преступления, в котором они не были бы руководителями или соучастниками, в уверенности, что они спасутся бегством благодаря вмешательству трибунала, поскольку нет никого, каким бы виновным он ни был в чудовищном преступлении, кого не видели бы свободно разгуливающим по улицам. Во всех беспорядках фамильяры признаются зачинщиками, и цель их назначения - только получить иммунитет за свои преступления. В Валенсии Педро Реверт, Джоан Чиурана и Себастьян Аделл, все знакомые, являются главными нарушителями спокойствия. Итак, в Вильяреале, месте, печально известном убийствами, Хайме Блау был движущей силой. В Бениньяmine, где постоянно происходят вспышки, лидерами фракций являются Грасиан Эспанья, Мартин Барсела и другие, также знакомые. То же самое происходит в Ориуэле с Хуаном Гарсией де Эспехо и другими. Едва ли где-нибудь есть проблемы, в которых фамильяры не замешаны, и они с каждым днем становятся все более наглыми из-за безнаказанности, ибо инквизиторы никогда не наказывают с должной суровостью. Одним из результатов является то, что практически невозможно собрать доказательства против этих злоумышленников, поскольку свидетели знают, что они вскоре будут освобождены и отомстят за себя. Правосудие не может быть отправлено, и следует ожидать еще большего зла, если король не предоставит средства правовой защиты. Если будет трудно пересмотреть Конкордию и ввести необходимые положения, по крайней мере, король может приказывать уволить этих приближенных и проявлять большую осторожность при новых назначениях. Все вице-короли признали эти препятствия на пути к правосудию, поскольку эти люди добиваются освобождения от светских судов только для того, чтобы иметь свободу совершать преступления.

Мы могли бы счесть многое из этого преувеличением, если бы Верховный не признал его истинность молчаливо, передавая его в Валенсию с инструкциями относительно информации, на которой должен основываться ответ. Здесь нет упрека или призыва к исправлению, но инквизиторам приказано действовать с максимальной осторожностью и секретностью; сообщать о количестве знакомых в Валенсии и о том, сколько из них не состоят в браке; сообщать подробности о случаях, приведенных Советом Арагона, и о том, какие наказания были применены; каков послужной список лиц, причастных к убийству дон Мартин Санти; тайно получать статистику преступлений в Валенсии за последние десять лет, совершенных теми, кто не был освобожден от ответственности, о наказаниях, назначенных королевским судом, и были ли они впоследствии отменены; были ли, когда трибунал судил фамильяров, сообщники подвергались судебному преследованию в королевских судах, и если да, то какие приговоры были вынесены; также провести тайное расследование относительно обещаний, данных фамильярам судьями, легко отпустить их, если они не будут требовать фуэро, и, наконец, представить список дел, в которых трибунал наказывал своих должностных лиц за незначительные правонарушения. В целом, очевидно, что усилия были направлены гораздо меньше на то, чтобы предложить оправдание, чем на то, чтобы сделать *правильный* ответ. Очевидно, запрошенные трибуналом статистические данные были неудовлетворительными, поскольку они не были использованы в ответе, представленном 6 октября, в котором, после попытки опровергнуть утверждения вице-короля и Совета Арагона, Супрема обвинил светские суды и их должностных лиц в постоянном преследовании приближенных, которые были арестованы по малейшему подозрению, признаны виновными, а затем жестоким обращением

были вынуждены отречься от фуэро. Предложения о реформе были легкомысленно отвергнуты. Уволить провинившихся фамильяров было бы практически невозможно, учитывая последствия этого для их семей и родни. Расспрашивать королевских чиновников о характере претендентов на назначение было недопустимо, поскольку это позволило бы им участвовать в деле, к которому они не имели никакого отношения. Истинным лекарством от проблем было бы обеспечить инквизиции ее права, запретив светским судам присваивать себе какую-либо юрисдикцию в отношении фамильяров. Короче говоря, это была вспышка страсти, исключавшая всякую надежду на исправление, на что король ответил, приказав Верховному суду проследить, чтобы трибунал не применял насильственных мер против королевских чиновников, но сообщать ему о любых превышениях его полномочий. Очевидно, от него ничего нельзя было ожидать, и действительно, 6 августа он написал вице-королю, что дело должно идти своим чередом в рамках компетенции и инквизиторы не должны применять запретительные меры или вызывать судей для явки к ним. Результатом было обычное рассмотрение дела трибуналом; по крайней мере, один из обвиняемых, Хайме Блау, был признан виновным, поскольку у нас есть недостаточный приговор, приговоривший его к изгнанию и штрафу в триста дукатов — приговор, который во многом объясняет стремление инквизиторов расширить свою юрисдикцию, поскольку они редко применяли телесные наказания к своим провинившимся должностным лицам, когда денежные наказания были намного выгоднее. [1093]

ВАЛЕНСИЯ

Тот же дух был продемонстрирован, когда в 1649 году беспорядки между вооруженными бандами побудили Филиппа IV приказать Верховной власти проинструктировать инквизиторов о том, что приближенные и должностные лица, участвующие в этих драках или оказывающие помощь миротворцам, не должны пользоваться фуэро и что трибунал не должен защищать их или вмешиваться в ход правосудия. Вместо того чтобы повиноваться, Верховный ответил, что приостанавливает действие приказа до тех пор, пока король не будет лучше проинформирован. Затем последовал долгий спор, чтобы показать, что вера окажется под угрозой из-за такого ограничения привилегий Священной канцелярии. Кроме того, подобные фракционные разборки всегда были обычным делом в Валенсии, и было невозможно не отдать предпочтение той или иной стороне, поскольку эти вооруженные банды требовали все, что хотели, — денег, еды или одежды, — и люди были вынуждены отдавать это, рискуя сжечь урожай или перерезать горло. Консультация закончилась дерзким предложением о том, что в будущем королю было бы гораздо лучше, прежде чем издавать такие указы, сообщить Верховному Совету о консультациях других советов, на которых они основаны, чтобы можно было сформировать хунту и обсудить этот вопрос. [1094]

Очевидно, Верховный Суд постановил, что это полудикое состояние общества следует поощрять, оказывая поддержку фракционерам, и при таких условиях улучшение ситуации было невозможно. Соперничество юрисдикций парализовало закон, и возникали постоянные трения из-за самых незначительных мелочей, поскольку трибунал всегда был начеку, чтобы противостоять малейшему нарушению его прерогатив или пренебрежению его достоинством. Когда в 1702 году Хасинто Надаль, знакомый Онтеньенте, получил повестку явиться к дону

Педро Доменеку, судье по уголовным делам Аудиенсии, он сразу же подал апелляцию в трибунал, который 29 мая сообщил, что он находится под арестом с 25 марта и документы по любому обвинению против него должны быть переданы ему. Оказалось, что Доменек всего лишь хотел, чтобы он обеспечил безопасность своего сына, и, когда это было сделано, инквизиторы пожаловались, что Надаль поступил неправильно, обратившись к судье после обращения к ним, и что Доменек не относился к ним с должным уважением, так что потребовалось несколько месяцев, чтобы договориться о перемирии между ними. [1095]

Арагон был источником еще больших неприятностей, чем Валенсия. Народный дух был более независимым, он сопротивлялся введению инквизиции до тех пор, пока убийство Сан-Педро Арбуэса не сделало дальнейшее противодействие невозможным, его лишили плодов упорства Хуана Прата, и он обладал особым институтом, предназначенным для ограничения посягательств суверенной власти и хорошо приспособленным для сдерживания высокомерия чего-либо менее грозного, чем смешанная духовная и светская юрисдикция Святой Канцелярии.

АРАГОН

Происхождение суда Justicia of Aragon было наивно отнесено арагонцами к легендарным временам королевства Собрарве, и в теории последнего автора на эту тему есть большая вероятность, что христиане унаследовали его от покоренных мавров. [1096] В тринадцатом веке Юстиция уже была судьей между королем и его подданными; были приняты все меры предосторожности, чтобы сделать его независимым; король не смещал его, и даже его отставка была недействительной; он не мог принять никакой должности от короля; он не подлежал аресту, и в случае судебного преследования суды выносили ему приговор; каждый человек в королевстве был обязан подчиняться его приказам, уважать его решения и помогать в их исполнении. Его двор состоял из его ассессоров или лейтенантов, первоначально назначенных им, но впоследствии королем. Корты 1528 года увеличили это число до пяти, представив пятнадцать имен Карлу V, который отобрал пятерых, в то время как остальные были помещены в *больсу* и разыгрывались по мере появления вакансий. Они были фактически равны Justicia, поскольку для принятия всех решений требовалось согласие большинства, и принимались все меры предосторожности для обеспечения их независимости. [1097] Это правда, что, несмотря на неприкосновенность правосудия, были зафиксированы случаи, когда судьи уступали дорогу, и что после подавления восстания, вызванного Антонио Пересом, в 1591 году судья Хуан де Лануза был обезглавлен без суда, а в ходе последовавших за этим судебных процессов в Тарасоне назначение как судей, так и лейтенантов было передано королю. [1098] Тем не менее, арагонцы с величайшей гордостью и почтением относились к суду Юстиции как к гаранту их свобод и высшему проявлению судебной власти, существующей в мире; это были узы, объединявшие государство, и основа его спокойствия. Когда Юстиция санкционировала возглас *Contrafuero! Viva la Libertad y ayuda á la Libertad!* он призывал каждого гражданина выступить с оружием в руках на защиту свобод своей страны. Более того, он имел право воздерживаться от исполнения всех папских указов, а его авторитет в церковных вопросах в целом привел к тому, что в народе его называли женатым папой. [1099]

Насколько нам известно, полномочия суда осуществлялись посредством двух процессов: *манифестации* и *фирмы*. Первое было своего рода хабеас корпус, в соответствии с которым

лицо должно было предстать перед судом либо для освобождения под залог, либо для заключения в *карцель де манифестадос* - специальной тюрьме, над которой даже король не имел юрисдикции. Призыв к манифестации должен был быть исполнен, даже если субъект находился на виселице с уздечкой на шее, или если он был адресован высшему светскому или духовному суду страны. Это была привилегия, на которую имел право каждый гражданин; когда в 1532 году Карл V отдал приказ о том, что дон Педро де Луна должен быть лишен ее, ему не подчинились, и к нему в Германию был направлен специальный посланник с просьбой о скорейшем отзыве командования, поскольку до возвращения гонца страна будет находиться в большом напряжении. *Решение* было различного рода, но в целом оно носило характер судебного запрета, прекращающего все судебные разбирательства и вызывающего стороны в суд *Justicia*, где будут рассматриваться их дела, и это было особенно полезно для предотвращения произвольных арестов и конфискации имущества. За неподчинением фирме немедленно следовал временный арест, и, согласно фуэро короля Мартина, это могло быть предъявлено самому королю. Одно было вручено Карлу V в Вальядолиде, и еще одно - папскому нунцию, и, когда последний проигнорировал его, его временные полномочия были наложены секвестром. Такая юрисдикция не могла не вступить в столкновение с инквизицией, против которой часто ссылались на ее полномочия, и излюбленный прием трибунала - уклоняться от службы, закрывая свои двери, оказался бесполезным, поскольку прикрепление фирмы к воротам считалось юридической услугой. В 1561 году Юстиция удовлетворила манифестацию дона Хуана Франсеса дель Ариньо по делу, не основанному на вере; трибунал приготовился ответить грозным отлучением от церкви, но суд вынес *monitorio* против этого, когда было достигнуто соглашение, которое обе стороны сочли удовлетворительным. В том же году, когда инквизиторы арестовали Бартоломе Гарате, секретаря суда, они провели над ними мониторинг, а в 1563 году сделали то же самое в отношении порицаний, вынесенных Огюстену де Морланесу из уголовного совета Аудиенции. В 1626 году, когда Педро Банет, секретарь трибунала, был обвинен в убийстве Хуана Доминго Сервето, действия инквизиторов привели к выдаче против них фирмы и *monitorio*, в соответствии с которыми их временные права были конфискованы, и за этим последовала другая фирма, запрещающая применение отлучения от церкви. [1100]

АРАГОН

При таких институтах, движимых таким духом, расширение временной юрисдикции Святой Канцелярии неизбежно должно было спровоцировать ожесточенный и затяжной конфликт. Мы видели раннюю борьбу по этому поводу; как монарх и инквизиция добивались уступок, которые были ими проигнорированы, как только кратковременное давление прошло, и как протесты судов 1528 и 1533 годов были презрительно отвергнуты. Жалобы были реальными, и Верховный знал, что они таковы, но политика неизменно заключалась в отрицании их существования и отказе в исправлении, когда об этом просили пострадавшие. Характер, с которым выслушивались жалобы, в значительной степени проявился, когда в 1533 году суды Монсона приняли определенные статьи и представили их генеральному инквизитору Манрике и Верховной раде с просьбой принять их. Вслед за этим Мигель де Гальбе, фискал трибунала Лериды, направил Манрике официальное обвинение, назвав четырех членов Суда, которые, по-видимому, были комитетом, уполномоченным поддерживать связь с Верховной Властью, с просьбой о том, чтобы они и все, кто защищал статьи, были привлечены к ответственности как покровители еретиков, препятствующие инквизиции и возмущающие ее, в то время как статьи, о которых идет речь, должны быть публично разорваны и сожжены как осужденные и подозреваемые в ереси, наносящей ущерб чести Бога и наносящей ущерб Святой канцелярии.

[1101] Парламентская дискуссия, несомненно, была теплой, а свобода дебатов и законодательство противоречили принципам Священной канцелярии. Возможно, именно неприятный опыт Супремы в этом случае побудил ее держаться подальше от кордонов Монзона в 1537 году и приказать инквизиторам поступить так же или, если их обязанности призывали их туда, хранить молчание. Таким образом, когда суды попросили императора заставить инквизицию подчиняться законам, он смог пообещать соответственно, и тогда Верховный суд впоследствии смог оспорить это на консультации. [1102]

Судебный указ принца Филиппа от 1545 года касался только Кастилии, и Арагону хладнокровно сообщили, что в нем другие обычаи. Злоупотребления продолжались бесконтрольно, и в 1547 году в суде Монзона генеральному инквизитору была представлена длинная череда жалоб, как будто корона перестала быть важным фактором. Булла *Pastoralis officii*, которой Лев X утвердил Конкордию 1512 года, ограничила число приближенных десятью постоянными в Сарагосе и десятью временными в других местах по мере необходимости, вместо которых их число составляло от пятисот до тысячи; булла предписывала, чтобы это были женатые люди с хорошей репутацией, вместо которых многие были бандитами, убийцами и заведомо дурной жизнью; булла предписывала увольнять чиновников и приближенных, которые не платили свои долги или занимались торговлей, в то время как фуэро предназначалось для покрытия полученных долгов и правонарушений. совершенные до назначения; когда они становились банкротами, они находили убежище в суде, и кредиторы оставались неоплаченными; если они были кредиторами банкрота, они конфисковывали все активы, а другие ничего не получали; мужчины добивались назначения, чтобы безопасно отомстить своим врагам; с них было невозможно взыскать долги, и эта защита распространялась даже на женщин. Женщина, утверждавшая, что ее отец был фамильяром, таким образом, была защищена от своих кредиторов; брат нотариуса трибунала, совершивший преступление, вызвал арест потерпевших сторон, и инквизиторы удерживали их до тех пор, пока они не были вынуждены пойти на компромисс. Насколько мало было надежды на исправление всего этого, видно по презрительному безразличию, с которым генеральный инквизитор Вальдес ответил на несколько статей. Что касается того, что бандиты и убийцы становятся привычными, он сказал, что инквизиция нуждается во всевозможных чиновниках для выполнения своих различных функций, а что касается конкретных жалоб, то стереотипным ответом было то, что любой человек, считающий себя потерпевшим, может обратиться к Верховной Власти и добиться справедливости. [1103]

Конкордия 1553 года была применима только к Кастилии, а Конкордия 1554 года - к Валенсии. Арагон остался без незначительного смягчения, предусмотренного в последнем, поскольку корректировки 1512 и 1521 годов рассматривались как несуществующие. На Кортах 1563-1564 годов жалобы были настолько оживленными, что, как мы видели, Филипп пообещал провести расследование, результатом которого стало Конкордия 1568 года. Формула для Арагона была практически такой же, как и объединенные Конкордии Валенсии 1554 и 1568 годов, зло, от которого страдали два королевства, было практически одинаковым. Как обычно, фамильяры были тем классом, который вызывал самую ожесточенную враждебность. Все их комиссии должны были быть вызваны, а затем шестьдесят человек должны были быть назначены в Сарагосу, в то время как другие города были распределены от восьми до одного или двух в зависимости от численности населения. Их характер должен был быть тщательно изучен, и все бандиты, убийцы, преступники, могущественные дворяне, слабаки и священнослужители

должны были быть исключены, и никто не должен был наслаждаться фуэро, имени которого не было в списках, представленных магистратам. В уголовных делах у них должны были быть активные и пассивные фуэро, но в гражданских исках - только пассивные; то же самое было со слугами чиновников, в то время как сами чиновники имели активные и пассивные права как в гражданских, так и в уголовных делах. Королевским судьям предписывалось соблюдать максимальную осторожность и умеренность при применении запретов и отлучении от церкви, а королевские альгвасилы не подлежали аресту, за исключением случаев серьезного и заведомого нарушения прав инквизиции. [1104]

АРАГОН

"Конкордия" не принесла согласия. В 1571 году возник ожесточенный спор между трибуналом и судом Justicia, в ходе которого свободно использовались отлучения от церкви, и в декабре Дипутадо обратились к Пию V с просьбой возбудить дело и снять порицания, но он велел им обратиться к генеральному инквизитору. После смерти Пия королевство настояло на согласии с Григорием XIII и в декабре 1572 года добилось от него передачи дела Супреме или Понсе де Леону, новому генеральному инквизитору, но в то же время он приказал найти какое-либо средство, чтобы помешать инквизиторам злоупотреблять привилегиями, предоставленными им канониками и папами. [1105] В следующем, 1573 году, королевство подало официальные жалобы на нарушения Конкордии, и к 1585 году обострение достигло такой степени, что Корты запросили новую конкордию. Филипп пообещал послать человека в Сарагосу для сбора информации о жалобах, выдвинутых против определенных инквизиторов и должностных лиц, после чего были приняты меры для составления и принятия или отклонения нового соглашения, но нет никаких следов какого-либо достигнутого взаимопонимания. [1106] Ссоры обязательно продолжались с небольшими перерывами. В 1613 году удаление королевским комиссаром Тамарита имени Хуана Порке, фамильяра, из неприкосновенности привело к большим волнениям, которые запомнились надолго, а в 1619 году произошло столкновение между трибуналом и генерал-капитаном, которое вызвало большой скандал, в результате чего губернатор был вызван в Мадрид, где его продержали четыре года. [1107]

Так продолжалось до тех пор, пока в 1626 году Корты не были снова собраны. Было известно, что будут выдвинуты требования об облегчении, и Супрема попросил Филиппа представить ему все предложенные статьи, в ответ на что он заверил его, что его предубеждения не будут изменены, но что он добьется увеличения его привилегий. [1108] Главным делом Кортыв были вопросы, связанные с инквизицией. Филипп не присутствовал, а его представитель, граф Монтеррей, не чувствовал себя уполномоченным удовлетворить выдвинутые требования. Единственным предпринятым абсолютным действием было принятие в качестве *fuero* или закона Конкордии 1568 года, которая до сих пор имела силу только приказов короля и генерального инквизитора. Что касается реформы, то она была оставлена на усмотрение комиссии, состоящей, с одной стороны, из королевских назначенцев, а с другой - из четырех делегатов, назначенных каждым из четырех *бразо* или сословий. Комиссия подготовила серию из четырнадцати статей, ни в коем случае не радикальных по своему характеру, но Филипп медлил с их подтверждением или отклонением; в 1627 году Супрема обратилась к Риму с просьбой воздержаться от папской санкции, и им было спокойно разрешено отказаться под предлогом того, что Конкордии 1568 года, которая теперь стала законом, будет достаточно, чтобы предотвратить будущие основания для подачи жалоб. Насколько тщетным это было, видно из конфликта, который произошел во время заседания комиссии. Ассессор губернатора,

как и полагалось по долгу службы, вошел в дом секретаря трибунала на *месте преступления* связи с приписываемым ему самым подлым убийством. Хотя его обязанность сделать это была общеизвестна, с обеих сторон последовали аресты подчиненных, и возмущенных людей с трудом сдерживали от беспорядков. Королевские чиновники немедленно предприняли шаги по формированию компетенции в соответствии с Конкордией, которая только что была возведена в ранг закона; это потребовало приостановления всех разбирательств, но инквизиторы отлучили заседателя от церкви, отказавшись участвовать в компетенции, потому что, как они утверждали, дело было очевидным, таким образом предполагая, что они могут отменить весь закон, просто заявив, что дело было очевидным. [1109]

АРАГОН

Инквизиция никогда не была ограничена Конкордией, и теперь, когда она снова поставила в тупик Суды, она была еще менее склонна подчиняться ограничениям. Ссоры продолжались столь же ожесточенно, как и прежде, единственный пример чего проиллюстрирует его неукротимую тенденцию расширять свою юрисдикцию под всеми возможными предлогами. Беренгер де Сан-Висенте из Уэски в 1534 году основал в этом городе колледж Сантьяго, и когда в 1538 году муниципалитет выделил более шести тысяч дукатов, он сделал магистратов его покровителями. В 1542 году он выхлопотал у Карла V седулу, утвержденную папой римским, делающую инквизиторов Арагона посетителями или инспекторами коллегии во время королевского соизволения и до тех пор, пока они должны лояльно и хорошо выполнять свои функции. Эту надзорную функцию они растянули со временем, чтобы подчинить колледж и всех его членов своей юрисдикции, хотя в 1643 году утверждалось, что последнее посещение было совершено в 1624 году. Этой властью они пользовались самым произвольным образом. Когда была предпринята попытка поджечь колледж и город предложил награду за обнаружение зажигательной смеси, они вмешались, пригрозив интердиктом, и запугали горожан, заставив их подчиниться. В 1643 году пасквиада против некоторых жителей привела к судебному преследованию ректора колледжа, доктора Хуана Лоренцо Саласа, который быстро добыл письма из трибунала, запрещающие дальнейшее разбирательство и требующие все бумаги. Терпение Уэски лопнуло. Оно объявило свое положение нетерпимым, поскольку студенты апеллировали к фуэро во всех спорах с горожанами, и результатом стимула, данного таким образом этой неспокойной стихии, было отгонение населения, и каждый жил в предчувствии какого-то ужасного события. Чтобы получить облегчение, оно обратилось в Audiencia за разрешением, но ему сказали, что это невозможно, после чего оно получило от суда юстиции *твердое решение*, запрещающее инквизиторам действовать; они отказались разрешить его вручение, когда оно было вывешено на воротах Альхаферии с уведомлением, что, если ответ не будет дан в течение тридцати дней, за этим последует изгнание и наложение временного ареста. Верховный суд приказал инквизиторам в ответ отлучить от церкви всех, кого это касалось. Филипп находился тогда в Сарагосе, направляясь в Каталонию, чтобы встать во главе своей армии, поскольку позор Оливареса вынудил его не только царствовать, но и управлять страной, но он был вынужден отвлекать свои мысли этими жалкими дрязгами. Совет Арагона обратился к нему с просьбой потребовать от инквизиторов указать причину, по которой они не должны быть лишены свидания, и обязать всех хранить молчание до тех пор, пока он не примет решение; аудиенция вынесла заключение, что суд справедливости не может отказать в выдаче ордера, и, если заявитель настаивает на его вручении, он должен быть вручен, если потребуются задействовать всю мощь королевства. С другой стороны, Верховный суд заявил, что служба фирмы не имеет себе равных, и призвал короля поддержать инквизицию в деле, от

которого зависело крушение или сохранение монархии, поскольку было бы лучше закрыть Святую Канцелярию, чем подвергать ее юрисдикцию такому позору, в то время как в эти катастрофические времена благосклонность, проявленная к инквизиции, умиротворила бы Бога и обеспечила успех его оружия. Ответ Филиппа был длинным и невнятным, он колебался между своим почтением к инквизиции и страхом вызвать крайнее отчуждение арагонцев, нарушив их самые дорогие привилегии. Если Уэска откажется от службы фирме, он прикажет трибуналу сформировать компетенцию. Уэска, однако, была непреклонна; само ее существование, по ее утверждению, было поставлено на карту, и она умоляла короля не вмешиваться в средства правовой защиты, к которым она была вынуждена, и, передавая этот ответ королю, Совет Арагона предупредил его, что он не может помешать Уэске служить фирме, поскольку это было бы заведомым нарушением закона в вопросе, который королевство считает наиболее существенным. Тем не менее, в конце концов, этот вопрос был обойден назначением посетителем колледжа инквизитора Хуана Льяно де Вальдеса, которому удалось достичь соглашения с городом. Похоже, что после этого были назначены специальные посетители, в 1665 году мы слышим о таком назначении инквизитора Карлоса дель Хойи, и можно усомниться в том, что Уэска многого добилась. [1110]

Эти беспорядки знаменуют наивысшую точку, достигнутую инквизицией в Арагоне в отношении ее временной юрисдикции. Насколько мало на самом деле было поводов для жалоб и как Арагон, несмотря на свою твердую независимость, подвергался большим злоупотреблениям, чем те, которые были допущены в Кастилии, видно из предложения, сделанного Верховной властью 11 февраля 1643 года в ответ на требование короля изобрести какой-нибудь новый источник сбора денег для обанкротившейся казны. Это означало, что если бы он предоставил кастильским фамильярам те же привилегии активного и пассивного фуэро, которыми пользуются арагонцы, они с радостью внесли бы свой вклад в значительную оценку с дополнительным преимуществом в виде уменьшения компетенции, которая вызвала столько хлопот и потери времени. [1111] Такое предложение отражает меру вреда, причиненного обществу теми, кто воспользовался своим освобождением от светских судов, поскольку даже более ограниченные привилегии кастильских фамильяров делали это положение желанным, несмотря на значительные затраты на доказательство прецедентного состояния *limpieza*, или чистоты крови. Это зло значительно усугублялось тем фактом, как мы увидим ниже, что трибуналы никогда не принимали во внимание ограничение численности, предписанное Конкордиями, но наполнили страну этими привилегированными лицами, которые, по большей части, наилучшим образом использовали защиту Святой Канцелярии.

АРАГОН

То, что Арагон постоянно проявлял беспокойство в условиях этой неблагоприятной дискриминации, было неизбежно, и пришло время, когда он мог диктовать, а не умолять. Со времени Кортеса 1626 года прошло двадцать лет, прежде чем Филипп оказался вынужден собрать их снова. Ситуация была отчаянной; каталонское восстание должно было закончиться постоянным отчуждением княжества от Франции, и было неразумно подвергать слишком серьезному испытанию лояльность Арагона, когда корты встретились 20 сентября 1645 года на заседание, длившееся пятнадцать месяцев. Готовясь к борьбе, 30 сентября Верховный представил королю тщательно аргументированный меморандум, в котором говорилось, что

бедствия войны должны побудить его к большому рвению в укреплении инквизиции новыми милостями и привилегиями, чтобы снискать благосклонность Бога, делу которого они служили и от которого одного можно было ожидать облегчения. Поэтому было предложено, чтобы любые требования по этому вопросу были предъявлены для обсуждения с генеральным инквизитором и Верховной властью. [1112] Филипп, несомненно, дал желаемое обещание, но арагонцы слишком часто обнаруживали, что их надежды рушатся таким образом, чтобы снова подчиниться ему при существующих обстоятельствах.

Корты, не теряя времени, представили свою петицию по этому вопросу, в которой требовали радикальных реформ во всех королевствах Арагона. Юрисдикция инквизиции должна была ограничиваться делами о вере и гражданскими и уголовными исками между ее должностными лицами. В некоторых смешанных случаях, таких как двоеженство, противоестественные преступления, колдовство, домогательство и цензура, он должен обладать совокупной юрисдикцией соответствующих светских и духовных судов. Был добавлен ряд второстепенных моментов, включая требование о том, чтобы все инквизиторы и официальные лица были местными жителями, и было многозначительно указано, что петиция была подана так рано для того, чтобы ее можно было удовлетворить, чтобы суды могли более охотно приступить к оказанию услуг, о которых просили. Этот документ был представлен Верховной власти, которая ответила в долгой консультации 31 марта 1646 года, утверждая, что инквизиция была введена в Арагоне без закона и не зависела ни от какого закона. Он продолжил демонстрировать, как мы видели (стр. 345), что его временная юрисдикция была неотчуждаемой и что Конкордии были договорами, которые не могли быть изменены без его согласия. Чиновники вызывали такое отвращение, что они не могли бы выполнять свои обязанности, если бы не были таким образом защищены. Если корты будут упрямо настаивать, королю было предложено, подобно Карлу V в 1518 году, вспомнить о своей душе и совести и предпочесть потерю части своих владений, чем согласиться на что-либо, противоречащее чести Бога и авторитету инквизиции. [1113]

Политика Suprema заключалась в том, чтобы перенести войну в Африку, и за этим манифестом последовал другой, требующий запретить суду Justicia издавать постановления и манифестации по делам, касающимся инквизиции. Обе стороны запросили больше, чем ожидали получить, и, когда суды ответили на эти документы 20 июня, после многочисленных цитат, опровергающих аргументы Верховного суда, и описания трудностей, вызванных существующей системой, они открыли путь к компромиссу, указав, что Кастилия почти сто лет наслаждалась тем, о чем тщетно молился Арагон, и в заключение предположив, что лучшим решением было бы даровать Арагону Кастильскую Конкордию, которая была тщательно обсуждена юристами и ее практическое применение определено и понято. [1114]

Наконец, требования судов были сформулированы в серии из двадцати семи статей, которые были благоразумно объявлены законом, независимо от того, подтвержден он генеральным инквизитором или нет. Из них существенные лишили фамильяров активного и пассивного права в гражданских исках, активного права в уголовных делах и исключили некоторые конкретные преступления из пассива. Слуги наемных чиновников были поставлены в равные условия в уголовных делах. Число как приближенных, так и наемных чиновников было ограничено четырьмя сотнями пятьюдесятью по всему королевству, и те, кто занимал должность, были лишены фуэро за служебные проступки; в случаях, не связанных с вероисповеданием, применение пыток было запрещено, равно как и заключение в секретную тюрьму; все дела, гражданские или уголовные, должны были быть завершены в течение двух лет; мошенническое

отчуждение имущества должностным лицам с целью передачи его под фуэро, было признано недействительным; все лица или организации, в случае нарушения этих положений, имели право воспользоваться всеми средствами правовой защиты, известными законам страны, в то время как за трибуналом было закреплено право применять порицания и другие юридические процедуры. Была сделана уступка, предоставив как должностным лицам, так и приближенным право убежища в их домах, освобождение от расквартирования, освобождение от ареста за долги, право занимать должности и свободу от пошлин, переправ и т.д. В обмен на это корты были щедры к военнослужащим, согласившись держать на поле боя две тысячи пеших и пятьсот всадников в течение четырех лет, платя им по два реала в день, в то время как король должен был обеспечивать их продовольствием, оружием и лошадьми. [1115]

АРАГОН

В этих условиях не было ничего, что влияло бы на веру или ограничивало преследование ереси; ничего, кроме благоразумного отношения к миру и защиты общества от невыносимого бремени банд виртуальных бандитов, облаченных в неприкосновенность. Однако Филипп до последней крайности сопротивлялся этим разумным уступкам, которые просто ставили Арагон в одно положение с Кастилией. Нам говорят, что он заявил, что берег инквизицию как зеницу ока и что он использовал все средства, чтобы сохранить ее привилегии. Он предложил уступить всему остальному, о чем просили; он пытался завоевать арагонцев, подкупив их королевскими грантами и милостями, из которых триста шестьдесят были опубликованы за один день с именами получателей, но ничто не могло преодолеть ненависть, испытываемую к Святой Канцелярии, и *бразос* были непоколебимы. В своем замешательстве он обратился к своему обычному советнику, мистика Сор Марии де Агреда, подтвердив свою решимость поддерживать инквизицию, и, должно быть, был удивлен, когда эта дальновидная женщина посоветовала ему пойти на компромисс, поскольку ссора с Арагоном могла обратить его на сторону Каталонии и привести к необратимому падению монархии. Даже это не смогло его тронуть. Он пытался уехать в Мадрид, но депутация за депутатией направлялись в монастырь Санта-Энграсия, где он был поселен, настаивая на подтверждении им устава и задерживая его на два или три дня, пока его карета стояла наготове у ворот, пока, наконец, он не уступил, видя, что другого выхода нет. Автор, который записывает это, добавляет, что люди возрадовались, и с тех пор в Арагоне, где инквизиция стояла выше, чем где-либо еще, поскольку к инквизитору относились с большим почтением, чем к архиепископу или вице-королю, ее авторитет настолько упал, что некоторые говорят, что с этим покончено. Официальные лица и приближенные ощущают это каждый день, лишаясь своих привилегий и изъятий, и совершенно очевидно, что во всем, что не касается веры, древние полномочия трибунала Арагона повергнуты ниц. [1116]

Это было незадолго до того, как угрюмая уступчивость инквизиции изменившейся ситуации проявилась в деле, которое не имело тенденции вернуть ей почтение. Инквизитор Лазаэта был вовлечен в интригу с замужней женщиной из Сан-Антоня, чей муж, каталонец по имени Мигель Ховед, что-то заподозрил и притворился, что отправляется в путешествие. Лазаэта попался в ловушку. 27 октября 1647 года он подошел к дому с наступлением темноты, оставив свою карету в укрытии за развалинами; кучер напрасно ждал его, потому что раненый муж вошел через боковую дверь и нанес ему удар шпагой, от которого он умер на улице, спотыкаясь в поисках своей кареты. Женщина сбежала и скрылась, но потребовалась какая-то демонстрация, и трибунал арестовал некоего Франсиско Арналя как соучастника. Суд Юстиции вынес решение в его пользу, когда инквизиторы пожаловались на вмешательство в их функции таких приказов и

на то, что трибунал не сможет существовать, если они будут изгнаны, а их временные права будут конфискованы всякий раз, когда они сочтут, что дело не было рассмотрено в фуэрос. На это Совет Арагона ответил, что суд Justicia всегда действовал с большой осторожностью и что в данном случае Арналь отказался от манифестации и был возвращен трибуналу, который признал его невиновным и освободил от должности. Супрема настаивал на том, что было бы лучше удалить трибунал из Арагона, чем подвергать его подобным оскорблениям, на что Совет ответил, что фирмы и манифестации допускаются только в вопросах, не связанных с верой; если инквизиторы будут придерживаться своих справедливых пределов, таких неприятностей можно будет избежать, в то время как, если они превысят их, королевство должно воспользоваться средствами правовой защиты, предусмотренными законами. [1117] В этом случае трибунал действовал строго в рамках своих прав по Конкордии, и его воздержание от отлучения от церкви и интердикта указывает на то, насколько тщательно он был унижен.

Еще одна жалоба инквизиции показывает, насколько полностью поменялись ролями. 23 сентября 1648 года Супрема заявил в консультации, что трибунал был уведомлен о сокращении числа своих должностных лиц и приближенных к ним лиц до предписанных четырехсот пятидесяти, чего не было сделано под предлогом того, что их количество было недостаточным, что Конкордия не отдавала приказа об увольнении избыточного персонала и что занимающие должности лица не могут быть лишены своих прав. Тем не менее, было мало сомнений в том, что упорный отказ приведет Дипутадо к получению фирмы, требующей выбора, и пока это не будет сделано, ни одному фамильяру не будет позволено пользоваться их привилегиями — фактически, ряд городов уже заняли такое положение, а другие предпринимали шаги для получения фирм. Супрема пытался доказать незаконность этого на том основании, что Конкордия 1646 года недействительна в отсутствие подтверждения со стороны генерального инквизитора. Филипп представил это Совету Арагона и просто передал его ответ, ни к чему не обязывающий, Верховному судье для сведения. Это основывалось на том, что речь шла только о светской и королевской юрисдикции; король подтвердил законы, которые предусматривали, что в согласии генерального инквизитора нет необходимости; если стороны были потерпевшими, они могли обратиться в суд Justicia. [1118]

АРАГОН

В этих условиях законы 1646 года, ограничивая трибунал его надлежащими функциями, нанесли серьезный удар по его господству, уменьшив террор, который он внушал, и в некоторой степени повлияв на его финансы. Постоянные иски, поданные в суд, принесли богатый урожай гонораров его должностным лицам, а наложенные штрафы стали источником дохода для его казны. Все это сильно пошатнулось, и в 1649 году Супрема напомнила Филиппу, что в 1646 году она предсказала этот результат, и он пообещал компенсацию в виде фиксированного дохода, который будет выплачен Арагоном или королевской казной; хотя она не считала законы обязательными для исполнения в отсутствие подтверждения генеральным инквизитором и всячески сопротивлялась их исполнению, тем не менее они были исполнены, и чиновники остро страдали от своих уменьшенных гонораров, поэтому она попросила короля выделять четырем нотариусам и посыльным восемьсот дукатов в год из фонда поддержки государства. Каталонские беженцы. Это требование и дерзкое утверждение о недействительности законов, которые он одобрил, спровоцировали Филиппа на одно из его редких утверждений в качестве короля. Каталонский фонд, ответил он, трогать нельзя; он выслушает другие предложения по освобождению должностных лиц, но не их преемников; он является хозяином светской

юрисдикции, предоставленной инквизиции за его службу, и может издавать законы и отменять их по своему усмотрению. [1119]

Филипп усвоил урок, и законы 1646 года были должным образом исполнены. Когда в 1677 году состоялся очередной созыв кортов Арагона, Верховный суд умоляющим тоном, сильно контрастирующим с его прежним высокомерием, умолял Карлоса II повлиять на них, чтобы они снизили до внесения изменений. В нем содержался весьма прискорбный отчет о состоянии сарагосского трибунала в результате принятия этого закона. Преждевременно обсуждать, были ли у официальных лиц справедливые основания для жалоб, но полное уничтожение инквизиции излечивало от одной болезни, порождая другую, еще худшую, и инквизиция Арагона была уничтожена. Число должностных лиц было сокращено ниже, чем на момент его основания, а его бедность была настолько велика, что не выплачивалась заработная плата, и от трибунала, вероятно, пришлось бы отказаться. Казначей был вынужден взыскивать свои доходы и долги через суд Justicia, где для него было невозможно вести такое количество судебных процессов, так что платили только те, чья совесть заставляла их это делать. Сокращение числа должностных лиц уменьшило его полезность; возможно, виновных было меньше, но, безусловно, было меньше обвинительных приговоров — в Арагоне их было меньше, чем в других провинциях, — и один-единственный человек, избежавший наказания, имел для Бога большее значение, чем наслаждение фуэро пятью сотнями человек. Было невозможно заполнить отведенное количество фамильяров, поскольку оставленные им полномочия по уголовным делам были скорее невыгодными, поскольку они умерли в тюрьме из-за бесконечных задержек с урегулированием многочисленных дел, в то время как другие подсудимые были освобождены под залог. В то же время лишение активного фуэро подвергло их воздействию всеобщей ненависти, испытываемой к ним. Было непостижимо, что в столь благочестивой нации эта ненависть могла быть вызвана их функциями, но ее существование было делом опыта, и при отсутствии защиты риски, которым она их подвергала, мешали людям искать эту должность. Инквизиция не желала юрисдикции, но она не могла существовать без доходов и чиновников, и поэтому молила короля, чтобы в корте были обсуждены надлежащие меры помощи, или же из обеих сторон могла быть сформирована хунта и создана новая Конкордия. Даже допуская обычное преувеличение, этот документ показывает, насколько инквизиция переросла те функции, которые были возложены на нее народом.

Запрошенные уступки были на редкость умеренными — от казначея не требовалось производить сборы через суд Justicia, было разрешено больше знакомых — хотя только что было сказано, что их нельзя привлечь, — что они могут быть допущены к внесению залога во время полномочий, а также робкое предложение относительно фирмы и манифестации. Однако время было неподходящее даже для столь скромных запросов. Юный Карлос II только что отправил свою мать в монастырь, а ее любимца Валенсуэлу - на Филиппины; вся власть находилась в руках дона Хуана Австрийского, который считал генерального инквизитора Вальядареса своим личным врагом. Обращение Верховного Суда было воспринято без сочувствия, и, похоже, оно ничего не дало. То, что арагонцы были довольны сложившейся ситуацией, явствует из того факта, что единственная жалоба, поданная кортами, касалась несоблюдения закона 1646 года, предписывающего количество туземцев, привлекаемых трибуналом, и это было вызвано просто служебной алчностью, поскольку они предположили, что на каждого иностранца, назначенного в Арагоне, у арагонца должно быть соответствующее место в трибунале в другом месте. [1120]

КАТАЛОНИЯ

Законодательство 1646 года оставалось окончательным. Еще в 1741 году Верховный суд выступил с протестом против Сарагосской аудиенции за то, что она препятствовала юрисдикции трибунала, используя фирму, которую с обычным лицемерием она охарактеризовала как новшество. [1121]

Каталония была такой же несговорчивой, как и Арагон, в то время как ее более выраженный дух независимости доставлял ей особенно много хлопот. Хотя в нем отсутствовал институт *Justicia*, у него была несколько несовершенная замена в *Banch Reyal*, или Королевской скамье, которая использовалась в апелляциях *по via де фуэрса* из духовных судов. Аудиенция вызвала к себе церковного судью, и за его игнорированием повестки последовал указ об изгнании и наложении временного ареста. Инквизиторы отрицали свою причастность к этому, каталонцы утверждали это, и попытка добиться этого стала серьезной причиной ссоры. Это было не без влияния, поскольку в мемориале инквизиторов от 1632 года жалуется, что герцог Македа, будучи вице-королем в 1592 году, использовал его против трибунала, поскольку почитание последнего значительно снизилось, а в жалобе каталонских властей Карлосу II от 1695 года он описывается как единственное убежище и защита народа от притеснений инквизиторов и церковных судей. [1122]

Мы уже видели Конкордию, достигнутую в 1512 году, отменившую большинство существовавших тогда злоупотреблений; как в ней присягали король, генеральный инквизитор и инквизиторы, и как аналогичную клятву должны были принести все будущие инквизиторы; как Лев X любезно освободил их всех откляtv; как Фердинанд незадолго до своей смерти принял условия в декабре 1515 года, а покладистый понтифик в булле *Pastoralis officii* подтвердил их, и как Барселона, в свою очередь, обязалась соблюдать соглашение. ежегодная субсидия в размере шестисот дукатов. Хорошо бы напомнить об этих фактах в свете откровенных отрицаний, которыми впоследствии постоянно встречались жалобы каталонцев на несоблюдение. Даже в то время, когда папское разрешение от клятв все еще действовало, Инструкции, изданные генеральным инквизитором Меркадером в 1514 году, предписывали правила, которые, при соблюдении, устранили бы основные причины жалоб. Любой чиновник или фамильяр, совершивший преступление, заслуживающее телесного наказания, должен был быть донесен ему, когда он увольнял виновного и наказывал инквизитора, который это терпел. Гражданские иски должностных лиц должны были подаваться в суд ответчика; если должностное лицо было истцом, все разбирательства перед инквизитором признавались недействительными, и как должностное лицо, так и инквизитор подлежали наказанию; даже когда обе стороны контракта соглашались принять судилище, инквизиторам под страхом наказания запрещалось рассматривать дело. Светские чиновники могли арестовывать знакомых, пойманных на месте преступления. Чиновникам было запрещено заниматься торговлей даже через третьих лиц, и они были лишены фуэро по всем возникающим отсюда вопросам, и точно так же, если они приобретали права, подлежащие судебному разбирательству, они также не могли нанимать других чиновников для взыскания долгов, связанных с их частными владениями. [1123] Хотя эти Инструкции действовали всего год или два, они представляют интерес как проявление цели Фердинанда, чтобы Святая Канцелярия не отвлекалась от своих законных функций и не использовалась для угнетения его подданных или

потворства частной жадности. В то же время он мог полагать, что для этого требуются особые привилегии, поскольку это еще не внушало благоговейного трепета столь беспокойному населению. В том же 1514 году в Лериде инквизитор каноник Антист был осажден в своем доме, и нападавших с трудом отбили, после чего они демонстративно ходили по улицам, бросая вызов его защитникам. [1124]

Еще одна победа была одержана каталонцами при кордонах Монсона в 1520 году, когда 28 декабря кардинал Адриан самым торжественным образом не только поклялся соблюдать статьи 1512 года, но и представил для подтверждения документ королевы Хуаны и Карла V, обещающий расследование и возмещение обвинений, выдвинутых против определенных должностных лиц, и предписывающий, чтобы для предотвращения подобных злоупотреблений в будущем все преступления, не связанные с верой, совершенные должностными лицами, рассматривались обычными судами, лишая их, таким образом, столь ценного уголовного пассива *fuero*. Адриан также поклялся соблюдать это, когда будет получено необходимое папское подтверждение — подтверждение, которое инквизиция, вероятно, имела достаточное влияние, чтобы предотвратить, поскольку, по-видимому, больше не осталось никаких следов этого. [1125]

КАТАЛОНИЯ

Статьи 1512 года, таким образом, представляли собой соглашение, в котором каталонцы, король, инквизиция и папа присоединились самым торжественным образом, обязавшись всем будущим инквизиторам присягнуть им. Некоторое время это последнее положение соблюдалось. Фернандо Лоасес, который был инквизитором Барселоны в течение двадцати лет примерно с 1533 года, принес присягу, но вскоре он был вовлечен в ссору с магистратами, в ходе которой Хуан де Кардона, избранный епископ Барселоны, был вынужден, как папский уполномоченный, привлечь его к ответственности за лжесвидетельство, и после этого ни один инквизитор не принес присягу. [1126] В этом они поступили мудро, поскольку полностью освободились от Конкордии. Суды 1547 года жаловались на чрезмерное увеличение числа фамильяров, превышающее разрешенные им тридцать, и на пренебрежение предоставлением списков или других средств для их идентификации, а также на другие нарушения, но принц Филипп ответил, что проконсультируется с Верховной Властью и придет к соответствующим выводам, что, конечно, положило конец делу. [1127] Насколько полностью были проигнорированы положения Конкордии, видно из 1551 года, когда Каталина Мурсиана обратилась в суд вегуэра с просьбой об освобождении от исков, возбужденных против нее в инквизиции фискалом, аббатом Бесалу, когда она имела право на собственный суд. В связи с отказом инквизитора Хуана Ариаса в возмещении ущерба от *Banch Reyal* был получен *monitorio*, после чего Ариас бросил чиновников суда вегуэра в тюрьму и держал их там. Дело было передано на рассмотрение Королевского совета, в результате чего судьям Аудиенции было приказано стереть все записи об этом деле из своих досье и лично предстать перед инквизитором, чтобы доложить ему, что оно было должным образом удалено. [1128]

Таким образом, поддержанный монархом, трибунал осуществлял свои полномочия по своему усмотрению, не обращая внимания на договоры. В отчете инквизитора Гаспара Сервантеса от 1561 года о посещении, которое он только что завершил, описываются беспорядки, которые долгое время царили во всех департаментах. Последнее посещение было совершено в 1550 году, и его рекомендации были полностью проигнорированы. Суд распорядился сократить

число знакомых и направить их списки в Верховный суд, чего сделано не было; фактически сам трибунал не вел правильного реестра; в нем было зарегистрировано сто восемь имен для Барселоны, но когда им было приказано представить свои документы под страхом исключения, только шестьдесят восемь из них были представлены, в то время как было тридцать одно имя, которое не было зарегистрировано. По его словам, их число должно быть сокращено и при отборе следует проявлять больше осторожности; многие миряне были бандитами, а священнослужители - людьми с дурной репутацией, которые стремились занять этот пост, чтобы добиться освобождения от своих прелатов. Все это привело к такому большому количеству светских дел, что это казалось настоящей обязанностью трибунала и что ничему другому не уделялось внимания — на самом деле в вопросах веры было так мало дел, что инквизиторы вполне могли быть избавлены от Барселоны и заняться посещением своего района. Все это объясняется непомерными взимаемыми сборами, на которые поступало много жалоб. Утвержденного счета за оплату не было. В гражданских делах инквизиторы взымали от двух с половиной до десяти процентов от рассматриваемой суммы, в зависимости от ее величины, максимум до семидесяти пяти либр; по уголовным делам они ничего не получали, но имели возможность налагать штрафы. Чиновники получали гонорары за каждое действие, составление и копирование бумаг, вручение уведомлений, вызов свидетелей, приведение в исполнение смертных приговоров и т.д. и т.п., И между нотариусами трех департаментов — *secreto*, или трибунала веры, *sequestro* и *juzgado*, или суда конфискаций, — происходили постоянные споры о том, кому из них вести это дело. [1129]

КАТАЛОНИЯ

То, что корты Монзона в 1563-1544 годах энергично протестовали против этих злоупотреблений, было естественным. Действительно, каталонец по имени Гаспар Меркадер зашел в своем протесте так далеко, что заявил, среди прочих одиозных вещей, что инквизиция была введена лишь на ограниченный срок, который истек, и что ее следует отменить, за что трибунал арестовал его, судил и наказал. [1130] Несмотря на это вмешательство в свободу дебатов, общее недовольство, как мы видели, привело к посещению де Сото Салазара. В Барселоне он обнаружил, что приказам Верховного суда, основанным на отчете Сервантеса, не уделялось ни малейшего внимания. Адвокаты, приближенные и комиссары продолжали назначаться в изобилии, без проведения расследования на предмет пригодности. Когда инквизитор посещал свой округ, он приносил с собой бланки поручений, которые раздавал по своему желанию. Все они, вместе со своими семьями, находились под защитой трибунала в гражданских и уголовных делах, но это было еще не все, поскольку, казалось бы, любой, кто претендовал на фуэро, независимо от того, имел он на это право или нет, был допущен, и, в отсутствие списков, поданных магистратам, у последних не было никаких средств сопротивляться высокомерному и безапелляционному требованию трибунала передать дела. Были приведены примеры, которые показали, что трибунал был судом, где справедливость — или, скорее, несправедливость — покупалась и продавалась, и не было никакой реформы в отношении чрезмерных гонораров, которые шокировали Сервантеса. [1131]

То, что его следовало ненавидеть, было неизбежно. В 1566 году Говилла, епископ Эльны, защищая себя за действия, совершенные в бытность его инквизитором Барселоны, заявил, что инквизиция в Каталонии была еще более одиозной, чем где бы то ни было. [1132] Эта ненависть

иногда выражалась более ярко, чем в жалобах. В 1567 году возбуждение дела, которое местные власти считали своим собственным, привело к сильнейшему волнению, которое вице-король безуспешно пытался унять и обратился к Филиппу II с просьбой о немедленном вмешательстве. Пренебрегая нерушимой тайной инквизиции, Дипутадо вместе с везувом ворвались во дворец, проникли в зал для аудиенций, где инквизиторы рассматривали дело, провели инвентаризацию и наложили арест на все, даже на частную собственность инквизитора Падиьи в его апартаментах — очевидно, это был временный арест по приказу королевского банка. Еще более вопиющим было оскорбление, совершенное, когда посыльный и секретарь перевозили из Перпиньяна в Барселону двух правительственных чиновников, обвиняемых в противодействии инквизиции, а также заключенного по обвинению в ереси. Близ Жероны один из дипутадо во главе вооруженной банды схватил всю группу и отвез обратно в Перпиньян, где их провели парадом по улицам под звуки труб, словно преступников, идущих на казнь, а затем бросили в тюрьму, где они пролежали до тех пор, пока их не выпустили без предъявления обвинений. Это было серьезнейшим посягательством на достоинство Святой Канцелярии, и еще хуже было разрешение на побег еретика, но она была вынуждена подчиниться, не подтверждая своей власти. [1133]

При таком характере каталонцев и такой провокации отвечать беззаконием на беззаконие неудивительно, что, когда для трех королевств готовилась Конкордия 1568 года, Каталония не потерпела ничего подобного. Когда в сентябре он был представлен Дипутадо, они пришли в ярость и предложили отправить послов к королю с протестом против этого. Поднялся всеобщий протест, что это противоречит конституции и привилегиям страны; они будут соблюдать это постольку, поскольку это в их пользу, но в остальном они были готовы скорее потерять жизнь, имущество и детей, чем подчиниться этому. В феврале 1569 года инквизиторы написали, что народ не успокоится, пока они не изгонят инквизицию из страны; что касается их самих, то они предложили продолжать в том же духе, что и раньше, до тех пор, пока не будет принята Конкордия, с чем Верховный Суд сердечно согласился. [1134]

КАТАЛОНИЯ

Такое отношение взаимного неповиновения не способствовало установлению мира. В 1570 году возникла ссора, настолько ожесточенная, что Дипутадо обратились за защитой и вмешательством к Пию V, и он призвал Филиппа II прийти к какому-то взаимопониманию с ними ввиду возможных серьезных последствий. Филипп занял позицию, согласно которой они были настолько взволнованы и настолько упрямы, что любые уступки привели бы только к дальнейшим требованиям, но он попросил папу отпустить послов, направив их к нему с рекомендацией для благоприятного рассмотрения, чтобы все, что он мог бы уступить, было передано Святому Престолу, а не непокорным подданным. Ситуация была критической; восстание в Гранаде истощало его ресурсы, существовало острое опасение нападения турецкого флота, и вскоре после этого каталонцев призвали внести свой вклад в защиту побережья, но если инквизиция и была вынуждена пойти на какие-либо уступки, то они не оставили никаких следов. Фактически, венецианский посланник Леонардо Донато в своем донесении от 1573 года утверждает, что после того, как каталонцы потратили сто тысяч дукатов на эти усилия, инквизиция заключила в тюрьму тех, кто был наиболее активен в этом деле, и что впоследствии они отказались покинуть тюрьму без официального заявления о том, что они не были арестованы за ересь. [1135] Разногласия, естественно, продолжались. В 1572 году мы слышим о требовании Дипутадо, чтобы инквизиторы предъявили им свои полномочия и

принесли клятву соблюдать конституцию Каталонии, потому что у них была арендная плата за Дипутасион; инквизиторы согласились с первым из них и получили упрек от Верховного суда, потому что это было требование, в котором ранее настойчиво отказывали, и они не должны делать этого снова. Затем, в 1574 году, из всех городов поступили жалобы на то, что фамильяры отказались подчиняться местным законам, касающимся цен, пастбищ и других вопросов, как того требует Конкордия, на что Супрема высокомерно ответила, проинструктировав инквизиторов, что, поскольку люди отвергли Конкордию, им не нужно ее соблюдать. [1136] Затем, в 1585 году, как мы видели (стр. 416), корты получили преимущество в исключении приближенных и должностных лиц из государственных учреждений.

В этом духе неприкрытой враждебности обе стороны объединились для решающей борьбы в Кортес 1599 года при новой королевской власти молодого Филиппа III. Поскольку усилия Каталонии провалились и инквизиция осталась при своих узурпированных полномочиях, подробности состязания не представляют никакого интереса, кроме как как демонстрация бесстыдного двуличия, с помощью которого король обманул своих вассалов. Они надеялись снискать благосклонность, выделив субсидию в миллион либр королю и сто тысяч его невесте, помимо предусмотрительного предоставления десяти тысяч маркизу Дении (вскоре ставшему герцогом Лерма) и шести тысяч вице-канцлеру Арагона, [1137] но они не получили ничего, кроме обмана. Результатом долгих обсуждений стал ряд статей, разделенных на две категории, с одной из которых Филипп дал безоговорочное согласие, а с другой - свое согласие в том, что касалось его самого, с обещанием добиться согласия генерального инквизитора и папы римского. Предлагалось удержать пенсию в размере шестисот либр, назначенную в 1520 году, если папское подтверждение не будет получено в течение года, но Филипп заявил, что в такой гарантии нет необходимости, поскольку письма, которые он приказал написать папе, были настолько сильными, что никакое влияние не могло им противодействовать. Его депеши своему послу были отправлены через Дипутадо, чтобы удовлетворить их, но им, конечно же, не разрешили видеться с другими, что проинструктировало посла быть осмотрительным в настаивании на этом вопросе. Он также отправил генеральному инквизитору сообщение о том, что доставка этих депеш была отложена, чтобы дать ему время высказать свое мнение. Верховный суд, обращаясь к Клименту VIII с просьбой воздержаться от конфирмации, без колебаний заявил, что Филипп пытался сбежать под прикрытием генерального инквизитора и папы римского и в конце концов подписал только то, что касалось его самого. Действительно, в последующем официальном документе беззастенчиво утверждалось, что он сделал это только для того, чтобы избавиться от каталонцев. Под таким влиянием нет необходимости говорить, что конфирмация так и не состоялась, и субсидию стало единственным практическим результатом трудов Кортеса. [1138]

Одна из статей требовала исполнения Конкордии 1520 года, которая включала в себя Конкордию 1512 года, выполнения которой каталонцы никогда не переставали требовать, и то, как оспаривались эти торжественные соглашения, поучительно. В 1566 году Говилла, епископ Эльны, который был инквизитором Барселоны, спокойно заявил, что статьи 1512 года были отменены как наносящие ущерб свободному осуществлению инквизиции. Верховный суд, призывая Климента VIII отказаться от подтверждения новой Конкордии 1599 года, утверждал, что сделки 1512 и 1520 годов были недействительными из-за симонии, поскольку корты получили согласие Фердинанда в 1516 году (*так в оригинале*) и Карла в 1520 году, обусловив этим субсидиариев. На буллу осуждения Льва в 1513 году можно было положиться, а булла конфирмации в 1516 году была отклонена как непристойная и скрытная. Таким образом,

действия кардинала Адриана в 1520 году были представлены как зависящие от подтверждения Святым Престолом и никоим образом не обязывающие инквизицию. Итак, в 1632 году трибунал Барселоны составил заявление, которое Верховный суд должен был представить Филиппу IV, ловко смешав дела Арагона и Каталонии и сообщив ему, что суды 1518 года потребовали восстановления статей 1512 года, что Карл отказался присягнуть им, что Хуан Прат вставил другие, за что был заключен в тюрьму, и что попытка провалилась. Передавая это, Верховный суд добавил, что тот факт, что суды не переставали требовать исполнения статей, показывает, что они никогда не соблюдались. [1139] От начала до конца это была история обмана, в которой короли вступали в сговор с инквизиторами с целью предать своих подданных, даже не оправдываясь тем, что вера была заинтересована в этих деталях светской юрисдикции.

КАТАЛОНИЯ

Разочарование 1599 года не смягчило настроения каталонцев, и отказ в возмещении ущерба побудил их прибегнуть к принудительным мерам. В 1608 году был конкурс, в ходе которого королевский суд вынес инквизиторам приговор об изгнании; судно было подготовлено для их депортации, но, когда настал день, они заперли свою дверь и повесили над ней портьеру из черного бархата, к которой было прикреплено распятие. Город продемонстрировал свое благочестие, поставив свечи перед священной эмблемой, и капитул послал священников помолиться перед ней. Никто не осмелился нарушить его; вмешались дипутадо, капитул и городские власти, и было достигнуто соглашение. [1140] Более жестокая ссора возникла в 1611 году из-за того, что вегер разоружил кучера инквизитора. Городские власти захватили временные учреждения, осадили дворец инквизиции, приговорили инквизиторов к изгнанию и провозгласили это трубами по улицам. Это они объяснили королю, сказав ему, что Святая канцелярия была учреждена на ограниченный срок, который истек, так что в Каталонии она должна быть упразднена и рассмотрение вопросов веры должно быть возвращено епископальным судам, которые, как нам сказали, вызывали у его величества большое беспокойство. [1141]

Взаимная ненависть не уменьшалась, и когда приближались Судебные процессы 1626 года, инквизиторы с тревогой убеждали Верховную власть внушить королю, что мир и сохранение Каталонии зависят от сохранения их временной юрисдикции. Депутаты, по их словам, ежедневно устраивали хунты и накапливали запасы документов из архивов, утверждая, что время, на которое была учреждена инквизиция, истекло, и если они осуществят свое намерение, то полностью уничтожат его. То, что они действительно были встревожены, видно из того, что они просили Верховного добиться какого-то компромисса. Верховный суд должным образом представил опасность Филиппу IV, который в ответ заверил, что никакие пагубные изменения не будут одобрены, поскольку его постоянным желанием было способствовать возвышению инквизиции. После того, как корты собрались, 27 июня трибунал сообщил, что они разработали ряд статей, фактически исключая юрисдикцию инквизиции, и что они заявляют, что не будут голосовать за субсидиарность, пока король не утвердит их. Статьи, которые считались столь неприятными, едва ли превышали Кастильскую Конкордию, действовавшую так долго, за исключением положений о том, что инквизиторы должны быть каталонцами и приносить присягу соблюдать законы, и что споры о юрисдикции должны разрешаться хунтой, состоящей из инквизитора, судьи Аудиенции и епископа Барселоны. Какими бы умеренными они ни были, Филипп сдержал свое обещание и передал их 23 сентября Диего де Гусману, архиепископу Севильи, исполняющему обязанности главы Suprema на

вакантной должности генерального инквизитора, так что после закрытия Суда все дело оставалось приостановленным. [1142]

Попытка компромисса была предпринята в так называемом Соглашении кардинала Сапаты, заключенном 24 декабря 1630 года между ним как генеральным инквизитором и Советом Арагона. Это не внесло существенных изменений в юрисдикцию инквизиции, но было направлено главным образом на ограничение злоупотребления отлучением от церкви с одной стороны и обращения к Королевскому бану с другой, предусмотрев, что все спорные дела должны разрешаться компетентными органами, проводимыми в соответствии с принятой формой процедуры, под страхом наказания за первое нарушение в размере пятисот дукатов при отказе трибунала и отстранения от должности на второй. Это оставило нетронутыми корни проблем и мало чего дало, как говорят, вследствие задержек и уверток инквизиторов, а также продолжавшихся частых обращений в Банковское управление, особенно со стороны кредиторов. [1143]

КАТАЛОНИЯ

Корты 1626 года не были распущены, и они снова встретились в 1632 году, чтобы завершить свои незаконченные дела. Как обычно, трибунал и Suprema подготовились к борьбе, искренне обратившись к Филиппу, который ответил заверениями в особой тщательности во всем, что касалось инквизиции. У Верховного хватило смелости сказать ему, что Конкордия 1512 года, на которой каталонцы основывали свои претензии, так и не была подтверждена, но это было в пределах правды, когда говорилось, что она никогда не соблюдалась. Более того, суд заявил, что статьи, сформулированные в Кorte, настолько повергнут трибунал в замешательство, что ему придется прекратить свои функции. Мемориал секретаря трибунала Мигеля Родригеса дает прискорбный отчет о социальном положении Каталонии, где, по его словам, бароны и джентльмены, города и церковные фонды обладали чрезмерной властью и где епископы также были баронами. Враждебность знати и городов к фамильярам проявлялась в ежедневных убийствах, совершаемых над ними и их детьми, и поджогах их домов. Если бы не защита инквизиции, они были бы уничтожены, поскольку уважалась только ее юрисдикция. Отцы терпели убийство своих сыновей, сыновья - убийство своих отцов, а жены - убийство своих мужей, опасаясь большего зла и, в дополнение к этому, неспокойного нрава населения. Вице-короли обладали номинальной властью, но она распространялась только на простых людей, а не на сильных мира сего, которых никто не осмеливался обвинять или свидетельствовать против них. Вся эта напряженная подготовка оказалась излишней; Корты были распущены, так и не достигнув своей цели. [1144]

Инквизиция, как обычно, восторжествовала, но мир между несовместимыми претензиями соперничающих юрисдикций был невозможен. В 1637 году Супрема пожаловался на непрерывную череду неприятностей и на пренебрежение Конкордией Сапата. На этот раз преступником был вице-король, могущественный герцог Кардона, который посадил в тюрьму фамильяра за ношение пистолета и отказ сдать его, а также арестовал двух слуг получателя, оштрафовав одного и уволив другого. Когда трибунал прислал к нему священника с документом об отлучении от церкви, он запер священника, *incomunicado*, в одной из комнат дворца. Затем он пригласил на обед фискала трибунала и точно так же заставил его замолчать. Он приказал инквизитору снять с него отлучение от церкви, а в ответ на его отказ вынес приговор об изгнании, расставил четыреста человек вокруг инквизиции и приготовил судно, чтобы

доставить его на Майорку. Инквизитор собрал пятерых епископов, которые заявили, что Кардона навлек на себя отлучение буллой *Si de protegendis*, и инквизитор объявил его таковым, хотя во избежание скандала он воздержался от публикации этого. При вмешательстве епископов приговоры об изгнании и отлучении от церкви были взаимно отменены, и вице-король освободил священника и фискала, хвастаясь, что он добился своего. Вслед за этим Супрема попросил короля применить к Кардоне наказания Конкордии Сапата и более тяжкие в связи с его беспрецедентными деяниями, а также опубликовать *ipso facto* порицания канона *Si quis suadente* и буллы *Si de protegendis*, чтобы он мог искать спасения своей души. На это уставший король мог ответить только осуждением этих неприличных ссор и приказом, чтобы вице—короли не рассматривали дела фамильяров - Кардона, по-видимому, взялся за это только потому, что не было другой власти, которая осмелилась бы сделать это, хотя за это преступление полагалась казнь фуэро. [1145] Вскоре после этого, в 1639 году, в Тортосе вспыхнули еще более серьезные беспорядки, в которые были вовлечены магистраты и народ восстал против инквизиции, но пока это продолжалось, вспыхнуло каталонское восстание, и благоразумие советовало воздержаться от суровых репрессивных мер. [1146]

Какую бы роль инквизиция ни сыграла в разжигании недовольства, приведшего к восстанию, неудовлетворенные обиды, которые так взволновали суды, нигде не всплывают на поверхность. Непосредственной причиной, как было указано выше, был поджог церковью Монтиро и Рио-де-Аренас неаполитанскими войсками, расквартированными среди народа; некоторые освященные храмы были найдены превращенными в угли, а крестьяне, пострадавшие от бесчинств неоплачиваемой солдатни, поднялись с оружием в руках, вырезали их по частям, называли себя *Exercit Christiá* и носили на своих знаменах Достопочтенное Причастие с надписью "*Senor judicau vostra causa*" и утверждали, что их целью было защищать людей и католическую веру. Фактически инквизиции было предложено привлечь к ответственности виновных в святотатстве, и она обязалась это сделать, но, конечно, виновных установить не удалось, и дело свелось к массовому отлучению от церкви. Именно против представителей короля были направлены первоначальные беспорядки 7 и 8 июня 1640 года, когда были убиты судьи королевской аудиенции и вице-король, граф Санта-Колома. Инквизиторы сразу же предложили свои услуги дипутадо и, по просьбе последних, написали королю и генеральному инквизитору, восхваляя усилия дипутадо по сохранению мира, не зная, что в течение нескольких месяцев они организовывали восстание в переписке с Францией. Когда также в сентябре был введен налог, чтобы перевести землю в состояние обороны, было запрошено согласие трибунала на взимание его с приближенных. [1147]

КАТАЛОНИЯ

Таким образом, не было открытой враждебности по отношению к инквизиции, но, в то же время, не было уважения к ее неприкосновенности. Когда на Рождество толпа снова поднялась, чтобы предать смерти всех кастильцев, поступило сообщение, что две тысячи из них были сокрыты инквизицией. Ведомые кучером одного из инквизиторов, люди ворвались в здание инквизиции, жестоко обращались с чиновниками, повесили некоторых из них, опустошили сундуки с деньгами и нашли в секретной тюрьме одинокого кастильца, которого судили за ересь. Его отвезли в городской совет, который вернул его трибуналу и задушил кучера. [1148]

Когда 23 января 1641 года были заключены условия подчинения Франции, инквизиция была обеспечена. После отделения от Испании было невозможно допустить, чтобы трибунал

оставался подчиненным Верховной власти в Мадриде, и соответствующий пункт заключался в том, что все инквизиторы и должностные лица должны быть каталонцами, юрисдикция должна быть ограничена вопросами веры, и он должен находиться непосредственно в ведении Римской конгрегации Святой канцелярии. [1149] Тем не менее инквизиторы оставались на своих постах; в течение пяти месяцев они не получали никаких известий от Верховного; они ожидали, что их призовут принести присягу на верность королю Людовику, и они послали своего секретаря Хуана де Эразо в Мадрид за инструкциями, предполагая, что им лучше переехать в Таррагону или Тортосу. Филипп приказал им остаться, и они решительно подчинились, но ситуация постоянно ухудшалась, и 7 ноября они обратились с еще одним призывом, представляя свою опасность, свою нужду, свою неспособность выполнять свои функции и ожидая, что их заставят целовать руки маршалу де Брезе, приближающемуся французскому губернатору. Это подтвердил дон Антонио де Арагон, только что вернувшийся из Барселоны; дважды толпа поджигала инквизицию, и ересь свирепствовала, поскольку многие французские войска были кальвинистами, а кальвинизм проповедовался открыто. Для Suprema характерно обсуждение вопроса по четырем направлениям — Должна ли инквизиция быть перенесена в Таррагону или Тортосу? Должны ли инквизиторы целовать руки французскому губернатору? Освобождает ли их отсутствие средств для судебного преследования от судебного преследования местных или французских еретиков? Должны ли свидетельские показания против таких еретиков приниматься в Мадриде и на их основе приниматься меры? После тщательного обсуждения четвертый вопрос был решен утвердительно, а остальные три - отрицательно. Хуан де Маньоска был назначен собирать свидетельские показания в Мадриде, и инквизиторам было приказано стоять на своем и выполнять свой долг, при необходимости применяя порицания и интердикты. В случае изгнания из города они должны были взять с собой записи, чтобы иметь возможность работать в другом месте. [1150]

Один из инквизиторов, доктор Котонер, уехал из Барселоны в свой дом на Майорке. Двое других вместе с большинством чиновников остались на своих постах, и в августе 1643 года их призвали произнести страшные проклятия в адрес неизвестных лиц, предположительно совершивших кощунственную кражу освященных святынь. [1151] Однако ближе к концу сентября они были изгнаны, чтобы уступить место местному трибуналу, и сделано это было с изощренной жестокостью. Всего их было десять — семеро подчиненных и сын одного из них, не считая двух инквизиторов, — которые остались верны своему долгу. Их посадили на борт судна с приказом высадить в Португалии, которая, как и Каталония, находилась в состоянии восстания против Испании. Хотя экипаж состоял из каталонцев и французов, их убедили зайти в Картахену, пообещав, что им разрешат продать там свой груз. Прием беженцев был крайне негостеприимным; судно было захвачено, а на груз и пожитки пассажиров и экипажа наложено эмбарго: пришлось сократить много бюрократических проволочек, и только в декабре был сделан вывод, что экипаж оказал важную услугу, подвергнув их наказанию со стороны повстанцев, поэтому судно было освобождено, и им разрешили избавиться от груза. [1152]

Беженцы остались без жалованья или ресурсов, и не без трудностей и задержек Верховная власть, заявляя о своей неспособности помочь им, добилась от Филиппа нескольких умеренных *аюдас де коста*, чтобы сохранить им жизнь. Затем, в марте 1644 года, он приказал им открыть трибунал в Таррагоне, в то же время представив королю, что это обойдется в 4 тысячи пятьсот дукатов серебром в первый год и по четыре тысячи ежегодно в дальнейшем, которые могут быть

получены за счет двух миллионов мараведи, поступающих из трибунала Картахены, — по-видимому, из-за недавней крупной конфискации, — поскольку в противном случае они умрут с голоду. Они, несомненно, были таким образом обеспечены и делали все, что могли, чтобы возродить былой страх перед Святой Канцелярией. К сожалению, в эти злые дни оно уменьшилось, поскольку в том же 1644 году в соседнем городе Тортоса инквизитор Валенсии Роиг пожаловался, что, прибыв туда во время его визита, магистраты не пришли его принять, они не предоставили ему жилья и отказались опубликовать его воззвание. [1153]

КАТАЛОНИЯ

Тем временем, в соответствии с условиями, согласованными с Францией, каталонцы организовали национальную инквизицию. Были назначены доктор Пауло Ферран и доктор Джозеф Пла, и было подано заявление на обычные папские факультеты. Они были удовлетворены, и, когда 26 сентября 1643 года были получены протоколы, они были установлены, а кастильцы изгнаны. Новому трибуналу особо нечего было делать. Оно не вмешивалось в дела кальвинистов во французской армии, но подтвердило свой авторитет аутодафе, отпразднованным 23 февраля 1644 года, в ходе которого одна жертва была задушена и сожжена, а двое кающихся были казнены. Был еще один случай, 7 ноября 1647 года, когда была казнь за противоестественное преступление и шестеро мужчин и пять женщин раскаялись, в основном за двоеженство и колдовство. Единственное другое свидетельство деятельности, с которым я столкнулся, - это расследование, заказанное Ноак по просьбе приходского священника Пинеды, результатом которого стал суд над Антони Мореллом. [1154]

Когда смуты Фронды вынудили Мазарини отозвать французские войска, восстание потерпело крах, несмотря на упорную решимость каталонцев разорвать отношения с Кастилией. Когда Барселона капитулировала 11 октября 1652 года, Каталония оказалась во власти завоевателя, но Филипп, проявив истинную государственную мудрость, восстановил в ней ее древние привилегии и вольности, за исключением нескольких исключений, которые не имеют отношения к нашей теме. [1155] Инквизитор Пла задержался в Героне, продолжая выполнять свои функции в силу своего папского поручения. Там его нашел маркиз Олиас-и-Мортара, который лишь осмелился отстранить его от должности и 12 октября 1652 года написал королю письмо за инструкциями, добавив, что скорейшее восстановление инквизиции в значительной степени способствовало бы умиротворению страны. Совет Арагона 16 ноября одобрил это, и на следующий день Филипп поручил генеральному инквизитору назначить встречи и немедленно отправить инквизиторов. [1156] Однако возникли финансовые трудности. 18 января 1653 года Верховный суд сообщил о назначениях; распространение ереси французами сулило много работы, но была полная нехватка денег; трибунал обойдется в шесть тысяч дукатов в год, в то время как его ресурсы составляли всего две тысячи, поскольку отделение Руссильона лишило его тысячи, и у него было еще две тысячи в барселонских займах, которые невозможно было получить; однако существовала перспектива крупных конфискации, поскольку многие каталонцы бежали во Францию, которые будут привлечены к ответственности, и, исходя из этого, с короля попросили четыре тысячи в год. [1157] Урегулирование этих вопросов, вероятно, потребовало времени, поскольку только 2 августа новые инквизиторы вступили во владение своим офисом, торжественно проехав по городу с барабанами, трубами и знаменем Святой Канцелярии, сопровождаемые всеми приближенными и официальными лицами Барселоны, и

произнес публичное провозглашение в обычных местах. На следующий день, в воскресенье, был зачитан Эдикт Веры, а в понедельник они приступили к своим обязанностям. Из каталонских инквизиторов Ноак умер в течение нескольких дней, а Ферран был арестован ночью, как и многие другие, некоторые из которых были отправлены во Францию, а другие депортированы на Майорку. По-видимому, их официальные действия не были признаны, поскольку приближенные к их назначению продолжали в течение нескольких лет подавать заявления о восстановлении в должности. [1158]

КАТАЛОНИЯ

Как только трибунал был восстановлен, возобновились старые беспорядки. Злоупотребления, должно быть, были вопиющими, если 2 июня 1661 года Филипп издал седулу, предписывающую точное соблюдение Конкордий и ограничивающую чрезмерное применение отлучения от церкви. [1159] Возникшие ссоры были продолжительными и осложнялись всеми возможными способами. 15 февраля 1664 года Хуан Матеу, фактический приемник трибунала и исполняющий обязанности мэра альгуасиля, был убит. По самому незначительному подозрению на следующий день суд арестовал Джозефа Гимара и Джозефа Массарта; аудиенция заявила о возбуждении дела, и трибунал отказался вступать в компетенцию до тех пор, пока Банк Рейяль не пригрозил инквизиторам изгнанием. Затем они предотвратили предварительное совещание вопросами этикета, неоднократно игнорируя приказы Верховного, пока вмешательство королевы-регентши не заставило их повиноваться. Конференция, наконец, была проведена, и документы были переданы Верховной Раде и Совету Арагона для принятия решения относительно юрисдикции. Пока это ожидалось, инквизиторы устроили еще одну заварушку. Они заключили заключенных в тайную тюрьму, как будто они были виновны в ереси. Это было тяжким испытанием, и королева приказала перевести их в общую тюрьму; инквизиторы доложили, что это было сделано, а затем, под предлогом получения информации о заговоре с целью побега, вернули их обратно в секретную тюрьму. Когда Супрема услышала об этом, она написала в тоне смешанного гнева и страха, чтобы это не было обнаружено Советом Арагона; заключенные должны быть возвращены обратно; дело стало слишком важным, Совет Арагона приложил слишком много усилий, и королева приписала все это Супреме, как они могли видеть из ее прилагаемого приказа. Затем действие компетенции было приостановлено из-за побега заключенных 9 марта 1666 года, и последнее, что мы слышим об этом деле, - это их переговоры о помиловании в 1668 году, на условиях, на которых вице-король посоветовал согласиться, чтобы избежать решения компетенции. Несомненно, это было решено таким образом, поскольку конкурирующие юрисдикции привели отправление правосудия в такую форму, что было лучше оставить уголовные обвинения без рассмотрения, чем выбирать между конкурирующими исками. [1160]

Эти ссоры были не просто случайными, но и непрерывными. В письме от 18 июня 1667 года случайно упоминается, что тогда было отложено четыре или пять судебных заседаний из-за вопроса о том, должен ли королевский судья привлекать к совещаниям своего собственного нотариуса. [1161] Извращенная изобретательность постоянно изобретала новые пункты, из-за которых можно было вызвать раздор. Заключенные, находившиеся под судом в королевских тюрьмах, иногда привлекались трибуналом для судебного преследования за богохульство или другое тривиальное преступление против веры. В 1666 году дело такого рода вызвало вопрос о точной форме расписки в получении тела преступника, когда дело дошло до того, что Верховный суд распорядился об отлучении от церкви всех судей Аудиенции, а Совет Арагона

пожаловался королеве-регентше на грубое злоупотребление порицаниями и попросил ее обеспечить, чтобы в будущем взаимные обязательства двух трибуналов были равными и взаимными. [1162]

КАТАЛОНИЯ

Когда инквизиция так старалась вызвать к себе отвращение, вряд ли стоит удивляться, узнав из жалобы Верховного суда в 1677 году, что в Барселоне она настолько упала в общественном мнении, что смогла нанять только одного фамильяра, и что мэр альгвасила попросил освободить его от ношения служебного жезла, поскольку ни один дворянин не желал, чтобы его видели гуляющим с ним, когда он его нес. [1163] Эту враждебность он продолжал тщательно культивировать. В декабре 1695 года Дипутадо и судьи обратились к Карлосу II с жалобой на многочисленные бесчинства трибунала, который попирает законы и свободы страны, вызывая такие скандалы, что их больше нельзя было терпеть молча. Это было особенно актуально с тех пор, как Бартоломе Антонио Санс-и-Муньос был инквизитором, методы которого можно оценить на одном примере. Генерал-капитан маркиз Гастаньяра заключил под стражу француза по имени Хайме Балле по государственному делу, поскольку Испания в то время находилась в состоянии войны с Францией, со строгим приказом держать его *incomunicado*. Муньос внезапно потребовал предоставить ему возможность дать показания против него. Гастаньяра отсутствовал, и никто не имел права нарушать его инструкции, но регент королевской канцелярии и тюремщик предложили, если Муньос заявит, что это вопрос веры, попытаться найти какие-то способы подчиниться. Это заверение он отказался дать даже устно и пригрозил регенту отлучением от церкви. Аудиенция пригласила его на конференцию, от которой он отказался, а затем вызвала его в Королевский банк с обычным предупреждением об изгнании и временном аресте. Муньос ответил 29 декабря, направив регенту предписание, предписывающее ему под страхом отлучения от церкви разрешить снять показания с заключенного, и в течение часа за этим последовало объявление об отлучении от церкви, опубликованное на всех кафедрах и прикрепленное ко всем церковным дверям. На следующий день ситуация усугубилась вновь, и регент был публично предан ужасной анафеме, сформулированной для закоренелых и нераскаявшихся грешников. Аудиенция возобновилась с указом об изгнании и временном лишении прав в соответствии с обычным сроком в пятнадцать дней. Трибунал ответил на это угрозой наложить интердикт на город; он созвал всех руководителей религиозных орденов и договорился с духовенством о большой процессии, когда она должна была отправиться в путь. Он держал свои двери закрытыми и даже отказался принять посланцев Гастаньяры, которые поспешили обратно в Барселону, но он отложил дальнейшие действия до тех пор, пока не свяжется с Мадридом и не получит королевских приказов. Когда они прибыли, 11 января 1696 года, он находился в Монтеалегре, в паре лье от города; они были отправлены ему специальным курьером, и он вернулся на следующее утро и сделал секретные приготовления к их казни. В 14:00 он передал Муньосу, что желает видеть его на королевской службе. В 16:30 пришел Муньос, приведя с собой фискала. Был представлен писец, который зачитал ему приказ короля, которому, по его словам, он был готов подчиниться. Гастаньяра сказал ему, что он должен выезжать немедленно; у дверей стояла карета, к которой его со всеми почестями сопровождали; лакеи с факелами были наготове и охрана из двадцати пяти мушкетеров. Гастаньяра дал ему денег, и ему были предоставлены все удобства, даже вежливый джентльмен в качестве компаньона, чтобы добиться к нему должного уважения. Когда он покидал дворец, его вспыльчивый характер вырвался наружу в виде сожалений о том, что ему не дали времени наложить интердикт на город. Его отвезли в эмбаркадеро, поместили

на борт подготовленного судна и доставили в ближайший валенсийский порт. Симптоматично для испанских условий, что во время войны генерал-капитан был вынужден отказаться от всех других обязанностей и посвятить день похищению беспокойного священника, и это подчеркивается тем фактом, что генеральный инквизитор вознаградил поведение Муньоса, назначив его в один из самых престижных трибуналов Испании. [1164] Возможно, это дело повлияло на то, что Карлос II переиздал в 1696 году предписание своего отца от 1661 года в точности соблюдать Конкордиас и быть более осторожным с отлучениями. [1165]

Едва Филипп V взошел на трон, как столкнулся с вечным вопросом враждебности Каталонии по отношению к трибуналу. Консультация Верховного суда от 16 октября 1701 года предупреждает его, что инквизиторы Барселоны сообщают, что в Кортах, которые вот-вот соберутся, будут предприняты усилия, чтобы ограничить его полезность, и его призывают последовать примеру своих предшественников. [1166] Что бы ни было сделано, это не имело большого значения, поскольку в войне, которая разразилась вскоре после этого, Каталония с энтузиазмом признала эрцгерцога Карла Карлосом III и стала оплотом австрийской партии. Ситуация восстания 1640-52 годов была продублирована. Трибунал был отозван, но, по-видимому, заменен местной организацией, поскольку статья Кортеса 1706 года, должным образом одобренная австрийским Карлосом, регулирующая неприкосновенность государственных должностей, признает его сертификаты, уважающие его должностных лиц. [1167] Конечно, он не мог осуществлять юрисдикцию над английскими союзниками-еретиками; он не оставил никаких следов своей деятельности и был заменен возрождением епископального признания ереси. Что касается мест, неподконтрольных австрийской стороне, то постановление Верховного суда от 16 марта 1706 года распространило юрисдикцию трибунала Сарагосы на все, что должно быть изъято у врага, до тех пор, пока инквизиция Барселоны не будет восстановлена. [1168] Отчаянное сопротивление каталонцев отложило это до 1715 года, и когда трибунал был восстановлен, он обнаружил в секретной тюрьме двух пленников, двоюродного брата Хуана Кастильо и Мариану Коста, обвиненных в колдовстве, оба они были заключены под стражу по приказу генерального викария епархии. [1169] Поскольку все свободы и привилегии Каталонии были отменены завоевателями, ее последующие отношения с инквизицией не имеют особых характеристик.

МАЙОРКА-КАСТИЛИЯ

На Майорке не было Конкордии, и ее трибунал был волен заявлять о той степени юрисдикции, которую он считал подходящей, ограниченной только сопротивлением гражданских властей, которое, как мы видели, было энергично выражено в ранний период. Как определено Портокарреро в 1623 году, на практике он утверждал полную юрисдикцию, активную и пассивную, по гражданским и уголовным делам, над своими наемными и уполномоченными должностными лицами и их семьями; над близкими людьми, по уголовным делам, активным и пассивным; только по гражданским, пассивным, за исключением их семей. [1170] Поводом для написания его книги послужила ожесточенная борьба между вице-королем и трибуналом, в которой представлены обычные черты этих состязаний за превосходство между соперничающими ведомствами правительства. При обыске в доме Хуана Зуньеса, получателя конфискации, было найдено некоторое количество оружия. Вице-король немедленно арестовал его, приговорил покинуть остров в течение двадцати четырех часов и отправил восвояси. Инквизитор немедленно отлучил вице-короля от церкви; королевский фискал подал

апелляцию; вице-король и королевские судьи вызвали инквизитора на конференцию, подготовительную к разбирательству, или для того, чтобы он явился в Королевский банк и защитил свое разбирательство. В ответ на его отказ Банч Реял вынес приговор об изгнании и конфискации временных объектов, который был обнародован под звуки барабана и трубы. Они также издали эдикт, объявляющий порицания недействительными и приказывающий духовенству игнорировать их; они отказались считать себя отлученными от церкви, они посещали мессу и, по-видимому, пользовались поддержкой народа и духовенства, поскольку на интердикт, наложенный на город инквизитором, не было обращено никакого внимания. [1171] Каков был конечный результат, не сообщается, да это и не имеет большого значения; значение в этих делах представляет народу зрелище незаконных столкновений между представителями и выразителями закона.

На Майорке наиболее впечатляющие дела такого рода происходили между инквизицией и церковными судами и будут рассмотрены ниже. Здесь достаточно сказать, что стычки со светскими властями были постоянными и вносили свою лепту в то, чтобы занять и отвлечь внимание центрального правительства. Было бы излишним перечислять те, подробности о которых случайно дошли до нас; они просто доказали бы, что, учитывая их небольшой размер и скудное население, Балеарские острова не отставали от своих континентальных сестер Арагона в том, что усугубляло затруднения монархии.

Этот несколько затянутый рассказ о борьбе королевств Арагонской короны дает возможность осознать упорное сопротивление высокомерным претензиям инквизиции провинций, которые все еще сохраняли институты, через которые общественное мнение могло заявить о себе. Народы королевств Кастилия были доведены до подчинения абсолютизмом Австрийского дома, и, хотя они иногда жаловались, они не могли предпринять никаких эффективных усилий для улучшения своего положения. Когда в 1579 и снова в 1583 годах корты Кастилии жаловались на арест и заключение в тайные тюрьмы лиц, вступавших в каждую ссору с должностным лицом инквизиции, что навлекало постоянный позор на семьи, Филипп II просто ответил, что он проведет расследование и предпримет такие действия, какие сочтет уместными. [1172] Единственным ресурсом было возбуждение споров по отдельным делам, и они были достаточно частыми и достаточно жестокими, чтобы доказать, что существовал тот же дух противодействия вторжению инквизиции и то же всепроникающее недовольство злоупотреблениями, которые так сильно процветали под защитой инквизиции. Примеры этого можно было бы приводить почти без ограничений, но одного или двух будет достаточно в качестве примеров многообразия этих ссор и темперамента, с которым они разрешались. Следует иметь в виду, что в этой борьбе, как и в борьбе Арагона, не было вопроса о свободе совести и желания ограничить эффективность Святой Канцелярии как хранителя чистоты веры. Кастилец, как и каталонец, с ликованием взирал на победу над ересью в авто де фе, и он желал только установить границы вторжению инквизиции в сферу светского правосудия.

КАСТИЛИЯ

Канцелярия Гранады была верховным трибуналом Новой Кастилии, в то время как канцелярия Вальядолида была трибуналом Старой Кастилии. Алькальды Сала-дель-Кримен составляли высший уголовный суд, в который можно было обратиться только к Богу. 15 апреля 1623 года алькальд-мэр после пятидневного судебного разбирательства приговорил Херонимо Паломино,

закоренелого преступника *ихулигана*, к двумстам ударам плетью и шести годам каторги за различные правонарушения, включая различные богохульства; 24-го Сала подтвердил приговор и приказал привести его в исполнение. В тот же день инквизиция направила алькальду мэру два уведомления, запрещающих ему заниматься этим делом, поскольку некоторые из предполагаемых преступлений касались веры, в отношении которой она обладала исключительной юрисдикцией, и потребовала выдачи обвиняемого и всех бумаг в соответствии с обычным порядком. Алькальд-мэр ответил призывом к компетентности и предложил доставить Паломино для суда по любому обвинению в ереси, если будет сделана запись о том, что он уже был галерным рабом и должен быть возвращен в королевскую тюрьму. На следующий день трибунал направил в тюрьму запрос о его выдаче под предлогом того, что дело было передано ему, после чего начальник тюрьмы выдал его без приказа судей. Когда последние услышали об этом, они также узнали, что перевод был осуществлен благодаря усилиям друзей заключенного и щедрому подкупу должностных лиц трибунала, которые принимали активное участие в его освобождении из тюрьмы. Убедившись в этом в ходе расследования, они приказали арестовать четырех мирян — нотариуса, посыльного и двух приближенных — и дополнительно заключили в свои дома алькальда мэра и алькайда тюрьмы за то, что они действовали без уведомления Сала. Трибунал завершил процесс над Паломино в течение сорока восьми часов, приговорив его отслужить мессу в зале для аудиенций, и, похоже, вернул его к ответу. Далее суд возбудил дело против алькальдов, обязав их освободить чиновников в течение трех часов под страхом отлучения от церкви. Алькальды протестовали против этого и потребовали компетенции, как это предусмотрено Конкордией, но на следующий день они были отлучены от церкви во всех церквях, и за этим последовал интердикт, наложенный на город. Это вынудило к компромиссу, в результате которого заключенные были освобождены с возможностью повторного ареста на случай, если компетенция приведет к оправданию алькальдов, и последние были освобождены от порицаний. Вопрос, казалось, был улажен, но все стороны были в расчете, кроме порывистого и агрессивного генерального инквизитора Пачеко. Не дожидаясь дополнительной информации и пренебрегая законами, предписывающими мирное урегулирование спора компетентными органами, он сам возбудил это дело и действовал по нему самовольно. Через два дня после отпущения грехов инквизиторы по его приказу вновь наложили отлучение от церкви, и алькальдам и их мэру альгвасила были вручены уведомления о явке к нему в течение пятнадцати дней для предания суду. Они протестовали против этого, и из-за неявки их не только снова отлучили от церкви, но и предали анафеме во всех церквях. Таким образом, скандал приобрел общенациональный размах. [1173]

Алькальды были прямыми и высшими судебными представителями короля, но подчинение Филиппа инквизиции было таково, что он не допустил, чтобы дело шло обычным чередом, а взял дело в свои руки. Президент Совета Кастилии, передавая королевскому фавориту Оливаресу 4 июля 1623 года меморандум Совета, заявил, что состояние, в которое была доведена канцелярия Гранады из-за методов инквизиции, было самым позорным, о котором когда-либо слышали в Испании, особенно учитывая, насколько незначительной была причина всего этого беспокойства, поскольку, когда все было улажено, оно снова разгорелось по указанию генерального инквизитора. Поскольку дело находилось в руках короля, Совету ничего не оставалось, как обратиться к его величеству, несмотря на все неудобства, с которыми он столкнулся в борьбе с генеральным инквизитором; будь у него развязаны руки, он, возможно, уже одержал бы победу в интересах королевской юрисдикции и службы королю, ибо каждый день приносил Республике все больше волнений. [1174]

Несмотря на это обращение, Филипп принял решение в пользу инквизиции, и унижение канцелярии было полным. Однако Пачеко не был удовлетворен победой и продолжал топтать побежденных. В ходе ссоры Гудьель де Перальта, один из судей, и Матиас Гонсалес де Сепульведа, финансовый директор суда, привели юридические аргументы в ее оправдание. Эти работы Пачеко передал своим цензорам, которые, конечно же, обнаружили в них скрытую ересь, после чего он приказал уничтожить их как еретические и объявил о своем намерении строго наказывать авторов. Совет 7 октября снова обратился к Филиппу. Обвиняемый, говорилось в нем, всего лишь защищал королевскую юрисдикцию совершенно законным образом; генеральный инквизитор не должен был нападать на королевских чиновников и наносить непоправимый вред им и их потомству, объявляя их еретиками, не посоветовавшись с королем. Его умоляли вмешаться и приказать Пачеко приостановить разбирательство, пока хунта из двух Советов должна рассмотреть документы и решить, какой курс следует избрать. [1175] Вероятно, что каким-то образом эта неоправданная попытка была пресечена, поскольку ни одно из инкриминируемых имен не фигурирует в Указателе изъятий Сапаты за 1632 год.

Казалось бы, трудно установить границы власти организации, которая могла бы таким образом произвольно применять порицания Церкви к любому ведомству правительства, не будучи подверженной контролю, кроме контроля короля, послушного ее требованиям. Тем не менее, Верховный Суд, который всегда поддерживал суды в их бессмысленных выходках, принимал их ссоры и беспощадно боролся с ними до конца, полностью осознавал их неправоту. В то время как этот конфликт продолжался, 23 апреля была издана carta acordada, настоятельно призывающая суды поддерживать дружеские отношения с королевскими чиновниками и не тратить время на разногласия по поводу пренебрежения своими обязанностями в вопросах веры; компетентность всегда должна была признаваться, и никакие порицания не должны были применяться без консультации с Верховной Властью, за исключением случаев, когда задержка была недопустима. [1176]

КАСТИЛИЯ

Насколько бесполезными были эти советы об умеренности под властью такого человека, как Пачеко, вскоре после этого проявилось в еще более скандальной вспышке в Севилье под его руководством в 1625 году. Помощник или губернатор Фернандо Рамирес Фариньяс, сам член Совета Кастилии и человек высокого уважения, был отлучен от церкви и, таким образом, не смог завершить переговоры о пожертвовании королю восьмидесяти тысяч дукатов; его альгвасил, благородный человек, был ранен и заключен в тюрьму, чтобы не попасть в руки трибунала, который объявил, что он разыскивается по делу веры, тем самым покрыв его и его семью позором. Король и Оливарес были осаждены Пачеко, с одной стороны, и Советом Кастилии - с другой. Король, как обычно, встал на сторону инквизиции, и президент Совета подал в отставку с предложением передать его должность Пачеко, который, занимая обе должности, мог бы замять эти скандалы, в то время как королевская юрисдикция вряд ли могла быть доведена до большего упадка. Неудивительно, что Оливарес в письме президенту объявил себя самым несчастным из людей, поскольку он никого не мог удовлетворить; его лучшим выходом было бы попросить короля позволить ему отказаться от управления делами; когда королевство находилось в таком тяжелом положении, что у него едва хватало времени, чтобы перевести дух,

придумывая средства правовой защиты, его усилия были потрачены впустую, и в заключение он с отчаянием заявил, что сошел с ума, обдумывая это, не зная, что сказать. [1177]

Государственные деятели, вершившие судьбы Испании в те опасные времена, вполне могли стонать под непосильным бременем решения столь ожесточенных споров из-за мелочей, но их нельзя было щадить. Арсе-и-Рейносо был не таким жестоким, как Пачеко, но он был столь же упрям и был полон решимости полностью освободить инквизицию, освободив ее от королевского надзора. В 1645 году в Куэнке произошел поучительный случай, когда коррехидор дон Алонсо Муньос де Кастильбланке послал группу наемных убийц убить женщину, с которой у него были незаконные отношения, вместе со священником по имени Хасинто. Преступление вызвало большой ажиотаж, но Муньос был контадором, или бухгалтером трибунала, и как таковое являлся номинальным должностным лицом. Он предстал перед инквизиторами, которые взялись за его дело и незамедлительно отлучили от церкви судью, пытавшегося привлечь его к ответственности. Филипп провел расследование, и ему сказали, что и женщина, и священник были убиты. Он направил Верховному судье указ, предписывающий снять отлучение от церкви и передать преступника Совету Кастилии, чтобы его судил назначенный им судья, поскольку инквизиторы не могли должным образом наказать за столь ужасное преступление, не повлекши за собой нарушений. Это было достаточно ясно и безапелляционно, но вместо того, чтобы подчиниться ему, Арсе-и-Рейносо ответил 4 мая 1645 года, что это было бы большим и неслыханным нарушением прав Святой Канцелярии. Женщина не была мертва, но находилась в Валенсии, где трибунал усердно собирал доказательства; передача Муньоса светским судьям для суда и казни повлекла бы за собой те же нарушения, что и вынесение ему приговора; дело будет рассматриваться Верховной властью, у которой есть широкий спектр подходящих наказаний, которые не предполагают нарушения; тем временем Муньос будет находиться под надежной охраной, и он надеется, что король не подаст столь пагубного примера.

Когда Филипп отклонил это обращение и повторил свой приказ, был подготовлен ученый и тщательно продуманный аргумент, чтобы показать, что он не в силах вмешиваться. Он исходил из того, на что мы уже ссылались, что светская юрисдикция инквизиции над ее должностными лицами была даром папства; она была исключительной и неограниченной, и ни один светский правитель не мог лишить Святой Канцелярии этого права; папа имел право выдавать это разрешение, а король не имел права исключать это или любое другое дело из его ведения, поскольку он не был верховным над церковной и папской юрисдикцией — правда заключалась в том, что папские поручения генеральному инквизитору наделяли полномочиями отстранять и наказывать подчиненных, но ничего не говорили о том, что это исключительное право, и столь же ошибочной была ссылка на три авторитетных источника, чьи высказывания не имели никакого отношения к рассматриваемому вопросу. [1178] Эта дерзкая ставка на невежество Филиппа и его светских советников увенчалась успехом. Филип предпринял еще одну или две попытки, но Арсе-и-Рейносо держался молодцом. В меморандуме 1648 года на эту тему от члена Совета Кастилии говорится королю, что его неоднократные приказы по делу Муньоса были нарушены и что, хотя преступник так долго находился в руках инквизиторов, он еще не был приговорен, что, по его мнению, является явным доказательством того, что их целью была защита своих должностных лиц от королевского правосудия, а не их наказание. [1179]

КАСТИЛИЯ

Насколько либеральным было толкование этого термина титульного чиновника, было продемонстрировано, когда в 1622 году в Толедо коррехидор арестовал мясника трибунала за недопустимое мошенничество с общественностью. Инквизитор потребовал арестованного и газеты, объявил коррехидора во всех церквях отлученным от церкви, схватил альгвасила и привидение, которые произвели арест, бросил их в тайную тюрьму, судил их как будто за ересь, обрил им головы и бороды и изгнал их, отказав их семьям в каких-либо свидетельствах, которые могли бы уберечь их потомство от позора. Существовала опасность восстания в Толедо против инквизиции, но оно было предотвращено; Совет Кастилии выразил протест, и была созвана хунта, которая приняла меры по предотвращению повторения подобных безобразий, но, как обычно, на них не обратили внимания. [1180]

Было бы излишним умножать примеры многолетней борьбы, которая отвлекала энергию правительства и ослабляла уважение к закону во всех кварталах Испании. Каждый трибунал внес свою лепту, и в Мадрид хлынул нескончаемый поток дел для урегулирования. Каждая сторона обвиняла другую в этом аномальном положении. В 1632 году Супрема, защищая трибунал Валенсии за его защиту криминальных авторитетов, горько жаловался на то, что целью Конкордий было облегчение работы трибуналов, наказание правонарушителей, быстрое рассмотрение дел и уменьшение притеснения лиц, выступающих в суде, но что это превратилось в вечную борьбу, независимо от форм и правил процедуры. [1181] В первую очередь в этом виновата она сама, поскольку, хотя с обеих сторон были несомненные ошибки, случаи, зафиксированные в отчетах, и аргументы инквизиции показывают, что она была главным преступником. Его агрессивная мощь была слишком велика, чем у его противников, а методы слишком остры, чтобы светские власти часто рисковали последствиями своей неправоты.

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Было и другое направление, в котором Святая канцелярия стремилась вмешаться в отправление правосудия. Независимость светской власти, провозглашаемая Церковью для лиц священного сана, настолько полна, что считается необходимым разрешение епископа, прежде чем священнослужитель сможет подчиниться требованию явиться в качестве свидетеля в непрофессиональный суд, даже по гражданским делам. [1182] Инквизиция включила это в число исключений для всех, связанных с этим, будь то мирян или священнослужителей, и даже распространила это действие на приближенных. Привилегия, по-видимому, в целом была признана в отношении наемных чиновников, но применительно к фамильярам это было слишком гротескно, чтобы не вызвать возражений. Конкордия 1568 года, как мы видели, предусматривала, что фамильяры должны давать показания перед светскими судьями, не требуя разрешения от инквизиторов, и что последние не должны запрещать им это делать, из чего следует, что это было злоупотребление, требующее исправления, а также что должностным лицам было разрешено пользоваться освобождением. Право вызывать свидетеля обязательно включает в себя право принуждения его к даче показаний, и это осуществлялось путем заключения непокорных в тюрьму, что стало рассматриваться как нарушение привилегий. В 1649 году по делу Клаудио Болано, знакомого, заключенного в тюрьму за отказ давать показания, трибунал Валенсии сформировал компетенцию, в ожидании которой он был

освобожден под залог в обеих юрисдикциях. Вопрос был трудноразрешим, и рассмотрение вопроса о компетенции затянулось на десять лет без урегулирования. Затем, в 1659 году, произошло то же самое, и была сформирована другая компетенция, в рамках которой инквизиция максимум, на что согласилась бы, так это на то, что, когда доказательства были необходимы, нотариуса следовало посылать в дом знакомого, чтобы снять их тайно, основываясь на опасности, которой подвергались свидетели в жестоких группировках того времени. [1183] Вопрос, однако, был решен в 1699 году в деле Фелипе Брю. В Хативе 14 августа 1698 года дон Луис Сальседо, сеньор Памиса, был застрелен, когда стоял у окна своего дома. Дон Висенте Монсеррат, судья аудиенции Валенсии, нашел Брю, который был знакомым, упрямым свидетелем. Сначала ему предоставили город в качестве тюрьмы, затем его дом и, наконец, заковали в цепи. Он подал апелляцию в трибунал, который постановил освободить его в течение трех дней под страхом отлучения от церкви и выплаты пятисот дукатов. Была сформирована компетенция, решение по которой в ноябре 1699 года было принято в пользу королевской юрисдикции. Вероятно, именно в результате этого обсуждения 15 июля был издан королевский указ, обязывающий приближенных давать показания в светских судах. Даже это не уменьшило притязаний инквизиции, поскольку, когда в 1702 году Джозефу Пересу из Монтесы, фамильяру, было приказано под страхом штрафа в тысячу дукатов не покидать этот город, потому что от него требовались показания, он обратился в трибунал Валенсии, который с обычными угрозами приказал аннулировать орден. Получив отказ, Перес отправился в Валенсию и сам был заключен в секретную тюрьму, где был недосыгаем. Аудиенция продолжила рассмотрение дела, велась обширная переписка и подготовка к слушанию, но в конце концов дело было улажено путем отправки Переса в дом регента Аудиенции, где он дал свои показания. Однако до конца трибунал придерживался позиции, согласно которой, в случае применения какого-либо ограничения, он будет оказывать сопротивление фамильяру и защищать его, если компетентный орган не примет иного решения. [1184]

Не только светские суды вели эти постоянные конфликты с инквизицией. Подобно Измаилу, его рука была против каждого человека, и рука каждого человека была против него — но, на самом деле, это в значительной степени касалось всех различных юрисдикций, между которыми различные классы общества были разделены по своим многочисленным привилегиям и изъятиям. Рядом с королевскими судами стояли духовные суды по количеству и сложности спорных вопросов с инквизицией. С ними было два источника разногласий, поскольку они не только претендовали на основании предписывающего права на исключительную юрисдикцию во всех мирских делах над всеми, кто носил тонзуру, но и существовало широкое поле для дискуссий в связи с несколько туманным разграничением духовных правонарушений, подлежащих наказанию тем или иным судом. Эта последняя тема привлечет наше внимание позже; в настоящее время нас интересуют только вопросы, возникающие у персонала Святой Канцелярии. Как ни печально известны были епископальные суды по отношению к нарушителям священного писания, инквизиция пользовалась репутацией еще большей снисходительности к тем, кто находился под ее защитой; поэтому священнослужители, которые также были официальными лицами, предпочитали ее трибуналы, что приводило к частым ссорам, в которых инквизиторы обращались со своими духовными противниками так же безжалостно, как и со светскими чиновниками и судьями. Ординарии епископальной церкви, провизоры и генеральные викарии утверждали, что они обладают, за исключением случаев веры, исключительной юрисдикцией над всеми священнослужителями; что временная

юрисдикция инквизиции была королевским грантом, который не мог заменить каноническое право, и что папские комиссии предоставляли полномочия только для наказания должностных правонарушений. На этот неопровержимый аргумент инквизиторы не обратили особого внимания, и прелаты оказались в худшем положении, чем судьи, поскольку за них, по крайней мере, боролись Советы Кастилии или Арагона, но Советы признали, что у них нет авторитета в церковных распрях. Естественным средством обращения прелатов за защитой был Рим, но это было предметом острой ревности, традиционной для испанской монархии, и Филипп III в седule от 21 января 1611 года, адресованной всем прелатам своих владений, сказал им, что они должны обращаться только к Верховной Власти, и запретил им обращаться с какими-либо делами к Святому Престолу. [1185]

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Таким образом, не могло быть никакой компетенции; конфликты между двумя юрисдикциями были односторонними и разрешались трибуналами с таким же властным высокомерием, какое проявлялось по отношению к светским магистратам. Первый вызов к провизору или главному викарию удержал его под страхом отлучения от церкви и крупного штрафа от дальнейших действий, предписав ему в течение двадцати четырех часов передать дело инквизиции и освободить заключенного под залог, чтобы он предстал перед трибуналом, в то время как нотариус должен был сдать все бумаги. Если это требование не выполнялось, за ним следовало другое, требующее повиновения в течение шести часов, за невыполнение которого все священники-бенефициары были обязаны, под страхом аналогичных наказаний, объявить провизора и нотариуса отлученными от церкви и внести их имена в списки как таковые. Циркулярное письмо было также адресовано всем священникам, капелланам и ризничим округа, в котором содержалось предостережение всем лицам в течение шести часов и под страхом отлучения от церкви избегать провизора и нотариуса, не выступать перед ними с ходатайствами, не поддерживать с ними никаких контактов и не снабжать их хлебом или вином, рыбой или мясом, в то время как публичный указ с тем же эффектом был издан для всего народа. В случае продолжения упрямства за этими мерами незамедлительно последовал эдикт для всего духовенства, предписывающий им предать анафеме провизора и нотариуса с помощью звона колоколов и погашенных свечей, объявляя их проклятыми Богом и его святыми: "да будет проклят хлеб, который они едят, и постель, на которой они спят, и звери, на которых они ездят, и да сгинут их души в аду, как свечи в воде: да будут они постигнуты приговором Содому и Гоморре, Дафану и Авираму, которым земля предана". проглочен за непослушание, и пусть все проклятия Псалма *Deus laudem team* (Пс. CVIII, страшное проклятие) освети их!" Если этого не оказывалось достаточно в течение двадцати четырех часов, следовал интердикт с колокольным звоном и тихим богослужением при закрытых дверях, пока не будет приказано иное. В случае, если это не удавалось, последним шагом было *cessatio a divinis*, или прекращение церковных служб в городе, где жили преступники, чтобы принудить их к этому народным криком. [1186] Как мирянам, так и священнослужителям было трудно бороться с противниками, которые владели таким оружием, как это.

Безответственное осуществление таких полномочий неизбежно приводило к злоупотреблению ими. В Конкордии 1568 года весьма наводит на размышления пункт, запрещающий инквизиторам выдавать, как они привыкли, приближенным и должностным лицам общие запреты, защищающие их от церковных судов; такие запреты должны быть особыми и выдаваться только в каждом конкретном случае, когда это может произойти. Не менее важным

является другое, в котором говорится, что инквизитор не должен вмешиваться против его воли ни в одно дело, принадлежащее по закону провизору. [1187] Напряженные отношения, возникшие между церковным органом и Святой Канцелярией, упоминаются в проекте реформы, представленном Верховной Раде в 1623 году, в котором говорится, что клерикальные комиссары и их нотариусы вызывают множество конфликтов с церковными судьями, и, поскольку нет Конкордий, инквизиторы имеют обыкновение присваивать себе большее. юрисдикция, чем принадлежит им, что вызывает много ропота и негодования прелатов и духовенства. Автор искренне желает, чтобы этого можно было избежать, но у него, очевидно, нет никакого средства, которое он мог бы предложить. [1188]

Конфликт, вызванный одним из этих местных нотариусов в 1609 году, вполне оправдал ропот прелатов. Священник из Кабры, занимавший почти номинальную должность местного нотариуса, был печально известным кровосмесителем-наложником, который в течение восьми лет не служил мессу и не читал молитв. Провизор Кордовы возбудил уголовное дело и бросил его в епископальную тюрьму, когда он заявил о фуэро инквизиции. Провизор был в дружеских отношениях с тремя инквизиторами и добивался мирного урегулирования вопроса, когда они хитростью завладели бумагами и помешали ему в дальнейшем разбирательстве. Он воззвал к Верховному Правителю и был отлучен от церкви. Четыре раза Верховный Суд приказывал инквизиторам прекратить дело и снять порицание, но они упорно не подчинялись. Всем должностным лицам епископального суда было приказано не поддерживать с ним никаких контактов, что привело в замешательство все дела епархии, поскольку епископ отсутствовал, а временный поверенный был его представителем. Преступник сбежал из епископальной тюрьмы и был взят под стражу трибуналом. Страсти накалялись; банда приближенных и чиновников ворвалась в епископский дворец и попыталась утащить провизора, но каноники спасли его в полуразрушенном состоянии и уложили в постель. Затем инквизиторы произнесли волшебное слово "вопрос веры—, которое привлекло к ним на помощь коррехидора и муниципальные власти, которые пришли с отрядом солдат и унесли его на кровати под звуки барабанов и труб. Его доставили в инквизицию и заключили на два месяца в маленькую камеру, судили без возможности защититься и приговорили к лишению должности временного поверенного, к четырем годам ссылки и другим наказаниям, и копии приговора были распространены по всему городу. Епископ попытался прийти ему на помощь, отлучив инквизиторов; они проигнорировали порицания, пригрозили привлечь его к ответственности, если он не снимет их, и действительно привлекли к ответственности некоторых каноников за участие в заговоре против инквизиции, потому что они были избраны капитулом, чтобы помочь епископу защитить провизора. [1189]

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Такой приговор в отношении высокопоставленного церковного сановника требовал подтверждения Верховной властью, которое, должно быть, было дано, поскольку апелляция была подана Филиппу III. Он принес некоторое удовлетворение, уволив и сослав всех светских чиновников, которые были причастны к аресту и ранению провизора, но инквизиторов, чьими простыми инструментами они были, оставили в покое. [1190] Тем не менее, было невозможно, чтобы дело, привлекавшее внимание всей Испании, прошло без попытки предотвратить повторение подобных скандалов. Существовала угроза, а возможно, и нечто большее, чем угроза, обратиться к Риму в защиту епископа и духовенства Кордовы, что привело к упомянутому выше седулу от 21 января 1611 года, ограничивающему их обращение к Верховному суду.

Настаивая на этом, Suprema в консультациях от 15 ноября 1610 г. признала, что эти проблемы возникли из-за агрессивности трибуналов и ненужного увеличения числа номинальных должностных лиц; недавно она выпустила три *акорда* по этому вопросу и направила всем епископам письма с просьбой сообщить о таких эксцессах, чтобы исправить их. Филипп в ответ разрешил Верховной власти составить такую седулу, какую она пожелает, но приказал оформить ее таким образом, чтобы не поощрять инквизиторов, которые каждый день вмешивались в дела, выходящие за рамки их компетенции, с целью расширения своей юрисдикции; именно это привело к этим неприятностям, и они не прекратятся, пока причина не будет устранена. [1191]

Таким образом, всеми было признано, что вина лежит на трибуналах, однако зло, совершенное судом Кордовы, осталось безнаказанным. Филипп позволил убедить себя, несмотря на здравый смысл, прекратить всякое обращение в римский суд последней инстанции, и угнетенным церквам и прелатам должна быть предложена некоторая номинальная помощь. Мемориал из Кордовы завершился молитвой о принятии какого-либо закона, который предотвратил бы эти разногласия и сохранил епископальную юрисдикцию над духовенством, как обещал король в письме, переданном через Совет Кастилии. Обещание было в некотором роде выполнено, хотя и с некоторой задержкой, которая показывает, насколько длительным было встреченное сопротивление. В хартии акордада от 28 ноября 1612 года трибуналы были проинформированы о том, что для того, чтобы служители инквизиции не могли грешить из-за уверенности в безнаказанности, и для предотвращения конфликтов, нарушающих мир, Супрема постановила, что в делах о клерикальных чиновниках, не получающих жалованья, ординарии епископальной церкви обладают исключительной юрисдикцией в отношении преступлений, связанных с клерикальными обязанностями и должностями, симонией и духовными вопросами, в то время как инквизиторы обладают совокупной юрисдикцией с ординариями, в зависимости от приоритета действий, в публичных и скандальных преступлениях, таких как невоздержанность, ростовщичество, азартные игры и тому подобное. [1192] Это оставалось в силе, по крайней мере номинально, до последнего, но намек на постоянные проблемы, возникающие из этого источника, в проекте, представленном Верховной Раде в 1623 году, показывает, насколько бесполезным было сдерживание агрессии трибуналов.

Таким образом, епископальная юрисдикция по всей полуостровной Испании оказалась беззащитной перед посягательствами инквизиции, но церкви Майорки повезло получить защиту Рима, что привело к серии конфликтов, которые велись на менее неравных условиях, которые заслуживают рассмотрения как свидетельствующие об особом этапе в этих делах. Между соборными канониками и инквизицией была давняя ссора. В 1600 году один из первых, Пер Энсеньят, помог бежать человеку, ранившему знакомого, после чего инквизитор Франсиско де Эскинель бросил его в тюрьму и заставил внести залог в триста дукатов. В 1605 году другой каноник, Франсиско Санчелони, вступил в словесную перепалку с Бернардо Луисом Котонером, защитником заключенных, за что Эскинель заключил его в тюрьму, судил и осудил с учетом его прошлого тюремного заключения в качестве наказания. Возмущенные каноники обратились с решительным протестом к Верховной Власти. У них была старая привилегия, подтвержденная Тридентским собором (Sess. XXV, De Reform. cap. 6) что они могли быть арестованы только обычным судебным заседанием с участием двоих из их числа; в вопросах веры они признавали подчинение Святой Канцелярии, но требовали освобождения по гражданским и уголовным делам. Количество приближенных и должностных лиц, а также их раздражительность, вызванная защитой трибунала, делали невозможным постоянно

подвергаться расходам и опасностям, связанным с обращениями в Рим с просьбой о сохранении их привилегий. Это оказалось неэффективным, и в ходе очередной вспышки в 1630 году между Конгрегацией Римской инквизиции и нунцием в Мадриде состоялась переписка по поводу апелляции каноников. В этом письме нунций сообщил, что он обратился к генеральному инквизитору Сапате, который пообещал проинструктировать инквизитора не нарушать каноны. [1193]

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Если он делал это, ему, как обычно, не подчинялись, и в 1636 году каноник по имени Доменге был вовлечен в гражданский иск в трибунале, в результате чего против него было вынесено решение в размере пяти тысяч реалов, исполнению которого он сопротивлялся силой. Это навлекло на него судебное преследование, несмотря на протесты епископа и капитула, которое было обжаловано в Верховном суде, где он был осужден на семьсот реалов, которые он заплатил. Между тем, несмотря на седулу 1611 года, епископ и капитул обратились в Рим с кратким заявлением о том, что каноны подлежат инквизиции только в вопросах веры. Этот вопрос был исчерпывающе обсужден в Конгрегации Святой Канцелярии с Луисом де лос Инфантесом, римским агентом инквизиции. Был сделан вывод, что трибунал Майорки не обладал юрисдикцией в отношении канонов, кроме как в вопросах веры, и это было должным образом отражено в кратком "*Окончательном решении*" от 31 марта 1642 г., которое сохранилось в Буллариуме. В нем епископ и декан или казначей назначаются исполнителями, имеющими право выносить порицания и при необходимости обращаться за помощью к светским властям. Книга была принята на Майорке со всеобщим ликованием; она была напечатана и распространена, и духовенство создало синдикат для получения, не считаясь с расходами, аналогичной для всего церковного корпуса, что увенчалось успехом в сентябре следующего года.

Краткое изложение было должным образом передано инквизитору, который отказался признать, что оно не было передано через Suprema; кроме того, он утверждал, что оно было тайным, поскольку было предоставлено без заслушивания другой стороны, и, более того, это было в нарушение буллы *Si de protegendis*. В консультациях от 11 декабря Верховный суд энергично объяснил Филиппу IV, каким образом его предшественники вынудили передать папские письма, враждебные инквизиции; он попросил его отменить настоящее письмо и проинструктировать прелатов о том, что все случаи разногласий должны передаваться на его рассмотрение, что не следует обращаться в Рим под страхом наказания, назначенного Фердинандом, что вице-король Майорки должен заставить капитул воздержаться и что послу в Риме будет поручено добиться отмены отвратительных писем.

К несчастью для Suprema, времена были неподходящие. Майорка находилась слишком близко к мятежной Каталонии, чтобы властные методы Святой канцелярии могли быть разумными. Филипп ответил, что возрождение законов Фердинанда вызовет проблемы, и искомое средство должно быть практически осуществимым. Инквизитор Майорки был виновен в грубых злоупотреблениях, и ему следовало приказывать проявлять умеренность, и он предложил хунте, состоящей из членов Верховного суда и Совета Арагона, разработать Конкордию. Был ли достигнут такой компромисс, не сообщается; если он был, последующие события показывают, что он не соблюдался ни одной из сторон и никаких ссылок на него не встречается. Папские записки были сохранены, и десять лет спустя, после краха каталонского восстания, инструкции

от 23 апреля 1652 года послу, отбывающему в Рим, приказывали ему добиваться их отмены; их злой пример был заразителен; рыцари Святого Иоанна на Майорке пытались добиться аналогичной милости через мальтийского посла, чему следовало всячески сопротивляться, поскольку за ним последовали бы все остальные Ордена. [1194]

Верховный суд продолжал рассматривать папские сводки как тайные, и в 1658 году Арсе-и-Рейносо одержал кратковременную победу в состязании, вызвав генерального викария в Мадрид и вынудив его приехать. [1195] При более слабом правительстве королевы-регентши его преемнику Нитхарду не повезло так сильно, в результате ожесточенной ссоры, которая повергла в замешательство весь остров и втянула соперничающие департаменты правительства. 9 мая 1667 года, в праздничный день, в церкви Сан-Франциско дон Джорджо Дамето ударил своего зятя, дона Джозефа Вальехо, костью, вызвав кровотечение и тем самым осквернив церковь. Оба джентльмена были знакомыми. Инквизитор еще до полудня приказал арестовать обоих; во второй половине дня епископ Манджарре призвал Дамето явиться за святотатство и надругательство над церковью. Соперничающие юрисдикции сцепились рогами и перешли к крайностям. Вице-король и Аудиенция, а также большая часть общины, встали на сторону епископа, но начались беспорядки, и они неоднократно призывали отложить действия до тех пор, пока не будет получено известие от правительства, но инквизитор отказался. Епископ объявил его отлученным от церкви, предал анафеме и заставил неоднократно петь против него проклятый псалом, но инквизитор продолжал служить мессу, показываться на публике, запретил епископу входить в его собственную церковь и пригрозил приостановить его священнические функции. 29 августа епископ собрал синод, на котором были приняты меры к отправке посланника в Рим для судебного разбирательства по этому делу с печатным отчетом обо всем разбирательстве, копия которого была передана Совету Арагона.

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Из Мадрида Нитхард повелительно вызвал епископа, чтобы тот предстал перед ним и изложил свое дело. Согласно каноническому праву, инквизиция не имела юрисдикции над епископами без специального делегирования папских властей, и Манджарре был прав, объявив вызов недействительным. Хотя, как церковный вопрос, Совет Арагона не имел прямой компетенции, тем не менее, поскольку миру на Майорке угрожала серьезная опасность и в дело был вовлечен вице-король, он вмешался в это дело, и, таким образом, были поставлены самые серьезные вопросы, касающиеся отношений инквизиции с епископатом, со Святым Престолом и со светскими властями.

Уверенный в слепом повиновении королевы, Нитхард занял самую агрессивную позицию, и королева покорно выполняла все, что он требовал, поскольку он заверил ее, что это дело было самым серьезным из всех, возникших с момента основания инквизиции, и что от его законного решения зависело сохранение или исчезновение не только трибунала Майорки, но и всех тех, кто находится под властью короны Арагона. Чтобы подчеркнуть это, он вызвал епископа предстать перед ним лично или через прокуратора в установленный срок, при несоблюдении которого он будет привлечен к ответственности *in contumacia*. К этому королева в октябре добавила свои распоряжения Совету Арагона; поскольку сохранение католической веры требовало поддержания авторитета инквизиции, Совету было приказано написать епископу, чтобы он выполнил вызов, и вице-королю, чтобы он помог трибуналу в случае необходимости;

епископ не должен обращаться к Риму, и если бы он это сделал, письма должны быть перехвачены и переданы ей в руки.

Совет Арагона не подчинился. Суд рассматривал этот вопрос до 21 января 1668 года, когда представил консультацию, предупреждающую королеву о последствиях ее действий и указывающую, что папа является единственным судьей епископов в важных делах, равно как и провинциальные синоды в тривиальных вопросах. Нитхард, однако, был выше Тридентского собора, и Супрема возбудил уголовное преследование епископа Манджарре, в то время как 5 февраля для Арагонского собора был подготовлен ответ, выдержанный в тоне горечи и едва скрываемого презрения, что показывало, насколько сильны были бушующие страсти. Королеву заверили, что ее действия соответствовали всем предыдущим королевским положениям, и попросили приказать Совету Арагона повиноваться и впредь не вмешиваться в церковные споры. Однако еще до того, как это послание было доставлено, с Майорки пришло известие о том, что виновный Дамето отозвал свою апелляцию в трибунал и обратился за отпущением грехов к епископу, который счел все дело улаженным. Это был ошеломляющий удар, от которого Нитхарду потребовался месяц, чтобы оправиться, но в конце концов он отправил консультацию от 5 февраля с припиской от 12 марта, утверждая, что субъект не может нарушить юрисдикцию своего судьи, приняв другого, и, следовательно, ситуация не изменилась.

Королева, конечно, приняла эту точку зрения и повторила свои приказы, но Совет снова не подчинился ей и представил 18 марта консультацию, в которой в торжественных выражениях заклинал ее подумать спокойно, поскольку она назначала генерального инквизитора судьей всех епископов в своих владениях не только в отношении конфликтов юрисдикции, но и в отношении уголовных обвинений, не имея на это полномочий от папы, и в то же время запрещала обращаться к Святому Престолу, который был единственным надлежащим судьей. Ее предупредили, что невозможно преувеличивать важность рассматриваемых вопросов, и умоляли, прежде чем принимать столь важное решение, проконсультироваться с Советами Кастилии, Италии и Индии, поскольку речь идет об интересах всей монархии, а также о верховной власти папы римского. На это ее ответом было простое повторение ее прежних приказов и требование предоставить дубликат писем Совета вице-королю. В третий раз оно ослушалось ее и ничего не прислало, и есть намеки на то, что оно было направлено на то, чтобы пробудить во всем испанском епископате ощущение надвигающейся опасности.

Затем роман внезапно перешел в другую фазу. 7 марта королева написала своему послу в Риме, чтобы добиться от папы воздержания от участия в этом деле, но в тот же день Конгрегация инквизиции с одобрения папы объявила недействительными обвинения, выдвинутые инквизитором. Был конец мая, прежде чем нунций сообщил об этом королеве, который сказал, что папа признал серьезность посягательства инквизитора на епископское достоинство и масштабы последовавшего за этим скандала, и заставил Конгрегацию тщательно рассмотреть весь этот вопрос с вышеуказанным результатом. Папа глубоко переживал не только унижение, нанесенное епископской должности, но и то, что фискал инквизиции обратился к королеве с просьбой вызвать епископа исключительно на том основании, что он обратился к Святому Престолу. Поэтому от имени папы римского нунций попросил королеву приказать инквизиторам не возбуждать дела против епископов и отклонить ходатайство фискалов.

ДУХОВНЫЕ СУДЫ

Даже это не поколебало решимости Нитхарда подчинить епископат. Королеве была представлена длинная и аргументированная консультация, доказывающая, что решение папы было тайным и, следовательно, недействительным, и что в любом случае декреты римской инквизиции не имели силы в Испании. Были применены старые запреты на апелляции к Риму, и королеве было сказано, что на карту поставлена одна из самых драгоценных жемчужин испанской короны, поскольку, если регалии не будут сохранены, инквизиция должна исчезнуть, преступники останутся безнаказанными, религия пострадает, а с потерей ее единства больше не будет повиновения трону. Поэтому королеве было настоятельно рекомендовано проявить твердость; судебное преследование епископа не должно быть приостановлено, а Совет Арагона должен быть вынужден подчиниться королевским приказам.

Нитхард был готов рискнуть на открытый разрыв со Святым Престолом в своем дерзком стремлении сделать инквизицию верховной в Испанской церкви. Невозможно сказать, как далеко королева позволила бы завести себя в осуществлении его планов, поскольку документы здесь нас подводят. Однако его карьера подходила к концу. В феврале 1669 года он был изгнан из Испании под всеобщее проклятие, однако преследование епископа Манджарре не было прекращено, поскольку инквизиция не привыкла открыто признавать поражение. Это продолжалось до его смерти, 26 декабря 1670 года, когда оно было тихо сброшено. [1196]

Практически вмешательство Рима принесло победу майоркинцам, чем они и воспользовались. В 1671 году возникла еще одна ссора из-за штрафа, понесенного каноником, который также был консультантом трибунала. Обе стороны обменялись отлучениями, и генеральный инквизитор Вальядарес, воспользовавшись опытом своего предшественника, проявил умеренность. Ссылаясь на то, что это было делом правительства, а не юрисдикции, Верховный суд приказал трибуналу прекратить дело и снять порицания, наложенные на каноников, но последние не удовлетворились этим и добились от Священной Римской канцелярии указа, объявляющего недействительными порицания инквизиторов и действительными порицания исполнителей судебного приказа. Совет Арагона сообщил об этом королеве, которая покорно подписала письмо от 25 января 1672 г. к капитулу, выражая свою уверенность в том, что при его использовании они будут уделять должное внимание миру и пользе Церкви. [1197]

Инквизиция не привыкла к поражениям и была раздражена этим, что было показано, когда в 1690 году возникла ссора из-за того, что священник с Менорки по имени Хуан Брюэльс оскорбил комиссара Рафаэля Понса. За это он был привлечен к уголовной ответственности, и это дело привело все острова в замешательство. Вице-король, аудиенция и духовенство объединились против инквизиции. Ординарий Менорки, как исполнитель судебного приказа 1642 года, насильно освободил Брюэльса, запретил инквизитору продолжать расследование и, за его неповиновение, отлучил его от церкви. Примерно в это же время у трибунала Майорки возникли претензии к рассмотрению, вытекающие из его активного судебного разбирательства против иудействующих и крупных конфискаций. Супрема отстаивал свое дело с обычной энергией и в неоднократных консультациях с Карлосом III осудил папские записки как тайные и недействительные, полные недостатков и ничтожеств. Слабый король неоднократно отдавал приказы о преследовании Брюэлла и сдаче документов, но никто не обращал на них внимания. Духовенство Майорки добилось от Конгрегации инквизиции указа, подтверждающего порицания, вынесенные Ординарцами, и отменяющего порицания инквизитора; папа подтвердил это, но впоследствии приостановил действие по настоятельной просьбе испанского посла, в то же время приказав своему нунцию дать королю понять, что Конгрегация обладает

высшей властью решать все вопросы юрисдикции. Это дело не привело к удовлетворению инквизиции, поскольку последнее, что мы слышим об этом, - это горькая жалоба Верховного суда от 11 марта 1693 года на непокорных майоркинцев и на жалкое состояние, до которого они довели инквизицию. На Менорке духовенство и их иждивенцы были настолько враждебны, что Понс не мог найти церковь, в которой можно было бы отслужить мессу, в то время как чиновников избегали как отлученных от церкви еретиков. [1198]

ВОЕННЫЕ ПРИКАЗЫ

Другой юрисдикцией, с которой время от времени возникали ссоры, была юрисдикция армии, поскольку солдаты были освобождены от светских судов. В таких компетенциях соглашения заключались хунтой, состоящей из двух членов Верховного совета и Военного совета от каждого, с окончательной ссылкой на короля в случае разногласий. Мне довелось столкнуться лишь с несколькими подобными случаями, и они, похоже, никогда не достигали той важности, которую имеют светские и церковные суды. Один из них произошел в 1629 году в результате споров с гарнизоном, оккупировавшим Альхаферию после смуты 1591 года. Несколько любопытным был случай с доном Фернандо Антонио Эррерой Кальдероном из Сантандера, который был альгвасилом и фамильяром и который в 1641 году уволился из своей военной компании, хотя и был предупрежден, что за такой поступок во время военных действий его будет судить Военный совет. Это, естественно, потребовало его, и Верховный Господь попытался защитить его. [1199] Казалось бы, к концу восемнадцатого века освобождение от военной службы вызывало особые проблемы, поскольку королевская седула от 9 февраля 1793 года объявляет, что, чтобы положить им конец, в будущем военные судьи должны иметь исключительную компетенцию по всем делам, гражданским и уголовным, в которых военнослужащие являются ответчиками, за исключением дел о наследстве, и что никакой трибунал или судья любого рода не должен формировать компетенцию в отношении них ни под каким предлогом. [1200]

Существовала еще одна независимая юрисдикция, с которой инквизиция время от времени вступала в столкновения. В Испании Военные ордена были настолько важным органом, что среди Государственных советов существовал один из Орден, обладавший исключительной юрисдикцией в отношении своих членов. Следует напомнить, что одной из наиболее эффективных мер Фердинанда по обеспечению мира в королевстве было получение бессрочного управления городами Сантьяго, Калатрава и Алькантара, в то время как королева взяла на себя управление Монтесой. И все же он не был расположен поддерживать их требования об освобождении мирских дел от юрисдикции инквизиции. В письме от 15 сентября 1515 года в трибунал Хаэна говорится, что определенные конфискации затрагивают имущество, принадлежащее рыцарям трех орденов, которые могут требовать освобождения от ответственности и отказываться ходатайствовать перед судьей о конфискации; в противном случае их не следует слушать и, при необходимости, следует преследовать по всей строгости закона. [1201]

В гражданских и уголовных делах члены Орден требовали освобождения от юрисдикции инквизиции, что приводило к более или менее ожесточенным спорам. В 1609 году в Кордове

дон Диего де Арготе, рыцарь Сантьяго, с поднятым пистолетом предотвратил арест одного из своих слуг должностными лицами трибунала. В результате возникла компетенция, которая, когда была передана Филиппу III, была им решена в пользу Совета орденов. На это Супрема ответил консультацией, предупредив о полном уничтожении инквизиции в случае, если решение оставят в силе, и это так подействовало на Филиппа, что он отменил свой указ и позволил Супреме привлечь виновного к ответственности. [1202] Осложнения, вызванные этими сословными привилегиями, проиллюстрированы в упомянутом выше случае, произошедшем в 1648 году в Куэнке по обвинению Муньоса де Кастильбланка в убийстве священника Хасинто. Он был рыцарем Калатравы, что привело к дополнительной компетенции, когда хунта не смогла договориться с королем и пришлось принимать решение. [1203]

В своих спорах с Орденами трибуналы были склонны проявлять тот же беспринципный дух, что и в отношениях с другими участниками. На Майорке доктор Рамон Суредра, каноник, канцлер и компетентный судья, также был хранителем Военных орденов. В 1657 году он пожаловался, что в случае конфликта юрисдикции инквизитор не согласовывает с ним свои полномочия, чтобы документы могли быть переданы обычным путем для урегулирования Верховной Властью и Советом орденов. Поэтому король и королева, как распорядители Орденов, поручили ему в таком случае отправить инквизитору три последовательных послания и сообщить о них и их ответах Совету; если, несмотря на это, трибунал продолжит рассмотрение дела, он должен будет возбудить дело против инквизитора, а вице-король должен будет оказать ему всю надлежащую поддержку. Инквизитор изобретательно избежал этого в случае с Гаспаром Пуйгдорфилио, рыцарем Сантьяго, в 1661 году, отказавшись получать какие-либо послания, заявив, что он получал их только от вице-короля. Отчет Суредры об этом остался незамеченным, и инквизитор применил тот же прием в 1662 году в деле Франсиско де Вери, рыцаря Монтесы, привлеченного к ответственности за ранение знакомого, который замахнулся на него мечом. Он отказался получать сообщения и наложил арест на имущество Вери, включая его урожай и скот. Чтобы спасти их от уничтожения, вмешался вице-король, и Совет Орденов обратился к королеве, как администратору Ордена, с просьбой предпринять какие-либо действия, которые позволили бы решить подобные вопросы мирным путем, но, по-видимому, безрезультатно. [1204]

ВОЕННЫЕ ПРИКАЗЫ

Как будто освобожденные классы были недостаточно многочисленны и доставляли недостаточно хлопот, в 1574 году был разработан проект добавления еще одного, который, в случае его реализации, изменил бы судьбу Испании, в конечном итоге подвергнув ее инквизиции и низведя номинального монарха до положения *королевского фаворита* при дворцовом мэре. Наиболее впечатляющей иллюстрацией духа эпохи является то, что такой проект должен был быть сформулирован, что он получил восторженную поддержку и что государь, столь ревниво относящийся к своим прерогативам, как Филипп II, должен был даже допустить его обсуждение, не говоря уже о том, чтобы позволить ему принять угрожающую форму и серьезно рассмотреть. Предполагалось учредить Военный орден под названием *Санта-Мария-де-ла-Эспада-Бланка* с белым мечом в качестве символа, подобного красному мечу Сантьяго. Во главе его должен был стоять генеральный инквизитор, которому все члены должны были присягнуть на верность и чьим приказам в мирное и военное время все должны

были повиноваться. Ему они также должны были передать свое имущество, получив обратно из его рук все необходимое для своего содержания, а после смерти их вдовы должны были получать от него пенсию. Они должны были быть освобождены от всякой юрисдикции, кроме его юрисдикции, которая должна была быть делегирована приорам, назначенным во всех провинциях. Очевидной целью была защита веры и Испании, для чего они в любое время могли быть призваны на поле боя или служить в гарнизоне по приказу генерального инквизитора. Таким образом, инквизиция должна была получить организованную силу, поклясться в слепом повиновении и освободиться от всех других обязательств. Единственным условием для членства была *лимпьеца*, или чистота крови, без всякого налета иудейской или мавританской скверны, или происхождение от тех, кто был осужден за ересь. В этот период лимпьеца становилась популярной манией; стоимость доказательства этого через четыре поколения была значительной, и было сильное искушение в обещании, что расходы всех заявителей будут покрываться из общего фонда.

Этот проект может показаться нам слишком диким, чтобы заслуживать осмысления, но он настолько идеально отвечал духу времени, что был с энтузиазмом принят провинциями Кастилия, Леон, Бискайя, Наварра, Арагон, Валенсия, Каталония, Астурия и Галисия. Прокураторы этих провинций представили его Филиппу на утверждение и были поддержаны представителями сорока восьми знатных домов и архиепископских кафедр Толедо, Сантьяго, Севильи, Сарагосы, Валенсии, Таррагоны и Гранады. Этот вопрос обсуждался серьезно и очень долго, но аргумент Педро Винегаса де Кордовы решил его судьбу. Он указал на проблемы, которые уже возникали по поводу лимпьецы, вызывая зависть, ненависть и раздоры, которые могли бы чрезвычайно возрасти, если бы население таким образом было разделено на два класса; также на тот факт, что королевские суды оставили бы под своей юрисдикцией только новых христиан, в то время как у старых христиан были бы свои особые судьи, и, если бы сравнительно небольшое число существующих приближенных вызывало такие всепроникающие проблемы, каким результатом было бы неограниченное увеличение числа освобожденных. С одной стороны, амбициозные и способные люди среди новых христиан, будучи таким образом изгнаны, вызвали бы недовольство и беспорядки; с другой стороны, если бы старые Военные ордена были источником опасности для монархии, каков был бы эффект от создания нового, объединенного и гораздо более многочисленного, подчиняющегося в качестве вассалов генеральному инквизитору, чья власть уже была так велика, и который контролировал бы собственность и имел юрисдикцию над всеми членами, в то время как в случае восстания границы и крепости были бы в его руках? Эти доводы были неопровержимы; Филипп приказал передать все бумаги, связанные с проектом; он наложил вечное молчание на его сторонников и написал церковным и светским органам письмо с просьбой отказаться от него, поскольку в справедливости и защите никогда не будет недостатка. [1205]

Мы, вероятно, не будем несправедливы к инквизиции, приписывая выгодам, получаемым от осуществления ее временной юрисдикции, ту безжалостную энергию, с которой трибуналы стремились оправдать и расширить ее. Замечания Посетителя Сервантеса относительно Барселоны в 1561 году (стр. 468) указывают на то, насколько прибыльной она могла быть и насколько желанным было добавление сборов и штрафов к несколько скудному жалованью чиновников. Этим объясняется безрассудное насилие, ставшее обычным при ведении ссор, поскольку это не только давало заинтересованным сторонам уверенность в энергичности, с

которой они защищались, но и отбивало охоту у светских властей сопротивляться посягательствам. Это также объясняет увеличение числа не получающих жалованья должностных лиц, таких как фамильяры, комиссары и их нотариусы, ассессоры, заместители и т.д., Которых не могли сдерживать никакие законы, соглашения или нормативные акты, поскольку каждый из них был возможным источником прибыли для трибунала и вероятной причиной беспорядков в его окрестностях благодаря надежной гарантии неприкосновенности от закона.

ПОРОКИ СИСТЕМЫ

Естественным результатом этого стало то, что убыточным бизнесом пренебрегли ради прибыльного, а пресечение ереси было отложено до судебного разбирательства гражданских и уголовных дел, по которым взимались гонорары. Мы видели, как Сервантес сообщал, что в Барселоне это, по-видимому, было реальной обязанностью трибунала и что больше ни на что нельзя было обращать внимания; его возражения не привели к поправкам, и в 1567 году де Сото Салазар повторил жалобу. [1206] Это по-прежнему не проверялось. Проект реформы, представленный Верховному суду в 1623 году, выражает пожелание, чтобы другие трибуналы последовали примеру Сарагосы, где каждые четыре месяца для ведения этого дела делегировался один из инквизиторов, чтобы заключенные, которых судили за ересь, могли отправлять свои дела, а не томиться бесконечно в тюрьме, что, как мы увидим, было одним из самых жестоких злоупотреблений, которым подвергались. [1207] Это благочестивое желание оказалось бесплодным, и отчеты инквизиции за следующее столетие показывают, насколько большая часть ее деятельности была посвящена этим делам и постоянно вытекающим из них компетенциям.

Одной из особенностей, усугублявшей притеснения в этих вопросах, особенно в гражданских исках, был не только фаворитизм, который неизбежно склонял трибунал на сторону своего собственного народа, но и тот факт, что инквизиторы обычно были чужаками, незнакомыми с местными законами и обычаями, характерными для каждой провинции, которые они предполагали интерпретировать и обеспечивать соблюдение. Это оправдывало частые требования о том, чтобы инквизиторы были местными жителями — требования, на которые не обращали внимания, поскольку назначающая власть думала только об их квалификации как судей веры, в то время как для массы населения их обязанности в этом отношении имели незначительное значение по сравнению с их деятельностью в рамках их временной юрисдикции. Другим обоснованным источником жалоб было то, что инквизиторские привычки хранить тайну не могли быть полностью преодолены; сторонам и их адвокату не разрешалось присутствовать, как в королевских судах; инквизитор допрашивал свидетелей по предоставленным ему спискам вопросов, и перекрестного допроса не проводилось; ему были представлены письменные доводы, которые он передавал другой стороне для ответа, и процедура, как в гражданских, так и в уголовных делах, была максимально приближена к тайным судебным процессам по обвинению в ереси, которые были инквизиторским идеалом отправления правосудия. Решения по этим делам принимались инквизиторами на совместном заседании большинством голосов. В шестнадцатом веке к Верховному суду не обращались, даже когда голосование было не единогласным, но в 1645 году автор предполагает, что любая сторона могла подать апелляцию. [1208]

Мы видели, как упорно королевства Арагона боролись со злом системы. Кастилия ощущала их одинаково, но у нее были разные институты, и она могла только протестовать. Мадридские суды в 1607-108 годах утверждали, что суды 1579 и 1586 годов ходатайствовали о реформе злоупотреблений, вытекающих из временной юрисдикции инквизиции, что нанесло большой ущерб королевству; что Филипп II обещал облегчение, но умер, так и не предоставив его, и поэтому просьба теперь повторяется ввиду растущего зла. Особое внимание было привлечено к жестокости заключения в тюрьму обычных преступников, поскольку люди не могли отличить друг от друга и считали всех заключенных еретиками, что навлекало на них позор и лишало права вступать в брак, поэтому было предложено заключить их в общественные тюрьмы. Филипп III пообещал сделать то, что подобает, и, конечно же, ничего не сделал. Кортесы 1611 года повторили петицию с таким же отсутствием результата. [1209]

ПОРОКИ СИСТЕМЫ

Совет Кастилии, высший трибунал страны, в консультации 1631 года убедительно представил существующее зло, особенно расточительное применение наказаний, при котором коррехидоры и другие магистраты месяцами находились под отлучением от церкви, в то время как отдельные лица разорялись из-за длительных задержек с урегулированием споров. Он настаивал на том, чтобы разрешить апелляции в Совет *по via де фуэрсав* случаях, не связанных с вероисповеданием, и это повторялось в 1634, 1669 и 1682 годах. [1210] Более откровенным был мемориал, представленный в 1648 году Филиппу членом Совета, о злоупотреблениях уголовной юрисдикцией, которые в гражданских делах рассматриваются в отдельном документе. Автор ссылается на то, что неоднократно делал одни и те же заявления устно и письменно; он подробно останавливается на бесконечных задержках и других препятствиях, которые препятствуют правосудию и отбивают охоту у пострадавших добиваться его. Возникающий в результате иммунитет создает дерзких преступников; число приближенных и солдат, которые никогда не служили в полевых условиях, увеличилось настолько сильно, что не видно ничего, кроме преступлений, а преступники остаются безнаказанными. Повсюду люди самого распутного типа и с самыми большими состояниями ищут назначения, чтобы пользоваться неприкосновенностью; королевские доходы расхищаются, ввозятся запрещенные товары, и ни один коррехидор или алькальд не осмеливается их обуздать, ибо инквизиторы немедленно отлучают их от церкви, вплоть до наложения интердиктов на целые общины. Те, кто страдает, остаются без возмещения ущерба, так что те, кто в состоянии, вынуждены взять его в свои собственные руки, ибо они не могут получить его нигде больше. Правосудие попрано; нет альгвасила, который осмелился бы произвести арест, или писца, который составил бы бумаги, так много было убито или ранено за это, и смерть альгвасила не имеет значения, как будто служители правосудия были общими врагами. Если бы король восстановил юрисдикцию королевских судов, был бы положен конец отлучениям, с помощью которых инквизиторы защищают своих преступников, как если бы они были сосудами Храма; время Соборов и короля не было бы поглощено этими вечными компетенциями, и прекратились бы эпидемии, которыми Бог поражает эти королевства за несправедливость, насилие и распутную жизнь людей. [1211]

Эти предупреждения и увещевания остались без внимания. Верховный был искусен воздействовать на благочестие короля и обещать ему избавление от опасностей, если он умилоустивит Бога, увеличив привилегии инквизиции, само существование которой зависело от

ее способности защищать своих приближенных от закона и от всеобщей ненависти, в которой они находились.

После падения генерального инквизитора Нитхарда была предпринята шумная попытка остановить чудовищное зло, существование которого было признано. В 1677 году Карлос II осудил распространенные злоупотребления, как в виде чрезмерных обвинений, так и в принуждении своих благочестивых подданных подчиняться посредством порицаний, которые лишали их утешения в религии. Он объявил отлучение от церкви незаконным в вопросах, связанных исключительно с мирянами и мирским имуществом, и запретил его применение - приказ, с которым он обратился к Верховной власти в 1678 году с указаниями привести его в исполнение и который он повторил в 1691 году, но безрезультатно. [1212] Затем были предприняты более масштабные усилия по осуществлению радикальной реформы. В 1696 году Карлоса убедили собрать так называемую Великую хунту, состоящую из двух членов каждого Государственного совета Арагона, Кастилии, Италии, Индии и Орденов. В указе о его создании говорится о беспорядках и вмешательстве в правосудие, о постоянных столкновениях и компетенции между инквизицией и судами по вопросу юрисдикции и привилегий, а также о необходимости установления некоторых фиксированных принципов и правил, чтобы предотвратить эти проблемы в будущем и сохранить Святую Канцелярию в любви и почитании народа, без ее вмешательства в дела, чуждые ее благородному назначению. Хунта должна была собираться не реже одного раза в неделю, и ей были предоставлены материалы из отчетов всех Советов, благодаря которым она получила полное представление о зле, которое необходимо было устранить. Результатом этих трудов стал мемориал, известный как "Великая консультация", составленный доктором Джозефом де Ледесмой из Совета Кастилии.

ПОРОКИ СИСТЕМЫ

Это было ужасное обвинение инквизиции в злоупотреблении светской юрисдикцией, предоставленной ей монархами, с достаточным количеством доказательств вопиющих случаев и инцидентов. Затем последовало рассмотрение возможных средств правовой защиты, самым необходимым из которых было объявлено запрещение порицаний, которые были настолько грозными, что никто не мог им противостоять. Лица, арестованные за преступления, не связанные с религией, должны содержаться в королевских тюрьмах, чтобы спасти их от несмываемого позора тайной тюрьмы. *Recurso de fuerza* следует допускать, когда отлучение от церкви использовалось во временных случаях. *Fuero* следует изъять у слуг и помощников должностных лиц, чья наглость дала повод для арестов и порицаний, вызвав разногласия, которые шокировали все королевство. Было признано, что фамильяры теперь доставляли мало хлопот, за исключением Майорки, где не было Конкордии, но наемные чиновники были источником бесконечных раздоров, и их следовало поставить на место фамильяров. Самой серьезной проблемой была бесконечная задержка с урегулированием дел о компетенции, в течение которой заключенные томились в заключении, а отлученные от церкви не могли получить отпущения грехов; этого можно было бы избежать, если бы были приведены в исполнение Конкордии и королевские приказы. Поскольку все попытки обуздать инквизицию оказались бесполезными, и, несмотря на них, она постоянно увеличивала свои злоупотребления, возможно, было сочтено необходимым окончательное средство - полное лишение ее королевской юрисдикции, но пока можно было попробовать эти более мягкие меры в надежде на облегчение. [1213] Эти предлагаемые средства правовой защиты, как будет

видно, были достаточно умеренными и никоим образом не ограничивали инквизицию в ее мнимых функциях хранителя веры.

Это было самое грозное нападение, с которым столкнулась инквизиция, исходившее от объединенных сил всех других организаций государства под эгидой короля, но его было легко предотвратить. Льоренте рассказывает нам, что генеральный инквизитор Рокаберти, работая через королевского духовника Фройлана Диаса, который по должности был членом Suprema, а также подданным Рокаберти в Доминиканском ордене, преуспел в том, чтобы побудить Карлоса отправить консульта в неизвестность, в которой покоилось так много предыдущих памятников. [1214] Способ, которым это было осуществлено, был достаточно простым. В 1726 году дон Сантьяго Августин Риоль составил для Филиппа V отчет о создании и организации государственных советов, в котором он заявляет, что консульта была представлена Совету Кастилии для принятия мер; это было отложено из-за болезни губернатора Совета; когда он вернулся к своим обязанностям, вопрос был забыт, и консульта исчезла настолько бесследно, что, когда Филипп V потребовал ее в 1701 году, в архивах не было найдено ни одной копии, как следует из справки, предоставленной архивариусом. [1215]

Этот узкий путь к спасению не научил умеренности. В 1702 году трибунал Валенсии отказался даже вступить в компетенцию по делу, в котором он рассматривал иск, поданный о взыскании процентов по *senso* вдовой мэра альгуасиля в качестве опекуна ее детей. Напрасно регент Аудиенции указывал, что в соответствии с Конкордией 1568 года вдова чиновника пользовалась *фуэро* только в качестве ответчика, а не истца, и что дети не имели никаких претензий, и приводил прецеденты, по которым было принято такое решение; трибунал был упрям и даже не допускал, что вопрос может быть передан на рассмотрение Верховной власти и Совета Арагона для принятия решения. [1216] Однако вскоре после этого Верховный был вынужден признать, что реформы в методах Священной Канцелярии были необходимы. В его *carta acordada* от 27 июня 1705 года воплощен упрек в безрассудстве, с которым трибуналы взялись за защиту своих должностных лиц, что привело к всеобщим жалобам на злоупотребление его юрисдикцией, так что в народе говорили, что все было сделано *делом инквизиции*, к дискредитации репутации его должностных лиц и их семей. Следовательно, если юрисдикция не была неоспоримой, необходимо проконсультироваться с Верховным судом, прежде чем приступать к защите, всегда следует стремиться к мирным урегулированиям и поддерживать дружеские отношения с королевскими чиновниками, избегая таким образом разногласий, которые обычно возникали из-за страстных конфликтов по пустякам. [1217]

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИВИЛЕГИЙ

Это были мудрые предостережения, на которые, как обычно, обращалось мало внимания, но со временем трибуналы были вынуждены признать перемены, произошедшие с бурбонами. В 1720 году в Толедо произошел весьма показательный случай, когда дон Педро Паниагуа, контадор или аудитор трибунала, получил в октябре двадцать мешков какао из Кадиса. Учитывая сложные детали испанской системы внутренних пошлин, сейчас невозможно сказать, соблюдал ли он формальности, необходимые при передаче товара, но местные власти предположили, что имело место нарушение закона, а также карантин, введенный в августе из-за эпидемии в Марселе. Коррехидор действовал оперативно; в 2 часа ночи на следующий день после прибытия какао он обыскал загородный дом Паниагуа, а в 9 часов утра - его городской

дом и конфисковал какао. Инквизиторы ответили заключением в тюрьму гражданских гвардейцев, которые были наняты для этого. Две недели спустя еще один визит в дом Паниагуа показал, что пять мешков с конфискованными предметами были изъяты, после чего он был заключен в королевскую тюрьму. Затем инквизиторы выступили против коррехидора и алькальда мэра с порицаниями и усугубили их так энергично, что за двадцать четыре часа они наложили интердикт *icessatio a divinis* в четырех приходах города. Эти активные демонстрации, какими бы подходящими для семнадцатого века они ни были, были неуместны в восемнадцатом. Как только известие о них достигло Мадрида, Верховный суд поспешно отдал приказ снять интердикт, освободить должностных лиц и охрану, а когда из трибунала пришел официальный отчет, приказы были повторены с добавлением, что старший инквизитор должен выехать в Мадрид в течение двадцати четырех часов. До получения этого письма инквизиторы написали генеральному инквизитору Камарго, сожалея о том, что он бросил их, и о бесчестии, нанесенном трибуналу; они покраснели оттого, что были соучастниками этого разорения, и подали в отставку. Ответом на это было направление старшего инквизитора Мадрида возглавить трибунал с приказом двум оставшимся инквизиторам явиться в Мадрид, но, узнав, что они выполнили первые приказы, им разрешили остаться в Толедо.

Насколько сильным было давление, оказанное на Верховную власть с целью совершения этого действия, можно сделать вывод из протеста, в котором месяц спустя она излила Филиппу V свою душевную горечь. Коррехидор нарушил привилегии и иммунитеты инквизиции; инквизиторы были совершенно правы в своих действиях, хотя и слишком поспешили усилить порицание; они были унижены, в то время как коррехидор и его подчиненные хвастались своей победой над инквизицией и лишением ее прав, предоставленных папами и королями Испании. Поэтому Супрема попросил, чтобы старшему инквизитору разрешили вернуться в Толедо, чтобы Паниагуа был освобожден руками инквизиторов, чтобы его какао было восстановлено и чтобы коррехидор и алькальд-мэр были должным образом наказаны. Это ничего не дало, и два месяца спустя суд снова обратился к королю с просьбой освободить Паниагуа и восстановить старшего инквизитора, но на этот раз он заявил о своем рвении добиться того, чтобы в будущем трибуналы проявляли большую умеренность. [1218] Урок был тяжелым, но еще более тяжелым он был в 1734 году, когда Филипп решил, что чиновника, получающего зарплату, следует судить обычными судами. [1219]

Шаг за шагом прежние привилегии урезались. Вскоре после восшествия на престол Фернандо VI в Льерене возникли некоторые проблемы из-за налогообложения фамильяров. Дело, по-видимому, усугублялось обычным образом, и, когда оно дошло до короля, оно было такого характера, что побудило его издать указ от 5 октября 1747 года, которым Совету Кастилии была передана юрисдикция над должностными лицами инквизиции. Это вызвало горячий протест, датированный 1 ноября, который, должно быть, исходил от генерального инквизитора Прадо-и-Куэсты, поскольку ни один другой подданный не осмелился бы так обращаться к своему государю. Автор говорит ему, что этот указ недостойн его имени и его веры, и нехорошо, что мир должен видеть, как он в первый год своего правления обрушивает на Святую Канцелярию такой удар грома, какого она никогда не получала с момента своего основания, повергая ее ниц от потрясения. Он подтверждает перед Богом и хотел бы написать это своей кровью, что служение Иисусу Христу и процветание короля и его королевств требуют, чтобы указ был возвращен в королевские руки без сохранения копии. [1220]

Хотя этот указ не действовал в отношении наемных чиновников, инквизиция переживала тяжелые времена. Она больше не внушала прежнего благоговейного трепета; она больше не стремилась расширить свои прерогативы, но вела заведомо проигранную битву за их сохранение. Автор, пишущий примерно об этом периоде, сожалеет о его упадке; его уполномоченные и приближенные служат без оплаты, и единственной наградой за их труды и затраты на создание доказательств существования *limpieza* являются льготы по чистой чести, предоставляемые королями, но сейчас редко соблюдается ни одно из них, и ни один подходящий человек не претендует на должности, хотя они очень нужны, поскольку нет и десятой части тех, которые разрешены Конкордиями. [1221] Вероятно, в этом есть доля правды, поскольку генеральный инквизитор Прадо-и-Куэста, назначая по просьбе трибунала Валенсии брата Висенте Латорре *калификатором* или цензором, спрашивает, почему, когда в Валенсии так много ученых каноников и профессоров, которые раньше стремились занять эту должность, ее оценка теперь так сильно упала. [1222]

COMPETENCIAS

Инквизиции было трудно примириться с тенденциями эпохи, и несколько дел примерно того же времени, в которых трибунал Валенсии отказался даже признать компетенцию, утверждая, что его объединенная церковная и королевская юрисдикция делала его единственным судьей во всем, что касалось его должностных лиц, показывают, что старый дух все еще сохранялся и находил выражение везде, где только осмеливался. [1223] Карлос III, однако, был еще более настойчив в отношении королевских прерогатив, чем его брат Фернандо. Мы видели его приказы от 1763 года, касающиеся муниципальных и полицейских постановлений, которые включали запреты на скрытое ношение оружия и вывоз денег, во всех из которых фамильяры были полностью выведены из-под юрисдикции инквизиции, а в 1775 году юрисдикция в Кордове заставила его решительно распорядиться о неукоснительном соблюдении этого указа. [1224] Все это привело к изменению полномочий фамильяров в отношении ношения оружия, которое было вызвано тем, что в 1777 году власти Алькала-ла-Реаль и Севильи отказались регистрировать разрешения, выданные трибуналами Толедо и Севильи, поскольку они не соответствовали новым правилам. Вместо того, чтобы, как и прежде, буйствовать и принуждать магистратов, Супрема собрал во всех трибуналах используемые ими формулы и сформулировал новую, сформулированную в совершенно ином духе и в соответствии с королевскими указами. [1225]

То, что бесконечные ссоры, которые мы рассматривали, следовало улаживать полюбовно, было настолько самоочевидным, что с самого начала предпринимались настойчивые усилия для достижения этой цели, что привело к появлению “компетенции”, о которой так часто упоминалось выше. Первоначально могло показаться, что не существовало установленной процедуры и что инквизиция сама решала все вопросы, возникающие у мировых судей. После того, как первое сопротивление было подавлено, их было немного, пока присвоение фуэро должностным лицам и огромное количество приближенных и других офицеров, не получавших жалованья, не дало повода для столкновений с судами. Самая ранняя попытка, с которой я столкнулся, предложить метод урегулирования, - это седула, изданная около 1535 года императрицей-регентшей в отсутствие Карла V, предписывающая, чтобы при возникновении спора о юрисдикции президент и судьи королевского суда встречались с инквизиторами и

согласовывали дела так, чтобы никто не знал, что между ними были разногласия. Именно в соответствии с этим в 1542 году, когда Хоакин де Тьонс предстал перед судом в Барселоне за убийство Хуана Баллеля, своего фамильяра, инквизитор Мигель Пуч перед арестом провел совещание с регентом и судьями королевской канцелярии, и вопрос о заключении обвиняемого под стражу был решен без затруднений. Однако было невозможно сохранить мир между классами, взаимно завидовавшими друг другу, и мы видели (стр. 435) смуты, которые принц Филипп пытался уладить седулой от 15 мая 1545 года. Это благоприятствовало королевской юрисдикции и вызывало жалобы со стороны Верховного суда, например, когда в 1548 году он сообщил Карлу V, что в Гранаде судьи использовали седулу в качестве предлога для вмешательства в дела трибунала всякий раз, когда кто-либо подавал жалобу, требуя, чтобы инквизиторы прервали свою работу и пришли на Аудиенцию, когда им было приказано не продолжать, и, если это было нарушено, судьи подняли большой шум. Все это прекратилось бы, если бы было восстановлено старое правило, согласно которому любой человек, чувствующий себя обиженным, должен обратиться к Верховному, где он добьется справедливости. [1226] Седула принца Филиппа 1553 года урегулировала этот вопрос в том, что касалось вопросов веры, но ни она, ни Кастильская Конкордия того же года не смогли предотвратить споры об иммунитетах должностных лиц и приближенных, которые инквизиция настойчиво пыталась расширить. Конкордия, однако, попыталась обеспечить их урегулирование с помощью процесса, описанного выше (стр. 436), который стал технически известен как *competencia*. Примечательно, что в Конкордии Валенсии 1554 года такого положения нет, но в конкордии 1568 года для арагонских королевств в несколько иной форме указано, что регент Аудиенции и старший инквизитор должны проконсультироваться и попытаться прийти к какому-либо соглашению. Если они не могли этого сделать, регент должен был направить свою версию дела в Совет Арагона, а инквизитор - в Верховный суд, когда король решит, как следует решить этот вопрос. [1227] Две формулы были объединены на практике и остались устоявшимся методом урегулирования конфликтов юрисдикции.

Это должно было привести к миру, но мы видели, что это лишь дало повод для новых разногласий. Инквизиторы были недовольны любыми ограничениями в отношении своих произвольных методов, и уже в 1560 году *carta acordada* от 14 ноября предупреждает их, что они не должны выносить порицания судьям, когда последние предлагают полномочия, но должны отправить документы Верховному судье и ждать результата под страхом штрафа в размере двадцати дукатов за каждое нарушение правила. [1228] Инквизиторы, однако, избегали компетенций, насколько могли, и, когда были вынуждены уступить им, была использована возможность унижить королевских судей и заставить их почувствовать свою неполноценность способом, наиболее раздражающим людей, столь цепких к уважению, обусловленному положением, и столь настаивающих на вежливости. Когда де Сото Салазар сообщает об инквизиторах Барселоны, что, когда у них была возможность уведомить наместника короля или регента Аудиенции, они посылали за ним гонца, а затем заставляли его ждать в прихожей, и что иногда они вызывали к себе судей и бранили их без причины, мы можем легко оценить силу возбуждаемой таким образом ненависти. [1229]

COMPETENCIAS

Итак, когда инквизиция установила свою формулу компетенций, они были тщательно сформулированы так, чтобы быть как можно более высокомерно оскорбительными. Первое предписание категорически запрещает судье действовать и предписывает ему передать дело в трибунал в течение двадцати четырех часов. Если арест был произведен, заключенный должен быть освобожден под залог, чтобы предстать перед инквизиторами, и любое имущество, арестованное или наложенное секвестр, должно быть освобождено. Если у светского судьи есть какие-либо основания утверждать обратное, он должен лично или через прокурора предстать перед трибуналом, который будет вершить правосудие, и все это при условии святого послушания и угрозы серьезного отлучения от церкви и крупного штрафа. Если в деле есть какие-либо документы, составителю приказывается сдать их, а обвинитель или истец должен явиться в указанное время и предстать перед правосудием, в противном случае дело будет рассмотрено без него и без дальнейшего уведомления. Затем, если на это дается ответ с указанием предполагаемых причин неподчинения, выдается второй мандат, объявляющий их недостаточными и предписывающий выполнить первый в течение определенного времени в соответствии с вышеуказанными санкциями. Если затем судья предлагает компетенцию, ему высылаются предписание с перечислением предыдущих и указанием, что, чтобы не беспокоить высшие силы, ему приказано сдать все документы и приостановить все действия, в противном случае к его личности и имуществу будут применены отлучение от церкви и штраф. Следующий мандат признает компетенцию, заявляет, что трибунал готов направить свои документы, и приказывает судьям представить свою сторону в течение двенадцати дней, добавляя угрозу отлучения от церкви и штрафа, если по делу будут получены какие-либо дополнительные показания. Все это сформулировано самым обязательным образом, как обращение начальника к подчиненному, и всем этим посланиям приказано быть возвращенными в трибунал. Если после формирования компетенции фамилляр или должностное лицо признавали юрисдикцию светского суда, он лишался своих полномочий. Как мы часто видели, на любой стадии разбирательства не было никаких колебаний в отлучении судей от церкви, предании их анафеме и наложении интердикта на город с последующим *cessatio a divinis*. [1230]

Помимо удовольствия унижить таким образом магистратов, в этой жестокости также была цель сделать процесс настолько оскорбительным, чтобы заставить их отказаться от сопротивления посягательствам инквизиции. Когда это не удалось, у трибунала появилось множество источников раздражения, связанных с поднятием бесконечных вопросов о приоритете и формальностях, которые иногда решались так ожесточенно и долго, что фактически заменяли первоначальное рассмотрение дела. Вопросы, которые можно было бы поднять, было бесконечное множество. В 1602 году граф Бенавенте, тогдашний вице-король Валенсии, издал письма с приказом созвать совещание по поводу ареста Херонимо Фалькона; трибунал выдал его, признав, что дело к нему не относится, но потребовал, чтобы вице-король и канцелярия аннулировали письма в своих отчетах, а в случае отказа отлучили регента от церкви. Дело было передано на рассмотрение Верховного суда и Совета Арагона, когда король решил, что письма должны быть изъяты, и это было сделано в присутствии секретаря инквизиции. Такому же унижению подвергся отец графа, когда он был вице-королем, а также герцог Сегорбский. [1231]

Это высокомерие продолжалось до тех пор, пока Карлос III в своем указе от 1775 года не проинформировал инквизицию о том, что королевская юрисдикция, которую она осуществляет, находится точно на том же уровне, что и юрисдикция его судей и магистратов; между ними должно быть полное равенство; все угрозы отлучения от церкви и штрафов должны быть отменены; должен быть свободный обмен документами, взаимная вежливость и отсутствие

презумпции превосходства. Трибуналам было трудно отказаться от формул, льстивших их тщеславию, и потребовалось второе распоряжение, изданное в 1783 году по случаю затяжного конфликта трибунала Валенсии с алькальдом Консентайны. Это, наконец, привело к повиновению, и Супрема передал королевский приказ в Валенсию с инструкциями по его соблюдению. [1232]

МОДЕРАЦИЯ ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ

Хотя это, несомненно, уменьшило остроту этих конфликтов, это не уменьшило их частоту. Они продолжали оставаться постоянным источником неприятностей, и именно из желания уменьшить это, а также расширить свои полномочия, Верховный суд в 1806 году запретил трибуналам возбуждать их, не передав дело на рассмотрение и не получив его одобрения. [1233] Когда при Реставрации инквизиция была возрождена в 1814 году, официальные лица, естественно, предъявили права на фуэро, активные и пассивные, гражданские и уголовные, и Фернандо VII в решении по делу, переданному ему из Севильи, объявил 15 февраля 1815 г. в недвусмысленных тонах, что они должны быть защищены в его пользовании, но случаи появляются быть редким, и агрессивный дух исчез. [1234] Когда в Севилье кредиторы Франсиско де Паулы Эскиволя пожаловались на него в трибунал, вместо того, чтобы защищать его, суд незамедлительно отклонил его, 27 июня 1815 года, что было подтверждено Верховным судом. [1235] Еще более значительным был случай в 1816 году, когда в Севилье Лоренцо Айлон оскорбил священника во время служения мессы и попытался завладеть причастием, в результате чего светские власти арестовали его и начали судить. В таком случае не могло быть и речи о юрисдикции инквизиции, но никаких беспорядков не было, и когда трибунал потребовал его перевода в секретную тюрьму, вмешался Супрема и распорядился, чтобы ему разрешили остаться в общественной тюрьме, куда поместили заключенного, чтобы предотвратить его освобождение во время судебного разбирательства — уступка королевской юрисдикции, которая привела бы в оцепенение Пачеко или Арсе-и-Рейносо. [1236]

Существовала такая же склонность избегать крайностей в отношениях с духовными судами. В 1816 году провизор Туйского престола подал в суд на Джозефа Мецклера за нечестивые, отвратительные и святотатственные богохульства. Трибунал Сантьяго в вежливой записке обратился к поставщику документов и получил ответ без подписи. Верховный суд предписал ему вернуться и объяснить, что не было никакого желания вторгаться в епископальную юрисдикцию, но поскольку богохульные предложения и действия Мецклера могут быть еретическими, о чем инквизиции было исключительно известно, она должна настаивать на ознакомлении с доказательствами, чтобы извлечь то, что к ним относится, после чего бумаги будут возвращены. Похоже, суд получил доказательства для того, чтобы 15 октября 1817 года проголосовать за заключение Мецклера в тюрьму, как только закончится судебный процесс над ним, но Верховный суд поручил ему не дожидаться этого, поскольку юрисдикция инквизиции была привилегированной. [1237]

В позиции инквизиции в этих распрях была одна особенно раздражающая черта, которая значительно усугубляла их и часто сводила на нет все усилия по поддержанию гармонии — власть, которую она присваивала себе, отказываясь формировать компетенции на том

основании, что ее права были слишком ясны, чтобы допускать их обсуждение. Таким образом, суд постановил, что наемные и титулованные чиновники с их семьями и слугами были настолько полностью вне всякой светской юрисдикции, что он отказался возбуждать какое-либо судебное разбирательство по оспариванию их требований. Напрасно Филипп III королевским письмом от 1615 года заявил, что если инквизиторы откажутся от совещания на том основании, что вопрос слишком ясен, чтобы оправдывать его, регент канцелярии должен сформировать комиссию и направить документы, как обычно. [1238] Столь же бесполезно было Филиппу IV издавать в 1630 году указ о том, что, когда одна из сторон затевает спор, другая сторона должна принять его, независимо от того, насколько очевидным он может быть, под страхом штрафа в пятьсот дукатов за первое нарушение и, за второе, отстранения от должности во время королевского приема. Чтобы обеспечить наложение штрафа, каждый Совет должен был передать другие полномочия для его взыскания с правонарушителей, но, когда Верховный Суд направил этот указ трибуналам с приказами о его строгом соблюдении, он многозначительно добавил, что он не распространяется на дела наемных и титулованных должностных лиц, хотя в указе такого исключения сделано не было. Оно знало, что Филипп никогда не наберется смелости привести в исполнение свой закон, и это было правильно. Когда в 1633 году Совет Арагона попытался взыскать такой штраф, вмешался Супрема, утверждая, что это могло быть сделано только с согласия обоих Советов, что, по сути, означало признание закона недействительным, и сам Филипп нарушил его в 1634 году, когда Августин Видаль, посланник трибунала Валенсии, был арестован королевским судом за убийство Хуана Алонсо Мартинеса, рыцаря Сантьяго и Байле из Аликанте. Трибунал потребовал его и отказал в иске, когда Филипп слабо приказал выдать его “на этот раз и без ущерба для моей королевской юрисдикции”. [1239]

ОТКАЗ ОТ ПОЛНОМОЧИЙ

Инквизиция добилась своего. Филипп решениями от 1645 и 1658 годов признал, что в отношении наемных должностных лиц не может быть никакой компетенции, и Верховный суд привел в исполнение эти решения хартией акордада от 7 августа 1662 года, указав, что их нельзя принимать во внимание там, где речь идет о таких должностных лицах; в то же время трибуналы были предупреждены проявлять умеренность и не применять порицания без консультации с ними, если только задержка не была недопустимой. [1240] Однако даже Филиппу пришлось вмешаться, чтобы предотвратить последствия своих собственных действий, в 1664 году, когда председатель трибунала Логроньо убил в своем доме священника, по-видимому, из ревности. Алькальд-мэр возбудил уголовное дело против убийцы и арестовал его жену; трибунал отлучил алькальда от церкви и наложил интердикт на город. Совет Арагона сформировал компетенцию и заявил, что во время нее порицания должны быть высказаны в соответствии с обычаем, но Супрема отказалась на том основании, что никакой компетенции быть не может. К Филиппу обратились с апелляцией, и он вынес решение о вынесении порицания по той неопровержимой причине, что, поскольку судьи, находящиеся под отлучением от церкви, не могли проводить свои суды, если бы было позволено таким образом парализовать всю судебную деятельность, это привело бы к произвольному контролю над всеми делами и лишило бы всех средств правовой защиты. [1241] Это решение было проигнорировано. Кажется невероятным, что какое-либо сообщество веками терпело бессрочную остановку отправления правосудия, постоянно происходящую из-за безрассудного злоупотребления властью отлучения, как, например, в 1672 году, когда мы видим, как королева-регентша обращается к генеральному инквизитору, чтобы узнать, как ей ответить на жалобы

города Логроньо на длительное приостановление полномочий коррехидора, находящегося под отлучением, видя, что нет заключения о компетенции, которое так долго ожидалось. [1242]

Инквизиция, очевидно, усугубляла, насколько могла, общественное бедствие в качестве средства обоснования своих претензий. В попытке ограничить злоупотребления отказывающимися от полномочий в 1679 году была сформирована хунта из представителей Верховного совета и Государственного совета при содействии некоторых теологов. Это признавало, что не может быть никакой компетенции в делах наемных должностных лиц, за исключением случаев, когда они занимали государственные должности и подвергались судебному преследованию за должностные преступления, но устанавливало правило, что, когда Верховный суд отказывался от компетенции, Государственный совет мог обратиться к королю, который мог назначить хунту для решения этого второстепенного вопроса. Верховному суду было предоставлено ограниченное время для изложения причин отказа, и в ходе судебного разбирательства обвиняемый должен был быть освобожден под залог и должны были быть вынесены все порицания. [1243] Это устранило некоторые трудности, но Супрема, похоже, стремилась избежать этого, угрюмо отказываясь формировать хунты с королевскими советами, поскольку другой указ Карлоса II предписывал ей присутствовать при вызове, чтобы эти дела могли быть улажены. [1244] Напрасно в 1730 году Совет Кастилии настаивал на признании компетенции во всех случаях, поскольку Филипп V решил, что соглашение 1679 года должно оставаться в силе. [1245] Вероятно, немного удалось добиться в последней попытке урегулировать эти извечные раздоры, предпринятой Карлосом IV в 1804 году, который приказал, чтобы при возникновении конфликта между королевским судом и трибуналом по сомнительному делу, касающемуся должностного лица, суд передавал дело председателю Королевского совета, а трибунал - Верховному судье. Затем они должны были выбрать эксперта, который должен был доложить Секретарю Грации и правосудия о королевском решении. [1246]

ДЛИТЕЛЬНЫЕ ЗАДЕРЖКИ

Все признавали пороки системы, но в принципе она была настолько порочной, что исправить ситуацию было невозможно. Обычные хунты, состоящие по два члена от Верховного Совета Кастилии или Арагона, были в лучшем случае неуклюжим устройством, обременительным для Советов и обычно приводившим лишь к проволочкам. Чтобы систематизировать это, в 1625 году была сформирована постоянная Хунта Большой компетенции из двух членов от каждого Совета, в обязанности которой должно было входить рассмотрение всех дел, и правила для нее были сформулированы в апреле 1626 года, но просуществовали они недолго. В 1634 году Филипп IV приказал сформировать хунту из двух членов Верховного суда и Совета Кастилии для разработки плана оказания помощи, но 9 июня того же года Верховный суд сообщил, что ему так и не удалось провести заседание хунты. Затем, в 1657 году, Великая хунта была реанимирована, и мы встречаем упоминание о ней в 1659 году, но, похоже, вскоре после этого от нее отказались. [1247] Потребовалась изобретательность, чтобы смягчить зло, неотделимое от постоянного антагонизма между конкурирующими юрисдикциями. Из этих зол наиболее остро ощущалось бесконечное затягивание рассмотрения дел. Советы, из которых были выбраны члены, были переполнены своими более законными делами; в хунте редко бывало согласие; вопрос обсуждался без ожидания согласия; каждая сторона была бы упряма; возможно, дело было бы передано королю или прошли бы годы, прежде чем было бы

достигнуто урегулирование; возможно, действительно, оно было бы молчаливо прекращено без принятия решения, особенно когда решение могло быть нежелательным, потому что одна или обе стороны опасались неприятного прецедента. Между тем дело оставалось замороженным в том состоянии, в котором оно существовало на момент формирования компетенции. До тех пор, пока так называемая Конкордия 1679 года не разрешила освобождать заключенных под залог, если кто-то был арестован, он оставался в тюрьме, возможно, чтобы умереть там, как это иногда случалось. В 1638 году инквизиция пожаловалась на это, когда ее офицерами оказались заключенные, поскольку судебные разбирательства всегда решались медленно, а работа трибуналов была затруднена из-за отсутствия их министров, в то время как их бедность не позволяла им выплачивать адекватное жалование заместителям. [1248] Только в 1721 году Филипп V попытался найти средство от этой проволочки в указе, в котором перечислялись длительные задержки и частота нерешенных дел по причине тупиковой ситуации в хунте, поэтому в будущем, когда хунта будет сформирована, он должен был быть уведомлен, чтобы он мог назначить пятого члена, обеспечив таким образом большинство. [1249] Однако, похоже, что это не достигло своей цели, и, когда Карлос III укрепил громоздкую структуру правительства, учредив *Хунту Эстадо*, состоящую из министров нескольких департаментов, Флоридабланка перечисляет среди полученных преимуществ ускорение рассмотрения дел, относящихся к компетенции, и избежание бесконечных задержек, вызванных этикетом трибуналов и интриги заинтересованных сторон. [1250]

Я так подробно остановился на этом предмете не только потому, что он занимал столь значительную часть деятельности инквизиции, но и из-за его важности в отношениях между Святой Канцелярией и другими учреждениями Испании и в объяснении отвращения, которое вызывала инквизиция. Если люди относились к нему как к единому целому с благоговением и почтением, как к оплоту католической веры, то тем не менее их ненависть к его членам была не меньшей, и постоянная борьба против огромных преимуществ его власти, поддерживаемая непоколебимой благосклонностью Габсбургов, в равной степени свидетельствует о стойкости испанского характера и о масштабах зла, которым инквизиция поразила нацию.

ГЛАВА V.

НАРОДНАЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ

Предыдущие главы иллюстрируют некоторые причины, вызвавшие массовую ненависть к инквизиции, но это далеко не все. Как мы уже говорили, она пользовалась восторженной поддержкой при выполнении своих соответствующих функций по защите веры, но помимо этого у нее было бесконечное количество способов возбуждать враждебность. Это было неизбежным результатом передачи безответственной власти людям, по большей части властным и высокомерным, которые были обязаны повиноваться только Верховному, и которые рано поняли, что, хотя он мог не одобрять их действия, он всегда поддерживал их против жалоб, и, хотя он мог тайно выносить упреки, он долго колебался, прежде чем поставить под угрозу заявленную непогрешимость Священной Канцелярии увольнением или любой другой публичной демонстрацией. Не было другой силы, которая могла бы призвать их к ответу, и они могли рассчитывать на ее снисхождение. Эту снисходительность они распространяли на своих подчиненных, над которыми, действительно, у них не было власти отстранять их, и следствием

этого было то, что вся организация полностью заслужила ненависть народа злоупотреблением своими привилегиями, вызывая раздражение, которое, тем не менее, было не менее невыносимым, потому что его причины могли быть тривиальными. Ситуация находит выражение в хартии акордада от 12 октября 1561 года, в которой Верховный Суд умоляет суды, ради всего Святого, не причинять вреда или притеснений, поскольку, поскольку их обвиняют, когда они поступают правильно, чего ожидать, когда они дают справедливые основания для жалобы?

[1251]

Справедливо это или нет, оснований для жалобы никогда не было недостатка. Власть инквизитора практически не имела границ, кроме его собственного усмотрения, и соблазн злоупотребить ею был непреодолим для людей, которые в основном занимали эту должность. В мемориале Льерены Филиппу и Хуане в 1506 году подается жалоба на то, что чиновники конфисковали все дома, которые они хотели, и в одном случае, когда несколько молодых девушек-сирот не покинули их так быстро, как было приказано, они заперли входную дверь, и жильцам пришлось проделать отверстие, чтобы покинуть ее. [1252] Тот же дух был продемонстрирован не таким уж беззащитным партиям в 1642 году, когда его выставка в Кордове чуть не спровоцировала катастрофические беспорядки. Там был свободный дом, который Хуан де Рибера, один из инквизиторов, собирался арендовать, но он уехал в Мурсию, так и не заняв его. Вернувшись, он обнаружил, что дом был сдан в аренду сыну дона Педро де Карденаса, одного из вейнтикуатрос, или городских советников. Он послал за Карденасом и спросил, знает ли тот, что тот нанял дом. Карденас заявил о своем неведении, добавив, что, если бы он не перевез туда свою семью, он бы отказался от него. Рибера приказал ему покинуть суд, и, после его отказа, трибунал продолжил спор, направив ему уведомление об увольнении. Поскольку он не подчинился, суд призвал его явиться и вынудил предоставить гарантии. Его родственники и друзья сплотились вокруг него и пообещали поддержать его силой; об этом заговорили в городе, и трибунал счел своей честью поддерживать свои приказы насилием. Он собрал две роты солдат, которые держал в алькасаре, в то время как кабальеро вооружились и охраняли дом. Коррехидор обратился к трибуналу с просьбой не заливать город кровью, подставляя бедное гражданское ополчение под мечи джентльменов, и тот согласился передать дело королю. Совет Кастилии распорядился, чтобы арендатор оставался во владении, в то время как Верховный суд дал указание трибуналу не уступать ни на йоту, а изгнать его любыми доступными средствами. [1253] Каков был результат, не указано, но дело иллюстрирует степень, до которой инквизиция увеличила свои полномочия, и решимость, с которой она их использовала.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Было невозможно предотвратить эти незаконные злоупотребления. Верховный мог ругать и угрожать, но, поскольку он редко наказывал и всегда защищал правонарушителей, его усилия по сдерживанию были незначительными. *visitadores*, или инспекторы, должным образом сообщали о беспорядках, и должны были быть даны инструкции по их исправлению, но инквизиторы относились к ним без особого уважения. Нет никаких оснований предполагать, что трибунал в Барселоне был хуже любого другого, и серия сообщений о посещениях там дает нам представление о зле, причиненном людям. В 1544 году доктор Алонсо Перес прислал отчет, в результате которого Супрема резко упрекнул всех подчиненных, за исключением судьи по

конфискациям. Всех, кроме двоих, обвинили в неподобающих отношениях с женщинами; все принимали подарки; все предъявляли дополнительные и незаконные обвинения; все пренебрегали своими обязанностями, и большинство из них ссорились друг с другом. Фискал был особенно неприятен из-за его ненадлежащего ведения судебного преследования и присвоения предметов, принадлежащих трибуналу; он отказался выплачивать свои долги; он арестовал свечника за то, что тот не доставил свечи так быстро, как он требовал; когда некая сторона купила несколько овец у крестьянина и была недовольна его сделкой, фискал сослался на крестьянина, утверждая, что деньги за покупку принадлежат ему, и заставил крестьянина забрать овцу и вернуть деньги. И все же Верховный был слишком трепетен к чести Священной Канцелярии, чтобы уволить хотя бы одного из грешных чиновников. Он приказал сделать им строгий выговор, выплатить несколько долгов и вернуть подарки, а также произнес несколько туманных угроз о том, что он сделает, если они продолжат свой злодейский путь. [1254]

Естественный результат этой снисходительности проявился при следующем посещении Licenciado Vasa в 1549 году. Те же злоупотребления процветали, с добавлением того, что инквизитор Диего де Сармьенто принял должность комиссара индульгенции Крусаса и назначил ее проповедниками и сборщиками налогов комиссаров и приближенных трибунала, к великому угнетению и досаде людей, чей страх перед Святой Канцелярией препятствовал подаче жалоб. Сармьенто был уволен в 1550 году, но в 1552 году он был повторно назначен в Барселону; фискал и нотариус, которые были особо привлечены к ответственности, были отстранены от работы на шесть месяцев, а тюремщику за жестокое обращение с заключенными увеличили месячную зарплату. [1255] В 1561 году инквизитор Гаспар Сервантес нанес еще одно посещение, в отчете которого чрезвычайно сурово говорилось о беспорядках в трибунале и прозвучало энергичное требование Верховного суда провести их реформу. [1256] Это не привело к внесению поправок, трибунал продолжал без помех, пока жалобы кортов 1564 года не привели к другому и более тщательному расследованию, проведенному де Сото Салазаром в 1566 году. В судебных процессах по делам о ереси имели место не только всевозможные злоупотребления, но и многочисленные дела, в которых, как сказал им Верховный, у них не было юрисдикции. Очевидно, они были готовы предоставить свои неограниченные полномочия в распоряжение всех желающих и заключали в тюрьмы, штрафовали и наказывали самым произвольным образом, собирая гонорары, комиссионные и, несомненно, взятки и навязывая несправедливость всем, кто этого хотел, в то время как страх перед их порицаниями препятствовал противодействию или протестам. В этих делах, которые не касались веры, обвиняемых часто хватали в церквях, где они искали убежища, как будто их разыскивали за ересь и неоднократные случаи, когда Верховный Суд приказывает вычеркивать их имена из записей, указывают на один из самых жестоких результатов этого безрассудного злоупотребления юрисдикцией, поскольку оно навлекло на страдальца, его родственников и потомство позор, невыносимый для испанца того периода. Длинное и подробное послание, которое Верховный судья направил трибуналу в результате доклада Салазара, дает наиболее яркий взгляд изнутри на злоупотребления, естественным образом проистекающие из безудержной автократии, которая благодаря абсолютной и непроницаемой секретности своих операций была освобождена от всякой ответственности перед своими жертвами или общественным мнением. Супрема берет по очереди каждого чиновника, от инквизиторов до посланников, указывает на их проступки и безжалостно наказывает их, показывая, что вся организация была нацелена исключительно на получение нечестной выгоды, на преувеличение своих привилегий и на тиранство общества, в то время как защита веры была самым

неприкрытым предлогом для удовлетворения жадности и порочных страстей. Однако все это практически считалось вполне совместимым с обязанностями инквизиции. Трое инквизиторов, Падилья, Зурита и Мехия, были отстранены от должности на три года, а затем отправлены повторять свои злодеяния в другом месте, и двое первых были дополнительно оштрафованы на десять дукатов каждый. [1257] То, что к учреждению, обладающему этими полномочиями и осуществляющему их таким образом, следует относиться с ужасом и отвращением, было неизбежно. Позже мы увидим, как оно окутывало все свои действия нерушимой тайной и как оно справедливо рассматривало это как один из важнейших факторов своего влияния, и мы можем понять таинственный страх, который это внушало, в то же время освобождая инквизитора и его подчиненных от благотворных ограничений публичности.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Подавляемая враждебность, возбужденная таким образом, всегда была готова к взрыву, когда предоставлялась возможность удовлетворить ее. Стремясь стимулировать разведение лошадей, королевская прагматика в 1628 году запретила использование мулов в качестве карет. Инквизиторы Логроньо, в полной уверенности, что никто не посмеет им помешать, продолжали ездить на мулах, и когда коррехидор дон Франсиско Базан возмутился и пригрозил захватить карету, они сказали ему, что это его погубит. Он не рискнул, но в 1633 году добился от Совета Кастилии постановления о запрете проезда карет в Логроньо под предлогом того, что они повредили некоторые магазины, выступающие на главной улице. Фискал трибунала обязался удовлетворить это требование, заявив, что у него есть особая привилегия от короля в отношении карет, но когда Базан пообещал подчиниться, этого не последовало. Супрема подхватил спор и представил Филиппу IV трудности, испытываемые инквизиторами, слишком старыми и немощными для седла; сострадательный король одобрил на консульте обычную формулу одобрения — “Я так приказал”; затем Супрема обратился к Совету Кастилии за соответствующим приказом, и несколько сообщений прошли безрезультатно. Королю была представлена еще одна консультация, который одобрил ее: “Я снова так распорядился”, но Совет Кастилии по-прежнему уклонялся от ответа. Затем власти Логроньо предложили епископу Калаорры разрешение на использование автобусов и намекнули инквизиторам, что, если они обратятся за лицензией, она будет выдана. Таким образом, Супрема запретил им признавать местную магистратуру, поскольку они обладали королевской властью, после чего они возобновили использование своих карет; альгвасил коррехидора арестовал одного из их кучеров, и они отлучили коррехидора от церкви. Король 9 декабря 1633 года приказал отпустить ему грехи, на что 30 декабря Верховный ответил, что он будет отпущен, если подаст прошение. Совет Кастилии представил королю консультацию, утверждая, что духовенство и инквизиторы в равной степени обязаны подчиняться законам и что коррехидор действовал с большой умеренностью. 5 февраля 1634 года король поинтересовался, что было сделано с коррехидором, но только 16 декабря Верховный снизошел до ответа, горько жалуясь на пренебрежение, оказанное инквизиции, когда вся безопасность монархии зависела от ее трудов. Наконец, 15 февраля 1635 года Совет Кастилии направил Верховной власти лицензию на использование автобусов в Логроньо, в то же время намекая, что его налог *намедиа-аньяту* не был уплачен. В ходе ссоры Совет представил королю очень убедительную консультацию, которая показывает, в каком свете инквизиция рассматривалась высшими властями государства. Это означало, что повсюду инквизиторы и их чиновники, прикрываясь

привилегиями, которыми они не обладали, вызывали серьезные беспорядки. Они досаждали коррехидорам и другим министрам короля и приставали к ним, притесняя их насильственными методами и пугая угрозами наказания, чтобы удержать их от защиты королевской юрисдикции. Таким образом, преступления остались безнаказанными, правосудие превратилось в посмешище, а вассалы короля пострадали от того, что им пришлось вытерпеть из-за своей чести, своей жизни, своего состояния и своей совести. [1258]

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Тривиальные ссоры, подобные этой, развивались до тех пор, пока не отвлекали внимание короля и его советников, постоянно вспыхивали и свидетельствовали о всепроникающем духе антагонизма. Давнюю причину разногласий в Логроньо можно рассматривать как разновидность того, что происходило во многих других местах. Местные чиновники там, как и везде, имели право участвовать в публичных *карнисериях*, или разборках, деля между собой *vientres* или *menudos* — чириканьях — убитых животных. Не было ничего противоестественного в том, что инквизиторы и их подчиненные стремились разделить это, но это требование было неохотно принято, поскольку оно уменьшало долю городских офицеров и приводило к ссорам. В 1572 году Логроньо пожаловался Верховной власти на то, что, хотя она была готова давать каждому инквизитору *меню* в виде овцы каждую неделю, низшие чиновники, вплоть до посыльных, требовали того же, и, когда их было недостаточно для обхода, они вызвали забой дополнительных овец, чтобы получить свои привилегии. Поскольку население было бедным, питаясь в основном коровьей говядиной, а в жаркую погоду мясо не сохранялось, это приводило к большим потерям, поэтому город просил, чтобы в течение четырех жарких месяцев низшие чиновники довольствовались тем, что получали городские чиновники, а в течение остальных восьми месяцев он постарался дать им больше. На это Верховный милостиво согласился, но в 1577 году произошла еще одна вспышка, для подавления которой Верховный распорядился привести соглашение в исполнение. В 1584 году снова возникли проблемы, в 1593 году их стало еще больше, а в 1601 году дело дошло до того, что трибунал созвал всех сотрудников карнисерии и жестоко отчитал их, что вызвало большое волнение. Затем, в 1620 году, разразилась еще более страшная вспышка, чем когда-либо, из-за отказа регидора дать одному из инквизиторов две пары овечьих косточек, запрошенных под предлогом того, что у него на завтрак были гости. Разгневанный инквизитор, лишенный, таким образом, аппетита к завтраку, побудил трибунал вызвать к себе регидора и сделать ему строгий выговор, тем самым не только наложив на него тяжкое клеймо позора, но и оскорбив город, на что тот громко пожаловался Верховной Власти. [1259] Легко понять, как подобные мелочи вызывали постоянное раздражение, о котором в записях упоминаются только обострения.

Привилегии рынков, по сути, были источником бесконечных проблем. Было признано, что как светские, так и церковные должностные лица имели право на первый выбор и на то, чтобы их обслуживали в первую очередь. Представители инквизиции претендовали на ту же привилегию не только в городах, где существовал трибунал, но и там, где проживали разрозненные комиссары и нотариусы. О том, что этому часто оказывалось сопротивление, свидетельствует используемая в таких случаях формула мандата, адресованная коррехидору или алькальдам, в которой указывается, что права в этом отношении потерпевшей стороны не были соблюдены и что в будущем он должен получать первое и лучшее (после того, как будут обслужены светские и церковные чиновники) из всех продуктов, которые он требовал, по текущим ценам, и это под страхом штрафа в двадцать тысяч мараведи, помимо наказания по всей строгости закона.

[1260] Не похоже, что на самом деле существовало какое-либо законодательство, дающее инквизиции право на эту привилегию, но в частых неприятностях, возникающих из-за ее утверждения, инквизиторы действовали со своей обычной жестокостью. Писатель 1609 года, осуждающий эти ссоры, предлагает в качестве лекарства, чтобы король издал указ о том, что представители инквизиции должны иметь предпочтение при покупке, и в то же время он рассказывает о случае в Толедо, когда регидор, который сказал управляющему трибуналом брать столько яиц, сколько он хотел, но не больше, был арестован и привлечен к ответственности, и о другом в Кордове, где идалго, который купил шад и отказался отдать его знакомому слуге инквизитора, был наказан. получил двести ударов плетью и был отправлен на галеры. [1261] В 1608 году Верховный суд издал предписание, согласно которому поставщики инквизиторов ничего не должны брать силой, значение которого заключается скорее в указании на существующие злоупотребления, чем в обещании их устранения. [1262] Требование предпочтения зашло так далеко, что в Севилье в 1705 году возникли серьезные проблемы из-за того, что слуга инквизитора задерживал лодки с рыбой, поступающей на рынок, чтобы сделать свой выбор, и для этого потребовалась королевская седула от 26 марта 1705 года, запрещающая инквизиторам задерживать рыбу или другие припасы в пути, или назначать с помощью *бандерильи* кусочки выбирали сами. [1263] Когда мы рассматриваем характер рабов и прислужниц, облеченных властью оскорблять и запугивать любого, кого они выберут, при выполнении таких функций, мы можем представить гнев и возмущение, накопленные против их хозяев в тысячах случаев, когда страх предотвращал взрыв. Это правда, что Верховный Суд издал инструкции о том, что все поставщики должны вести себя скромно и не давать повода для оскорблений, и что никто не должен быть вызван или заключен в тюрьму по вопросам, вытекающим из провизии, но, как обычно, эти приказы были проигнорированы. Дерзость, естественно, вызвала бы поспешный ответ, который, как сообщил слуга своему хозяину, означал бы неуважение к Священной Канцелярии, и за это было бы оправдано суровое наказание.

Возможно, менее раздражающим, но более серьезным по своим последствиям было использование фуэро теми, кто занимался торговлей. Генеральный инквизитор Деза в 1504 году издал строгий запрет на любое наемное должностное лицо, имеющее прямой или косвенный интерес к какому-либо бизнесу. Ежедневный опыт, сказал он, показывает, сколько позора и беспокойства это навлекло на инквизицию, поэтому он постановил, что она должна, *ipso facto*, лишать нарушителя его должности и налагать на него штраф в размере двадцати тысяч мараведи; он должен перестать быть должностным лицом, как только произойдет нарушение, и получатель под страхом штрафа в пятьдесят дукатов должен лишить его жалованья. Все должностные лица, осведомленные о таком деле, должны были уведомить генерального инквизитора в течение пятнадцати дней под страхом серьезного отлучения от церкви, и этот приказ должен был быть зачитан во всех трибуналах в присутствии собравшихся должностных лиц. [1264]

ЧИНОВНИКИ КАК ТОРГОВЦЫ

Строгость этого регламента указывает на признанный масштаб зла, а его сохранение при составлении Инструкций показывает, что считалось, что он остается в силе. Однако, как и все другие благотворные правила, оно с самого начала соблюдалось слабо, и каталонцы

позаботились о том, чтобы этот запрет был закреплен в булле *Pastoralis officii*. Он постепенно устарел. Королевский указ от 9 августа 1725 года, освобождающий от налогообложения заработную плату должностных лиц Сарагосского трибунала, добавляет, что, если они владеют собственностью или занимаются торговлей, эти активы подлежат налогообложению, что свидетельствует о признании их способности к торговле. [1265] Насколько отягчающим было преимущество, которым они таким образом пользовались, можно понять из дела в Валенсии около 1750 года. Джозеф Сегарра, контадор трибунала, заключил партнерство с Джозефом Мираллесом, плотником, для доставки древесины из Сьерра-де-Куэнка. В рамках мирового соглашения Сегарра потребовал от Мираллеса остаток в размере 1779 либр; они заключили официальное соглашение о принятии арбитражного решения доктора Бойла, но Сегарра отклонил арбитражное решение, и Мираллес попытался привести его в исполнение в королевском суде. Затем вмешался трибунал, признав решение недействительным, поскольку Сегарра не мог лишить инквизицию ее юрисдикции, и она отклонила просьбу регента о конференции и наделении полномочиями. [1266] Очевидно, что иметь дело с официальными лицами было опасно; у них всегда была выигрышная карта в рукаве, которую можно было разыграть при необходимости.

Что касается великой армии хранителей, то, конечно, было невозможно помешать им торговать. На самом деле торговцы охотно искали эту должность ввиду преимуществ, которые она давала, имея за спиной инквизицию, будь то для уклонения от уплаты долгов, или для взыскания претензий, или для уклонения от таможенных сборов, или многими другими способами, не признанными Конкордиями, но разрешенными трибуналами. Супрема иногда предупреждал инквизиторов не назначать людей низкого класса, таких как мясники, кондитеры, сапожники и тому подобное, или торговцев, целью которых была защита в их бизнесе, [1267] но на это не обращали внимания; большая часть фамильяров принадлежала к этому классу, и место в формулярах занимали формы взимания налогов и казни. а продажа и другие подобные вопросы показывают, сколько дел было передано в суды в результате рассмотрения их исков. [1268] Открывшимися таким образом возможностями для мошеннических сделок, уклонения от обязательств и выполнения несправедливых требований, безусловно, не пренебрегали, и их можно причислить к источникам враждебности, испытываемой ко всем, кто связан со Святой Канцелярией.

В замечательном документе, представленном в 1623 году Верховной Раде одним из ее членов, многие злоупотребления инквизиции приписываются равнодушному характеру и бедности чиновников. Было бы хорошо, говорит автор, не назначать никого, кроме священнослужителей, обладающих привилегией содержать себя и не обремененных женой и детьми. Умирая, они не оставили бы семьи без гроша в кармане, что обязывает генерального инквизитора передавать детям должности их отцов, таким образом привлекая к работе в трибуналах людей, которые даже не умеют читать; увеличение жалованья также избавило бы их от необходимости брать взятки под прикрытием гонораров и, таким образом, положило бы конец народному ропоту против них. Кроме того, инквизиторы должны иметь право отстранения от должности при условии подтверждения Верховной Властью, поскольку сейчас их руки связаны; их подчиненные неуправляемы. Наибольший ущерб репутации Святой Канцелярии наносят ее плохие чиновники, которые не признают никакой ответственности. Никто не должен быть назначен на должность или в качестве знакомого портного, плотника, каменщика или другого механика; именно эти люди являются причиной ссор со светскими властями, поскольку им нечего терять и они претендуют на неприкосновенность. Короче говоря, если мы можем верить

автору, весь состав трибуналов, за исключением инквизиторов, был прогнившим; никому из должностных лиц, начиная с фискалов, нельзя было доверять, поскольку все они страстно стремились к нечестной наживе, грабя саму инквизицию и всех, кто соприкасался с ней, и этому он приписывал потерю общественного уважения и доверия. [1269]

ЖАЛОБЫ НА ФЕОДАЛИЗМ

Положение не улучшилось, поскольку Верховный суд всегда защищал суды от любых жалоб, а его мягкое отношение к правонарушителям гарантировало им фактическую безнаказанность. Наконец, как мы видели, в 1703 году Филипп V предпринял попытку реформы. Вероятно, именно из-за этого давления в 1705 году Верховный суд издал carta acordada, запрещающую ряд особых злоупотреблений и указывающую, что в том, что касается приличий жизни, ни инквизиторы, ни официальные лица не подчинялись Инструкциям, общались с неподобающими лицами и вмешивались в дела, полностью чуждые их обязанностям, тем самым делая одиозной юрисдикцию Святой Канцелярии. [1270] Из различных инцидентов, упомянутых выше, очевидно, что это привело к небольшим изменениям, но, когда колебания Филиппа V сменились решительной целью Карлоса III и его способных министров, сила инквизиции по угнетению была значительно ограничена.

Не только у простых людей были основания жаловаться на расширенную юрисдикцию, на которую претендовала инквизиция. Феодальная знать, чьи права уже были ограничены ростом королевской власти, была обеспокоена вмешательством этой новой и высшей юрисдикции, которая не признавала никаких ограничений или границ и вмешивалась в их верховенство в пределах их владений. Так, в 1553 году герцог Наджера пожаловался, что в его городе Наваррете комиссар инквизиции оскорбил его алькальда-мэра, а затем вместе с несколькими приближенными насильно отобрал пшеницу у его альгвасила. Генеральный инквизитор Вальдес написал в трибунал Калаорры с просьбой расследовать это дело и наказать должностных лиц, если они будут признаны виновными; алькальд и альгвасиль не подлежали судебному преследованию, за исключением дел, относящихся к инквизиции, и это не только ввиду надлежащего управления ею, но и потому, что он хотел угодить герцогу. [1271]

Еще более серьезной причиной недовольства, к которой дворяне относились с полным пониманием, было освобождение их вассалов от юрисдикции путем назначения на должность. В 1549 году графиня Ньева обратилась к Вальдесу, заявив, что Арнедо - это место, принадлежащее графу; оно находилось в трех лигах от Калахорры, и там никогда не было знакомых, пока недавно инквизитор Вальдеоливас не назначил нескольких крестьян, чтобы освободить их от юрисдикции их господина. Дело было не только в том, что, пока граф отсутствовал в королевстве на службе у короля, его крестьянам следовало оказывать такие почести, чтобы они могли создавать беспорядки в деревнях и вмешиваться в феодальную юрисдикцию. [1272] Вполне можно усомниться в том, была ли удовлетворена ее просьба об отзыве комиссий, но то, что ее предвидение неприятностей было оправданным, видно из дела, рассматривавшегося трибуналом Барселоны в 1577 году, в котором дон Педро де Куераль, сеньор Санта-Коломы, могущественный дворянин Таррагоны, пытался добиться наказания двух своих вассалов, Хуана Рекесенса, мельник и его двоюродный брат Висенте. Они оба были знакомыми и, по-видимому, были лидерами недовольной оппозиции, которая сделала жизнь дона Педро невыносимой. Деревья на его плантациях были срублены, его герб над дверью его

дома в Санта-Коломе был снят и обезображен, клеветнические *коплы* против него были разбросаны по улицам, но кузены, будучи знакомыми, были в безопасности от его гнева. Дон Педро умер, но разногласия между его вдовой, графиней Куераль, и новым поколением рекесенов, которые унаследовали должность фамильяров своих отцов, продолжались. Наконец, в 1608 году ей удалось осудить Хуана Рекесенса за злонамеренное хулиганство, но ее единственным удовлетворением было то, что он получил выговор, предупреждение и приговорен к уплате судебных издержек в размере 115,5 реалов. [1273] Такой случай показывает, как был подорван феодализм, и мы можем представить, как дворяне, должно быть, корчились от нового опыта мятежных вассалов, облеченных неприкосновенностью.

СТОЙКИЙ АНТАГОНИЗМ

Поэтому легко понять отвращение, которое испытывали к инквизиции все классы — миряне и священнослужители, благородные и простые. Оно полностью осознавало это и постоянно заявляло об этом королю, защищая суды в их спорах и настаивая на расширении привилегий в качестве защиты от ненависти, которую оно возбудило. В своих апелляциях против ограничения своей юрисдикции в Арагоне он без колебаний признал, что его там ненавидели с самого начала и что его должностные лица испытывали такое отвращение, что не были бы в безопасности, если бы предстали перед светским правосудием, и даже в 1727 году он повторил утверждение о стойкой враждебности арагонцев. [1274] В Логроньо инквизиторы сообщили Верховному в 1584 году, что среди людей была распространена поговорка, что их жизнь состояла в разногласиях с трибуналом и что для них это была смерть, когда был мир. [1275] То же самое было и в Кастилии. Корты в 1566 году, поощряя Филиппа II заставить фламандцев допустить инквизицию, привели в качестве причины то, что его успех там был необходим для мирного поддержания института в Испании, тем самым намекая, что, если фламандцы отвергнут его, кастильцы попытаются последовать их примеру. [1276] В том же году фамильяры утверждали, что ненависть, с которой они содержались, привела к тому, что их выделили для особого притеснения при расквартировании войск а в 1647 году Супрема заявила, что ничто не кажется достаточным для подавления ненависти, с которой к ним относились, в подтверждение чего было приведено несправедливое распределение в Куэнка, об оценке принудительного займа. [1277] Эта враждебность продолжалась до последнего, даже несмотря на то, что упадок инквизиции в восемнадцатом веке так сильно уменьшил ее силу подавления. Защитник института в 1803 году начинает с осуждения ненависти, которая преследовала его с самого начала; даже в нынешний век, говорит он, более просвещенный, существует грубое невежество в отношении его основных принципов и смертельное противодействие его существованию. [1278]

Таким образом, несмотря на отвращение испанцев к евреям и еретикам, страх, который внушала инквизиция, в значительной степени смешивался с отвращением, возникшим из-за злоупотребления ею своими привилегиями в вопросах, совершенно не связанных с ее функциями хранителя веры.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

СПИСОК ТРИБУНАЛОВ.

Постоянными трибуналами испанской инквизиции были Толедо, Севилья, Вальядолид, Корте (Мадрид), Гранада, Кордова, Мурсия, Льерена, Куэнка, Сантьяго (Галисия), Логроньо и Канарские острова под короной Кастилии, а также Сарагоса, Валенсия, Барселона и Майорка под короной Арагона. Кроме того, были Сицилия, Сардиния, Мексика, Лима и Картахена-де-лас-Индиас, которые выходят за рамки настоящей работы.

Такое распределение сил инквизиции не было достигнуто до тех пор, пока опыт не показал наиболее эффективные центры действий. Были созданы многочисленные более или менее временные трибуналы, и в распределении территории произошло много изменений. Приведенный ниже список не претендует на абсолютную полноту, но содержит результат таких намеков, которые я встречал в документах.

Alcaraz. В течение нескольких лет в Алькарасе действовал трибунал. В 1495 году Алонсо Эрнандес, представленный к канонизации, получает квалификацию инквизитора Алькараса, а в 1499 году инквизитором там назначается Алонсо де Торрес. [1279]

Армия и флот. Флот, организованный для Католической лиги, победившей при Лепанто, казалось, нуждался в трибунале, чтобы уберечь его от ереси, и Филипп II добился от Пия V распоряжения от 23 июля 1571 года, уполномочивающего генерального инквизитора назначать инквизитора для каждой армии Филиппа II, будь то на суше или на море. [1280] Первым назначением в соответствии с этим, по-видимому, был Родриго де Мендоса, инквизитор Барселоны, чье назначение на должность *инквизитора лас Галерас* датировано 21 марта 1575 года, вместе с назначением его нотариуса Доминго де Леона и инструкциями относительно его обязанностей. [1281] Его сменил Херонимо Манрике, который отпраздновал аутодафе в Мессине. После него был доктор Хуан Баутиста де Кардона, но всего лишь в качестве комиссара, который служил в течение двух лет, когда Парамо, писавший в 1598 году, сообщает нам, что флоты были разбросаны и управление прекратило свое существование. [1282] Если это так, то он был возрожден, поскольку в 1622 году, как нам сообщили, брат Мартин де Виванко, капеллан сицилийских галер, был назначен *инквизитором дель Мар*, а в 1632 году утверждается, что когда был назначен *Принсипи дель Мар*, он взял с собой инквизитора и должностных лиц, и все арестованные ими заключенные были доставлены в ближайший трибунал, когда галеры вошли в порт. [1283]

В более поздние времена генеральный инквизитор был “Викарио генералом лос-Реалес-Эхерситос-де-Мар-и-Тьерра” и в качестве такового назначал заместителей делегатов для сопровождения армии, обладающих необходимыми полномочиями. *Кастрская юрисдикция*, которой пользовались военные, не освобождала их в вопросах веры от инквизиции, но *кастрские субделегады*, похоже, не обладали судебными полномочиями, и в 1793 и снова в 1806 году возникли дебаты о том, следует ли вызывать их или ординариев епископальной церкви для голосования вместе с инквизиторами по делам солдат. [1284]

Авила. Когда Торквемада построил свой монастырь Сан-Томас в Авиле, он предоставил помещения для инквизиции, и в 1590 году заключенные, обвиняемые в убийстве Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, были переведены туда из трибунала Сеговии для суда. Он продолжал существовать еще несколько лет и имел связь с Сеговией, поскольку 9 июня 1499 года Франсиско Гонсалес из Фреснеды и Хуан де Монастерио были назначены инквизиторами Авилы и Сеговии, проживая иногда в одном городе, а иногда в другом. [1285]

Трибуналы

Balaguer. В Балагере 15 августа 1490 года и 10 июня 1493 года отмечались аутодафе, но они проводились инквизиторами Барселоны, как и в Таррагоне, Жероне, Перпиньяне и других местах в их округе. Однако в 1517 году, по-видимому, там был созван трибунал по делу о письме Верховного суда, касающемся убийства ассессора инквизиции Балагера. Если это так, то, вероятно, вследствие этого оно было отозвано, поскольку в 1518 году инквизиторам Барселоны было приказано издать указы против тех, кто пристаёт к духовенству Балагера за соблюдение интердикта, наложенного на город. [1286]

Барбастро. Еще в 1488 году в Барбастро существовал трибунал инквизиторов, но в 1521 году он был упразднен и присоединен к Сарагосе. [1287]

Барселона. Основана в 1486 году. Она претендовала на юрисдикцию над свободной Республикой Андорра, которая была включена Аревало де Суазо в его визит в 1595 году. Долгое время после того, как Руссильон и Сердань были возвращены Франции, барселонские инквизиторы в 1695 году все еще называли себя " Инквизиторами Апостольскими " ... en el Principado de Cataluña y su partido, con los Condados de Rosellon y Cerdania y los Valls de Aran y Andorra." [1288] Увидеть Лериду, Таррагону, Тортосу, Балагер.

Бургос. Первоначально трибунал находился в Бургосе, но при перераспределении округа Хименесом он был включен в Вальядолид. В 1605 году Филипп III перенес трибунал в Бургос, приказав инквизиторам изгонять всех обитателей зданий, которые они могли бы счесть подходящими для своих целей. В 1622 году он все еще представлял ежегодные отчеты о делах Верховной раде, но, вероятно, около 1630 года вернулся в Вальядолид. Когда в 1706 году Мадрид был захвачен союзниками под командованием Галлоуэя и Лас-Минаса, двор бежал в Бургос, перевезя туда инквизицию, но его пребывание было недолгим, и вскоре он вернулся в столицу. [1289]

Кадис. Увидеть Херес.

Calahorra. Трибунал был учрежден здесь еще в 1493 году, когда он праздновал аутодафе в Логроньо. В 1499 году он чередовался между Калаоррой и Дуранго. При перераспределении округа Хименесом в 1509 году он был включен в состав Дуранго, но вскоре был восстановлен. Седулы 1516, 1517 и 1520 годов указывают на то, что в то время это был трибунал огромного округа Вальядолид, но в 1522 году инквизиция Наварры была распространена на Калаорру; затем Наварра и Калаорра были разделены, но в 1540 году произошло перераспределение, и Наварра и Баскские провинции были присоединены к Калаорре. В 1560 году часть территории Бургоса была отделена от Вальядолида и присоединена к Калаорре, а в 1570 году резиденция трибунала была определенно перенесена в Логроньо, q. v. [1290]

Calatayud. Калатаюд был резиденцией трибунала с перерывами, по крайней мере, с 1488 года, поскольку в 1502 году Фердинанд говорит о Джоан де Агуавива, которая в течение четырнадцати лет служила ему цирюльником-хирургом, когда он проживал в Калатаюде, и одним из первых представителей пребенды в 1488 году был Мартин Маркес, известный как фискал инквизиции Калатаюда. Письмо Suprema от 22 января 1519 г., адресованное “Инквизитору Калатаюда”, показывает, что он все еще существовал, но вскоре после этого, должно быть, был присоединен к Сарагосе. [\[1291\]](#)

Канарейки. Усердие Диего де Мурса, епископа Канарских островов, не стало дожидаться распространения испанской инквизиции на свою епархию, но привело его к учреждению епископальной прокламации от 28 апреля 1499 года. Только в 1504 году генеральный инквизитор Деза отправил туда Бартоломе Лопеса де Трибальдоса для учреждения трибунала в Лас-Пальмаса, который, по-видимому, приступил к работе 28 октября 1505 года. Так продолжалось до конца. [\[1292\]](#)

Картахена. Увидеть Мурсию.

Ciudad Real. В письме Фердинанда от 8 ноября 1483 года сообщается о назначении лиценциатов Костаны и де Бальтасара инквизиторами Сьюдад-Реаля. 10 мая 1485 года Фердинанд объявляет о переводе Костаны в Толедо, куда был перенесен трибунал. [\[1293\]](#)

Córdoba. Трибунал был учрежден в Кордове еще в 1482 году по просьбе ее епископа, Нового христианина Алонсо де Бургоса. В его округ входили епископства Кордова и Хаэн, Абадия-де-Алькала-ла-Реаль, Аделантамьенто Касорла, Эсиха и Эстепа, к которым после завоевания была присоединена Гранада. [\[1294\]](#) Посмотреть Гранаду и Хаэн.

ТРИБУНАЛЫ

Corte. Мадридский трибунал был технически известен как Corte. Мадрид, первоначально не имевший особого значения город, принадлежал провинции Толедо и, естественно, находился под юрисдикцией ее трибунала. Будучи королевской резиденцией при Филиппе II и, в конечном итоге, столицей королевства (за исключением кратковременного переезда в Вальядолид в 1600-1606 годах), он обеспечивал значительную часть бизнеса Толедо. Толедские инквизиторы приезжали туда для проведения расследований и даже для рассмотрения дел, примеры которых у нас есть в 1590 и 1592 годах. [\[1295\]](#) Было сочтено необходимым нечто большее, чем это, и Suprema приняла план вызова инквизиторов из других мест для возбуждения судебного преследования и действий в соответствии со своими инструкциями, примерами которых являются лиценциато Флорес, инквизитор Мурсии, в 1593 году, и Сифонтес де Лоарте, инквизитор Гранады, в 1615 году. [\[1296\]](#) Присутствие генерального инквизитора, который без колебаний принимал меры в чрезвычайных ситуациях, и опытного комиссара, вместе с частым пребыванием одного из инквизиторов Толедо, позволяло принимать быстрые меры при необходимости, как это произошло в 1621 и снова в 1624 годах, и, казалось, делало излишней организацию специального трибунала. [\[1297\]](#)

Однако нужда в этом ощущалась, особенно с притоком новых португальских христиан, которые множились в столице. По мере усиления давления Толедо предоставил двух помощников инквизиторов для проживания в Мадриде, создав таким образом своего рода подчиненный суд, но в 1637 году поступило сообщение, что вопрос о создании трибунала был решен положительно, с добавлением комментария, что это сильно разозлит толедцев. [\[1298\]](#) К их

естественному противодействию, несомненно, следует отнести отсрочку того, что испанцу того времени показалось бы необходимостью для столицы. Вскоре после этого было организовано разбирательство по делу о конфискации Хуана Коте, начатое в Толедо, мы находим его 10 сентября 1640 года, на заседании в Мадриде, с Франсиско Сальгадо и Хуаном Адамом де ла Парра в качестве инквизиторов. В том же году они предложили, чтобы дело Бенито де Вальдепеньяса, которым они занимались, было направлено в Толедо, как более удобное для свидетелей, что и было сделано. [1299] Влияние толедан, несомненно, ответственно за действия Арсе-и-Рейносо вскоре после его вступления на престол в 1643 году, направленные на подавление нового трибунала и восстановление бизнеса в Толедо. [1300] Давление, однако, стало слишком большим, и Арсе и Рейносо был вынужден отменить свои действия. Датой восстановления можно с уверенностью считать 1650 год, поскольку список кающихся, составленный Кorte с самого начала, начинается с трех человек в 1651 году, и их судебные процессы вряд ли могли начаться позже 1650 года. [1301] Тем не менее, отношения между Толедо и Мадридом оставались интимными; в 1657 году Лоренцо де Сотомайор называет себя “Инквизитором Апостольским инквизиции Сьюдад-и-Рейно-де-Толедо и помощником Кorte”; до конца века первый всегда упоминал Кorte как *деспачо* или должность, а не как трибунал, и Corte, похоже, отправил своих осужденных в Толедо, чтобы их приговоры были опубликованы в *autos de fe*. [1302] Его юрисдикция была строго ограничена городом, в то время как окружающая местность оставалась за Толедо. В некоторых отношениях его организация была своеобразной. Примерно в 1750 году нам сообщили, что его инквизиторы были набраны из других трибуналов, которые продолжали работу в своих платежных ведомостях, а их места были заняты назначенцами, которые служили без жалования до тех пор, пока не образовалась вакансия. Избрание на службу в Corte рассматривалось как продвижение по службе, ведущее к месту в Suprema или епископству, хотя действующий получал только жалование от своего бывшего трибунала с рождественской *пропиной* в размере ста дукатов. У него не было получателя; Супрема оплатила его расходы и, предположительно, взыскала штрафы и конфискации. [1303]

Трибуналы

Сиенса. Мурсия и Куэнка изначально находились под одним трибуналом. Очевидно, возникли некоторые проблемы, возможно, связанные с епископальными ординариями, поскольку 22 января 1512 года Хименес приказал передавать дела, происходящие в Мурсии, в Куэнку для голосования, и наоборот. Льоренте говорит, что в 1513 году они были разделены, и Куэнка сформировала независимый трибунал, но документы, датированные 1519 годом, показывают, что они все еще были связаны, пока в 1520 году мы не обнаруживаем, что Куэнка празднует авто. В письме от 7 марта 1522 года говорится, что папа передал Куэнке престол Сигуэнса, не забирая его у Толедо, потому что Толедо никогда не посещал его, хотя и приказал сделать это, и не собирается делать этого в будущем. Затем, 31 мая 1533 года, Супрема говорит, что Толедо может осуществлять юрисдикцию там, не давая Куэнке повода для жалоб, и в 1560 году Сигуэнса была возвращена Толедо, однако в 1584 году мы обнаруживаем, что Куэнка осуществляет юрисдикцию на севере до Сории. По-видимому, между Мурсией и Куэнкой сохранялась какая-то связь, поскольку в 1746 году первая при перечислении своего персонала указала девять калификадоров в Мурсии и четырех в Куэнке. [1304]

Дарока. По-видимому, какое-то время в Дароке существовал трибунал, поскольку в отчетах Хуана Ройса, приемника Арагона, за 1498 год есть статья расходов на тамошнюю тюрьму инквизиции, которая была должным образом утверждена. [1305]

Дуранго. Увидеть Калаорру. По определению Хименеса, в 1509 году Дуранго обладал юрисдикцией над Бискайей, Гипускоа, Алавой и Калахоррой, а также некоторыми соседними округами. [1306]

Эстелла. Увидеть Наварру.

Галисия, также известная как Сантьяго. Самое раннее упоминание об этом трибунале встречается в приказе, изданном в Корунье 20 мая 1520 года доктору Гонсало Мальдонадо как инквизитору Сантьяго. Вероятно, прошло некоторое время, прежде чем трибунал заработал, но в 1527 году это вызвало достаточную тревогу, чтобы Верховный суд написал португальскому королю Жуану III с просьбой арестовать и выдать тех, кто бежал от него, и в том же году был выписан ордер на триста дукатов для распределения среди инквизиторов и должностных лиц инквизиции Галисии. За этим последовала аналогичная выплата в 1528 году, показывающая, что трибунал не был самоокупаемым. [1307] По-видимому, урожай был скудным, и трибуналу было позволено приостановиться, пока паника по поводу протестантизма не привлекла внимание к портам Северо-запада, как открывающим доступ еретикам и их книгам, поскольку мы больше ничего не слышим об этом до 1562 года, когда Филипп II в письмах от 2 и 26 июня сообщает губернатору и должностным лицам Галисии, что Вальдес отправил доктора Кихано там в качестве инквизитора; они больше не должны преследовать дела о ереси, как они это делали раньше, но должны оказывать ему всяческую помощь и благосклонность и позволять ему распоряжаться местами на своих общественных должностях по своему усмотрению, без споров о приоритете. В 1566 году мы слышим о Бартоломе де Леоне как о тамошнем приемнике, что указывает на то, что он работал и собирал коллекции. [1308] Тем не менее, у него была борьба за существование, поскольку он был прекращен в начале 1568 года, но он был восстановлен в течение нескольких лет, если Льоренте прав, говоря, что его первое аутодафе было отпраздновано в 1573 году. Письмо доктора Альва, его инквизитор, 31 октября 1577 года, говорит о том, что в предыдущем году Гийом ле Менье был приговорен, поскольку он был единственным инквизитором, по совету единственного консультанта, что показывает, что трибунал был скудно оснащен. [1309] В последующие годы он стал одним из действующих трибуналов королевства. Его округ включал Корунью, Понтеведро, Оренсе и Луго.

Гранада. Гранада после ее захвата была включена в состав инквизиционного округа Кордова, пока в 1526 году туда не был переведен трибунал Хаэна. [1310]

Гваделупа. В 1485 году здесь был организован временный трибунал, который за время своего недолгого существования был чрезвычайно эффективным (см. стр. 171).

Huesca. Увидеть Лериду.

Ласа. Очевидно, здесь существовал трибунал, который был присоединен к Сарагосе в 1521 году. [1311]

Хаен. Трибунал, должно быть, был учрежден здесь около 1483 года, поскольку два его инквизитора приняли участие в ассамблее Севильи, которая сформулировала Инструкции 1484 года. Похоже, что это было прекращено, поскольку 2 сентября 1501 года Фердинанд приказал некой донье Беатрикс Хаэнской оставить свой дом присланным туда инквизиторам и искать другое жилье, пока они не закончат дело, которое привело их туда. Это указывает на то, что предполагался только временный трибунал, но ситуация была удачно центральной, и он был одним из тех, которые были сохранены Хименесом при его реорганизации в 1509 году, когда он

передал ему округа Хаэн и Гуадикс с Алькарасом, Касорлой и Беасом. Он все еще существовал в 1525 году, о чем свидетельствует королевское письмо от той даты, но в 1526 году он был упразднен и объединен с Кордовой, а трибунал был переведен в Гранаду. В 1547 году официальное название трибунала было Кордова-и-Хаэн. Родриго говорит нам, что он был восстановлен независимо в 1545 году, но это, очевидно, ошибка, и это название больше не появляется в последующих списках трибуналов. [1312]

Трибуналы

Леон. В 1501 году мы слышим об “инквизиторах провинции Леон”, чей округ не мог быть ограничен этой провинцией, поскольку Фердинанд, в письме от 2 сентября “кузену герцогу” сообщает ему, что у них есть повод отправиться в его город Кория (Эстремадура), и просит, чтобы они могли занять его дом, пока там. В 1514 году также есть намек на приемника и альгуазилия инквизиции Леона. [1313] По-видимому, этот термин является синонимом трибунала Вальядолида.

Lérida. Провинции Уэска в Арагоне, Лерида и Уржель в Каталонии были объединены в инквизиционный округ по крайней мере еще в 1490 году, когда мы слышим о “инквизиторах Уэски и Лериды”, дающих показания. В 1498 году в письме Фердинанда от 8 октября сообщается о переводе Уржеля в Барселону. Упоминания о трибунале продолжают встречаться в переписке Фердинанда, который в 1502 году отозвал инквизитора, поскольку дел было так мало; Сарагоса займется ересью, и нужно оставить только финансовых чиновников. Однако это не было прекращено. В 1514 году была предпринята попытка убийства инквизитора, каноника Антиста, но в 1519 году к нему по-прежнему обращаются как к инквизитору Лериды. Однако в том же году Карл V в письме от 22 января говорит о том, что трибуналы Уэски, Таразоны и Лериды были объединены с трибуналами Сарагосы, и, когда жители Уэски пожаловались в кортах Сарагосы на то, что их граждан уводят для суда, он приказал, под страхом штрафа в тысячу флоринов, чтобы никто не вмешивался в юрисдикцию трибунала Сарагосы. 9 октября инспектор доложил, что там нет необходимости в приемнике или других должностных лицах, после чего все они были уволены. Однако в 1532 году инквизиторы Сарагосы обязались назначить приемника для Лериды, но Верховный суд велел им отменить это решение, поскольку это было функцией короны. [1314]

Logroño. В 1570 году, как мы видели, трибунал Калаорры был перенесен в Логроньо, который в 1690 году определил свою территорию как все королевство Наварра, епископства Калаорра и ла Кальсада, Бискайя, Гипускоа, Бургос вдоль гор Ока и морского побережья до Сан-Висенте-де-ла-Баркера, включив, таким образом, современные провинции Наварра, Гипускоа, Бискайя, Сантандер, Алава, Логроньо и большую часть Бургоса. [1315]

Льерена. Первоначально Эстремадура и Леон были объединены. В 1500 году Энрике Паес становится приемником епархий Пласенсии, Кории, Бадахоса и провинции Леон. В 1509 году Хименес присвоил Льерене статус округа, Пласенсии, Кория, Бадахосу и землям военных орденов, но уже в 1516 году о нем говорят как об инквизиции Леона, Пласенсии, Кория и Бадахоса. Первоначально его резиденцией была Льерена, но в 1516 году он был переведен в Пласенсию, и получателю было приказано продать дома, купленные в Льерене для строительства тюрьмы, потому что для этой цели в Пласенсии будут разыскиваться другие.

Однако он был миграционным, и в 1520 году жители Сьюдад-Родриго, Кории и Мерида были уведомлены, что он собирается покинуть Пласенсию, и куда бы он ни направлялся, должны быть предоставлены помещения для ночлега, зала аудиенций и тюрем. Наконец, он навсегда обосновался в Льерене, и ближе к концу шестнадцатого века Сапата говорит о нем как о первом трибунале королевства с самой широкой юрисдикцией. [1316]

Мадрид. Увидеть Корте.

Medina Del Campo. Огромное значение Медина-дель-Кампо как торгового центра сделало неизбежным ее выбор в качестве резиденции трибунала в ранний период. В 1486 году он был полностью обставлен, в нем работали три инквизитора и ассессор, настоятель Медины служил ординарцем. В 1516 году мы находим его присоединенным к Вальядолиду. Когда суд переехал в Вальядолид, для его размещения потребовались здания инквизиции, и в июне 1601 года трибунал был бесцеремонно отправлен в Медину, где доктора Мартина де Бустоса выгнали из его дома, чтобы разместить его. Его пребывание было недолгим, поскольку в 1605 году, как мы видели, он был переведен в Бургос, и более поздних следов трибунала в Медине не сохранилось. [1317]

Мурсия, также известная как Картахена. Смотрите также Куэнку. Мурсия была резиденцией одного из первых трибуналов, в который входили епархии Мурсии и Картахены. Куэнка, которая была присоединена к нему при переделе Хименесом в 1509 году, была отделена около 1520 года. Оран, спустя некоторое время после его завоевания Хименесом, был передан под юрисдикцию Мурсии. Престол Ориуэлы, хотя и принадлежал Валенсии, после его упразднения около 1510 года был объединен с престолом Картахены и, таким образом, перешел под юрисдикцию трибунала Мурсии, где и остался после восстановления епископских почестей в 1564 году. [1318] Трибунал Ориуэлы, естественно, последовал тому же курсу при его подавлении.

Трибуналы

Наварра. После завоевания Наварры в 1512 году в Пампелуне был учрежден трибунал, где он пробыл недолго. Затем, на короткий период, он был передан Эстелле. В 1515 году мы находим его в Туделе, где Фердинанд приказывает архидьякону Алмазана посетить его, поскольку он сильно нуждается в реформе, и вскоре после этого он просит делегировать епископальные полномочия, поскольку Тудела была всего лишь благочинием. Он был расквартирован в монастыре Сан-Франциско, для освобождения которого в 1518 году Верховный повелел построить соответствующие здания. В 1521 и 1522 годах ходили разговоры о переносе его в Пампелуну; затем он был распространен на Калахорру; вскоре после этого они были разделены, но, наконец, в 1540 году они объединились и так и остались. Вскоре после перевода в Логроньо мы обнаруживаем, что трибунал описывает себя как “en todo el Reyno de Navarra, Obispado de Calahorra, la Calzada и su distrito”. [1319]

Военно-морской флот. См. Армия.

Оран. Парамо рассказывает нам, что когда Хименес завоевал Оран, он назначил Фрая Йедру тамошним инквизитором. Льоренте относит это к 1516 году и называет инквизитора Мартина де Байдакара, провизора Хименеса. Однако в то время там не могло быть трибунала, поскольку 9 июля 1516 года губернатору Лопе Уртадо де Мендоса было приказано обнаружить и наказать тех, кто препятствовал продаже имущества для инквизиции, работа, которая была бы поручена

трибуналу, если бы таковой существовал. К этому времени он, вероятно, был подавлен и передан под управление Мурсии. [1320]

Orihuela. Согласно Льоренте, Фердинанд 7 августа 1507 года объединил трибунал епископства Ориуэла с Валенсией, что сделало бы вывод о его предыдущем существовании. Он был реорганизован в 1515 году, когда епископ Меркадер назначил Педро де лос Риоса инквизитором, и он был отправлен туда со штатом чиновников, а магистратам было приказано предоставить помещения для "el tiempo que fuere menester". Это указывает на то, что не ожидалось, что трибунал будет постоянным, и, вероятно, вскоре после этого он был объединен с Murcia, q. v. [1321]

Осуна. В 1488 году среди презентаций пребендам была презентация Педро Санчеса, квалифицированного как инквизитор Осуны. [1322] Такой трибунал мог просуществовать недолго и должен был быть быстро объединен с трибуналом Севильи.

Пампелуна. Увидеть Наварру.

Перпиньян. 9 августа 1495 года в Перпиньяне праздновали аутодафе, но его провели инквизиторы Барселоны. В 1518 году там был только комиссар, но в 1524 году был создан трибунал с Хуаном Наварду в качестве инквизитора и Антонио Салитедой в качестве секретаря. Однако он не был постоянным. В 1566 году, когда де Сото Салазар был отправлен с визитом в Барселону, ему было поручено выяснить и незамедлительно сообщить подробности в интересах инквизитора, который должен быть отправлен в Перпиньян для проживания в будущем, и какие должностные лица должны быть предоставлены для него. Сомнительно, было ли осуществлено это намерение; в любом случае оно было лишь временным. [1323]

Plasencia. Увидеть Льерену.

Сантьяго. Увидеть Галисию.

Saragossa. Основанный в 1484 году, трибунал постепенно поглотил все второстепенные трибуналы, но передал Теруэль Валенсии. See Barbastro, Calatayud, Daroca, Jaca, Lérida, Tarazona, Teruel.

Сеговия. Сеговия претендовала на честь быть одним из первых городов после Севильи, где был создан трибунал, но среди инквизиторов, собравшихся для формулирования Инструкций 1484 года, не было представителя оттуда, несомненно, из-за сопротивления епископа Хуана Ариаса Давилы. [1324], Должно быть, вскоре после этого была установлена, поскольку в 1490 году заключенные, обвиняемые в убийстве Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, находились там под судом, когда Торквемада перевел их в Авила. (См. Авила.) При перераспределении Хименесом в 1509 году Сеговия была включена в состав Вальядолида, но в 1544 и снова в 1599 годах инквизиторы Толедо включили ее в список своих юрисдикций. [1325]

Трибуналы

Sigüenza. В Сигуэнсе рано был учрежден трибунал, который, должно быть, был очень занят, если мы можем верить заявлению о том, что на аутодафе 1494 года сто сорок девять жертв перешли в руки светской власти. В 1506 году Деза уволил чиновников по той причине, что он собирался объединиться с Толедо, слияние, одобренное Ксиминесом в 1509 году. Толедо пренебрег этим, и суд был переведен в Куэнку, кв. v. В восемнадцатом веке там, по-видимому, существовал

какой-то подчиненный трибунал, поскольку примерно в 1750 году Сарагоса в отчете своего персонала утверждает, что один из ее пяти инквизиторов помогает в Сигуэнсе. [1326]

Tarazona. Трибунал, учрежденный здесь в ранний период, был объединен с трибуналом Сарагосы в 1519 году. [1327]

Таррагона. Когда в 1643 году инквизиторы Барселоны были изгнаны, их после некоторой задержки отправили открывать свой трибунал в Таррагоне, где они оставались до подавления каталонского восстания в 1652 году. [1328]

Теруэль. В 1485 году в Теруэле после некоторого сопротивления был учрежден трибунал. В какое время он был переведен в Валенсию, не указано, но седула от 2 октября 1502 года адресована инквизиторам Валенсии, проживавшим в Теруэле и Альбаррасине, что показывает, что в то время он находился в подчинении Валенсии. В 1518 году оно было прекращено, и округ перешел под прямую юрисдикцию валенсийского трибунала, но кардинал Адриан постановлением от 21 ноября того же года передал его Сарагосе, а затем, 3 марта 1519 года, вернул его Валенсии. Это было воспринято Арагоном как недовольство, и в 1533 году в суде Монсона он попросил вернуть Теруэль и Альбаррасин трибуналу Сарагосы, но просьба была категорически отклонена, и они остались в подчинении Валенсии. [1329]

Толедо. В 1485 году трибунал Сьюдад-Реаля был переведен в Толедо. Сначала границы этого района, кажется, не были четко определены, поскольку в 1489 году инквизиторам было приказано отправиться в Гвадалахару, и Фердинанд приказал местным властям проявить к ним благосклонность и разрешить им производить аресты. Посмотрите Корте, Куэнку, Сеговию, Сигуэнсу, Вальядолид, чтобы узнать о различных изменениях в их районе. В 1565 году официальное обозначение получили город и архиепископство Толедо, город и епископство Сигуэнса и епископства Авила и Сеговия, которые, по-видимому, оставались постоянными, за исключением отделения Мадрида. [1330]

Tortosa. По какой-то причине епископство Тортоса, хотя и являлось частью Каталонии, подчинялось трибуналу Валенсии. Когда в 1697 году Вандома захватила Барселону, трибунал эмигрировал в Тортосу и обосновался в Имперском колледже. Хотя вскоре после этого был объявлен мир, он оставался в Тортосе по крайней мере до 1700 года и, предположительно, оставался до завершения войны за наследство, когда был восстановлен в Барселоне в 1715 году. [1331]

Tudela. Увидеть Наварру.

Валенсия. Старая инквизиция Валенсии была реорганизована в 1484 году и продолжала действовать до конца. Как видно выше, "Ориуэла" уступила "Мурсии", получив "Теруэль" и "Альбаррасин" из Сарагосы и "Тортосу" из Барселоны.

ТРИБУНАЛЫ

Вальядолид. Трибунал был назначен в Вальядолид в 1485 году, но заработал только в 1488 году. После этого он был приостановлен, чтобы возродиться в 1499 году, как явствует из письма Изабеллы от 24 декабря 1498 года. Северные провинции Испании были сравнительно свободны от ереси, и Хименес в ходе своей реорганизации 1509 года выделил Вальядолиду огромный округ, включающий епархии Бургоса, Осмы, Паленсии, Сеговии, Авилы, Саламанки, Саморы,

Леона, Овьедо и Асторги, а также аббатства Вальядолид, Медина-дель-Кампо и Саагун. В 1516 году перечисление такое же, за исключением пропуска Саморы и добавления Сьюдад-Родриго и Калахорры. Грубо говоря, можно предположить, что она включает в себя все провинции Старая Кастилия, Леон и Астурия. Вальдес 8 августа 1560 года повторил передачу всего этого 12 апреля 1562 года Толедо, но грант мог быть только временным, поскольку в 1565 году толедские инквизиторы называли себя представителями города и архиепископства Толедо, города и епископства Сигуэнса, епископств Авила и Сеговии, а в 1579 году мы обнаруживаем, что инквизиторы Вальядолида называют себя инквизиторами королевств Кастилия и Леон и княжества Астурия. Этот огромный район он продолжал сохранять, за исключением самой восточной части, отошедшей к Калахорре или Логроньо, и ее перевода в 1601 году в Медина-дель-Кампо, а оттуда в Бургос, откуда она вернулась в Вальядолид, вероятно, около 1630 года.

[1332]

Херес. В 1495 году Родриго Лусеро описывается как инквизитор Хереса. В 1499 году монархи назначили Алонсо де Гевару инквизитором Кадиса и Хереса. Трибунал просуществовал там некоторое время. В 1515 году Фердинанд упоминает Луиса де Рибамартина, “нашего покойного приемника в инквизиции Хереса”, который, умирая, оставил казне наследство в размере 30 000 mrs. для успокоения своей совести. [1333] Я не встречал более поздних ссылок на нее, и, вероятно, вскоре после этого она была объединена с трибуналом Севильи.

II.

СПИСОК ГЕНЕРАЛЬНЫХ ИНКВИЗИТОРОВ.

1483. Thomás de Torquemada. Назначен в 1483 году. Умер 16 сентября 1498 года.

1491. Мигель де Морильо также был генеральным инквизитором в 1491 году.

Дополнительные генеральные инквизиторы, назначенные в 1494 году.

1494. Мартин Понсе де Леон, архиепископ Мессины. Умер в 1500 году.

Иньиго Манрике, епископ Кордовы. Умер 4 марта 1496 года.

Francisco Sánchez de la Fuente, Bishop of Avila. Умер в сентябре 1498 года.

Алонсо Суарес де Фуэнтельсас, епископ Хаэна. Ушел в отставку в 1504 году. Умер 5 ноября 1520.

1498. Диего Деза, архиепископ Севильи. Введен в строй 24 ноября 1498 года для Кастилии, Леона и Гранады и 1 сентября 1499 года для всей Испании. Ушел в отставку в 1507 году. Умер 9 июля 1523 года.

Разделение инквизиций Кастилии и Арагона.

Кастилия.

1507. Франсиско Хименес де Сиснерос, кардинал и архиепископ Толедо. Назначен 5 июня 1507 года. Умер 8 ноября 1517.

Арагон.

1507. Хуан Энгуэра, епископ Вича (из Лериды в 1511 году). Введен в эксплуатацию 6 июня 1507 года. Умер 14 февраля 1513 года.

1513. Луис Меркадер, епископ Тортосы.
Введен в эксплуатацию 15 июля 1513
года. Умер 1 июня 1516 года.

Брат Хуан Педро де Поуль, доминиканец
из провинции Арагон, также по
поручению Льва X. Умер в 1516 году.

1516. Адриан Утрехтский, кардинал и епископ
Тортосы. Введен в эксплуатацию 14
ноября 1516 года.

Воссоединение инквизиций Кастилии и Арагона.

1518. Кардинал Адриан Утрехтский. Введен в
эксплуатацию 14 марта 1518 года. Избран на
папский престол 9 января 1522 года.
Продолжал выступать до своего отъезда в Рим
из Таррагоны 4 августа 1522 года.

1523. Альфонсо Манрике, кардинал и архиепископ
Севильи. Введен в эксплуатацию 10 сентября
1523 года. Умер 28 сентября 1538 г.

1539г. Хуан Пардо де Тавера, кардинал и
архиепископ Толедо. Назначен 10 июня 1539
года. Введен в эксплуатацию 7 ноября 1539
года. Вступил во владение 7 декабря 1539 года.
Умер 1 августа 1545.

1546. Франсиско Гарсиа де Лоайса, архиепископ
Севильи. Введен в эксплуатацию 18 февраля
1546 года. Вступил во владение 29 марта 1546
года. Умер 22 апреля 1546 года.

1547. Фернандо Вальдес, архиепископ Севильи.
Назначен 20 января 1547 года. Вступил во
владение 19 февраля 1547 года. Ушел в
отставку в 1566 году. Умер 9 декабря 1568 года.

1566. Диего Эспиноса, кардинал и епископ
Сигуэнсы. Введен в эксплуатацию 8 сентября
1566 года. Вступил во владение 4 декабря 1566
года. Умер 15 сентября 1572 года.

1572. Педро Понсе де Леон-и-Кордова, епископ
Пласенсии. Сдан в эксплуатацию 7 декабря

	1572 года. Не вступил во владение; его справка поступила через четыре часа после его смерти, 17 января 1573 г.
1573г.	Гаспар де Кирога, кардинал и архиепископ Толедо. Введен в эксплуатацию 20 апреля 1573 года. Вступил во владение 28 мая 1573 года. Умер 12 ноября 1594.
1595.	Херонимо Манрике де Лара, епископ Авилы. Введен в эксплуатацию 1 августа 1595 года. Умер 1 ноября 1595.
1596.	Педро де Портокарреро, епископ Куэнки. Введен в эксплуатацию 1 января 1596 года. Ушел в отставку в 1599 году. Умер 20 сентября 1600 года.
1599.	Фернандо Ниньо де Гевара, кардинал и архиепископ Севильи. Введен в эксплуатацию 11 августа 1599 года. Вступил во владение 23 декабря 1599 года. Ушел в отставку в 1602 году. Умер 1 января 1609 года.
1602.	Хуан де Суньига, епископ Картахены. Назначен 29 июля 1602 года. Умер 20 декабря 1602.
1603.	Хуан Баутиста Асеведо, королевский духовник и патриарх Индии. Введен в эксплуатацию 20 января 1603 года. Умер 8 июля 1608 года.
1608.	Бернардо де Сандовал-и-Роксас, кардинал и архиепископ Толедо. Введен в эксплуатацию 12 сентября 1608 года. Умер 7 декабря 1618 года.
1619 год.	Луис де Алиага, королевский духовник. Введен в эксплуатацию 4 января 1619 года. Ушел в отставку в 1621 году. Умер 3 декабря 1626 года.
1622.	Андрес Пачеко, епископ Куэнки. Назначен 12 февраля 1622 года. Умер 7 апреля 1626 года.
1627.	Антонио де Сапата, кардинал и архиепископ Бургоса, 1600-1605. Введен в строй 30 января 1627 года. Ушел в отставку в 1632 году. Умер 23 апреля 1635 года.

1632.	Антонио де Сотомайор, королевский духовник и архиепископ Дамаска. Введен в строй 17 июля 1632 года. Вышел в отставку 21 июня 1643 года. Умер в 1648 году.
1643.	Диего де Арсе-и-Рейносо, епископ Пласенсии. Назначен 18 сентября 1643 года. Вступил во владение 14 ноября 1643 года. Умер 20 июня 1665 года.
1665.	Паскуаль де Арагон, архиепископ Толедский. Документ от 26 октября 1665 года составлен на его имя. Вскоре после этого ушел в отставку.
1666.	Хуан Эверардо Нитхардо, королевский духовник и кардинал. Назначен 15 октября 1666 года. Изгнан 25 февраля 1669 года в качестве посла в Риме. Умер в 1681 году.
1669 году.	Диего Сармьенто де Вальядарес, епископ Пласенсии. Введен в эксплуатацию 15 сентября 1669 года. Умер 29 января 1695 года.
1695.	Хуан Томас де Рокаберти, архиепископ Валенсии. Введен в эксплуатацию 2 августа 1695 года. Умер 13 июня 1699 года.
1699.	Alfonso Fernández de Córdova y Aguilar. Умер 19 сентября 1699 года, до прибытия своего резюме.
1699.	Бальтазар де Мендоса-и-Сандовал, епископ Сеговии. Введен в строй 31 октября 1699 года. Вышел в отставку в 1705 году. Умер 4 ноября 1727 года.
1705.	Видаль Марин, епископ Сеуты. Назначен 24 марта 1705 года. Умер 10 марта 1709 года.
1709.	Антонио Ибаньес де ла Рива-Эррера, архиепископ Сарагосы. Введен в эксплуатацию 5 апреля 1709 года. Умер 3 сентября 1710 года.
1711.	Франческо Джудиче, кардинал. Введен в строй 11 июня 1711 года. Вышел в отставку в 1716 году. Умер 10 октября 1725 года.
1715.	Фелипе Антонио Хиль де Табоада. Введен в

	строй 28 февраля 1715 года. Не служил.
1717.	Жозеф де Молинес. Провозглашен 9 января 1717 года, находясь в Риме. Задержан австрийцами в Милане и там умер. Juan de Arzamendi. Умер, не прислуживая.
1720.	Диего де Асторга-и-Сеспедес, епископ Барселоны. Введен в строй 26 марта 1720 года. Ушел в отставку в 1720 году. Умер 9 февраля 1724 года.
1720.	Хуан де Камарго, епископ Пампелуны. Введен в эксплуатацию 18 июля 1720 года. Умер 24 мая 1733 года.
1733.	Андрес де Орбе-и-Ларреатеги, архиепископ Валенсии. Введен в эксплуатацию 28 июля 1733 года. Умер 4 августа 1740.
1742.	Мануэль Исидро Манрике де Лара, архиепископ Сантьяго. Введен в эксплуатацию 1 января 1742 года. Умер 10 января 1746 года.
1746.	Франсиско Перес де Прадо-и-Куэста, епископ Теруэля. Назначен 26 июля 1746 года. Введен в эксплуатацию 22 августа 1746 года. Умер в июле 1755 года.
1755.	Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсалии. Введен в строй 11 августа 1755 года. Вышел в отставку в 1774 году. Умер 18 декабря 1775 года.
1775.	Фелипе Бельтран, епископ Саламанки. Назначен 27 декабря 1774 года. Введен в эксплуатацию 27 февраля 1775 года. Вступил во владение 5 мая 1775 года. Умер 30 ноября 1783 г.
1784 г.	Агустин Рубин де Севальос, епископ Хаэна. Назначен 23 января 1784 года. Введен в эксплуатацию 17 февраля 1784 года. Вступил во владение 7 июня 1784 года. Умер 8 февраля 1793 г.
1793 г.	Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Селимбрии. Вступил во владение 11 мая 1793

	года. Ушел в отставку в 1794 году. Умер 12 января 1806.
1794.	Франсиско Антонио де Лоренцана, архиепископ Толедский. Вступил во владение 12 сентября 1794 года. Ушел в отставку в 1797 году. Умер 17 апреля 1804.
1798.	Рамон Хосеф де Арсе-и-Рейносо, архиепископ Сарагосы. Ушел в отставку 22 марта 1808 года. Умер в Париже 16 февраля 1814 года.
1814.	Ксавье Миер-и-Кампильо, епископ Альмерии. Вступил во владение в августе 1814 года. В ряде документов он перестает появляться примерно в июне 1818 года, и в течение нескольких месяцев Супрема действует как вакантный.
1818.	Херонимо Кастельон-и-Салас, епископ Таразоны. Самый ранний документ, в котором я встречал его подпись, датирован 21 октября 1818 года. У него не было преемника, и он умер 20 апреля 1835 г.
1755 г.	Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсалии. Введен в строй 11 августа 1755 года. Вышел в отставку в 1774 году. Умер 18 декабря 1775 года.
1775.	Фелипе Бельтран, епископ Саламанки. Назначен 27 декабря 1774 года. Введен в эксплуатацию 27 февраля 1775 года. Вступил во владение 5 мая 1775 года. Умер 30 ноября 1783 г.
1784 г.	Агустин Рубин де Севальос, епископ Хаэна. Назначен 23 января 1784 года. Введен в эксплуатацию 17 февраля 1784 года. Вступил во владение 7 июня 1784 года. Умер 8 февраля 1793 г.
1793 г.	Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Селимбрии. Вступил во владение 11 мая 1793 года. Ушел в отставку в 1794 году. Умер 12 января 1806.

1794.	Франсиско Антонио де Лоренцана, архиепископ Толедский. Вступил во владение 12 сентября 1794 года. Ушел в отставку в 1797 году. Умер 17 апреля 1804.
1798.	Рамон Хосеф де Арсе-и-Рейносо, архиепископ Сарагосы. Ушел в отставку 22 марта 1808 года. Умер в Париже 16 февраля 1814 года.
1814.	Ксавье Миер-и-Кампильо, епископ Альмерии. Вступил во владение в августе 1814 года. В ряде документов он перестает появляться примерно в июне 1818 года, и в течение нескольких месяцев Супрема действует как вакантный.
1818.	Херонимо Кастильон-и-Салас, епископ Таразоны. Самый ранний документ, в котором я встретил его подпись, датирован 21 октября 1818 года. У него не было преемника, и он умер 20 апреля 1835 года.

Подпись Последнего генерального инквизитора.

Херонимо Кастильон-и-Салас

III.

МОНЕТЫ ИСПАНСКОЙ ЧЕКАНКИ.

Вопрос о ценностях играет важную роль в столь многих операциях инквизиции, что краткое описание последовательных чеканок Испании становится почти необходимостью. Этот вопрос осложняется после середины шестнадцатого века постепенным, но неустойчивым обесцениванием *монеды де веллон*, или базовой чеканки монет, которая стала практически стандартом стоимости во всех транзакциях.

Денежной единицей Кастилии был *мараведи*, в древности имевший ценность золотой монеты, но в пятнадцатом веке уменьшившийся до доли от своего прежнего номинала. В декларации Фердинанда и Изабеллы от 1503 года говорится, что раньше серебряный реал равнялся 3 мараведи, но теперь он стоит 34. [\[1334\]](#)

Единицей веса была выжимка, или полфунта, весом 8 унций, или 4608 зерен. Промежуточными весами были *очаво* из 72 зерен, *адарме* из 36 и *томин* из 12. Они были применимы ко всем драгоценным металлам, но до 1731 года считалось, что марка золота содержит 50 *кастелланосов* по 8 *томинов*, что составляет 4800 зерен, в результате чего зернистость уменьшилась на $\frac{1}{25}$.,.,

Стандарт пробы золота был установлен Фердинандом и Изабеллой на уровне 23½ карата, но был снижен Карлом V до 22 карат, на котором он и остался. Для серебра стандарт, поддерживаемый с четырнадцатого века, был известен как *когда-то dineros cuatro granos* (чистое серебро - это *doce dineros*), что эквивалентно 925 пробы. В 1709 году Филипп V сократил его до *одного dineros* или .91667, а в некоторых тиражах даже ниже.

Золотые монеты. Когда Фердинанд и Изабелла пересмотрели чеканку монет в 1497 году, они приказали превратить марку в 65½ *excelentes de la granada*. Эта монета стоила 374 мараведи и, таким образом, была практически такой же, как дукат или эскудо, которые оценивались в 374. Были также *добла альфонси* или *кастеллано* или *песо де оро*, равнявшиеся 485, *добла де ла банда* равнялась 365, флорин - 265. Таким образом, дукат, который был наиболее часто котируемой монетой, был эквивалентен 11 серебряным реалам. Соотношение между золотом и серебром колебалось от 7 до 8 к 1.

ИСПАНСКАЯ ЧЕКАНКА

В 1537 году Карл V заказал *короны* и *эскудо* весом 22 карата, которые были обработаны с точностью до 68 марок и стоили 330 мараведи, что, по его словам, соответствовало весу и тонкости лучших корон Италии и Франции. В связи с постепенным снижением стоимости серебра закон Филиппа II о чеканке монет в 1566 году повысил стоимость эскудо с 330 до 400 евро. Старые дукаты должны были стоить 429 долларов, *кастелланосы* - 544. Тенденция к снижению курса серебра продолжалась, и в 1609 году Филипп III разрешил перевести эскудо в разряд 440 млн., пригрозив трехлетним изгнанием и штрафом в 500 дукатов за то, что тот попросит или получит больше. В 1612 году он разрешил продавать *кастеллано* в слитках за 576 млн. под теми же штрафами за превышение этой суммы. Эскудо или крона оставались стандартной золотой монетой. В 1642 году он был увеличен до 550 млн., в 1643 году - до 612, а затем снижен до 510 из-за различий в чеканке серебряных и веллонских монет. В 1651 году он оценивался в 16 серебряных реалов, в 1652 году - в 14, в 1686 году - в 15, но с новой чеканкой монет из серебра более легкого веса он был повышен до 19, *адоблон*, или монета в 2 эскудо, - до 40 реалов. Для более крупных сделок были выпущены кратные эскудо суммы, известные как *doblon* *de a dos*, *de a cuatro* и *de a ocho*, содержащие соответственно 2, 4 и 8 эскудо. Последние, которые стали широко известны как испанский дублон, были оценены в 1726 году в 18 *песо* или восемь серебряных реалов, в 1728 году в 16, в 1737 году в 15 и в 1779 году снова в 16, дублон и *песо* были практически одинакового веса, каждый на долю меньше унции. В 1738 году, чтобы восполнить нехватку серебряных денег, были отчеканены золотые полукроны стоимостью в веллоне 18 реалов 28 млн. Эта дробь была проблематичной, и в 1742 году вес был изменен, чтобы соответствовать 20 реалам, и монеты стали известны как *veintenos* или *escuditos*.

Серебряные монеты. Серебряной единицей был реал, который, согласно законам о чеканке монет Фердинанда и Изабеллы, составлял 67 серебряных марок, 11 динаров 4 грана штрафа (0,925), стоимостью 34 мараведи. Долгое время этот стандарт сохранялся, но из-за неумелого управления финансами при Филиппе IV вес был снижен за счет того, что марка была разделена

на 83 реала и 1 квартильо ($83 \frac{1}{4}$ реала), при этом стоимость старых монет, находящихся в обращении, была увеличена на 25%. в стоимости, сделав песо эквивалентным 10 реалам вместо 8, но поскольку это не принесло ожидаемого облегчения, оно было приостановлено в 1643 году, чтобы быть повторно опробованным в 1684 году, когда реал был снижен до 84 к марке, а старая чеканка была оценена от 10 до 8 к новой. В 1709 году мы впервые слышим о *песете* как названии, применяемом к французской монете, введенной в обращение во время войны за наследство, номиналом в 2 реала, и впоследствии использовавшейся для обозначения двойного реала испанской чеканки. В то же время стандарт был снижен до 11 динаро, или .91667 штрафа. В последующие годы правления Филиппа V вариации в чеканке серебряных монет были многочисленными и вызывали недоумение. Песо, эскудо де плата, или кусок в 8 реалов, был ведущей монетой, и в 1726 году было приказано, чтобы он, независимо от того, отчеканен ли он в Индии или в Испании, был обращен за $9\frac{1}{2}$ реала, и, поскольку это не приравнивало его к золоту, в 1728 году он был объявлен равным 10 реалам. Однако теперь это касалось только чеканки монет в Индии, которая стала известна как *национальная плата*; мелкая чеканка испанских монетных дворов называлась *провинциальной*, и ей разрешалось оставаться в обращении со скидкой в 20%. Оно стоило 77 реалов за выжимку, а проба составляла всего 10 динаро, сниженная в 1728 году до 9 динаро, 22 зерен или 0,798 пробы, что на самом деле составляет всего около трех четвертей от стандартной. Таким образом, сосуществовали две совершенно разные серебряные валюты, и к ним была добавлена третья, широко известная как *Marias* — “плата новая, вульгарная для ламан Мариас”, — которая была введена указом от 27 апреля 1728 года, но которая все еще находилась в обращении в 1736 году. В этих обстоятельствах при указании сумм в серебре потребовалась значительная осторожность, чтобы определить точный вид монеты, поскольку, например, в законе о чеканке монет от 16 июля 1730 года нам сказано, что пособие на расходы должностному лицу, известному как Фил, составляло “un real de plata provincial, valor de 16 quartos de vellón”. Фактически, как мы увидим, обесцененная чеканка монет, известная как *веллон*, стала настоящим стандартом финансовых операций.

В более поздние периоды это упростит оценку регистрируемых сумм, чтобы напомнить читателю, что *песо*, или монета в 8 реалов, является современным долларом, а реал, или одна восьмая его часть, - это монета, издревле известная в различных частях Соединенных Штатов как “бит”, “одиннадцатипенсовая монета”, сокращенная до “леви”, девять пенсов или шиллинг. Мараведи составлял $\frac{1}{34}$ от этого, или около $\frac{3}{8}$ одного цента.

В колониях часто упоминается *песо энсайадо* в отличие от *песо де очо*, которое, как я понимаю, представляет собой монету стоимостью 400 мараведи, или почти $11\frac{1}{2}$ реалов — чуть больше дуката.

ИСПАНСКАЯ ЧЕКАНКА

Чеканка веллонских монет. Обесцененная чеканка, известная как веллон, представляла собой сплав серебра и меди, что стало источником невыразимой путаницы в испанских финансах. Как мы находим, это было предписано Фердинандом и Изабеллой в 1497 году, это всего лишь символическая монета, удобная для мелких сделок, состоящая из 7 гран серебра к марке меди, превращенная в 192 *бланки*, при этом бланка составляет половину мараведи. Поступали жалобы на то, что серебро экспортировалось с прибылью, так что стало дефицитным, и в 1552 году Карл V, чтобы исправить это, снизил цену серебра до 5 гранов. Экстравагантные расходы Филиппа II

побудили его ухватиться за любое средство для удовлетворения насущных потребностей, и в 1566 году он применил неудачный прием выпуска *moneda de vellón Рика*, в которой 2½ dineros, 2 грана (98 зерен) серебра к марке меди, которые должны быть переработаны в *квартильо*, 80 к марке (стоимостью ¼ реала или 8½ мараведи), в *кварто*, 170 к марке (стоимостью 4 мараведи) и *медио кварто*, 340 марок (стоит 2 мараведи). В *Бланкас* или половина *maravedís*, были сохранены, а серебра в них было снижено до 4 зерен Марк, работал в 220 штук. Хотя, по-видимому, в Веллоне никогда не выпускались монеты крупнее, чем те, которые были разрешены Филиппом II, поток этих некачественных денег вытеснил драгоценные металлы. Он стал основой всех внутренних транзакций, и драгоценные металлы были сведены практически к статусу товаров. В 1602 году была произведена повторная чеканка этой монеты, в которой серебро было опущено и введено в принудительное обращение по цене 7 к 2. При всей мощи Испании, опирающейся на сокровища Нового Света и находящейся в руках автократической монархии, было невозможно поддерживать столь порочную и искусственную валюту по номиналу, и в течение семнадцатого века последовала серия самых отчаянных попыток исправить зло, наносившее ущерб торговле и промышленности страны. [1335] В 1619 году было дано торжественное обещание, что в течение двадцати лет больше не будет выпускаться ничего пагубного — обещание, которое было нарушено и возобновлено только в 1632 году. В 1625 году, под угрозой самых суровых наказаний, надбавка к золоту и серебру была ограничена 10 процентами, а в 1628 году номинальная стоимость была снижена вдвое, но в 1636 году допустимая надбавка к серебру была признана равной 25 процентам, сразу после чего чеканка веллонских монет была обновлена и их стоимость утроилась. В 1640 году надбавка была разрешена в размере 28%. а в 1641 году была проведена еще одна переоценка, и стоимость была удвоена, после чего надбавка была признана равной 50%. В некоторых находящихся передо мной отчетах о жалованье и расходах Высшего Совета инквизиции, не датированных, но, очевидно, относящихся к этому периоду, приведенные цифры при суммировании увеличиваются, в одном случае на 28 процентов. а в другом - на 50, чтобы привести их в соответствие с валютой, в которой они должны были быть выплачены. В других ведомостях некоторые товары указаны как подлежащие оплате в *веллоне*, а другие - в *плате*. В попытке привести веллон в соответствие с номиналом в 1642 году его стоимость была внезапно снижена до одной шестой от его нынешней стоимости, а затем, в 1643 году, она была увеличена в четыре раза. Это привело к тому, что в 1647 году надбавка составила 25%, но когда в 1651 году ее снова обновили и вернули стоимость, которую она имела до 1642 года, надбавка выросла до 50%. В июне 1652 года была предпринята еще одна попытка сократить его до одной четвертой, но это, похоже, провалилось, и в ноябре действие эдикта было приостановлено. В 1660 году его дальнейший выпуск был приостановлен, и эксперимент был снова опробован со сплавом, содержащим 20 зерен серебра в пересчете на клеймо, или около $\frac{1}{230}$, which became known as *moneda de molino de vellón ligado*,... Это было настолько неудачно, что в 1664 году его номинальная стоимость была снижена наполовину, а все остальные валюты веллона были запрещены, в то время как в феврале 1680 года было произведено еще большее снижение на 75 процентов. была упорядочена его стоимость, и в мае его использование было запрещено, было объявлено, что он не имеет ценности в качестве валюты, а надбавка составляет 50 процентов. была разрешена в отличие от других веллонских монет, которые все еще продолжали находиться в обращении. Это продолжалось четыре года, когда в 1684 году *монета молино* была возвращена в обращение с номинальной стоимостью, вдвое превышающей предыдущую. [1336] С восемнадцатого века от попытки легирования меди небольшим количеством серебра отказались. В 1718 году были выпущены монеты из чистой меди, и к этому времени надбавка к

звонкой монете, признанная законом, возросла почти до 100 процентов. Несмотря на запреты просить или получать больше этого, люди были вынуждены платить больше. Торговцы хранили медные монеты завязанными в мешочки, представляющие собой более крупные монеты, и отказывались поставлять последние без предоплаты. [1337] Премия постепенно росла, пока в 1737 году *провинциальный* реал-де-плата не был юридически признан равным 2 реалам де веллон, а *национальный* - 2½. Хотя не существовало чеканных веллонских реалов, они были стандартными расчетными деньгами, на которых основывались все операции. В законах, регулирующих деятельность монетных дворов, заработная плата должностных лиц всегда указывается в веллонах. Таким образом, в 1718 году у суперинтенданта монетного двора Мадрида было 24 000 веллонских реалов, у казначея - 16 000 и так далее. В 1728 году суперинтенданту разрешается 500 эскудо де веллон, контадору - 400 и т.д. В 1730 году предусмотрено, что сумма в 120 000 веллонских реалов должна быть передана в руки казначея для покрытия текущих расходов, и он должен предоставить обеспечение в размере 20 000 веллонских дукадо под залог необремененной недвижимости. Из этого следует, что, когда вид монеты не указан, могут возникнуть некоторые трудности в оценке стоимости упомянутой денежной суммы. Разница между серебром и веллоном продолжала увеличиваться. В 1772 году, когда была выпущена новая чеканка золотых и серебряных монет, золотой эскудо стоимостью 16 реалов де плата был объявлен равным 37½ реалам де веллон.

С революцией старая чеканка монет прекратилась и была заменена десятичной системой, *лесета* и *сентимо* были эквивалентны французским франкам и сантимам. Тем не менее, цены по-прежнему указаны в реалах, которые сейчас оцениваются в 25 сентимо, или около 5 центов американских денег.

Нет ничего труднее, чем точно установить изменение покупательной способности денег, но, возможно, цена рабочей силы дает наиболее надежный стандарт. В пятнадцатом веке это, по-видимому, составляло около 6 мараведи в день. В восемнадцатом веке обычные рабочие, занятые на монетных дворах, получали 3½ реала де веллон в сутки, в то время как тем, кто занимал более конфиденциальные должности, такие как сторожа, платили 6. [1338]

Как само собой разумеющееся, королевства Арагонской короны имели свои независимые системы чеканки монет, которые были основаны на старых подразделениях марки, распространенных почти повсеместно, на *либры*, *суэльдо* и *динеро*, или фунты, шиллинги и пенсы, по 20 суэльдо к весам и 12 динеро к суэльдо. В документах раннего периода отмечаются частые колебания в соотношении между этими монетами и кастильской системой, но, как правило, к дукату приравнивалось 20 арагонских суэльдо, что, следовательно, было эквивалентно весам. В Каталонии *суэльдо барселоненсе* равнялся 24 дукатам, а также существовала монета, известная как *морабат*, равная 9 суэльдо. Унификация валюты по всей монархии была желанной целью, которой долгое время мешал упрямый партикуляризм провинций. Это было особенно трудно осуществить в Каталонии, где чеканка веллонских монет была в значительной степени ослаблена союзниками во время их длительной оккупации княжества в войне за наследство. Эдикт 1733 года сообщает нам, что каталонский реал насчитывал 24 динаро, но большинство из находившихся в обращении монет 1653 года были заменены союзниками, чтобы удвоить их номинальную стоимость. Они также отчеканили *каталонские динериллы* из того же сплава серебра, что и чеканка 1653 года, но только вдвое

меньшего веса, но имевшие хождение по полной стоимости. Эдикт осуждает *закусочные* как Арагона, так и Каталонии как недопустимое злоупотребление и с излишним акцентом предписывает немедленно отказаться от их использования в Арагоне и Каталонии, как только будет выпущено достаточно веллонских денег, чтобы занять их место. Усилия оказались тщетными, поскольку другой указ 1737 года приравнивает динерильо Арагона и Валенсии к кастильскому *очаво*, или кусочку из 2 мараведи, а динерильо Каталонии - к 1 мараведи. В 1743 году, вследствие споров, возникших между войсками, расквартированными в Каталонии, и крестьянами, было приказано, чтобы кастильские деньги веллона свободно обращались в Арагоне, Каталонии и на Майорке. Еще в 1772 году был издан указ, запрещающий местную чеканку мелких монет Валенсии и предписывающий заменить их кастильскими деньгами, но это было настолько неудачным, что в 1777 году за ним последовал указ, ограничивающий использование этих монет в Валенсии и запрещающий их обращение в других местах. Когда произошла унификация валюты, четко не указано, но, вероятно, этого не было до пересмотра денежной системы в нынешнем столетии.

Старый *крузадо* Португалии, на который иногда ссылаются, был практически таким же, как испанский дукат.

ДОКУМЕНТЫ.

Я

Письмо короля Фердинанда генеральному инквизитору Торквемаде, 22 июля 1486 г.

(См. стр. [132](#), [254](#), [291](#)).

(Archivo General de la Corona de Aragon, Registro 3684, fol. 102).

El Rey.

Девото падре Приор. Vuestra carta vi e las otras de los otros inquisidores de Çaragoca y el memorial que vos embiaron. A la carta vuestra con otra de mi mano vos respondo e a las de los inquisidores e mandado responder e será la carta con la presente. E quanto a lo del memorial ó instruccion que escriben sobre lo que Don Juan de Ribera no faze la guerra fasta haber carta de mano mia e de la serenissima reina mi muy cara e muy amada mujer luego le ascribieramos salvo porque toda la gente suya havemos mandado venir para donde himos y sin gente ninguna cosa podria hazer. Plazera a nuestro senyor que con nuestra ida se remediará presto e volverse ha la gente a la frontera de Navarra e luego mandaremos a Don Juan que apriete a los de Tudela en guisa que fagan la razon. Quanto a lo que scriven en el tercero capitulo de la limosna que les parece se debe facer de sus bienes a los pobres penitenciados imponiendolos alguna pecuniaria sentencia, porque los conversos de aquella ciudad son muy conocidos y podria ser que allá les dieren a entender una cosa por otra me parece que les debeis escribir que envien relacion de quien son, especificando los nombres de cada uno e que bienes tienen e quantas sentencias e que penitencia les parece que se debe dar a todos e a cada uno dellos, porque, sabida la relacion de todo ello se podrá mejor determinar lo que en ello se debe facer. Quanto a la particion de los bienes dentre marido e muger quando el uno es sentenciado y el otro se falla immune porque es cosa que esta en drecho y en fuero del reino me parece que lo debeis mandar veer a micer Ponce y otros letrados y que sea menester y mas convenga. Quanto al cinqueno capitulo

que fabla de las carceles perpetuas es muy gran razon que se faga e yo enbio a mandar al receptor que las faga. Quanto al sexto capitulo en que dicen que se embie a mandar que se ha de dar a los encarcerados para su mantenimiento me parece escriban aca su parecer y entonce sobrello podremos determinar lo que paresca mas razonable. Quanto al seteno que dicen que han tomado un hombre para tormentar porque dicen que los nuncios no lo quieren facer ni fallan quien lo faga, me parece que por scusar tantos salarios devrian echar uno de los nuncios e que la persona que han tomado para tormentar sirviere de nuncio e se le diese el mismo salario e puesto que esto no se puede facer se debe limitar el salario, porque seiscientos sueldos es muy sobrado salario. Quanto al ocheno capitulo en que fabla del salario de Don Ramon de Mur es justa cosa que pues que bien sirve sea muy bien pagado, e se le den dos mil sueldos de salario. Quanto al noveno capitulo que fabla de los porteros estoy maravillado que pagando tan gran salario como se pagó al aguacil allende aquello se hayan de pagar porteros que acá como sabeis todo esta a cargo del aguacil. Debeis les mucho encargar a los inquisidores que lo miren porque se asi no lo fazen mas montarán los salarios que proceda de la inquisicion. Quanto al deceno capitulo que dice que han de facer e fazen un lugarteniente de aguacil para enviar de fuera, parece que se les debe escribir que en las cosas que buenamente escusar se pudieren lo deben escusar, haciendo ir a ello al alguacil principal, pero no pudiendo ir el fagase un lugarteniente como lo acostumbran de facer, pero sea el salario lo menos que ser pueda porque bien mirado son muy excesivos los salarios que se pagan a la inquisicion. En lo que dicen que tengo fecha merced de los bienes de Pedro de Urrea saben poco en la verdad porque es cierto que de aquellos ni de otros tengo fecha merced a nadie. Quanto al onceno capitulo en que demandan carta de marca e represalia para Tudela por el negocio de Martin de Santangel ha de preceder carta requisitoria la qual debeis mandar ordenar allá a micer Ponte y enviandola aca luego se despachará. En el dozeno esta ya respondido y quanto a lo que escriben en el treceno que no han egecutado los matadores de maestre Epila pluguierame mucho que vos escribieran las causas porque. Quanto al catorceno capitulo en que escriben que seria bueno que fuere maestro Crespo a entender en la inquisicion con el abad de Barbastro, buen hombre es sin duda e pareceme bien que vaya e asimismo me parece bien micer Tristan de la Porta para que vaya a fazer assesor como lo escriben en el quatorceno capitulo que buen letrado es e hombre de buena fama. En el dezeseyseno e ultimo demandan un escribano para los bienes que se han de litigar por justicia y lo han de determinar ellos como jueces. Verdaderamente demandan tantos oficiales y acrecentamiento de tantos salarios que es menester que se mire mucho en ello, mayormente que es cierto segun Camanyas me ha dicho que los escribanos de la inquisicion sienten a injuria que otro entiende en el dicho negocio sino ellos, mayormente que podrian poner en ello criado suyo de quien se confien. Si en todo lo sobredicho o en algo dello vos parece otra cosa vedlo alla y escrivitme vuestro parecer porque sobre todo se mire e se faga lo mejor.

Camanyas me dijo como vos habia fablado sobre los Judios de Teruel que les han mandado ir dentro de termino de tres meses e que dize se fizo con voluntad mia. Essa es la verdad que assi me plugo e me plaze dello e nunca será de otro parecer; verdad es que en lo del tiempo tienen razon porque creo que en tampoco tiempo no podrian pagar y cobrar deudas maiormente teniendo como tienen censales, ni podrian vender las casas y heredamientos que tienen e por esso sera bien si asi a vos paresciere que se les den otros seis meses de tiempo sobre los tres que los inquisidores han dado porque de aquellos segun dicen ha pasado ya buena parte. Vedlo vos e si os paresciere bien asi fagase. E por agora no ocurre otro que escribir salvo que vos ruego mucho que de la salut de vuestra persona continuamente me fagais sabidor. Del Viso á XXII de julio de LXXXVI años. Yo el Rey. Por mandado del Rey. Каманьяс.

II.

Эдикт от 30 мая 1492 г., регулирующий поселения с изгнанными евреями.

(Biblioteca Nacional de España, Sección de MSS., Dd, 108, fol. 126).

(См. стр. 136).

Don Fernando et Doña Isabel, por la gracia de Dios Rey et Reyna de Castilla, etc.

Al Nuestro Justicia Maior et a los de nuestro Consejo et oydores de la nuestra Audiencia, Alcalles et otras Justicias de la nuestra Casa et Corte et Chancelleria e a los Corregidores e Asistentes, Alcalles, Merinos, Alguaciles et otras Justicias qualesquier de las Cibdades e Villas e Logares de los nuestros Reynos e Señorios et a cada uno et qualquier de vos a quien esta nuestra Carta fuere mostrada o su traslado signado de escrivano publico, Salud e gracia. Bien savedes et deveis saber como nos por algunas justas cabsas que a ello nos movieron complideras al servicio de Dios e nuestro e bien e pro comun de nuestros Reynos e nuestros subditos e naturales dellos, mandamos por nuestras cartas firmadas de nuestros nombres et selladas con nuestro sello, que todos los Judios et moradores y estantes en los dichos nuestros Reynos e Señorios salgan dellos de aqui ha en fin del mes de Jullio primero que viene deste presente año de la Data desta nuestra carta, so ciertas penas contenidas en las dichas nuestras Cartas. Agora por parte de algunas aljamas de los dichos Judios et personas particulares dellos nos es fecha relacion que ellos deven e son obligados a dar e pagar algunas contias de maravedises et otras cosas ha algunas personas Christianas e Moros nuestros subditos e naturales et ellos et otras personas les deven a ellos otras quantias de maravedises et otras cosas et que ellos no tienen con que pagar salbo con las dichas debdas et algunas bienes raices, et que si aquellos e las dichas debdas non les oviesen de recibir en pago por su justo precio et valor que recibirian agravio e daño, et nos fue suplicado que cerca de ello les mandasemos proveer de remedio como la nuestra merced fuese. Et porque nuestra merced e voluntad es que lo que asi mandamos cerca de salir de los dichos Judios se cumpla en el dicho termino et en ello non se ponga impedimento alguno, tovimoslo por bien. Por que vos mandamos a todos et a cada uno de vos en nuestros logares e jurisdicciones que luego que con esta nuestra carta o con el dicho su traslado signado como dicho es, fueredes requeridos, la qual mandamos que vos sea notificada dentro de veinte dias primeros siguientes de la data della fagais pregonar publicamente por ante escrivano publico por las Plazas e Mercados e otros logares acostumbrados que todos los Christianos e Moros a quien deven los dichos Judios qualesquier debdas, o Judios a quien devan Christianos o Moros otras debdas parescan et se presenten ante vos las dichas Justicias donde biben los deudores a pedir e liquidar et averiguar las debdas et otras abciones que los unos deban a los otros, las quales liquides e averigues et llamadas et oidas las partes, procediendo en la liquidacion simplemente et de plano sin estrepitu et figura de juicio, solamente sabida la verdad, por manera que todas las dichas debdas et abciones sean liquidadas et averiguadas e sentenciadas fasta mediado el dicho mes de Jullio primero que viene y las que hallardes que los plazos a que se han de pagar fueren llegados o llegaren al dicho termino, las hagais luego dar e pagar a las partes que lo ovieren de aver por las personas que las deven, et los Judios que non tovieren bienes muebles et semovientes para pagar lo que asi devieren castigades et apremiedes et costringades a los dichos Christianos e Moros a que tomen et resciban en pago de sus debdas otras debdas liquidadas con las partes que se deven a los Judios por Christianos o Moros, o en bienes rayces apreciados por su justo precio e valor por vos las dichas Justicias con dos buenas personas que en ello entiendan et con tanto que los dichos Vienes rayces que asi se dieren en pago

apreciados sean en lugares donde son vezinos et abitantes las personas a quien se deven las dichas debdas. Et en las debdas que se debieren por los dichos Judios que non llegaren los plazos durante el dicho termino de fasta mediado el dicho mes de Jullio, den seguridad dellas a vista de vos las dichas Justicias para las pagar a los plazos que las devieren et sinon dieren la dicha seguridad paguen luego las tales debdas, pues se han de ir et despues non avrian contra quien aver recurso. Et en quanto a las debdas que se deben a los dichos Judios por Christianos o Moros que non fueren llegados los plazos nin llegaren dentro del dicho termino, hazed que quede averiguado e liquidado segund dicho es para que puedan dexar los dichos Judios sus procuradores Christianos o Moros o persona en quien cedieren o traspasasen las tales debdas o otros sus bienes et abciones para que las cobren a los plazos et segund et en la manera que los deudores les estavan et fueron obligados para la qual todo que dicho es con todas sus incidencias et dependencias vos damos poder cumplido, lo qual todo haced et complid sin embargo de qualesquier leyes, fueros e derechos e ordenamientos que en contrario desto sean, con las quales et con cada una dellas dispensamos et las derogamos en quanto a esto atañe, quedando en su fuerza e vigor para delante. Et los unos nin los otros non fagades nin fagan endeal por alguna manera so pena de la nuestra merced et de diez mill maravedises para la nuestra camara al que lo contrario fisiese. Et demas mandamos al ome que les esta nuestra carta mostrare que los emplase que parescan ante nos en la nuestra Corte doquier que nos seamos del dia que los emplasasse fasta quinze dias primeros siguientes so la dicha pena so la qual mandamos a qualquier escrivano publico que para esto fuere llamado que dende al que se la mostrare testimonio signado con su signo porque nos sepamos en como se cumple nuestro mandado. Dada en la Ciudad de Cordova a treinte dias del mes de Mayo, año del nascimiento de nuestro Salvador Jesu Christo de mill e quatrocientos e noventa e dos años.—Yo el Rey.—Yo la Reina.—Yo Ferrand Alvarez de Toledo, Secretario del Rey e de la Reyna nuestros señores la fize escribir por su mandado.—En la forma acordada, Rodericus Dottor.—Registrada, Perez Francisco de Madrid, Chanciller.

(Hallase original en el Archivo de la Ciudad de Toledo).

III.

Инструкции Торквемады инквизиторам, декабрь 1484г. [1339]

(Archivo General de Simancas, Consejo de la Inquisicion, Libro 933).

(См. стр. 182).

Otras Capitulaciones por el Reverendo Señor Padre Prior de Santa Cruz hechas por sus Altezas é confirmadas.

Por mandado de los serenissimos rey é reyna nuestros señores yo el prior de santa cruz, confesor de sus altezas, inquisidor general por la abtoridad apostolica en los reynos de Castilla é de Aragon, hordené los articulos siguientes cerca de algunas cosas tocantes á la sancta inquisicion é á sus ministros é oficiales los quales dichos capitulos mandan sus altezas que se guarden é cumplan é yo de parte de sus altezas é por la abtoridad susodicha asi lo mando é son las que se siguen.

1. Primeramente que en cada partido donde fuere necesario poner inquisicion é en los que agora la hay é se facen, aya dos inquisidores con un buen asesor los quales sean personas letrados de buena fama é conciencia los mas idoneos que se puedan haber é que se les dé alguacil é fiscal é notarios y los otros oficiales que son necesarios para la inquisicion los quales sean asi mesmo personas aviles é

diligentes en su calidad é que á los dichos inquisidores é oficiales les den é sean situados sus salarios que deben haber, y es la merced de sus altezas é mandan que ninguno de los dichos oficiales lleve de su oficio derechos algunos por los abtos que hiciere en la dicha inquisicion ó en los negocios é cosas delladependientes so pena de perder el oficio, é mandan que ninguno de los inquisidores tengan oficial ninguno del dicho oficio por su familiar porque al bien del negocio é al servicio de sus altezas asi cumple.

2. Item plaze á sus altezas que en corte de Roma se ponga una buena persona que sea letrado é de buen celo para que procure los negocios tocantes á toda la inquisicion destos reinos é que sea pagado competentemente de los bienes confiscados por el delicto de la heregia é apostasia que pertinescen á sus altezas é que asi lo mandan á sus tesoreros.

3. Item por quanto en tiempo de Sixto papa quarto de buena memoria hemanaran de la corte Romana algunos rescriptos é bulas é confesionarios exorvitanes é contra derecho mucho en perjuicio de la inquisicion é ministros della, mandan sus altezas que se libren cartas é provisiones que juntas sean generates para todo el reino con las quales se impida é pueda impedir justamente la ejecucion de los tales rescriptos é bulas, si alguno los impetrare é quisiere usar dellos fasta que con el papa sea consultado é informado de la verdad por parte de sus altezas, por quanto no es de presumir que la intencion del santo padre sea dar impedimento en los negocios de la santa fe catolica, pero que las dichas provisiones de sus altezas no se publiquen fasta ver si el papa Inoscencio octavo moderno algunas bulas ó requisitos concede ó de lugar que se expidan en su corte en perjuicio de la sancta inquisicion.

4. Item es la merced de sus altezas porque los inquisidores é sus oficiales clerigos que trabajan en la dicha inquisicion sean aprovechados é honrados de mandar á sus embajadores que procuren en su nombre un indulto del papa para que sus altezas puedan nombrar á las dichas personas de la dicha inquisicion en ciertas iglesias de sus reinos en las primeras dignidades é beneficios que vacaren é que aquellos sean reservados para los nombrados de sus altezas.

5. Otrosi mandan sus altezas que por quanto tienen por bien de hacer merced de sus bienes á todos aquellos que como quier que fuesen culpados en el delicto de la heretica pravedat se reconciliaren bien é como deben en el tiempo de la gracia que los tales reconciliados puedan cobrar qualesquier debdas de qualesquier tiempo que les fuesen debidas para si é que su fisco no les embargue asi mesmo si algunos bienes muebles é raices hayan vendido, dado ó otorgado ó obligado antes de su reconciliacion que los dichos contractos queden firmos á las personas que administren los dichos bienes porque es la merced de sus altezas é mandan que los dichos reconciliados no puedan vender ni enagenar ni obligar dende en adelante los bienes raices que tovieren sin especial licentia de sus altezas porque quieren ser primero informados de como guardan la santa fe catolica é si son verdaderamente convertido á ella.

6. Item como quiera que sus altezas no tienen por bien de hacer gracia de los bienes á los hereges é apostatas que fueron reconciliados fuera del tiempo de la gracia para la reconciliacion y les pertenezcan todos los bienes de los hereges condemnados e reconciliados desde el día que cometieron el dicho delicto de la heregia segun el derecho dispone y podria el fisco de sus altezas demandar los bienes que los tales ovieren vendido ó enagenado en qualquier manera é escusarse de pagar las debdas que los tales debiesen por qualquier obligaciones, salvo si en lugar de las tales ventas é enagenaciones paresciere y se hallare el prescio é otra cosa equivalente en los bienes de los tales hereges, pero por mas de clemencia é umagnidad con sus vasallos y porque si algunos con

buena fe contrataron con los dichos hereges que no sean condempnados que sean reconciliados como dicho es hicieron antes que comenzase el año de setenta é nueve, valgan é sean firmes, con tanto que se prueben legitimamente por testigos dignos de fe ó por scripturas auténticas que sean verdaderas é no simuladas en tal manera que si alguna persona hiciere alguna ynfinta ó simulacion en fraude del fisco cerca de qualquier contrato ó fuere participante en la dicha fraude ó colusion y fuere reconciliado le den cient azotes y le hierren con una señal de hierro en el rostro, y si fuere qualquier otro que no sea reconciliado aunque sea cristiano haya perdido todos sus bienes é el oficio é oficios que toviere é que su persona quede á su merced de sus altezas, é mandan que este capitulo sea pregonado publicamente en los lugares de la inquisicion porque ninguno pueda pretender ignorancia.

7. Otrosi que si algun caballero de los que han acogido ó acogieren en sus tierras los hereges que por temor de la inquisicion huyan y huyeron de las cibdades, villas é lugares realengos demandaren qualesquier debdas que digan serles debidas por qualesquier hereges que sean huydos á sus tierras que no el tesorero no les pague las debdas ya dichas ni el juez de los bienes confiscados se las mande pagar fasta que los dichos caballeros restituyan todo lo que los dichos confesos que cogieron en sus tierras llevaron consigo, pues es cierto que aquella pertenesca é pertenesce á sus altezas é que si sobre tales debdas fuere puesta demanda al procurador fiscal que el dicho procurador ponga por reconvencion é compensacion la cantidad en que poco mas ó menos le parescere que es obligado el caballero que pide su debda jurando que no lo alega maliciosamente.

8. Otrosi mandan sus altezas que ningun tesorero de los que son ó fueren puestos para recibir é recabdar los bienes confiscados por el dicho delicto no secreten ni ocupen bienes de ningund herege ni apostata sin mandamiento especial de los dichos inquisidores é quando ellos dieren mandamiento para ello hagase la secrestacion por su alguacil é por ante notario de la inquisicion é por antel escribano del tesorero para que cada uno dellos haga registro del dicho secreto el qual mandan que se haga en personas llanas vecinos del lugar que tengan los dichos bienes é quel tesorero no toque en ellos fasta que la persona cuyos eran los dichos bienes sea condenada ó por reconciliacion declarada que fue herege é manda é mandan sus altezas que al tiempo de la secrestacion se oviere de hacer el tesorero sea requerido por el alguacil para que vaya á ver como se face.

9. Que si en los bienes asi secrestados como dicho es oviere é se fallaren algunas cosas que guardandolas se perderian asi como pan é vino é otras cosas semejantes que el tesorero procure con los inquisidores que las manden vender é al presente se vendan en publica almoneda é que el prescio de las tales cosas sea puesto en el dicho secreto en poder de los dichos secrestadores ó en un cambio como mejor los dichos inquisidores y el tesorero vieren, asi mismo si algunos bienes raices ovieren que se deban arrendar manden los dichos inquisidores al secrestador que juntamente con el dicho tesorero los arriende en publica almoneda.

10. Otrosi que el tesorero no venda bienes algunos ni reciba dineros ni qualesquier bienes algunos otros que sean confiscados é pertenescian al fisco de sus altezas sin que esten delante de dos notarios uno suyo del dicho tesorero é otro que sea puesto por magno de sus altezas para que cada uno dellos escriba sobre si los bienes é maravedises que el dicho tesorero rescibiere é haga registro é libro ordenado de todo ello para que [de] los dichos libros é registros se tomen despues las cuentas al dicho recebdor.

11. Otrosi mandan sus altezas que cada uno de los recebtos que fueren puestos por su mandado recabten é resciban los bienes que fueren de los herejes vecinos é moradores en el partido donde son

puestos é no se entremetan á ocupar ni tomar bienes de ningun hereje que pertenezcan á otra inquisicion mas que luego qualquier de los dichos tesoreros hobiere noticia de algunos bienes confiscados por el dicho delicto que pertenezcan á otro tesorero que lo hagan luego saber para que lo cobre é recabte so pena que el que lo encubriera pierda el oficio ó sea obligado al daño é menoscabo que por su negligencia se recresciere al patrimonio de sus altezas con el doblo.

12. Otrosi mandan sus altezas que a los inquisidores é oficiales que en este negocio de la inquisicion entienden el tesorero les pague los tercios de sus salarios adelantados en el principio de cada tercio porque tengan que comer é se les quite ocasion de recibir dadivas é que es comience el tiempo de su paga desde el dia que salieren de sus casas á entender en la dicha inquisicion, é que asi mesmo pague los mensageros que á sus altezas enviaren los dichos inquisidores é qualquier otras cosas que los inquisidores vieren que cumple al oficio asi como en carceles perpetuas ó mantenimientos de los presos ó otras qualesquier cosas é espensas.

13. Item que todos los mandamientos de qualquier calidad que sean que los inquisidores mandaren dar asi para su alguacil como para su tesorero ó para qualesquier otras personas cerca de los bienes ó prision de las personas de los herejes, los negocios de la inquisicion, sean tenidos de los asentar é asienten en sus registros é hagan libros dellos aparte, porque si alguna dubda se ofresciere se pueda saber la verdad de lo que paso.

14. Otrosi que las otras cosas que aqui no son declarados queden é se remitan á la buena discreccion de los inquisidores para que si se ofrescieren casos tales que á su parescer se puedan espedir sin consultar á sus altezas hagan segun Dios é derecho é sus buenas conciencias lo que les paresciere é en las cosas graves escriban luego con diligencia á sus altezas é á mi el dicho procurador para que sus altezas manden proveer en ello como cumpla al servicio de Dios nuestro señor é suyo, ensalzamiento de nuestra sancta fe catolica é á buena edificacion de la cristiandad. Dada en la ciudad de Sevilla, seis dias del mes de Deziembre, año del nascimiento de nuestro Salvador Jesucristo, de mil é quatrocientos é ochenta é quatro años.

IV.

Инструкции Торквемады инквизиторам, январь 1485г. [1340]

(Archivo General de Simancas, Consejo de la Inquisicion, Libro 933).

(См. стр. 182).

La Forma que se debe tener en el proceder de los Inquisidores es la siguiente.

Primeramente que los inquisidores loego en legando en el lugar donde se ha de facer la inquisicion pongan sus cartas e edictos de treinta ó quarenta dias ó como mejor visto les fuese que todos los que en algun caso de heregia ó apostasia se fallaran culpados y en estedicho tiempo vernan con dolor sin fuerza ninguna á confesar sus errores y diran la verdad de todo lo que supiere no solamente de si mesmos mas de los otros que con ellos participaren en el dicho error, que estos tales sean recebidos con toda caridad, y abjurando sus errores en forma les sean dadas penitencias publicas ó secretas segun la infamia ó calidad del delito á alvedrio de los inquisidores y denseles algunas penitencias pecuniarias que paguen en cierto tiempo, y estos dineros sean puestos en mano de una persona

fiable y den los inquisidores ó los escribanos la copia dellos al rey nuestro señor ó á mi como á inquisidor principal, para que se gasten en la guerra ó en otras obras pias y para que se paguen los salarios de los inquisidores y otros ministros que en la santa inquisicion entenderan, y seanles dexados todas los otros bienes que tuvieren asi mobles como raices, y cerca de los oficios publicos que tienen deben por ahora ser privados fasta que se vea su forma de vevir, y si fueren buenos cristianos y conocidamente se viere la enmienda en ellos pueden ser habilitados para que ayan los dichos oficios si fueren vacos ó otros semejables.

1. Otrosí si despues del tiempo del edicto algunos vinieren á se reconciliar, los quales non dejaron de venir por temor ni por menosprecio mas por enfermedad ó por otro justo impedimento, que con estos tales se use de misericordia como en el capitulo primero, pero si al tiempo que se vinieren á reconciliar fueron ya citados ó tienen contra si provantes, estos non gocen de la gracia de los bienes, pero los inquisidores se hayan con ellos misericordiosamente quanto de derecho y buena conciencia podieren facer segun la calidad del delito é infamia requiere é segund esto consultando con el rey nuestro señor se verá si se debierá fazer gracia de los bienes ó no.

2. Otrosí si á estos que asi bien se vinieren á reconciliar son debidas algunas deudas, que los deudores sean obligados sin embargo del fisco á ge les pagar, y si algunas ventas de sus bienes ovieren fechas que valgan y que por parte del fisco del rey nuestro señor no les sean impedidos, pero si estos tales tovieren esclavos cristianos que sean libres y forros, y si los hobieren vendido los que les compraren non los puedan retener mas que luego los dejen forros y ellos recauden el precio de los vendedores.

3. Otrosí si algunos de los susodichos que se vinieren á reconciliar y no dizieren la verdad de sus errores é de los que fueron particioneros con ellos é despues se fallaren por las probanzas el contrario, estos tales sean havidos por contumaces é que vinieron fingidos á la confesion, no gocen de nada de lo susodicho mas antes se proceda contra ellos con todo rigor segun que el derecho en tal caso dispone.

4. Otrosí que ningun receptor debe sequestrar bienes de ningun herege nin apostata sin especial mandamiento en escrito de los inquisidores é que se pongan los tales bienes no en manos del receptor mas en manos de una persona fiable y que hagan el secuestro el receptor con el alguacil de la inquisicion y por delante de dos escribanos, uno del alguacil y otro del receptor, y estos escribanos cada una escriba por si todo lo que se sequestrare, y sean pagados los dichos escribanos de los bienes de los dichos hereges aunque despues se hayan de reconciliar, y el salario sea lo que los inquisidores mandaren.

5. Otrosí si algunos fueren absentados antes del tiempo del edicto y asi mesmo absentaren sus bienes y estos tales vinieren en el tiempo del dicho edicto confesando sus errores como arriba dicho es, gocen de la misma gracia de los bienes é fagase con ellos en la misma forma que en el capitulo primero está escrito, pero si en el tiempo del edicto non quisieren venir procedase contra ellos segun que en este caso el derecho dispone.

6. Otrosí que ni por los procesos de los vivos se deben de dejar de facer los de los muertos é los que se fallaren aver seydo é muerto como herejes ó judios los deben desenterrar para que se quemen y dar lugar al fisco para que occupe los bienes segun que de derecho se debe facer.

7. Otrosí que el receptor no venda bienes ningunos ni reciba sin que esten dos escribanos delante, los quales sean puestos ó por manos del rey nuestro señor ó de los inquisidores y cada uno dellos

escriba el bienes que el receptor recibe y el precio por que los vende porque despues por aquellos libros se les tomarán las quantas.

8. Otrosí que á los inquisidores y oficiales que en este sancto negocio entienden les debe el receptor pagar sus tercios adelantados, porque tengan de comer y se les quiten la ocasion de recebir dadivas de ninguno y debe de comenzar el tiempo de su pago desde el dia que salieren de sus casas para entender en este sancto negocio.

9. Otrosí que continuamente los inquisidores fagan saber al rey nuestro señor é á mi todas las cosas que sucedieren en la dicha inquisicion é conosciere que se deban escrevir, é que el receptor loego que por ellos le será mandado pague el trotero que ellos quieran enviar.

10. Otrosí que todos los mandamientos de qualquier calidad que sean que los inquisidores mandaren dar así al alguazil como al receptor ó á otras qualesquier personas manden á los escribanos de la inquisicion los asienten en sus registros porque por allí se conozca la verdad de todo lo que pasare.

11. Otrosí que los inquisidores y el asesor esten juntos y muy conformes en la ejecucion de la justicia y buena administracion della y finalmente en todo quanto pertenece é se habrá de facer en la inquisicion, de manera que ni el inquisidor sin el asesor ni el asesor sin el inquisidor faga cosa alguna, é si lo ficieren que por el mismo caso sea ninguno.

12. Otrosí que esten los inquisidores é todos los oficiales de la inquisicion aposentados dentro de una casa, pudiendose haber, porque esten juntamente é que quando ovieren de escrebir dichos negocios de la inquisicion é del estado della escriban los inquisidores y el asesor juntamente.

13. Otrosí que ningun oficial de la dicha inquisicion no tiene ningun derecho por cosa ninguna de su oficio pues que el rey nuestro señor les manda dar su mantenimiento razonable y les fara mercedes andando el tiempo é haciendo ellos lo que deben é que no recivan dadivas ni subornaceones de ninguna persona y si se fallare que alguno el contrario ficiere por el mismo caso sea privado del oficio y mas este á la pena que los inquisidores darle quisieren, é á un cada vez que un tal caso conteciере informen á su alteza del rey nuestro señor porque se provea de otro oficial y entre tanto se ponga otro en lugar del tal delinquente aquel que los inquisidores acordaren fasta que el rey nuestro señor é yo proveamos.

14. Otrosí que en todas las otras cosas que á la santa inquisicion se requieren queda á juicio y buena discrecion de los inquisidores que ellos las fagan segun Dios é derecho é buenas conciencias se deben facer, y si algunas otras cosas vieren que el rey nuestro señor deberemediar las escriban y que se faran como cumple al servicio de Jesucristo nuestro señor y ensalzamiento de su santa fé y buena edificacion de la cristiandad.

Отец Томас, приор и генеральный инквизитор.

Против

севильских инструкций, 1500 г. [1341]

(Archivo General de Simancas, Consejo de la Inquisicion, Libro 933).

(Cm. стр. 182).

Otras Instituciones.

Las capitulaciones infraescritas que ordinaron los muy reverendos señores inquisidores generales para instruccion de los inquisidores é prosecucion del oficio de la sancta inquisicion en la muy noble é muy leal cibdad de Sevilla á diez é siete dias del mes de Junio año de mil y quinientos.

1. Primeramente que los inquisidores de cada una inquisicion é partido salgan é vayan á todos los lugares é villas de sus diocesis é partidos donde nunca fueron personalmente é en cada una de las dichas villas é lugares hagan é resciban los testigos de la general inquisicion, é para que esto puedan mejor hacer é mas brevemente se espida, se aparten los inquisidores é vaya cada uno por su parte con un notario del secreto para rescebir la dicha pesquisa é informacion general, é despues de rescibida é hecha la dicha pesquisa general se tornen á juntar en la cibdad ó lugar donde tovieren su asiento para que alli vista por amos la testificacion que cada uno ha tomado puedan mandar prender á los que se hallaren culpados é testificados suficientemente para se poder prender segun se contiene en el capitulo de las instrucciones hechas en Toledo.

2. Item, que en las inquisiciones donde los inquisidores han andado é recebido la general testificacion que cada año el uno de los inquisidores salga por las villas y lugares á inquerir, poniendo sus edictos generales para los que algo saben tocante al crimen de la heregia que lo venga á decir, y el otro inquisidor quede á hacer los procesos que á la sazón oviere, é si no abra algunos salga cada uno por su parte segun arriba esta dicho.

3. Item, que los inquisidores de cada inquisicion pasen los libros ordinariamente por sus abecedarios dende el primero fasta el fin, para lo qual se ayuden del fiscal é notarios quando non andovieren por los lugares á tomar la testificacion como dicho es.

Sobre esto capitulo se ha de hacer principal relacion en la visitacion de manera que han de saber los inquisidores generales que es lo que han procedido de los dichos abecedarios.

4. Item, por quanto los inquisidores algunas veces proceden por cosas livianas non continentes herexia derechamente y por la palabras que mas son blasfemias que herejias, ó dichas con enojo ó yra, que de aqui adelante no se prenden ningunos desta calidad, é si dubda oviere que lo consulten con los inquisidores generales.

5. Item, quando prendieren alguno por el dicho crimen de herejia en poniendole la acusacion envien la copia della á los inquisidores generales y la probanza que tienen contra el verba ad verbum declarando los nombres de los testigos y las calidades de las personas y esto envien con el nuncio de la inquisicion á buen recabdo.

6. Item, que los inquisidores non consientan dilacion en los procesos é procedan sumariamente segun la forma del derecho que en este caso de la herejia habla.

7. Item, que los inquisidores de aqui adelante non dispensen con los que fueren condempnados a carcel perpetua ni les comuten la dicha carcel en otra penitencia é quando esta facultad de dispensar é comutar la dicha carcel los dichos inquisidores generales les reservan para si la dicha facultad é poder que ninguno otro pueda dispensar é comutar.

8. Item, que á los testigos conpurgadores no les sean leidos los dichos é dipusciones de los testigos del crimen que hay contra el acusado en la acusacion del fiscal, sino que guarde la forma del derecho que es que el acusado ha de jurar juxta formam juris que el [niega] el crimen de lo que esta asentado, ante los dichos testigos compurgadores, é que á ellos se les pregunte si creen que juro verdad ó no, sin hacerles otras preguntas.

9. Item, los inquisidores trabajen con los procesados que estaran bien testificados para poder ser condepnados como hagan conoscimiento de su culpa y la confiesen y tengan arrepentimiento, trayendoles persuasiones para ello é si fuere menester que trayan personas religiosas que los conviertan é con los que asi no estovieren testiguados tengan tiento que no les fagan confesar lo que no hicieren.

10. Item, que los inquisidores pregunten particularmente á los personas que dieren sus confesiones lo que saben de sus padres y hermanos y parientes é de otras personas qualesquiera por las particularidades que se requieren porque despues no se puedan escusar por ignorancia, é lo que asi digieren de otros se asiente en los libros é registros de oficio aparte de las dichas confesiones.

VI.

Выписки из реестра распорядителей конфискации в Валенсии, 1485-1486гг.

(Archivo General de la Corona de Aragon, Registro 3684, fol. 60).

(См. стр. [192](#)).

A veynte y dos de julio el Rey nuestro senyor me mandó que asentase en el registro como su Alteza facia merced á su caballerizo Johan de Hoz e á Martin Navarro su repostero de plata de sendas escrivanias de aquellas tres que estan vacas en Toledo porque han sido privados dellas por el delito de la heregia Pero Gia de Alcuba e Alfonso Cota e Francisco Rodriguez escrivanos de numero reconciliados.

A diez y ocho de agosto de ochenta y cinco años plugo al Rey nuestro señor de librar á Johan de Tencino en los bienes de los herejes que á su Alteza pertenescan ó pertenecieran de aqui en adelante en los reynos de Aragon aquellos diez mil sueldos de que le hizo merced en ayuda de su casamiento e aquellos seys mil seyscientos cincuenta y cinco sueldos ocho dineros que le son devidos de su quitacion con alvalaes de escribano de racion. Se mandó á mi que por memoria lo asentase en este registro.

A veynte de Agosto de LXXXV me mandó su Alteza que asentase en registro como faze merced á Pedro de Morales criado de Alfonso Carillo protonotario apostolico de una escrivania de las del numero que vacaran por el delicto de la heretica pravedad en Toledo.

A XXII de enero en la villa de Alcalá fizo merced al doctor micer Felix Ponte regente la cancelleria de una alqueria que Jaime Martinez de Santangel tenia en el termino de— cabe la ciudad de Valencia e mandó á mi que le fiziere la provision della.

A XXIV de enero el Rey mi senyor fizo merced á Juan de Leca aposentador de su senyoria de uno de los primeros oficios que vacaran en Segovia por el reconciliacion ó en otra manera por el delicto de la heretica pravedad.

A XIV de febrero de LXXXVI en Alcalá de Henares el Rey nuestro senyor me mandó que assentase en registro como faze merced á Martin de Tavera de la scrivania del numero que tiene Pero Alfonso Cota reconciliado.

VII.

Краткое сообщение Юлия II о беспорядках в Кордове.

(Bulario de la Orden de Santiago, Libro III, fol. 320).

(См. стр. [203](#)).

Venerabilis frater salutem etc. Non sine summa animi molestia percipimus quosdam iniquitatis filios Catholicæ fidei rebelles, qui cum Christiani sint Judaicæ se perfidiæ participes præstant, officiales a te ad inquirenda hæreticæ pravitatis errata constitutos Cordubæ quorundam adminiculo complicum captivos fecisse et quod auditu quoque nefarium est mulctatos male et contumeliose habitos diu in vinculis detinuisse. Quæ res cum pessimi prorsus et perniciosissimi sit exempli, pro cura quæ Catholici gregis ab hæreticorum rabie defendendi una cum apostolatus officio nobis est demandata mature providendum duximus, ne lues tam pestifera serpat ulterius nec sua contagione rectos commaculat. Quam ob rem fraternitati tuæ cui jam pridie talia perquirendi facinora et reperta puniendi potestatem arbitriumque contulimus districte mandamus ut commissum sibi munus fervide et severe exerceat ac subnascentem in agro dominico zizaniam abolere et radicitus extirpare non cesset, fidelium defensionem ut par est die noctuque excubando. Præfatos vere qui tam abominandum scelus ausi sunt cum suis complicibus et quoscunque eis auxilium consilium favoremve ullum præstiterunt undique conquisitos ac debitis subjectis pœnis exemplum cæteris statuet ne aliquando ad peccati similitudinem ex impunitate accendantur. Volumus autem hæc omni diligentia quamprimum a fraternitate tua curari et offici, nam exorientia tabiferæ pestis capita ne serpant in ipsis statim principiis sunt opprimenda, ad quod perecclesiasticas censuras et universa juris remedia ut magis expedire videbitur, appellatione remota, procedes, in contrarium facientibus non obstantibus quibuscunque. Дата. Бонония. [\[1342\]](#)

VIII.

Предложение, сделанное в октябре 1519 года Карлу V, о возмещении конфискаций.

(Archivo General de Simancas. Patronato Real, Inquisicion, Legajo único, fol. 49).

(См. стр. [219](#)).

Sy en las cosas de la inquisicion se pone orden de justicia por jueces no sospechosos que guarden el derecho e den cuenta de lo que hicieren, para que los buenos puedan bevir seguros y los que mal bivieren sean castigados como nuestro muy santo padre lo ordenare e mandare e las bulas e breves que sobre ello dieren sean obedecidas e cumplidas como de justicia e conciencia no se puede otra cosa hazer, avra personas que osaran servir al Rey nuestro señor en esta manera.

Habida consideracion que la codicia de los bienes es causa de todos los malos, e que es ley en los reynos de Castilla en las partidas que no sean confiscados los bienes de los que tovieren hijos catolicos e que a los principes queda muy poco provecho de la confiscacion porque todo se gasta en salarios, costa de jueces e recebtos que de ello enriquecen, puede su Mag^d justamente servirle por compusicion e venta que haga de todo el derecho que le pertenece a el e a sus descendientes para syempre jamas de la confiscacion de los bienes de la dicha inquisicion en todos sus reynos e señorios abiendo para ello bula de nuestro muy santo padre en que asi mismo se mande y ordene que no pueda aber condenacion de bienes ni dineros por via de penitencia ni en otra manera. Por lo qual y por lo que se debe hasta agora de las confiscaciones e penas e compusiciones pasadas por qualesquier personas en qualquier manera—dando para ello las provisiones e jueces que fueron menester—se dara por esto a su Magestad quatrocientos mill ducados; los cien mill ducados de ellos para el tiempo de su partida al ymperio, e los trecientos mill en tres años puestos en Flandes en las ferias de Embres del mes de mayo de cada año cien mill ducados.

Y si pareciere algun inconveniente que esto se haga a perpetuo, aunque no le ay, abida consideracion a la dicha ley del reyno, y su Magestad fuere servido que sea por algun tiempo limitado, por el tiempo que fuere declarado por S. M. se daran doscientos mill ducados, los cinquenta mill para la partida e los ciento e cinquenta mill ducados en las dichas tres herias de enbres.

E por que los jueces diputados para tan santo oficio estan mas libres para hacer justicia sin esperar de sostenerse de los bienes de los presos e su magestad no tenga que pagar salarios pues no ha de haber confiscacion demas de lo que asi se ha de dar por la dicha confiscacion se comprara la renta que fuere menester a vista e determinacion e moderacion de su magestad para pagar todos los salarios e cosas de la dicha inquisicion sobre lo que ya esta comprado e consynado para ello en algunas partes, comprandolo de la manera e segund que el rey catolico lo tenya mandado e çomençado a comprar.

E para la cobranza de lo susodicho se ha de dar otras tales cartas e provisiones como las que dio el rey catolico para cobrar las compusyones del Andalucia e las que mas fuere menester, e para remediar qualquier agrabio que syntieren los que esto ovieren de pagar e proveer en ello e en la cobrança dello, lo que fuere necesario que se cometa al arzobispo de Toledo o a su gobernador para en los Reynos de la corona de Castilla, y el arzobispo de Çaragoça para los reynos de la corona de Aragon, para que ellos o las personas a quien le cometieren conozcan de ello e lo provean syn pleyto, e no otros jueces algunos, remota apelacion.

E abiendo efeto lo susodicho sy S. M. fuere servido de dar poderes e provisiones bastantes para cobrar e componer e ygualar todo lo que le es debido y pertenece en qualquier manera en los dichos sus reynos e señorios de qualquier otras confiscaciones e penas pertenecientes a la camera e fisco por las leyes e prematicas de los dichos reynos o en otra manera e qualesquier bienes que estan confiscados e adjudicados por delitos de que no este hecha merced e las tengan qualesquier personas de qualesquier tiempos pasados hasta en fin de este año, y le perteneciende de aqui adelante en estos quatro años venideros que se cumplan en fin del año de quinientos e veynte e tres, e que entre en esto lo que qualesquier personas de su voluntad vinieren, declarando que son en cargo, de que tengan finequito e no aya memoria ni recabdo por donde se le puede pedir quenta, e se puedan componer e cobrar lo que dieren, e por esto sanearan a S. M. cien mil ducados pagados en la dichas tres ferias de enbres, e sy mas valiere lo susodicho sea para S. M. quitando las costas e el salario

que S. M. fuere serbido de dar por ello, e que si alguna merced o libranza se hiciere de bienes ó maravedises en lo susodicho durante este tiempo se reciba en cuenta.

E porque para el cumplimiento de todo lo susodicho se ha de dar seguridad bastante de personas que se obliguen a ello, se han de dar luego cedulas de S. M. libradas del Sr Cardenal por donde de licencia e facultad a las personas que en ello quisieren entender e obligarse e contribuir, que lo puedan hazer syn que por ello incurran ni se les pida pena ni achaque alguno de parte de la ynquisicion ni por otras justicias, las quales cedulas se han de dar en todo este mes de otubre, si los dineros han de estar prestos para la partida, porque de otra manera faltaria tiempo.

IX.

Мемориал из Гранады Карлу V в 1526 году.

(Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Legajo único, fol. 55).

(См. стр. [222](#)).

Vuestra Magestad manda é á mandado poner la Sancta Inquisicion en esta Ciudad y Reyno de Granada, lo qual es muy loable y muy santo por que se vea de creer que la intencion y voluntad de Vuestra Magestad es que los malos christianos sean castigados y los bonos sean conocidos, y por que en la manera de proceder en el Sancto Officio pasan mas peligros los que buenos son que los que mal biben, asy de ser presos como condenados sin culpa segunque muchas veces a acaecido, todos los que bien biben y son catolicos christianos suplican a Vuestra Magestad mande enmendar la manera de proceder en que los testigos y carceles sean publicos como lo son en el pecado abominable y contra natura, que como en este son conocidos y castigados los malos asy lo seran en este otro, y los que son buenos y biben bien estaran seguros de ser acusados falsemente, y por que Vuestra Magestad use de tan justa peticion y misericordia con los que buenos son, de solo este pequeño Reyno de granada, serviran a Vuestra Magestad con cinquenta mill ducados para los gastos de este tan sancto viage sin lo que mas Vuestra Magestad podra aver de los otros sus Reynos y Señorios que sera en grandisima suma de dinero, y quitando este mucho secreto escusera Vuestra Magestad los inconvenientes de pecados siguientes.

Lo primero que si los jueces son malos como puede acaecer por ser hombres humanos y no Santos como lo es el Officio, quando prenden doncellas y casadas de buenos justos y moças, ó quando las mandan venir secretamente ante si como el Officio requiere en su mano sepan usar de ellos como cosa suya, lo qual ligeramente ya sentiran con el gran temor que lleban, y esto no habra lugar de se hacer en juicio publico.

Y la otra, que los escribanos de este secreto y los oficiales que en este secreto tienen mano, seyendo mancebos, como en algunas partes lo son, tienen ó casi han de hacer lo misma con hijas ó mugeres ó parientas de presos, las quales ligeramente puedan alcanzar, y les sera concedido por saber algo de este secreto que les combenga, ó sí fuesen malas personas como entre los hombres se hallan, tambien tienen ocasion de bender por dineros este secreto, por que los que asy son malos con fin de ser aprovechados procuran estos officios, lo qual todo se quita con hacer la justicia publica.

En lo otro tienen a causa de este secreto que muchas animas que se han condenado al ynfierno e se pueden condenar por ser tan falsas, escusarseles a este camino, que por poder decir lo que dicen

secreto muy ligeramente se condenan y dicen lo que no vieron por aver venganza de quien tienen mala voluntad como cada día a sucedido, sy quando Dios le hace merced al falsamente acusado que se da por bueno sale destruydo demas de la infamia de su prision, lo qual se escusaria seyendo los testigos publicos.

E lo otro que para que el que falsamente se acusa no tenga remedio, puedense buscar los testigos por dineros, los quales por estos pecados se hallan oy con poco trabajo, y como el acusado no los conosca y lo que le acusan nunca hizo ni penso no puede caer en los acusadores, y aunque cayga en su enemigo contrario que lo hizo atestiguar, y como los jueces no sepan este secreto condenan justamente y el falsamente acusado muere sin culpa, y quedan sus hijos y debdos infamados para siempre jamas, lo qual no se podria hacer seyendo publicos los testigos.

E lo otro que como los que son malas personas y malos cristianos tengan y tienen odio y mala voluntad á los que son buenos porque no siguen sus malos costumbres y obras: diz que por sus delitos son presos y los confiesan; los primeros que acusan son los que saben que biben bien, por vengarse de ellos, y á estos les da lugar el secreto, que si publico lo obieren de decir no tendrian osadia de decir la mentira á la clara, por que se les probaria luego el contrario, y por este tienen menos seguridad los buenos que los malos, que como no hicieron ni pensaron lo que les acusan ni conoscan por platica ni conversacion á los acusadores ni por ventura saben sus nombres no pueden caer ni acertar en ellos, y desta manera son condenados justamente y mueren sin culpa por que no quieren conocer lo que no hicieron, y quedan destruydos sus hijos y debdos y disfamados, los quales seyendo los testigos publicos no se podria hacer.

E lo otro que á cabsa de este secreto mas facilmente se pueden librar los que han cometido el delicto de que son acusados, por que el que lo hizo bien sabe quando y como y ante quien, y luego pueden acertar en quien lo acusa, y tachándolo como se hace es dado por libre, y la sentencia es justa, y el culpado queda sin castigo. Lo qual es por el contrario a quel que falsamente se le acusa, que como no lo hizo ni sabe ni puede saber de donde le viene el daño, sino fuere por inspiracion divina, de la qual gracia no son dignas todas, pe ... y de esta manera pasan mucho mas riesgo y peligro ... que son buenos y catolicos cristianos que los que ... y biben mal, en lo qual de Vuestra Magestad ... poner este tan justo remedio que se le ... tiene puesto de su mano para la gobernacion ... y señorios, por que los buenos puedan biber ... ser malos sean conocidos y castigados. [1343]

X.

Булла Сикста IV от 18 апреля 1482 года, временно реформирующая инквизицию Арагона.

(См. стр. 234).

(Archivio Vaticano, Sisto IV, Regesto 674, T. XV, fol. 366).

Sixtus Episcopus servus servorum Dei Ad perpetuam rei memoriam. Gregis Dominici nostræ custodiæ divina disponente clementia commissi vigilem et sollicitam curam gerentes, Pastoris inhærendo vestigiis libenter juxta officii nostri debitum nostræ sollicitudinis partes adhibemus ut errantes, relicto præcipiti tenebrarum devio, viam veritatis agnoscant, et per illam gradientes vitam consequantur

æternam; perseverantes vero in eorum erroribus proditis contra eos a jure remediis compescantur, nee damnentur aliqui de quorum erroribus legitimis probationibus non constaret. Sane nuper nobis insinuatam extitit quod in Aragoniæ et Valentiae ac Maioricarum Regnis, necnon Principatu Cataloniæ officium inquisitionis hæreticæ pravitatis non zelo fidei et salutis animarum sed lucri cupiditate ab aliquo tempore citra exercetur et quamplurimi veri et fideles Christiani illo mediante, admissis contra eos inimicorum, æmulorum, servorum aliarumque vilium et minus ydonearum personarum, probationibus nullis legitimis præcedentibus indicibus, carceribus etiam sæcularium judicum detrudentur, torquentur, hæretici etiam et relapsi declarantur, bonis et beneficiis spoliuntur et traduntur curiæ sæculari et per illam ultimo supplicio afficiuntur in animarum periculum, perniciosum exemplum et scandalum plurimorum. Nos igitur multorum quærelis super hoc excitati, providere volentes ut tenemur quod officium ipsum debite peragatur et illo mediante nullus opprimatur indebite et injuste, Motu proprio, non ad alicujus nobis super hoc oblatae petitionis instantiam, sed de nostra mera deliberatione et ex certa nostra scientia, auctoritate apostolica, præsentium tenore statuimus quod de cætero in Regnis et Principatu prædictis locorum Ordinarii seu eorum vicarii et officiales ac ejusdem hæreticæ pravitatis inquisitores in eorum civitatibus et diœcesibus deputati conjunctim dumtaxat juxta tenorem aliarum litterarum nostrarum contra Christianos Judaicæ superstitionis sectatores et ad illorum ritus transeuntes illosque Judaizando sectantes ac alios hæreticos quoscunque eorumquereceptatores et fautores etiam super jam cœptis negotiis procedere et accusatorum et denuntiatorum et promoventium hujusmodi inquisitionis negotium, necnon testium quos desuper ad juramenta et dicta recipi continget, nomina et attestaciones ac dicta totumque eorum processum personis ipsis ac earum procuratoribus et defensoribus publicare et aperire ac eis ad opponendum contra eosdem testes eorumque dicta et attestaciones et processum hujusmodi competentem dilationem inspectis testium numero et actorum qualitate moderandam assignare, et illis contra quos procedi continget eos quos petierint in advocatos et procuratores dare et per ipsas personas inquisitas ac eorum nomine comparentes oppositas in termino hujusmodi legitimas exceptiones et defensiones ac desuper legitimas probationes admittere. Ipsique insimul vel alter eorum ad minus per seipsos secundum juris dispositionem testes ad juramenta recipere et examinare debeant et aliter receptorum et examinerum attestaciones, nullum penitus etiam judicium vel adminiculum faciant in præmissis, nec detineantur personæ aliquæ occasione negotii inquisitionis hujusmodi in alio quam solito Ordinariorum locorum carcere, ad hoc etiam de jure deputato. Et si contingat a gravaminibus eis illatis ad Sedem Apostolicam appellari, Ordinarii, vicarii et officiales et inquisitores præfati appellationibus ipsis deferant venerenter dum tamen manifeste frivolæ non fuerint, et processus per eos habitos ad ejusdem Sedis examen remittere et in illis supersedere nullatenus differant, usquequo aliud ab eadem Sede habuerint in mandatis. Contrafacientes vero Ordinarii, vicarii et Officiales ac Inquisitores præfati et quicunque alii tam ecclesiastici quam sæculares cujuscunque status, gradus, ordinis et conditionis fuerint, quacunque ecclesiastica vel mundana dignitate præfulgentes et contrafieri procurantes consulentes vel suadentes, tacite vel expresse, directe vel indirecte, in præmissis per nos sicut præfertur provide statutis vel aliquo eorumdem, Episcopi et superiores interdicti ingressus ecclesiæ, reliqui vero excommunicationis sententiam eo ipso incurrant, a qua præterquam in mortis articulo constituti ab alio quam Romano Pontifice, etiam vigore cujuscunque facultatis de præsentibus mentionem non facientis, nequeant absolutionis beneficium obtinere. Et illius exemplo cujus vices gerimus in terris nolentes mortem peccantium sed cupientes potius conversionem eorum salutiferam, misereri potius quam ulcisci elegimus, præsertim ubi si alias procedatur exinde possint verisimiliter scandala exoriri, Ordinariis locorum et eorum vicariis et Officialibus generalibus ac Inquisitoribus præfatis et cuilibet eorum in omnibus Regnis, Principatu et dominiis supradictis ut quorumcunque Regnorum et Principatus

prædictorum incolarum utriusque sexus ad aliquem ex eis recurrentium confessione diligenter audita pro quibuscunque excessibus criminibus et peccatis etiam quæ vitam et ritus ac mores Judaicos sectando aut alias a via veritatis et fide Catholica deviando, et in aliquem hæresim labendo usque in diem illam in qua confitebuntur commississe fatebuntur et censuras ecclesiasticas quas quomodolibet incurrissent auctoritate nostra in utroque foro pœnitentia et contentioso absque abjuratone de absolutionis beneficio eisdem recurrentibus providendi eisque pœnitentiam salutarem et occultam injungendi motu, scientia et auctoritate prædictis facultatem et potestatem concedimus per præsentem. Ita quod in posterum prætextu criminis hæresis quam antea incurrisset dicerentur contra eos inquirere non possint nec eos nullatenus valeant molestari, dum tamen ad Inquisitionis processum super hujusmodi criminibus et inquisitorum personalem citationem executorii demandatam deventum non foret, ac Ordinariis, vicariis, Officialibus et Inquisitoribus prædictis ne contra illos quos eorumdem vel alicujus eorum assertione eis constiterit per aliquem ex eisdem vigore præsentium absolutos fuisse per ipsorum absolventium attestationem aut patentes literas, seu super eorum assertione confectum instrumentum, absque tamen ulla peccatorum quorum confessionem audivissent propalatione de commissis per eosdem confitentes criminibus hæresis cujuslibet, de novo procedere, aut confiteri modo prædicto volentes quominus id faciant impedire, nullatenus præsumant sub simili interdicti et excommunicationis sententia eo ipso ut præfertur incurrenda a qua pari modo nequeant ab alio quam Sede prædicta nisi in mortis articulo constituti absolutionis beneficium obtinere, eisdem motu scientia et auctoritate inhibemus. Eisdemque Ordinariis, Vicariis, Officialibus et Inquisitoribus sic absolventibus ac cuilibet eorum, motu, scientia et auctoritate prædictis, sub simili pœna mandamus quatinus per se vel alium seu alios præsentem litteras ubi quando et quociens expedire cognoverint solemniter publicantes et illis quibus de absolutionis beneficio hujusmodi providerint ac alios quos contra præsentium tenorem gravari quomodolibet constiterit efficaci defensionis præsidio assistentes non permittant quempiam contra eorumdem præsentium litterarum tenorem vexari seu quomodolibet molestari, et illos quos eis interdicti et excommunicationis sententiam hujusmodi incurrisset constiterit, illos irretitos esse publice nuncient faciantque ab aliis nunciari et ab omnibus arctius evitari ac, legitimis super hiis habendis servatis processibus, illos iteratis vicibus aggravare procurent. Et insuper, motu et scientia similibus, Ordinariis eorumque vicariis et Officialibus ac Inquisitoribus prædictis, sub censuris et pœnis præfatis eo ipso incurrendis, mandamus quatinus incolas utriusque sexus Regnorum et Principatus prædictorum qui ad eos aut eorum quemlibet pro confessione et absolutione prædictis recurrerint absque aliqua dilatione seu mora eorum confessiones et cujuslibet eorum audiant et eis de absolutionis beneficio in utroque foro ut præfertur provideant, contradictores per censuram ecclesiasticam appellatione postposita compescendo, invocando ad hoc si opus fuerit auxilio brachii sæcularis, decernentes ex nunc omnes et singulos processus quos haberi et generaliter quicquid fieri vel attemptari contigerit contra præsentium tenorem quomodolibet nullius esse roboris vel momenti et haberi debere prorsus pro infectis. Non obstantibus apostolicis in provincialibus et sinodalibus conciliis editis constitutionibus et ordinationibus ac privilegiis et litteris dictæ Sedis, necnon ecclesiarum Regnorum et Principatus prædictorum ac curiarum eorumdem juramento confirmatione apostolica vel quavis alia firmitate roboratis, statutis et consuetudinibus ac stilo et observantiis quibus illa etiamsi de eis eorumque toto tenore seu quovis alio expressio habenda esset, præsentibus pro expressis habentes, illis alias in suo robore permansuris, quoad præmissa specialiter expresse derogamus contrariis quibuscunque. Seu si aliquibus communiter vel divisim a Sede præfata indultum existat aut interdici suspendi vel excommunicari non possint per litteras Apostolicas non facientes plenam et expressam ac de verbo ad verbum de indulto hujusmodi mentionem, et qualibet alia dictæ Sedis indulgentia generali vel speciali cujuscunque tenoris existat, per quam præsentibus

non expressam vel totaliter non insertam effectus earum impediri valeat quomodolibet vel differri, et de qua cujusque toto tenore habenda sit in nostris litteris mentio specialis. Et quia difficile foret præsentibus litteras ad singula loca deferri, volumus et apostolica auctoritate decernimus quod transumpto præsentium manu alicujus notarii publici subscripto et sigillo alicujus curiæ episcopalis munito ubique in judicio et extra tanta fides adhibeatur quanta ipsis originalibus litteris adhiberetur si illæ exhibitæ vel ostensæ forent. Нулли, следовательно, и т.д. liceat hanc paginam nostrorum statuti, concessionis, inhibitionis, mandati, constitutionis, derogationis, decreti et voluntatis infringere vel ei ausu temerario contraire. Si quis autem etc. Datum Romæ apud Sanctum Petrum, Anno Incarnationis Dominicæ Millesimo Quadragesimo octuagesimo secundo, Quarto decimo Kal. Maii, Pontificatus Nostri Anno Undecimo.

P. Bertrandi. D. de Viterbio.

Duplicata sub eadem data et scripta per eundem scriptorem et taxata ad xxx.

XI.

Король Фердинанд папе Сиксту IV, 13 мая 1482 г.

(Archivo General de la Corona de Aragon, Reg. 3684, fol. 7).

(См. стр. [235](#)).

Sanctissime Pater: Ferdinandus etc. Aliqua fuerunt mihi relata, pater sancte, que si vera sunt maxima admiratione digna videntur: hec sunt quod sanctitas vestra concessit generalem remissionem neophytis de omnibus erroribus seu delictis per eos ante hac perpetratis provideritque ut nomina testium qui apud acta inquisitionum heretice pravitatis que nunc fiunt in provincia Aragonie testimonia perhibuerunt delatis revelentur et quod a sententia inquisitionis possit ad vestram sanctitatem appellari seu apostolicam sedem et etiam quod sanctitas vestra revocaverit ab ipsius inquisitionis officio scilicet Joanni Christofo de Gualbis et fratrem Joannem Ort exaudiendo eorum neophitorum petitiones quibus etiam audientia deneganda est, postquam inquisitores ipsi modeste et decenter prosequuntur, aliter enim spectantes alios favorabiles et faciles sibi optinere inquisitores, et alia a S. V. impetrata indulta talem suscipiunt audaciam quod non timent in eorum erroribus persistere. Predictæ autem relationi impendimus fidem nullam, quod talia visa sunt quod nullatenus concedenda erant per S. V. que hujusmodi sancte inquisitionis negotium dirigere debet. Et si per dictorum neophitorum importunas et astutas persuasiones ea concessa forsitan fuerint eis nunquam locum dare intendo. Caveat igitur S. V. contra dicti negotii prosecutionem quicquid impedimenta concedere et si quid concessum fuerit revocare et de nobis ipsius negotii cura confidere non dubitare. Sed postquam S. V. aperte novit quantum cedit imo preter astutissimas neophitorum circuitiones opus est in Dei servitium et cristiane fidei decus quod inquisitores heretice pravitatis secundum beneplacitum et voluntatem meam in his regnis et terris meis instituantur et regio meo favore freti onus inquisitionis exerceant et hoc quidem modo ea que agenda sint perfici possunt et aliter nihil bene ageretur circa ea quod facile quidem intellegi potest ex hoc quam superioribus temporibus dum de ejusmodi negotiis ego aut predecessores mei non nos intromittimus heretica pravitas in tantum succurrit et ejusmodi morbi contagio per cristianum gregem se extendit quod quamplurimi qui pro cristianis habebantur non modo non cristiane sed neque secundum legem aliquam vivere reperti sunt et multa que ab illis in Cristi neglectum et vilipendium fiebant aperta sunt et in dies efundentur in

publicum que ita pro dolor eveniunt culpa atque nequitia inquisitorum preteritorum qui munibus et corruptelis ab inquisitionibus desistebant aut eas minus bene prosequerantur. Dignetur igitur eadem S. V. hic mihi concedere circa inquisitiones predictas videlicet quod sanctitas vestra quamprimum confirmet predictos fratrem Joannem Cristoforum de Gualbes et fratrem Joannem Orts in dicto inquisitionis officio confirmetque eadem S. V. comisionem ad meam instantiam nuper factam per magistratus ordinis fratrum predicatorum fratri Gaspari Jutglar conventus illerdensis super instituendis et destituendis inquisitoribus in dicta provincia secundum beneplacitum et voluntatem meam. Aut si melius videbitur S. V. alicui alteri fratri similem comisionem faciat ut semper inquisitores nobis acceptos in dicta provincia habeamus, quoniam alios contra voluntatem nostram hujusmodi officium exercere nunquam permittere intendimus. Ita cum hec omnia fieri expedit pater sancte in obsequium Christi et catholice fidei decus jubeat ergo Sanctitas vestra apostolicas provisiones et literas super predicta ilico expediri quod erit mihi vehementer gratum accipiamque singularis beneficii loco ab eadem Sanctitate vestra cujus almam personam Jesus optimus maximus feliciter et cum sacre Ecclesie columna tueatur. Ex Corduba urbe XIII die maii a nativitate Domini MCCCCLXXXII. De vuestra santidad muy omil e devoto fijo que vuestros santos pies y manos besa el Rey de Castilla y de Aragon. Camanyus secretarius.

XII.

Memoria de diversos Autos de Inquisicion celebrados en Çaragoça desde el ano 1484 asta el de 1502 en que se refieren las personas castigadas en ellos. [1344]

(См. стр. 244).

Los serenissimos Reyes catholicos don Fernando y doña Isavel mandaron poner en Çaragoça el sacrosanto tribunal de la fe en el año de 1484. Lo mismo en Catalonia y Valencia.

Fue el primero Inquisidor Apostolico El Maestro Julian de la orden de Predicadores al qual se entiende que mataron los Judios atossigandole en unas rosquillas que le presentaron. El Glorioso Maestro Pedro Arbues de Epila llamado vulgarmente el Maestre Epila, fue muerto por los converses estando en los maytines de media noche en la seo de Çaragoça, de donde era canonigo a 17 de 7bre de 1485.

AUTOS DE FE DEL ANO 1484.

Пример автомобиля.
1484.

A 10 de Mayo de 1484, domingo, se hizo auto de fe en la seo de Çaragoça. Predico el Inquisidor el Maestro Julian y fueron sacados en el los siguientes.

1. Primero, Leonora Eli por ceremonias Judaycas, y quando oya nombrar del SS.^{mo} nombre de Jesus respondia, called no le nombres que es nombre de enforcado.
2. Felipe Salvador alias Santicos botiguero por ceremonias Judaycas, comer carne en viernes, y en la quaresma, este fue primo hermano de Pedro de la Cabra Judio.
3. Leonor Catorce Valenciana, muger del dicho Santicos, por ceremonias Judaycas, comer Amin [1345] y carne en viernes y savado y aver ayunado el ayuno de Quipur.

4. Isavel Muñoz Castellana, por los mismos delitos y que quando dezia el credo, y llegava à aquellas palabras et in Jesum Christum, dezia Aqui cayo el asno.

Todos estos fueron penitenciados por hereges y confiscadas sus haziendas.

ABTO 2.

A 3 de Junio, en el patio de la casa del Arzobispo, *predico el Santo martyr Pedro Arbues*, fueron condenados a muerte,

1, 2. Dos hombres por hereges Judayzantes, el uno dellos fue aogado porque murio reducido.

3. Aldonza de Perpiñan, muger de Manuel de Almazan, por ceremonias de Judios, y aver bestido a doze pobres Judios en honor de las doze tribus de Israel, algunos años, Ayunar el Quipur y dar limosna a la cedaza, quemaronla en estatua por ser difunta.

ABTO 3.

1485.

A 20 de Diziembre, Biernes, A las espaldas del hospital de nuestra señora del Portillo. Predico el Prior de Predicadores, fueron quemados.

1. Alvaro de Segovia por ceremonias Judaycas, comer Amin y carnes degolladas en sus ritos, y en quaresma, Ayunar el Quipur, leer la Biblia en hebreo bajo de un pabellon, y despues la hazia adorar a sus hijos—quemado.

2. Joana Sinfa porque de Judia hecha Cristiana volvio a los ritos Judaycos y vivia como Judia,—quemada.

ABTO 4.

1486.

A treze de febrero. En la seo. Predico el Maestro Crespo y sacaron en el tablado a

1. Jayme la Gasca con una bela ardiendo en las manos por ceremonias Judaycas. No le confiscaron los bienes por aver confessado dentro del tiempo.

ABTO 5.

1486.

A 24 de febrero, Biernes, en nuestra señora del Portillo. Predico el Maestro Crespo, canonigo del Pilar. Sacaron en el a

1. Salvador Esperandeu el viejo zurrador, porque siendo Cristiano hizo ceremonias Judaycas, comio Amin, y Pan cotazo, [1346] y carne en la quaresma, guardava el savado, y travajava el domingo, ayunava el Quipur, y escarnecia al quерpo de nuestro señor Jesu Cristo—fue quemado.

2. Gumien Berguero, siendo cristiano hizo todas las ceremonias de Judios y llevaba abito de Rabi, fue quemado.

3. Ysavel de embon, muger de Gilabert Desplugas, siendo cristiana dava azeyte a la sinagoga, y hazia ceremonias Judaycas—fue quemada.

4. Dionis Ginot, notario, por casado dos veces viviendo la primera muger, y fugitivo—quemado en estatua.

5. Pedro Navarro mercader, por ceremonias Judaycas y escarnecer el santisimo sacramento, y fugitivo—quemado en estatua.

6. Maestro Martinez, jurista de Teruel por ceremonias Judaycas y aver quebrantado su carcel y huydose—quemado en estatua.

ABTO 6.
1486.

A 17 de Julio [Marzo] Biernes, en nuestra señora del Portillo, Predico el Maestro Crespo, y sacaron al tablada a

1. Francisco Clemente notario por ceremonias Judaycas, quemado.

2. A su muger por lo mismo, quemada.

3. Miguel de Oliban çapatero por ceremonias y manjares Judaycos, y porque dezia que el buen Judio se podia salvar en su ley como el buen cristiano en la suya, y que la de Moysen era buena, y que nunca avia creydo en la S.^{ma} Trinidad ni en la Virgen nuestra señora Maria S.^{ma}, fue quemado.

ABTO 7.
1486.

Biernes a 28 de Abril, en el mismo lugar. Predico el Maestro Crespo. Fueron castigados los que se siguen.

1. Pedro de Orrea, mercader, por ceremonias Judaycas, y averse hecho circuncidar y quando beja la cruz o el SS.^{mo} Sacr.^{to} se escondia por no benerarlos—fue quemado.

2. Anton de Pomar Berguero, por ceremonias Judaycas, y siendo cristiano no savia el Paternoster ni el credo—fue quemado.

3. Francisco Tornabal pelayre por Relapso, y casado con dos mugeres veladas—quemado.

4. Maestro Puremiofer [Pedro Monfort], Vicario general de Çaragoça, por aver venido contra la Inquisicion en Mallorca y Çaragoça y dezir que el buen Judio se podia salvar como el buen cristiano, y entre los Judios jurava por la ley de Moysen y por los diez mandamientos, y dezirles que tenian buena y santa ley—quemado en estatua.

5. Mossen Pedro Maños cavallero, que siendo cristiano se paso a las ceremonias Judaycas—quemado en estatua.

6. Manuel de Almazan mercader, por ceremonias Judaycas, comer Amin y Arrequequer y dar limosna a la cedaza y pagar a un Rabi porque le fuesse a leer la ley de Moysen—fue quemado.

Авто 8.
1486.

Domingo de la S^{ma} Trinidad a 21 de Mayo, dentro de la seo. Predico el Maestro Martin Garcia Inquisidor, sacaron a

1. Joan Cid, sastre por ceremonias Judaycas, fue penitenciado y confiscados los bienes.
2. Rodrigo Gris, carnicero, que siendo cristiano hazia ceremonias de Judios, y el Jueves S^{to} se hartó de Gazapos.
3. Джейм Редо, комиа карнес ан бьернес С^{по}.
4. Joan de Alcala, portero del Justicia de Aragon, por ceremonias Judaycas, y comer carne en quaresma, caso dos veces en vida de la primera muger.
5. Гиладель Деплугас, "О церемониях иудейских".
6. Jayme de Caseda, corredor, por lo mismo.
7. Anton Matheo, Botiguero, por comer carne en quaresma y gallinas en Viernes S^{to} y darles la bendicion a sus hijos passandoles la mano por la cara.

Todos estos fueron penitenciados.

Авто 9.
1486.

A 25 de Junio Biernes en la seo. Predico el Maestro Martin Garcia, fueron penitenciados por hereges los siguientes.

1. Jayme Navarro mercader, por ayunos y ceremonias de Judios, yr a la sinagoga à orar, dezir que si Cristo n. S^r. fuera dios no temiera el morir.
2. Felipe de Moros, mesonero de la Almunia, porque se caso con dos mugeres vivas, ceremonias de Judios, y aver llevado à ganar torpemente una muger cristiana.
3. Clara Mateo, muger de Alvaro de Segovia, por ceremonias Judaycas y dezir que no estava nuestro Salvador en la ostia, y que no dezia verdad en la confession porque creya que todo era burla sino la ley de Moysen.
4. Леонор Ромео мугер де Антон Матео, "Иудейские церемонии".
5. Joan de Aragon, botiguero, en cuerpo y con bela en el tablado, por que tuvo conbiados a unos Judios, y dezia Cristianos de natura, Cristianos de mala ventura, y que mas valia dar à ganar al medico Judio que al Cristiano, y por sospechoso en la fe.

ABTO 10.
1486.

A 30 de Junio, Biernes, en la puerta de la Seo, predico el Inquisidor Abad de Aguilar, fueron condenados a muerte

1. Joan de Pero Sanchez mercader, que dijo a Joan de la Badia que si matara al Inq^r Maestro Epila le daria 500 florines de oro, y mas dijo a Caspar de Santa Cruz y a Mateo Ram en casa de Juan de Esperandeu, y delante dellos encargo a Vidau frances que matasse al Inquisidor que el se lo pagaria muy bien, porque era tesorero del dinero que tenian para defenderse los Judios, y porque Judayzava y dezia que la mejor ley era la de Moysen, y que maldijo a su padre por averse tornado cristiano. Arastraron su estatua con una bolsa al cuello por Çaragoça y despues la quemaron en el mercado.

2. Joan de Esperandeu Zurrador por asesino de la misma muerte y porque un savado fue con Vidal frances y Mateo Ram a la Reja del estudio del Maestre Epila para arrancalla, y no lo executaron porque fueron descubiertos, y passados 4 o cinco meses fueron a la seo a Maytines tras del dicho Inquisidor y allandole arrodillado entre el altar mayor y el coro, esperandeu, durango frances, Ram y Abadia, dijo este al Vidau, dale que este es, y el Vidau le dio una cuchillada de rebes, que le abrio desde la cerviz asta la barba, y esperandeu le dio una estocada que le paso el brazo izquierdo, este era fino Judio y circuncidado, y lo arrastraron vivo y delante de la puerta mayor de la seo le cortaron los dos manos, y de alli le llebaron arrastrando al mercado y en la horca le cortaron la cabeza y le hizieron quartos y las manos las enclavaron en la puerta pequeña de la diputacion, y los quartos por los caminos.

3. Vidau durango frances zurrador, criado de Esperandeu confesso que avia ydo muchas vezes a casa de Gaspar de Santa Cruz y de Pero Sanchez y como ellos y Sancho de Paternoy trataban la muerte del Inquisidor, y como le allaron arrodillado los dichos Vidau y Mateo Ram, esperandeu y la badia y otros que el no conocio porque yvan con mascarar, y que el dicho Abadia llamo al dicho Vidau y le dijo aparte, cata que le des grande golpe en la cara, o, en el cuello, que de otra manera no lo mataras porque lleva cerbillera y Jaco de malla, y despues que el dicho la badia se lo mostro y certifico era el Inquisidor el que estava arrodillado, le dio Vidau una cuchillada de rebes que le derrivo las varillas, y le corto la bena organical de la cerviz, y de este golpe murio, y poresto fue Vidau arrastrado por la ciudad y vuelto a la plaza de la seo le aogaron y cortaron las manos, y esto se hizo por no darle tanta pena como al otro, porque dijo toda la verdad, y despues de muerto lo arrastraron asta el mercado y le hizieron alli quartos que los pusieron por los caminos y las manos en la puerta de la diputacion.

ABTO 11.
1486.

A 28 de Julio, Biernes en la plaza de la seo, predico el Maestro Crespo, fueron condenados al fuego

1. Caspar de Santa Cruz porque siendo cristiano comia y ayunava y hazia ceremonias como Judio, y porque el y Joan de Perosanchez offrecieron a Juan de labadia 500 florines si matava al santo Inquisidor y que ellos le favorecerian, y como se allo en su muerte y en las Juntas donde le fraguaron, que fueron la primera en el temple, la 2da en Santa Engracia, la 3^a en el portillo, y por averse huydo a Tolosa de francia, donde murio, le quemaron en estatua, y a Geronimo de Santa Cruz su hijo que lo acompaño a Tolosa le dieron por penitencia que llevasse alla el processo o sentencia de su Padre y

que hiziesse desenterrar los huesos y los quemasse y tragesse relacion dello de los Inquisidores de Tolosa, y assi lo execute.

2. Martin de Santangel, porque siendo cristiano hazia ceremonias de Judios, complice en la dicha muerte del santo Inquisidor, aver contribuydo en el dinero recogido para ella, traer en sus horas quatro oraciones en hebreo y aquellos rezava, quemaronle en estatua.

3. Violante Salvador, muger de Caspar de Santa Cruz, por ceremonias Judaycas, y no guardar el domingo. Por lo qual dezian sus criados que mas parecia su casa de Judios que de cristianos, y antes de yr a missa comia, y ponía tozino en la olla de los mozos y no en la suya porque guardava la ley de Moysen, quemaronla en estatua.

4. Garcia lopez, mercader, que siendo cristiano hizo ceremonias Judaycas y dava limosna a la cedaza, y tenia horas y Biblia en Hebreo, y nunca se confesso ni comulgo, y no creya que en la ostia consagrada estava dios, y tenia una mandragula en su cama y cada dia ponía en ella cinco sueldos y se yva a missa y quando querian alzar la ostia se salía de la yglesia, y entrava en su camara a ver la mandragula y allava diez sueldos en ella, y luego la adorava en el culo cada dia, quemaronle en estatua.

5. Pedro de Exea mercader, siendo cristiano hizo ceremonias Judaycas, comio Amin y Arruqueques y carne en dias prohibidos, yva a las cabañas de Judios y dava limosna por la ley de Moysen, y avia dado dineros a su muger para la bolsa contra la Inquisicion para efectuar la muerte del santo Inquisidor, de que tuvo mucho placer. кемаронле.

6. Violante Ruys muger de N. de Santa Maria siendo cristiana hizo ceremonias de Judios, comia carne en dias prohibitos, nunca se santiguava ni arrodillava al alzar la ostia. кемаронла.

Авто 12.
1486.

A 6 de Agosto, domingo, predico el Maestro Garcia y salieron penitenciados por hereges

1. Joan de Santa Clara, por ceremonias y ayunos de Judios, volver los ojos por no ver alzar en missa, y quando contratava con cristiano de naturaleza lo procurava engañar, y se alegrava y dezía a otro confesso, Calle que estos cristianos de natura decaen poco a poco les daremos su ajo. Inviava a sus hijos à la Juderia para que les diessen la bendicion, y tenia una mandragula y la adorava en el culo, y dava limosna a la cedaza. fue penitenciado.

2. Diego de yta.

3. Clara Belenguer muger de
Джоан Фрэнсис.

4. Gracia Esplugas

5. Leonor salillas muger de
Педро Санта-Клара.

Penitenciados.

—Por ceremonias Judaycas y
otros graves errores en la
fe, y no creer en muchos
misterios della.

АВТО 13.
1486.

A 24 de setiembre domingo en la seo, predico el Maestro Martin Garcia, y salieron por hereges con corozas los siguientes.

1. Beatriz lobera por ceremonias Judaycas y dezir que los cristianos eran idolatras.
2. Виоланте Вельвюр, muger de M^p Гонсало де Санта Мария, "Иудейские церемонии".
3. Isavel Cruyllas, muger de Pedro de Almazan, ceremonias Judaycas, y porque hizo enbendar a un hermano suyo difunto a lo Judayco, y a un hijo enfermo lo hizo passar tres vezes por bajo de la horca tapiada en fe de que sanaria, y dezir que los cristianos de natura eran cristianos de mala ventura, y aver comido huevos crudos el dia de la muerte de su hermano, ceremonia de Judios.
4. La muger de Redo, hazia parar una mesa con mantiles en la bodega, diziendo que vendria a comer en ella el diablo y que le daria muchos bienes de fortuna, y mandava a la criada que quando cubriesse la mesa no dizesse Jesus aunque viesse algo, y que la mataria si lo nombrava, y por ceremonias Judaycas.
5. Antona Rodriguez, por dichas ceremonias, y degollar las aves al modo Judayco, y echar sobre la sangre polbo, y hazer que le bendijesse un Judio los bestidos.
6. La muger del bermejo, no sabia el credo sino asta Patrem omnipotentem, y ceremonias Judaycas.
7. Joan de Pueyo, tras mudador por casado dos vezes.
8. Франсиско дель Ройо, "Иудейские церемонии".
9. Miguel de Almazan, por no aver notificado que estava circuncidado estuvo con cirio al pie del altar. pareciasele la faba de la parte alta (?).
10. Maria de llano testifico que vivian como Judios luys y Joan de Joan Sanchez y su muger, y el luys sanchez tuvo noticia dello y offrecio a dicha Maria muchas vezes que si yva y dezia a los Inquisidores que lo que avia depuesto contra ellos era con malicia y le desdezia la casaria y le daria para un manto, y de lo mismo le ablo un dia m^r Alonso Sanchez en el carmen, y con esto la hizieron desdezir. Pero despues volvio a confessar la verdad, confirmando lo que avia testificado contra ellos primero. Por lo qual estuvo en la grada del tablado con un cirio.

АВТО 14.
1486.

A 21 de Octubre savado en la plaza de la seo, predico el Maestro Martinez, fueron relajados al fuego los siguientes.

1. Bernad de Robas mercader, padre de Francisco de Robas, passo a las ceremonias de judios, y los Viernes Santos se ponía un capirote de Judio, y uno de estos Viernes el y otros confessos comieron gallinas y capones en cierta casa, y dezia, Pues estos cristianos de mala ventura hazen oy el llanto, hagamos nosotros el canto. кемаронле.

2. Galceran Belenguer velero, se passo a las ceremonias Judaycas, travajava los domingos, y decia que la ley de Moysen era mejor que la de Jesu cristo, y un dia passando unos frayles de la Compania de Santa Maria de Jesus, dijo como se hallaran burlados estos, pues no ay otro mundo sino este. кемаронле.

3 Gabriel de Aojales mercader, dezia ser mejor la ley de Moysen que la de los cristianos, y un dia leyendo en presencia de otra persona la Biblia dijo, mirad si es mejor creer a todos estos profetas que no a lo que dizen aquellos doze borrachos, entendendolo por los doze Apostoles de Cristo n. s. passo a las ceremonias Judaycas y le quemaron.

4. Guillen de Bruysan mercader, hazia las mismas, y dezia que qualquier que viniesse contra la ley de Moysen haria mal fin, y que ella era mejor que la de los cristianos. кемаронле.

5. Gonzalo de Yta, por dichas ceremonias y comio en la Juderia y muchos vezes con su Padre que era Judio. кемаронле.

6. Rodrigo de Gris carnicero, Padre de mossen Gris, fue sacado primero en otro auto por herege, y aviendolo penitenciado en darle por carcel una casa cave san Felipe, y con penas de Relapso se fue de la carcel y bolvio a cometer los mismos crimines, y en este auto le quemaron en estatua.

7. Maria Labadia muger de Martin Salvador panicero comia carne vienes y savados, y los vienes por la tarde ponia manteles limpios en la mesa, y dos lamparas encendidas colgadas en una querda a cada punta de la mesa, y los otros dias comia en mesa diferente, y dezia que no lo queria hazer delante de su yerno porque era cristiano de mala ventura, y que la ley de Moysen era mejor que la nuestra y que se avia allado y venido en la muerte del Inquisidor Me Epila, y por ceremonias Judaycas. La quemaron.

Авто 15.
1486.

A 29 de Noviembre domingo, en la plaza de la seo, predico el Me Martinez, y fueron condenados al fuego los siguientes.

1. Pedro de Moros, por ceremonias de Judios y dezir que la ley de Moysen era la mejor de todas, y que el Rey que hazia la guerra a los Moros venia contra el mandamiento de dios.

2. Alvaro de Sevilla carnicero, el dia que ayunava el ayuno de Quipur abrazava a otro confesso por ceremonia de Judios y dezia que la ley de Moysen era mejor que la de Cristo.

3. Cristoval de Gelba comia con los moros de sus manjares y conversava con ellos y dezia que era Moro y que le llamavan Alfans, y hazia oracion en la Mesquita como moro, y ceremonias Judaycas.

4. Joan de Vitoria por las mismas y por pedir por las Juderias para la cedaza, diziendo que era Judio.

5. Catalina Sanchez, Madre de Mossen Pedro Bagues por dichas ceremonias y hazer todas las cosas de los Judios y observar sus ritos.

6. Francisca Daniel muger de Jayme Daniel por dichas ceremonias y enbiar limosna para bendezir las fazes de sus hijos al Ravi de la Juderia y les hazia llevar antorchas delante de la Tora.

7. Blanquina Fernandez, muger de Pedro Fernandez corredor, por lo mismo que Francisca Daniel.

8. Blanca de Adam alias Leonor de Montesa, por lo mismo.

9. Maria Rodriguez passo a las ceremonias Judaycas, fue muger de Joan Rotoner tinturero, nunca supo el credo, hazia bendezir sus hijos al Ravi, no creya que en la ostia consagrada estuviesse dios, y quando massava hechava pedacillos de massa en el fuego, ceremonia Judayca.

10, 11. Pedro y Luys de Almazan, hijos de Manuel de Almazan porque estaban circuncidados los tenian por sospechosos en la fe, y assi les dieron por penitencia que mientras se dezia en la Yglesia el officio assiatiessen con sendas belas, y los desterraron de Çaragoça por diez años.

Auto 16.

En el portillo

sacaron solamente

a este reo.

1486.

Micer Francisco de Santa Fe complice en la muerte del Santo Me Epila estando preso en la Inquisicion vienes a 15 de Deziembre de este año 1486, entre ocho y nueve de la mañana se arrojó desde las almenas de la torre en donde estava su carcel, en camisa, y del golpe quedo muerto, y este dia lo llevaron junto al portillo, y alli le mandaron leer los Inquisidores su processo en donde se dijo como avia passado a las ceremonias Judaycas, y que en su casa enseñava a un Judio las oraciones dellas, y dezia que la ley de Moysen era mejor que la de cristo, y que qualquier buen Judio se podra salvar, era retajado, y leyda su sentencia le quemaron y pusieron los guesos en su camisa y en una cajuela lo hecharon por ebro abajo. Este auto lo quento por el 16, por averse hecho con toda esta solennidad.

АВТО 17.

1486.

A 17 de Deziembre domingo en la seo predico el M^o Martin Garcia y fueron condenados por hereges los que se siguen.

1. Fernan lopez de Teruel porque siendo cristiano hazia ayunos y ceremonias de Judios, y dezia que la ley de Moysen era mejor que la de los cristianos, y quando se confessava nunca dezia verdad.

2. Bernad Sabadias por lo mismo y teniendo por mejor la ley de Moysen dezia que la de los cristianos toda era trancos barrancos (?).

3. Bartolome Sanchez por ayunos y manjares Judaycos, yr a la sinagoga con los Judios, y aver dicho a uno dellos, Cornelio bien te estas en la ley de Moysen que mejor es que la de los cristianos.

4. Gilabert de Almazan que siendo cristiano passo a los manjares y ceremonias Judaycas, dezir que tan bien se podra salvar el buen Judio como el cristiano y que no havia Infierno, y que el Parayso era tener dinero, y que un dia que jurava por la ostia consagrada, sabiendo uno de los que le oyeron que mentia le dijo que porque jurava mentiendo, y le respondió que todo el juramento era burla, y quando alzavan en la missa se passeava sin arrodillaise jamas.

5. Beatriz Daniel, muger de caseda el calcetero, porque despues de vuelta cristiana siguió los ritos Judaycos.
6. Isavel Matheo, muger de Leonart Sanchez por lo mismo, y aver ydo a la fiesta de la circuncision de un Judío.
7. Isavel Belloc, muger de Leonart de Sabrelas, por ceremonias, manjares y ayunos Judaycos.
8. Salio tambien un cristiano por blasfemo de dios y de nuestra señora, atravesada la lengua por una caña el rato que duro el officio.
9. Un Judio por blasfemo, con freno en la boca, y espuerta de paja y coroz. estuvo assi quando duro el officio

АВТО 18.
1487.

A 21 de henero Jueves en la plaza del Portillo, predico el M^o Martinez, y salieron condenados al fuego

1. Joan de la badia difunto, sobre una cavalgadura, que el dia antes se desespero en la carcel comiendose una lampara de vidro a pedacitos, fue este malvado quien anduvo mas de año y medio por matar al Santo Inq^r Me Epila en compañía de Esperandeu, Mateo Ram, Vidau frances y otros Judios induciores que yvan en su compañía con mascarar. este Juan de labadia fue quien dijo a Vidau frances dale que este es. Arrastraronle difunto, y le cortaron las manos, y lo hizieron quartos, que los pusieron por los caminos.
2. Pedro de Almazan mercader que despues de cristiano hizo ceremonias de Judios, inducior y complice de dicha muerte, fue quemado in estatua.
3. Anton Perez, que vuelto cristiano hizo ceremonias Judaycas, y tratandose un dia en su presencia del S^{to} Inq^{dor} dizo que seria mejor matalle, y que se haria con 200 florines. fue quemado en estatua.
4. Joan Belenguer corredor, que despues de convertido a la fe volvió a los ritos de Judios y un Jueves santo lo hizieron azotador de Jesu cristo, y el se alababa dello, diziendo yo os juro a dios que yo me bengare y me tirare el deseo y le fustigare de azotes, yva con su muger a lascabañas de los Judios y dezia Yo Judio soy, y tengo placer de ser Judio. quemaronle en estatua.
5. Pedro de Vera notario, que vuelto cristiano volvió a los ritos y manjares Judaycos, ayunava el quipur, y era recogedor de la moneda y bolsa de los confesses, y encendía las lamparas de la sinagoga. кемаронле в эстатуа.

АВТО 19.
1487.

A 15 de Febrero domingo, en la seo, Predico fray Pedro ferriz Prior de S. Augustin, salieron en el auto los siguientes.

1. Anton de ojos negros Çapatero, por ceremonias y ayunos de Judio y dezir que nuestra santa ley era burla y que no la creya.

2. Ramon Cruyllas, que siendo cristiano hazia ritos de Judio.

3. Jayme de Robas mercader, que vuelto cristiano passo a las ceremonias Judaycas y por consejo de Pedro de Urrea y de Alvaro de Segovia dava limosna a los Judios y dezia que el misterio de los santos corporales de daroca era cosa de burla y bellaqueria, y que no lo creya nada. 4. Joana de la Tiria, muger de diego de la Tiria sastre, vuelta cristiana uso de todas las ceremonias de Judios, no savia del credo sino asta creatorem celi et terræ, no creya que en la ostia consagrada estuviesse el cuerpo de Cristo dios y hombre, dezia que los Judios no le avian muerto y avia ayunado el quipur mas de 30 años.

5. Me Joan de lo poret bainero por casado dos vezes.

6. Leonor Calvo, segunda muger de loporet, en vida de su marido.

АВТО 20.

1487.

A 15 de Marzo en la plaza de la seo Jueves. Predico el Maestro Miguel y fueron condenados al fuego

1. Joan Rodriguez, mercader, porque vuelto cristiano volvio a, las ceremonias y ritos de Judio, y dezia cristianos de natura cristianos de mala ventura, y quando alguno dezia Jesus respondia callad que es nombre de Penzat.

2. Pedro fernandez, corredor, despues de cristiano volvio a las ceremonias de Judio, y estando muy enfermo le dezia una hermana suya, hermano encomendaos al dios de Abraham, y el no le respondia.

3. Joan ortigas mayor, corredor, que vuelto cristiano Judayzo y comia carne en la quaresma, y dezia aquel refran de cristianos de natura &c., y porque sermonava en casa de un Judio la ley de Moysen donde azotavan la imagen de un crucefisso, y el era uno de los que azotavan, y despues lo hecharon en el fuego para que se quemasse. quemaronle en estatua a este impio.

4. Joan Ram, despues de hecho cristiano volvio a los ritos de Judio y llebaba una nomina escrita en hebreo, fue yerno de Joan de Perosanchez y factor y assessino del S^{to} Inq^{or} y daba dinero para hazerla.—quemaronle en estatua.

5. Mr Alonso Sanchez, por ceremonias y comidas de Judios, y porque bestido con roquete como Rabi leya à otros malos cristianos la ley de Moysen, y azotaban despues un crucifisso y lo arrojavan en el fuego. Ybase a la sinagoga a rezar con su capirote y tabardo de Judio y trabajo con todas sus fuerzas porque matassen al S^{to} Inq^{or}, y por ello prometio buena paga y lo trato con algunos diziendoles que sino querian matar al Inq^{or} Me Epila almenos matassen a Mr Martin de la Raga qui era Asector de la enquesta. Arrastraron su estatua y despues la quemaron.

6. Garcia de Moros, notario, que vuelto cristiano volvio tan bien a las ceremonias Judaycas, y aver dicho dos dias antes que matassen al S^{to} Inq^{or} a un amigo suyo a quien el solicitava mucho para dicha muerte, haveys visto que caso ha sido matar a m^r Pertusa, pues antes de muchos domingos vereys otro caso mayor, y que despues de muerto el S^{to} Inq^{or} dijo a un otro amigo, que os parece de esta muerte, quan bien hecha ha sido, y respondiendole el amigo que no dizesse tal, y reprehendendole dello, le bolbio a dezir, dejaos estar desso que todo se passara. Arrastraron y quemaron su estatua.

7. Leonor Perez, muger de Garci lopez.

8. Анджелина Санчес, мугер де Guillen Buysan.

9. Gostanza de Segovia, muger de luys de la cabra, argentero.

—Todas tres por ceremonias ayunos y comeres Judaycos fueron quemadas en estatua.

10. Joan Frances, despues de cristiano hizo ceremonias de Judios y dezia el salmo de la maldicion porque dios matasse al Inq^{or} al Rey y a la Reyna, dezia que no avia otro parayso sino el dinero y que mas queria yr al Infierno con los ricos que al parayso, y quando yva a missa dezia por escarnio que yva a masar, fue sospechoso en la muerte del S^{to} Inq^{or}, quemaronle.

12 (11?). Mateo Ram, despues de hecho cristiano volvió a Judayzar y trabajo mucho en procurar se efectuasse la muerte del S^{to} Inq^{or} y aunque esperandeu le hirio con una estocada en el brazo y Vidau con la cuchillada del cuello, este Mateo le dio una estocada que le passo el cuerpo. Arrastraronle y le cortaron las manos y las clabaron en la puerta de la diputacion, y despues le quemaron.

Авто 21.

1487.

El primero de Abril, domingo en el hospital, predico el M^o Martin Garcia, y pusieron en un cadaalso a la puerta de la yglesia a un

1. Clerigo porque se avia fingido Inquisidor con una probision falsa en un lugar de Mossen Belenguer de Bardaxi, y avia hecho una prision a esse pueblo.

Авто 22.

1487.

A 6 de Mayo, domingo, en la seo predico el M^o Martin Garcia y estuvieron con cirios al pie del altar en todo el officio los siguientes.

1. Mossen Guillen Sanchez,

2. Joan de fatas, notario,

3. Pedro Augustin,

4. Bernardo Bernardi, florentin

5. Педро Селдрион. Todos cinco porque fueron defensores de

6. Жоан де Перо Санчес, еретик, святотатец, Матадор от^{до} Inq^{или} призыватель Женщин и матадоров. estando el dicho Joan de Perosanchez presso en la ciudad de Tolosa de Francia a instancia de un estudiante que se llamava Antonio Augustin, que despues fue—de Aragon, y de otros dos estudiantes que lo escribieron luego con sus criados avisandolo a los Inq^{es} de Çaragoça como le avian hecho prender. Vinieron los criados con las cartas a la casa de los dichos Joan de fatas y Pedro Augustin su hermano, donde los detuvieron abriendo las cartas y las mostraron al dicho Mossen Guillen Sanchez hermano del dicho Joan de Perosanchez, y luego escribieron todos los cinco a los

estudiantes de Tolosa y a otros amigos para que alli renunciassen el reclamo de la prision y le hiziessen soltar, y assi se hizo, y despues de hecha esta diligencia con ellos dieron las cartas a los Inq^{res} y ellos despacharon a Tolosa para que lo tuviessen a buen recado, pero ya entonces estava libre de la carcel Joan de Perosanchez. For este delicto los hizieron abjurar a los cinco y que si tornavan a hazer tal o semejante delicto les darian la pena del derecho, y los condenaron a todos cinco en mil florines de oro y en las expensas hechas y por hazer, y los pribaron de sus officios quedando en arbitrio de los Inq^{res} el priballos de officio y beneficio.

Авто 23.
1487.

A 20 de Mayo, domingo en la seo, Predico el M^o Forcat, y huvo en el cadalso 6 mugeres y un hombre, y al pie del altar quatro hombres.

1. Leonor Castillo, muger de Alvaro de Sevilla, Judayzante.
2. Беатрис Косколлуэла, мугер де Педро Педраса, Джудайзанте.
3. Хоана Триго, мугер де Жоан де Альтабас, Джудайзанте.
4. Isavel de Rueda, madre de Pedro Salvador, lo mismo.
5. Violante Mongua, muger de Jayme Santa Clara, lo mismo.
6. Maria del Rio, muger de Gonzalo Ruyz, Judayzante y comer carne en quaresma.
7. Joan de Altabas, pintor, por ceremonias de Judios.
8. Anton de Jassa, despues de cristiano por Judayzante comer arrecuques y Amin y carne en quaresma, y sospechoso de la muerte del S^{to} Inq^{or}.
9. Garcia de Moros el Joben estuvo con un cirio por sospechoso de la dicha muerte, y por yr a jugar a las canañuelas de los Judios.
10. Pedro Pinet, capellan de Alcañiz, que defendia cinco opiniones hereticas contra la s^{ma} trinidad.
11. Joan Traper por fautor y defensor de hereges, y aver querido matar a Anton Baptista por un testimonio signado que no se puede aver, y dezir yo tanto tengo de una missa como un asno de una albarda, y que queria hazer un hijo en savado para que fuesse Ravi y por sospechoso en la muerte del S^{to} Inq^{or}.

Авто 24.
1487.

A 18 de Agosto savado en la plaza de la seo, Predico el M^o Martin Garcia, fueron condenados a muerte y al fuego,

1. Diego de Gotor notario y procurador, que despues de convertido a la fe volvio a las ceremonias de Judio, y dijo que seria bien matar al S^{to} Inq^{or} porque no osasse venir otro, y que assi se desharia la enquesta.—quemaronle en estatua.
2. Pedro de Almazan menor, que convertido a la fe volvio a las ceremonias y manjares Judaycos, y dijo que seria bien matar al S^{to} Inq^{or} y dio dinero en la bolsa comun para dicha muerte, y averse allado con otros en azotar un crucifisso—quemaronle en estatua.
3. Pedro Salvador, hijo de martin Salvador, nieto de Joan de la badia porque cupo en la muerte del S^{to} Inq^{or}, y aver dado de puñaladas a la muger de Pedro el carnicero porque avia sido testigo en la enquesta contra su madre.—le quemaron en estatua.
4. N. muger de Pedro Navarro, botiguero que hecha cristiana volvio a los ritos, ayunos y ceremonias de Judios, y que al tiempo de alzar el SS^{mo} SS^{to} volvia los ojos por no verlo.—quemaronla.
5. La madre de Anton Romeo, que convertida a la fe volvio a los ritos de Judios.
6. Leonor de Bello, madre de Abadia, por Judayzante, quemada en estatua.
7. Valentina Tamarit, muger de luys de Joansanchez, lo mismo.
8. Mossen luys de Santangel, a quien el Rey don Jayme [Juan] armo caballero en la guerra de Cataluña, despues de convertido a la fe volvio a las ceremonias de Judio, y hazia oracion en hebreo, y tenia la Tora en un altar en la torre de la huerta, y teniendo enfermo a un hijo dijo que dios no le podra sanar, y a un capellan que le dezia unas missas, Mas creo y mas fe doy a un p^r. x^r. que dize mi hija casera suya que a quanto vos dezis. y a una ymagen de un crucifisso la azotava, y escupia en la cara, y le hazia muchos vituperios, y lo tenia embuelto en un trapello bien ligado con unas cabezadas de mula. y se avian ajuntado en su casa, que era la que agora es de Alonso Celdron Bayle, para tratar la muerte del S^{to} Inq^{or} los siguientes, Joan de Perosanchez, Gaspar Santa Cruz, Garcia de Moros, Mateo Ram, Micer Alonso Sanchez, Micer Montesa y otros. Y otra vez se juntaron en casa de dicho Montesa, otra en el Portillo, otra en Santa Engracia, otra en el Temple, y el dijo a los otros que matassen al Inq^{or} y a Mr Martin de la Raga, y a Mr Montes frances a todos tres y a alguno dellos, y como fue alli concertado tomo cargo dello el dicho Mossen luys Santangel porque era hombre de espada, y Joan de Perosanchez que era hombre dineroso, y ambos dieron la orden y recado para que se hiziesse la muerte. Micer Algar Reg^{te} le dio por sentencia que le fuesse cortada la cabeza en el mercado, y que le pusiesse en un palo, y que el cuerpo fuesse quemado fuera de la puerta quemada, y assi se execute.

ABTO 25.

1487.

A 20 de Agosto lunes en la plaza de la seo, predico el M^o Martinez, fueron condenados a muerte tres hombres y una estatua.

1. M Jayme Montesa Jurista, del qual dijo su processo que despues de convertido a la fe hazia ceremonias de Judio, y que un Viernes santo estando en Calatayud hizieron unas desponsalias de un Judio con una Judia y dijo Mr Montesa a un escudero suyo que baylasse en ellas, y el le respondio que no baylaria en tal dia porque mas era dia de plorar, porque estando los cristianos en la yglesia en tales dias no era hora de reyr, y dijole Montesa que si facian el planto, que dios les diesse el crebanto, y esto otorgo muy largamente por escritura de su mano, y como se havia allado en el trato de la muerte

del S^{to} Inq^{or} Me Epila, y como para ello se havian ajuntado en el temple dos meses antes que la executassen el y Mosen luys de santangel, Joan de Perosanchez, Gaspar de Santa Cruz, Garcia de Moros, Mr Alonso Sanchez, Martin de Santangel y otros que alli se hallaron, y que dieron poder a Joan Sanchez porque era dineroso, y a Mossen luys porque era de Espada, y a otros que no se nombran, que en ello diessen orden y recado para hazer esta muerte y la de M Martin de la Raga y de Mr Pedro Montes frances, y que los sobredichos se ajuntaron otra vez en el portillo y dijeron como que se tardava mucho, y que no se hazia nada, y respondieron los que lo tenian a su cargo como ya se trabajava en ella y que tenian personas que la pondrian en execucion, y que havian estado dos noches en la seo en Maytines y no le havian podido allar y que no cuydassen dello que muy presto pondrian en effecto dicha muerte, y que al cavo de pocos dias se volvieron a juntar en Sta Engracia y les dijeron otra vez a los solicitadores de este caso que como se tardava tanto y respondieron que presto darian recado en dicha muerte, la qual perpetraron de alli a pocos dias. Mas dezian en su processo que habia el conbidado o allado a un hombre para si queria matar al Inq^{or} y que el hombre le respondio que no, y despues que fue muerto el Inq^{or} se topo con el dicho hombre y le dijo, Bueno fuera ganar 150 florines que ya es fecho aquello, a lo qual le respondio el hombre, Buen provecho os haga, que yo no me curo dello, Antes creo que todo este mal vendra sobre vosotros, a lo qual le respondio Mr Montesa lo fecho fecho es, que con el dinero lo faremos todo bueno con el Rey y con la Reyna, y todos los de la corte son nuestros, y los grandes de este reyno tan bien, que todo se passara. Y un dia despues del caso se hallaron dichos Mr Montesa y Gaspar de Santa Cruz y que le dijo 600 florines questa la muerte del Inq^{or}. fuele dada sentencia por Mr Algar Reg^{te} que le cortasen la cabeza en el mercado y la pusiessen en un palo, y le quemassen el cuerpo fuera de la puerta quemada.

2. Leonor Montesa, hija de dicho Mr Jayme Montesa, muger de Joan de Santa fe de Tarazona, siendo Bautizada vivia como Judia y seguia sus ritos, y avia 50 años que ayunava el quipur y dava limosna a la cedaza y aceyte a las lamparas de la sinagoga. кемапонла.

3. Violante de leon, Madre de Galceran de leon procurador por lo mismo que a la dicha leonor, y porque no creya que en la ostia consagrada estuviesse dios. кемапонла.

4. Cristoval de Gelva, despues de convertido a la fe, Judayzo y passo a la ley de Mahoma, dieronle por carcel perpetua el hospital de nuestra S^a. de Gracia, como a Relapso, y quebranto la carzel, y le quemaron en estatua.

Авто 26.
1487.

A 8 de Diz^e domingo en la seo, predico el Maestro Martinez, fueron sacados al cadaalso por hereges

1. Doña Catalina de Cuenca que hecha cristiana volvio a las ceremonias de la ley de Moysen y tuvo algunos errores.

2. Эсперанса Квиллок.

3. Клара Цербеллон, мугер де Жинонес вергуэро.

4. Мария Родригес мугер де Педро Анхель чапинеро.

5. Leonor Maza, muger de Jayme Garcia mercader.

6. Isavel de Genua, muger de Bar^o de Soria potrero.
7. Brianda de Gauna hija de Mossen Alvaro de Gauna.
8. Gracia de Anguas Vivas, muger de Joan Ruyz calcetero y de Guillen Ruyz belero.
9. Isavel de leon, muger de Joan de leon calcetero, fue a los desposorios de Jaque Judio hermano de su marido.

Todos nueve por Judayzantes, ayunos y comeres de Judios.

АВТО 27.
1488.

A 10 de Febrero Domingo, en la seo, Predico el Maestro Alfonso forea, canonigo de nuestra Señora y salieron penitenciados en el

1. Mossen Pedro Santangel Prior de daroca, dezia su processo que rogo y pago a Joan Gascon casero de la Torre de Mossen Luys porque digesse a los Inq^{es} que Mossen Luys era buen cristiano y que el lo havia visto disciplinarse delante de un crucifisso, y no era verdad. estas y otras cosas hizo por escapar a su hermano y por esse estuvo con un cirio en la mano delante del altar mayor, y no le privaron de nada.
2. Joan Gascon porque testiguo en favor de Mossen Luys por rogarias del dicho Prior, dijo que havia dicho verdad en lo que avia testificado, le dieron la misma penitencia.
3. Jayme diez de Almendarez señor de Cadreyta navarro porque tuvo en su casa y favorecio a Martin de Santangel a Garcia de Moros y a Gaspar de Santa Cruz y a su muger, y recivio dellos sesenta florines que le dieron de oro. fue penitenciado como los precedentes.
4. Manuel de Tudela pontero, por aver ydo a Villanueva muchas vezes a persuadir a una muger que se retratasse de lo que avia testificado contra Violante Ruiz Viuda de N. de Santa Maria, dieronle la misma penitencia.
5. Elvira de Uncastillo por aver depuesto por rogarias del Prior de daroca en favor de su hermano el dicho Mossen luys de Santangel, y confesso que no era verdad lo que avia dicho contra el, la misma penitencia.
6. Joan Julian corredor por aver solicitado por orden de Jayme trafer el qual le dio 20 florines de oro y casa franca de loguero a una muger para que se desdigesse. dieronle la misma penitencia.
7. Nicolao suseda Borgoñon por casado doz vezes estuvo con coroz y fue condenado a carcel perpetua.
8. Виоланте Рам, мугер де Н. Altabas por aver ayunado el quipur y ensenandolo a los muchachos que tenia, salio con coroz y carcel perpetua.
9. Sancho de Peña panicero por casado dos vezes, coroz y carcel perpetua.
10. Joan de Zamora porque estando en la ciudad de Medina ablando con unos hombres de la ostia consagrada que dichas aquellas palabras estava dios alli, respondio el andad alla que es burla que

dios no baja a ella, que yo se como se hazen aquellas ostias con unos hierros, que todo es burla que alli no esta dios. диоселе карсель перпетуя.

Авто 28.
1488.

A 15 de Febrero Biernes sacaron muerto de la Aljaferia a

1. Pedro Navarro chapinero que estava preso por herege y murio de enfermedad, sacaronle a quemar, y estava circuncidado, y circuncidava sus hijos, y vivia como Judio y ayunava el quipur.

Авто 29.
1488.

A 2 de Marzo, domingo en la seo, Predico el Maestro Martin Garcia y salieron a el las siguientes.

1. Aldonza Ribas Altas que por estar enferma la llevaron en un escaño delante del altar mayor con corozas y manteta por Judayzante, esta era Madre de Maestre Ribas altas medico del Rey catolico don fernando el de la poma de oro que fue quemado vivo por traer en la poma un pergaminillo y en el pintado a cristo n. s^r crucificado y sobre el retratado el medico asentado de forma que parecia le besava la santa Imagen en el culo. dizen que viendo este pergamino el Principe don Joan que lo mostro al Rey catolico su padre y que de ay tuvo origen el mandar expeler los Judios de españa sino se convertian.

2. Maria de Esplugas, hija de Gilaberte de Esplugas porque siendo cristiana usso de ceremonias y manjares de Judios, y por consilio de su madre ayunava el quipur, y despues que hubo visitado las yglesias un Juebes S^{to} fue a la Juderia a hacer colacion, y comio arecuques, no la privaron de bienes por averse ydo ella espontaneamente a delatar.

3. Джастина Масипе

—За возвращение и церемонию
Джудайкас.

4. Pedro de Segovia

5. Жоан де Прадес, тегедор

6. Педро Фернандес, панисеро

—Por casados dos vezes.

7. Pasqual de Reglas, labrador

8. Педро Гомес, Алькайд

—Ciudadanos de Tudela salieron delante
del altar mayor por solicitadores
de Joan de Perosanchez
y de su muger, Martin de Sant
Angel, Gaspar de Santa Cruz y
su muger, Garcia de Moros,
Mossen Pedro Mañas y de los
dos Pedro de Almazan mayor y
menor, todos hereges y factores
de la muerte del Sto Inqor.

9. Guillen de fatas

10. Martin de Aguas

11. Педро Манарриз

12. Джоан Базкес

13. Joan de Aguas

14. Жоан де Магаллон

15. Joan de Carriazo

16. Otro hombre

Авто 30. 21 марта 1488 года одиннадцать человек понесли наказание.

Авто 31. 4 мая 1488 года Трое подверглись покаянию.

Авто 32. 10 августа 1488 г., наложено пять епитимий.

Авто 33. 17 августа 1488 года Один был наказан.

Авто 34. 7 сентября 1488 года Один был наказан.

Авто 35. 25 января 1489 года четырнадцать человек понесли наказание.

Авто 36. 2 мая 1489 года Двое подвергнуты покаянию, трое сожжены.

Авто 37. 10 мая 1489 года, Тридцать восемь лет покаяния.

Авто 38. 2 мая 1490 года, Двадцать девять лет покаяния.

Авто 39. 9 мая 1490 года, Двадцать семь лет покаяния.

Авто 40. 28 ноября 1490 года, наложено семнадцатилетнее покаяние.

Авто 41. 22 апреля 1491 года: Восемь осужденных и один сожженный.

Авто 42. 15 мая 1491 года, наложено покаяние на двадцать четыре человека.

Авто 43. 8 июля 1491 года, десять сожжено.

Авто 44. 17 июля 1491 года шестеро понесли наказание.

Авто 45. 28 марта 1492 года, одиннадцать наказанных.

Авто 45 *(так в оригинале)*. 8 сентября 1492 года, Двадцать один приговоренный к покаянию.

Авто 46. 28 сентября 1492 года сожжено тринадцать человек.

Авто 47. 11 ноября 1492 года двенадцать понесли наказание.

Авто 48. 2 июня 1493 года: девять осужденных и тринадцать сожженных.

Авто 49. 22 декабря 1493 года, Семнадцать наказанных.

Авто 50. 7 мая 1494 года шестеро понесли наказание.

Авто 51. 9 января 1495 года, шестеро сожжены.

Авто 52. 18 января 1495 года семеро подверглись покаянию.

Авто 53. 30 июня 1495 года, шестеро сожжены.

Авто 54. 2 июля 1495 года четырнадцать человек подверглись покаянию.

Авто 55. 7 октября 1496 года, Двадцать два года покаяния.

Авто 56. 27 июня 1497 года, десять наказаний.

Авто 57. 12 марта 1498 года семеро подверглись покаянию.

Авто 58. 5 мая 1498 года, трое сожжены.

Авто 59. 22 февраля 1499 года, одиннадцать сожжено.

- Авто 60. 4 февраля (августа?) 1499 года, Семь наказаний.
- Авто 61. 13 сентября 1499 года, четверо сожжены.
- Авто 62. 15 сентября 1499 года четверо подверглись покаянию.
- Авто 63. 18 января 1500 года шестеро понесли наказание.
- Авто 64. 31 мая 1501 года, Семнадцать наказанных.
- Авто 65. 15 марта 1502 года, одиннадцать сожжено.

Resumen de los castigados en los Autos referidos.

Аньо	1484	7	Аньо	1491	49	Аньо	1497	10
	1485	3		1492	58		1498	10
	1486	80		1493	39		1499	26
	1487	52		1494	6		1500	6
	1488	45		1495	34		1501	17
	1489	57		1496	22		1502	11
	1490	73						

[1347]602

XIII.

Письмо Карлоса III Папе Римскому от 26 декабря 1774 года с просьбой уступить должность генерального инквизитора Фелипе Бертрану, епископу Саламанки.

(Archivo General de Simancas, Secretaria de Gracia y Justicia, Legajo 629, fol. 15).
(См. стр. 304).

Muy Santo Padre. Por muerte del muy Reverendo en Christo Arzobispo, Don Manuel Quintano Bonifaz, ha vacado el cargo de Inquisidor General de todos mis Reynos, y descando que quien le huviere de succeder en este empleo sea el que mas convenga al servicio de Dios y de su Iglesia, conservacion y aumento de la fé catolica he nombrado al muy Reverendo in Christo Padre Don Bertran, Obispo de Salamanca por concurrir en su persona las calidades de virtud, sangre, autoridad y prendas que le hacen digno de ocuparle, y encargo á mi Ministro Plenipotenciario Conde de Floridablanca que en mi Real nombre suplique á Vuestra Santidad tenga por bien de mandar despachar á favor del referido Obispo de Salamanca Don Felipe Bertran el Breve que se acostumbra para exercer el expresado cargo, y pido á Vuestra Beatitud que dando entera fé y credito al Conde de Floridablanca en lo que á este intento representare en mi Real nombre se sirva Vuestra Santidad de acordar la gracia que solicito. Nuestro Señor guarde la muy Santa persona de Vuestra Beatitud al bueno y prospero Regimiento de su universal Iglesia. De Palacio á veinte y seis de Diciembre di mil setecientos setenta y quarto.

Д. Против Санта^д.

Muy humilde y devoto hijo Don Carlos, por la gracia de Dios Rey de las Españas, de las Dos Sicilias, de Jerusalem etc. que sus santos pies y manos besa.

El Rey.

Manuel de Roda.

Формула назначения папы (там же, стр. 1).

Motu proprio et ex certa scientia ac matura deliberatione nostris, deque Apostolicæ potestatis plenitudine, te in prædicti Emmanuelis Archiepiscopi locum tenore præsentium Generalem Inquisitorem adversus hæreticam et apostaticam a Fide Christiana pravitatem in Castellæ et Legionis cæterisque Hispaniarum et ab eis dependentibus Regnis, Principatibus et dominiis eidem Carolo Regi mediate vel immediate subjectis ... Apostolica auctoritate tenore præsentium ad nostrum et Sedis Apostolicæ beneplacitum, creamus, facimus, constituimus et deputamus.

XIV.

Отставка генерального инквизитора Сотомайора.

(Archivo de Simancas, Consejo de Inquisition, Libro 176, fol. 1). (See p.310).

Письмо Филиппу IV.—

Señor. Remito á V. M. esas papeles en razon de la renunciacion que V. M. me tiene mandado hazer de el oficio de Inquisidor general. Si en algo no fuesen á satisfacion de V. M. siempre me hallo con la misma obediencia á quanto V. M. fuese servido de mandarme, cuya Real persona guarde nuestro Señor como su Santa Iglesia lo a menester y como yo siempre se lo suplico. De Madrid en 21 de Junio, 1643.

Besa los Reales pies de V. M. su mas humilde criado

FR. Антонио.

A nuestro santissimo Padre Urbano 8, Sumo Pontifice de la Santa Iglesia Romana que Dios guarde.—

Б^{мо} П^е. Yo fray Antonio de Sotomayor, Arçobispo de Damasco, confesor de su Magestad Catholica del Rey mi señor Phelipe 4º, de su consejo de estado, comisario general de la santa Cruzada, Inquisidor general en sus Reynos y dominios; Hallandome muy cargado de años que son cerca de noventa, ó por lo menos ochenta y ocho y consiguientemente casi incapaz de poder condignamente satisfacer á oficios de tantas obligaciones me hallo obligado, postrado á sus santissimos pies, de suplicarle se digne de excusarme de obligaciones tan grandes á que con tanta dificultad podre satisfacer, nominando para dichos oficios las personas que el Rey mi señor tiene por bien de presentar á vuestra Santidad, que seran sin duda las que convengan á tan grande ministerio, y para suplir las muchas faltas que yo por mi insuficiencia uviere cometido en su administracion, para que, á la hora de la

muerte que no se me puede dilatar, lleve este consuelo quando me uviere de presentar delante de la divina Magestad que sea siempre en favor de su santissima persona, favoreciendola con muchos favores como se lo suplico y suplicare siempre. De Madrid 24 de Junio, 1643.

Беатисимо Падре.

Besa el santissimo pie de vuestra Santidad su mas humilde siervo

FR. Генеральный инквизитор Антонио.

XV.

Выдержки из Консультации Совета инквизиции от 5 мая 1646 г. о независимом превосходстве инквизиционной юрисдикции над должностными лицами.

(Archivo de la Corona de Aragon, Legajo 528).

(См. стр. 346).

Contra estas razones suelen oponer los celadores de las regalías que la distribución de los jurisdicciones es una dellas pegadas á los mismos guesos de los reyes, que con estos terminos significan su inseparabilidad real y de aqui infieren que en todo tiempo la pueden moderar y quitar sin que ninguna potestad se lo pueda impedir.

Señor, esta razon tiene el vicio de que prueba mucho y si no se limita y restringe á la intelligencia sana y catolica tira á destruir toda la jurisdiccion eclesiastica y para este efecto se valió de ella el Rey Jacobo de Inglaterra en el tratado que dedicó á todos los principes cristianos, provocandolos á todos á que se hiciese cada uno una cabeça de las Iglesias de sus reinos, como lo era de la anglicana, y la limitacion cierta y verdadera de la dicha razon es que la jurisdiccion civil y politica es inferior á la espiritual y eclesiastica y que para materias que le tocan por la potestad directa puede tomar y asumir por la potestad indirecta todo lo que ha menester para su conservacion y recta administracion sin que las puedan impedir ni disponer en ellas los principes seculares. Y que las mas propias regalías de la dignidad regia son de derecho humano positivo ó de derecho de las gentes, y la potestad suprema que ejerce la inquisicion por delegacion de la Sede apostolica en las causas de fee y concernientes á ella con todo lo demas de que necesita para su recto y libre ejercicio directa ó indirectamente pertenece al derecho divino, y como tal se sobrepone á todo derecho humano y de las gentes y no esta sugeto á fueros ni leyes humanas, y lo menos que se puede decir es que los principes seculares tienen obligacion de darsela como queda dicho, y aunque estos tengan derecho para que la que se tomare ó diere no sea mas que la que es menester, el juicio y arbitrio de la necesidad y de la extencion ó limitacion de aquella pertenece á aquel en quien reside la dicha potestad eclesiastica suprema, porque funda la que tiene en el derecho divino y no es posible que sallia la pureça de la fe y la obediencia y rendimiento que los principes deben á la Iglesia y á su cabeça sientan diferentemente de lo que aqui se dice, porque es el comun y verdadero sentir de los autores catolicos y lo que pide la subordinacion de los derechos humanos á los divinos y de los temporales á los espirituales de lo cual se infiere que el entendimiento verdadero del axioma ó modo de hablar referido se ha de restringir al uso de las jurisdicciones temporales que estan en una misma linea quando no compiten lo divino con lo humano ni lo espiritual con lo temporal, porque estas y otras regalías temporales como ellas son tan inherentes á la potestad regia que no se puede desnudar dellas ni enagenarles enteramente.

Señor, todos estos principios son los solidos y seguros y hay en esta materia con que los señores reyes progenitores de V. M. se han conformado asi en el sentir como en el obrar y los autores regnicolas de la corona han sentido y escrito en la misma conformidad y todo lo que sale de estos terminos con las doctrinas nuevas que pretenden que V. M. es dueño absoluto de esta jurisdiccion con facultad plena de disponer en ella para quitarla es incierto, mal seguro para la conciencia, en nada conveniente para el Estado y muy peligroso el uso de ello no solo de caer en hierros gravissimos, que despues no tengan reparo sino de que Dios nuestro señor, cuia gloria es la mas interesada en el libre y recto ejercicio de la inquisicion, agraviado de lo que en esto se innovare, execute como suele castigos graves en los que pretenden estas mudanças que se apetecen con titulo de libertad á que aspiran siempre los reinos y son medio para perderlos, y quiera Dios que no sea una de las causas porque padece la Corona de Aragon tantos trabajos con la hostilidad de los que injustamente la pretenden usurpar, el no acabar de quietarse en las materias tocantes á la inquisicion, pretendiendo siempre introducir novedades en ella, conque no solo se desagrade á Dios nuestro Señor sino se ofende al Estado con las alteraciones que ocasionan los sospechosos en la fee que suele ser gente sediciosa de que el reino de Aragon tiene ejemplos presentes cuyos daños no se pudieran atajar sino es por medio de la Inquisicion....

(Siguen otras razones que aclaran lo que la inquisicion pretende demostrar, las cuales razones en sustancia son)

3ª Que la jurisdiccion de la inquisicion es espiritual y no pueden modificarla el rey y las cortes sin el consentimiento del Inquisidor General.

4ª Que por su condicion de espiritual la inquisicion esta sobre los fueros; los derechos con que la inquisicion usa de la dicha jurisdiccion son superiores á las fueros e independientes de ellos....

6ª Que si los brazos se obstinaban en no admitir las razones alegadas por la Inquisicion S. M. debia como el emperador Carlos V hizo en otras cortes el año 1516 (*sic*) acordarse de su alma y conciencia y preferir la perdida de parte de sus reinos á consentir en nada contra la honra de Dios y en disminucion y desautoridad del Santo Oficio que tanto los catolicos rey y reyna sus abuelos en sus testamentos y postrimeras voluntades lo dexaron caramente encomendado....

El obispo de Plasencia, inquisidor general y este Consejo suplicamos a V. M. se sirva mandar se haga assi como lo pedimos en las dichas consultas con ponderacion de tantas y tan solidas razones como en ellas se proponen, excluyendo las pretensiones de los quatro brazos y manteniendo á la Inquisicion en el derecho que tiene y en la posesion en que está de que toda su jurisdiccion sea tratada en aquel reino de Aragon como celesiastica y secular y la mas alta de todas como derivada del derecho divino en que la Iglesia funda la suya, para conocer de las causas de la fe, y para que no le falten los ministros necesarios con la independencia que ha menester para el recto y libre ejercicio de la dicha jurisdiccion, y aunque presumimos que los dichos brazos, vistas las dichas razones, mostraran su fidelidad á Dios y a V. M. para contentarse del acuerdo que se tomare, si todavia persistieren en sus pretensiones negando los servicios que se les piden V. M. debe preferir el de Dios en que consiste el reinar y ordenara en todo lo que fuere del suyo. Madrid á 5 de Mayo de 1646.

XVI.

Указ Филиппа IV о неповиновении, 26 марта 1633 г.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 32, fol. 56).

(См. стр. 347).

Uno de los mayores daños y de que han resultado mayores inconvenientes, en grave deservicio mio y de la quietud y conservacion de todos mis reinos, es el de la inobservancia y dilacion en la ejecucion de mis órdenes, pues importa poca resolverlas si no se envian y ejecutan a tiempo, pues pasada la sazon viene a ser infructuoso todo lo que se dispone, de que se han seguido daños tan irreparables que quizá son la parte principal del apretado estado en que nos hallamos; diversos recursos y advertencias he hecho a mis consejeros sobre esto y significado con vivo sentimiento el daño y encargado el reparo y aunque entiendo que en todos mis ministros debe ser igual a sus obligaciones la atencion y celo á mi servicio, la experiencia me ha mostrado que no ha bastado esto y que es necesario usar de medio mas eficaz y poderoso para que no se acabe de perder mi monarquia, pues me corre obligacion por el lugar en que Dios me ha puesto atajar su total ruina y entiendo ser la falta de obediencia y ejecucion lo que mas aprisa la puede causar.

Por este he resuelto dar forma y regla en ello, disponiendose por arancel como se han de ejecutar mis ordenes y penas en que se ha de incurrir por la inobservancia de ellas, segun la calidad de cada una, y así se formara para ese Consejo el que la tocare bien ajustado, y se me enviará con distincion de las materias de oficio, hacienda y partes así de gracia como de justicia, y de las penas en que han de incurrir todos y se han de executar por el mismo consejo correspondientes á la calidad de la inobservancia y omision en la ejecucion, previniendo bien todos los casos en que cada uno puede faltar y aquellos casos que pueden ofrecerse y se ofrecen, que no puedan ser comprendidos, tambien me los consultará el consejo, porque quiero saber los que son, y los aranceles se hagan en veinte dias y se me envien para que resuelva la forma en que han de quedar ajustados y se publiquen.

(Rubrica del Rey).

En San Lorenzo á 15 de Octubre de 1633.

Al Arzobispo inquisidor general.

XVII.

Воззвание о прибытии инквизитора.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 31, fol. 194).

(См. стр. 351).

ПРЕГОН.

Ahora oid que se os hace saber a todo hombre generalmente del parte del ilustrisimo y reverendisimo señor Don Antonio de Zuñiga, prior de Castilla del Orden de San Juan de Jerusalem, Capitan y lugarteniente general de la sacra cesarea magestad en el Principado de Cataluña y Condado de Rosellon y Cerdeña, que como á su ilustrisima y reverendisima señoria y Real Consejo se hayan presentado por el procurador fiscal del oficio de la sancta inquisicion unas letras o provisiones patentes de la prefata cesarea magestad y con su real sella sellada otorgadas al muy venerable religioso y amado del señor Rey Fray Juan Naverdu maestro en sacra teologia del orden de predicadores, inquisidor de la heretica y apostatica pravedad en el Principado de Cataluña y a los ministros del dicho sancto oficio en y con las cuales entre las otras cosas por los respectos y causas en las dichas provisiones contenidas su Cesarea magestad manda con grandes penas al dicho señor

lugarteniente general y otros oficiales de Cataluña así mayores como menores que cada y quando que el dicho venerable inquisidor y los otros oficiales y ministros del dicho sancto oficio para exercer sus oficios demandaren ó alguno de ellos demandare auxilio lo haya de prestar y los dichos sus oficios permitan libremente exercitar sin impedimento alguno, y demandando el auxilio del brazo seglar incontinenti lo hayan de dar, tomando y prendiendo qualesquier personas que por el dicho venerable inquisidor fueren nombradas y aquellas emprisionar y tener presas y haberlas de las jurisdicciones de qualesquier personas adonde el dicho inquisidor quisiere y mudar aquellas y castigar y punirlas con las debidas penas cada y quando por el dicho venerable inquisidor sera declarado y porque el dicho venerable inquisidor y otros oficiales y ministros del dicho sancto oficio mas libre y seguramente puedan ejercer los dichos sus oficios, su cesarea magestad al dicho venerable inquisidor sus compañeros, notario y alguazil y otros oficiales y ministros del dicho sancto oficio familiares y bienes de ellos y qualquier dellos pone y constituye debajo su especial guiaje, custodia, proteccion y encomienda real segun en dichas letras y provision real, la data de las quales fué en Valladolid á trece del mes de Febrero del año de la navidad de Dios nuestro señor mil quinientos y veinte y tres, aquestas y otras cosas mas largamente se contienen.

Por tanto queriendo su ilustrisima señoria que las cosas mandadas y proveidas por la sacra cesarea y real magestad sean á execucion devidas y á todo hombre manifiestas á su aplicacion del dicho procurador fiscal del dicho oficio de la sancta inquisicion por el tenor del presente publico pregon, notificando las dichas cosas á todo hombre generalmente dice y manda su ilustrisima y reverendisima señoria á todos y qualesquier oficiales así mayores como menores y á otras y singulares personas de qualquier estado dignidad o condicion que sean que la dicha y precalendada letra y provision real y todas y qualesquier cosas en ella contenidas y expresadas segun mejor y plenamente en ella se contiene del dicho sancto oficio de la sancta inquisicion tengan y guarden y hagan tener y guardar inviolablemente segun su narracion y tenor y contra aquella no hagan ni vengán, ni hacer ni venir permitan en manera alguna si desean no incurrir en las penas en dicha y precalendada real provision contenidas, y porque alguna no pueda de dichas cosas allegar ignorancia, manda su ilustrisima y reverendisima señoria el presente ser publicada por los lugares acostumbrados y guardase quien se ha de guardar.

El Prior de Castilla.

Vidit Joannes de Cardona, Cancellarius.

Vidit Jacobus Ferrer, Registrator Thesaurarius.

Gundisalbus de Cabra.

Registrata in curia locumtenentis.

PUBLICACIONES DE LOS PREGONES.

Fué publicado el presente publico pregon por los lugares acostumbrados de Barcelona por mi Canals en lugar de Francisco de Sevia con son de quatro trompetas á veinte y tres de Diciembre de mil quinientos y veinte y tres. Каналы.

XVIII.

Memoria de la Reforma de Ministros del Santo Oficio que hizo hacer el rey en 1646.

(Национальная библиотека Мадрида, раздел рукописей. D. 118 и S. 294, fol. 122).

(См. стр. [461](#)).

En las ultimas cortes que se celebraron en Aragon el año pasado de 1646, fue servido su Magestad (Dios le guarde) de aminorar el numero de familiares que conforme á fueros de aquel Reyno podia haver, extinguiendole á solo numero de 400, caviendo mas de 2000 en lo antiguo, y que se practicava como consta largamente por la concordia antigua entre el Reyno y la Inquisicion. Quitoles assimismo las exempciones de que gozaban dichos familiares en la forma que tanvien consta por los nuebos cabos donde se puede veer. Instaron sobre esto con apretadissimos esfuerzos los quatro brazos de dichas cortes y entre ellos algunos ministros de Inquisicion (que aun no vasto el serlo para que deixasen de manifestar el odio comun que contra ella y sus acciones tienen). Conociaselo su Magestad y antes de concederles cosa alguna que tocasse á la Inquisicion (de quien dijo era las niñas de sus ojos) les mando ó pidió la deixasen en el estado que estava, y que como no le llegasen á ella concederia todo lo demas que pretendian, haciendo assimismo mercedes particulares á los Aragoneses, como con efecto les hizo mas de trecientas y sesenta que se publicaron en un dia, nombrandolas y las personas á quien las hacia. Nada de esto vasto para que deixasen de replicar con una y otra embaxada por parte de los brazos, deteniendo á su Magestad dos ó tres dias en el conbento de Santa Engracia de Zaragoza, estando el coche á la puerta para venirse á Madrid, hasta que viendo su pertinacia y que sin duda le detendrian mas sin concluir el solio en las Cortes que era lo que esperaba, les concedió todo lo que en esta parte quisieron. Quedaron los Aragoneses muy contentos, pareciendoles haver vencido lo mas y que ya le faltava al Rey el unico recurssso que tenia en aquel Reyno. Desde este dia fue postrandose la autoridad y mucha estimacion que la Inquisicion tenia en Aragon, excediendo en esta parte á otros, pues tal vez miraban á un Inquisidor con mas veneracion que al Arçobispo y Virrey y oy se vee lo contrario y aun se oye que algunos dicen ya se acabo la Inquisicion. Experimentase esto cadadia en los ministros de ella, pues, siendo conforme á las hordinaciones del Reyno que ningun vecino aloje en su casa mas que un soldado, no excediendo el numero de ellos al de los vecinos, no solo le hechan al familiar el que le podia tocar sino tuviese exempcion alguna, pero porque es familiar le hechan dos o tres. Muchos se an quejado de este agravio al Tribunal, y por escusar enpeños ó lo que podia resultar y se a tomado por expediente suabe escribir al Comisario de la villa ó lugar donde se hace el agravio, hable con el Justicia ó Jurados de el, y que con buen modo les de á entender que no se deve hacer ni pasar por aquello, y aunque algunos an tenido atencion á ello á otros les a faltado, y tal vez ó los mas á sido necesario no darse el Tribunal por entendido ó tolerado, mirando al estado en que se alla, y tanvien á los ahogos que tiene el Reyno con los alojamientos. Hacen contribuir á los familiares en los Vagajes y repartimientos concejiles y que no son concejiles, y ultimamente se vee y toca con las manos que en todo lo que no es negocio de fee tiene postradas las fuerzas antiguas el Tribunal de Aragon.

XIX.

Указ Филиппа III о ссорах между епископами и инквизиторами.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 29, fol. 177).

(См. стр. [497](#)).

He mandado escribir estas cartas que aqui decis, pero, porque se ha visto y vee cada día que las Inquisiciones particulares se meten en cossas que derechamente no tocan a la fe ni al Santo Oficio sino solo a estender y ampliar su jurisdiccion por fines particulares de que han resultado todas las dificultades y encuentros que las auido entre las Inquisiciones y los perlados y entretanto que esto no se remediare nunca dejara de averlas. Sera bien y assi os lo encargo que procureis componer esto de manera que los Inquisidores no se metan en mas de lo que les toca y que al mismo tiempo que yo mandare escribir a los obispos escribais vos a las Inquisiciones que por ningun casso se metan en cossa que derechamente no les toque, apercibiendoles que no solamente no lo consentireis pero que castigareis á los que hicieren lo contrario con demonstracion de rigor, y si excedieren no os contenteis con reprehenderlos blandamente sino que con effecto los castigueis, porque con esto se justificara lo que yo escribiere á los perlados y ellos se acomodaran á lo que fuere justo, y de otra manera tendran ocasion de acudir á mi por el remedio de sus agravios, lo cual es necesario que se escuse.

ЧОСКИ:

[1] Романсеро дель Сид, стр. 12, 74, 77, 79, 87, 88, и т.д. (Frankofurto, 1828).—Crónica de Alfonso VII, 138-141 (Florez, España Sagrada, XXI, 403)—

“Castellæ vires per sæcula fucre rebelles:
Inclÿta Castella ciens sævissima bella
Vix cuiquam regum voluit submittere collum:
Indomite vixit, cœli lux quandiu luxit.”

[2] Фуэро-Вьехо-де-Кастъелла, Либеро. I, Тит. iii, § 3. Cp. Partidas, П. IV, Тит. xxv, лист 7.

[3] Смотрите, например, хартию, предоставленную Раймондом Беренджером IV Барселонским в 1108 году Олердуле после опустошительного нашествия сарацин, и хартию Лериды в 1148 году, после ее захвата маврами.—Испанская марка, стр. 1233, 1305. Те же причины действовали и в Кастилии.

[4] Городами, имеющими право направлять прокураторов в Корты, были Бургос, Леон, Авила, Сеговия, Самора, Торо, Саламанка, Сория, Мурсия, Куэнка, Толедо, Севилья, Кордова, Хаэн, Вальядолид, Мадрид и Гвадалахара.—Пулгар, Крона, П. II, глава. xciv.

[5] Марина, Теория лас-Кортес, П. I, глава xvi, xx. (Мадрид, 1820 г.)—Съете Партидас, П. II, Тит. xvi, лист 4.—Модесто де Лафуэнте, История Испании, IX, 34.—Дж. Bernays, Zur inneren Entwicklung Castiliens (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1889, pp. 381 sqq.).

[6] Crónica de Don Alfonso X, загл. clxxvi.—Barrantes, Ilustraciones de la Casa de Niebla, Lib. Я, кэп. xiv (Memorial histórico español, VIII).

[7] Crónica de Don Alfonso XI, cap. lxxx.—Баррантес, указ. соч. Библиотека. I, глава xxvi, lxxx.

[8] Айала, Крона Педро I, аньо XVII, глава vii.

[9] Córtes de los antiguos Reinos de Leon y de Castilla, II, 330 (Madrid, 1863).

[10] Серуро-де-Тордесильяс, Мадрид, 1784 год.

[11] Кастильо, Крона Энрике IV, кап. lxxiv.—Valera, Memorial de diversas Hazañas, cap. xxviii.—Pulgar, Crónica, p. 3 (Ed. 1780).

[12] Мальдонадо, Хечос де Дон Алонсо де Монруа (Исторический мемориал Испании, Т. VI, стр. 14).

[13] Хуан де Пинеда, Эль Libro дель Пассо Хонрозо, Мадрид, 1784 г.—Пулгар, Кларос Варонес, Тит. xiv.

[14] Баррантес, Иллюстрация Дома Ниебла, Библиотека. VIII, глава xxiv.

[15] Valera, Memorial de diversas Hazañas, cap. xix., xl.—Amador de los Rios, Historia de los Judíos, III, 205.

[16] Мальдонадо, Хечос де Дон Алонсо де Монруа, стр. 17-19.

[17] Мальдонадо, указ. соч. стр. 65, 71, 72, 83.—Баррантес, Иллюстрации Дома Ниебла, Библиотека. VIII, cap. iii.—Hazañas valerosas de Pedro Manrique de Lara (Memorial histórico español, T. VI, pp. 123, 126).—Hernando del Pulgar, Crónica, P. I, cap. lxxxiii.

[18] Мальдонадо, указ. соч., стр. 23, 52, 71, 73.

[19] Клеменсин, Элоджио де Донья Исабель, стр. 127.

[20] Кастильо, Крона-де-Энрике IV, кап. клиии.

[21] Пулгар, Кларос Варонес Испанский (Эльзевир, 1670, стр. 6).—Кастильо, указ. соч. загл. cxliiii.—Саес, "Монедас де Энрике IV", стр. 3, 7, 23 (Мадрид, 1805). В кортах Сеговии в 1471 году Генрих приказал уничтожить все частные монетные дворы, но маловероятно, что ему подчинились (Корты Леона и Кастильи, III, 830, Мадрид, 1866). Гарсиа Лопес де Салазар, современник, рассказывает нам, что изначально золотые Энрике были пробы в 23 с половиной карата, но вес чеканки на королевских монетных дворах постепенно снизился до семи карат, в то время как частные монетные дворы изготавливали их по своему усмотрению.—Саэз, стр. 418.

Испанская чеканка монет - сложная тема, и поскольку некоторые знания о ней необходимы для правильного понимания денежных сумм, упомянутых ниже, я дал краткий отчет об этом в Приложении.

[22] Córtes de los antiguos Reinos de Leon y de Castilla, IV, 59-68.—Novisima Recopilacion, Lib. III, Tit. v, ley 10, 11.—Barrantes, Ilustraciones de la Casa de Niebla, Lib. VIII, глава xxii.—Гарибай, Исторический сборник, Библиотека. XVIII, глава xvi. — Дон Клеменсин (указ. соч. стр. 146).

После смерти Генриха IV в 1474 году королевские доходы упали примерно до десяти миллионов мараведи. К 1477 году оно увеличилось до 27 415 626, к 1482 году — до 150 695 288, а в 1504 году, после смерти Изабеллы, было 341 733 597.—Клеменсин, стр. 153.

[23] Мисселанеа де Сапата (Память. история. испанский, Т. XI, стр. 332).

[24] L. Marinæus Siculus de Reb. Испанский. (Р. Бели ред. Испанский. Scriptt, стр. 774).—Дамиани уходит в Испанию (Там же, стр. 1237).

[25] Пулгар, Кларос Варонес, Тит. хх; Письма № iii.—Флешье, История кардинала Хименеса, II, 291 (Изд. 1693).

Корты Толедо в 1462 году среди своих жалоб называли мятежное поведение духовенства — “бьен сабе вуэстра алтеза коммо альгунос обиспос, абадес и другие эклезиастические личности с фехо и де када дия с фазен де вандос, альгунос деллос танта и мас эскандализан вуэстра сибдадес и виллы для легос деллас”. — Кортес Леон и де Кастилия, III, 711 (Мадрид, 1866).

[26] Франсиско де Медина, Вида дель Карденаль Мендоса (Память. история. испанский, Т. VI, стр. 156, 190, 193-4, 255, 293-4, 297, 304).

[27] Краткое содержание. Arandens. ann. 1473, кап.. 3, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 25 (Агирре, V, 344-50).

[28] Л. Мариней Сикули де Ребус Испанский. Lib. XIX.—Рейнальд. Annal. ann. 1483, № 15; ann. 1485, № 26.

[29] История инквизиции средних веков, том. II, стр. 180 кв.

[30] Романсеро дель Сид, стр. 245, 269 (Франкофурто, 1828).

[31] Орденансас Реалес, Библиотека. VI, Тит. ix, лей 21.—Вильянуэва, Viage Literario, XVII, 256.

[32] Конституции Каталонии, Lib. I, Тит. v, глава 1 (Барселона, 1588, стр. 18). Аналогичные законы, принятые в 1534 и 1537 годах, показывают, что тем временем было невозможно предотвратить папские посягательства.—Ib. глава 3, 4.

[33] Ayala, Crónica de Don Juan I, año X, cap. vii.—Crónica de Don Enrique III, año III, cap. xvi.

[34] Альвар Гомес, Де Ребус жестис Франсиско Химено, том 3 (Compluti, 1569).—Роблес, Вида дель Карденаль Хименес, стр. 38-41.

[35] Кастильо, Крона-де-Энрике IV, кап. резюме.

[36] Исторический мемориал Испании, Т. I, стр. 236; II, 22, 25.—Гомес де Ребус жестис, Франц. Хименео, фол. 9-11.

[37] Зурита, Аньялес де Арагон, Библиотека XX, глава xxii.—Мариана, История Испании, Библиотека. XXIV, глава XVI.

[38] Пулгар, Краника-де-лос-Рейес-Католикос, Либерия. II, глава гражданская.

Право на епископство было окончательно уступлено в 1523 году Карлу V Адрианом VI (Мариана, Lib. XXVI, глава 5).

[39] Франсиско де Медина, Вида дель Карденаль де Мендоса (Исторический мемориал Испании, Т. VI, стр. 244).

[40] Болетин де ла Р. Акад. de la Historia, Т. XXII, стр. 220, 227.

[41] Сборник привилегий и др. Т. VI, стр. 117 (Мадрид, 1833).

[42] Архив Севильи, Секция примера, Carpeta IV, fol. 85, § 3 (Севилья, 1860).

[43] Орденансас Реалес, Библиотека. III, Тит. i, лейес 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10.—Новизна. Повторная версия. Библиотека. IV, Тит. i, страницы 3, 4, 5.

[44] Обзор Novísima. Библия. XII, Тит. xxvi, страницы 3-5.

[45] Собрание Седулас, III, 113 (Мадрид, 1829)

[46] Собрание Седул, I, 246.

[47] Краткое содержание. Arandens. ann. 1473, глава xxiv (Агирре, V, 350).

[48] Кортес-де-Леон-и-де-Кастилия, II, 539; III, 33, 57, 122, 172, 192-6, 287, 328, 408.

[49] Пулгар, Крона, III, lxvi.

[50] Собрание Седулас, II, 49, 50 (Мадрид, 1829).

[51] Ла Пуэнте, Эпит. de la Crónica de Juan II, Lib. V, cap. xxxiii.—L. Marinæi Siculi de Rebus Hispan. Lib. XIX.—Pulgar, Crónica, P. II, cap. li.—Bernaldez, Historia de los Reyes Católicos, cap. i (Sevilla, 1869).

[52] Galindez de Carvajal (Coleccion de Documentos para la Historia de España, XVIII, 254).

[53] Зурита, Аньялес-де-Арагон, либр. XVIII, cap. 20, 21.—Castillo, Crónica de Enrique IV, cap. sxxiv.—Валера, Мемориал диверсантов Хазании, глава xx.—Пулгар, Crónica P. I, глава. ii; П. II, глава xci.—Мальдонадо, Хечос де Дон Алонсо де Монри (нем. español, T. VI, p. 94).—Barrantes, Ilustraciones de la Casa de Niebla, Lib. VIII, глава XXI.

[54] Кастильо, Крона Энрике IV, глава sxxvii.—Клеменсин, Элоджио де ла Рейна Исабель, Приложение I.

[55] Пулгар, Крона, П. II, загл. ii; Письмо xii.—L. Marinæi Siculi de Reb. Исп. Библиотека. XIX.

[56] Суждение Макиавелли было, как обычно, правильным, когда он заметил (Il Principe, глава xvi): “В Испании присутствует борьба за свободу, а не за то, чтобы она произвела впечатление”.

[57] Archivo Gen. de Simancas, Consejo de la Inquisicion, Libro II, fol. 22

[58] “С какими трудностями столкнулся человек в вопросе о том, кто такой хазиан”.—Barrantes, Ilustraciones и др., Библиотека. VIII, глава xii.

[59] Палафокс—и-Мендоса, Обрас, Т. VII, стр. 333 (Мадрид, 1762).-Очоа, Испанский эпистолярио, II, 14.

[60] Бергенрот, Календарь государственных документов Испании, I, xxxiv-v. Стоимость золотой короны того периода составляла 4s. 6д. фунтов стерлингов (там же, стр. 4), а 200 000 скудо были брачной суммой Екатерины Арагонской при вступлении в брак с принцем Англии Артуром (там же, стр. lxiv), что эквивалентно примерно 500 000 фунтов стерлингов в современных деньгах. Об угнетении народа см. Гонсало де Айора (Boletin de la R. Acad., XVII, 447-8). Ср. Clemencin, стр. 185.

[61] Из *Заметок* Кристобаля Нуньеса, напечатанных падре Фиделем Фитой в "Болетине", XVI, 561.

[62] Разгадка ребуса Л. Мариной из *Hisp. Lib.* XXI.

[63] Домашнее животное. Мученик. Рыболов. *Lib. V, Epist. cxiv.*

[64] Кольмейро, Кортес-де-Леон-и-де-Кастилия, II, 43 кв.

[65] Пулгар, Крона, П. II, глава lxx.—Эл. Антон. Небрисс. Декадник. I, Глава vii, глава 6.—Баррантес, Иллюстрасьоны и др. Библиотека. VIII, cap. xv.—José Grestoso y Pérez, *Los Reyes Católicos en Sevilla* (Sevilla, 1891).—Zuñiga, *Añales de Sevilla*, ann. 1477, n. 5.

[66] Пулгар, Крона, П. II, загл. xcvi.

[67] Феррейро, Муниципальный район Сантьяго, II, 65 (Сантьяго, 1896).

[68] Там же, II, 314.

[69] Библиотека L. Marinæi Siculi. XIX, XXI.—Пулгар, Крона, П. II, глава xxvii, lxxvi, xcvi, xcvii, xcvi, xcvi; П. III, глава xxxix, lxxvi, c, cxvii.—Капитулярий короля и ла-рейна в Севилье и IX де Юнио де М. и д. (*обязательное условие*).

[70] Galindez de Carvajal (*Coleccion de Documentos para la Historia de España*, XVIII, 236).

[71] Бернальдес, cap. xlii.

[72] Домашнее животное. Мученик. Рыболов. *Lib. V, Epist. cviii.* Как говорит кардинал Хименес в своем письме-совете кардиналу Адриану относительно поведения Карла V при вступлении во владение его наследством, "для того, чтобы Элла могла управлять страной, а не рейно, для решения вопроса о мере эль менор темиан *виргам ферриам* де юстиция, и как уничтожить сегодня тираннию". (Вальядарес, Семанарио Эрудито, XX, 237).

[73] Архив генерала де Симанкаса, Библиотеки Инквизиции I, II.

[74] Примером ограничений королевской юрисдикции является неприличное состязание в Алькала-де-Энарес в 1485-6 годах между Изабеллой и архиепископом Гонсалесом де Мендосой, уважавшим ее право вершить правосудие в его провинции. Это продолжалось с декабря до начала кампании против Гранады, когда она уехала в Кордову, так и не обосновав свои претензии.—Francisco de Medina, *Vida del Cardenal Mendoza* (*Mem. hist, español*, VI, 264).

Однако ее юрисдикция была одним из пунктов, на которых Изабелла мудро настаивала с предельной твердостью. To quote Cardinal Ximenes again—"Ante todo la dicha Reyna cuidaba de defender su jurisdiccion Real, viendo que por ella los Reyes en Castilla se hacen mas poderosos y mas temidos de sus vasallos" (Valladares, *Semanario Erúdito*, XX, 238). Когда в 1491 году королевский суд Вальядолида под председательством Алонсо де Вальдевилльо, епископа Леона, неправоммерно разрешил подать апелляцию в Рим, она немедленно уволила епископа и всех судей и заменила их Хуаном Ариасом дель Вильяром, епископом Овьедо, и другими заседателями.—Crónicon de Valladolid (Сборник документов по истории Испании, XIII, 184-5).—Галиндес де Карбахаль (*Ibid.* XVIII, 278).

[75] Исторический мемориал Испании, Т. II, стр. 68, 72, 86, 94, 102.

[76] Benavides, Memorias de Fernando IV, Coleccion Diplomática, T. II, pp. 3, 7, 46, 75, 81, 178 (Madrid, 1860).—Vicente Santamaria de Paredes, Curso de Derecho Político, p. 509 (Madrid, 1883).—Córtes de los antiguos Reinos de Leon y Castilla, I, 247, 300 (Madrid, 1861).

[77] Бенавидес, указ. соч. II, 363.

[78] Феррейро, Муниципальные районы Сантьяго, III, 44.

[79] Собрание привилегий, Т. VI, стр. 327 (Мадрид, 1833).

[80] Crónica de Don Juan II, año XXXVII, глава i.

[81] Кортес-де-Леон-и-де-Кастилия, III, 795.

[82] Кастильо, Крона Дона Энрике IV, кап. lxxxvii, хс.—Barrantes, Ilustraciones и др. Библиотека. VII, глава ххviii.—Гарибай, Исторический сборник, Библиотека. XVII, cap. xxxi.—Coleccion de Cédulas, III, 103 (Madrid, 1829).—Bienvenido, Oliver y Esteller (Boletin, XIV, 382).

[83] Пулгар, Крона, П. II, глава ii.—L. Marinæi Siculi de Reb. Исп. Библиотека. XIX.—Эл. Антон. Небрисс. Декад. I, Библиотека. VI, главы. 1-3.—Гарибай, сост. Исторический, Библиотека. XVIII, глава. viii.

[84] Зуньига, Аньялес-де-Севилья, ann. 1477, № 1.

[85] Зурита, гистолог, дель Рей Эрнандо, Либр. VIII, cap. V.—Galindez de Carvajal (Coleccion de Documentos para la Historia de España, XVIII, 319).

[86] Barrantes, Ilustraciones и др. Библиотека. VIII, глава хх.

[87] Собрание Седул, I, 70, 124, 143, 183; III, 103.

[88] Пульгар, Крона, П. III, глава хсv.—Палафокс, Обрас, VII, 338 (Мадрид, 1762).—Фуэрос-де-Арагон, фол. 13 (Сарагоса, 1624).

[89] Собрание Седулас, IV, 89.

[90] Пулгар, Крона, П. III, глава хii.

[91] Новизна. Резюме. Тит. ххv, Библиотека. XII.—Barrantes, Ilustraciones и др. Библиотека. VIII, глава хiii.—Собрание седул, IV, 295.—Смотрите также описание усовершенствованной системы, которая вызвала восхищение венецианского посла Паоло Тьеполо в 1563 году (Relazioni, Серия I, Т. V, стр. 21).

[92] Клеменсин, стр. 139.

[93] Coleccion de Cédulas, IV, 136, 164, 173, 185, 336, 338; V, 669; VI, 425.—Novís Recop. Тит. хххv, Библиотека. XII, лей 18.

[94] Córtes de los antiguos Reinos, IV, 356 (Madrid, 1882)—“E las leyes e costunbres son sujetas alos Reys, que las pueden hazer e quitar a su voluntad, e vuestra Alteza es ley viba e animada en las tierras.”

[95] Coleccion de Cédulas, IV, 333.

[96] Мариана, Либ. XXVIII, глава xi; Том. IX, Приложение. стр. xix.—Джустиниани, "Военная история", стр. 386, 425, 460 (Венеция, 1692).

[97] Картас де Хименес де Сиснерос, стр. 120, 131, 181 (Мадрид, 1867).—Ватинг, Минорные летописи, 1516, № 12.—Гашар, Переписка Шарля-Квинта и Адриана VI, стр. cxі (Брюссель, 1859).

[98] Таким образом, отец Гамс объясняет испанскую инквизицию национальной особенностью испанцев, которые требуют, чтобы государство представляло Бога на земле и чтобы христианство контролировало всю общественную жизнь; он требует единства веры, а не свободы вероисповедания. Инквизиция — это институт, за который Церковь не несет ответственности.—П. Пий Гамс, O. S. B., Die Kirchengeschichte von Spanien, III, II, 7, 8, 11, 12.

[99] Декретный перевод Септими. Библиотека V, Раздел i, глава 5.

[100] Исходный параметр. Официальный сайт S. Inquisitionis, стр. 164.

[101] Fortalicium Fidei, fol. 147^b (Ред. 1494).

[102] Канон. Апостол. № 69, 70.

[103] Краткое содержание. Элиберитан. глава 16, 49, 50, 78.

[104] С. Август, взрослый. Соединение. Библиотека. I, глава. xviii.

[105] С. Амброс. Epist. XL, № 26.

[106] С. Дж. Златоуст. совет. Иудейская речь. I, п. 3, 4, 6. Возмущение Златоуста было особенно вызвано распространенной среди христиан верой в особую святость синагог, которая делала произносимые в них клятвы более обязательными, чем в церкви.

[107] Сократ. Его Превосходительство VII, xiii.

[108] Библиотека. XVI, Код. Theodos. Тит. viii, Лл.. 6, 9, 12, 21, 22, 25, 26, 27; Тит. ix, Лл. 2, 3, 4, 5.

[109] Повесть. Theodos. II, Тит. iii.

[110] Указ. Теодеричи, глава 143. —Вариант Кассиодори. IV, 33, 43; v, 37. Ср. III, 45.

[111] Краткое изложение. Agathens. ann. 506, глава 40. Это было воплощено в каноническом праве (Грациан. Декр. Причина. XXVIII, Q. i, глава 14). Извиняющийся тон, которым Сидоний Аполлинарий, епископ Клермонский, говорит о евреях, которые ему нравятся и которые “солент худжусмоди гоминес честнас хабере причинас”, показывает, что более просвещенные церковники чувствовали, что любая милость, оказанная запрещенной расе, подвергает их враждебному обращению (Epistt. Библиотека. III, Ер. 4; Библиотека. IV, Ер. 5).

[112] Краткое изложение. Квинсисек. глава. 11 (Декр. Кауз. XXVIII, Q. i, глава. 13).

[113] Грегор. С. I. Послание. XIII, 12 (Декретный раздел. XLV, глава 3).

[114] В долларах США. Epistt. I, 10, 35; II, 32; V, 8; VIII, 27; IX, 6; XIII, 12. Это правда, что Григорий решительно отстаивал правило, согласно которому евреи не должны держать христианских рабов, но он разрешал христианам работать на своих землях (Там же, IV, 21).

[115] Там же, I, 47.—Ошибка Венанция Фортунати. Библиотека V, глава 5.

[116] Кассиодор. *Variar.* II, 27; X, 26.

[117] *Lex Roman.* Вестгот. Библиотека. XVI, Тит. iii, iv; Повесть. *Theodos.* II, Тит. iii (Изд. Хенель, стр. 250, 256-8).

[118] Краткое содержание. Толетан. III, энн. 589, глава xiv.—Консилиум. Нарбонн. энн. 589, глава. iv, ix.

[119] Понятно. Heine, *Biblioth.* Ветеран. Памятник. Церковный собор. стр. 118 (Липсия, 1848).

[120] S. Isidori Hispalens. *de Fide Cathol.* "против иудеев", Библия. I, глава 28; Библия. II, глава 5, 9.

[121] Хроника С. Исидори. № 120; *De Regibus Gothorum*, № 60; Предложение. Библиотека. III, глава 51, п. 4.

В совершенном учении Церкви это был просто вопрос политики и возможности распространения веры силой или нет, поскольку папа является верховным и имеет право наказывать всех, будь то евреи или язычники, которые не соответствуют Евангелию. — Эймеричи Директ. Инквизитор, стр. 353 (Изд. Венет. 1607).

[122] Краткое содержание. Толетан. IV, ann. 633, глава 57 - принят в каноническое право (*Decr.* глава 5, *Dist. XLV*)—as well as a decretal of Gregory IV—"Judæi non sunt cogendi ad fidem, quam tamen si invite susceperint, cogendi sunt retinere" (*Ibid.* cap. 4). См. также *Ll. Wisigoth.* Библиотека. XII, Тит. ii, л. 4 (Переработанный I), продолжение в *Fuero Juzgo*, XII, ii, 4.

Еврей, который был крещен в младенчестве или который принял крещение как альтернативу смерти и вернулся в иудаизм, должен был преследоваться инквизицией как еретик. —Николай, стр. IV. Бык. *Turbato corde*, 1288 (*Bullar.* Римлянин. I, 158, 179, 184, 263).—Глава 13 в Сексте, Глава V, Глава II.—Бернард. *Guidon. Practica*, P. v, § v, n. 1.—*Pegnæ Comment.* на эймерийском.Прямой. *Inquis.*, стр. 349. Установленную формулу вопрошания евреев см. в Рукописи. Библия. Национальный де Франс, Сборник. *Doat.*, T. XXXVII, фол. 258.

Насильственное обращение евреев, столь частое явление в Средние века, породило множество интересных вопросов, которые ученые тщательно обсуждали. Этот вопрос полностью рассмотрен в *Трактате об Иудаизме и христианском общении* др., напечатанном в Страсбурге около 1470 года (*Hain*, 9465), в котором для удобства использования и ссылки собрано все церковное законодательство, направленное против несчастной расы, представляющее собой прискорбную демонстрацию человеческой порочности.

[123] Краткое содержание. Толетан. IV, ann. 633, загл.. 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66; Продолжение. VI, ann. 638, загл. 3; Продолжение. VIII, ann. 653, глава 12; Продолжение. IX, ann. 655, глава 17; Продолжение. X, ann. 656, глава. 7; Продолжение. XII, ann. 681, cap. 9; Продолжение. XIII, ann. 683, cap. 9; Продолжение. XVI, энн. 693, глава 1.

Ll. Wisigoth. Lib. XII, Тит. ii, лл. 4-17; Тит. iii, лл. 1, 2, 10, 12, 16, 17, 19, 24 (*Fuero Juzgo*, *ibidem.*).

[124] С. Джулиани Толети, Вит. Вамбе, № 5, 28 (Флорес, Собор Святой Испании, VI, 536, 556).

[125] Краткое содержание. Толетан. XVII, энн. 694, глава 8.

[126] Родерик. Толетан. de Rebus Hispan. Библиотека. III, глава xvi.—Моралес, Генеральная прокуратура, Т. VI, стр. 361. Исидор Бежский, однако, является лучшим авторитетом для того периода, и он говорит о Витизе с высокой похвалой (Isidor. Pacens. Хрон. № 29, 30). See also Dozy, *Recherches sur l'Histoire et la Littérature de l'Espagne*, I, 16-17 (3e Éd. Leipzig, 1881).

[127] Род. Toletan. *op. cit.* Библиотека. III, глава. xxii, xxiii.—Дози, I, 49, 52.

[128] Дози, я, 17, 44, 53, 54, 56, 72, 74-5, 79, 350-1.

[129] Интересный пример мусульманской терпимости наблюдается у *фарфанов*— христиан Марокко, которые утверждали, что являются потомками готов, депортированных во время завоевания по просьбе графа Юлиана. В 1386 году они послали Санчо Родригеса, одного из своих, к Хуану I с просьбой принять их обратно в Испанию. Хуан получил от короля Марокко разрешение на их отъезд и пообещал предоставить им земли и поддержку. В 1390 году они прибыли, насчитывая пятьдесят всадников с их женами и детьми, и привезли письмо от мусульманского правителя, в котором говорилось о них как о знатных потомках готов и высоко восхвалялись их верность и доблесть. Именно во время выезда из Бургоса, чтобы поприветствовать их, лошадь Хуана упала, и он погиб. В 1394 году Генрих III подтвердил их древнее дворянство, а в 1430 и 1433 годах мы все еще находим их признанными в Севилье как отдельный класс.—Ayala, Crón. de Juan I, año X, cap. xx.—Zuñiga, Annales de Sevilla, Lib. VIII, año 1386, n. 2; año 1390, n. 3; Lib. IX, año 1394, n. 1.—Archivo de Sevilla, Seccion primera, Carpeta clxxiv, n. 4, 8.

[130] Francisco Fernández y González, Estado de los Mudéjares de Castilla, pp. 14-18 (Madrid, 1866).—S. Eulogii Memorialis Sanctorum Lib. II, глава xvi; Lib. III, глава i (Патрология Миня, CXV, 787, 800).

[131] Флорес, Собор Святой Софии, XI, 309 кв.; V, Доп. x.—Samsonis Abbatis Cordubensis приносит извинения. Библиотека. II (Ib. XI, 388 кв.). —Алвари Кордубенс. Epist. vii, viii (Там же. XI, 147 кв.). —Хостегесис был епископом Малаги, и свободное соблюдение дисциплины в моцарабской церкви показано в жалобе на жестокость, с которой он взыскивал *терцию* или причитающуюся ему дань, заставляя провинившихся шествовать по улицам под бичевание солдат и провозглашая, что со всеми неплательщиками следует обращаться подобным образом. Флорес, XII, 326.

[132] Послание С. Евлогия. iii (Migne, CXV, 845-9).—Алвари Кордубенс. Вит. С. Евлогий (Там же, 712).—Описание Альваром своего обучения у С. Евлогий показывает, что христианские школы Кордовы были процветающими и активными (Там же, глава i, стр. 708).

[133] Алвари Кордубенс. Вит. S. Eulogii, загл. iv, v.—Eulogii Memorialis Sanctorum Lib. II; Библиотека. III, глава. ii, iii, v, viii, xvii.—Ejusd. Vit. et Passio SS. Floræ et Mariæ.—Ejusd. Lib. Apologet. Мартирум.

[134] Перевод Aimoini SS. Georgii, Aurelii et Nathaliæ, Lib. I; Библиотека. II, глава xxviii.

[135] Антиподоз Лиутпранди, Lib. II, глава i.

[136] Дози, Исследования, II, 178.

[137] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 57.

[138] Сонный, исследующий, я, 265, 269, 349, 352-61.— Заказываю жизненно важное. История. Эклз. П. III, Библиотека хiii, глава 2.

[139] Церковь Альфонсо VII, глава 46, 101 (Собор Святой Испании, XXI, 360, 398).

[140] Дози, Исследования, I, 370-1.—Фернандес—и-Гонсалес, стр. 19.-Смотрите также эссе Дона Роке Шабаса о мозаиках Валенсии в "Болетине реальной академии истории", XVIII, 19.

[141] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 86-7, 93. Термин Мирамамолин, столь часто используемый христианскими авторами в качестве личного имени, - это *Амир-эль-Моменин*, или Князь правоверных, титул, который часто принимали мавританские правители.

[142] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 92, 96.

[143] Менендес-и-Пелайо, Неортодоксальные испанцы, I, 640-5.

[144] Дози, Исследования, I, 365-7, 372-9.

[145] S. Eulogii Memorialis Sanctorum Lib. III, глава iv. — "История евреев Испании" Линдо, стр. 44 (Лондон, 1848).

[146] Линдо, стр. 46.

[147] Дози, Исследования, I, 285-9.

[148] Линдо, стр. 62.

[149] Линдо, стр. 156-7.

[150] В балладах мавры почти всегда представлены как рыцарские враги. Даже когда они празднуют свои поражения, вплоть до захвата Гранады, они не проявляют презрения и нигде не видно и следа религиозной язвительности. Героями многих баллад являются мавры, как, например, в тех, что прославляют подвиги Бравонеля и Редуана, и нет ничего, что отличало бы их обращение от обращения с христианами. Бравонель и Бернардо дель Карпио представлены как товарищи по оружию. Когда Бернардо изгоняется своим королем, он немедленно отправляется в Гранаду, чтобы принять участие в турнире, где

Que hay unas Reales fiestas,
Donde el premio será dado
.....
Al que mejor lo ficiere
Sea Moro ó sea Cristiano;

и там его тепло встречает Муза, самый доблестный рыцарь сарацин.—*Romances Antiguos Españoles*, I, 65 (Leipzig, 1844).

[151] Вильянуэва, *Viage Literario*, XVI, 159.

[152] Дози, Исследования, II, 203, 233.

- [153] Dozy, II, 109, 111.—*Edélestand du Meril, Poésies populaires Latines*, pp. 312-13.
- [154] Хроника. *Sampiri Asturicens*, n. 3, 22, 26 (*España Sagrada*, XIV, 439, 452, 455).
- [155] Хроника. *Pelagii Ovietens*. (*España Sagrada*, XIV, 468, 472).
- [156] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 34, 48, 114.
- [157] *Crónica de Don Alfonso X*, глава xix-lviii.
- [158] Там же, загл. lxxvi.—*Barrantes, Ilustraciones*, Lib. I, глава. vi, xi (Мемориальная история. *español*, IX, 72-9, 92-8).
- [159] *Crónica de Don Alfonso XI*, cap. lvii, cxi, cxv.
- [160] *Ayala, Crónica de Don Pedro I*, año XVII, cap. iv; año XIX, cap. iv, v; año XX, cap. vi.
- [161] Баррантес, *Ilustraciones*, Библиотека. VII, глава xxii.
- [162] Исторический мемориал Испании, I, 159.
- [163] *Ibidem* III, 151.
- [164] Собрание документов, посвященных Короне Арагона, I, 25.
- [165] Краткое содержание. Латеранский. IV, ann. 1216 *ad calcem* (Harduin. VII, 75). —Глава 6, 17, Дополнительная, Глава V, Раздел vi.—Конц. Лугдунский. I, энн. 1245, глава xvii (Хардуин. VIII, 394).—Консилиум. Ilerdens. ann. 1246 (Агирре, VI, 318). —Консилиум. Валлизолет. ann. 1322, глава xxii (Агирре, V, 251).—Глава 1 Экстрав. Commun. Lib. V, Тит. ii.—*Urbani*, СТР. V, Бык. *Apostolatus*, 1364 (Bullar. Роман. Ред. Люксембург. I, 261).—Николай, стр. V, Бык. *Olim*, 1450 (*Ibid.* I, 361), и, наконец, в стандартной анафеме буллы в *Cœna Domini*.

Учитывая характер римской курии в средние века, вряд ли было бы злонамеренно предположить, что главной целью этих запретов было создание рынка лицензий на их нарушение, и святой Антонино Флорентийский, живший примерно в середине пятнадцатого века, говорит нам, что, как правило, они были у венецианских купцов (*S. Antonini Confessionale*)

Несмотря на свою распущенность на практике, Альфонсо X в *Partidas* воплощает латеранский декрет, осуждающий рабство для всех, кто каким-либо образом помогает сарацинам (*Partidas*, Р. IV, Тит. xxi, лист 4), а в 1253 году он признал папский контроль в таких вопросах, заранее получив от Иннокентия IV ратификацию определенных договоров, по которым он вел переговоры с принцами Африки (Фернандес-и-Гонсалес, стр. 337).

- [166] Буллар. Римлянин. I, 263.—*Eumerici Direct*. Инквизиция. стр. 351 (Изд. Венет. 1607).
- [167] *Barrantes, Ilustraciones* и др., Библиотека. Я, кэп. iv, xiii, xiv, xx, xxi.—*Ayala, Crónica de Don Pedro I*, año III, cap. iii.
- [168] Хроника. Сампири Астурикенс. № 16, 24, 25 (Собор Святой Испании, XIV, 447, 454, 455).—Испанская марка, стр. 1232.

[169] Partidas, П. IV, Тит. xxi, лей 6, 8; Тит. xxii, лей 3. В "Fuero Real de España" мавры упоминаются только как рабы (Lib. IV, Тит. xi, лей 3; Тит. xiv, лей 1). Практически то же самое происходит в старом Фуэро Мадрида (Memorias de la R. Acad. de la Historia, VIII, 40).

Церковь считала, что крещение освобождает раба от ответственности, даже если хозяин был христианином, но когда она пыталась обеспечить соблюдение этого правила, хозяева сопротивлялись, либо запрещая крещение, либо требуя от духовенства информацию о стоимости раба и взыскивая залоги для обеспечения оплаты. Иннокентий III был сильно шокирован этим. В 1205 году он пожаловался Альфонсо IX, что вместо того, чтобы требовать оплаты за таких обращенных рабов по цене, установленной канонами, он позволил владельцу определять стоимость, и, таким образом, епископ Бургоса недавно был вынужден заплатить двести золотых за девушку, не стоящую десяти денье (Innoc. П. П. III, Regest. VIII, 50; IX, 150).

[170] Partidas, P. IV, Тит. xxi, лей 7.

[171] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 21, 24-5.

[172] Дози, Исследования, I, 124-6.

[173] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 28.

[174] Айала, Крона Дона Педро I, аньо II, глава XVII.

[175] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 39, 45-6, 58.

[176] Мондексар, Мемориалы Алонсо VIII, глава cv, cviii.—Родеричи Толетани де Ребус Испаноязычный. Библиотека. VIII, глава. xii.

[177] Вильянуэва, Литературный сборник, XXI, 131.

[178] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 97.

[179] Смотрите капитуляцию Валенсии в 1232 году (Вильянуэва, XVII, 331); также *Конституции мира и спокойствия* Каталонии в 1214, 1225 и 1228 годах (Испанская марка, стр. 1402, 1407, 1413), а также Конституции Розеллона. , в 1217 году (Д'Ашери, спец. III, 587). В 1279 году Педро III Арагонский издает письма "ко всем своим верным маврам на границе Кастилии и Виара", приглашая их приехать и заселить Вильяреал, предлагая им там свободные земли и обещая им безопасность всего их имущества (Сборник документов короны Арагона, VIII, 151).

[180] Колледж Седулас, V, 571, 573, 584, 600, 608, 622, 632; VI, 93, 106, 112, 220, 292, 308, 326, 385, 455. В хартии Сан-Фернандо III 1246 года о продаже определенных земель городу Толедо говорится: "вендо-вос, кончехо-де-Толедо, лос-кабальерос-э-аль-пуэбло, кристианос—э-морос-э-джудиос, лос-кесес-э-лос-кесан-де-сер аделант, тодос аквеллос терминос и т.д.". - Фернандес-и-Гонсалес, стр. 319.

[181] Fernández y González, pp. 117, 122, 123.—Memorial histórico español, I, 285.

[182] Coleccion de Cédulas, V, 29.—Fernández y González, p. 294. В хартии Хинестросы (1287 г.) штраф за убийство составляет 500 суэльдо. В книге Арганзона (1191) упоминается вергильд в 500 суэльдо, но предоставляется особая привилегия: убийца должен заплатить только 250,

остальные 250 перечисляются “ради души короля”. В хартии Амайи (1285 г.) число детей составляет шестьдесят мараведи. — (Собрание Седул, V, 222, 112, 205.)

[183] Воспоминания Реальной академии истории, VIII, 39.

[184] Лейес де Эстило, 83, 84.

[185] Колледж Седулас, V, 413.

[186] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 407, 409. По подтверждению Педро IV Арагонского, в 1372 году, альджама Калатаюда выясняется, что мавры в городах имели обыкновение устраивать специальные свалки, где их мясо разделявали и помечали “secundum eorum ritum sive çunam”. — Там же. стр. 384.

[187] Coleccion de Documentos de la Corona de Aragon, IV, 130; VI, 145.—Fernández y González, pp. 286, 290, 386, 389.

[188] Fernández y González, pp. 92, 94-5, 102.

[189] Archivo de Sevilla, Seccion Primera, Carpeta I, n. 49.—Fernández y González, pp. 351, 353, 363.—Ordenanzas Reales, VIII, iii, 31.—Memorial histórico español, I, 81, 152.

[190] Fernández y González, pp. 221, 286.—Coleccion de Documentos de la Corona de Aragon, VI, 157, 196.—Córtes de los antiguos Reinos, II, 309.

[191] Агирре, V, 225, 227; VI, 369.—Загл. 5 дополнительных v, vi.—Загл. 2 дополнительных. Commun. v, ii.—Tratados de Legislacion Musulmana, p. 216 (Madrid, 1853).—Partidas, П. VII, Тит. xxv, статьи 2, 3.—Конституции Каталонии, Библиотека. I, главы 3, 4 (Барселона, 1588).—Консилиум. Тарраконенс. анна. 1245 (Агирре, VI, 306).

[192] Фернандес—и—Гонсалес, стр. 107-8, 120, 286, 359.—Мемориальная история Испании, I, 285.—О том, как распределялись дома в завоеванных городах, см. В “Репартимьенто Херес-де-ла-Фронтера” Альфонсо X в этом же разделе. 1266 год, напечатано падре Фиделем Фитой (Болетин, Джунио, 1887, стр. 465 кв.).

[193] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 346.

[194] Сборник документов Короны Арагона, VI, 255.—Partidas, стр. VII, Тит. xxv, лист 10.

[195] Tratados de Legislacion Musulmana, p. 7 (Madrid, 1853). В этой коллекции *Лейес-де-лос-Морос*, вероятно, датируется примерно 1300 годом. *Книга Айса Гебира “Сума главных повелителей”* была написана в 1462 году. Было бы нелегко найти более практичный моральный кодекс, чем тот, который представлен в кратких наставлениях, собранных в первой главе Айса Гебира (стр. 250 кв.). Несколько удивительно узнать, что *вальхихеде*, или священной войне против христиан, было запрещено убивать мирных жителей - женщин, детей, стариков и даже монахов, если они не защищались силой (глава xxxv, стр. 333). Даже безобидных существ, таких как муравьи и лягушки, нельзя лишать жизни (глава clvii, стр. 400). Главный упрек, который следует выдвинуть против ислама, — это положение, отведенное женщине, ее деградация в отношениях с мужчиной и скудное признание ее как человеческого существа. Согласно классификации общества на двенадцать категорий, одиннадцатой является категория *бальдиос*

или разбойников, колдунов, пиратов, пьяниц и т.д., А двенадцатой и низшей является женщина (Ib. cap. lx, стр. 412, 415).

[196] Хронист баллады рассказывает, как...

Et los moros é las moras
Muy grandes juegos hacian,
Los judíos con las toras
Estos Reyes bien recibian.
Fernández y González, p. 239.

[197] Crónica de Juan II, аньо IV, глава 26.

[198] Собрание документов Короны Арагона, VIII, 53.—Исторический мемориал Испании, I, 239, 263; III, 439.

[199] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 389.

[200] Там же. стр. 382, 386.

[201] Джанер, "Социальные условия морисков Испании", стр. 47-9, 161, 162 (Мадрид, 1857).

Под господством сарацин Альмерия была главным портом Испании, переполненным кораблями из Сирии и Египта, Пизы и Генуи. Он мог похвастаться тысячей постоянных дворов для чужеземцев и четырьмя тысячами ткацких мастерских, не считая медных, железных и стеклянных мануфактур (Дози, Исследования, I, 244-5). О чудесном богатстве мавров при кордовских халифах, демонстрирующем возможности расы и страны, см. "Арабы в Испании" Конде, Стр. II, глава. 94. Насколько кастильское рыцарство было неспособно увековечить это процветание, видно из письма Альфонсо X от 1258 года, в котором рассказывается о том, как он заселил христианами процветающий город Аликанте, поскольку это была цитадель и один из лучших морских портов; как выделение земель вызвало недовольство, и в ходе расследования он обнаружил, что христиане не могли там жить и процветать, поэтому теперь он создает *новое репартименто* (Мемориал истории Испании, I, 135).

[202] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 294, 321, 367. Ср. Краткое содержание. Валлизоле. 1322, глава xxii; К. Толетан. 1324, глава. viii (Агиппе, V, 251, 259); Консилиум. Parisiensis, ann. 1212, Addend, cap. i (Martene Ampliss. Собрать. VII, 1420).

[203] Краткое содержание. Латеранский. IV, ann. 1216, глава. lxviii (глава 15, Дополнительно, v, vi). Этот прием возник у сарацин Востока, которые в одиннадцатом веке требовали, чтобы евреи и христиане носили отличительные знаки (Фернандес-и-Гонсалес, стр. 16). Самый ранний след этого на Западе обнаружен в хартии Але, изданной в 1200 году, которая предписывает евреям отличительные одеяния (Роберт, "Знаки отличия семьи в мой век", стр. 7). В Италии Фредерик II подчинился Латеранскому декрету, приказав в 1221 году всем евреям носить отличительную одежду (Richardi de S. German. Chron. ap. Muratori, S. R. I., VII, 993), но он не включил это в Конституции Сицилии и не включил своих сарацинских подданных. В 1254 году совет Альби предписал евреям носить на груди круг шириной в палец, а совет Равенны в 1311 году - желтый круг (Harduin. VII, 458, 1370). В пятнадцатом веке неаполитанские евреи были обязаны носить в качестве знака еврейскую букву Tay (Бата, Аннал. Minor. T. III, Regest. стр. 392).

[204] Рейнальд. Летопись. 1217, № 84.—Амадор де лос Риос, История. de los Judíos de España, I, 361-2, 554.

[205] Амадор-де-лос-Риос, I, 362, 364.

[206] Partidas, П. VII, Тит. xxiv, лей 11.

[207] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, I, 227.

[208] Краткое содержание. Тарраконенс. год рождения 1238, кап. iv; ann. 1282, cap. v (Martene Ampliss. Собрать. VIII, 132, 280).—Fernández y González, p. 369.—Constitutions de Cathalunya superfluas, Lib. I, Тит. v, глава 12 (Барселона, 1589, стр. 8).

[209] Ayala, Crónica de Enrique II, año VI, cap. vii.—Córtes de los antiguos Reinos, II, 281.

[210] Рипол Буллар. Орден. И ДАЛЕЕ. Традиционный. I, 479. Очевидно, именно в обмен на десятину церковных доходов Хайме пообещал папе изгнать мавров, но он был слишком мудрым государственным деятелем, чтобы сделать это, и уже в 1275 году пригласил дополнительных поселенцев, пообещав годичное освобождение от налогов. Однако на смертном одре в 1276 году, отчасти, без сомнения, из-за опасного мавританского восстания, а отчасти из—за проснувшихся страхов, вызванных его принятием цистерцианского одеяния, он повелел своему сыну Педро выполнить обещание и в дополнении к своему завещанию настойчиво повторил просьбу (Данвила и Колладо, Изгнание лос-Морисков, стр. 24.-Свифт, Джеймс Первый Арагонский, стр. 140, 253, 290), но Педро был непреклонен.

[211] Фернандес-и-Гонсалес, стр. 109.

[212] Состоит. Валентин. (Агирре, V, 206).

[213] Глава 1 Клементин. Глава V, Раздел ii.

[214] Краткое содержание. Тарраконены. 1329 год от Рождества Христова (Агирре, VI, 370).

[215] Краткое содержание. Дертузан. энн. 1429, глава xx (Агирре, V, 340).—Рейнальд. Летопись. 1483, № 45.

В 1370 году *Хартия Пуэбло*, дарованная Буэнавентура-де-Арбореа маврам Челвы, специально разрешила их индейцам кричать "Ала-зала", как это было принято во времена Педро, ее покойного мужа.—Fernández y González, p. 386.

[216] Глава 1 Клементин. Библия. II, Тит. viii; Библия. V, Тит. v.

[217] Хотя акты совета Саморы были полностью подтверждены кортами Паленсии в 1313 году (Córtes de los antiguos Reinos, I, 227, 240-1), казалось невозможным обеспечить их соблюдение. В 1331 году мадридский суд безрезультатно ходатайствовал о том, чтобы христиане, отрицающие долги евреям, могли привести другого христианина в качестве свидетеля и не были обязаны иметь еврея. Однако *Fuero Viejo de Castiella*, пересмотренный в 1356 году, предоставляет эту привилегию (Lib. III, Тит. iv, лист 19). Редакторы "Фуэро, Ассо и Мануэль" (Изд. 1847, стр. 83) говорят, что практика менялась и что Генрих III в 1405 году в мадридских кортах снова предоставил эту привилегию. Еще в 1263 году Альфонсо X постановил, что при смешанных исках еврей не может требовать, чтобы его противник привел в качестве свидетелей

христианина и еврея, но чтобы было достаточно показаний двух добрых христиан.—Memorial histórico español, I, 207. Этот пункт представляет интерес как свидетельство желания защитить евреев от навязывания.

[218] Амадор-де-лос-Риос, II, 561-5.

[219] Краткое содержание. Валлизолет. 1322, глава xxii (Агирре, V, 250).

[220] Innocent. PP. III, Regest. X, 69; XII, post Epist. 107.—Консилиум. Латеранский. IV, cap. lxi (глава 16, Дополнительные, v, vi).

[221] Fernández y González, p. 289.—Coleccion de Privilegios, VI, 97.—Partidas, P. VII, Tit. xxiv, ley 3.

[222] Летопись. Новесиенс. ann. 846 (Martene Ampliss. Собрать. IV, 538). Cp. Gest. Episc. Леодиенс. Библиотека. II, глава. 41.—История. Треверенс. (Пикантность Д'Ашери. II, 222).

[223] Краткое содержание. Хинисекст. глава xi.—Грациан. глава 13, Кауз. xxviii, Вопрос 1.

[224] Заглавная часть 13, Дополнительная, V, xxxviii.

[225] Краткое содержание. Salmanticens. ann. 1335, глава. xii (Агирре, V, 269).

[226] Орденамьенто-де-Донья-Каталина, № 10.

[227] Fortalitium Fidei, fol. 147^a (Ред. 1494).

[228] Мариана, Hist. de España, VIII, 69 (Ed. 1790).

[229] Орденансас Реалес, VIII, iii, 18.—Рипол Буллар. Орден. И ДАЛЕЕ. Предписание. IV, 44. Совсем недавно, в 1580 году, Григорий XIII процитировал запреты на привлечение врачей-евреев, высказанные Павлом IV и Пием V, и выразил сожаление по поводу их несоблюдения, которое привело многие души к проклятию, для предотвращения которого он приказал их строго соблюдать. —Декрет Сепtimi. Библиотека. III, Раздел vi, глава 2.

[230] Краткое содержание. Тарраконены. 1329 год от Рождества Христова (Агирре, VI, 371).

[231] Агирре, V, 286-7. Педро эль Церемониозо, король Арагона, был тогда всего лишь восемнадцатилетним мальчиком, взошедшим на трон в январе 1336 года.

[232] Córtes de los antiguos Reinos, II, 311, 322-8.

[233] Орденансас Реалес, VIII, iii, 6.

[234] Краткое содержание. Палентин, 1388 год, глава v, vi (Агирре, V, 300).

[235] Орденамьенто де Вальядолид, i, xi (Fortalitium Fidei, fol. 176).—Фернандес-и-Гонсалес, стр. 400, 402.

[236] Орденансас Реалес, VIII, iii, 10, 19.

[237] Падре Фидель Фита, Болетин, IX, 270-84, 289, 292.—Только в 1555 году Павел IV принял ту же политику в Риме и основал гетто, или еврейский квартал.—Декрет Сепtimi. Библиотека. V, Тит. I, глава. 4

[238] Серию этих капитуляций смотрите в Сборнике документов по истории Испании, Т. VIII, стр. 403 кв.

[239] С. Агобарди об иудейском суеверии; Судья кавенды. *Societate Judaica*.—*Amulonis Episc. Лугдуненс. Lib. contra Judæos ad Carolem Regem*.

[240] Стефани П. П. VI, Epist. 2.

[241] Загл. 7, 9, Дополнительно, Библиотека V, Раздел vi.

[242] Краткое содержание. Париж, ann. 1212, P. V, глава 2 (*Martene Ampliss. Collect. VII, 102*).

[243] *Innocent. PP. III, Regest. X, 190. Cf. Epistt. Выберите. Sæc. XIII, T. I, стр. 414 (Перц)*.

[244] Цезарь. *Heisterb. Циферблат. Mirac. Dist. II, глава xxiv, xxv*.—Бернальдес, История. *de los Reyes Católicos*, сар. xliii.—Висенте да Коста Маттос, "Дискурс против еретического вероломства в иудаизме", т. 131, 132, 134 (Лиссабон, 1623). —Бодлеанская библиотека, рукописи. Арх. С. 130.

[245] Канон П. де Альяко. Переформатировать, кэп. xliii (*Von der Hardt, Concil. Постоянная. I, VIII, 430-1*)

[246] Хроника. *Turonens. ann. 1009*.

[247] Бертольд. Констант, Анна. 1096.—Оттон. Фризингенс. *de Gest. Фрид. I, Библиотека. I, глава. 37*.—Витодуран. Хронология. анна. 1336.—Геста Тревиор. Архиепископ. анна. 1337.

[248] Строго. *de Gest. Фил. Август. анна. 1182*—Везетт, История генералитета Лангедока, VIII, 1191-2 (Изд. Частное).—Нич. Триветти, Хроника. анна. 1189.—Гильом. Нанжиак. Продолжение. анна. 1306.—Мэтт. Париж. История. Англ. ann. 1210.—Мэтт. Вестмонаст. ann. 1290.

[249] Фуэро Юзго, Библиотека. XII, Тит. ii, лей 18.

[250] Испанская марка, стр. 1439.

[251] Собрание привилегий, VI, 96 (Мадрид, 1833).—История памяти, Испания, I, 38, 124; II, 71.

[252] Амадор-де-лос-Риос, I, 185-6, 189.

[253] Продолжение. *Gerardi de Fracheto, ann. 1285 (Dom Bouquet, XXI, 7)*.

[254] Амадор—де-лос-Риос, II, 67.—Бенавидес, Воспоминания Фернандо IV, II, 331.

Это указывает на независимую позицию евреев и мавров, поскольку они отказались платить десятину с земель, приобретенных у христиан, и их ответственность была приведена в исполнение только после энергичной и длительной борьбы.—См. Главу 18, Дополнительно, Раздел v, Тит. xix (*Concil. Латеранский. IV*).—Иннокентий. Стр. III, *Regest. VIII, 50; x, 61*. —Собрание Тарраконцев. ann. 1291 (Агирре, VI, 292).—Собрание. *Zamoren. ann. 1313, глава x (Амадор—де-лос-Риос, II, 564)*.—Мемориальная история. *español, I, 33, 160*.—*Fernández y González, pp. 348, 355, 380, 389*.—*Benavides, op. cit. II, 539, 541*.

[255] Краткое содержание. Римлянин. V, ann. 1078 (*Патрология Миня, CXLVIII, 799*).—Грегор. Стр. VII, *Regest. IX, 2*.

- [256] Амадор-де-лос-Риос, I, 28-9.
- [257] Там же, II, 58.
- [258] Амадор-де-лос-Риос, II, 74-5.
- [259] Лейес де Эстило, 89-90.
- [260] Эль-Фуэро-Реаль, Либертадорес. IV, Тит. iv, лей 7.—Partidas, VII, xxiv, 5. В 1322 году Хайме II Арагонский запрещает растление еврея Строго Меркаделла за то, что тот взял вторую жену.— Coleccion de Documentos de la Corona de Aragon, VI, 240.
- [261] Эль-Фуэро-Реаль, Либертадорес. IV, Тит. ii, страницы 1, 2, 3.
- [262] Люк Туденс. de altera Vita III, 3.
- [263] Алекс. стр. II, Epist. 101 (Decreti Consid. XXIII, Q. viii, глава 11).
- [264] Амадор-де-лос-Риос, I, 189-90.
- [265] Родеричи Толети де Ребус Испанский. VIII, 2, 6.—Malo, Histoire des Juifs, p. 267 (Paris, 1826).
- [266] Вильянуэва, Viage Literario, XXII, 328, 329, 333.
- [267] Амадор де лос Риос, I. 370, 447-51.—История евреев Испании Линдо, Стр. 88.
- [268] Лейес-нуэвас, Нем. XII, XIII. Cf. Ley 7 (Alcubilla, Códigos antiguos, I, 182).
- [269] Partidas, П. VII, Тит. xxiv. Положение, карающее смертью евреев-мужчин за половую связь с христианками, лишь отражало существующее законодательство, даже если женщина была проституткой.—Benavides, Memorias de Fernando IV. II, 210.
- [270] Вильянуэва, Литературный сборник, XIII, 332.—Диспут Р. Нахманидиса ("Вагенсайлии Тела дьявола").—Coleccion de Documentos de la C. de Aragon, VI, 165.
- [271] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. III, fol. 546 (Archivo hist, nacional de Madrid).
- [272] Сборник документов, VI, 167.—Вильянуэва, XIII, 336.—Рипол Буллар Орден. Прогноз. I, 479.
- [273] Агирре, VI, 369.
- [274] Сборник документов, VI, 170.
- [275] Амадор-де-лос-Риос, I, 438.
- [276] Флорес, Собор Святой Софии, XLIV, 298.
- [277] Декрет Септими. Библиотека V, Раздел i, глава 2.
- [278] Флорес, указ. соч., XLIV, 297-99.
- [279] Бернар д'Эскло, Cronica del Rey en Pere, cap. clii.
- [280] Сборник документов, VI, 194.

- [281] Вильянуэва, XXI, 165, 303.
- [282] Архив gen. корона Арагона, Вып. 208, fol. 72; Вып. 229, fol. 239.
- [283] Amador de los Rios, II, 98-102.
- [284] Собрание привилегий, VI, 129 (Мадрид, 1833).—Бенавидес, Воспоминания Фернандо IV, II, 374.
- [285] Amador de los Rios, II, 90-4.
- [286] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, I, 247.—Глава 1, Клемент. Л. В., Тит. в.
- [287] "История евреев Испании" Линдо, стр. 180.
- [288] Грец, "История иудаизма", VIII, 327 (Изд. 1890).
- [289] Decreti P. II, Caus. xiv, Q. 3, 4, 5, 6.—Глава 1, § 2 Климента. Lib. V, Тит. v.
- [290] Глава 12, Дополнительная, Библиотека V, Раздел хіх.—Консилиум. Латеранский. IV, глава 67.—Консилиум. Лугдунский. II, ann. 1274, глава 26.—Глава 1 Климента. Библия. V, Тит. v.—Консилиум. Pennafidelens. ann. 1302, глава 9.
- [291] Испанская марка, стр. 1415, 1426, 1431.—Конституции Каталонии, Библиотека. I, Тит. v, глава. 2.—Вильянуэва, Viage Literario, XXII, 301.—Эль Фуэро Реаль, Библиотека. IV, Тит. ii, лей 6.
- [292] Marca Hispanica, pp. 1433, 1436.—Coleccion de Documentos de la C. de Aragon, VI, 170.—Córtes de los antiguos Reinos, I, 127, 227, 281.—Amador de los Rios, I, 393, 421, 587; II, 63, 69, 89, 121, 148.—Coleccion de Privilegios, VI, 111, 113.
- [293] Amador de los Rios, II, 139.
- [294] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, II, 234.
- [295] Yanguas y Miranda, Diccionario de Antigüedades del Reino de Navarra, II, 93.
- [296] Орденамъенто-де-Алькала, Тит. XXIII, ley 2. Cf. Ordenanzas Reales, Lib. VIII, Тит. ii, лейес 1-8.
- [297] Падре Фидель Фита, Болетин, XI, 404.
- [298] Amador de los Rios, I, 488.
- [299] Córtes de los antiguos Reinos, II, 325.—Amador de los Rios, II, 320.
- [300] Вильянуэва, XVII, 247.
- [301] Зурита, Аньялес-де-Арагон, Либерия. VI, шапка. lxxviii.—Amador de los Rios, II, 175-9, 284-5, 289-91.
- [302] Зурита, Библиотека. VIII, глава xxvi, xxxiii.—Амадор де лос Риос, II, 260, 263, 299-300.
- [303] Рейнальд, Аннал. ann. 1348, n. 83.
- [304] Guill. Нангиак. Продолжение. 1366.—Четвертая жизнь Урбани V (Муратори, S. R. I., III, II, 641).

[305] Айала, Крона-де-Педро I, аньо VI, глава vii.

[306] Там же, аньо IX, загл. vii, viii.

[307] Guill. Нангиак. Продолжение. анна. 1366.—Айала, ано XVII, глава. viii.

[308] Амадор де лос Риос, II, 571-3.—Болетин, XXIX, 254.

[309] Айала, Краника-де-Хуан I, аньо I, глава iii.

[310] Зуньига, Анналы Севильи, 1395 год, № 2; 1404 год, № 4.

[311] Амадор де лос Риос, II, 338-9, 579-89.—В имперской юриспруденции мы видели запрет на возведение новых синагог, и это было тщательно сохранено в каноническом праве.—Глава 3, 8, Дополнительно, V, vi.

Двадцать три синагоги, очевидно, относятся ко всем синагогам Севильской епархии. На момент вспышки в городе было всего три.

[312] Зуньига, Анналы Севильи, 1379 год, № 3; 1388 год, № 3.

[313] Амадор-де-лос-Риос, II, 592-4.

[314] Акт капитула Кабильдо-де-Севилья, 10-15 декабря 1391 года (Библ. nacional, рукопись, Dd, 108, fol. 78).

[315] Амадор-де-лос-Риос, II, 613.

[316] Закон о капитуляции, *поддержка ubi*.

[317] Zuñiga, Annales de Sevilla, año 1391, n. 1, 2, 3.—Ayala, Crónica de Enrique III, año I, cap. v, xx.—Barrantes, Ilustraciones de la Casa de Niebla, Lib. V, cap. xx.—Archivo de Sevilla, Seccion primera, Carpeta II, n. 53.

[318] Айала, Крона де Энрике III, аньо 1391, глава XX.—Мариана, история. de España, Lib. XVIII, глава xv. —Кольменарес, История. de Segovia, cap. xxvii, § 3.—Fidel Fita, Boletin, IX, 347.—Amador de los Rios, II, 360-3, 370-1, 382, 389, 391.—Zuñiga, Annales de Sevilla, año 1391, n. 2; año 1404, n. 4.—Archivo de Sevilla, Seccion primera, Carpeta CVII, n. 1.

[319] Амадор-де-лос-Риос, II, 595-601.

[320] Амадор—де-лос-Риос, II, 372-77, 398.—Бофарулл-и-Брока, История. de Cataluña, V, 35.

[321] Генеральная история Мальорки, II, 319 (изд. 1841).—Леб, "Ревю юных художников", 1887, стр. 172.—Вильянуэва, XXI, 224.

[322] "Юношеское ревю", 1887, стр. 261-2.

[323] Амадор—де-лос-Риос, II, 392-4.—Собрание документов Короны Арагона, VI, 430.

[324] Сборник документов, VI, 436, 438, 441, 454.

[325] Хосе Фитер-и-Инглес, "Изгнание судей Барселоны", стр. 8-14 (Барселона, 1876). Этот эдикт был продлен в 1479, 1480 и 1481 годах (Там же, стр. 15-19).

[326] Viage literario, XVIII, 20.

[327] Амадор-де-лос-Риос, II, 382-5.

[328] Амадор—де-лос-Риос, II, 400-2, 445, 599-604.-Зурита, Аньялес-де-Арагон, Библиотека X, загл. xlvii.

[329] Бернальдес, Hist. de los Reyes Católicos, cap. xliii. Евреи также приписывали свои страдания этому “монаху Винсенту из города Валенсия, из секты Баал Доминика”. —Хроники раввина Джозефа бен Джошуа бен Меира, I, 265-7.

[330] Хронология. Petri de Areniis, ann. 1408 (Denifle, Archiv für Litt. und Kirchengeschichte, 1887, p. 647).—Coleccion de Doc. de la Corona de Aragon, I, 118.—Chron. Магистр. Ord. Правило. крышка. xii (Martene, Ampliss. Собрать. VII, 387).—Салазар, Священный анамнез. Испанец. II, 513.—Tournon, Hommes Illustres de l'Ordre de S. Dominique, III, 37.—Mariana, Hist. Испания, VI, 423 (изд. 1790). —Альбан Батлер, "Жизнь святых", 5 апрель.

[331] Раввин Сэм. Марроциани о приключениях Мессии (Mag. Биб. Патрум, изд. 1618, Т. XI, стр. 421).—Иоан. Хр. Wolfii Biblioth. Еврей, I, 1099. — Этот трактат был переведен с арабского на латынь в 1338 году доминиканцем Альфонсусом Бонихоминисом и был переиздан совсем недавно, в 1742 году, иезуитами в Кассано.

[332] Журнал. Библия. Патрум, Т. XII, П. II, стр. 358. О рвении новообращенного побудить своих братьев следовать за ним см. Труд Германа. de Conversione sua, cap. xvi ("Патруль Миня". Лат. Т. CLXX, стр. 828).

[333] Д'Аржантре, Забрать. Джудик. de novis Erroribus, I, I, 132.

[334] Pugionis Fidei P. III, Раздел iii, главы 21, 22.

[335] Scrutinii Scripturarum P. II. Полный отчет о Селемохе Ха-Леви и спорах, вызванных его отступничеством, см. в Грец (VIII, 79).

[336] Amador de los Rios, II, 447; III, 108-9.—P. de la Caballería, Zelus Christí contra Judæos (Venetiis, 1592).—Libro Verde de Aragon (Revista de España, Tom. Резюме, стр. 571).

[337] Амадор—де-лос-Риос, II, 413-16, 419-22.-Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, II, 544.

[338] Fortalitium Fidei, fol. clxxii-iii.—Colmenares, Historia de Segovia, cap. xxviii.—Garibay, Compendio historial de España, Lib. XV, cap. 58.—Rodrigo, Historia verdadera de la Inquisicion, II, 44.—Padre Fidel Fita (Boletin, IX, 371).

[339] Crónica de Juan II, аньо V, глава xxii.

[340] Fortalitium Fidei, fol. clxxvi-viii.—Amador de los Rios, II, 496-502.—Fernández y González, Estado de los Mudéjares, pp. 400-5.

[341] Амадор—де-лос-Риос, II, 503, 515.-Вильянуэва, XXII, 258.

[342] Испанские историки утверждают, что все раввины, за исключением Джозефа Альбо и Видаля Феррера, признали истинность христианства и отреклись от ошибок иудаизма (Амадор де лос Риос, II, 438-42; Зурита, Аньялес де Арагон, Lib. XII, глава xlv), но Грец (Geschichte der

Juden, VIII, 120-1) утверждает с большей вероятностью, что единственной уступкой, сделанной двенадцатью, было то, что отрывки из Агады Талмуда не имеют авторитета, и даже с этим Феррер и Альбо не согласились.

[343] Зурита, Аньялес, Библиотека. XII, глава xlv.

[344] Амадор-де-лос-Риос, II, 627-53; III, 38.

[345] Краткое содержание. Базилиенс. Сессия. XIX, cap v, vi (Harduin. VIII, 1190-3).

[346] Рейнальд. Летопись, 1442, № 15.—Ватин, Летопись. Минор, 1447, № 10.

[347] Вильянуэва, XIV, 30.

[348] Амадор-де-лос-Риос, III, 12.

[349] Libro Verde de Aragon (Revista de Aragona, CVI, 257, 269).

[350] Кабальеро, Уведомление о деле доктора Алонсо Диаса де Монтальво, стр. 251.

[351] Пулгар, Кларос Варонес, Тит. XVIII.

[352] Тристан. Caraccioli Epist. de Inquisit. (Муратори, S. R. I., XXII, 97).

[353] Crónica de Juan II, аньо XIV, глава ii.

[354] Амадор-де-лос-Риос, III, 583-9.

[355] Рейнальд. Летопись. 1451, № 5.

[356] Амадор-де-лос-Риос, III, 115-16.

[357] Болетин, XXVI, 468-72.

[358] Кортес-де-лос-антигуос-Рейнос, III, 717.

[359] Кольменарес, История. de Segovia, cap. XXXI, § 9.—Amador de los Rios, III, 164-7.—Fernández y González, p. 213.

[360] Краткое содержание. Arandens. ann. 1473, глава. vii (Агиппе, V, 345).

[361] Собрание Седулас, I, 45.

[362] Орденансас Реалес, VIII, iii, 1-41.

[363] Генеральный архив ла К. де Арагона, Regist. 3684, fol. 10, 33.

[364] Падре Фидель Фита, Болетин, XV. 443.

[365] Амадор—де-лос-Риос, III, 288-90.-Собрание Седулас, I, 134.

[366] Amador de los Rios, III, 170-1.—Merchan, La Judería y la Inquisicion de Ciudad-Real, I, 647.

Линдо (История. евреев Испании, стр. 244) оценивает евреев Кастилии в этот период в 200 000-300 000 человек старше 16 лет. Грец предполагает, что общее число составляет 150 000 человек; Исидор Леб - 50 000 или чуть больше.—*Revue des Études Juives*, 1887, p. 168.

[367] Амадор-де-лос-Риос, III, 88-9, 116-17, 206-10, 213-15, 217-18.

[368] Амадор—де-лос-Риос, III, 118-24.-Крона-де-Хуан II, аньо XLII, кап. ii, v.—*Crónica de Alvaro de Luna*, Tit. lxxxiii.

[369] Мерчан, Правосудие и Инквизиция Сьюдад-Реаля, I, 541-63.

[370] Рейнальд. Летопись. 1449, № 12.

[371] Амадор—де-лос-Риос, III, 125, 494.-Raynald. ann. 1451, n. 5.

[372] Сетевой адаптер. Antonio, *Bibl. vetus Hispan.*, II, n. 565.

[373] В этом я в основном следовал рассказу мисс, очевидно, современника, сохранившемся в Библ. национальный, РУКОПИСЬ, G. 109. See also Amador de los Rios, III, 145-51; Valera, *Memorial de diversos Hazañas*, cap. xxxviii; Castillo, *Crónica de Enrique IV*, cap. xc, xci.

[374] Мерчан, указ. соч., I, 641-3.

[375] Кастильо, указ. соч., загл. cxlvi.—Мариана, Библиотека. XXIII, глава xv.

[376] Кастильо, указ. соч., cap. clx.—Валера, Мемориал диверсантов Хазаньи, cap. clxxxiii.—Мемориальная история. español, VIII, 507.

[377] Валера, капитан. lxxxiii-iv.—Кастильо, cap. clx.—Мемориальная история. español, VIII, 508.—Barrantes, *Ilustraciones de la Casa de Niebla*, Lib. VIII, cap. vi.—Amador de los Rios, III, 159-60.

[378] Амадор-де-лос-Риос, III, 234.

[379] Пулгар, Краника-де-лос-Рейес-Католикос, II, lxxvii.

[380] Падре Фидель Фита, Болетин, XV, 323-5, 327, 328, 330; XXIII, 431.

[381] История лос-Рейеса Католикос, cap. cxí.

[382] Поскольку эта мера, по-видимому, до сих пор ускользала от внимания, я привожу текст документа — отрывок из письма Фердинанда инквизиторам Сарагосы от 12 мая 1486 года. “Devotos padres. Porque por experiencia parece que todo el daño que en los cristianos se ha fallado del delicto de la heregia ha procedido de la conversacion y practica que con los judios han recebido las personas de su linage, ningun tan comodo remedio hay como apartarlo dentre ellos de la manera que se ha fecho en el arzobispo de Sevilla e obispados de Córdoba e de Jaen, e pues en essa ciudad tanto e mas que en ninguna otra han dañado, es nuestra voluntad que los judios dessa ciudad luego sean desterrados dessa dicha ciudad e de todo el arzobispado de Çaragoça e obispado de Santa María de Albarracin como por el devoto padre Prior de Santa Cruz vos sera escrito e mandado.”—*Archivo gén. de la K. de Aragon*, Регистрационный номер 3684, фол. 96.

Хотя это, по-видимому, относится только к евреям Сарагосы, в письме Фердинанда Торквемаде от 22 июля 1486 года упоминается, что инквизиторы приказали евреям Теруэля уехать в течение

трех месяцев. Он считает их оправданными в жалобах на слишком короткий срок, поскольку им приходится выплачивать и взыскивать свои долги, а также продавать свои дома и земли, и поэтому он предлагает продлить срок еще на шесть месяцев.—См. Приложение.

[383] Зурита, История. del Rey Hernando, Lib. Я, аньо 1492.—Мариана, либр. XXIV, cap. xviii.—Páramo de Orig. Официальный представитель S. Inquisitionis, pp. 144, 156, 163 (Madriti, 1598).Гарибай, Сост. История. Библиотека. XIX, в. iv.

[384] В отчете об изгнании в конце Libro Verde de Aragon указывается, что это было причиной (Revista de España, CVI, 567-8). Рибас Альтас, однако, был сожжен несколькими годами ранее, поскольку во время автокатастрофы в Сарагосе 2 марта 1488 года была сожжена его мать Альдонса, и в отчете упоминается о его предыдущем сожжении и рассказывается история.—Memoria de Diversos Autos, Авто 29 (см. Приложение).

[385] Баррантес, Отрывок из истории Эстремадуры, I, 458.

[386] Revista de España, CVI, 568-70. Эта переписка долгое время использовалась как оружие против Новых христиан. См. Висенте да Коста Маттос, "Дискорсо против вероломства еретиков в иудаизме", fol. 55-7, 166 (Лиссабон, 1623). Rodrigo prints it (Historia verdadera de la Inquisicion, II, 47).

[387] Я довольно подробно рассматривал этот примечательный случай в "Исследованиях по религиозной истории Испании", стр. 437-68. Это можно с точностью изучить в протоколах судебного процесса над одним из обвиняемых, Джусе Франко, напечатанных падре Фиделем Фитой (Boletín, XI, 1887) с подробными разъяснениями. Каталонская версия предложения находится в *Сборнике документов Короны Арагона*, XXVIII, 68. О легенде и культе Санто-Ниньо см. Мартинеса Морено, *История Мартирио Санто-Ниньо де ла Гуардиа*, Мадрид, 1866.

[388] Парамо (стр. 144), по-видимому, является самым ранним авторитетом в этой истории, и, как он рассказывает, она кажется скорее применимой к попытке Конверсос откупиться от инквизиции, но современные авторы приписывают это изгнанию евреев. См. Llorente, Hist. Critica. cap. VIII, Art. 1, n. 5; Hefele, Der Cardinal Ximenes, XVIII; Amador de los Rios, III, 272-3.

[389] Мануэль де Новелл Ардитс вульгарный апеллят Диетари дель Антич Конселл Барселони, III, 94 (Барселона, 1894).

[390] Nueva Recopilacion Lib. VIII, Тит. ii, лист 2. —Новая редакция, Библиотека. XII, Тит. i, глава 3. —Зурита, История. del Rey Hernando, Lib. I, año 1492.—Amador de los Rios, III, 603-9.—Boletín, XI, 425, 512.

[391] Зурита, *официальный сайт*

[392] См. Приложение.

[393] Парамо, стр. 167.—Илескас, Папская история, П. II, Lib. vi, глава 20, § 2.

[394] Amador de los Rios, III, 403.

[395] Льоренте, Привет. критика, Приложение, VI.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, fol. 87.

- [396] Бергенрот, Календарь государственных документов Испании, I, 51.
- [397] Зурита, *лок. цит.*—Парамо, стр. 166.
- [398] Грец VIII, 348.—Бернальдес, сар. CXII.—Португальский крузадо стоил 365 мараведи, столько же, сколько *добла де ла банда*. Дукат стоил 374 доллара.
- [399] Линдо, История евреев, стр. 287.—Хроника раввина Джозефа бен Джошуа бен Меира, I, 327.
- [400] Грец, VIII, 349.
- [401] Бернальдес, сх.—Баррантес, Иллюстрация Дома Ниебла, Р. IX, сар. 2.Амадор де лос Риос, III, 311. —Линдо, стр. 292.
- [402] Амадор де лос Риос, III, 312.—Болетин, IX, 267, 286; XI, 427, 586.
- [403] Грец, VIII, 348.—Хроникон Вальядолида (Собрание документов, XIII, 195).
- [404] Бернальдес, сар. CXII, CXIII.
- [405] Дамио де Гоус, Хроника короля Д. Манозля, Р. I, сар. cii, ciii.
- [406] Хроники раввина Джозефа бен Джошуа бен Меира, I, 328.—Амадор де лос Риос, III, 332-3.
- [407] Амадор—де-лос-Риос, III, 320.—Зурита, *местный житель*
- [408] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 927, fol. 124.—Исидор Леб ("Ревю юных этюдов", 1887, стр. 179).—Илескас, Папская история, П. II, Библиотека vi, глава 20, § 2.—Кайзерлинг, Библиотека Испании-Португалии-иудаики, стр. xi (Страсбург, 1890).
- [409] Nueva Recopilación, Библиотека. VIII, Тит. ii, лист 3.—Новизна. Перераб., Библиотека. XII, Тит. i, лист 4.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [410] Бернальдес, сар. CXI.
- [411] Арнальдин. Albertinus de Hæreticis, col. ликс (Валентия, 1534).
- [412] Зурита, *местный цит. по*—Мариана, Том. VIII, стр. 336 (Изд. 1795).—Páramo, p. 167.
- [413] "Юношеское ревю", 1887, стр. 182.
- [414] Хроники раввина Джозефа бен Джошуа бен Меира, I, 323-4.
- [415] Домашнее животное. Мученик. Рыболов. Lib. VIII, Epist. 157.
- [416] Джоан. Пичи Мирандула в "Астрологии", Книга V, глава xii.
- [417] Il Principe, глава xxi.
- [418] Арнальд. Albertinus de Hæreticis, col. lix.
- [419] Цензура и Библиотека конфутаций Талмуда (Болетин, XXIII, 371-4).

Евреи проводили различие между обращенными поневоле, которых они называли *анусим*, и добровольными обращенными, или *мешуданим*; первых они жалели и помогали, вторых они ненавидели. Иудействующих христиан также иногда называли *Альборайкос*, от *альборака* (молния), чудесного коня, принесенного Магомету ангелом Гавриилом, который не был ни конем, ни мулом, ни мужчиной, ни женщиной (Там же, стр. 379). Еще более оскорбительным популярным названием было *Маррано*, что означает одновременно свинью и проклятого. О спорном происхождении этого слова см. Греца, *Geschichte der Juden*, VIII, 76 (Изд. 1890), который также (стр. 284) признает привязанность многих конверсос к старой религии.

[420] С. Dertusan. ann. 1429, с. ix (Aguirre, V, 337).

[421] Рипол Буллар. Орден. И ДАЛЕЕ. Предписание. III, 347.

[422] С. Basiliens. Сэсс. XIX, с. vi (Harduin. VIII, 1193).

[423] Рейнальд. Летопись. 1451, № 6.

[424] В поддержку теории веры, Пролог. (Изд. 1494, том ii^a). Дату *Крепости* обычно относят к 1459 году, который указан в ее рубрике, но на fol. lxxvii^b автор говорит о 1460 годах, прошедших с момента рождения Христа, и, поскольку это составляет почти первую треть книги, она могла быть завершена только год или два спустя.

[425] Никол. Антон. Библ. Ветеринар. Испанский. Библиотека. X, глава. ix.

[426] Амадор—де-лос-Риос, III, 60, 136.—Валера, Мемориал диверсантов Хазаньи, глава iv.

[427] Fortalicium Fidei, fol. cxlvi.

[428] Кольменарес, История. де Сеговия, глава xxxi, § 3. —Валера, *лок. цит.*

[429] Я полагаю, что все недавние испанские власти предполагают, что Фрай Алонсо был обратником, но ученый Николас Антонио (*лок. цит. по*) ничего не говорит об этом, а Джо. Chr. Вольф (Библия. Еврей II, 1123) указывает, что он нигде не ссылается на свой собственный опыт, чего он вряд ли мог не сделать, обвиняя евреев в том, что они отрицали. Он цитирует (fol. cxlix^a) Пабло де Санта-Марию, епископа Бургосского, за их молитвы против христиан и другого ученого Собеседника относительно тайны, связанной с еврейскими буквами (fol. xciv^a). Таким образом, его знания о евреях были полностью получены из вторых рук, и его нападки на иудаизацию конверсос, по всей видимости, исходят от старого христианина.

[430] Молитвы, приписываемые евреям, неоднократно становились предметом репрессивного законодательства. See *Ordenanzas Reales*, VIII, iii, 34.

[431] Fortalicium Fidei, fol. cxlii-ix, clxxxi-iii.

[432] Fuero Juzgo, XII, iii, 27.—Fuero Real, IV, i, 1.—Partidas, VII, xxiv, 7. Фактически, эти законы, похоже, были мертвой буквой почти с самого начала. Я не встречал примеров их применения.

[433] Fortalicium Fidei, fol. liii-liv, lxxv-vi, clxxviii-ix.

[434] Бернальдес, "История лос-Рейеса Католикос", глава. xliii. См. также Парамо де Ориг. Officii S. Inquisit., стр. 134.

Бернальдес, очевидно, черпает свои подробности из приговоров инквизиции, зачитанных на аутодафе, в которых эти свидетельства иудаизма приводятся в бесконечном повторении.

[435] Амадор-де-лос-Риос, III, 142.

[436] Кастильо, Крона Энрике IV, кап. liii.—Mariana Historia de España, Lib. XXIII, cap. vi.

[437] Модесто Лафуэнте, генерал-майор Испании, IX, 227.

[438] Болетин, XXIII, 300-1.

[439] Висенте Баррантес, Отрывок из истории Эстремадуры, II, 362.

[440] *Córtes de los Antiguos Reinos de Leon y de Castilla*, Madrid, 1861 *sqq.*

[441] Архив Ватикана. Sisto IV, Registro 679, Tom. Я, фол. 52. Я напечатал эту буллу в "Американском историческом обозрении", I, 46.

[442] Именно во время пребывания Изабеллы в Севилье 2 сентября она подтвердила, а затем Фердинанд в Хересе 18 октября 1477 г. подделанный указ, приписываемый Фредерику II, предоставляющий определенные привилегии инквизиции Сицилии. Это было сделано по просьбе Филиппо де'Барбаржа, впоследствии инквизитора Сицилии, затем при дворе, которого оба монарха называют своим духовником. Говорят, что он оказал на них значительное влияние в преодолении сопротивления учреждению инквизиции в Кастилии. Что касается поддельного указа Фредерика II, см. "Историю инквизиции средних веков" автора, т. II, стр. 288.

[443] Зурита, Аньялес де Арагон, Библиотека XX, глава xlix.

[444] Пулгар, Хроника, Стр. II, загл. lxxvii.—Бернальдес, глава. xliii.—Медина, Вида-дель-Карденаль-Мендоса (Мемориальная история. *español*, VI, 235).

[445] Парамо де Ориг. *Offic. S. Inquis.* стр. 134.

Падре Фидель Фита указал на расхождение в датах.—Болетин, XVI, 559.

[446] Бернальдес, История лос-Рейеса Католикос, глава. xliii.

[447] Парамо, стр. 135.—Медина, Вида дель Карденаль Мендоса (Исторический мемориал Испании, VI, 235).

[448] Пулгар, Крона, П. II, загл. clxxvii.—Пулгар (глава iv) отдает исключительную заслугу Изабелле в искоренении ереси.

[449] Материалы этого важного собрания были напечатаны падре Фиделем Фитой (*Boletin*, XXII, 212-250).

[450] Напечатано Домом Клеменсином, Элогио де Донья Исабель, стр. 595-7.

[451] *Fortalicium Fidei*, Библиотека. II, раздел xi.—История инквизиции Средних веков, I, 512-13.

[452] Эта булла включена в первое воззвание инквизиторов, Севилья, 2 января 1481 г., напечатанное падре Фитой (*Boletin*, XV, 449-52). Ранее он считался утерянным. Его основные

положения, однако, воплощены в седуде от 27 декабря 1480 г., напечатанной в примечаниях к "Новой переписке", изд. 1805, том. I, стр. 260.

Немного странно, что инквизиция располагала очень небольшим количеством документов, относящихся к ее ранней истории. В подробном *уведомлении* от 18 июля 1703 года, представленном Филиппу V по делу брата Фройлана Диаса, Suprema заявляет, что все записи были проверены без особого результата; многие важные бумаги были отправлены в Арагон и Каталонию и так и не были возвращены; остальные находились в сундуке, доставленном графу Вильялонга, секретарю Филиппа III, для упорядочивания и классификации, а после его ареста и конфискации его имущества они исчезли.—Biblioteca Nacional, Seccion de MSS., G, 61, fol. 198.

Вполне возможно, что содержимое сундука составляет "Свод законов инквизиции Сантьяго", состоящий из восьми либро, или фолиантов (пять оригиналов и три копии), которые сейчас хранятся в Национальном историческом архиве. Именно из этой коллекции падре Фита напечатал упомянутую выше прокламацию и многие другие важные документы, и вы увидите, что я широко использовал ее под названием "*Буларио Ордена Сантьяго*". Кроме того, обширные хранилища записей хранятся в Национальном историческом архиве Мадрида, в архивах Симанкаса и Барселоны, а некоторые - в библиотеке Ватикана. Льоренте сжег много бумаг перед отъездом из Мадрида и перевез другие в Париж, некоторые из которых находятся в Национальной библиотеке, *фонды Испании*. Национальная библиотека Мадрида также насчитывает большое количество таких библиотек, а другие рассредоточены по различным библиотекам Европы или находятся в частных руках.

[453] Смотрите его краткое изложение от 29 января 1482 г., напечатанное Льоренте, *Historia Crítica*, Приложение № 1.

[454] История инквизиции средних веков, I, 331.

[455] Генеральный архив Короны Арагона, рег. 3684, fol. 1. См. Приложение.

[456] Фидель Фита, *Болетин*, XVI, 452.—Льоренте, история. Критическая крышка. V, art. ii.—*Relacion histórica de la Judería de Sevilla*, p. 22 (Sevilla, 1849).

[457] *Болетин*, XV, 453-7. Это вполне укладывалось в нормы канонического права, но не положило конец укрывательству беглецов от инквизиции дворянами, которые, несомненно, находили это выгодным. В некоторых инструкциях, изданных Торквемадой 6 декабря 1484 года, есть инструкция, регулирующая отношения между такими дворянами и получателем конфискаций.—*Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 933*.

[458] Бернальдес, сар. xlv. Замок Триана продолжал оставаться резиденцией севильской инквизиции до 1626 года, когда ему угрожали разрушения из-за разлива Гвадалquivира, и трибунал был перенесен во дворец Кабальерос Теллос Таверос в Коласьон-де-Сан-Маркос. В 1639 году он вернулся в замок, который был отремонтирован, и оставался там до 1789 года, когда постоянное наступление реки привело к его передаче коллегии, известной как лас—Бекас.-Варфлора, *Историко—описательный сборник Севильи*, П. II, глава 1 (Севилья, 1789).-Зуныга, "Анналы Севильи", 1693, № 1.

Графы Сан-Лукар были наследственными алькаидами Трианы; в обмен на сдачу замка они получили должность альгуасиль-мэра инквизиции, которую продолжали занимать их

представители, маркизы Леганесские — сделка, которая была ратифицирована Филиппом IV 8 ноября 1634 года. В 1707 году офис оценивался в 150 000 мараведи в год, из которых владелец предоставлял помощника.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Legajo 1465, fol. 105.

[459] Амадор—де-лос-Риос, III, 247-8.-Бернальдес, сар. xliii.—Фидель Фита, Болетин, XVI, 450 кв., 557 кв.

Поскольку отцеубийство, совершенное женщиной Фермоза, навлекло на нее бедность и позор из-за конфискации имущества ее отца и инвалидности, причиненной его потомкам, Церковь заинтересовалась ее судьбой. Райнальдо Ромеро, епископ Твери, добился для нее поступления в монастырь, но легко понять, что жизнь там ей не понравилась, и она покинула его, не приняв пострига, чтобы избрать позорную карьеру. Ее красота исчезла, и она умерла в нужде, оставив указание повесить ее череп в качестве предупреждения над дверью дома, который был местом ее беспорядочной жизни. Ее пожеланию подчинились, и его до сих пор можно увидеть на улице Калле дель Арто, недалеко от входа, рядом с Алькасаром.—Амадор де лос Риос, III, 249.

[460] Бернальдес, сар. xliv. Родриго рассказывает нам (Hist. verdadera de la Inquisicion, II, 74-6), что были сожжены только пятеро из тех, кто отказался от всех предложений о примирении и не раскаялся до последнего, но современник Бернальдес говорит, что Диего де Сусан умер как добрый христианин во втором авто.

[461] Бернальдес, сар. xliv.—Амадор де лос Риос, III, 250. — "Старая Испания и Новая Испания" Филда, стр. 279.

Замечание доброго священника де лос Паласиоса при описании *кемадеро* звучит так: “en que los quemaban y fasta que haya heregía los quemarán”. Стоимость четырех статуэток оплатил джентльмен по имени Меса, чье рвение принесло ему должность фамильяра Святой канцелярии и распорядителя конфискаций. Однако выяснилось, что он иудействующий, и его самого сожгли на *кемадеро*, которое он украсил.—Родриго, II, 79-80.

[462] Бернальдес, сар. xliv.

[463] Льоренте, Аньялес-де-ла-Инквизиция, I, 44.

[464] Амадор-де-лос-Риос, III, 252. Родриго (хист. Verdad. II, 76) говорится, что первым действием инквизиторов был вопрос о провозглашении Срока помилования 2 января, но это вряд ли согласуется с повествованием Бернальдеса.

[465] Бернальдес, сар. xliv.

[466] Парамо, стр. 136.—Болетин, XV, 462.

[466a] Весьма сомнительно, что трибунал был учрежден в Сеговии так рано. Кольменарес (Хист. де Сеговия, глава xxxiv, § 18) утверждает это положительно, но единственными трибуналами, представленными на ассамблее организации, состоявшейся в ноябре 1484 года, были Севилья, Кордова, Хаэн и Сьюдад-Реаль. Сначала в Сеговии возникло некоторое сопротивление со стороны епископа Хуана Ариаса Давилы, который был еврейского происхождения. Бергенрот, Календарь государственных бумаг Испании, I, xlv.

В Сьюдад-Реале первыми инквизиторами в 1483 году были лицензиат Педро Диас де ла Костана и доктор Франсиско де ла Фуэнте (Исторический архив. nacional, Inquisicion de Toledo, Legajo 154, n. 375). Ни один из них не был доминиканцем, и последний впоследствии стал генеральным инквизитором и епископом последовательно Авилы и Кордовы.

В Кордове инквизиция была основана в 1482 году четырьмя инквизиторами — Бахильерами Антоном Руисом де Моралесом и Альваром Гонсалесом де Капильясом, доктором Педро Мартинесом де Баррио и братом Мартином Касо, хранителем францисканского монастыря. Первое аутодафе было отпраздновано в 1483 году, когда одной из жертв стала наложница казначея собора Педро Фернандеса де Алькаудете, который сам был сожжен 28 февраля 1484 года. Его слуги оказали сопротивление при аресте, и в схватке альгвасил инквизиции был убит. —Матуте и Лукен, "Автобиографии Кордовы", стр. 1-2 (Кордова, 1839).

[467] “En publica forma e se avia fecho en esta dicha ciudad por el Doctor Thomás, juez delegado e inquisidor deputado por el reverendisimo señor Don Alfonso Carrillo, arzobispo que fué deste dicho arzobispado de Toledo.”—Arch. история. nacional, Inq. de Toledo, Legajos 139, № 145; 143, № 196.

[468] Там же, Legajos 139, № 145; 154, № 356, 375.

[469] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Legajo 262.

[470] Парамо, стр. 170.—Падре Фидель Фита составил хронологический список судебных процессов в Сьюдад-Реале, сохранившийся в Историческом архиве. Nacional (Boletin, XI, 311 sqq.). These are included in the *Catálogo de las Causas contra la Fe seguidas ante el Tribunal del Santo Oficio de Toledo*, by D. Miguel Gómez del Campillo (Madrid, 1903).

[471] Отношение инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 293).

[472] Дело инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 293-4).—Генерал-арх. Короны Арагона, рег. 3864, fol. 31.—Graetz, Geschichte der Juden, VIII, 323.—Pulgar, Crónica, P. III, cap. 100.

По закону евреям не разрешалось давать показания против христиан, и запрет на получение таких показаний был категорически включен в свирепую буллу Николая V в 1447 году, но, как мы увидим, в инквизиции приветствовались все свидетели обвинения, какими бы печально известными они ни были.

Насколько неприятной, по мнению Фердинанда, будет работа, предписанная арагонской магистратуре, видно из его властного приказа о том, что она должна быть выполнена — “для дела мира, но не для борьбы с контраргументами и не для отвода глаз от порки без серии тан-молесто, для того, чтобы не поддерживать мирную жизнь”.

[473] Дело инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 295-6).

В 1629 году хорошо информированный автор сообщает нам, что многие из тех, кто выступил вперед и таким образом обвинил самих себя, на самом деле были добрыми христианами, которые в то время, когда евреев еще терпели, общались с ними в их синагогах, на свадьбах и похоронах и покупали мясо у их мясников. Напуганные действиями инквизиции, они пришли, признались и примирились, тем самым бросив несмыслаемое пятно на своих потомков, когда были изучены протоколы трибуналов и были найдены их имена.—Tratado de los Estatutos de Limpieza, cap. 10 (Bibl. Nac. Раздел рукописи, Q, 418).

[474] Связь (Там же, стр. 292 кв., 297, 299, 301-2, 303).

В последние годы пятнадцатого века и в начале шестнадцатого, по-видимому, был совершен специальный набег на Гвадалахару. В списке дел того периода я нахожу 965, приписанных этому месту.—Свод. История. Nacional, Inq. de Toledo, Раздел 262, п. 1.

[475] Парамо, стр. 138-9.—Фидель Фита в Болетине, XXIII, 284 кв.—Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 939, fol. 108.

[476] Толедо, Хроника Вальядолида (Собрание отредактированных документов, XIII, 176, 179).—Пулгар, Хроника. П. III, глава 100.

[477] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I. К сожалению, мой экземпляр этого важного тома, а также Libro 933 не пролистан. Однако даты документов послужат достаточным ориентиром для исследователя, желающего проверить ссылки.

[478] Список из них, составленный в прошлом веке, напечатан падре Фиделем Фитой (Boletin, XV, 332). Вероятно, она не совсем завершена. К более позднему времени, чем 1500 год, относятся десять *примирений*— по одному в 1509 и 1516 годах и восемь в 1629 году — отправленные туда трибуналами, в которых они рассматривались.

Более подробную информацию об организации различных трибуналов можно найти в Приложении.

[479] Кольменарес, История. де Сеговия, глава xxxv, § 18.—Гарибай, Исторический сборник, Библиотека. XVIII, глава 16.

[480] Парамо, стр. 137.—Льоренте, Аньялес, I, 73.—Зурита, Аньялес, Lib. XX, cap. xlix—Инструкции Севильи, 1484, Прелого (Аргуэлло, фолл. 2).—Archivo de Alcalá, Estado, Legajo 2843.

На Севильской конференции 1484 года, помимо инквизиторов и членов Совета, упоминаются присутствующие Хуан Гутьеррес де Лашавес и Тристан де Медина, которых Льоренте (Аньялес, I, 74) считает помощниками Торквемады.

[481] Фоль де Кардона в "Консультации Верховного суда Филиппу V" от 18 июля 1703 года заявляет, что самой ранней буллой в архивах была булла Сикста IV 1483 года, назначавшая Торквемаду генеральным инквизитором с полномочиями назначать заместителей инквизиторов и рассматривать дела в первой инстанции. Только в 1486 году Иннокентий VIII предоставил ему апелляционную юрисдикцию.—Библия. Национальное собрание, Отдел рукописей, G, 61, fol. 199.

Титул генерального инквизитора был изобретен не сразу. В приговоре, произнесенном в Сьюдад-Реале 15 марта 1485 года, Торквемада именуется просто "juez principal инквизитор". —Арх. История. Нак. Inq. de Toledo, Легаджо, 165, № 551.

[482] Рипол Буллар. Орден. И ДАЛЕЕ. Традиционный. III, 630; IV, 125. Тем не менее, современные апологеты без колебаний утверждают, что папство стремилось смягчить суровость испанской инквизиции (Gams, Zur Geschichte der spanischen Staatsinquisition, стр. 20-1; Hefele, Der Cardinal Ximenes, стр. 269; Pastor, Geschichte der Päpste, II, 582), основывая свои утверждения на стремлении курии удовлетворить апелляции, о которых подробнее ниже.

[483] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Легаджо унико, фол. 28.

[484] Парамо, стр. 156-7.

[485] Рипол, IV, 126.

[486] Парамо, стр. 156.

[487] Генерал-майор Короны Арагона, рег. 3486, fol. 45. Парамо, стр. 137.

[488] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. I de copias, fol. 6, 8.—“ad nostrum et dictæ sedis beneplacitum.”

Первоначальные назначения Мигеля де Морильо и Хуана де Сан-Мартина были аналогичными *ad beneplacitum* (Там же, стр. 10), что, возможно, объясняет их утверждение независимости от Торквемады.

[489] Там же.. 3, 11, 13, 15, 20; Библиотека. IV, fol. 91, 118, 137; Библиотека V, fol.. 117, 136, 138, 151, 199, 200, 251, 264, 295.— Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 1049.

[490] Инструкции Севильи (Аргуэлло, Собрание инструкций, fol. 2, Мадрид, 1630).

[491] Парамо, стр. 156.

[492] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, т. 8, 10.—Монтейру, История инквизиции, II, 415.—Болетин, XV, 490.—Риполь IV, 5, 6.

Несколько похожим был вопрос, возникший в 1507 году в связи с уходом в отставку Диего Дезы и назначением Хименеса генеральным инквизитором Кастилии. Его поручение, как обычно, содержало полномочия назначать, отстранять от должности или наказывать всех подчиненных, но те, кто получал свои поручения от Дезы, похоже, утверждали, что они не подчинялись Хименесу, и потребовалось специальное распоряжение Юлия II от 18 августа 1509 года, чтобы установить его власть над ними.—Буларио, Библиотека. III, том 68; Библиотека. I de copias, fol. 30.

[493] Льоренте, Аньялес, I, 214. —Франсиско де ла Фуэнте, как мы видели, был инквизитором Сьюдад-Реаля еще в 1483 году. Алонсо де Фуэнтельсас в 1487 году был одним из инквизиторов Толедо, а затем простым врачом.—Арх. история. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 176, № 673.

[494] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 933.—“Inquisitores generales in omnibus regnis et dominiis serenissimorum regis et reginæ dominorum nostrorum subdelegati a reverendissimo patre nostro fratre Thoma de Torquemada ... inquisitore generali.”

Однако у нас есть поручение Мартина Мессинского от 1494 года, выданное непосредственно папой римским.—Буларио, Lib. I de copias, fol. 3.

[495] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.—Аргуэлло, fol. 12.—Мариета, История. Книги. Библиотека. XII, глава. xcii.

Торквемада был похоронен в часовне церкви своего монастыря Санто-Томас в Авиле. В 1572 году тело перенесли в другую часовню, чтобы освободить место для погребения Франсиско де Сото де Салазара, епископа Саламанки, когда от него исходил сверхъестественный

восхитительно сладкий запах, сильно сбивающий с толку тех, кто занимался этим святотатственным делом. Провинциальный доминиканец наказал авторов перевода, а историк Гарибей обратился с петицией к генеральному инквизитору Кироге с просьбой вернуть останки в их первоначальное место упокоения, что и было сделано в 1586 году.—*Memorias de Garibay*, Тит. X (*Mem. hist. esp.* VII, 393).

Анонимный биограф, писавший в 1655 году, сообщает нам, что он удалился в монастырь Авила за два года до своей смерти, 26 сентября 1498 года, и что там его всегда почитали как святого.—*Biblioteca Nacional, Seccion de MSS.*, li, 16.

[496] Арка. de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Legajo único, fol. 22.—*Bulario de la Orden de Santiago*, Lib. I, фол. 136.

[497] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 11, 12.

[498] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. I.

[499] Там же. Библиотека. I; Библиотека. II, фол. 35.

[500] Переписка Франсиско де Рохаса (*Boletin*, XXVIII, 462).

[501] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 13, 15.

[502] *Ibid.* fol. 20, 72.—Gachard, *Correspondance de Charles-Quint et d'Adrien VI*, p. 235.

[503] *Páramo*, p. 137.

[504] Пулгар, Крона, П. III, глава с.—Архив генерала де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[505] Генеральный инквизитор Манрике распорядился напечатать *Антигуанские инструкции* коллективно, с приложением, классифицирующим несколько статей по главам должностных лиц, обязанности которых они определили. Это было издано в Севилье в 1537 году, и копия хранится в Бодлианской библиотеке, архив. Seld. A. Subt. 15. Другое издание было выпущено в Мадриде в 1576 году, копия которого находится в Национальной библиотеке Мадрида, Раздел рукописей, 299, fol. 1. Она была повторно переиздана в Мадриде в 1627 и 1630 годах вместе с *"Инструкциями для нуэвас"* Каспара Исидро де Аргуэльо. Я буду ссылаться именно на это последнее издание. Все эти тексты в некоторых деталях отличаются от оригиналов, хранящихся в архиве Симанкаса, Инквизиция, Libro 933. Там, где такие отклонения имеют важное значение, они будут отмечены ниже. Профессор Эрнст Шефер оказал услугу по перепечатке издания Аргуэльо с переводом на немецкий язык в *Архиве реформаторского общества* 1904 год.

Льоренте (История. Крит. глава. VI, ст. 1) дал краткое изложение *Антигуанских инструкций*. Достаточно любопытно, что ни в один из официальных сборников не включены инструкции, изданные Торквемадой в декабре 1484 г. и январе 1485 г., за исключением нескольких выдержек. Поскольку они никогда не печатались, я привожу их в Приложении вместе с 1500 севильскими инструкциями, которые также по большей части не редактировались. То, что Льоренте напечатал как дополнения Торквемады (*Anales*, I, 388), - это всего лишь выдержки, собранные из сборника Аргуэльо, где они приписываются *Эль приору в Севилье*, 1485.

[506] Смотрите присягу, принесенную 20 июля 1487 года официальными лицами Каталонии и Барселоны инквизитору Алонсо де Спина в "*Де Жестис Херетикорум*" Карбонелла (Сборник документов короны Арагона, XXVIII, 6).

Декретаии, о которых идет речь, были изданы Луцием III, Иннокентием III, Климентом IV и Бонифацием VIII и включены в каноническое право в качестве глав 9 и 13 Дополнительных, Lib. V, Тит. vii и главы 11 и 18 в Сексто Lib. V, Тит. ii.

Когда в 1510 году юраты Палермо столкнулись с трудностями при принесении канонической присяги, Фердинанд с негодованием написал, что примет ее сам, если потребуется.—Арх. de Simancas, Inquisicion, Lib. III, стр. 134.

[507] Инструкции Севильи, § 1 (Аргуэлло, следующий раздел 3).

[508] Парамо, стр. 170.

[509] Carbonell de Gestis Hæreticorum (Собрание документов Короны Арагона, XXVIII, 12-17, 29, 40-49, 54-61). В этих последних случаях не проводится различия между беглецом и мертвецом, что несколько изменило бы пропорции.

[510] Мануэль де Новелл Ардитс, вульгарное приложение Диетари дель Антич Конселл Барселони, III, 58 (Барселона, 1894).

[511] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[512] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1. В письме от 22 февраля 1501 года Фердинанд и Изабелла поздравляют инквизиторов с их действиями в подобных случаях; если другие новообращенные христиане утверждают, что они были обращены силой, над ними должно свершиться правосудие.

В 1511 году в Барселоне был захвачен корабль, принадлежавший Каспару де ла Каваллерия из Неаполя. Мастер, Франсиско де Санта-Крус, поспешил в суд в Севилье, где генеральный инквизитор Энгуэра осудил судно и предоставил гарантию в полном объеме. Тем временем распорядитель конфискаций в Барселоне продал его, не дожидаясь вынесения приговора, после чего Фердинанд приказал вернуть деньги и забрать судно обратно.—Ibidem, Lib. III, стр. 139.

[513] Там же, Библиотека I.

[514] Болетин, XV, 323.

[515] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 939, fol. 62, 146.

[516] Там же, Libro I.

[517] Там же, библиотека. II, фол. 17.

[518] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека. III, fol. 42. Это письмо датировано 22 декабря 1509 года. Оно продублировано 19 января 1510 года (Там же, fol. 48). Семеро чиновников герцога были вызваны предстать перед Верховной властью и проигнорировали приказ, который был повторен 21 января под страхом конфискации и наказания по королевскому усмотрению.—Там же, стр. 57.

[519] Там же, Libro 73, fol. 115.

[520] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro I.

[521] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.

[522] Там же, библиотека. III, фол. 221.

[523] Ibidem, Lib. III, фол. 22.

[524] Там же, библиотека. III, фол. 193, 214.

[525] Архив Симанкаса, латронато реал; Инквизиция, Легаджо унико, фол. 37.

[526] Информация о Кесаде (Национальная библиотека, Раздел рукописей, Т. 28).

[527] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.

[528] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.

Перераспределение должностей можно отнести к числу факторов, примиливших старых христиан с инквизицией. Они в основном находились в руках *Conversos*, вызывая такую сильную зависть, что перспектива их приобретения заставляла многих претендентов желать самых решительных и быстрых действий. Это было слишком медленно для их рвения, и предполагаемые гранты были запрошены и сделаны заранее, чтобы поживиться следующей жертвой. Вакансии переходили в руки получателей и распределялись суверенами по усмотрению или в соответствии с политикой. В Приложении приведены наводящие на размышления выдержки из реестра получателей Валенсии.

Важным случаем является дело Хуана Кардоны, государственного писца и нотариуса мортмейнса, который был дисквалифицирован из-за осуждения памяти своего отца, Леонардо Кардоны, после чего Фердинанд посчитал свои должности конфискованными и седулой от 5 декабря 1511 года передал их Хуану Ардженту, нотариусу трибунала, вынесшего приговор.— Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro III, fol. 33, 161.

[529] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.

[530] Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 46.—Juan Gomez Bravo, Catálogo de los Obispos de Córdoba, I, 392.

В 1513 году была предпринята попытка пересмотреть судебный процесс над родителями и сыном, когда Фердинанд созвал Королевский совет для рассмотрения дела с участием Верховного суда, продемонстрировав свою решимость не отменять приговор (Archivo de Simancas, Inq., Libro 9, fol. 146). Попытка добиться справедливости не увенчалась успехом, поскольку в 1515 году мы случайно обнаружили, что Кальчена владеет домом, арендуемым за 9000 долларов. в год, что составляло часть конфискации (Ibid., Libro 3, fol. 439).

[531] Сообщение. Домашнее животное. Март. Anglerii, Послание. 374.—Зурита, История. del Rey Hernando, Lib. VII, глава xxix. —Родриго, История. verdadera, II, 238. Cf. Lorenzo de Padilla, Crónica de Felipe I (Coleccion de Documentos, VIII, 153).

[532] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 46.

[533] Сообщение. Пет. Март., Послание. 385.

[534] Архив кафедрального собора Кордовы, Кахон I, № 300; Кахон J, № 295, 296.

[535] Болетин, XVII, 447-51.

[536] Archivo de la Catedral de Córdoba, Cajon I, n. 304.

[537] Архив Симанкаса, Реального Патронатоа, Инквизиции, Лег. унико, fol. 46.Зурита, История. del Rey Hernando, Lib. VII, глава xxix.

[538] Сборник документов, VIII, 336, 337.—Гашар, "Путешествия Суверена", I, 519.

[539] Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inquisicion, Leg. 621, fol. 198.—Biblioteca nacional, Seccion de MSS., D, 118, n. 11, fol. 24.—Llorente, Añales, I, 328.—Gachard, Voyages des Souverains, I, 548.

[540] Клеменсин, Элогио де ла Рейна Исабель, стр. 144-5.—Педраса, История. де Гранада, П. IV, глава xxxi (Гранада, 1638).

[541] Архив кафедрального собора Кордовы, Кахон Дж., № 297.

[542] Домашнее животное. Март. Рыболов. Epist. 295.

[543] Льоренте, История. критика. Приложение. № 9.—Переписка Рохаса (Болетин, XXVIII, 448).

[544] Дом Клеменсен (Elogio, Illust. XVIII) печатает благородное и трогательное письмо с упреками от Талаверы Фердинанду. Он слишком долго следовал указаниям королевской совести, чтобы испытывать благоговейный трепет перед королевскими особами. Духовно он чувствовал себя выше короля, и его совершенно откровенная простота характера заставляла его демонстрировать это без маскировки.

[545] Переписка Рохаса (Болетин, XVIII, 444, 448).—Гашар, "Путешествия Суверена", I, 534, 540.

[546] Переписка Рохаса (Болетин, XVIII, 452).

История королевы Хуаны ла Лока - одна из самых печальных в анналах королевской власти, и обращение с ней отца, мужа и сына является клеветой на человеческую природу, но никто, беспристрастно изучивший все доказательства, не может усомниться в том, что она была неспособна управлять страной.

[547] Архив Кафедрального собора Кордовы, Кахон А, № 5.

[548] Зурита, Hist. del Rey Hernando, Lib. VII, глава vi.

[549] Archivo de la Catedral de Córdoba, Cajon I, n. 302.

[550] Ibidem, n. 300.

[551] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 46.

[552] Archivo de la Catedral de Córdoba, Cajon J, n. 295, 298.—Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 46.

[553] Archivo de la Catedral de Córdoba, Cajon I, n. 301.

[554] Lorenzo de Padilla, Crónica de Felipe I (Colección de Documentos, VIII, 153).—Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisición, Leg. único, fol. 46.

[555] Archivo de la Catedral de Córdoba, Cajon I, n. 301.—Archivo de Simancas, *loc. cit.*

[556] Archivo de la Catedral de Córdoba, Cajon A, n. 5; Cajon I, n. 304.

[557] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. III, стр. 320. —См. Приложение.

[558] Домашнее животное. Март. Epistt., 333, 334, 335.

[559] Педраза, История. экклз. де Гранада, П. IV, главы 31-34.

[560] Домашнее животное. Март. Послание., 342, 344, 457.—Педраса, *местный житель. cit.*

Инквизиция, которая преследовала его до смерти, никогда не могла простить ему побега. Когда в 1559 году генеральный инквизитор Вальдес составил первый Указатель запрещенных книг, давно забытый противоречивый трактат против евреев, напечатанный Талаверой в 1480 году, был воскрешен и осужден, чтобы очернить его память, и он бережно сохранялся в длинной серии испанских индексов вплоть до последнего в 1790 году. —Reusch, Die Indexes Libror. Запрет., стр. 232.—Окончательные указания, стр. 262.

[561] Зурита, Hist. del Rey Hernando, Lib. VII, главы xxix, xxxiv, xlii; Библиотека. VIII, глава i, v.—Вилла, Королева Хуана, стр. 462, 463.

Зурита, который, как должностное лицо Suprema, без сомнения, отражает традиции инквизиции, говорит, что многие роптали, видя, как Фердинанд, чтобы привлечь на свою сторону Хименеса, жертвует Дезой, поскольку последний был самым выдающимся прелатом, человеком большой учености и преданным службе королю. Он также претендует на наше уважение как покровитель Колумба, дружит с ним и поощряет его, когда он обескуражен недоверием суда.—"Жизнь Ирвинга и путешествия Колумба", книга II, главы 3-4; Книга XVIII, глава 3.

[562] Переписка Рохаса (Болетин, XXVIII, 440, 457).—Ciacconii et Oldoini Vit. Понтифик. III, 261.

[563] Gomesii de Rebus gestis Francisci Ximenii, fol. 77 (Compluti, 1569).

[564] Домашнее животное. Март. Epist., 339.

[565] Archivo de la Catedral de Toledo, Cajon I, n. 303.

[566] Национальная библиотека, Отдел рукописей, G, 61, fol. 208.

Лицензиат Ортуньо Ибаньес де Агирре был непрофессионалом, которого Фердинанд принудил вступить в Suprema вопреки серьезному сопротивлению ее членов, вероятно, с целью проверки Лусеро. Он *быладелтом* Фердинанда, который вел с ним конфиденциальную переписку, когда тот хотел что-либо сделать. Его верность поощрялась милостями, как, например, когда в декабре 1513 года Фердинанд дал ему заказ на получение Севильи за 300 000 фунтов стерлингов. (Archivo de Simancas, Inquisición, Lib. 9, fol. 145). Лас Касас, однако, выражает о нем

благоприятное мнение, и он был одним из исполнителей завещания Изабеллы.—История. de las Indias, Lib. III, глава 138 (Собрание документов, LXVI, 81).

[567] Домашнее животное. Март. Epistt., 370, 382, 385.

[568] Контрастом с этими впечатляющими разбирательствами было смещение генеральным инквизитором в 1500 году, даже без указания причин, Диего Фернандеса де Бонильи, инквизитора Эстремадуры.—Льоренте, Аньялес, I, 260.

[569] Домашнее животное. Март. Epist., 393.—Льоренте, Memoria histórica, стр. 145 (Мадрид, 1812).—Льоренте, Аньялес, I, 356.—Гомесии де Ребус Ф. Хименес, fol. 77.—Lorenzo de Padilla (Coleccion de Documentos, VIII, 154).

Отчет Льоренте о событиях в Вальядолиде взят из книги Браво “Каталого де лос Обиспос де Кордова” (Кордова, 1778). Возможно, стоит отметить, что в моем экземпляре этой работы отсутствует лист, содержащий эти отрывки, — вероятно, из-за цензуры инквизиции.

[570] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 3, fol. 12, 13, 21, 31, 32, 33, 41, 42, 43, 48, 58, 61, 62, 72, 80, 86, 130; Lib. 9, fol. 146; Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 33.

[571] Там же, Libro 3, fol. 23.

[572] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 84.

[573] Ibidem, fol. 90, 106, 118, 119, 375.—Gomesii de Rebus Ximanii, fol. 77.

[574] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 26.

[575] Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 43.

[576] Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 43.

[577] Там же, стр. 44, 45.

[578] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 3, fol. 47, 49, 63, 70, 329, 407.

[579] Мариана, Hist. de España, T. IX, Append. p. lvi (Valencia, 1796).

[580] Гомесии де Ребус отца Хименеса, том 173.—Картас де Хименес, стр. 190 (Мадрид, 1867).

[581] Архив Симанкаса Инквизиции, Libro 3, fol. 448; Libro 4, fol. 143, 152; Libro 9, *passim*; Libro 926, fol. 76, 166; Libro 940, fol. 59.

[582] Бергенрот, Испанские государственные документы, II, 281.—Cartas de los Secretarios de Cisneros, стр. 209 (Мадрид, 1876).

[583] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 13, fol. 68.

[584] Ibidem, Libro 21, fol. 111.

[585] Льоренте, Аньялес, II, 94.—Картас дель Карденаль Хименес, стр. 115.—Гашар, Переписка Шарля-Квинта с Адрианом VI, стр. 235 (Брюссель, 1859).

[586] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 921, fol. 38.

[587] Ibidem, Libro 4, fol. 95; Libro 921, fol. 46.

[588] Ibidem, Libro 5, fol. 17.

[589] Ibidem, Libro 10, fol. 50.

[590] Córtes de los antiguos Reinos de Leon y de Castilla, IV, 272.

[591] Домашнее животное. Март. Epistt., 620, 622.

Однако Лас Касас наделяет ле Соважа высочайшими качествами интеллекта и прямоты. Он также высоко отзывается о Гаттинаре.—История. de las Indias, Lib. III, глава 99, 103, 130 (Сборник документов, LXV, 366, 388; LXVI, 35).

[592] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 13, fol. 68-73.

[593] С. v. Хефлер, Папа Адриан VI, стр. 144 (Вена, 1880).

[594] Это скорее предполагалось, чем выражалось частично. VII, Тит. xxvi, лист 3

[595] Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 49. См. Приложение.

[596] Colmeiro, Córtes de los antiguos Reinos de Leon y Castilla, II, 110 (Madrid, 1884).

[597] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 5, fol. 24.

[598] From the Brussels Archives de l'État, Registre sur le faict des hérésies et inquisiteurs, fol. 652.

Любезно передано мне профессором Полом Фредериком.

[599] Archivo de Simancas, Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 35.

[600] Публичная библиотека Толедо, Зал 5, Эстанте 11, Таблица 3.—Смотрите также Падре Фиделя Фиту в "Болетине", XXXIII, 307.

[601] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. 55.—См. Приложение.

[602] Córtes de los antiguos Reinos de Leon y de Castilla, IV, 381, 415.

[603] Мариана, История Испании, библиотека XXX, глава xxiv.—Галиндес Карвахаль, Мемориал, 1515 год (Полковник Док. XVIII, 336)

[604] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 3, fol. 199, 200, 256, 259, 263, 267, 268, 271, 299, 311, 337, 339, 341, 344, 348, 352, 353, 354, 368, 392, 438, 449; Libro 72, P. 1, fol. 49, P. 2, fol. 47; Libro 73, fol. 193, 276; Libro 74, fol. 116; Libro 75, fol. 6.

[605] Там же. Libro 72, P. 2, fol. 116; Libro 73, fol. 142, 247-8; Libro 78, fol. 216, 226, 285; Libro 82, fol. 5.

[606] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 85.

Это практически совпадает с формулой, приведенной Антонио Пересом в его "*Реляциях*", написанной в 1598 году: "Никто не хочет, чтобы танто комо вос ос хаземос нуэстро Рей и сеньор конт тал, никто не должен охранять нуэстро фуэрос и либертадес и китай". (Обрас, Изд. 1654, стр. 163). Ученый Хавьер де Квинто ("*Политические рассуждения*", Мадрид, 1848) не видел

заявления Соранцо, когда тот доказывал, что эта формула была изобретена Хотманом в его книге "Франко Галлия", впервые напечатанной в 1573 году. С другой стороны, ничего подобного нет в клятве верности, данной Карлу V в 1518 году, хотя сначала он был вынужден поклясться соблюдать фуэрос и привилегии страны.—Argensola, Añales de Aragon, Lib. 1, cap. lx.

Хороший отчет о древней конституции Арагона можно найти в книге Свифта "Жизнь и времена Якова Первого, короля Арагона", Лондон, 1894.

[607] Монтейру, История Святой Инквизиции, II, 340.

[608] Archivio Vaticano, Sisto IV, Registro 674, T. XV, fol. 13.

Даже в бездействующем состоянии инквизиции, должно быть, существовали какие-то возможности, делавшие должность инквизитора желанной. В записке Сикста IV, адресованной генералу доминиканцев от 21 января 1479 г. (Ripoll, III, 572), говорится, что его предшественник несколькими годами ранее назначил Хайме Бореля инквизитором Валенсии, который недавно был смещен без причины Мигелем де Мариелло, провинциалом Арагона, и заменен Хуаном Маркесом. Теперь Сикст приказывает изгнать Маркеса и восстановить Борелля. Ни одно из этих имен не встречается в документах того периода.

[609] Archivo general de la Corona de Aragon, Registro 3684, fol. 7, 8.

[610] Американский. Прямой. Запрос. П. III, Q. cviii.

[611] Arch. Gen. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 9. Этот причудливый документ показывает нам примитивную организацию трибунала и жалование, которое считается достаточным. Очевидно, есть две канцелярские ошибки, которые уравнивают друг друга в заработной плате инквизиторов и писцов.

“La forma infra sequent es la voluntat nostra ques tenga en la solucio e paga dels salaris dels officials e treballants en la officio de la Inquisicio.

E primerament á cascu dels inquisidors que son dos,	CLXXX llrs.
cent quaranta lliures cascun any que sumen	
Item á un bon jurista que sia advocat dels inquisidors	L llrs.
e advocat fiscal, cinquanta lliures lany	
Артикул al procurador fiscal vint e cinch lliures lany	XXV llrs.
Пункт из списка дел инквизиции, находящихся в ведении ЛАНИ,	CC llrs.
Артикул alguasil и другие, относящиеся к винтовым промахам	CXX llrs.
Item al porter que va citant vint lliures lany	XX llrs.
Пункт а Домингеса в качестве судебного исполнителя по делу о конфискации	XXV llrs.

Que sumen tots les dits quantitats sex cent vint lliures moneda reals de Valencia, los quals e no mas es nostra voluntat que en la forma dessus dita se paguen á les sobredits persones. Dada en la vila de Medina del Campo á XVII dias de febrer del any de la nativitat de nostro senyor MCCCCLXXXII. Yo el Rey. Domínus Rex mandavit mihi Petro Camanyas.”

[612] Напечатано Льоренте, Hist. критерий. Добавить. 1.

[613] Генеральный директор С. де А., Рег. 3684, фол. 3, 4.

[614] Там же, fol. 1, 2, 4, 5.

[615] Arch. Gen. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 7, 8.

[616] Архив Ватикана: Систо IV, Registro 674, Т. XV, fol. 366.

Как утверждает Льоренте (История. критик. Приложение, п. 2) что содержание этой буллы неизвестно, и поскольку незнание ее смысла полностью ввело его в заблуждение, я привожу это в Приложении.

[617] Архив генерала де ла К. де А., Рег. 3684, fol. 9.—Важно, что в папском реестре к этой булле приложена пометка “Дубликата всех данных и скриптов для каждого скриптора и таксата ad XXX” [грассос?], показывающая, что подлинная копия была получена и оплачена кем-то в то время, несомненно, для защиты от несчастного случая или мошенничества.

[618] Генеральный директор С. де А., рег. 3684, fol. 7. См. Приложение. Бергенрот (Календарь государственных документов Испании, I, xlv) приводит неверную выдержку из него.

[619] Архив генерала де ла К. де А., Рег. 3684, фол. 8, 9.

[620] Льоренте, Hist. критерий. Приложение. № 2.—Фидель Фита (Болетин, XV, 467).

[621] Рипол, III, 622.—Когда Иннокентий VIII письмами от 11 февраля 1486 г. подтвердил или переназначил Торквемаду, квалификация его назначенцев была изменена, потребовав, чтобы они были достойными священнослужителями, образованными и богобоязненными, при условии, что они были магистрами теологии, докторами или лиценциатами законов или канониками соборов. или занимающий другие церковные должности.—Páramo, p. 137.

Фердинанд 9 июля 1485 года потребовал, чтобы условие получения звания в церкви не настаивалось, поскольку таких, кто был пригоден для этой работы, было немного.—Арх. генерал де ла К. де А., рег. 3684, фол. 59.

[622] Генеральный директор С. де А., рег. 3684, fol. 34.—Boletin, XV, 472.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. I, фол. 43.

Зурита (Аньялес, XX, xlix), очевидно, ошибается, утверждая, что Фердинанд 20 мая 1483 года попросил Сикста убрать Гуальба и Орта.

[623] Генеральный директор С. де А., Рег. 3684, фол. 11.

[624] Рипол, III, 622.—Буларо де ла Орден де Сантьяго, Библиотека. I, фол. 182.

Когда он больше не мог использовать Гуальба, Фердинанд также отвернулся от него, поскольку в марте 1486 года, услышав, что Гуальбес предложил посетить доминиканский монастырь, он написал губернатору и инквизитору Валенсии, чтобы предотвратить это, поскольку это было бы скандалом.—Arch. Gen. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 90.

Возможно, что со стороны Фердинанда существовала некоторая неприязнь к Гуальбе, который, как красноречивый проповедник и пламенный популярный оратор, многое сделал в 1461 году, чтобы стимулировать сопротивление каталонцев Хуану II после смерти предполагаемого наследника Карлоса, принца Вианского, что было приписано отравлению, введенному королевой Хуаной Энрикес, чтобы открыть ее сыну Фердинанду путь к трону (Зурита, Аньялес, Lib. XVII, главы xxvi, xlii; Библиотека. XVIII, глава xxxii). Это правда, что Зурита не уверен, не могло ли быть двух Кристобалей Гуальбе (Lib. XX, cap. xlix), но Бофарулла и Брока (Hist. de Cataluña, VI, 312) не сомневается в этом.

[625] Зурита, Аньялес, Библиотека XX, загл. lvi, lxv.

[626] Генеральный архив С. de A., Reg. 3684, фол. 11, 12.—Буларио Ордена Сантьяго, Библиотека 1, фол. 51.

[627] Архив генерала де ла К. де А., Reg. 3684, фол. 19-22.

[628] Там же, Reg. 3684, фол. 25, 26.

[629] Зурита, Аньялес, Lib. XX, cap. lxv.—Парамо, стр. 187.—Arch. Gen. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 34.

[630] Генерал-майор де ла К. де А., рег. 3684, фол. 32, 34.

[631] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro I, fol. 31.

[632] Генеральный архив С. de A., Reg. 3684, fol. 61, 73, 86, 89, 90.

[633] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 688, fol. 504.

[634] Портокарреро, Округ компетенции юрисдикции, fol. 64 (Мадрид, 1624).

[635] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Либро I.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 309, Notarios, fol. 1.

[636] Эсколано, История. del Ciudad y Reyno de Valencia, II, 1442 (Valencia, 1611).

[637] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Legajos 98, 374.

[638] Arch. gén. de la de C. de A., Reg. 3684, fol. 16.

Маэстро Гаспару Юглару, инквизитору	3000	суэльдо.
“ - - -, инквизитор	3000	“
“Маэстро Педро де Эпила, инквизитор	1000	“
“Микер Мартин де ла Рага, ассессор	1000	“
“Франсиско де Санта-Фе, нотариус	2000	“
“Хуан де Анчиас, нотариус	1000	“

“ Руй Санчес де Суасо, финансовый промоутер	2500	“
“Дон Рамон де Мур, финансовый промоутер	1000	“
“Диего Лопес, альгуасиль	5000	“
“ Хуан де Эксиа, приемник	1500	“

Пробел для второго инквизитора, несомненно, должен быть заполнен именем маэстро Мартина Гарсиа, который появляется в более поздней части документа вместе с Арбуэсом (Педро де Эпила). Большое жалование альгуазиля возникло из-за того, что он нес ответственность за содержание тюрем. Зарплаты Арбуэсу, Рага, Муру и Анчиасу должны были начать выплачивать с 1 мая, что свидетельствовало о том, что они одни уже приступили к работе. Остальные должны были начаться в тот день, когда они поклянутся, что покинули свои дома.

[639] Память о различных автомобилях (см. Приложение).

[640] Там же. В этой рукописи он назван маэстро Джулианом, предположительно по ошибке переписчика. Лануза (Hist. de Aragon, II, 168, 177) говорит, что он умер в январе 1485 года в монастыре Лерида; что некоторые утверждали, что он был отравлен еретиками и что способ его смерти был расследован капитулом его монастыря, но, похоже, никакого решения принято не было. В 1646 году власти Арагона установили памятник Филиппу IV Жюглару с Арбуэсом как мучеником за веру.—Библия. nacional, Seccion de MSS., Mm, 123.

[641] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 12.

[642] Г-жа Мемория (см. Приложение).

[643] Зурита, Аньялес, Lib. XX, cap. lxv.—Парамо, стр. 180-1.

[644] Зурита, Аньялес, Библиотека XX, загл. lxv.

[645] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 28, 86.

[646] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 29, 35.

[647] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 12, 23, 27, 31, 35, 38, 39, 42, 47-9, 51-3, 55-8, 60, 63, 72, 98.

В 1502 году инквизиторы Теруэля с характерным для них вероломством предложили взыскать все долги из-за конфискованных поместий, но вмешался Фердинанд и строго запретил это.— Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 2, fol. 16.

[648] Библ. nationale de France, fonds espagnol, 80, fol. 4.

[649] Libro Verde de Aragon (CP., фол. 67).

[650] Libro Verde (Revista de España, CVI, 281-2).

[651] Зурита, Аньялес, Libro XX, cap. lxv.

[652] Trasmiera, Epitome de la santa Vida y relacion de la gloriosa muerte del Venerable Pedro de Arbués, pp. 15, 32, 50 (Madrid, 1664).—Villanueva, Viage literario, XVIII, 50.

[653] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 37, 38.

[654] Память о различных автомобилях (Приложение).—Libro Verde (Revista de España, CVI, 281-6, 288).—Рейнальд Аннал. ann. 1485, n. 23, 24.—Зурита, Аньялес, Lib. XX, cap. lxx.—Хуан Гинес Сепульведа, Описание коллегии Hispanorum Bononiensis.—Бланкас, Апарон. Rerum Comment. p. 268.—Bibliothèque nat. de France, fonds espagnol, 80, fol. 33.

Несмотря на эти чудеса и бесчисленное множество других, свидетельствовавших о святости Арбуэса, Святой Престол был явно против его канонизации. В папской записке даже было отдано распоряжение об удалении ассасинов из собора санбенитос, и потребовались напряженные усилия, чтобы добиться его отмены.

Сменявшие друг друга папы безрезультатно проводили неоднократные расследования — по просьбе Карла V в 1537 году; Филиппа III в 1604, 1615 и 1618 годах; Филиппа IV в 1622 и 1652 годах, пока, наконец, в 1664 году он не был беатифицирован (Трасмиера, стр. 98, 99, 133, 137, 139). Затем дело затянулось на два столетия, пока в 1864 году его не подняли снова, и, наконец, 29 июня 1867 года он был канонизирован Пием IX (Ум. Bartolini, Comment. Actus. Omnium Canonizationis, Romæ, 1868).

Примечательно, что инквизиция не стала дожидаться запоздалых действий Рима. Инструкции Верховного в 1603, 1623 и 1633 годах показывают, что его праздник регулярно отмечался с предписанными церемониями (Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 257), и в течение 17 и 18 веков в документах инквизиции, относящихся к празднику, о нем постоянно упоминается как о Сан-Педро Арбуэсе.

[655] Память о разнообразии автомобилей, Авто 25 (Приложение).

[656] Зурита, *официальный сайт*

[657] Memoria, *цит. по.*

[658] Gams, Zur Geschichte der spanischen Staatsinquisition, p. 34.—Bibl. nationale de France, fonds espagnol, 81.

[659] Это краткое изложение напечатано в "Болетине", XVI, 368, автором является падре Фидель Фита, который по ошибке принял послушание во Франции на основании дела Хуана де Педро Санчеса, о котором сообщается в моем эссе о мученической смерти Арбуэса. Это был всего лишь пример дружеского сотрудничества между инквизициями Тулузы и Сарагосы, и произошло это слишком рано, чтобы быть результатом папских писем, которые не были получены в Кордове до 31 мая 1487 года.

Мы видели (стр. 191) на примере дела, произошедшего в 1501 году, что португальский Маноэль считал, что нет никаких обязательств возвращать лиц, скрывающихся от инквизиции; это был вопрос вежливости, который должен решаться по существу каждого дела. Аналогичный случай произошел в 1500 году, и когда в 1510 и 1514 годах были запрошены беглецы под предлогом того, что они нужны в качестве свидетелей, Маноэль отказался выдать их без абсолютных гарантий того, что им не причинят вреда (Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 1; Libro 3, fol. 85, 107, 110).

Когда Португалия добилась возбуждения дела инквизиции, два генеральных инквизитора в 1544 году пришли к соглашению с согласия соответствующих монархов, которое заменило выдачу. Беглеца должны были судить в стране, где он был схвачен, и инквизиция, от которой он бежал, должна была предоставить доказательства.—Библия. национальное собрание, Раздел рукописей. X, 257, фол. 218.

[660] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 75.—Amador de los Rios, III, 269.

[661] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 103.

[662] Там же, стр. 102 (см. Приложение). Именно Мартин де Сантанхель, а не Луис, укрылся в Туделе. Его не поймали, но сожгли как чучело 28 июля 1486 года.

[663] Память о различных автомобилях, Авто 29 (Приложение).

В последующие годы Фердинанд был менее склонен вторгаться на дружественную территорию. 25 февраля 1501 года в письме архидьякону Алмазана, инквизитору Каталауда, о жителе Фитеро, городка сразу за границей, он говорит, что если преступник может быть арестован в пределах его юрисдикции, это может быть сделано, но не должно быть ни обмана, ни скандала.—Архиво де Симанкас, Инквизиция, Libro 1.

[664] Зурита, Аньялес, Библиотека XX, загл. lxx.—Льоренте, История. критерий. Глава. VI, статья ii, № 1.—Трасмиера, стр. 101.

[665] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 67, 68, 83, 86.

[666] Память о различных автомобилях, Авто 3 (см. Приложение).

[667] Зурита, *источник. цит. по*—Приказ о приеме трибунала в Альхафери датируется 12 января 1486 года (Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 83). Впоследствии он был перенесен в архиепископский дворец, чтобы позволить Альхафери быть занятой членом королевской семьи, но инквизиторы пожаловались, и им разрешили вернуться в 1498 году. Они вторглись в королевские покои, к большому неудовольствию Фердинанда, выраженному в письме от 30 сентября 1511 года. В январе 1515 года он приказал им покинуть дворец и снять жилье в городе, но в конце концов они получили его в постоянное владение.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 1; Libro 3, fol. 155, 321, 322.

[668] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 76.

[669] Память о разнообразии автомобилей, Авто 27, № 3 (см. Приложение).

[670] Память о различных автомобилях, Autos 10, 11, 14, 16, 18, 20, 22 (Приложение).

[671] Библ. nationale de France, fonds espagnol, 81.—Memoria de diversos Autos, Auto 43, n. 6; Auto 45, n. 1.

[672] Libro Verde (Revista de España, CVI, 287, 589.—Там же. MS. fol. 65-74).

[673] Память различных автомобилей, Авто 36, № 1.—Библ. nationale de France, fonds espagnol, 80.

[674] Невозможно составить полный список жертв. Льоренте, несомненно, преувеличивает, когда утверждает (История. критика. Глава ii. VI, ст. v, п. 1), что казней было более 200, и то же самое делает Амадор де лос Риос (III, 266), утверждая, что большая часть тех, кто появлялся в Сарагосских аутодафе с 1486 по 1492 год, были соучастниками убийства. Предложения, приведенные в *Memoria*, показывают, что лишь немногие из них были затронуты этим.

Нотариус трибунала Анчиас в своем отчете о деле перечисляет только казненных трех казначеев фонда, пятерых убийц и четырех сообщников, помимо Санчо де Патерноя и Алонсо де Алагона, которые избежали тюремного заключения благодаря дружескому влиянию (*Libro Verde, Revista, CVI, 287*). Указания в *Memoria* являются неполными, поскольку после мая 1489 года преступления преступников не указаны, но, насколько это возможно, и сравнивая это с *Libro Verde* и другими источниками, я нахожу девять казненных лично, помимо двух самоубийц, тринадцать сожженных изображений и четверых наказанных за соучастие. Кроме того, двое осуждены за подкуп лжесвидетеля в пользу Луиса де Сантанхеля, семнадцать - за пособничество виновному или укрывательство его, а двое - за то, что радовались преступлению. В общей сложности, вероятно, пятьдесят или шестьдесят человек составляют общее число тех, кто пострадал различными способами.

Санбенитосы осужденных с надписями были, как обычно, вывешены в соборе и остаются там по сей день (Амадор де лос Риос, III, 266). Мечи убийц до сих пор можно увидеть прикрепленными к колоннам у входа в алтарь (В. де ла Фуэнте, в "*Квинквагенас*" Овьедо, I, 73). Одно из последних было удалено в 1518 году по приказу Льва X, и когда комиссар, совершивший это деяние, вскоре после этого умер, в народе это расценили как Божье посещение (*Archivo hist. nacional, Inquisicion de Toledo, Hacienda, Legajo 10*).

[675] *Libro Verde (Revista, CVI, 250-1)*.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 1—Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 100.—Гарибай, Исторический сборник, Библиотека. XIX, глава 1. —Амадор де лос Риос, III, 405.

[676] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 3, fol. 237; Библиотека 4, fol. 223.

[677] *Libro Verde (Revista, CV, 568)*.

[678] Там же (*Revista, CVI, 266, 269*).

[679] Библиотека четырех Сеньоралов, глава. xiv (Барселона, 1634, стр. 34).

[680] Зурита, Аньялес, Lib. XX, cap. lvi.

[681] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 16.

[682] *Ibidem*, fol. 24.

[683] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 27. Вскоре после этого эта просьба была повторена.—*Ibidem*, fol. 45.

[684] *Ibidem*, fol. 59.

[685] *Ibidem*, fol. 72. Вероятно, именно к этой попытке можно отнести восстание против инквизиции в Лериде, на которое ссылается Льоренте, Аньялес, I, 93.

[686] Arch. gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 86, 89.

[687] Архив Ватикана, Regest. 685 (Innoc. VIII), фол. 346. Ср. Библ. nacional, Seccian de MSS., D, 118, p. 92.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. I, фол. 31.

[688] Руководство по новеллам, III, 58, 61 (Барселона, 1894).

[689] Ibidem, III, 66.

[690] Карбонелл из Gestis Hæreticorum (Сборник документов Короны Арагона, XXVIII, 13, 16, 29).

[691] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 26.

[692] Карбонелл, стр. 36, 39, 40, 52, 83, 85, 137, 139, 140, 148, 149.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[693] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 927, fol. 303.

[694] Ibidem, Libro 2, fol. 19.Рукопись Бодлианской библиотеки, арх. С, 130.

[695] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 2, fol. 5, 7, 10; Libro 13, fol. 385, 386.

[696] Постановления Правительства Мальорки, стр. 64, 85, 372-3 (Мальорка, 1663).

[697] Historia general del Reyno de Mallorca, III, 362 (Palma, 1841).—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 595.

[698] Hist. gen. de Mallorca, III, 363.

[699] Archivo de Simancas, *ubi sup.*

[700] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 1.

[701] Архив Симанкаса Инквизиции, Libro 72, P. II, fol. 6, 7, 121, 125; Libro 73, fol. 116-171; Libro 77, fol. 228; Libro 78, fol. 60.—Парамо, стр. 217-18.

[702] Зурита, Hist. del Rey Hernando, Lib. IX, глава xiv.

[703] Llorente, Añales, II, 11.

[704] Решения и декреты Капитолия в пользу преподобного дона Хуана Бисбе де Лейда и генерального инквизитора, прошение о созыве судов Каталонии в Суде Монтсо-ха-2 августа 1512 г. (Практические рекомендации и альтры). Каталунья, Либ. I, Тит. viii, глава. 1; Lib. I, Тит. ix, глава. 3, § 6. Барселона, 1589).

Статьи, согласованные для Арагона, приведены Льоренте, Аньялес, II, 19.

[705] Капитолии и Акты Суда, fol. xxviii (Барселона, 1603).

[706] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 3, fol. 200.

[707] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro I, fol. 137. Подтверждено вторым, более полным, письмом от 2 сентября 1513 г. —Архив инквизиции де Симанкас, Libro 921, fol. 21, 23.

[708] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 933; Libro 3, fol. 316.

[709] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 323, 456.—Справка о докторе Мартине Реале (РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130).

[710] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 337.

[711] Там же, fol. 355.

[712] Буларио де ла Орден де Сантьяго, Библиотеки и копии, fol. 219.—Прагматические и альтернативные источники Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава 2.

Фердинанд, должно быть, принял решение об этой политике примерно годом ранее, но отложил ее приведение в исполнение. В архиве Симанкаса, Patronato real, Inquisicion, Leg. unico, fol. 6, есть аналогичное резюме, но без исполнительных положений, адресованное ему и начинающееся с *Объяснения новобрачных*. На нем стоит дата 12 мая 1515 года, и, по-видимому, он хранил его в резерве.

[713] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, участок 17, фол. 2.

[714] Льоренте, Аньялес, II, 146-53.

[715] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 921, fol. 76.

[716] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 74, fol. 120.

[717] Ардженсола, Аньялес-де-Арагон, Либерия. Я, кэп. liv, lxxii (Zaragoza, 1630).—Llorente, Añales, II, 145-247.—Sayas, Añales de Aragon, cap. ii (Zaragoza, 1666).—Dormer, Añales de Aragon, Lib. I, глава xxvi (Сарагоса, 1697).—Исторический архив. национальная инквизиция Толедо, Гасиенда, Раздел 10 (см. также "Падре Фидель Фита в Болетине", XXXIII, 330).—Буларио Ордена Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 125.—Бергенрот, Календарь государственных документов Испании, Дополнение. стр. 300.—Р. Март. Рыболов. Послание. 631, 632, 634.—Библия. nacional, Seccion de MSS., D, 118, fol. 8, 104.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 6, fol. 73, 76, 77, 78; Libro 9, fol. 25, 26; Libro 14, fol. 57, 61; Libro 72, P. II, fol. 207; Libro 73, fol. 32, 142, 143; Libro 74, fol. 170; Libro 921, fol. 72-6, 82, 84, 88, 90.

[718] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 73, fol. 144.

[719] Учредительные праздники в ла - Сан - Франциско и Королевском дворце Дона Карлоса в Риме ... en la primera Cort de Barcelona en lany MDxx. Capitols y modificacions y donacio dels bens de Conversos (Barcelona, 1520). Также в "Прагматике и альтернативах Каталонии", Тит. viii, § 3.

[720] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 41, 66; Библиотека 4, fol. 123.

[721] Архив де Симанкаса, Libro 930, fol. 39.

[722] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 38, 39. Этот документ не датирован, но его характер и документы, с которыми он связан, указывают на то, что он относится к этому периоду.

[723] Дормер, Аньялес, Библиотека. I, глава xli.

[724] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, фол. 47, 48.

[725] Там же, стр. 61, 64.

[726] Arch. gén. de la C. de A., Fondos del antiguo Consejo de Aragon, Leg. 708.—Costitucions fetes ... en la tercera Cort de Cathalunya en lany 1534 (Barcelona, 1534).

[727] Портрет доктора Мартина Реала (РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив С, 130).

[728] Парамо, стр. 138.

[729] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[730] Там же, Libro 3, fol. 21, 27, 28, 353.

[731] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 1; Libro 933.

[732] Там же, Libro 1; Libro 3, fol. 109.

[733] См. Приложение. Все это, конечно, опущено в более поздних официальных сборниках.

[734] Архив де Симанкаса, Libro 1; Libro 3, fol. 24, 441, 442.

[735] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 1; Libro 926, fol. 308.—Arch. gén. de la C. de Aragon, Reg. 3684, fol. 103.

[736] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 340, 402.

[737] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 346-81.

[738] Там же, Libro 926, fol. 76

[739] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 423.

[740] Там же, Libro 2, fol. 28, 29, 30.—Libro Verde de Aragon (Revista de España, CV, 573).

[741] Рейнальд. Annal. ann. 1485, n. 81.—Llorente, Añales, I, 109-11.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. I, fol. 29, 33, 91, 101, 102.—Архив Ватикана, Innoc. VIII, Регистр. 682, фол. 263, 294.—Фидель Фита, Болетин, XV, 573-8, 587.

Пастор (Geschichte der Päpste, III, 249) ошибочно считает это частное и особое примирение общим указом Иннокентия VIII.

[742] Карбонелл, Де-Гест. Херет. (Col. de Doc. de Aragon, XXVIII, 18, 29).

Их отец, Педро Бадорч, был приговорен к пожизненному заключению в ауто 8 августа 1488 года, но был освобожден 26 марта 1490 года.

[743] Архив gén. de la C. de A., Regist. 3684, fol. 100.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1.

[744] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 4, fol. 95.

[745] Там же, Библиотека 9, fol. 21, 63.

[746] Гашар, Переписка Шарля-Квинта с Адрианом VI, стр. 236.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 73, fol. 105.

[747] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 105, 114, 118, 128, 132, 138, 158, 177, 220, 223, 224.

[748] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Южная Каролина, Том 17.—Архив де Симанкаса, библиотека 939, fol. 273.

[749] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 29, fol. 10.

[750] Archivo de Alcalá, Estado, Legajo 3137.

[751] РУКОПИСЬ Библиотеки Университета Галле, *ubi sup.*

[752] Там же, Ус, 20, Том. 9.

[753] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Калифорния, том 17.—Fueros en las Cortes de Barbastro y Calatayud de 1626, стр. 16 (Сарагоса, 1627).

[754] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 55, fol. 217.

[755] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Ус, Т. 17.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 33, fol. 846-7, 851; Библиотека 35, fol. 509, 567.—Картас де Иезуитас (Память. история. español, XVII, 35).

[756] Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 3137; Hacienda, Legajo 544² (Libro 10).—Bibliotheca nacional, Seccion de MSS., G, 61, fol. 203.

[757] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro V, fol. 137.

[758] Archivo de Alcalá, Estado, Legajos 2843, 3137.—Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 16, n. 6.

[759] Архив де Симанкаса, Грация и правосудие, Закон 629; Инквизиция, Библиотеки 435, 559.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 17, n. 4.

[760] Гашар, Переписка Шарля-Квинта с Адрианом VI, стр. 38, 41, 54, 66, 75, 95, 193.

[761] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro I de copias, fol. 35, 39 и др.

[762] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон 629, fol. 1-14.—См. Приложение.

Стоимость справок для Бертрана составила 250 дукатов за комиссию и 50 - за разрешение. Это для Бонифаса составляло 245 долларов; похоже, что отчеты Севаллосу обошлись ему в 370 долларов.— Там же.

[763] Llorente, Añales, II, 263.

[764] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, фол. 98.

[765] Сандовал, Hist. де Карлос V, Lib. XVII, § 30.—Чаккони Вите понтифика. III, 519.—Zuñiga, Añales de Sevilla, Lib. XIV, años 1529, 1534.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 77, fol. 228; Libro 939, fol. 62, 115, 134; Patronato Real, Inquisicion, Leg. único, fol. 38, 39.

Льоренте (История. критика, глава. XIV, ст. ii, п. 5) приписывает свой второй позор гневу Чарльза по поводу судебного преследования его любимого проповедника Алонсо Вируеса, которое, по его мнению, Манрике должен был предотвратить.

[766] Ред. Бемер, Франциска Эрнандес и Франсиско Ортис, стр. 140, 173.—Буларио Ордена Сантьяго, Libro III, fol. 133.

[767] Кабрепа, Relaciones, стр. 17, 33, 44, 579 (Мадрид, 1857).—Hinojosa, Despachos de la Diplomacia Pontificia, I, 403 (Madrid, 1896).—Библия. nacional, Seccion de MSS., li, 16.

[768] Cabrera, Relaciones, стр. 50, 56, 67, 112, 129.—Библ. nacional, *ubi sup.*—Bulario de la Orden de Santiago, Libro IV, fol. 137.

[769] Буларио—де-ла-Орден-де-Сантьяго, *лок. цит. по*-Кабрепа, Relaciones, стр. 152, 154, 159, 162.

[770] Кабрепа, Relaciones, стр. 168, 310, 344, 573.—Библия. nacional, Seccion de MSS., li, 16.

[771] Кабрепа, стр. 252-4.—Испанская литература Тикнора, II, 142.—Другому доминиканцу, Фраю Хуану Бланко де Пасу, также приписывают отцовство.

[772] Архив Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон 621, fol. 11.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.—Cabrera, Relaciones, p. 588.—Cespedes y Meneses, Historia de Felipe Quarto, Lib. II, глава. 3.—Pellegrini, Relazioni di Ambasciatori Lucchesi, p. 62 (Lucca, 1903).—Llorente, Hist. критерий. Глава. XXXVIII, ст. 1, п. 18.

[773] Библ. nacional, Seccion de MSS., li, 16.

[774] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон № 621, fol. 57. “Pareceme para este oficio mas á proposito el Cardenal Çapata, y asi le hago m^d de él, pero no se ha de publicar asta ser quien sera aproposito para el cargo del Gobernador del Arzobispado de Toledo, por que es mi voluntad que salgan con los officios en una dia.”

[775] Библия. nacional, Seccion de MSS., X, 157.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 31, fol. 34, 637.

[776] Картас де Иезуитас (История памяти, испанский, Т. XVII, стр. 110, 116, 122, 143, 172, 235, 255).Пеллисер, Ависос (Вальядарес, "Семанарио эрудито", XXXIII, 104).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 126, том 2. (См. Приложение).

[777] Картас дель Консехо, Том. XIII (РУКОПИСЬ Американского философского общества).

[778] Кандамо, Споры о меноре Эдада де Карлоса II (Семанарио эрудито, IV, 7).

[779] В архиве Симанкаса, Инквизиция, Libro 33, fol. 963-1100 имеется обширная коллекция документов по этому вопросу.

[780] Кандамо, *лок. цит.*, стр. 4-239.—Исторические воспоминания монархии Испании (Semanario erúdito, XIV, 19).—Рукопись Королевской библиотеки Мюнхена, Cod. Итал. 191, фол. 710.—Архив Симанкаса, Инквизиция, 1476 г., фол. 3.

[781] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro V, fol. 118. Такая практика сохранялась, требуя продления срока полномочий каждые три года до 1774 года, когда, как мы видели, Фелипе Бельтран получил разрешение на пребывание в должности, которое было повторено и его преемникам.

[782] Процесс борьбы с Фройланом Диасом, стр. 143-44.

[783] Bulario de la Orden de Santiago, Libro V, fol. 136.

[784] Напечатано Льоренте, Дипломатическая коллегия, стр. 27.

[785] Беландо, Гражданская история Испании 1700 года 1733 года, Стр. IV, глава. ix, xv (Мадрид, 1744). Смотрите также комментарий Маканаса к "*Критскому театру*" Фейджу ("Семанарио эрудито", VIII, 27-9).

Этот том работ Беландо был рассмотрен Советом Кастилии, прежде чем была выдана лицензия на печать, и был подвергнут повторной проверке по приказу Филиппа, прежде чем он разрешил посвятить его себе и своей королеве. Это, а также секретные документы, которые оно содержит, показывают, что его отчет о деле Джудиче можно считать достоверным. Это не спасло книгу от инквизиции, которая осудила ее в 1744 году, и, когда автор попросил заслушать его в свою защиту и предложил внести любые необходимые изменения, его бросили в тюрьму, а затем отправили в монастырь с приказом больше не писать книг. Льоренте, История. критика, глава. XXV, статья i, № 12.

Маркиз Сан—Фелипе рассказывает об этом деле, гораздо менее благоприятном для Маканаса и королевских прерогатив.—Воспоминания о службе в истории Испании для короля Филиппа V, III, 120кв. (Амстердам, 1756).

[786] Пучбланш, Тушь для ресниц "Инквизиция", стр. 412-15 (Кадис, 1811).

Пучбланш говорит, что у него была копия этой консультации, подписанная Маканазом в Монтобана в 1720 году. Насколько мне известно, она никогда не печаталась.

[787] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, № 210, fol.—Я напечатал этот документ в "Главах из религиозной истории Испании", стр. 483.

[788] Archivo de Simancas, Inquisition, Sala 39, Leg. 4, fol. 57.

[789] Alfonso Professione, Il Ministero in Spagna del Card. Giulio Alberoni, p. 244 (Torino, 1897).

[790] Маканас, Регалиас-де-лос-Рейес-де-Арагон, Введение. стр. xix-xxv (Мадрид, 1879).

[791] Регалиас-де-лос-Рейес-де-Арагон, Введение. стр. xxviii.

[792] Защита критики инквизиции, I, 7-10, 18, 23.

Эта работа не была напечатана при жизни Маканаса, но была издана Вальядаресом в 1788 году.

[793] Вальядарес, Семанарио эрудито, VIII, 221.

[794] Ibidem, VII, 4, 127, 138; VIII, 168.—Regalías de los Reyes de Aragon, Introd. pp. xliii-iv.

[795] Феррер дель Рио, История Карлоса III, I, 384 кв.

[796] Обзор Novísima. II, iii, 9.

[797] Льоренте, История. критика. Заглавная. XLIV, Art. 1, n. 42, 43.—Modesto de Lafuente, Historia general de España, XXII, 97, 125.

[798] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 9, fol. 144, 192.

[799] Ibidem, Sala 40, Lib. 4, fol. 153.

[800] Relazioni Venete, Серия I, Том. VI, стр. 370.

[801] Архив Алькалы, Эстадо, Лег. 3137.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 939, fol. 271.—Парамо, стр. 150.

[802] Библ. nacional, Seccion de MSS., D, 118, fol. 183.—Cabrera, Relaciones, p. 560.

[803] Архив Симанкаса, Генеалогическая регистрация, 916, fol. 66.

[804] Собрание рассуждений Оригена и др., об инквизиции, стр. 70 (Вальядолид, 1803).

[805] Архив Алькалы, Эстадо, Лег. 3137.—Архив Симанкаса, Грация и Юстиция, Лег. 621, фол. 58-60.—Библ. национальный отдел рукописей, G, 61, fol. 209-10; Pp, 28, § 13.—РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.—Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 21, fol. 60.

[806] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 21, fol. 256.—Библия. nacional, *ubi sup.*—Archivo de Alcalá, *ubi sup.*—Parets, Sucesos de Cataluña (Memorial hist. испанский, XXI, Приложение. стр. 398).—Картас де Иезуитас (Память. история. испан. XVI, 81, 205).

[807] Архив Алькалы, *поддержка ubi.*—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 33, fol. 846; Библиотека 35, fol. 509.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, т. 17.

[808] Archivo de Alcalá, Hacienda, Legajo 544² (Libro 10).—Bibl. nacional, Отдел рукописей, 61, fol. 22.—Процесс уголовного преследования брата Фройлана Диаса, стр. 222.

[809] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 384.

[810] Там же, Libro 939, fol. 136.

[811] Там же, Libro 978, fol. 36.

[812] Архив Симанкаса, Libro 29, fol. 59.

Примечательно, что короли всегда обращались к инквизиции “por ruego y encargo” и никогда “por mandamiento”.

[813] Там же, Инквизиция Барселоны, Кортес, Легахо 17, fol. 9.

[814] Архив де Симанкаса, Libro 20, fol. 340; Libro 26, fol. 37; Libro 43, fol. 297.

[815] Там же, Libro 3, fol. 24, 397; Libro 5, fol. 8, 16, 21.

[816] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, фол. 248, 250, 252.

[817] Архив Инквизиции де Симанкас, Библиотека 76, fol. 227; Сала 40, Библиотека 4, fol. 139.

[818] Там же, библиотека. 5, fol. 16.

[819] Там же, библиотека 940, fol. 34.

[820] Там же, библиотека 5, фол. 29; Библиотека 73, фол. 106, 107, 301; Библиотека 940, фол. 35, 36, 40, 41.

[821] Там же, Библиотека 78, fol. 162.

[822] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, фол. 107, 110; Библиотека 939, фол. 134; Библиотека 940, фол. 41, 42.

Прагматика 1534 года, отказавшаяся от королевских притязаний на конфискации под властью короны Арагона, могла иметь лишь временное действие.—Ibidem, Lib. 939, fol. 9.

[823] Там же, библиотека 939, fol. 134; Сала 40, Библиотека 4, fol. 164.

[824] Архив Симанкаса, Библиотека 80, fol. 2, стр. 2; Сала 40, Библиотека 4, fol. 252.

[825] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, фол. 201, 203.—Библ. nacional, Seccion de MSS., R, 90.—Páramo, p. 138.

[826] Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морисков, стр. 184-6 (Мадрид, 1889).

[827] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 384.

[828] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 168, 169, 172.

[829] Копия. de las Indias, Lib. I, Тит. xix, Лейес 10, 11, 12, 30, § 1.—Солорзани из Индии. Gubern. Библиотека. III, глава xxiv, № 11.—Архив де Симанкас, Инквизиция, 1465 г., fol. 78; Libro 40, fol. 44, 57, 74, 77, 85, 91, 103, 128, 139.

[830] Archivo de Simancas, Libro 35, fol. 456.

[831] Там же, стр. 281; Libro 21, стр. 224, 251.

[832] Там же, Libro 40, fol. 218, 328; Libro 36, fol. 74.

[833] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 23, фол. 63.

[834] Там же, Libro 38, fol. 281, 303, 398; Legajo 1465, fol. 36-8, 50.

[835] Там же, Libro 40, fol. 85, 139.

[836] РУКОПИСЬ Библ. национальный университет Лимы, Легаджо 225, Экспресс 5278.

[837] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 69, fol. 2, 69, 156, 563.

[838] Библ. nacional, Seccion de MSS Q, 4.

[839] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 157.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 559.

Ликование, как мы увидим ниже, заключалось в уходе на пенсию с половинным жалованьем.

[840] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 13, п. 2, fol. 6, 13, 17; Часть 14, п. 1, fol. 42.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 27, fol. 87; Libro 28, fol. 275.

[841] Инструкции 1484, §§ 3, 7 (Аргуэлло, fol. 3, 4).—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 933. (См. Приложение.)

[842] Архив gén. de la C. de A., Reg. 3684, fol. 83, 89, 102.

[843] Болетин, XV, 594, 596.

[844] Инструкция 1498 г., § 5. (Аргуэлло, fol. 12.)

[845] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 1; Libro 933.

[846] Там же, Libro 1; Libro 2, fol. 9.

[847] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 3, т. 135, 137, 169, 270; Библиотека 933, т. 125; Библиотека 72, стр. 1, т. 72; Стр. 2, т. 20. (Аргуэльо, фол. 20, 25.)

[848] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 236.

[849] Симанс де Катол. Institt. Tit. xxiii.—Cf. R. Bellarmini de Potestate Papæ cap. 3.

[850] Солорцано де-юре Индиярум, Том. Я, Либ. III, глава i, № 92. — В этом Солорзано преувеличивает главу 3 Шестого Толедского собора (Агирре, III, 409).

Все это серьезно выдвигается Антонио де Айалой, налоговым инспектором Валенсии, в качестве аргумента в пользу освобождения инквизиции от налогообложения.—Арх. история. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, no. 1, fol. 11.

[851] Córtes de Madrigal, 1476 (Córtes de los antiguos Reinos, IV, 74, 80).—Nueva Recop. Библиотека. II, Раздел v, Лейес 36-39.—Сальгадо де Сомоса, Защита региона, П. I, главы 1, 2

[852] Эта седула не включена в Recopilaciones, но напечатана Сальгадо де Сомосой, De Retentione Bullarum, П. II, глава xxxiii, п. 13, и Портокарреро, указ. соч., § 74. Есть также копии в Bibl. nacional, рукопись, Сс, 58, fol. 5; Архив де Симанкаса, библиотека 30, fol. 146; Библиотека 939, fol. 300, и в рукописи Библиотеки Университета Галле, Yc, том 17.

[853] Архив Симанкаса, Libro 20, fol. 340.

[854] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.

[855] Библ. национальное собрание, Раздел рукописей, X, 157, fol. 244.

[856] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 13, fol. 16. Льоренте, Аньялес, I, 277.

[857] Новая редакция. Весы IV, Тит. 1, лей 18. —Великая консультация, 1696 (Библ. nacional, Seccion de MSS., Q, 4).

[858] Archivo de Simancas, Libro 927, fol. 323; Libro 21, fol. 84, 110; Libro 50, fol. 82. Библия. национальное собрание, Раздел рукописей, X, 157, fol. 244.

[859] Портокарреро, Закон о компетенции и т.д., § 52.

[860] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 940, fol. 196.

[861] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XXVI, статья ii, п. 20-4.

[862] Портокарреро, указ. соч., § 73.

[863] Для юрисдикции инквизиции Сьюдад-и-Рейно-де-Гранада, Гранада, 1642 г. (РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, арх. S., 130).

[864] Библ. nacional, Seccion de MSS., D, 118, fol. 151.

[865] Архив gén. de la Corona de Aragon, Legajo 528.—Некоторые выдержки из этого документа см. В Приложении.

Различные документы по обеим сторонам этих вопросов можно найти в архиве Симанкаса, Libro 62, fol. 160, 312.

[866] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 32, fol. 56, 58. (См. Приложение.)

[867] Там же, Libro 25, fol. 58

[868] Архив Симанкаса, Инквизиция, 1465 год, тома 2-8.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. 17.

[869] Инструкции 1484, § 21. (Аргуэльо, фол. 7.)

[870] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 31, fol. 193, 194. (См. Приложение.)

[871] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XXVI, ст. 3. п. 11.

[872] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 73.—Это официальное руководство, составленное арагонским секретарем Верховного суда. Первоначально выпущенное около 1568 года, оно переиздавалось в 1592, 1607 и 1628 годах. Мои ссылки даны на последнее издание.

Несколько иная формула этой клятвы приведена Парамо, стр. 573.

[873] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 688, fol. 514.—РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Legajo 1, Lib. 11, fol. 158.

[874] Орден де Процесар, fol. 72.

[875] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 12, fol. 29. —Библия. nationale de France, fonds français, 2881, fol. 7

[876] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 39, Раздел 4, fol. 41.

[877] Портокарреро, указ. соч., § 1.—Солорзани де Индиар. Gubern., Lib. III, глава xxiv, № 16. — Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, Lib. 3, fol. 49-69.

[878] Архив де Симанкаса, Libro 939, fol. 63.—Ср. Краткое содержание. Трезубец. Сессия xxv, De Reform. cap. 3. Феррарис, Prompta Bibliotheca, s. v. *Исполнительный комитет*. Статья 5, п. 17.

[879] C. Trident, *ubi supp.*

[880] Bulario de la Orden de Santiago, Libro I de copias, fol. 10, 13, 15.—“Et quibuscunque iudicibus et personis quibus tibi inhibendum videbitur etiam sub censuris et privationis et inhabilitatis poenis inhibendi.”

[881] Bulario de la Orden de Santiago, Libro IV, fol. 118, 137; Libro V, fol. 117, 136, 138, 151, 199, 200, 251, 264, 295.—Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Leg. 629.

Этот пункт, вероятно, объясняет особенность в вопросе о поручении Манрике де Лары. После смерти Кироги 20 ноября 1594 года Климент VIII выдал Манрике 10 февраля 1595 года поручение о передаче его Кирогe с теми же полномочиями на шесть месяцев, пока не будут составлены дальнейшие письма. Затем, 1 августа 1595 г., составляется полное подробное поручение, содержащее этот пункт (Bulario, *loc. cit.*, 118, 119). Новый пункт, должно быть, вызвал длительные дебаты, потребовав пять месяцев для его урегулирования.

[882] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 338.

[883] Парамо, стр. 537.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Калифорния, Том. 17.

[884] Архив Симанкаса Инквизиции, Libro 939, fol. 65; Libro 941, fol. 5; Libro 71, fol. 143.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 300.—Рукопись Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente 5270.

[885] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 318^b, стр. 302.—Библ. nacional, Seccion de MSS., D, 118, fol. 170.

[886] Солорцано, Де Губернаторство Индии, Библиотека III, Тит. xxiv, № 53.—РУКОПИСЬ Библ. nacional de Lima, Protocolo 228, Expediente 5287.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Legajo 1465, fol. 63.

[887] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 528, n. 2.

[888] РУКОПИСЬ Бодлианской библиотеки, арх. С., 130.—Картас де Иезуитас (Мемориальная история. español, XVII, 70-75).—Juan Gomez Bravo, Catálogo de los Obispos de Córdoba, p. 643.

[889] Ариньо, Суцесос Севильи, стр. 103, 105; Приложение (Севилья, 1873).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 937, fol. 220.

[890] Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 1465, fol. 46.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Libro 8.

[891] Портокарреро, указ. соч., § 57.

[892] Глава 9 в Sexto, библиотека V, Раздел ii.

[893] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 4, n. 3, fol. 25.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 688, fol. 289.

[894] МИСС *пенес меня*.

[895] Archivo gén. de la C. de Aragon. Закон. 528, № 23.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 21, фол. 140.

[896] Грациани Декрети П. II, Кауз. XVII, Q, IV, с. 29.

[897] Bulario de la Orden de Santiago, Libro I de copias, fol. 139.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Legajo 1049.

По какой—то причине аналогичная записка была получена от Павла V, 29 ноября 1606 г. -Архив Алькалы, лок. цит.

[898] Буллар. Римлянин. II, 198.

В Италии этому ни в коем случае не позволялось оставаться мертвой буквой. В 1590 году мы случайно услышали о том, как инквизитор Кремоны смягчил наказание светской рукой троим преступникам под буллой. Однако в некоторых случаях нанесения телесных повреждений или угроз свидетелям галеры были заменены смертной казнью. Более того, в римской инквизиции царил дух примирения, что резко контрастировало с испанской. Когда в 1635 году в Мачерате несколько мирян были арестованы за нанесение телесных повреждений некоторым должностным лицам трибунала и возник вопрос о юрисдикции, Конгрегация приказала гражданскому губернатору рассматривать дела в качестве своего делегата и не применять буллу *Si de protegendis*, поскольку нанесение телесных повреждений произошло не из-за враждебности к Святой Канцелярии.—Decreta Sacr. Конгр. S^{ti} Officii, pp. 34, 202 (R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. del S. Offizio, Vol. 3).

[899] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 939, fol. 144.

[900] Комментарий Pegnæ. lxi напрямую в Америку. Запрос. П. III.

[901] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Часть 15, следующая за 20; Там же, Libro 940, следующая за. 45.—Библия. национальное издание рукописей, стр. V, 3, № 69.

[902] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 925, fol. 681.

[903] Archivo de Simancas, Inquisicion, Visitas de Barcelona, Leg. 15, fol. 9.

[904] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 940, fol. 190.

[905] Франчина, Краткое Руководство инквизиции Сицилии, стр. 72-5, 93 (Палермо, 1744).

[906] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 528, n. 3.

[907] Сетевой адаптер. Antonii Bibl. nova, II, 140.—Llorente., Hist. крит. Глава XXIX, ст. 2, № 10.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.

[908] Новизна. Копия., Библиотека. I, Тит. v, лейес 14, 15.

[909] Глава 3 в Sexto, библиотека. III, Тит. xxiii.—Глава 1 Клементин., Библиотека. III, Тит. xvii.

[910] Дормер, Аньялес де Арагон, стр. 132, 155.

[911] О многочисленных и обширных привилегиях идальго см. Бенито де Пеньялоса и Мондрагон, "Синко Экселенсиас дель Эспаньол", фол. 88 (Барселона, 1629).

[912] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 52.—Там же, Libro 13, стр. 386.

[913] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1465, fol. 27; Libro 939, fol. 144.—Библ. nacional, Seccion de MSS., D, 118, p. 102.—Modo de Proceder, fol. 45 (Bibl. национальный, D, 122).

[914] Библ. национальный сборник рукописей, S, 88, стр. 102.

[915] Архив де Симанкаса, Libro 21, fol. 37; Раздел 1465, fol. 27

[916] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 40, fol. 168, 203, 212, 229, 294.—Порядок действий, фол. 9 (Библ. национальный отдел рукописей., D, 122). —Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 13, n. 2, fol. 42; Legajo 299.

[917] Архивная история. национальный, Инквизиция Валенсии, Часть 14, № 2, fol. 28; Картадель Консехо, Часть 16, № 9, fol. 7.

[918] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, n. 1, fol. 11, 222.—Библ. национальное собрание, Отдел рукописей, D, 118, n. 2, fol. 17.

[919] Порядок действий, fol. 44 (Библ. национальный, D, 122).

[920] Порядок действий, fol. 45 (*цит. по*).

[921] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 926, fol. 26.

[922] Конституции Суда 1599 года, № 51 (Барселона, 1603, fol. xvii).—Archivo de Simancas, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 5.

[923] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 32, fol. 110.

[924] Consulta magna (Библ. nacional, Seccion de MSS., Q, 4).

[925] Ant. Rodríguez Villa, La Corte y Monarquía de España, p. 16.

[926] Великая консультация 1696 года (Библ. национальный, рукопись, Q, 4).

[927] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 3, fol. 78.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 222. —Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 122.

[928] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, этап 3, следующий., 71, 76, 101, 109, 111, 121, 123, 124, 125, 188, 213; Этап 13, № 2, следующий. 71.

[929] Там же, Раздел 14, n. 1, fol. 148.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 27, fol. 85.

[930] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 16, № 6, последующие 10, 19, 38; Часть 4, № 3, последующие. 103, 115, 142, 166, 311.

[931] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 559.—Архив Севильи, Секция примера, Carpeta 58, № 454 (Севилья, 1860).

[932] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 109.

[933] Порядок действий, fol. 77 (Библ. nacional, MSS., D, 122).—Archivo de Simancas, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Legajo 17, fol. 20.

[934] Смотрите "Библиотеку четырех Сеньоралов", Барселона, 1634 год.

[935] Портокарреро, указ. соч., § 57.

[936] Саяс, Аньялес-де-Арагон, глава 85, стр. 567.

[937] Архивная история. национальное расследование инквизиции Валенсии, Часть 5, п. 1, fol. 298, 313, 339, 405.—Портокарреро, указ. соч., § 58.

[938] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 688, fol. 66. Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, № 6, fol. 634; Часть 8, № 2, fol. 73.

[939] Гомесии де Ребус жестис о. Хименео, Библиотека V, fol. 140.

[940] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 688, fol. 529.—Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, п. 18.

Аналогичная договоренность существовала в Барселоне, и в 1532 году Верховный суд приказал инквизиторам не допускать принуждения фамильяров к уплате этого взноса.—Archivo de Simancas, Libro 77, fol. 44.

[941] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 19, fol. 289; Libro 688, fol. 66, 255.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, п. 6, fol. 199.

[942] Фуэрос и де Корте в Барбастро-и-Калатаюд, аньо де 1626 (Сапагоса, 1627, стр. 20).—Archivo gén. de la C. de Aragon, Leg. 528, п. 3.

[943] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 20, fol. 54; Библиотека 62, fol. 457.

[944] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 528, п. 3.

[945] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 38, fol. 22; Libro 62, fol. 457, 526, 528, 544; Библиотека 922, fol. 453.

[946] Библ. nacional, MSS., Mm, 464.—Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Leg. 621, fol. 45, 46.

[947] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, фол. 47, 48.

[948] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 939, fol. 63, 64.

[949] Там же, Libro 940, fol. 220, 221. Отлучение от церкви с *запоздалой сентенцией* действовало само по себе, когда акт был совершен, и не требовало опубликования. Это было одно из худших церковных злоупотреблений, и в позднее средневековье оно применялось так широко, что люди едва ли знали, были ли они отлучены от церкви по какому-то приказу, о котором они никогда не слышали.

[950] Это злоупотребление существовало в Англии под названием Снабжения и преимущественной покупки, но там оно было ограничено королевским двором. Это неизбежно привело ко многим злоупотреблениям и было заменено в 1660 году акцизом на солод и спиртные напитки на 12 Кэролов. II, глава 24, §§ 12-27.

- [951] История архива. национальная инквизиция Валенсии, 7-е автографы, Часть 391, 494; Часть 2, № 18; Часть 13, № 2, № 11.
- [952] Улицы Леона и Кастильи, Т. I, II (Мадрид, 1861-3).—Кольмейро, Улицы Леона и Кастильи, II, 122, 124, 136, 150, 162-3, 181, 193, 201, 277.
- [953] *Fueros y Ordinacions del Reyno de Aragon*, Библиотека. VII (Сарагоса, 1624, стр. 131.)
- [954] Аргуэлло, фол. 22.
- [955] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 1; Libro 939, fol. 144.
- [956] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 2, fol. 304.
- [957] Паретс, Сучесос-де-Каталония (Память. история. Испанский, XX, 150-182; Приложение, стр. 219, 299, 301, 312).
- [958] Маканас, Регалиас-де-лос-Рейес-де-Арагон, стр. 111 (Мадрид, 1879).
- [959] Кандамо, указ. соч. (Valladares, *Semanario erúd.*, IV, 13).
- [960] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 939, fol. 144.
- [961] Фуэрос и Актос де Кorte де Сарагоса, 1645-6 гг. (Сарагоса, 1647, стр. 10).
- [962] Архив gén. de la C. de Aragon, Fondos del Concejo de Aragon, Leg. 708.
- [963] Archivo de Simancas, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 20.—Actos de Corte del Reyno de Aragon, fol. 96 (Zaragoza, 1664).
- [964] Архив де Симанкаса, Libro 23, fol. 42; Раздел 1157, fol. 23—Modo de Proceder, fol. 41-2 (Bibl. nacional, рукопись, D, 122).
- [965] Исторический архив, национальная инквизиция Валенсии, Этап 2, № 18.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 23, fol. 42.
- [966] *Fueros y Actos de Corte*, стр. 12 (Сарагоса, 1647).—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 122.
- [967] Архив де Симанкаса, Libro 26, fol. 69; Libro 66, fol. 78.—Archivo de la C. de Aragon, Fondos del Concejo de Aragon, Leg. 708.
- [968] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 18.
- [969] Там же, Legajo 390.
- [970] Autos Acordados, Библиотека. VI, Тит. xiv, автограф 4.
- [971] Архивная история. nacional, Inquisicion de Valencia, Legajo 14, n. 2, fol. 9.
- [972] Там же, Legajo 299.
- [973] Поставщики автомобилей, *ubi supp.*
- [974] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Часть 4, № 2, fol. 79; Часть 16, № 5, fol. 4.

- [975] Там же, Варианты, Раздел. 392; Раздел. 492, № 27.
- [976] Там же, Раздел 398; Картас дель Консехо, Раздел 17, n. 3, fol. 22.
- [977] Смотрите "Инквизицию средневековья" автора, I, 382 кв.
- [978] См., например, *Вид де Д. Диего, Дуке де Эстрада* (История Испании, XII, 47).
- [979] Конституции Каталонии, Lib. IX, Тит. хіх, главы 3, 4 (Барселона, 1588, стр. 495).—Новизна. Перераб., Lib. XII, Тит. хіх, страницы 2, 8, 15.
- [980] Майкл Альберт, *Repertorium de Pravitate Hereticorum*, s. v. *Arma* (Валентия, 1494).
- [981] Архив gén. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, fol. 89.
- [982] Инструкции 1498, § 2 (Аргуэлло, следующий раздел 12).
- [983] Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 3, fol. 96, 125.—Bibl. национальный, рукопись, D. 118, fol. 20.
- [984] Прагматика и другие проблемы Каталонии, Библиотека. I, Тит. viii, глава 1, § 16.
- [985] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 933.
- [986] Ibidem, Sala 40, Lib. 4, fol. 98.—Bibl. nacional, рукопись, D, 118, fol. 20.
- [987] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 33.—Библия. nacional, рукопись, D, 118, fol. 20; D, 146.—Рукопись Бодлианской библиотеки, Arch. S, 130.
- Однако эта статья была опущена в Конкордии Валенсии 1568 года.
- [988] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 20.—Портокапперо, § 57.
- [989] Библ. национальный, рукопись, D, 146. —Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 5, n. 2, fol. 76.
- [990] Archivo de Simancas, Visitas de Barcelona, Legajo 15, fol. 20.
- [991] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 19, fol. 161; Библиотека 927, fol. 329.
- [992] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 6, fol. 48, 225.
- [993] Archivo gén. de la C. de Aragon, Leg. 528.—Actos de Corte del Reyno de Aragon, fol. 94 (Zaragoza, 1664).—Bibl. национальный, рукопись, D, 146.
- [994] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 8, n. 2, fol. 405-7.
- [995] Там же, Раздел 1, № 3, следующий. 49.—Библ. nacional, MSS., D, 118, fol. 20; fol. 54, n. 21; Ibidem, D, 146.

The commission as familiar issued March 7, 1642, by the tribunal of Toledo to Francisco de Gayeta of Madrid, says “y os damos licencia y facultad para que podais traer armas, asi ofensivas como defensivas, publica y secretamente, de dia y de noche, y mandamos en virtud de santa obediencia y so pena de excomunion mayor y de cincuenta mil mrs. para gastos desto Santo Oficio, á todas las

dichas justicias y á sus alguaciles, executores y ministros no os toman las dichas armas ni os quebranten los dichos privilegios y exempciones de que los dichos familiares pueden y deben gozar, con sus personas y bienes, ni sobre ello os molesten ni ynquieten en manera alguna.”

[996] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 8, № 2, fol. 407; Часть 9, № 1, fol. 436, 476, 499.

[997] Это был здравый закон инквизиции, что Супрема доказал, сославшись на авторитеты. Смотрите, например, комментарий Пегне. 105 в деле Eumerici Director. P. III и Bordoni Sacrum Tribunal, глава 40, Q, 16, n. 24.

[998] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 3, fol. 49-69.

[999] Ibidem.

[1000] Библия. национальный, рукопись, R, 102, fol. 142.

[1001] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 3, fol. 49, 59, 64.

[1002] Новизна. Копия, Весы XII, Тит. xix, лейес 16-19.

[1003] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 15, n. 11, fol. 45.

[1004] Новая редакция. Весы VI, Тит. iv, лей 7.

[1005] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 979, fol. 26.—Библия. nacional, Рукопись, D, 118, fol. 20.

[1006] Конкордия Валенсии 1568 года, ст. 14 (РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив S, 130).

[1007] Постановления и общие привилегии и т.д. Правительства Мальорки, стр. 323 (Майорка, 1663).

[1008] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 36, фол. 92, 98.

[1009] Там же, Libro 49, fol. 240; Libro 23, fol. 42.

[1010] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 36, fol. 5, 92.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 222.

[1011] Там же, Libro 23, fol. 42; Libro 49, fol. 270.

[1012] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Легаджо 498.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 182.

[1013] Новизна. Перепис., Библиотека. VI, Тит. vi, лей 7, § 2; лей 14, глава 35, §§ 4, 28, п. 7.

[1014] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 559.

[1015] О сложном процессе изоляции Каталонии, который в некоторой степени сводился к первичным выборам, см. Capitols de Cort 1585, главы 5, 6, 71, 72 (Барселона, 1685, fol. 5-9, 46).

[1016] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 67, fol. 22; Библиотека 68, fol. 59.

- [1017] Портокарьеро, указ. соч., § 57.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 68, fol. 61; Libro 919, fol. 59; Инквизиция Барселоны, Кортес, Legajo 17, fol. 60.
- [1018] Там же, Libro 919, fol. 58, 60, 65.
- [1019] Конституции Каталонии, Библиотека. I, Тит. lvi, глава 15.
- [1020] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 20.
- [1021] Конституции Каталонии, Lib. I, Тит. lvi, глава 16.
- [1022] Архив де Симанкаса, *ubi sup.*, fol. 56.
- [1023] Там же, fol. 2, 28, 5.
- [1024] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, Участок 17, фол. 87, 10, 92, 9.
- [1025] Архив Симанкаса, Inq. de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 2, 9, 14.
- [1026] Libro XIII de Cartas, fol. 215 (РУКОПИСЬ Американского философского общества).
- [1027] Постановления Правительства Мальорки, стр. 297.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 68, fol. 98; Библиотека 69, fol. 97.
- [1028] Там же, Libro 68, fol. 32, 97, 224.
- [1029] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 9.
- [1030] Порядок действий, fol. 40 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).
- [1031] Льоренте, Hist. критерий. Крышка. XXVI, статья ii, п. 11.—Архив Симанкаса инквизиции, Libro 918, fol. 1053.
- [1032] Fueros y Actos de Corte en Zaragoza, 1645-6, стр. 11-12 (Сарагоса, 1647).
- [1033] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299.
- [1034] Новизна. Копия., Библиотека. I, Раздел iv, лей 4.
- [1035] Мендоса, Герра-де-Гранада, стр. 71 (Изд. Рибаденейра).
- [1036] Фуэрос-дель-Рейно-де-Арагон, Библиотека. I, Тит. *О его отношении к церкви* (Сарагоса, 1624).
- [1037] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 13, fol. 120.
- [1038] Там же, Libro 926, fol. 33.
- [1039] РУКОПИСИ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.
- [1040] Архив Симанкаса, Визитас де Барселона, Этап 15, следующий. 20.
- [1041] РУКОПИСИ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.

[1042] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 28.—*Constitutions del Cort* 1599, стр. 50 (Барселона, 1635, fol. xvii).

[1043] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 32, fol. 109.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.

[1044] *Fueros y Actos de Corte*, стр. 11 (Сапагоса, 1647).

[1045] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244.

[1046] История архива. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, № 3, fol. 16, 406.—Библ. nacional, рукопись, R, 102, fol. 169.

[1047] Я довольно подробно рассмотрел этот предмет в “Исследованиях по истории церкви”, стр. 177 кв.

[1048] *Breve Memoria* (Döllinger, Beiträge zur politischen, kirchlichen u. Cultur-Geschichte, III, 207).

[1049] Площадь Ле-Плат, Памятник. Консилиум. Трезубец., Том V, стр. 84, 565.

[1050] Сборник документов, V, 83, 85.—См. также Карранса, Сборник комментариев по катехизису, fol. 230.

[1051] Настоящий Орден, Библиотека. III, Тит. 1, листы 4, 5 (*Salmanticæ*, 1560, стр. 790, 793).—Новизна. Перераб., Lib. II, Тит. i, листы 6, 7, 8, 12; Lib. XII, Тит. xii, лист 6.

[1052] Новизна. Копия., Библиотека. II, Тит. ii, лейес 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 18, 22, 23.

[1053] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 32, fol. 19.

[1054] Инструкции 1498 года, § 2 (Аргуэлло, fol. 12).—Архив Симанкаса Инквизиции, Libro 939, fol. 144.

[1055] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[1056] Там же, Libro 13, fol. 385, 386; Lib. 2, fol. 7, 10.

Трибуналу Мурсии принадлежала седула Фердинанда от 28 февраля 1505 года, предписывающая выплату долга должностному лицу, в которой он использовал выражение о том, что инквизиторы являются судьями во всех делах должностных лиц и министров. Это, по—видимому, рассматривалось как основание для последующего расширения юрисдикции, поскольку Верховный суд 22 ноября 1635 г. распорядился отправить ему оригинал, и стенограмма сохранилась в трибунале.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 204.

[1057] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 3, fol. 104, 151, 242.

[1058] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 219.—*Pragmáticas y altres Drets de Cathalunya*, Lib. I, Тит. viii, глава 2.

[1059] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[1060] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 925, fol. 680.

[1061] Там же, Библиотека 3, fol. 452.

[1062] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 1; Lib. 939, fol. 149.—Рукопись Бодлианской библиотеки, Arch. S, 130.

[1063] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 147.

[1064] Там же, стр. 144.

[1065] Там же, Vistas de Barcelona, участок 15, fol. 20. Краткое изложение дел, составленное, по—видимому, около 1582 года, можно найти в архиве Симанкаса, Лег. 1465, фол. 79.

[1066] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 7, fol. 6; Библиотека 13, fol. 20, 370, 372; Библиотека 688, fol. 18; Visitas de Barcelona, Часть 15, fol. 20. Исторический архив. национальный, Инквизиция Валенсии, Часть 5, п. 1, fol. 200.—Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente, 5288.

[1067] Архив Симанкаса, Сала 40, Библиотека 4, fol. 206.

[1068] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, фол. 244.

[1069] Библия. nacional, MSS., X, 157, fol. 244.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, fol. 149.—Все это показывает, насколько ошибочно утверждение Льюренте (Hist. критерий. Крышка. XLVII, ст. 1) повторено Родриго (III, 365) и другими, что Карл V в 1535 году приостановил королевскую юрисдикцию (в соответствии с которой инквизиция ведала делами своих должностных лиц) и восстановил ее в 1545 году. Это действие было ограничено трибуналом Сицилии. Анонимный автор *Дискурсивного историко-правового сборника Оригена и др. об инквизиции*, стр. 93 (Вальядолид, 1803), кажется, единственный, кто признал это.

[1070] Кольмейро, Кортес-де-Леон-и-де-Кастилия, II, 217.

[1071] Библ. национальный, Рукопись, X, 157, fol. 244.—Рукопись Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.

[1072] Новая редакция, библиотека. I, Тит. i, лей 18.—Новизна. Перепис., Библиотека. II, Тит. vii, лей 1.

Небезынтересно отметить, что привилегии должностных лиц и приближенных римской инквизиции были гораздо более ограниченными, чем в Испании. Фамильяры не освобождались от общественного бремени, обязанностей или военной службы и подлежали рассмотрению в светских судах по всем уголовным делам. Когда в 1633 году жители Джези обратились с просьбой о рассмотрении их гражданских исков инквизицией, Конгрегация даже не ответила им. Единственными должностными лицами, имеющими право на форум, были лица, постоянно находящиеся на действительной службе, и ничего не сказано о том, что жены, дети и слуги пользуются этой привилегией. Как и в Испании, количество фамильяров было чрезмерным. Фаэнце было разрешено 50, Анконе 40 и Римини 30.—Decret. Sacr. Конгр. S^{ti} Officii, pp. 197-8, 200 (R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. del S. Offizio, vol. 3).

[1073] Единственный намек, который я встретил на это, - это ссылка на это в аргументации алькальдов дель кримен Гранады по делу Херонимо Паломино. Копия находится в Бодлианской библиотеке, Arch. S, 130.

[1074] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 202.

[1075] Библ. nacional, Рукопись, X, 157, fol. 144.—Новизна. Переиздание, Библиотека. II, Тит. viii, лист 10.

[1076] Посмотрите случай Монтальво и дель Агила в 1642 году, когда аргументы в основном касались этого пункта (Рукопись Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130). Также это касается дел Франциско, около 1650 года, когда обе стороны смогли сослаться на прецеденты в свою пользу.—Свод. история. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 1, fol. 638.

[1077] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 125.

[1078] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 38, fol. 264.—Новая редакция, Библиотека V, Раздел xxi, Декларации, лей 21, §§ 9, 10.—Официальные документы, Библиотека V, Раздел xxi, Документы 13, 16, 21, 22, 25.

[1079] Autos Acordados, Библиотека. IX, Тит. viii, Автограф 6. —Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 10, n. 2, fol. 146.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 265.

[1080] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 23, fol. 42.—Ibidem, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Legajo 1, fol. 45.

[1081] Там же, Sala 40, Lib. 4, fol. 107.

[1082] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 922, fol. 17; Инквизиция Барселоны, Кортес, Раздел 17, fol. 75.

[1083] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив С, 130.

[1084] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 247.

[1085] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 86.

[1086] Гашар, Дон Карлос и Филипп II, Т. I, стр. 100-2.

[1087] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 13, fol. 370-2.

[1088] РУКОПИСИ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130.

[1089] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 688, fol. 59.

[1090] Рохас де Эретицис, Р. I, n. 446.

[1091] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 5, n. 1, fol. 150.

[1092] Там же.

[1093] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, № 1, fol. 766; Часть 8, № 2, fol. 171, 172, 200, 219, 277, 322, 440, 442.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 20, fol. 134-42.

[1094] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 38, fol. 14.

[1095] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 3, fol. 26.

[1096] Бланкас, Арагонский повторный комментарий, стр. 26 (Цезарь Август, 1598).—Хулиан Рибера, "Судьи Арагона" (Сарагоса, 1897).

[1097] Fueros y Observancias del Reyno de Aragon, Библиотека. I, fol. 21-3; Lib. III, fol. 69-84 (Zaragoza, 1624).—Actos de Cortes del Reyno de Aragon, fol. 1 (Zaragoza, 1664).Бланкас, указ. соч., стр. 361.

[1098] Рибера, указ. соч., стр. 182.—Бланкас, указ. соч., стр. 499.—Ардженсола, Информационный центр Успешного правления Арагона, сар. xlv, lv (Мадрид, 1808).

[1099] Blasco de Lanuza, Historias de Aragon, II, 143 (Zaragoza, 1622).—Blancas, *op. cit.*, Epist. praelim., p. 2.—Macanaz, Regalías de los Reyes de Aragon, pp. 85, 91.

[1100] Fueros y Observancias del Reyno de Aragon, Библиотека. Я, фол. 23.—Dormer, Añales de Aragon, Lib. II, глава ix.—Бланкас, указ. соч., стр. 350-1.—Архив короны Арагона, Раздел 528, № 4.—Архив Симанкаса, Зал 40, Библиотека 4, фол. 262.—Библ. nacional, рукопись, Мм, фол. 122.

[1101] МИСС *пенес я*.

[1102] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 78, fol. 145, 192.

[1103] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 219.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 922, fol. 12.

[1104] Акт суда Рейно-де-Арагон, фол. 94-6 (Сарагоса, 1664).

[1105] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 108, n. 38; Dd, 145, fol. 352.

[1106] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 82, fol. 84.—Fueros de Aragon, fol. 222 (Zaragoza, 1624). Cf. Dormer, Añales de Aragon, Lib. II, глава xxxviii.

[1107] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 464.

[1108] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 30, fol. 474.

[1109] Fueros y Actos de los Córtes de Barbastro y de Calatayud, pp. 20-22, 55-6 (Zaragoza, 1626).—Archivo de la Corona de Aragon, Leg. 528.—Archivo de Simancas, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Leg. 1, fol. 12.

[1110] Архив Короны Арагона, Раздел 528, № 4.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 40, Библиотека 4, fol. 127; Библиотека 38, fol.. 205, 209, 262, 280, 290.

[1111] Архив Симанкаса, Inq., Gracia y Justicia, Leg. 621, fol. 90.

[1112] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 528.

[1113] Архивный файл. de la C. de Aragon, Leg. 528.

[1114] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, Мм, 122.

[1115] Fueros y Actos de Corte en 1645 y 1646, стр. 1-2, 11-12 (Сарагоса, 1647).

[1116] Библ. nacional, MSS., D, 118, fol. 122 (see Appendix).—Joaquin Sánchez de Toca, Felipe IV y Sor María de Agreda, p. 282 (Madrid, 1887).

[1117] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 528.—Льоренте сообщает нам (Hist, crít., глава xxxviii, ст. 1, п. 27), что Човед (или Гобеа) был пойман и предстал перед судом, но избежал виселицы благодаря упорному отрицанию под неоднократными пытками.

[1118] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 37, fol. 379.

[1119] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 38, fol. 22.

[1120] Архив gén. de la C. de Aragon, Legajo 528.

[1121] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 27, fol. 242.

[1122] Там же, Инквизиция Барселоны, Кортес, участок 17, fol. 15. Архивный документ. de la C. de Aragon, Leg. 708.

[1123] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[1124] Там же, Библиотека 3, fol. 308, 309; Библиотека 72, fol. 2.

[1125] Прагматика и другие проблемы Каталонии, Библиотека. II, Тит. viii, § 3.—Архив Симарикаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, Раздел 17, фол. 39, 41.

[1126] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, Раздел 17, следующий. 5.

[1127] Конституции Каталонии, Библиотека. I, Тит. iv (Барселона, 1589).

[1128] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 930, fol. 49. Портокарьеро, § 78.

[1129] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 2.

[1130] Там же, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 9.

[1131] Архив Симанкаса, Визитас де Барселона, Этап 15, следующий. 20.

[1132] Там же, Инквизиция Барселоны, Кортес, участок 17, фол. 74.

[1133] Там же, fol. 20, 81.

[1134] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 65, fol. 184.

[1135] Вальядарес, Семанарио эрудито, XXVIII, 219.—Сальгадо де Сомоса, уголовное дело о задержании преступников, П. II, глава xxxiii, № 137-8.—Отношения Венеции, Серия I, Т. VI, стр. 367.

[1136] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 82, fol. 52; Библиотека 65, fol. 184.

[1137] Cabrera, Relaciones, стр. 31.

[1138] Основные положения Конституции в примере со знаменитостями и каталонцами в 1599 году (Барселона, 1603).—Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, Раздел 17, fol. 2, 5, 28.

- [1139] Архив де Симанкаса, *цит. по.*, стр. 2, 5, 44.
- [1140] Бофарулла-и-Брока, История Каталонии, VII, 282-3.
- [1141] Архив Симанкаса, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, fol. 9, 67.
- [1142] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 30, fol. 474; Инквизиция Барселоны, Кортес, Раздел 17, fol. 18, 67, 87.
- [1143] Archivo de la Corona de Aragon, Fondos del Consejo de Aragon, Leg. 708.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 21, fol. 84.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.
- [1144] Паретс, Сучесос-де-Каталония (Память. история. español, XX, 91).—Archivo de Simancas, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 15, 18, 19.
- [1145] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 21, fol. 83.
- [1146] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 1, fol. 561, 572, 573, 575.
- [1147] Паретс, Сучесос-де-Каталония (Память. история. español, Том. XX, 164-82; Доп. 299, 301, 318, 426; Том. XXI, доп. 158, 193, 409; Том. XXII, 10, 27; Том. XXV, Приложение. 290.)
- [1148] Паретс, Том. XXII, стр. 30; Приложение. стр. 243.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 33, fol. 675.
- [1149] Паретс, Т. XXII, доп. стр. 308, 330; XXV, доп. стр. 391, 403.
- [1150] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 33, fol. 175, 830; Библиотека 21, fol. 309.
- [1151] Паретс, Том. XXIV, стр. 316.—Архив Симанкаса, Библиотека 65, фол. 41.
- [1152] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 65, fol. 41, 48; Библиотека 22, fol. 83.
- [1153] Там же, Библиотека 65, fol. 31, 50; Библиотека 36, fol. 74. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 2, fol. 323.
- [1154] Паретс, Т. XXIV, стр. 137, 147, 296.—Процесс против Антони Морелла (РУКОПИСЬ Ам. Философ. Общество).
- [1155] Паретс, Т. XXV, стр. 142.
- [1156] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 38, fol. 390.
- [1157] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 65, фол. 81.
- [1158] Паретс, Т. XXV, стр. 171.—РУКОПИСЬ Ам. Философия. Общество.
- [1159] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.
- [1160] Архив gén. de la C. de Aragon, Fondos del Consejo, Leg. 708.—Libro XIII de Cartas (MSS. of Am. Философ. Общество).
- [1161] Libro XIII de Cartas, стр. 240.
- [1162] Библ. nacional, Рукопись, стр. 3, № 69.—Libro XIII de Cartas (*ubi sup.*).

[1163] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 528. (Мэр альгуасия обычно был человеком высокого ранга.)

[1164] Архив gén. de la C. de Aragon, Leg. 708.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 66, fol. 179, 189, 228, 252, 283.—Bofarull y Broca, Hist. de Cataluña, VIII, 385.

[1165] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 17.

[1166] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 66, fol. 460.

[1167] Капитолий Корта-ан-ло-ан 1706, глава 34 (Барселона, 1706, стр. 70).

[1168] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Seccion Varios, Leg. 390.

[1169] Там же, Legajo 13.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 39, Раздел 4, fol. 23.

[1170] Портокарреро, §§ 21, 22.

[1171] Портокарреро §§ 51, 54, 58, 60, 61, 65, 96, 97.

[1172] Лафуэнте, историк. de España, XIV, 417, 432.

[1173] Этот отчет взят из напечатанных аргументов алькальдов, очень сдержанного и мужественного документа, копия которого находится в Бодлианской библиотеке, Arch. S, 130.

[1174] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон № 621, следующий. 5.

[1175] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон № 621, фол. 45, 47.

[1176] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 349.

[1177] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон № 621, fol. 30-45.

[1178] Три цитируемых отрывка принадлежат Симанкасу, католику. Institt. Тит. xxxiv, № 6; Суза, "Афоризмы инквизиции". Библиотека. I, глава 1, № 16, и Пенья в Eumerici Directorium, Стр. III, Комментарий. 61. Из трех Суза ближе всего подходит к тому, что хотел сказать, говоря, что чиновники инквизиции наказываются за официальные проступки теми, кто их назначает.

[1179] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, X, 157, стр. 244; D, 118, стр. 151, 188.

[1180] Consulta Magna (Библ. национальный, рукопись, Q, 4).

[1181] Архив Симанкаса, Инквизиция, Libro 20, fol. 138.

[1182] Риччи, Краткий отчет S. Congr. Иммуниатис с. в. Яичко, № 1.

[1183] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 1, fol. 157.

[1184] Там же, Раздел 1, n. 3, fol. 3, 11, 25.

[1185] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 13, fol. 145.

[1186] Порядок действий, fol. 27-9 (Библ. nacional, рукопись, D, 122). Дата этого - 1645 год.

[1187] Акт суда над Рейно де Арагон, фол. 96 (Сарагоса, 1664).

[1188] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 27.

[1189] Эти подробности представлены памятником королю, копия которого находится в Бодлианской библиотеке, Arch. S, 130.

[1190] Bravo, Catálogo de los Obispos de Córdoba, p. 580.

[1191] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 29, fol. 177; Библиотека 30, fol. 1 (см. Приложение).

[1192] Там же, Lib. 30, fol. 108.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 348.

[1193] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 52, fol. 34.

[1194] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 21, fol. 346; Библиотека 52, fol. 26, 37; Библиотека 54, fol. 64.—Буллар. Роман., V, 367.

[1195] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 52, fol. 86.

[1196] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 25, fol. 23, 54, 86-105; Библиотека 52, fol. 53, 86, 92, 100, 125, 335.

[1197] Там же, Библиотека 52, fol. 335.

[1198] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 52, фол. 292, 312, 335.

[1199] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, fol. 161; Библиотека 21, fol. 300.

[1200] Там же, Legajo 1473.

[1201] Там же, Библиотека 3, fol. 425.

[1202] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 927, fol. 323.

[1203] Там же, библиотека 940, fol. 161.

[1204] Там же, Библиотека. 52, fol. 222.

[1205] Кабрера, Фелипе Второй, Lib. X, глава xviii.

[1206] Архив Симанкаса, Визитас де Барселона, Этап 15, фол. 1, 20.

[1207] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 19. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 1.

[1208] Порядок действий, fol. 31-9, 86-97 (Библ. национальный, рукопись, D, 122). —Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 365, n. 45.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 926, fol. 23.—Рохас де Херет. П. I, № 442.

[1209] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XXVII, ст. 1. п. 3, 4.

[1210] Consulta Magna (Библ. национальный, рукопись, Q, 4).

[1211] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 188.

- [1212] Autos Acordados, Библиотека. IV, Глава 1, Автограф 4, главы 13, 14, 18. —Новая редакция. Библиотека. II, Тит. vii, лист 5.—Архив де Симанкас, Инквизиция, 1465 г., фол. 99.
- [1213] Я не в курсе, что этот интересный документ был напечатан. Его копии есть в Библии. национальный, рукопись, Q, 4 и G, 344, и в Библиотеке Университета Галле, Yc, 17.
- [1214] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XXVI, статья ii, № 35; Глава. XXXIX, статья ii, № 17.
- [1215] Riol, Информация (Semanario erúdito, III, 157).
- [1216] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 3, fol. 16.
- [1217] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 178.
- [1218] Библия. nacional, рукопись, R, 102, фол. 147-60.
- [1219] Autos Acordados, Библиотека. IV, Глава i, Глоссарий 1.
- [1220] Архив Алькала, Гасиенда, участок 544¹ (Библиотека 10).
- [1221] Там же, Estado, Leg. 2843.
- [1222] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 14, n. 3, fol. 132.
- [1223] Там же, Раздел 1, n. 3, fol. 3, 16.
- [1224] Новизна. Перепись., Библиотека. II, Тит. vii, страницы 9, 10.
- [1225] Архив истории. национальный, Инквизиция Валенсии, Этап 15, № 11, следующий. 45.
- [1226] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 13, fol. 16. Процесс против Хоакина де Тьюнса (Рукопись Ам. Философ. Общество).
- [1227] Акт суда Рейно-де-Арагон, фол. 96 (Сарагоса, 1664).
- [1228] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, fol. 22.
- [1229] Там же, Visitas de Barcelona, Этап 17, следующий. 20.
- [1230] Порядок действий, fol. 21-29 (Библ. национальный, рукопись, D, 122). —Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.
- [1231] Портокарьеро, указ. соч., fol. 47, 48.
- [1232] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 16, n. 5, fol. 25, 27, 39, 52, 72.
- [1233] Там же, Раздел 17, n. 3, fol. 10.
- [1234] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 559.
- [1235] Там же, библиотека. 890.
- [1236] Там же, библиотека. 890; Библиотека. 435².
- [1237] Там же, библиотека. 890.

[1238] Портокарреро, указ. соч., fol. 52.

[1239] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 1, № 3, fol. 49; Часть 8, № 1, fol. 422, 423; Автобиография 7, Часть 2, fol. 178.

[1240] Архив Симанкаса, Инквизиция, 1465, fol. 79. Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 351.

[1241] Autos Acordados, Библиотека. IV, Раздел 1, Авто 3 (Новая версия, библиотека. II, Раздел vii, лей 3).

[1242] Архив Симанкаса, Инквизиция, Лег. 1465, фол. 42.

[1243] Архив инквизиции де Симанкаса, Закон. 1465, fol. 47; Библиотека. 918, fol. 830.—Библ. nacional, Рукопись, R, 102, fol. 157-8.—Официальные документы, Библиотека. IV, Тит. 1, Авто 5.

[1244] Новизна. Копия., Библиотека. II, Тит. vii, лей 5.

[1245] Autos Acordados, Библиотека. IV, Тит. 1, Глянец 1.

[1246] Новизна. Копия., Библиотека. IV, Тит. 1, лей 18.

[1247] Архив Симанкаса, Грация и правосудие, Закон. 621, fol. 82; Инквизиция, Закон. 1465, fol. 50. Льоренте, История. критика, глава. XXVI, статья ii, п. 3.

[1248] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 21, fol. 127.

[1249] Autos Acordados, Библиотека. IV, Тит. 1, Авто 10.—Архив де Симанкас, Инквизиция, 1465 г., фол. 41.

[1250] Флоридабланка, Мемориал Карлоса III (МИСС *Пенес ме*).

[1251] Архив Симанкаса, Libro 939, fol. 64.

[1252] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 44.

[1253] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XVI, 366).

[1254] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 141-7.

[1255] Там же, далее. 179, 182, 195-6, 199, 201, 205, 212, 217.

[1256] Там же, fol. 255-61; Визитас де Барселона, этап 15, fol. 2.

[1257] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 20.

[1258] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 125.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 32, фол. 109, 117.

[1259] Архив Симанкаса, Инквизиция Логроньо, Раздел 1, № 21, 22; Инквизиция, Раздел 1157, fol. 90.

[1260] Порядок действий, фол. 43 (Библ. национальный, рукопись, D, 122).

[1261] Discurso en razon del acuerdo que se puede tomar entre las jurisdicciones (MSS. of Bodleian Library, Arch. C. A. Подт. 13; Арх. С, 130).

[1262] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 201.

[1263] Архив Севильи, Секция примера, Карпета X, № 213 (Севилья, 1860).

[1264] Аргуэлло, Фолкленд. 23.Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 221.

[1265] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 27, fol. 88.

[1266] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 1, n. 3. fol. 16.

[1267] Там же, Раздел 5, n. 2, fol. 157, 158.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, fol. 172.

[1268] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.

[1269] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 15-26.

[1270] Архив истории. национальный, Инквизиция Валенсии, Часть 10, n. 2, fol. 178.

[1271] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 215.

[1272] Там же, fol. 180.

[1273] Процесс против Хуана Рекесенса (РУКОПИСЬ Ам. Философ. Общество).

[1274] Библия. национальный архив, рукопись, Мм, 464. де ла К. де Арагон, Раздел 528.—Архив Симанкаса, Библиотека 27, фол. 88.

[1275] Архив Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1157, fol. 90.

[1276] Депеши М. де Фуркево, I, 166 (Париж, 1896).

[1277] Порядок действий, fol. 41-2 (Библ. национальный, рукопись, D, 122).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 23, фол. 45, 57.

[1278] Discurso historico-legal sobre el Origen, Progresos y Utilidad del Santo Oficio, Introd. pp. i-iv, p. 139 (Valladolid, 1803)

[1279] Библия. национальный, рукопись, Tj, 28.—Льоренте, Аньялес, I, 252.

[1280] Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 1049.

[1281] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, fol. 58.

[1282] Парамо, стр. 224-6.

[1283] Franchina, Breve Rapporto della Inquisizione di Sicilia, p. 98.—Juan Gómez de Mora, Relacion del Auto de Fe celebrado en Madrid, este año de 1632 (Madrid, 1632).

[1284] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Часть 4, № 3, fol. 70; Часть 17, № 3, fol. 5.

[1285] Болетин, XV, 333-45; XXIII, 415-16.—Льоренте, Аньялес, I, 253.

[1286] Карбонель де Гестис Эретикор. (Колл. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 137, 139).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Lib. 72, P. I, fol. 61; P. II, fol. 72, 110.

[1287] Библия. nationale de France, fonds español, 80, fol. 44.—Llorente, Añales, II, 242.

[1288] Архив Симанкаса, Инквизиция, Визитас де Барселона, этап 15, fol. 4. Процесс против Эстевана Рамонеды, fol. 72 (Рукопись Ам. Философ. Общество).

[1289] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Раздел 1465, fol. 32; Библиотека 56, fol. 605, Льоренте, Аньялес, II, 5.

[1290] Льоренте, Аньялес, I, 213, 252; II, 3.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 4, fol. 1, 7, 104, 159, 162; Библиотека. 5, fol. 24; Библиотека. 73, fol. 211; Библиотека. 76, fol. 51, 53; Библиотека. 78, fol. 216, 258; Библиотека. 79, fol. 17, 226; Библиотека. 80, fol. 1.

[1291] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 2, fol. 8; Lib. 74, fol. 120.—Информация о Кесаде (Библ. национальная, рукопись, Tj, 28).

[1292] У. де Грей Берч, Каталог рукописей инквизиции на Канарских островах, I, xvi, 5, 6 (Лондон, 1903).

[1293] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 62.

[1294] Матуте-и-Лукен, Автобиография Кордовы, стр. 1, 75.

[1295] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. III.—Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, Раздел 113, № 6.

[1296] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 206.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. VII.

[1297] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. VI, X.

[1298] Rodríguez de Villa, La Corte y Monarquía de España, p. 47.—Cartas de Jesuitas (Mem. hist. español, XIV, 6).

[1299] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. IX, VI.

[1300] Библия. nacional, рукопись, D, 118, fol. 146, n. 49.

[1301] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 1024, fol. 28.

[1302] Архив инквизиции де Симанкас, Лег. 1474, фол. 67.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[1303] Архив Алькалы, Эстадо, Лег. 2843.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Лег. 1474, fol. 15.

[1304] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 84, 440, 445, 454; Библиотека 4, fol. 9; Lib. 933; Lib. 939, fol. 63, 139; Lib. 9, fol. 29; Leg. 1157, fol. 144; Inquisicion de Corte, Leg. 359, fol. 3.—Llorente, Añales, II, 3.

[1305] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.

[1306] Льоренте, Аньялес, II, 4.

[1307] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 940, fol. 38, 39, 53; Библиотека 76, fol. 74.

[1308] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 930, fol. 127; Библиотека 926, fol. 141; Библиотека 940, fol. 101.—Ср. Новизна. Повторная версия. Библиотека. II, Тит. vii, лей 1, примечание 9.

[1309] Шефер, Бейтраге, II, 76, 77.—Льоренте, История. критерий. Глава. XLVI, статья i, п. 11.

[1310] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 926, fol. 80.

[1311] Льоренте, Аньялес, II, 242.

[1312] Аргуэлло, Фолкленд. 1.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 1; Lib. 929, fol. 297; Sala 40, Lib. 4, fol. 164.—Llorente, Añales, II, 2.—Rodrigo, Hist, verdadera, II, 261.—Juan Gómez de Mora, Relacion del Auto de la Fe de 1632.

[1313] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 3, fol. 381.

[1314] Библия. национальный музей Франции, фонды Испании, 80, фол. 24, 26.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 72, П. I, фол. 2, 177, 198; Библиотека 9, фол. 24, 68; Библиотека 77, фол. 53.

[1315] Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 498.

[1316] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека. 1; Библиотека. 3, fol. 447; Библиотека. 5, fol. 9, 27.—Льоренте, Аньялес, II, 3.—Мисселанеа де Сапата (Память. история. español, XI, 59).

[1317] Архив Симанкаса, Реальное покровительство, Инквизиция, Лег. унико, fol. 28.—Archivo gén. de la K. де Арагон, Регистрационный номер 3684, fol. 94. Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 4, fol. 1; Legajo 1465, fol. 31, 32.—Cabrera, Relaciones, p. 107.

[1318] Архив де Симанкаса Инквизиции, Библиотека 4, fol. 95, 96; Библиотека 3, fol. 453.—Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Стр. 61.—Gams, Серия Episcoporum, стр. 55.

[1319] Архив Инквизиции де Симанкаса, Библиотека 3, fol. 316, 366; Библиотека 72, P. I, fol. 116; Библиотека 73, fol. 142, 247, 248.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.

[1320] Парамо, стр. 159.—Льоренте, Аньялес, II, 91.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 453.

[1321] Льоренте, Аньялес, II, 5.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 332, 333.

[1322] Информация о Кесаде (Библ. nacional, рукопись, Tj, 28).

[1323] Карбонель де Гестис Херет. (указ. соч. XXVIII, 83).—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 72, P. II, fol. 57, 59; Lib. 930, fol. 40; Lib. 13, fol. 372.

[1324] Бергенрот, Календарь государственных бумаг Испании, I, xlv (Лондон, 1862).

[1325] Кольменарес, История Сеговии, глава xxxiv, § 18.—Падре Фидель Фита (Болетин, XXIII, 415).—Льоренте, Аньялес, II, 3.—Процесс против Мари Наранхи; Процесс против Каталины Мачадо (РУКОПИСЬ. *пеняет мне*).

[1326] Льоренте, Аньялес, I, 217, 317, II, 3.—Архив Симанкаса, Инквизиция Корте, Раздел 359, следующий. 1.

[1327] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 9, fol. 24; Библиотека 926, fol. 141.

[1328] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 65, fol. 31, 50; Библиотека 36, fol. 74. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 2, fol. 323.

[1329] Архив gén. de la C. de Aragon, Regist. 3684.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Lib. 2, fol. 16; Lib. 72, P. II, fol. 40, 169; Lib. 74, fol. 133; Инквизиция Барселоны, Кортес, Часть 17, fol. 47, 48.

[1330] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, fol. 62. Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. VIII.

[1331] Процесс против Игнасии -; против Эстеванильо Ф. (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Seccion Varios, Leg. 13.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 39, Leg. 4, fol. 23.

[1332] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1; Библиотека 4, fol. 1; Lib. 929, fol. 63.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. VIII.—Льоренте, Аньялес, II, 3.—Библ. nationale de France, fonds espagnol, 354, fol. 242.

[1333] Информация о Кесаде (Библ. национальный, рукопись, Tj., 28).—Льоренте, Аньялес, I, 252.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 423.

[1334] Собрание Седулас, IV, 388, 400 (Мадрид, 1829).

[1335] В результате этой фиктивной оценки стоимости монет веллона подделка достигла огромных масштабов, не пресекаемых самыми суровыми наказаниями. Ввоз монет, произведенных за границей, усугублял неразбериху, поскольку это было слишком прибыльно, чтобы предотвратить его даже самыми строгими мерами. В 1614 году хронист утверждает, что после недавнего удвоения номинальной стоимости *куартос* из Англии и Голландии было привезено пять или шесть миллионов веллонских денег, уложенных в сосуды под пшеницу. Его обменяли на серебро с 30-процентной скидкой. скидка и серебро вывезли. Разработанное средство состояло в том, чтобы доставить вглубь страны на двадцать лиг от побережья иностранных торговцев, занятых в этом бизнесе, но это средство оказалось хуже болезни, и от него отказались (Cabrera, Relaciones, стр. 551, 553). Позже мы увидим, что инквизиция была вызвана, чтобы положить конец этой торговле.

[1336] При таких постоянных изменениях будет легко понять, насколько сложно оценить значения в любой особый период. В документе 1670 года я нахожу, что *доблон* конвертирован в *веллонские реалы* по курсу 1 к 81, хотя в данном случае *доблон* равнялся 4 *песо* или 32 *реалам де плата*. Аналогично этому, в другой позиции 162 *реала де плата* были преобразованы в 405 *реалов де веллон*, что показывает, что веллон был продан со скидкой 60 процентов. или монета с наценкой в 150 долларов.—Арх. de Simancas, Inquisicion, Leg. 1476, fol. 2, 61.

Невыразимая путаница, вызванная этими внезапными и произвольными изменениями юридической стоимости монет, проиллюстрирована разногласиями в 1683 году между генеральным аудитором и генеральным распорядителем Suprema в отношении ответственности последнего за наличные средства, а также квитанции и платежи на момент вступления в силу *pragmática* от 10 февраля 1680 года, в том числе по пунктам, соотношение которых было нелегко определить.—Там же, Стр. 1480, стр. 129.

[1337] Вероятно, отсюда возник обычай выдавать расписки в получении денег для резервирования или отказа, в зависимости от обстоятельств, от “*льгот и исключений из-за отсутствия денежных знаков*”.

[1338] Полную информацию о чеканке монет пятнадцатого века можно найти в Саэсе, Демонстрации Доблести лас-Монедас, корриана дуранте эль Рейнадо дона Энрике IV (Мадрид, 1805).

Что касается последующего периода, то здесь делается ссылка на весьма объемистую серию законов и указов, сохранившихся в *Новой конституции*, Lib. V, Тит. xxi; в *Автоакордадос*, Lib. V, Тит. xxi и xxii, и в *Новой конституции*, Lib. IX, Тит. xvii.

[1339] Эти инструкции являются дополнительными к тем, которые были изданы ассамблеей инквизиторов в Севилье 29 ноября 1484 года. Некоторые из них напечатаны Аргуэльо, но их нет в Инструкции гранадского издания 1537 года.

[1340] Эти инструкции частично повторяют, а частично дополняют инструкции от декабря 1484 года. Насколько мне известно, они не отредактированы. Их нет в издании Инструкций в Гранаде, и они не соответствуют фрагментам, напечатанным Аргуэльо (*Instrucciones del Santo Oficio*, Мадрид, 1630, стр. 16-23) в качестве Инструкций от января 1485 года, и Льоренте, Аньялес, I, 96-99, 388-94.

[1341] Как в гранадском издании 1537 года, так и в Аргуэлло печатаются только первые четыре статьи этих Инструкций. Льоренте описывает их (Аньялес, I, 261) как содержащиеся в семи статьях, последних двух из которых нет в этом оригинальном документе.

[1342] Дата Болоньи устанавливает время проведения этого брифинга между 10 ноября 1506 года, когда Юлий II вошел в этот город, и 22 февраля 1507 года, когда он покинул его.— Рейнальд. Летопись. ann. 1506, № 30; 1507, № 2.

[1343] Конец документа порван.

[1344] Это ср. Я купил ее у книготорговца в Мадриде и ничего не знаю о ее *происхождении*. Оно написано мелким кварто, на 62 нумерованных страницах почерком, который я бы приписал семнадцатому или началу восемнадцатого века; примерно три страницы ближе к середине написаны другим почерком, с некоторыми пробелами, заполненными переписчиком остальной части рукописи, как будто копирование было поручено второму автору, который оказался неспособным расшифровать оригинал. Эта запись несет на себе все признаки подлинности. Время от времени между ним и списком в конце Libro Verde встречаются расхождения в названиях и датах, но в целом они соответствуют, как и те судебные процессы того периода, которые я изучил из рукописи Льоренте в Национальной библиотеке. В нем содержится многое из того, чего не хватает, и кратких изложений приговоров убийцам из Сан-Педро-Арбуэса

достаточно, чтобы сделать его документом, представляющим интерес, помимо света, который приговоры в целом проливают на дело инквизиции. Я полностью переписываю предыдущую часть с заключительным словом “Resumen”. Из остального, которое состоит немногим больше, чем из списков имен осужденных и кающихся, я привожу лишь краткое изложение.

Рукопись имеет много общего с анонимным *Сочинением инквизиции*, цитируемым Льоренте (Аньялес, I, 76, 94, 114 и т.д.), Которое, по его словам, находится в *Академии истории* и было написано в 1652 году.

[1345] Амин был чем-то вроде еврейского бульона. В судебном процессе над Хуаном де ла Кабальерией в 1488 году есть намек на “хамин и отра потажи правосудия”. —Рукопись. Биб. Нац. de Paris, fonds espagnol, 81.

[1346] Пресный хлеб — “panem azmum sive *котако* комедендо” — Суд над Беатрикс де ла Каваллерия, рукопись Биб. Нат. de France, fonds espagnol, 80, fol. 175.

[1347] Общее количество - 614. При сложении допущена ошибка в 3, а также ошибки за несколько лет.

Типографские ошибки, исправленные переписчиком текста:

пресечь грабежи=> пресечь грабежи {стр. 29}

Многие начальники синода => Многие начальники синагоги {стр. 113}

Кординал Гонсалес де Мендоса=> кардинал Гонсалес де Мендоса {стр. 138}

пятьдесят всадников => пятьдесят всадников {стр. 175}

на войне с неаполем=> на войне с неаполем {стр. 184}

в письме Джанари 12 января 1501 г.=> в письме от 12 января 1501 г. {стр. 186}

с инквизицией=> с инквизицией {стр. 277}

из Игуалады, февраль => из Игуалады, февраль {стр. 277}

выразить свое удовлетворение => выразить свое удовлетворение {стр. 312}

освободить ицефа от всякого контроля => освободить себя от всякого контроля {стр. 343}

хранится в королевской канцелярии => хранится в королевской канцелярия {стр. 354}

была передана королю=> была передана королю {стр. 360}

занята трибуналом=> занята трибуналом {стр. 389}

Инквизиция, как обычно=> Инквизиция, как обычно {стр. 475}

Эта учетная запись взята из=> Эта учетная запись взята из {стр. 487 н.э.}

защитить своих знакомых=> защитить своих знакомых {стр. 511}

к которым он обратился=> к которым он обратился {стр. 511}

юрисдикция инквизиции=> юрисдикция инквизиции {стр. 521}

Генеральный архив де Симанкаса=> Генеральный архив де Симанкаса {стр. 576}